РОМАН КОРНЕЕВ
ВРЕМЯ ИСТЕКЛО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждый день приближал этот миг с неумолимостью метронома, но всё равно человечество оказалось не готово. Не спасли его от волны отчаяния перед лицом неизбежной угрозы ни опыт предыдущих трагедий, ни грандиозный труд, проделанный для собственного спасения, ни тот простой факт, что дата этого события была известна задолго до того, как все осознали его неизбежность.

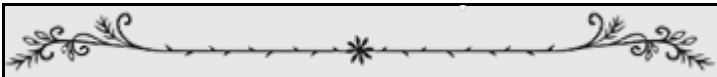
Обратный отсчёт запущен, то, чему должно случиться — обязательно произойдёт, мы шагнём навстречу большому космосу и всем его ужасам, вопрос лишь в той цене, которую человечеству придётся заплатить за четыре столетия до Века Вне.

Примечания автора:

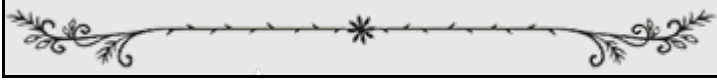
Перед вами изначально задуманный одновременно и приквел, и продолжение, и спин-офф дилогии "Время жизни" — "Время смерти". Сюжет, помимо новых историй, будет богат отсылками к ранее известным персонажам (которые тоже обернутся к нам новой стороной), а также напомнит о второстепенных героях, которые до сих пор скрывались в сайд-историях отдельных рассказов.

- ○ XXI. 08. Эффектор
- ○ XXI. 15. Хранитель
- ○ XXI. 24. Курьер
- ○ XXI. 33. Экспат
- ○ XXI. 40. Соратник
- ○ XXI. 52. Мекк
- ○ XXI. 62. Кандидат
- ○ XXI. 78. Интендант
- ○ XXI. 83. Детектив
- ○ XXI. 99. Ромул
- ○ XXII. 07. Вечный
- ○ XXII. 16. Старатель
- ○ XXII. 21. Инженер
- ○ XXII. 37. Спящий
- ○ XXII. 42. Навигатор
- ○ XXII. 53. Писарь
- ○ XXII. 69. Супердиректор
- ○ XXII. 79. Демон
- ○ XXII. 85. Немезида

- XXII. 92. Трассер
- XXIII. 03. Шериф
- XXIII. 17. Хильда
- XXIII. 23. Прокси
- XXIII. 35. Инфант
- XXIII. 44. Штурмовик
- XXIII. 56. Волонтёр
- XXIII. 67. Пандора
- XXIII. 73. Панбиолог
- XXIII. 84. Гончая
- XXIII. 93. Церебр
- XXIV. 02. Эпиметей
- XXIV. 10. Ронин
- XXIV. 29. Смотритель
- XXIV. 36. Умбра
- XXIV. 41. Патриарх
- XXIV. 50. Оставшийся
- XXIV. 64. Непобедимый
- XXIV. 76. Спаситель
- XXIV. 82. Сольтатор
- XXIV. 98. Первый



Роман Корнеев
Цикл "Корпорация". Книга 1
Время истекло



XXI. 08. Эффектор

Съезд на кольцо стоял вмёртвую, никакой крякалкой не разгонишь, одна головная боль и ответные матюги, прорывающиеся сквозь бронестекло. И главное какого чёрта он сюда потащился, запереться бы сейчас в прохладе и тиши кабинета, вопросы решать. По телефону, чтоб тебя, а тут бросай всё и тащись невесть куда на служебном «гелендвагене», время трать. А время у него ой как дорогое!

— Марат Зинюрович, так может, через область крутануться?

Поморщившись, Марат молча махнул водителю, делай, как знаешь.

И главное сколько можно напоминать, он терпеть не мог своё отчество. Папа был из советской номенклатуры, союзный замминистра, не фигня какая. В семье его все ненавидели. За горький алкоголизм, за постоянные побои. Это пьяный он добрел, по трезвой же лавочке разговаривал и с матерью, и с троими братьями одинаково жёстко, через зубы. В зубы же, коли приспичило, норовил и сунуть.

Связями отца Марат не пользовался из принципа, да они в начале девяностых и копейки не стоили. В те времена были

нужны не связи, но хватка и изворотливость. Вот так хватаешь за горло и выворачиваешь до хруста.

Марат невольно повторил указанное движение скрюченными пальцами. До чего нервишки доводят.

За стеклом меж тем уже мелькали редкие подмосковные берёзки. Это через бетонку, что ли, понесло? Оно может и правильно, с ветерком и лишняя сотка кэмэ не крюк. Случись поездка запланированной, он бы, конечно, поостерёгся без охраны вот так мотаться, бывали разные случаи в истории, но внезапность звонка тут играла ему на руку. Хрен кто его тут сможет подловить, среди бела-то дня.

Эмоциональные качели продолжали мотать его туда-обратно. Только успокоишься, так снова гнев подступает. И главное каков пацан! «Лови координаты, времени тебе два часа». И короткие гудки в трубе.

Марат бросил короткий взгляд на часы. Запас ещё есть.

Никому другому он бы не позволил с собой так разговаривать. Но это был особый случай. Хошь не хошь, а буркнешь секретарше, что на совещание, а сам бочком-бочком — и на служебную стоянку, где уже ждёт провонявший дешёвым куревом водитель Коля. Этот справен тем, что помалкивает. Мало ли куда шефу надо, по делам или по девкам, ему без разницы, за то Марат не забывал ему из собственных приплачивать, чтобы был позабывчивее да повнимательнее.

Впрочем, не будем себя обманывать, если что, сдаст его Коля на раз-два. Но что он сможет такого рассказать? Мотается, мол, дважды в год, вряд ли чаще, не пойми куда, постоит там в отдалении, и сразу назад. Никак нет, товарищ полковник, сам-один стоит, руки по швам, как в армии, смир-рно, вольно, разойтись.

Больше это было похоже со стороны, наверное, на какой-то странный ритуал. Так в совке по весне в пионеры принимали, построят у вечного огня и ну принимать рядком. Один другому повязал, салют отдал, следующий. Только не было тут ни вечного огня, ни салютов, ни других пионеров. Точнее, один чёртов пионер всё-таки был. Только вряд ли хватило бы талантов у Коли его разглядеть. Его и Марат-то не с первого раза разъяснил из специальных папочек.

На вид, кстати, ничего особенного. Студент-нищеброд.

«Геледваген» меж тем уже благополучно миновал переезд, разворачиваясь с бетонки снова на север, в направлении первых торчащих по-над лесом новостроек. Так, глядишь, и вовремя доберёмся. Марат крепко запомнил, насколько пацан не любит опоздания. Только не кипятись, он тебе нужен, пожалуй, что и

поболе, чем ты ему. Таких как ты деловых — поди, сотни три на всю страну, выбирай любого.

Не бесплатное, конечно, удовольствие, на правильного человека выйти. Это ж поди-найди среди столичной номенклатуры достаточно держащего нос по ветру, чтобы суметь воспользоваться наводками пацана в полной мере, да ещё и не засветившись. Кто другой, сам подумай, и тему спалит кривыми-то ручонками, и неприятных людей из той же конторы к вопросу привлечёт, а это разве кому надо? Никому не надо.

С другой стороны поглядеть, Марат часто размышлял с похмелуги да по мрачности настроения, зачем пацану вообще кто-то сдался? Неужто сам он был не способен провернуть весь этот схематоз так, чтобы не засветиться. Однажды Марату хватило смелости задать этот вопрос напрямую, но ответ показался ему слишком прост, чтобы быть правдой.

— Скажем так, я заинтересован в накоплении по эту сторону границы достаточно высокой ликвидности, которую бы со мною никак нельзя было проассоциировать. При этом мне важно надуть такой пузырь, который без меня и раньше времени никто не сдует.

Марату в подобное не очень верилось. При желании, пацану были доступны все деньги этого мира, но вот так, банально, все деньги мира его не устраивали. Выглядело так, будто бы тот кропотливо собирал заначку в стороне от основной заначки. И Марату, стало быть, за толику малую доставалась роль держателя чужого общака.

Ну как, «за толику малую», по сути, реализуя наводки пацана, он всё забирал себе. Ни единого цента от всего этого мутного схематоза не доставалось никаким левым оффшорам на Каймановых островах, Джерси, Кипре или Панаме, и именно этот факт заставлял Марата беспокоиться прежде всего. Ну не верил он в подобную благотворительность. За всё хорошее рано или поздно придётся платить.

И если бы это был обычный шахер-махер с господрядами или банальная инсайд-торговля, нет, пацан мыслил небанально, раз за разом предлагая действовать поперёк всякой привычной логики, каждый раз выворачивая ситуацию так, что в итоге Марат, точнее, подконтрольные ему банчки и помойки, собирали всё новые и новые сначала миллионы, а потом и миллиарды.

Нефть взлетела в небеса, когда в это не верили даже сами нефтянники.

На пузыре доткомов погорели многие, но не те, кого назвал пацан.

А уж что сталь так мощно пульнёт, специальный человек

проверял, под заказ, за безумные деньги, вообще ни одна собака нигде не писала!

Полгода назад команда пришла аккуратно сливать все американские активы кроме во-от этого списка, и только теперь, глядя на вовсю бушующий за океаном ипотечный кризис становилось понятно, зачем был весь шухер.

Пацан знал всё и обо всех. Марат же на этом исполнительно продолжал зарабатывать на дарованных знаниях, причём оставался уверен, что окончательных бенефициантов всех его сделок в итоге не мог знать никто, даже сам пацан.

— Шеф, приехали.

Махнув Коле, чтобы притормозил поодаль, Марат с кряхтением полез из машины. Было жарко и пыльно. Какая-то заброшенная промзона, очередное недопиленное наследие совка. Метрах в трёхстах за бетонным забором чернели гаражи, из их тени недобро косилась стая тощих псов, ни единого деревца поблизости, только старая трансформаторная будка посреди голой пустоши. Будка отчего-то стояла свежекрашенная, пускай ни единый кабель к ней не вёл. Да и по земле ту вряд ли что прокладывали последние лет дцать — здешний асфальт поди видал ещё последние брежневские маёвки.

Не самое удачное место для встречи придумал пацан. Тут просто так не скроешься. С другой стороны, и незаметно не подойдёшь.

Марат нервно повёл плечами, чо ж так жарко-то, но всё-таки решил пиджак не снимать. Мало ли, лишний неприметный карман пригодится. А также пара кевларовых пластин под дорогой фланелью. И смирно потопал к той самой будке.

Разумеется, вокруг никого. Пацан наверняка внутри загодя припрятался, в своеобычной манере. Как бы его там тепловой удар не принял, болезного.

— На месте.

— Ближе подойди.

Голос у пацана был всё такой же. Звонкий, девчачий. Сколько Марат его помнил, уж лет десять, тот с тех пор ни капли не изменился. И это отдельно Марата раздражало, на фоне собственного-то пуза. После сорока хрен похудеешь.

Ещё пару шагов, и он ткнётся носом в слой свежей масляной краски. С соответствующим резким химическим духаном. Сквозь металлическую решётку ставней внутри было ни черта не разобрать.

— Рановато в этот раз, а? Думал, до осени контакты не планируются.

Сделаем вид, что и без пацана у нас делов полон рот.

— Осенью меня уже тут не будет. Это крайняя наша встреча.

Чего-о?..

Марат даже шаг назад сделал от удивления.

— Не понял.

— Наши дела на этом закончены. Уезжаю я.

Во дела.

— За бугор валишь?

Марат заметил, как внутри будки что-то шевельнулось. Ясно, тут он, пацан, а то уж подумалось, что рация разговаривает. Куда ж ты собрался, пацанчик?

— Без комментариев.

Ишь ты, Марат снова машинально принялся разминать пальцы, будто мысленно вцепляясь невидимому собеседнику в глотку.

— А чего так-то? Хорошо ж работали.

— Тебе хорошо, а у меня теперь другие дела.

Ясно. Нашёл себе кого посообразительнее. Неужто к Михалычу ключи подобрал? Ты смотри, пацан, Михалыч на жаре париться не станет. Ни за какое бабло. Да и слушать тебя, малохольного, тоже не сподобится.

— Так чего тогда звал? Можно было и так сказать.

Пусть пацан не думает, что так уж его напугал своим объявлением. Мало ли что он куда собрался. Мы это всё потом обмозгуем, пока же его прощупать надо да поподробнее, как бы и правда не в последний раз такая оказия.

— Я оставлю тебе последние…

Др-р-р!..

Ох, да что ж за день-то сегодня такой, Марат поспешил нашарить в кармане проклятый виброзвонок, но тот уже умер. В прямом смысле.

Раздражённо повертев между пальцев безжизненный «блэкберри», Марат безвольно уронил ставший бесполезным аппарат, для верности придавив его сверху до хруста каблуком. Он уже знал, как это бывает. Пацан очень не любил любую электронику. Наверное, опасался прослушки, но не только. Горела она вблизи от него только в путь.

— Опять?

— Прошу прощения. Спешил, совсем вылетело из головы.

И чего он перед пацаном лебезит? Тот его так и так решил кинуть.

— Не важно, я оставлю тебе последние инструкции, и на этот раз всё должно быть предельно чётко.

А то что?

— Разве я хоть раз нарушал…

— Мы оба знаем, что да, — прервал его пацан, не дослушав.

Ну, положим, было дело, давно, по первяночке. Так пацан в качестве обратки их следующую встречу со значением назначил на кладбоне. Марат как сейчас помнил — Ваганьковское, у могил братьев Гиоргадзе. Тут даже тупой всё сразу поймёт, а уж тот, кто благополучно выжил в девяностые, и подавно. Более жирным намёком было бы только разговор на Пахре забить. Марат усмехнулся про себя, было бы забавно встретиться сейчас с бойцами на стреле. Пацан небось думает, что Марат его и правда ни разу в лицо не видел. Видел, всё он видел, и на знатока подобных тем пацан ни разу не тянул. Впрочем, Марату в тот раз хватило ума понять намёк и больше на разборы не нарываться.

— Ещё раз прошу прощения.

В тенях будки что-то снова шевельнулось.

— Ладно.

В прорезь вентиляционной решётки просунулся плотный картонный конверт.

— Вот, держи.

На фотобумаге? Пацан точно рехнулся.

— Ты в детстве фотографией увлекался? Вот и освежи навык. Не сканировать, не фотографировать, никаких ксерокопий, иначе засветишь с концами.

Да откуда он… а, ну хотя да. Марат аккуратно принял конверт и для верности сунул его во внутренний карман пиджака, как раз по размеру.

— И что мне с этим делать?

— В фотокомнате распечатай, прочитай вслух, на диктофон наговори, кассетный. Плёнку положи в свой сейф с магнитным уничтожителем, я знаю, у тебя есть. Бумагу после записи засвети и сожги.

Вот ведь.

— А смысл какой? Там палево?

Ещё не хватало ему от конторских бегать.

— Ничего такого, что могло бы тебя подставить, если ты всё будешь делать по инструкции, но если эти данные попадут не в те руки, вот тут у тебя и могут возникнуть проблемы.

— Значит, точно палево. Зачем мне этот геморрой?

— Как знаешь. Я тебя не уговариваю, передумаешь, просто вскрой конверт на свету.

Марат тоскливо оглянулся на маячившего в окне «гелендвагена» Колю. Нехорошо ты со мной поступаешь, пацан, ой, не хорошо.

— Что там внутри-то?

— Всё как обычно. Твой путь в светлое будущее. В очень

светлое будущее.

— Мой или твой?

— Твой. Мне здесь больше делать нечего.

Точно за бугор валит пацан. Но от чего?

— Может, и мне тоже отвалить?

— Сам смотри. Конверт вскрой, а после решай.

— Допустим, я решу отвалить, между нами будет всё ровно?

— Ровнее некуда, расход по чесноку. А вот если конверт останется нераспечатанным или пропадёт, вот тогда у нас могут быть проблемы. И проблемы эти надо будет как-то решать.

Ладно, допустим.

— Но если я просто отвалю, ты то чего?

— Ты же не думаешь, что я только с тобой общаюсь? Так или иначе, я найду того, кто решится. В конце концов, это неплохо оплачивается.

Марат помолчал. За шиворот неприятно стекало. Как бы конверт этот не промок да не разорвался.

— Выходит, на этом всё?

— На этом всё.

Вяло махнув левой рукой в прощальном жесте, Марат побрёл обратно.

Не так он представлял себе их прощальный разговор, ох, не так. И главное ничегошеньки же не предвещало. Только он начал задумываться о какой-нибудь тихой гавани, где можно было бы удачно провести остаток дней, недвижимость начал потихоньку прикупать с видом на Темзу да Центральный парк, так вот нате.

Сиди теперь, гадай, что пацан себе удумал. А вдруг в конверте этом не просто палево, а такое палево, за которым та же контора тебе потом тихую смерть в шкафу лондонского отеля и пропишет. А что, переборщил с удовольствиями на пьянящем воздухе Туманного Альбиона, с кем не бывает.

Впрочем, прав пацан, не будем спешить с решением. Конверт прожигал Марату рубашку у самого сердца, но неприятность эту мы переживём, как пелось в советском мультфильме. Поспешай медленно, советовал классик, и тоже был как никогда прав. Никто не требует от Марата принимать решение прямо здесь, на солнцепёке, так зачем сгоряча что-то выдумывать.

Постучав в тонированное стекло «гелендвагена», Марат молча сделал хватательное движение ладонью. Водитель Коля на секунду сделал непонимающее лицо. Пришлось движение настойчиво повторить. Чо ты зенки пялишь, я знаю, у тебя есть.

Стекло послушно опустилось, в ладонь удобно легла металлическая фляжка.

Благодарно запрокидывая голову, Марат сделал три хороших

глотка и только тогда обернулся.

Нет, не показалось.

Над свежепокрашенной будкой в чистые полуденные небеса уже вовсю летели искры.

Если бы трансформатор был к чему-нибудь подключён, можно было бы подумать, что тот перегрелся на солнцепёке да разом коротнул.

Вот уже в небо полезли первые жирные клубы дыма. Марат повертел шеей, пацана не видать? Но нет, вокруг грелось на солнышке всё то же растрескавшееся асфальтовое поле. Даже собаки куда-то подевались.

Ну нет, пацан, ты нас такими фокусами не проведёшь.

— Поехали, пока пожарные не понаехали.

Коля вопросительно оглянулся на полыхающую будку, но завёлся без вопросов.

Разворачиваться в центр пришлось через какие-то гаражи, но оно так и лучше, меньше шанса пересечься с шумными красными машинами, чьи сирены уже разносились над пыльной промзоной.

Аккуратно пересев левее, чтобы лучше прикрывало водительское кресло, Марат покосился на Колю, но тот увлечённо вертел шеей, высматривая запропастившийся выезд на вылетную. Бумажный конверт послушно лёг в ладонь. Раньше наводки пацана работали словно бы по волшебству, сами собой, просто делай, что велено, и будешь в шоколаде.

Но сейчас перед Маратом словно тикал смертельно опасный механизм, пусть и облечённый в форму пачки фотобумаги в издевательской старомодной упаковке «унибром», ГОСТ такой-то.

Для ценителей винтажа, стало быть. С зерном чтобы.

Марат и правда в детстве увлекался, со скандалом занимая по ночам родительскую ванну. Он с Толиком катаются на мопеде «Карпаты», папин подарок на пятнадцатилетие. Он с Танькой на Водниках (сниматься без лифчика она тогда отказалась). Со временем модный «ФЭД», стало быть, Феликс Эдмундович Дзержинский в пахучей кожаной кобуре сломался однажды да так и пропал куда-то на антресолях. Не до фотографии стало — универ, первая успешно перепроданные партия 286-ых компов, первый наезд люберецких. Давно дело было.

Ладно, пацан, посмотрим, куда завезёт нас обоих твоя фотобумага. Надо где-то красную лампу добыть. Не Колю же за ней на «гелендвагене» посылать.

Глядя на мелькающие за окном под осточертевшую крякалку красные светофоры, Марат углубился в свои мысли, нужно было скорее что-то решать, и желательно до того, как шустрый пацан успеет убраться из страны.

Со стороны город выглядел живым существом, коллективным разумом из десятков миллионов разумов, слитых воедино общей целью — жить, размножаться, собирать вокруг себя запас ресурсов, которые впоследствии, а может — здесь и сейчас удастся потратить на улучшение условий для жизни, размножения и дальнейшей концентрации ресурсов. Нетрудно догадаться, что это всё было лишь иллюзией. Никакого коллективного разума не существовало, большинство желаний и потребностей даже отдельного индивидуума в этом городе противоречило друг другу. Дети мешали карьере, карьера мешала личной жизни, нельзя одновременно копить и тратить, и уж никакие затраты на пустое и формальное в своей временности и химерности улучшение собственной жизни никогда не окупались.

Людям нравилось бездумно накапливать и тратиться на ерунду. Они никак не могли определиться даже с тем, кто или что могло бы сделать их жизнь хоть толику счастливее. Но центры удовольствия в их мозгах работали независимо от пожеланий хозяина. Напиться вдрабадан в ночном клубе или потратить полугодовую зарплату на коробку ржавого железа? Завести семью с совершенно чужим тебе человеком, единственным объективным достоинством которого была принадлежность к противоположному полу, повинуясь зову инстинкта или общественным институтам? Проработать полжизни, расплачиваясь за абстрактные квадратные метры в бетонном муравейнике? Подсидеть начальника, уволить подчинённого, зарубить перспективный проект, потому что он может представлять угрозу твоему положению в конторе?

Большинство этих людей жили, чтобы жить, и трудились, чтобы тратить. Без особой цели, без малейшей мысли о том, зачем они живут.

То, что со стороны выглядело как солидарный труд множества людей, на практике оказывалось океаном бесконечной и бессмысленной борьбы за то, что уже десяток лет спустя развеется пылью по ветру, оставив лишь воспоминания о безвозвратно утерянном довоенном «потребительском буме». Временный всплеск рождаемости будет забыт ещё быстрее. Этот город на глазах вырабатывал свой единожды полученный в дар ресурс, но его жители пока это не чувствуют, читая в новостях смутные сводки о том, как за океаном пухнет гроза, которая навеки законсервирует их личный мир в вечном противостоянии медленно душащей их нищете. Если не финансовой, то культурной. Живите, люди, ловите момент, который уже не

вернётся.

Десять лет назад, когда всё только начиналось, это выглядело иначе. Оптимистичнее, несмотря на все плачевные вводные. Тогда ему ещё казалось, что задача была простой и исполнимой. Он находился во власти иллюзий, что его миссия после возвращения была благой, по крайней мере, что она не противоречила желаниям этих людей.

Объединиться ради будущих поколений, начать движение в космос во славу всего человечества.

Тогда он ещё не задумывался о том, что будущее — это то, ради чего приходится наступать на горло конкретным людям и целым народам. Что будущее — это то, ради чего приходится убивать.

Если бы он мог не задумываться о последствиях, если бы.

Но проклятое дарованное предвидение навсегда осталось с ним, зловещей тенью маяча где-то за правым плечом, железной дланью направляя его вперёд, указующим перстом предупреждая о неизбежном.

Он находил себе соратников, но увы, их было столь мало. Большая часть его людей в этом мире оставались слепыми и глухими марионетками под управлением простейших инстинктов. Таких же, как у остальных жителей медленно погружающегося в кататонический сон города. Некоторые из них были способны на куда большее, но при первом же взгляде на очередного кандидата ему оставалось лишь вздохнуть. Поздно, бесполезно. Этот мир уже безвозвратно испортил то, что невозможно исправить. Мать травила своих детей миллионами, она не умела иначе. Её никто не научил иным путям. Алчность, самолюбие, вселенская обида на обстоятельства и привычка к самооправданию в самых худших своих намерениях. Не мы такие, жизнь такая. Мать — такая.

Можно ли в таком случае в чём-то винить этих людей?

Его предупреждали, что так будет. Он не поверил тогда. Но теперь, десять лет спустя, уже не сомневался, что иначе и быть не могло.

Тот же Марат, мог бы он стать чем-то иным? У него были все таланты к тому, чтобы стать прекрасным управленцем — Марат доподлинно видел дальше собственного носа, здраво оценивал людей, умел вовремя распознать приближающуюся грозу, не был так уж зациклен на стяжательстве, как подобные ему, но именно Марату он не открыл бы и пяди тех долгоиграющих планов, которые строил. Сразу было понятно, этот если и поверит — тотчас начнёт соображать, как использовать открывшееся ему для собственного блага. И дай только ему волю — тотчас попытается

перехватить инициативу.

Бороться ещё и со своими собственными големами было слишком накладно. Так что пусть его следит, пусть пытается разузнать, что стоит за таинственным «пацаном», как Марат его про себя называл. Конечная цель была важнее. Тому же Марату хватало ума не лезть туда, где тебе запросто отхватят за излишнее любопытство язык, а то и голову.

Он всё правильно понял, запершись в тот же вечер в собственной громадной квартире в доме на набережной. Красный фонарь в ванной, плотный конверт с фотобумагой в слегка трясущихся руках. Всё нормально, его никто не пытается кинуть, просто настала пора завершать их небольшой проект. Один из десятков и сотен прочих подобных проектов. Настала пора уходить в тень.

И вот он стоит и смотрит на город через высокие окна вечернего «Шереметьево», дожидаясь, когда заправят его джет. Вопросы решены, мосты сожжены, обратные дороги отрезаны. «Пацан» уже два часа как погрузился в сладкий сон на борту видавшего виды «Ту-154». Скоро он навсегда скроется из виду, пересев в Стамбуле на другой рейс. Другое имя, израильский «даркон», не подкопаешься.

Ему же сперва предстоит завершить свои дела в одном семь лет как затопленном якутском кимберлитовом карьере. На то есть и временная личина, и сеть подставных компаний, созданных в том числе и усилиями надёжного в смысле исполнительности Марата. Даже этот джет никому не придёт в голову связать с именем срочно улетевшего турецким рейсом «пацана».

А вот и наш беглец.

Только погляди в нужном направлении. Расстояние — не помеха.

Спокойное сердцебиение, глубокий сон. В бизнесе-классе не принято поминутно третировать спящих навязчивым авиационным кейтерингом. Лишь бокал с дешёвым игристым выдыхается в углублении подлокотника.

Что-то не так. Химических стимуляторов «пацан» всегда избегал. Бокал же был наполовину пуст, как пустовало и соседнее кресло, хотя в подлокотнике грелся такой же бокал.

Перед его взглядом послушно начало разматываться полотно событий, на которое он давно бы отреагировал, если бы не погрузился вместо этого в праздные размышления по поводу светящегося на горизонте ночного города.

Склонившаяся над «пацаном» тень, короткий укол в шею, мгновенно навалившаяся тьма. Пассажир выпил с устатку да и заснул себе, бывает. А вот что его сосед уже десять минут как

занимает гальюн эконом-класса, не подавая при этом признаков жизни, вот тут уже пора бы и заподозрить неладное.

Как следовало бы и заметить слежку за эффектором на регистрации. Вот те двое, один из которых сейчас остывает на узком самолётном унитазе, пересекая на высоте девяти километров границу Чёрного моря.

Слишком сложно. Если бы хотели трахнуть, трахнули бы. Хотя бы и прямо в аэропорту. А так — чересчур много следов. Значит, тот, кто это сделал, был уверен, что просто трахнуть было недостаточно. Да и «пацан»-то, он же покуда жив, только безмятежно спит. Это не яд, а сильнодействующее седативное. Метаквалон пополам с барбитуратами. Так зачем тогда всё это?

Зажигание он пропустил, но когда ракета вышла не боевой курс, его оборонительные инстинкты тут же просигнализировали даже на таком расстоянии. Учения, у украинцев там сегодня учения. Хрустальный мир мерцал под его взглядом, но ответы его не устраивали. Нужны активные меры.

Боеголовка по ошибке ушла с траектории, захватив гражданский борт. Удалённое активирование системы самоуничтожения не дало результата — пиропатрон сдетонировал нештатно. Кто-то был весьма предусмотрителен.

Тогда он потянулся прямо отсюда, за тысячу километров, перехватывая контроль двигательных центров кавээса. Отключить автопилот, резко заложить штурвалом вираж под истерику контрольной автоматики. Опасно, сорвёт в штопор, но времени мало, а ракета всё ближе.

Неповоротливая гражданская «тушка», под завязку забитая паксами, слушалась туго, и вспышка полыхнула в пятидесяти метрах по правому борту, в клочья рассекая поражающими элементами хвост и крыло. Дальше началось уже неконтролируемое падение. Полторы минуты скрежета разрываемого металла под вой воздушных потоков внутри разгерметизированной кабины.

Всё бесполезно, тот, кто это сделал, предусмотрел всё.

Образ надвигающейся черноты ночного моря угас как-то разом, без остатка.

Обернувшись к застывшему поодаль охраннику, он сделал в воздухе понятный всякому жест, оттопырив у уха большой и мизинец. Трубка максимально простая, кнопочная, от этих не так крутит в животе, да такая и не сгорит раньше времени. Пару секунд разговора можно и потерпеть.

Ровно два гудка, пока идёт обмен ключами. И только потом голос на той стороне, как всегда, холодно-враждебный.

— Слушаю.

— Завершаем миссию.

Едва заметная недоверчивая пауза в ответ.

— Полностью?

— Да.

— Принято.

Вот и всё.

Ему нужно было срочно улетать, а значит, у него не оставалось времени на выяснения, кто именно из его големов только что вышел из-под контроля. Возможно, это был Марат, может быть, кто-то другой. Только что они все коллективно подписали себе смертный приговор.

Он обернулся к городу.

В каком-то смысле все эти люди тоже были приговорены.

Ни разу не воспротивившись тому, что с ними сделали.

Послушно став кормовой базой для его расчётливых манипуляций.

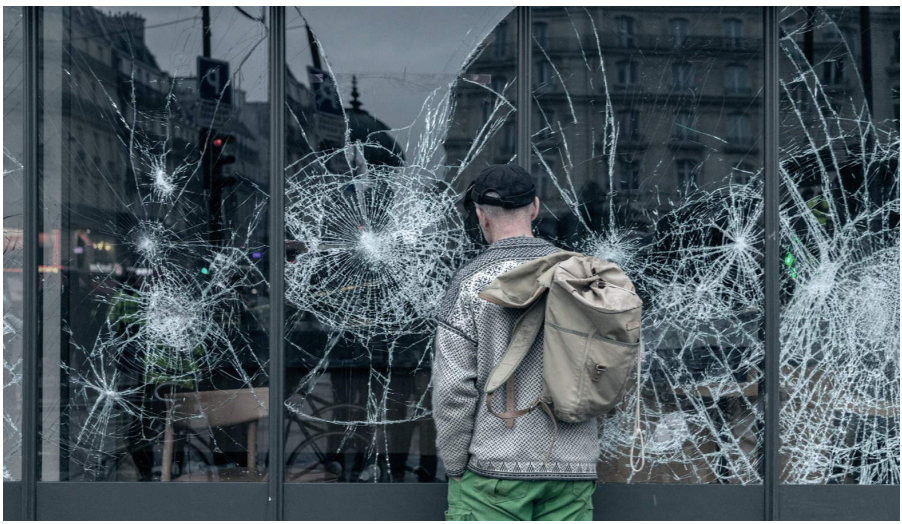
Им хорошо жилось, вкусно елось, лучше, чем когда бы то ни было в их жизни. Им досталось всё даром, но они-то думали, что всё это заслужили. Ведь они так трудились, чтобы всё это заполучить. Трудились, сидя верхом на нефтяной трубе поперёк континента, которую не они проложили, плоды которой не они потребляли, деньги за которую даже не им доставалась. Просто однажды, какое совпадение, цены на нефть в мире взлетели до небес на ровном месте, и пока те же шейхи воспользовались моментом для перестройки своей экономики, для построения новых финансовых потоков, возведения новых технологических цепочек, налаживая промышленности и туризма, возводя в пустыне километровые башни из стекла и бетона, они просто сидели и думали, что так будет вечно. Не представляя, откуда на них свалилась эта манна небесная, кто и почему ими управляет, и что будет, когда всё это закончится.

Когда он сумеет досуха выпить из этой страны все свободные ресурсы, а потом отправится дальше.

Увы, отныне эти ресурсы нужны будут здесь ему лишь для одного — чтобы начал возводиться в ледяных глубинах затопленного якутского котлована «Сайриус», и горе тому, кто посмеет стать преградой этому строительству.

Время милосердия закончилось.

XXI. 15. Хранитель



Бульвар Сен-Жермен в начале мая особенно хорош.

Вязы уже распустились, укрывая в своей прозрачной тени желающих перекусить на приставном столике кафетерия, а первые весенние дожди прибили назойливую весеннюю пыль. Шумные китайские туристы, конечно, никуда не девались, но по утрам для основной их массы ещё слишком прохладно, да и какой смысл в понедельник, после вчерашних коллективных забегов на Шам де Марс, что буквально в километре отсюда, подниматься раньше одиннадцати? Разве что в заботе о свежести круассанов, но вряд ли эта публика будет настолько беспокоиться о выпечке.

Другое дело — если ты докторант Сьянс По, в таком случае для тебя и столь ранняя побудка вполне резонна, и причины сменять в этот раз обычный для города скутёр на неспешную пешую прогулку за три квартала от кампуса до родной лабы вполне имеются.

Так-то тихо тут бывает разве что зимой в нечастые снегопады, когда месить кедами жижу расквашенной хляби желающих нет, сейчас же — совсем другое дело, плюс временное отсутствие гари от сожжённых машин, что по нынешним временам — отдельное удовольствие.

Жильбер обернулся, подозрительно поведя носом.

Нет, показалось.

Как и многие на кампусе, он стоял горой за социальную

справедливость, и с удовольствием поддерживал борьбу за права новых французов, гендерное равенство и прочее антитранснациональное оккупэ, но последнее время стало модно громить сперва окраины, а теперь и центр против повышения акцизов на бензин, а подобное приличный гражданин одобрить никак не может. Карбоновый след со вкусом уже буквально жжёных покрышек, витающий в воздухе, настолько плохо укладывался в представления Жильбера о прекрасном, что поневоле начнёшь ворчать — опять эти.

Но выходные в кои-то веки прошли без эксцессов, так что тем более — самое время прогуляться.

Стараясь не измазаться заварным кремом, Жильбер запивал круассан мелкими глотками через крышечку, обжигаясь о свой обычный нуазетт. Сколько раз просил он баристу разбавлять кофе до нормальной температуры, всё бесполезно. Лёгкое пощипывание на ошпаренном языке с годами становилось для Жильбера такой же частью ежеутреннего ритуала, как машинальная заправка майки в трусы. Пробовал менять кафе — не помогло. Парижские бариста были неумолимы, как и их треклятые кофе-машины.

Вот так в борьбе с температурой кофе, понаставленными как попало скутёрами, случайными ароматами от неубранных мусорок и да, всё равно нет-нет да и мелькающего в сыром воздухе запахе палёного и проходило обычное его утро. Ничто не должно отвлекать Жильбера от расслабленной рутины, встать, одеться, задумчиво почесать перед выходом отрастающую с каждым днём недели рыжую щетину и ни о чём не думать до самой двери в лабу.

Размеренность со временем становилась для Жильбера единственным спасением. Пока ты жуёшь или пока ты идёшь, или пока ты принюхиваешься, ты не думаешь о чёрном силуэте в светлом проёме. И не начинаешь падать в этот силуэт, как в бездонный колодец.

Уф, пришли.

Натёртая сотнями и тысячами ладоней латунная ручка с гулким ударом прикрыла тяжёлую винтажную дверь за спиной Жильбера, разом отрезая его от глухих голосов коридора. Впереди мерцал лишь зелёный огонёк гермозоны, отделяющей чистоту лабы от остального мира. Ежедневный ритуал привычно продолжался напяливанием на босу ногу комбинезона. Загладив все швы на груди и рукавах, необходимо было затянуть на затылке резинки респиратора поверх шапочки-паутинки. Балетки, которые внутри носили вместо обуви, он надевает последними. Вот и готово.

С легким шипением створка гермолюка прикрылась за ним, загудела вытяжка, унося с потоком воздухе остатки уличной пыли. Покуда с ушах привычно пощёлкивало от неизбежного перепада давления, Жильбер в который уже раз задался вопросом — зачем их, айтишников, заставляют проходить через весь этот ритуал, с тем же успехом они могли работать напротив серверной, в обычном помещении с окнами наружу, через которые вволю могла лететь и пыль, и цыльца, а хоть бы и шмаль из кафешопа, открывшегося через дорогу две недели назад по итогам последнего случившегося, вив ля Франс, легалайза.

Нет, вы не подумайте, Жильбер был только рад этим привычным белым стенам, где взгляд неминуемо упирался, при малейшей попытке отвлечься от работы, в пустое стерильное ничто. Это помогало поддерживать должное сосредоточение. Но вот остальные, они-то чего страдают?

Жильбер машинально кивнул сидящему напротив привычно мрачному Рияду. Нет, пожалуй, Рияд пускай страдает.

Вы не подумайте, в этом его пожелании не было ни малейшего следа расизма, тем более, что Рияд, при всё своём марокканском происхождении, смотрелся своими белёсыми бровями и бледной кожей, пожалуй, самым отъявленным белым супремасистом их лабы. Если в этом предубеждении со стороны Жильбера и было что-то от внешности коллеги, то причиной тому было то каменное лицо, с которым он проводил большую часть дня. А ещё Рияд никогда не здоровался в дверях, чем раздражал ещё больше.

Впрочем, в их инженерной группе он был самым опытным ку-программером, а потому пусть хоть дулю всем показывает, главное чтобы проект двигал. Ради проекта их сюда и запихнули, тарабанить по сенсорной клавиатуре стерильными силиконовыми перчатками. Разработка их хоть и носила сугубо практический смысл — не чета теоретикам из соседних лаб — но оставалась во многом сродни шаманству.

Эмтиджистил — монотредная гетеросталь, открытая десять лет назад научным руководителем их лабы профессором Тугановым — до сих пор таила в себе слишком много не подчиняющегося формальной логике. Гетеросплав железа и углерода, вовсе не проводящий электричество, но при этом почти непроницаемый для тепла и способный к вытеснению магнитных полей подобно холодной плазме и потому меняющий свою структуру при первичном синтезе в зависимости от ориентации и конформации внешних полей, эмтиджистил была способна становиться невероятно прочной и гибкой при ничтожной плотности, опережая на порядки показатели моноуглеродных или

цельнометаллических волокон.

Монотредную сталь в буквальном смысле этого слова можно было программировать на нано-уровне, и за открытие этих свойств профессору Туганову с коллегами в итоге и дали два года назад Нобелевскую премию по физике, однако само вручение не обошлось без скандалов — результаты их лабы зачастую не желали воспроизводиться в экспериментах коллег за океаном.

«Сэ мажик», говорил, посмеиваясь, со своим смешным русским акцентом профессор Туганов, но, сжалившись, всё-таки указывал коллегам на очередную ошибку в их расчётах. В неопытный руках гетеросталь не желала расти, а там, где таки выходила на макро-уровень, всё равно не показывала тех прорывных результатов, которых от неё ожидали.

Потому Жильбер, Рияд и остальные ку-программеры и сидели здесь, через стенку от охлаждающей камеры когерентного блока, чтобы цепочка между разрабом, рассчитывающим параметры программатора гетеростали, и инженером, воплощающим в рабочую сборку полученные конформации, оставалась минимальной. Иногда Жильберу казалось, что при одном взгляде на голубое мерцание когерентного блока они были способны заранее угадать, получилось или нет. Вот Рияд точно был способен на нечто подобное.

Сколько раз Жильбер наблюдал одну и ту же картину — услышав за стенкой щелчок схлопнувшейся ку-матрицы, этот парень ещё больше мрачнел лицом (если это вообще было возможно) и тут же, швырнув из пущей досады лабораторным карандашом в стену, выходил из разрабской, принимаясь там орать на сборщиков. Как ему только удавалось через респиратор выдавать подобные децибелы.

Временами Жильберу становилось стыдно за себя. Ты, парень, попросту неспособен на подобные эмоции по поводу своей работы. Пришёл-поработал-ушёл. Вот, погляди, сразу понятно, зачем Рияда пригласили в лабу к самому профессору Туганову, таких спецов как он, поди по пальцам одной руки во всём мире. Звали в индустрию, на хорошую ставку — не пошёл. А ты чего?

Инженеры по пьяной лавочке в пятницу после смены пару раз проговаривались — за Жильбера хлопотал сам профессор Туганов, но в это что-то не очень верилось. Да и, как говорится, пуркуа? По сути, он в их группе до сих пор оставался самым бесполезным. Сидит такой, штаны протирает, одна неудачная сборка за другой, ни страсти, ни воображения. Целыми днями только и знает, что глядеть себе в пуп, лишь бы не сорваться, лишь бы не сорваться, лишь бы не...

Непрошеная мысль, как и всегда, взялась в голове сама собой.

Жильбер научился замечать такое заранее. Это было как наитие, как процесс схлопывания волновой функции, случайный, непредсказуемый и неизбежный.

Их группа не просто так трудилась над тайнами возможностей гетеростали, профессор Туганов как-то проговорился. Войдя по случаю в его кабинет в дальнем конце коридора, Жильбер услышал однажды, как они с Риядом обсуждали какие-то вполне конкретные цифры с тысячами атмосфер, сотнями гаусс и сотнями погонных метров. В тот раз он не придал услышанному значения, но теперь однажды посеянная в его зачумлённом сознании мысль вызрела и материализовались.

Если они и планировали вывести монотредные материалы в практическую плоскость, их планы базировались не на рынке банальной разработки сверхлёгких строительных материалов в качестве заменителя дорогостоящих сплавов титана, нет, они глядели куда дальше. Даже для программ Европейского космического агентства не были нужны подобные масштабы величин.

Перед остекленевшими глазами Жильбера мелькнули гигантские колокола фузионных двигателей, которые даже на межпланетных перелётах были бесполезны. Слишком мощные, слишком громоздкие, безумно дорогие. Но космический термояд был единственным возможным применением для их гетеростали, если та будет способна держать цифры, о которых они тогда говорили.

Но к чему тогда подобные секреты? Где публикации в «Нэйче», где международная коллаборация, почему во французских Альпах до сих пор не обустраивается подземная лаборатория — испытательный полигон для прорывной установки корпусного термояда, не завязанного на удержание горячей плазмы в вакууме коаксиальным магнитным тором — или во что там сейчас упирается технология?

Жильбер беспомощно мотнул головой.

Не потому ли, что у Сьянс По вовсе нет докторантуры по физическим дисциплинам. Сама их лаба даже не планировалась. И никакой русский профессор с фамилией Туганов Нобеля не получал. Да и сама эмтиджистил, чьей квантовой сборкой они тут все занимались, не только не была до сих пор открыта, но и не существовала в природе.

Трясущиеся пальцы расплывались перед его полными отчаянных слёз глазами. На них уже не было стерильных перчаток, как растворялся в воздухе уже и лабораторный комбинезон.

Жильбер бросил отчаянный взгляд на Рияда, словно пытаясь

ухватиться за того, как за спасительный круг посреди распадающейся на глазах реальности, но нет, его уже тоже не было, на его месте восседал какой-то важный господин в брючном костюме и деловито перекладывал с места на место важного вида бумаги.

Словно кто-то разом выдернул из-под Жильбера привычную ему вселенную, подсунув вместо неё нечто другое, гротескно похожее, но совершенно неузнаваемое. Словно кто-то на его глазах злонамеренно модифицировал само бытие, перекраивая его на собственный лад.

Нет, вспомнил Жильбер.

Он уже не впервые приходил к такой мысли.

Что если это не кто-то, а они сами, в этой и других лабораториях по всему миру тихо меняли реальность, даже не столько будущее, сколько именно настоящее, создавая его другим, не таким, каким оно должно было сложиться естественным путём.

Он даже видел этот путь. Тот обязательно в подобные мгновения возникал перед его глазами.

Чёрный провал в бесконечное небытие, зияющий близящейся пустотой. Чёрный провал, быстро формирующийся в профиль человеческой фигуры. То, чего Жильбер боялся больше всего на свете.

Так, нужно собраться. Это наваждение уйдёт, стоит выбросить из головы породившую его мысль.

На ощупь сгребая со стола карточку-пропуск, Жильбер опрометью бросился вон.

К чёрту приличия, когда у тебя в глазах темнеет, а за шиворот ручьями стекает горячечный пот, тебе не до размышлений, что о тебе подумают коллеги. Да и то сказать, смотрит себе человек в одну точку, о чём-то размышляя, после чего, спохватившись, бежит по своим делам. Самое время обедать, к слову.

Мысли хаотично мечутся в голове, и это хорошо. Чем меньше порядка, тем лучше, пусть себе бегут, главное не возвращаться к истокам логической ловушки, что привела его к новому приступу.

Жильберу едва хватило терпения дождаться, пока переходник окончательно выровняет повышенное давление внутри лабы. Под писк натруженных барабанных перепонок он вывалился в тамбур, машинально срывая с себя паутинку комбинезона.

Тьфу ты, оставшиеся на месте перчатки с балетками превратили порванные скрюченными пальцами длинные лоскуты ткани в хитроумную ловушку, сковавшую Жильбера по рукам и ногам. Смирительная рубашка с каждым рывком всё затягивалась.

Повалившись на бок, он с натужным рычанием сумел всё-таки содрать с себя всё лишнее, окончательно высвобождаясь.

Вот он стоит перед зеркалом раздевалки — босой, краснолицый, футболка кое-как заправлена в свободные шорты, рыжие волосы всклокочены, глаза бегают.

Не стоим, двигаемся.

Кое-как нацепив кеды, Жильбер поспешил к выходу.

На бульварах в середине дня уже становилось жарковато, но от горячих солнечных ладоней на распаренном лице ему всегда становилось легче. Поскорее окунуться в привычные обеденные толпы, пробраться бочком поближе к раздаче, заказать у плотного азиата в тёмно-синем переднике традиционную коробку вока с морепродуктами под соусом «терияки», присесть себе в тенёчке, ему обычно помогало.

Лишь в третий раз непонимающе дёрнув запертую дверь, Жильбер совершил над собой усилие поднять голову.

С'е фермер ожордуит.

Жильбер поморщился от двух опечаток на табличке. Можно было и пограмотнее быть.

Погодите.

Он обернулся по сторонам, соображая. А где весь народ?

Гул голосов был куда громче обычного, но вокруг не было вообще никого.

Из соседней подворотни, стараясь изображать независимость, шмыгнул какой-то делового вида господин с портфелем, шмыгнул и пропал из виду.

И только тут до Жильбера донеслась первая волна амбре.

Вязкая вонь палёной резины шибанула в ноздри так, что слёзы вновь брызнули из глаз.

Да что же за такое, опять?!

Медленно, не торопясь, вальяжно, как в рапиде мимо него по пустынной мостовой прокатилась пылающая покрышка. Чёрная копоть поднималась за ней плотной удушливой волной, так что Жильбер машинально полез в карман за спасительным платком. Пропотевшая тряпочка не то чтобы спасение от последующих приступов астмы, но лучше, чем ничего.

Первая мысль — поскорее вернуться в стерильную рециркулируемую атмосферу лабы — была тут же отброшена. Чёрный провал силуэта только и ждёт своего часа, чтобы вернуться и поглотить его с головой.

Какие шутки, такими темпами он не работу — последние мозги потеряет.

Толпа между тем окружила Жильбера со всех сторон.

Разношёрстные группы в кислотного цвета водительских

жилетах поверх цивильного волнами набегали на него из расчерченных наискось солнечными лучами клубов дыма, набегали, крича что-то про справедливые цены, и тут же уносились прочь, не обращая на потерянного Жильбера никакого внимания.

Их звонкие голоса под трещотку разбрасываемых по обочинам петард спутывались у него в голове в какую-то неразделимую звуковую фантасмагорию, из которой невозможно было вычленить отдельный крик или отдельную кричалку. Это звучало подобно колышущемуся неспокойному прибою, который, периодически приближаясь, обрушивался на голову Жильбера, к его облегчению унося с собой последние остатки мыслей.

Хорошо, как же хорошо!

Быть частью чего-то огромного, подобного морю колышущихся душ, что в едином порыве стремится обрушить свой гнев на любого, что посмеет ему противостоять.

И неважно уже, что и по какой причине привело сюда всех этих людей.

У нас есть права! И мы пришли потребовать, чтобы власти их уважали!

Жильбер стоял посреди бульвара и всё пытался сообразить, что же его заставляет так радостно трепетать — ну не чувство же единения с протестующими? Ему не были близки ни их лозунги, ни их методы. Вот и сейчас, вполне согласно логике происходящего, Жильбер отчётливо расслышал сквозь гул голосов покуда ещё далёкие полицейские сирены.

Эти ребята повадились, что ни день, жечь посреди города сначала покрышки, а потом и машины. Всё хорошо в меру. Правительство и так в наше время гораздо потакать любым прихотям толпы, стоило той хоть немного организоваться, чтобы конкретизировать свои требования. Но так скоро и до поджогов государственных зданий дело дойдёт.

Так что же его привлекало в этой толпе?

Догадаться было несложно. Сейчас ему как глоток свежего воздуха (так себе аллегория, Жильбер снова натужно закашлялся) нужно было отвлечься от мучившего его видения. Что-то такое, что помогало бы и дальше не проваливаться в чёрный колодец иномирья, что-то, что объединяло бы его мир и то неведомое, куда он неминуемо погружался, стоило ему хоть на секунду усомниться в реальности сущего.

Эта толпа была всеобща. Она будто служила каким-то единым знаменателем для всякой реальности на этом перекрёстке миров. Во всяком случае, именно она покуда не позволяла Жильберу окончательно сойти с ума.

Хотя бы на время.

Время.

То самое время, которое истекало из этого мира, просыпаясь сквозь пальцы на самое дно чёрного колодца.

Снова-здорова.

Толпа уже почуяла опасность. Сирены приближались со всех сторон, уплотняясь и замыкая ушедшее на запад вдоль бульвара начало колонны в звуковое кольцо. Забормотал матюгальник, затараторили покуда ещё недостаточно ритмичные удары бойцов республиканских рот дубинками о щиты. Но скоро они получит своё резонное развитие — зашипят водомёты, с глухими хлопками повалит слезогонка. Привычные ко всему местные уже полчаса как позакрывали все окна, да на всякий случай и ставни прикрыли — чтобы чего не прилетело.

Сейчас до толпы дойдёт, что самое время поворачивать в поисках обходных путей. Ближайшие к Жильберу группы уже останавливались, колеблясь. Ему тоже пора выбираться, пока не стало совсем жарко, а хоть бы и в сторону корпусов заветной гранд эколь.

Обернувшись на искомый проулок, Жильбер невольно забеспокоился. Людской поток вливался туда уже настолько плотно, что за спинами людей даже в понемногу редеющем дыму было толком не разглядеть, что там со входами в основное здание.

Уже и так приходилось изрядно работать локтями, и по мере приближения к центральному входу толпа становилась всё плотнее. Снова раздавались крики, и на этот раз они были куда более озлобленными. Так, видимо, дальше по проулку тоже всё перекрыто, протестанты это сообразили, но куда же...

Логично, они решили, что разумно спрятаться внутри здания. Дерьмо. Хренушки их оттуда потом просто так выкуришь.

Одна проблема, какому-то дураку хватило ума встать у толпы на пути.

Жильбер в панике чувствовал, как у него подкашиваются ноги.

На пути у «жилетов» стоял тот самый чёрный человеческий силуэт в светлом проёме, что преследовал его в видениях.

Только на этот раз он был вполне материален.

Более того, он был куда материальнее окружающей действительности, буквально прожигая собой реальность насквозь. Пусть между Жильбером и мистической фигурой метались с воздетыми рассерженные горожане, их яркие водительские жилеты продолжали упрямо плясать перед ним свой мистический танец, но чёрный провал человеческой фигуры

их будто не замечал, разом делая бесконечно далёкими и бесконечно ненужными.

Жильбер попробовал, как прежде, отступить, спрятаться, мечась из стороны в сторону, но всё бесполезно, всё плотнеющая толпа не давала ему шансов избежать встречи, подталкивая вперёд, зажимая в самом узком месте.

И тогда Жильбер перестал бороться. Пусть себе вселенная трещит по швам, бесконечно удерживать сознание от распада было выше его сил. Чёрный силуэт манил к себе, приковывая взгляд, отбирая последние остатки воли.

Он не так прост, этот бесконечный провал. Так порою выглядит фрактальная структура отражений меж двух зеркал, повторяя и повторяя одно и то же до бесконечности, до потери всякого смысла в этих наслоениях.

Только тут ни единое повторение не было собственно повторением, каждый следующий силуэт, что уводил беспомощного Жильбера в собственные глубины, хоть немного, но отличался от предыдущего. Живая змея из последовательно вложенных друг в друга антропоморфных провалов скользко елозила в собственных глубинах, что-то крича, размахивая руками или же напротив, стоя крепко и недвижимо.

Этот неведомый Жильберу титан пустоты вовсе не был титаном собственно размерами. Обычный, ничем не выделяющийся человек. Но немыслимым образом именно на нём сходились все те незримые оси, вокруг которых обращался окружающий мир.

Ему невозможно было сопротивляться не потому, что он бы так уж силён. Напротив, он был почти бессилен на фоне тех потоков, что вокруг него скользили, но именно он был той точкой приложения, которая балансировала всё происходящее — исчезающем малыми, но не бесполезными усилиями.

Эта фигура, она не выбирала свою роль в самом центре современного мироздания. Так шестерёнка часового механизма может быть сколь угодно не соглашаться со своей ролью и местом в общем порядке вещей. Но можно и должно выбирать между теми бессмысленными паническими метаниями, какие совершал последние дни Жильбер, и чётким осознанием собственной цели.

Взгляни пристальнее.

Этот дрожащий мультиверс перед твоими глазами — он не просто колеблется по воле космических ветров, он, подобно распяленному в пустоте канатоходцу, ежесекундно пытается нащупать баланс, который позволит сделать ему новый шаг вдоль стрелы времени, такой скорой, такой безграничной и такой конечной.

И шаг этот будет сделан.

Почти вслепую, после стольких невероятных усилий, он будет сделан.

Не помешают тому ни обстоятельства в виде беснующейся толпы, ни бессилие шагающего в темноту перед силой железных законов человеческого сообщества.

Чёрный силуэт извивом змеи сбросит с себя сковывающие его цепи и поведёт человечество на новый круг. Желает оно того или нет.

Нечеловеческий, глухой крик хлестнул по толпе, отбрасывая её прочь.

Передние ряды протестующих смяло и поволокло. Падали люди, кричали женщины, в толпе начали мелькать первые окровавленные лица. Жильбер с необъяснимым спокойствием вглядывался в эти выпученные глаза и раззявленные рты.

Завтра они всё это забудут, как страшный сон.

Толпа разбежалась, он же продолжал стоять перед бесконечным колодцем. Новая, незнакомая мысль тревожила Жильбера, вытесняя прежние страхи.

Не так, это делается не так. У слепого канатоходца нет шансов, однажды он обязательно оступится, несмотря на всю свою внутреннюю силу. Нельзя балансировать чёрный колодец мультиверса и одновременно искать путь в будущее, в чём бы не тот ни состоял.

Должен найтись тот, кто стоя в стороне, будет способен видеть незримое, подсказывая титану, попирающему небеса, куда именно те склоняются в данный момент.

Жильбер очнулся посреди опустевшего проулка, с явным неудовольствием разглядев рядом с собой потную физиономию тяжело дышащего Рияда. Видать, тоже угодил в толпу.

— Дерьмовый денёк.

И вам не хворать. Жильбер обернулся к небольшой лестнице, что вела к главному входу. Там уже никого не было. Ни чёрного силуэта, ни кого-нибудь более приземлённого. Но нет. Ему не привиделось.

Такое не могло привидеться даже в недрах самого мрачного бэдтрипа. Жильбер же не употреблял вовсе. Неужели всё это — банальное сумасшествие, бредовые видения саморазрушающегося сознания. Брать срочно академотпуск и идти сдаваться эскулапам? Говорят, на медфаке сильнейшая во всей стране школа психиатрии, все самые видные светила там преподают. Пускай на его, Жильбера, материале какой-нибудь интерн работу напишет.

Но нет, он не хочет для себя такого. Потому что вот так слить

в унитаз случившееся с ним откровение — в этом сквозила какая-то отчётливая слабость. Простой путь, который всегда можно проделать, до конца дней оставшись полу-овощем под гнётом антипсихотиков новых поколений. Простой и незамысловатой шестерёнкой вместо точнейшего инструмента на службе вселенского баланса.

Всегда успеется.

Главное поменьше на рабочем месте дёргаться. Впрочем, теперь Жильбер был способен видеть чёрную колею, проходящую через него самого. И не бояться.

Привычно-успокоительная механическая последовательность действий при проходе через шлюз. Знакомый стерильный стол. Гладкий пластик клавиатуры, едва различимый через перчатки.

Никак не дающаяся сборка.

Если так подумать, он тоже мог двигать реальность. Не на глобальных масштабах, но в своём собственном уютном углу. Теперь он видел, пусть едва-едва, на грани различимости, куда должно быть направлено общее движение.

И если посмотреть на формулы конформации под этим углом, становилось куда проще замечать собственные ошибки. Вот же, лишний квадрупольный момент магнитного вихря. Теперь понятно, почему нить обрывается на другом порядке величин.

Жильбер кивнул сам себе, тут же заметив ещё две ошибки.

Как говорил их преподаватель квантмеха профессор Орси, когда ему указывали на то, что тот на лекции в своих формулах ошибся в знаке, — «вы хотите сказать, что я ошибся в нечётном количестве мест?»

Ничего. Большинство ошибок вполне можно исправить. Главное, чтобы слепой канатоходец продолжал двигаться вперёд. А Жильбер ему поможет.

Пока расчёт конформации валидировался на входе в когерентный блок, Жильбер продолжал размышлять о своём.

Сложная, почти неразрешимая дилемма. Как сам человек, без посторонней помощи может отличить плод собственного больного сознания от яви, а психиатрический сбой от истины?

Подумать, так и никак.

Слишком зыбкими были основания для веры в себя.

Реальность есть реальность. В ней существуют материальные объекты. Существует эта лаборатория. Существует гетеросталь. Существует его крохотная квартирка на третьем этаже уютного старого дома в полутора кварталах от кампуса.

Существуют «жилетные» манифестации, глобальное потепление, вечно ворчащая Британия и вечно жадная Америка, лето и зима, лето с друзьями на озере, родители, братья, зачем-то

названивающая раз в полгода бывшая.

Всё это существует.

А как доказать самому себе существование того, что существует где-то между ним и чёрным колодцем времени?

Сколько туда не вглядывайся, ничего не изменится, он останется всё такой же беспросветной пустотой, наполненной лишь бесконечными отражениями этой реальности, до которых ни дотянуться, ни докричаться.

Но погодите.

Тут Жильбера осенило.

Изначально он видел там не себя, но сокрытого в тенях титана.

Воображаемого или реального, не важно.

Он видел там не себя. А значит, если есть на свете подобные ему психи…

То рано или поздно он увидит в бесконечной череде собственных отражений нечто иное.

Другого перепуганного пагубной изменчивостью собственной реальности хранителя, его ментального близнеца, существующего в той же части мультиверса, который точно также, как и он, здесь и сейчас с надеждой глядит на слепого канатоходца, пытаясь ему помочь.

Пожалуй, вдвоём они справятся лучше.

Для успешной триангуляции в трёхмерном пространстве требуется минимум четыре базовых станции.

Отчего у него в голове мелькнула эта невесть что означающая цитата?

Четыре так четыре. Он будет искать, и найдёт.

И тогда они будут готовы.

Жильбер рывком убрал со своего лица довольную улыбку. Поверх мониторов за ним внимательно наблюдал из-под насупленных белёсых бровей Рияд. И чего прилепился, раньше от него даже дежурного «бон нуи» на выходе из чистой зоны было не дождаться.

— Проверь сборку. Кажется, у тебя получилось.

Ах, вот оно что. Сейчас проверим.

XXI. 24. Курьер

Капсула мне досталась у окна, но что толку — юго-восточная ветка большую часть времени шла по тоннелям, ловить же редкие проблески ночных огней за бортом мне и вовсе было недосуг, так что как только состав повернул за Верденом, я тут же выкрутил прозрачность стенок капсулы до минимума, тронул выжидающе горящий готовностью сенсор помпы и тут же забылся мёртвым медикаментозным сном до самого прибытия.

Разбудивший меня информатор холодно сообщил, что уже пять утра, до прибытия остаётся 12 минут. Сон под седативными — то ещё удовольствие, каждый раз пробуждаешься бодрячком, как после чашки крепкого кофе, но голова всё равно чумная, будто спал ты в донельзя удушливом помещении, да ещё и в мокром гидрокостюме.

Отключив приватность капсулы и оглядевшись по сторонам, я не приметил ничего подозрительного. Пассажиры первого класса с невольным видом возились со своими портпледами, кто-то уже по привычке нацепил лицевую маску респиратора, явно торопясь на выход. Последуем их примеру, это для систем распознавания лиц пластический грим годится при любом освещении, живому человеку при косом взгляде вполне может показаться, что едва заметная кукольная бледность или слегка пластмассовый отблеск на лице соседа по капсуле выглядит нездорово — в наше время и

куда меньшее потребует немедленного вызова стюардов. Как говорится, лучше не лезть на рожон.

А так, ну да, законопослушный гражданин соблюдает предписания, не рискуя лишний раз выдыхать свои недостаточно стерильные испарения в общественную систему воздушной рециркуляции, надёжную, но стопроцентной гарантии всё-таки не дающую. Вот, смотрите, и перчатки я в салоне не снимал! Нарочитым разминающим движением мои пальцы сцепились и расцепились, окончательно отвлекая посторонних от моих нарочито сонных глаз за стеклом забрала.

Состав вынырнул из последнего тоннеля у самого Иннсбрука, на пару секунд показалась петляющая по камням речушка, чтобы тут же скрыться за сотами дебаркадера. Прибыли. Сжав в кулаке заветный газовый баллончик, я незаметным движением забросил его под сиденье и только после этого покинул капсулу. Заметать следы нужно тщательно.

Аккуратно продвигаясь вперёд с соблюдением социальной дистанции, я в который раз порадовался, что не пришлось брать с собой кофр. Тут пожалуй ещё час времени потеряешь, прежде чем все формальности соблюдёшь, досмотры-осмотры, биопаспорта, а что у вас тут такое подозрительное в ампулах? А так всего и делов — дождаться своей очереди, поднести плечо к сканеру, дождаться, пока помпа обменяется данными иммунного паспорта, и проходи через ворота биосенсоров да гуляй себе в пределах отведённого периметра.

Прислушавшись к себе, я не без удивления сообразил, что до сих пор ничего не ощущаю. Знать, накачали меня по самое не балуй. Тем не менее, будем поторапливаться, это счастье ненадолго.

Благополучно покинув здание вокзала, я тут же нырнул в ближайшую арку, уверенно пробираясь заранее вызубренным маршрутом к мосту на тот берег. Там до сих пор сохранялась анархия частной застройки, куда не дотянулся с борьбе за здоровье граждан трудолюбивый муниципалитет со своими сканерами. На мосту через Инн, конечно, меня ещё раз проверили наверх пропускные воротца, мигнув зелёным скорее с удивлением, нежели с охотой. Надо же, не местный, а карантинные ограничения на него не действуют. Видать, часто сюда мотается, давно всё оформил, как надо.

Так, а вот и та самая кирха. Помню, десять лет назад мы с братом здесь зимовали. Лыжи, тирольские рефуджио, термы, кабаки. Эх, были времена.

Ключ оказался на месте — первая дверь от винтовой лестницы на втором этаже налево, рядом с ней мини-сейф с

простецким кодовым замком.

Внутри было тепло и уютно, самое время лечь да ещё поспать с дороги, и будь на моём месте тот, за кого я себя выдавал, он так бы и поступил. Увы, мой путь здесь только начинался.

Первым делом я сорвал с плеча помпу. Та удивлённо пискнула и погасла. Глядя, как её корпус корчится в углях камина, я достал из бокса аппликатор с антидотом, наклеивая его себе за ухом. Как отработает, сам отпадёт. Лицо тут же начало неприятно колоть. Вот и отлично. Отныне я вновь буду сам собой, а не малознакомым мне носителем набора рекомендуемых иммунных ответов.

Хотя, если так поглядеть, именно это меня сюда и привело.

А вот и моя физиономия в зеркале. И правда, уже почти похоже. Особенно этот некстати проступающий на щеках горячечный румянец. Теперь мне в город путь заказан. Собственно, в любой город севернее Туниса. Не очень-то и хотелось, я вам не грёбаный биотеррорист из-за Урала.

Сумка с вещами была припасена заранее, спасибо слаженной работе экстренной команды сопровождения, осталось переодеться и можно двигать.

Термобельё под обычные джинсы, водолазка, шапочка, лёгкая куртка в салон, разумеется, перчатки и маска респиратора — чтобы лишний раз дорожные камеры не нервировать. Остальное наденем по приезде. На улицу из квартиры выходил уже совершенно другой человек, даже походка изменилась, никакая камера не распознает.

Машина меня ждала тут же за углом. Заряда в оба конца, единственное разложенное кресло загодя укрыто одноразовым чехлом. Заботливый местный каршеринг. Только зря всё это, машина эта назад в парк уже не вернётся — автоводитель досадно крякнул, когда я накрыл его управляющую панель внешним контроллером. Автономность автоводителей особенно необходима в горах с их сложным рельефом и неустойчивой связью, тем проще их взламывать. Часа через два, пожалуй, уже и искать начнут, но мне того довольно.

Машина тут же тронулась с места. Даже не дожидаясь, пока я введу координаты и пристегнусь, и даже не прочитав предварительно лекцию о необходимости использовать маску и перчатки на протяжение всего пути. Зато без спросу включила какое-то местное разговорное радио, которое принялось вещать мне по-немецки с непередаваемым тирольским акцентом про успехи международной миссии «Артемида», которую на деле самолично вывозит кудесник Илон Маск. Да и пусть его разговаривает, спать мне всё равно уже нельзя — надо

поглядывать по сторонам, да и ехать тут ровно сто километров, за час пожалуй и обернёмся.

Автоводитель тем временем успешно вышел на непривычно пустую трассу, что тянулась на всём протяжении долины Инна. Когда-то тут в правом ряду ползла непрерывная вереница из фур. Теперь, когда сперва дизельные движки запретили, а потом закрыли сухопутную границу со Свиссом, возить тут стало нечего. Да если так подумать, поди все деревни на запад от Инссбрука уже наполовину опустели. Что людям там делать? Заново учиться коров пасти? Не думаю.

Границы четыре года назад как закрыли, с тех пор тут тихо. И если первый год-два ещё как-то была надежда, то после вспышки «чёрной смерти» в соседнем Лихтенштейне в рекабре двадцать второго даже самые уверенные в том, что всё скоро вернётся на старые рельсы, начали понемногу смазывать лыжи в сторону равнинной Австрии, попутно доделывая иммунные паспорта и оформляя от Евросоюза грант на релокацию.

Повезло, что тут дороги до сих пор чистят. А может, просто снега давно в долине не было, потепление есть потепление. Я тут же принялся вертеть головой, высматривая ближайшую вершину. Нет, ну наверху всё лежит, как положено. Не то, чтобы у меня был какой-то выбор, но хотя бы с этим лучше бы без проблем, а то пешком-то я скоро буду не ходок.

Снова прислушался к себе. Нет, всё равно пока ничего не чувствую. Да оно и к лучшему.

Автоводитель послушно свернул с трассы в тоннель на юг. Помаши Тиролю ручкой, когда ещё свидимся. Теперь до упора серпантинами. Помню, когда-то тут по субботам с утра выстраивалась вереница домов на колёсах с немецкими бундесномерами из желающих покатать на выходных, иногда с ночи стояли до самого съезда на Нойшвайшайн. Сейчас тут было до того пусто, что редкая встречная машина казалась сродни летучему голландцу — дурным призраком в утренней дымке, которому реально хотелось помахать платочком на удачу.

Кажется, начинает понемногу накрывать.

Я достал из кармана заветную капсулу и, хмыкнув, проглотил. Третья. На этом всё.

Молчаливый Ишгль промелькнул за окном почти незаметно глазу — всего пара огней в окнах, где-то на самом верху тянется единственный угольный дымок из печной трубы. Были времена, когда в таких долинах в безветренную погоду смог стелился до самого низа, плотными слоями сползая по берегам Инна. Да что там «были», считай, зимой девятнадцатого года перед самой ковидлой спутниковые фотки все друг другу пересылали, отсюда

и с севера Пьемонта. Мол, смотрите, не хуже Китая загрязняем. Куда только всё подевалось.

Серпантин тем временем забирал всё круче, понемногу превращаясь в едва прикрытую асфальтом горную тропу, на которой вдвоём уже и не разъедешься. Автоводитель снизил скорость до черепашьей, по очереди взрёвывая двигателями при пробуксовке. Вот она, как её, деревня Фимбаталь.

Разглядев выходящую ко мне из-под деревьев фигуру, я решительно хлопнул над приборной панелью по сенсору аварийной остановки. Приехали.

Встречающий молча стал в сторонке, дожидаясь, когда я переоденусь в горное, после чего так же молча бросил мне ключи от снегохода и тут же полез в кабину. Машину надо было отогнать обратно на север и там аккуратно уронить в Инн.

— Где техника?

Хмурый кивок в сторону ближайших хвойных зарослей. Он вообще по-немецки говорит?

— Там всё как договаривались?

— Угу.

Боковое стекло без дальнейших комментариев полезло вверх, а шины зашуршали по асфальту, мучительно разворачиваясь в три приёма. Минуту спустя я остался один.

Оно и к лучшему. Кто его знает, насколько я успел наследить. Но не будем беспокоиться о других, будем беспокоиться о себе.

Так, у нас остался час, прежде чем выглянет солнце.

Проверив, что доска на месте, я завёл снегоход, подёргал ручку газа, прислушался, вроде норм, и поспешил вверх по склону. По дороге было бы проще и не так круто в гору, но я неплохо помнил эту местность по старым временам, справимся, и время сейчас дороже безопасности.

Минут пятнадцать спустя я уже выбрался к верхней станции канатки, откуда открывался вид на знаменитую чашу Ишгля. Удивительно было наблюдать эти места без единого следа гребёнки ратрака, без единого зигзага любителей целины. Только широкие языки лавинных сходов полосовали чистоту нетронутого снежного покрова. Такой вот уникальный скитур.

Сколько тут уже подъёмники не работают? Выходило, что скоро пять лет как. Получается, местным сюда хватает ума не соваться, если засыплет, считай тебе хана. Разогретый снеговой поток за минуту, остывая, смерзается в камень, даже если глубина над тобой будет всего метр, всё равно ты труп.

И вот туда зачем-то лезу я, на свою голову.

Остановившись в тенёчке отдышаться, снял с руки перчатку, растопырив пятерню. Пальцы ходили ходуном, в глазах

расплывалось.

Да уж, плохо дело.

Термобельё наверняка уже насквозь. А ведь я ещё даже не наверху.

Снегоход с рёвом двинулся в сторону восточной части гребня. Тут в общем-то недолго, метров семьсот перепада высоты, если я правильно помню.

Главное всё делать быстро. Впереди уже вовсю светлело хмурое небо.

Спустя полчаса я уже стоял на заветном гребне рядом с табличкой «дьюти-фри ран». Давным-давно она меня очень насмешила. Как-то я не думал, что за этой горой — уже Свисс. Человеческий топологический кретинизм породил приколюху — скатать из одной страны в другую на лыжах. Летом здесь поди и пешком ходят.

Ходили, поправил я себя машинально.

Уф, как же в пот-то шибает. Я буквально чувствовал, как у меня по шее щекочет струйка пота.

Припав к бутылке с изотоником, я высосал её до дна. Нужно бы ещё калориями закинуться, да, чувствую, меня только стошнит, чего доброго.

Так, не будем тянуть время.

Застегнув крепы и подёргав для верности лямки рюкзака, не болтается ли, я запустил, оглядываясь, механизм обратного отчёта.

Да, в общем, снегоход стоит так, что лучше не придумать, сразу в оба конца пойдёт.

Десять минут.

Ну, что ж, погнали.

Пухляк елозил, но держал, если уметь правильно перекантовываться.

Даже неотратраченная, трасса всё равно была здесь, прямо подо мной. Гибкой змеёй свиваясь вдоль склона, обнимая узкую чашу южного склона, воронкой уходя вниз, к Самнауну. Тут главное всё сделать обстоятельно, чисто, без фокусов.

На втором повороте я всё-таки ошибся, пошёл вбок слишком поздно, запоздало срывая кант — только что нормально чертил дугу, и вот меня уже тащит спиной вперёд вместе с ещё десятком погонных метров снеговой стены.

Ничего не оставалось, как разворачиваться в прыжке носом вниз по склону, разгоняясь в обход устроенной самому себе на голову мини-лавины.

Ну, мини или не мини, это мы выясним сотней метров ниже. Сейчас даже обернуться было некогда.

Там внизу будет узкая горловина, после которой начинается удобный такой клиф налево. Главное эту горловину пройти, пущай всё что выше идёт своей дорогой — по прямой.

В ушах засвистел ветер.

Только не упади.

Проходя дугу поворота, я выгнулся, едва не касаясь локтями снега. В глазах потемнело от усилия. Ну же!

Кант я всё-таки сорвал, напоровшись на полированный участок вылизанного ветрами льда. Южные склоны они такие. Уже скользя на пятой точке и поднимая тучи сдираемой с наста снежной пыли, я окончательно ослеп, теперь уже от всё-таки вышедшего из-за вершин солнца. Меня окружила сверкающая белая пелена гало, в котором невозможно было ориентироваться, только как можно сильнее воткнуть якорь борда в скользящую подо мной поверхность в надежде, что меня что-нибудь остано…

Удар был таким сильным, что меня пружиной подбросило вверх, я едва успел сгруппироваться, прежде чем меня приземлило обратно в пухляк, к счастью — спиной вперёд.

Воздух. Казалось, он навсегда убрался у меня из лёгких.

В глазах темно, но хоть нигде не болит, что хорошо, а вот подступающая к горлу тошнота и солёный вкус на языке — это плохо.

Я попробовал пошевелиться, но усилие не произвело должного эффекта. То ли всё-таки завалило, то ли я окончательно поломался. В обоих случаях я, пожалуй, гарантированный труп.

По сути, меня покуда держала на плаву только принудительная вентиляция маски. Журчание насоса оставалось единственным звуком, который доносился до меня из окружающей ватной действительности.

Хотя нет, где-то вдали послушалось характерное ритмичное шуршание канта о ледяной наст. Шуршание приближалось.

Попытавшись вспомнить, был ли мною активирован антилавинный маячок, я со стоном усилия снова попробовал пошевелиться. Нет, по-прежнему ничего не болит, но и плодов никаких мои старания не приносили. Видимо, спина. Не спасла черепашка, при таком-то падении.

Значит, всё.

Но тут змейка кантов прервалась, и ко мне деловито направилось уже хрумканье шагов. Тут уж одно из двух, или свои, или чужие. Я машинально нашарил клыком капсулу второго премоляра. Если что — секунду спустя моя кровь превратится в донельзя эффективный биорастворитель.

Рывком меня достали из той канавы, где я застрял, и рывком же поставили на ноги.

Надо же, цел. Удачно меня заклинило, как пробку в бутылку.

Спаситель мой был похож на меня, как две капли воды. Та же маска, тот же комбинезон, даже борд идентичный. Удобно.

— На сколько ты таймер поставил?

Английский его изрядно отдавал испанским, хотя нет, скорее каталонским.

— Десять минут.

— Кап де суро, едва успеваем, — точно каталонский. — Рапидо, вставай и вниз по склону. Тут триста метров и направо, там едва заметная тропинка вбок. Не промахнёшься?

— Не промахнусь. А ты чего?

— Ну, лавину ты частично сам спустил, — глухой смешок, — так что небольшой запас есть. Кагабандуррис уже летят на своих геликоптерах, надо уводить их дальше.

— Справишься?

— Да уж получше тебя, кул долла.

Ну спасибо.

— Ехать-то можешь, омбре?

— Справлюсь.

— Ну, адеу тогда, как доберёшься, выбирай любой вход, я тебя найду.

Любой вход?

Но каталонский доппельгангер уже укатил. И тут же у меня за спиной ухнуло.

Обернувшись, я не без удовольствия пронаблюдал поднимающийся за скальным выступом огненный шар. Снегоход мой, видать, был загружен под завязку.

Нужно сваливать, сейчас сюда придёт весь оставшийся склон.

Подёргав крепы — вроде на месте, и борд цел — я на выдохе развернул себя вниз по склону, тут же набирая ход. Моя припавшая на ведущую ногу тень красиво скользила впереди. Хорошо ей. В отличие от меня, у тени не было головы, в которой бы пульсировал набат сердцебиения, и не было жил, по которым уже вовсю гуляло пламя. По сути, мои ощущения к тому моменту уже не особо отличались от того, что я бы почувствовал, всё-таки расколов зубную ампулу.

Красивые зелёные круги пляшут перед глазами, каждое натянутое сухожилие горит так, будто их намотало на колки какого-то садистического музыкального инструмента, ноги не желают слушаться вовсе. Попадись мне в тот момент лишняя кочка, мне бы, пожалуй, не хватило сил её нормально отработать. Я банально тянул спиной вперёд одну большую дугу, куда велено, не пытаясь совершить ничего более героического, и только в голос воя от зажёгшихся икр.

Дерьмовая история, в таком состоянии катать.

Однако поворот я всё-таки сумел разглядеть вовремя. Действительно, едва заметная тропинка. Ну логично, не в деревню же мне ехать, пусть та и пустует который год, кому оно теперь надо, ваше лесное «дьюти-фри».

Проехав по целине буквально несколько десятков метров, я окончательно завяз. Отстёгивая борд, уже чистой сомнамбулой не глядя попёр вперёд, пытаясь сообразить, куда мне дальше.

Над головой пару раз мелькали лопасти не к ночи помянутых вертолётов, но хвоя крон и сияние рассвета в табло меня прикрывали надёжно, да и вертолёты явно интересовались не мной, а доппельгангером, что уводил их сейчас от меня дальше на юг, в долину.

Господи, да где же конец всему этому. В горле у меня клокотало, в ушах звенело, перед глазами снова чернота, а ноги идут вперёд исключительно при опоре о вертикально поставленный борд, с успехом заменявший мне костыли.

Домик в итоге нарисовался у меня буквально перед носом. Плотная, структурированная темнота в самом центре поля зрения.

«Выбирай любой вход». До меня только теперь дошло.

Две деревянных ступеньки упирались в симметричную дверь — направо и налево. Так и не сообразишь, куда мне теперь. Спасибо за подсказку.

Распахнув правую створку, я кулём ввалился внутрь, громыхнув маской о доски настила и рассыпав вокруг комья снега, облепившего комбинезон.

В помещении было тепло, и меня тут же отчаянно стало клонить в сон. Так, нужно что-то делать, а то я тут отключусь. Однако при одной только мысли о том, что нужно подниматься и что-то делать, круги у меня перед глазами принимались плясать с удвоенной силой.

Выпростав руку из перчатки, я кое-как просунул пальцы за воротник водолазки и прислушался. Пульс жуткий, тахикардия за сто восемьдесят. С температурой сложнее, мокрые пальцы елозили по горячечной коже. Кто его знает, может, уже и под сорок.

Новая волшебная таблеточка с таким анамнезом мне уже не показана, но тут должно быть припасено для меня и что помощнее.

Нужно только… нужно только…

Я через силу, ужом извернулся, сперва — чтобы скинуть лямку рюкзака и перевернуться на спину, затем — чтобы выпростаться из рукавов куртки. Даже здесь, на тепле, из-под

раскрытого клапана повалил пар.

Судя по температуре, мне скоро хана.

С трясущимися руками и ногами я еле сумел подняться на колени, что ж тут так темно-то. В глаза словно соли с песком насыпали, передо мной всё плывёт и трясётся.

Поняв кое-как лицо вверх по стене я с неприятным удивлением обнаружил там две исправно горящие под потолком светодиодных лампы. Не то, чтобы тут было так уж темно. Значит, и зрение всё.

Аптечку на ощупь удалось отыскать не сразу, кому-то весьма догадливому хватило ума оставить её на столе. Очередное упражнение на силу и ловкость. Спасибо, что не пришлось ещё и с содержимым разбираться. Внутри под липучкой скрывалась единственная ручка-шприц. Рядом лежала бумажка с инструкцией, но из меня был тот ещё чтец. Не вдаваясь в детали, я жахнул себя в предплечье и повалился на деревянный топчан, что был сколочен тут же вдоль стены.

На большее меня сегодня не хватит, подумал я и провалился в неприятное забытье, наполненное смутными голосами и летящими мне в лицо снежными комьями.

Очнулся под чьё-то бормотание. Оглядевшись, не сразу сообразил, где я. Помещение казалось отсюда, сверху, каким-то другим. Во всяком случае, резкое сияние ламп под потолком теперь выглядело привычно, не едва продирающимся сквозь вязкий сумрак тлеющим огоньком с того света. Помимо надоедливого голоса здесь теперь было полно звуков. Шумела вытяжка, гудел в углу термостат, за стеной скрипели сосновые сучья, у меня в ушах если и свистело по-прежнему, то на куда более скромных децибелах.

Голос же обращался ко мне.

— Ола, омбре, ты в порядке?

За гермостеклом с двумя лабораторными перчатками посредине маячил мой доппельгангер. Надо же, вернулся.

— Всё в порядке?

— Там, снаружи?

Нет, блин, я тебя про твоё самочувствие спрашиваю.

— Эста бе, тебя сейчас отчаянно ищут в десятке километров ниже в долине.

Вот и славно.

Поднявшись на ноги, я слегка пошатнулся, но устоял.

— Поторопимся.

А, да. Я послушно закатал рукав водолазки, поделав качающее движение кулаком. Где-то здесь должно быть… точно,

рядом с аптечкой валялся бумажный пакет с одноразовым жгутом. Вскрыв его зубами, я бочком подсел к разделяющему нас стеклу и послушно протянул вперёд сгиб локтя. Вены на руке были настолько жутко, что казались чёрными. Да уж.

Доппельгангер в ответ сунул руки в клапана перчаток, ловко доставая из переходного бокса три красных вакумтейнера конского размера — миллилитров на 20, не меньше. А они тут не скромничают. Укол иглы я толком не почувствовал.

Глядя, как вязкая жидкость нехотя наполняет пробирки, я вновь ощутил, как на меня волной накатывает дурнота.

— Как тебе на вид, всё плохо?

Каталонец на мой вопрос не обратил ни малейшего внимания, сосредоточенно манипулируя образцами — взять, набрать, упаковать, сложить в переходной бокс, повторить — да я на ответ не особо и рассчитывал. Нужно ли быть великим специалистом в микробиологии, чтобы сторожить меня тут в лесной избушке на границе между Свиссом и Тиролем.

— Спасибо за службу, — всё-таки буркнул под конец он и начал собираться. — Ты по дороге как, не наследил?

Прижав ранку салфеткой из того же пакета, я распустил жгут и на пробу подвигал рукой, сгибая и разгибая. Вроде пока работает.

— Старался не наследить. Дальше какой план?

На этот раз его ответный взгляд мне совсем не понравился.

— Действие препарата скоро закончится, ложись обратно.

— Это я сам разберусь. План какой?

— У тебя будет три дня чтобы оклематься. Капельницы, прочая ерунда — в холодильнике, там же вода и сухпай, если понадобится. Вон там камера, — доппельгангер кивнул в дальний угол, — за тобой следит. Если перестанешь подавать признаки жизни раньше, деу но вулью — мы тут всё дистанционно сожжём. Через три дня в любом случае уходи вниз, координаты следующей точки у тебя есть.

— А если не уйду?

— Этот дом в любом случае сгорит.

Понятно. Вот тебе и «спасибо за службу». Впрочем, а ты чего ожидал.

Только уже полностью собравшись и застегнувшись, каталонец обернулся в дверях.

— Что там у вас на самом деле творится?

— Ты так спрашиваешь, будто это секрет. Заборы строят, как и везде. Свисс же — не исключение, да?

Доппельгангер задумчиво кивнул, вновь присаживаясь на край топчана.

— С тех пор, как в Лозанне случилась вспышка «чёрной смерти», пожалуй, что везде началось. Разве что по горам скоро и будем ходить. Да и их, пожалуй, что через пару лет окончательно перекроют, как на востоке.

Помолчали. Если даже Свисс с его лабораториями и его относительно небольшим населением начал закрываться так жёстко, что уж остальным остаётся делать.

— Тем важнее собрать по максимуму образцы, пока всё не перекрыли.

И выразительно потряс кулаком рюкзак с моими образцами.

Да уж.

— Адеу, омбре.

И с этими словами вышел. Я некоторое время прислушивался, как он там скрипит снегом, а как звуки шагов стихли, улёгся обратно на топчан.

Сколько мне там осталось, судя по накатывающим вновь волнам жара, не больше часа, и снова отключусь. Надо до того успеть воткнуть себе капельницу с глюкозой, не то чтобы это помогало, но всё-таки.

И главное глупо получилось, когда вчера вечером у меня заорала помпа, я спокойно ужинал у себя дома. Пино блан, простенькое, трёхлетнее, кремозный сент-агюр на закусь. В кои-то веки решил себе устроить небольшую вечеринку на одно лицо. И где теперь тот сент-агюр…

Инструкции в таких случаях выдавались стремительно. Маршрут, поддержка, тайминги.

Да и какие варианты, сдаваться в госпиталь, пока не заразил пол-подъезда? Так всё одно это не лечится, слишком легко внутриклеточный паразит уходит из-под радаров иммунитета. Таким его и задумывали. Шансы ровно пополам на пополам, или выживешь, или нет.

Теперь же я в любом случае принесу пользу.

Не живым, так в виде лабораторных образцов.

А там, глядишь, мы всё-таки сумеем одолеть эту дрянь.

На брифингах нам немало часов рассказывали о прорывных технологиях направленного мутагенеза антигенов, который должен был, в теории, суметь предоставить каждому индивиду способность почти мгновенно видоизменять собственный приобретённый иммунитет под новые штаммы возбудителей. Иммунный ответ, выработка которого у человека обычно занимает дни и недели, должен был чудесным образом возникать сам собой за пару часов. Только так можно одолеть ту заразу, что регулярно поступала в Европу. Каждый раз — как будто случайно, но непрерывно, стоило только закончиться Сорокадневной войне.

Многолетняя мечта человечества — универсальная вакцина, которая остановит череду захлестнувших мир всё новых и новых патогенов, что выкашивали по сотне тысяч человек в месяц, заставляя обезлюдивать целые города. И да, строить повсюду защитные периметры, которые максимум, на что были способны, это локализовать очередную вспышку.

Никого ни от чего толком не спасая.

Эти стены мы же и строили. Наши патенты, проданные десятку транснациональных корпораций. Пока так. Но если наши биоинженеры всё-таки найдут способ формировать контролируемый иммунитет… да, мы снова аккуратно раздадим и эту технологию, в который раз осчастливив человечество.

Мне с того какая радость, если я, персональный я, умру здесь и сейчас, на деревянном топчане посреди опустевшей горной страны?

Обыватели любят порассуждать, что, мол, хорошо умирать в кругу семьи, в окружении детей и внуков.

С тех пор, как человечество наловчилось умирать по больницам, эта идиллическая картина стала ещё более бредовой. Незнакомые пациенты на соседних койках и спрятавшиеся за пластиком спецкостюмов врачи, дай бог, если не усталобезразличные ко всему после суточного дежурства, вот и всё, на что ты можешь в реальности рассчитывать.

Да и то сказать, умирать в любом случае страшно.

И неважно, служишь ты при этом чему-то или нет.

А вот будет тебя кто-то из близких жалеть после смерти — вот это тебе точно знать не дано. И потому — совершенно неважно.

Чувствуя накатывающую волну, я побрёл к стоящему в углу холодильнику за физраствором.

Постарайся потратить оставшееся тебе время с пользой. Постарайся выжить.

XXI. 33. Экспат

От «Шлюза-2» стояла очередь пустых рудовозов, потому заходили по дальней, не то седьмой, не то восьмой нисходящей. Новак уже и позабыл, как тут красиво. Северный гребень кратера Кабеус величественно поднимался из-за горизонта, пока внизу скользили огни открытых карьеров Шеклотона, а впереди уже поблескивали в солнечных лучах расходящиеся веером лучи гипертруб, соединяющих Шеклтон с Хауортом.

На внешних трассах ничего похожего не встретишь. Там и Сол далёкий, слабый, и вообще активности никакой — посмотреть на вспыхнувший огонёк на дальнем радаре сбегается вся дежурная бригада, и ну в эфире трындеть. Как дела, путёвый? Куды путь держишь?

Вообще, это голодное панибратство после возвращения приходилось из себя выдавливать по капле. Чтобы не тянуло каждого встречного внешника на пересадочной по плечу хлопать да жвачку просить на опохмел после вчерашнего.

С внутренниками сложнее, внутренники все угрюмые и если не сказать что злые. Новак разговорился с одним, пока борт ждали, так тот едва ли не сквозь зубы отвечал. Ничо, мол, нормально поживаем, пролежнев, как вы, не имаем. Не принято тут нормально общаться, да и то сказать, на внешних трассах народ почему такой болтливый? Потому что иначе от скуки

рехнуться можно. Даже на непрерывном цикле разгона-торможения три месяца от Матушки до Красной, и потом ещё бывает и два раза по стольку. Это если до Папы не лететь.

Новак тут же почувствовал, как у него на загривке последние волосы встали дыбом.

Вот к Папе совсем не хотелось. Там покуда считай только автоматы шустрили, но долго ли и людей послать. Ледяные миры, радиация страшная, жизнь в крошечной консервной банке с во-от такими толстыми стенками это вам не мёд и не сахар. Но красиво будет, да, не то что по камням с геологоразведкой да кларковыми числами носиться.

Челнок прилично тряхануло, как на качелях, вверх, и сразу снова вниз.

Новак только посмеялся себе в бороду, краем глаза наблюдая за зелёным лицом пакса из соседней капсулы. Тут тебе не здесь, дальние они на то и дальние, что со значительными участками свободного маневрирования. Только смотри, не сблевани, битый час наблюдать за обблёванным внутренником до самой посадки Новаку ничуть не хотелось.

И главное странные люди, ну если не твоё это, так оставайся на Матушке, не мешайся у профи под ногами. С тех пор, как запустили «Шлюз-2», то есть года три как, стало на гало-орбите много залётного народу, каких в былые времена на низкую околоземную-то никогда бы не пустили.

Впрочем, тут Новак должен был согласиться, если бы «Лунар текникс» с момента своего основания придерживался старой программы «Артемида», туды её, до сих пор бы все ютились в трёх куполах, завистливо поглядывая на кратер Фон Карман, как ханьцы достраивают одиннадцатую оболочку стационара «Чанъэ». Чтобы их догнать, нужно было волевое решение и туча рабочих рук. А ежели так, то без зеленолицей шулупони не обойдёшься, пусть хоть всю Муну обблюют.

Между тем челнок уже благополучно развернулся брюхом кверху и начал потихоньку подтормаживать, выходя на баллистическую. Теперь поверхность скользила в загодя затемнённом иллюминаторе исключительно в виде контрастного рельефа мелких кратеров, едва высовывающих свои края из тени северного гребня.

Грустный, но неизбежный факт состоял в том, что большинство обжитых людьми мест Муны до сих пор располагались на поверхности, почти не освещаемой солнечными лучами. Да, холодно, но тут по крайней мере есть вода, а с нею на Муне до сих пор большие проблемы, сколько ни завози. Не то что на Красной, где реголит ниже пары десятков метров почти

сплошь пронизан ледяными друзами, не говоря уже про Цереру, которая почитай целиком из воды и состоит, половником черпай, если всякую дрянь из неё предварительно вынуть да растопить. Муна по сравнению совсем сухая — почище пустыни Гоби на Матушке.

Ханьцы, впрочем, проблемы с водой наловчились решать, забурившись глубоко под поверхность, потому и строят свой мега-телескоп не на южном полюсе, а куда ближе к экватору. Ничего, переживём, нам и в Кабеусе неплохо.

Главное дело своё делать, как говорится, споро да быстро.

Челнок будто послушался команды, заваливаясь кормой навстречу ещё неразличимой отсюда, с высоты пяти километров, посадочной площадки.

Сосед ещё больше позеленел лицом, вцепившись скрюченными пальцами в поручни, но покуда держался. Ну и молодцом, в конце концов, чего стесняться, не блюёт тот, кто не летает.

За иллюминатором промелькнули стоящие торчком облупленные сигары отслуживших своё ещё по за тот год белоснежных мунных «Старшипов» — все шесть штук, никак не соберутся их демонтировать — чтобы тут же исчезнуть за краем посадочного тоннеля. Реголитовая пыль от маршевых на торможении последние годы так достала обслуживающий персонал куполов, что посадочные площадки в итоге заглубили в тридцатиметровые колодцы. Отныне после посадки челнокам горделиво в лучах Сола не красоваться, жаль, величественное было зрелище.

Борт напоследок покачнулся на опорах и тут же, под звуки могутной гидравлики, принялся менять положение с вертикального на горизонтальное. Как там сосед? Держится. Новак подмигнул ему ободряюще и принялся отстёгиваться.

Кабин-сьют тут же деловито захлопнул визор, изолируя Новака до выяснения его иммунного статуса. Новак уже и забыл, как тут так строго. Интересно, а запачкай его сосед свой костюмчик так сказать снаружи, что они с ним будут делать? Наверное, так вместе с боксом и повезут, родимого.

На выходе к трапу как всегда толкотня и давка, обороты идут, ничего не меняется. Новак хмыкнул себе под нос, от греха поднял гермоконтейнер повыше над головой — ещё помнут, чего доброго — и принялся, ловко орудуя локтями, пробираться вперёд.

Разбирательств тут на входе и правда предстояло немало. Матушка опять чудила в смысле эпидемиологии, почти все прибывающие были прямиком оттуда, так что администраторы «Лунар текникс» снова спешили перестраховаться.

Только когда Новаку удалось разглядеть при помощи аугментации мерцающие под потолком виртуальные указатели «прибывшие с внешних трасс», дело пошло быстрее. Гаркнув пару раз своё фирменное «па-астаранись», он благополучно оказался на относительно свободном пятачке, где маялись такие же, как он, дылды. Вообще завсегдатая внешних трасс легко узнать со стороны по вытянутой организации тушки с тонким и как бы в целом удлинённым телом и конечностями. Не то, чтобы за пару лет мотаний по Сол-системе туда-сюда так уж были заметны изменения в скелете и мышцах, но опытный глаз своих сразу помечал.

— Здарова.

— Дороу.

Даже внешники чего-то сегодня не разговорчивы, уткнулись в свои виртпанели и по сторонам даже не смотрят. Ну и ладно. К Новаку подбежала собака, станцевала свой обычный приветственный танец. Мило. Гермоконтейнер намертво прирос к её спине и тут же унёсся куда-то в недра таможенного комплекса. Пустой не пустой, а проверить необходимо. Чёртовы бюрократы.

Очередь Новака подошла не сразу, он уже начал привычно изнывать. Каждодневная скука на долгих внешних трассах была привычной проблемой, но вот чтобы ещё и по прилёте так бездарно тратить время…

— Следующий, прошу вас.

Разумеется, за стеклом никого не было, только стоковый призрак механически изображал приветливость. Разговаривать с машиной Новак не стал, просто молча позволил просканировать свой напульсник.

— Лео Новак, 3-16-145-6-2, бессрочный контракт с «Групо Карсо» на внешних трассах без права полётов на Марс, всё верно?

— Угу.

— Я вижу, ваша иммунная карта успешно обновлена на «Шлюзе-2», но мы не рекомендуем вам прямых контактов с посторонними ещё 72 часа. Кроме того, администрация ввела режим чрезвычайного положения до особых указаний. Вы должны следовать любым рекомендациям и запретам, которые вам будут транслированы в личный канал. Вам понятны эти ограничения, Лео Новак, сэр?

Какой я тебе ещё «сэр», возмутился Новак, но вслух лишь холодно отчеканил:

— Да, согласен.

— Счастливого пребывания в кратере Кабеус!

Только этой ерунды ему не хватало. Новак нахмурился, находя взглядом собаку со своим гермоконтейнером и делай ей

рукой жест следования. Пофигу что собака таможенная, ничего, сама потом и вернётся. Что они тут за ерунду ещё придумали с чрезвычайным положением. На его памяти такое бывало лишь однажды, когда прохудившийся челнок предыдущего поколения разнёс при старте заправочную ферму, но было то когда, в первый год контракта Новака, тогда ещё не с «Групо Карсо», а с брегзитами, чтоб им пусто было. На этот раз что случилось?

Впрочем, на вид жизнь вокруг кипела как обычно, разве что больше обычного народ в кабин-сьютах шастает. Впрочем, для тех, кто только с Матушки, оно и удобнее, гравитация плотнее к полу прижимает. Этих, кто с непривычки изображает чёртовых кенгуру, за сто метров видать по вихляющей неудобной постановке. Новаку же, как и всем дылдам, тяжесть в ногах только мешала. На внешних трассах до сих пор почти всё время проводили при микрограве, да и в остальном шли малой тягой, так что хочешь не хочешь а привыкнешь к некоторой лёгкости во всём теле.

Новак присмотрелся к циферблату бортового времени кратера Кабеус, что мерцал в левом верхнем углу зрения. На самом деле даже быстрее плана с примунением управились. До встречи у него оставалось часа четыре, рекомендации рекомендациями, а ежели засунули его в кабин-сьют, так пусть в этом будет хоть какая-то польза.

Добравшись в купол с говорящим название «Хоспиталити», Новак в который раз поморщился от того, каким неказистым его построили. Что поделать, второй по порядку возведения, аддитивные технологии, разработанные для более плотного реголита, здесь дали слабину, вся конструкция так покосилась, что в двадцать девятом едва не рухнула, пришлось срочно её укреплять изнутри монотредной арматурой, в общем, выглядело всё с тех пор, ну как сказать, бетонным бараком. Недаром здесь селили вот таких, как Новак, сезонных понаехалов между рейсами. Мунные резиденты давно облюбовали купол «Эндевор», новенький, с иголочки, аж плюнуть жалко, чтобы чистоту стен не пачкать. Тут же… Новак указал собаке пальцем, куда сгрузить поклажу, после чего отпустил, и уже тогда покинул номер, заварив напульсником люк. Забавно, толпа народу на таможне, а одноместные номера свободные есть. Ну как, «номера», закутки два на два с вибродушем и откидною койкой.

Собственно выбор, как провести оставшееся время, был невелик — в бар или в кабак. Можно, конечно, было поискать по сетям какого-нибудь старого приятеля с внешних трасс, и уже с ним, соответственно — в бар или в кабак, но подобное мероприятие за четыре часа точно не исчерпается, да и трезвость

ума всё-таки желательно было до встречи сохранить, потому решение было очевидным. Уже спустя четверть часа травалатор доставил Новака на место.

Место называлось «Свинарник». Ну, то есть формально, в реестрах «Лунар текникс» оно никак не называлось, «пищеблок номер 14», но заправлявший здесь с самого открытия чувак так увлечённо пускал всё на самотёк, что пищеблок быстро превратился в свинарник. Отсюда и название. Наливали тут всё, что горело, а пили всё, что пилось. Еда же была — полное дерьмо. Но еды Новаку сейчас и не требовалось.

— Здарова.

А тут сегодня негусто народу. Бармен (ну или как ещё называть татуированного по брови аутло, тыкавшее за посетителя грязным пальцем в экран раздатчика, голосовое меню тут никогда не работало, в общем, пусть будет бармен) молча поставил перед Новаком неоднократно пользованный бирдекель с затёртым логотипом «Лунар текникс» и выжидательно посмотрел, мол, какое вино мсье предпочитает в эту фазу Муны?

Новак предпочитал два два пальца односолодового он рокс.

Бармен сменил изгиб рта на чуть более приветливый, нечасто здесь кто-то пьёт напитки с Матушки, а не традиционной мунное пойло, дымившееся при попадании на органику, и в виде исключения даже налил сам. А хотя да, наверняка же контрабанда, через раздатчик такое не пропустишь.

Новак приподнял стакан на сантиметр в ответном жесте вежливости и только тогда принялся возиться с кабин-сьютом, просовывая серебристую трубочку через клапана. В общем, к тому моменту, когда он справился, лёд уже изрядно продтаял, и эффект от долгожданного глотка был не тот.

Чёрт. Вот так мотаешься сотнями гигаметров в один конец, а даже заработанное потом с чувством потратить не удаётся.

Впрочем, нотки груши и что там, чернослива. Не обманул бармен. Натюрэль.

— Что празднуем?

Интонация прозвучала неприятно, потому Новак даже не стал реагировать, хотя обращались явно к нему, напульсник аж завибрировал.

Второй глоток пошёл лучше, мягкое прохладное односолодовое тепло ушло вниз по пищеводу так, как не уходит при проклятом микрограве.

— Я тебя, дылда, спрашиваю. Чо празднуем?

Бармен молча покосился, мол, если что, я его мигом.

Новак только головой покачал. Да мы и сами с чудесами.

— Не заметно? Возвращение.

И только тогда развернулся всем корпусом, отставляя стакан.

Над ним возвышался, покачиваясь, тот самый зеленолицый пакс. Надо же, какое совпадение.

— Тебе бы тоже принять, земеля, коли уж сюда занесло, — хмыкнул Новак, уже скучая по оставленному на стойке. — Я не знаю, что за муха тебя укусила, но во время снижения ты так-то не шумел.

— Тебе смешно, да? Сам-то далеко от Матушки собрался? Думаешь, хорошо устроились и гори всё огнём?

— Э, братюнь, остынь, или я тебя отсюда выставлю, пнятна?

Это всё-таки подал из-за спины голос гнусавый бармен.

— Погоди, у земели есть ко мне претензия. Давай разъясним, не вопрос, у меня на то полно времени.

Бармен пробубнил себе под нос что-то вроде «только начните мне тут мебель бить» и ушёл обратно к себе в угол дальше втыкать в виртпанель. Вот и молодец.

Земеля же всё пыжился, пытаясь восстановить дыхание за потным забралом. Наконец, считанных полминуты спустя ему это всё-таки удалось:

— Вам тут всё равно, что внизу творится?

— Нам? Хорошо, давай разберёмся. Вот ты скажи, тебя волнует доза, которую парни получат, набивая здесь, на Муне, для вас, для Матушки очередную канистру тригелия?

— К-какую ещё дозу?..

— Радиоактивную. Биологический эквивалент рентгена. В миллибэрах, ежели наразвес. Ты вообще в курсе, что тригелий и сам фонит, и поступает из реголита почему-то исключительно пополам с радоном. И парни на комбайнах почитай всю смену у самом припёке сидят, через стеночку от бака, то есть сантиметрах в десяти, тебя волнуют их проблемы?

— А тебя, дылду, можно подумать, волнуют?

— И меня не волнуют, — легко согласился Новак, отворачиваясь к стойке и хлопая перчаткой по соседнему сиденью. — Да ты не маячь, присаживайся, выпей чего, мой тебе совет, сразу полегчает. Я ж видел, как тебя полоскало.

Надо же, послушался, сел, остывая.

— Не понимаю я вас, внешников. Вы всё время такое лицо делаете, будто вы тут типа элита, и вам насрать на всех остальных.

— Это ты зря, мы можно сказать самый незлобливый и общительный народ во всей Сол-системе. Кого хошь, вон, у бармена спроси, всякий тебе подтвердит. А что лицо такое строим, так извиняй, как ещё на твои выкрутасы на борту было смотреть? Я и сам таким когда-то был, потому и смешно. Не

ржать же мне с тебя в голосину, вот и сделаешь лицо построже, глядишь, и попустит.

— Это не повод так безразлично относиться к чужим бедам.

— Согласен. Но я считаю так. Вон бармен здесь работает, я тоже можно сказать командировочный, ты, поди, на Муну не развлечения ради пожаловал. Все трудятся в меру способностей, у всех контракт, своя задача, свои проблемы. Не хочешь — не берись, а чего нюни ныть? Обрати внимание, ну объявили по Кабеусу чрезвычайку, и чего? Никто не бегает, волосы на себе не рвёт. Когда пятый купол рванули шайтаны, на Муне кто-то плакал, заходился? Собрались, шайтанов отловили, купол восстановили, покойников со стен соскребли, упаковали и отправили к Матушке. Или когда там внизу порешали «СпейсИкс» разукрупнять, корпоративный монополизм, мол, хотя ну был «СпейсИкс», стал «Маршиан текникс» да «Лунар текникс», какая разница, кто-то ныл? Нет, все делали своё дело, каждый на своём месте. Или менял контракт. Почему на Матушке всё не так, что все там постоянно ноют?

Собеседник натужно пыхтел, пытаясь хлебнуть пива через клапан. Во дурак ты, земеля, надо было сидр брать, при мунном тяготении с пивом одна морока, да и дрянь оно тут, как и всё местное. Впрочем, сидр тоже был ужасен. Новак сделал ещё небольшой глоток — односолодовый заканчивался, надо бы ещё поцедить, а, чёрт, гуляй рванина, махнул бармену повторить, однова живём — и тут же знакомая мысль: на Матушке поди в еде и напитках лучше, чем где бы то ни было понимают, вот чего-чего, а этого у них не отнимешь.

— Вам тут, наверху, легко рассуждать. С Матушке большинство никуда деться не может. Живёт, как получилось, работают, где дают. И если дают.

— Что, и вменённый доход не помогает?

— Ты странный. Чему он поможет, не потратить ты его не имеешь права, остаток сгорает каждые две недели, а на что ты его истратишь? На ту же еду-одежду да и всё.

— Нежто мало? Я за глоток односолодового — и то спасибо вон бармену, что добыл да приберёг — трачу столько, что внизу можно месяц от пуза устрицы жрать. Сола иногда по полгода не вижу. Про радиационные пояса даже рассказывать не буду. Микрограв кости ломит, сам же меня «дылдой» обозвал. Ну и чего мне, жаловаться? Или всё-таки прекращать.

— Если бы всё было так просто, — опять завздыхал земеля.

— А на мой вкус всё предельно просто. Вот вы живёте на Матушке, проблем хватает, но не чересчур. Воздух бесплатный, из окна не фонит, воды-еды — залейся. А у нас тут, наверху, знаешь,

как бывает, накатит на тебя иногда, хоть волком вой, иные себе башку трёхгранником пробивают в порядке ремонтных работ.

— Это чего это?

— Это того это. Говорю же, бывает, накатывает. Будто не хватает тебе чего-то, будто какого-то газа в воздушной смеси. Без цвета без запаха, а мимо него дышишь будто пустотой.

Новак замолчал, не желая удаляться в эту степь.

— И чего вы делаете?

— В смысле, чего делаем?

— Ну, когда накатывает. Если не трёхгранником, конечно.

— А ничего не делаем, — ещё глоток, чтобы смыть тот самый знакомый металлический осадок на зубах, — большинство просто возвращается по возможности. На передержку у вас, внизу. Матушка лечит, говорят.

— Но большинство всё равно снова летит на внешние.

— Это конечно. Вон посмотри на меня, живу себе, не тужу, работаю исправно, лечусь в основном палёным спиртом, сверхзвуковой перегонки. На вкус — чистый растворитель для эмали, но помогает. А ты чем промышляешь, земеля?

— Да вот, мотаюсь, то туда, то сюда.

— Вроде службы доставки.

— Вроде.

И руку в перчатке кабин-сьюта протянул.

— Курт.

А что, судя по сивым бровям за забралом, типичный Курт.

— Лео.

— Что ж ты, Лео, делами тех, кто внизу совсем не интересуешься?

— Ну почему, интересуюсь. Опять же, мне оттуда платят. А так-то родни у меня никакой нет, мама моя ещё в двадцать первом померла от ковидла, папаша-оболтус неизвестно где шарится, вот и вся история. Даже если я сильно по Матушке соскучусь, чо мне там делать, а уж тем более — просто так «интересоваться». Вот ты, Курт, делами внешних трасс когда последний раз интересовался?

— А вот как сюда летел.

Пф. Сразу видать знатока нетевого.

— И много чего вычитал?

Курт только плечами пожал.

— Скучно у вас.

— Скучно, согласен. Про рудовоз Н-128-бис слыхал?

Конечно, не слыхал, ещё бы он слыхал, Курт этот.

— Исчезнул полкруга назад назад на пассивной кривой между Красной и Поясом. Раз и пропал с радаров. Никто ничего

ни сном ни духом. Куда может деться целый рудовоз. Мегатонна сухой массы. Даже если у него реакторы расплавились, если его камнем посекло, осколки должны гирляндой по всему полю сверкать! А тишина.

Помолчали.

— Ладно, ты не обижайся, Курт, что я тебя «земелей». Ты же знаешь, мы без Матушки никуда. Да и в целом, сам пойми, жизнь она такая. Без шутейки не проживёшь.

И тут же спохватился, одним глотком допив остатки односолодового уже пополам с водой.

— Слушай, время, мне бежать надо, встреча у меня. Совсем тут с тобой засиделся. Пойду.

И махнул бармену, чтобы чарджнул счёт.

Но Курт в ответ отреагировал странно, продолжая как бы изучающе на Новака глядеть, ну или так ему показалось через забрало.

— А ты не торопись. Я за тобой с самой посадки на борт наблюдаю.

Вот это заявление Новаку крепко не понравилось. Так на так, а совпадение это с их встречей в «Свинарнике» с самого начала выглядело подозрительно.

— Это в каком смысле «наблюдаешь»?

— Сорока-воровка кашу варила, деток кормила.

Новак послушно сел обратно на стул. С этого стоило начинать.

— Этому дала, этому дала.

Курт. Или кто там он, теперь хрен поймёшь. Ладно, рядом с Новаком всю дорогу восседал тот самый земеля, с которым они и должны были встретиться спустя пару часов. Новак послушно вырубил трансляцию кабин-сьюта и переключился на прямой канал.

— И зачем был весь этот цирк?

— Какой?

— Вот этот, обзываться «дылдой» было зачем?

— Скажем так, я, конечно, курьер, но непростой. Мне не всё равно, что и кому я доставляю. Да и Ромулу тоже.

Новак подозрительно сощурился, но виду не подал.

— Потому я вынужден был вас предварительно слегка расспросить. Да и то сказать, беседа, как мне кажется, получилась довольно любопытная.

— И всё-таки, вы курьер. Не расскажете, что вы, хм, мне тут доставили?

— Не вам, точнее, не совсем вам. Груз, к слову, уже у вас в номере, в том самом гермоконтейнере. Только не вскрывайте его

до прибытия, во-первых, внутри всё очень хрупкое, а во-вторых, там довольно сложная защита, чтобы обойти таможенные биосканеры, потому, повторяю, не лезьте туда раньше времени.

А не бонбу ли этот Курт Новаку решил подсунуть по простоте душевной.

— И что же это?

— Хлорелла. Несколько колоний на все случаи жизни.

Новак ничего не понял, но виду постарался не подать.

— Это, кажется, такая водоросль?

— Это не просто «такая водоросль». Биотехнологические лаборатории Корпорации разработали особые, максимально производительные и жизнеспособные моноклональные линии, избавленные от паразитов, неприхотливые по части условий, в особенности что касается радиации, идеально переносящие гибернацию, максимально простые в обслуживании и оптимизированные на преобразование углекислоты в биомассу. Даже на широтах Папы — вы ведь так Юпитер называете? — им достаточно света для активного фотосинтеза.

— Но погодите, это всё означает…

— Да, в среднесрочной перспективе — полноценную колонизацию Пояса. Марс бесполезен, на нём относительно хорошо с водой, но в целом там человеку нечего делать в обозримом будущем. Нам нужно двигаться дальше.

— Вам?

Новак постарался придать своему голосу максимум сомнений.

— Не нам. Вам. Дылдам. Внешние трассы нужны Матушке куда больше, чем вы можете себе представить, но вы сами заинтересованы в этом куда больше. Колонизация означает, что вы будете свободны от контрактов. Вы сами сможете осваивать неограниченные ресурсы Пояса.

— Потому вы и подвели меня к вопросу, способны мы прожить без Матушки.

— Не только, я хотел узнать, хотите ли вы этого.

— Ну хорошо, внизу нужны ресурсы, наверху нужна самостоятельность, но когда это будет, сколько лет пройдёт, а главное — зачем это Корпорации.

Курт пожал плечами. Как показалось Новаку, вполне себе искренне.

— Некоторых вещей я не знаю. Так ли это важно? У вас в руках будущее Пояса. Новый фронтир. Вы против такого развития событий, вам нравится трудиться по контракту… дайте угадаю, «Релайанс», а затем «Групо Карсо»?

Как же. «Угадал» он. Просто кое-кто слишком много про него,

Новака, знает.

— Так нравится или нет? Ладно, не буду вас больше мучить. Вы, наверное, устали после перелёта, идите, поспите, подумайте. Ваш обратный рейс через 72 часа. Церера.

— Откуда вы…

Впрочем, Новак уже ничему не удивлялся.

Впрочем, Церера так Церера.

— Вас там разыщут. Передайте культуры и ждите результата, работайте, как работалось. Но помните, рано или поздно мы вам тоже пригодимся. Не внешникам вообще, а персонально вам, Лео Новаку. Если что — мы поможем.

Распомогались, ишь, помогатели.

— И ещё, — Курт пристально, с тяжёлым нажимом посмотрел Новаку в глаза. — Не забывайте всё-таки следить на новостями с Земли. От них зависит в том числе и будущее внешних трасс.

И тут уже Новак не выдержал.

— Как же вы все достали с вашими новостями! Ну колитесь, «чрезвычайку» в Кабеусе потому и врубили, да? Почему ваши проблемы всегда дотягиваются до нас, а о наших вы и не слышали!

— А вы взгляните, сделайте милость, я вас не тороплю.

Сдаваясь, Новак активировал виртпанель. Внешники вообще не любят ими пользоваться, почитая за придуманный внизу искусственный способ отгородиться от себе подобных, на дальних же трассах и скучать некогда, и каждый человеческий взгляд наперечёт. Что же там у вас за дела вни…

Новак листал и листал подборки видеофрагментов с минималистичными комментариями и не верил своим глазам.

Этого не может быть, это же безумие какое-то, вы люди или кто вы?

Подняв глаза на Курта, Новак машинально откашлялся, прочищая горло. Жаль, односолодовый давно кончился.

— Что у вас там творится?

Курт смотрел в ответ твёрдо и безэмоционально.

— В глубинные водоносные слои Северной Африки и Аравийского полуострова из-за подъёма уровня океана начала поступать морская вода. Стремительное засоление территорий, где проживает до четырёхсот миллионов населения. Опреснительных установок слишком мало, не хватает также мощностей электрогенерации. Люди бегут с обжитых мест на север, через море, но там их не ждут с распростёртыми объятиями, сами понимаете, прибрежные карантинные лагеря беженцев переполнены, стены вдоль южных аррондисманов закрыты. Вчера одну из стен попытались подорвать, был открыт

ответный огонь.

— Но значит…

Курт кивнул.

— Значит, новая война. Вряд ли на этот раз она будет локальной. И вряд ли победоносной. Это вам не Сорокадневная война. Но хуже другое. Большинство этих людей теперь обречены, если им не поможет ваш тригелий, ваш литий, ваши водородные изотопы. Мунных ресурсов слишком мало. Вот почему вы нужны нам. И вот почему мы хотим быть нужными вам.

Безумие, какое-то безумие.

Люди, крошащие друг друга из-за банальной воды и чёртовых иммунных ограничений.

Что стало с Матушкой за то время, пока его не было дома?

Новак покачал головой.

Надо же, он назвал Землю «домом». Смешно. Смешно и горько.

— Но вы же понимаете, что если этот хаос выплеснется сюда, а он обязательно выплеснется, никакая ваша хлорелла не поможет.

Курт кивнул и засобирался.

— Вот потому я вас так быстро и покидаю, Лео. Отдыхайте, набирайтесь сил, пока есть время, нам всем предстоит немало потрудиться.

XXI. 40. Соратник

Со стороны побережья снова надвигался шторм, но не это беспокоило. Порывы пропахшего гнилью водорослевых матов ветра здесь, на твёрдой земле уже не представляли собой никакой опасности. Ну промочит тебя снова, обычное физическое неудобство не шло ни в какое сравнение с той угрозой, какую представляли порывы ветра посреди колышущегося под тобой моря.

Вот когда ненадёжная пузырящаяся сероводородом опора может в любой момент разойтись под твоими мокроступами, то поневоле начинаешь прислушиваться к каждому дуновению.

Фигура долговязого мужчины, замершего у обрыва каменной гряды, невольно покачнулась в такт незримому прибою. Влево-вправо, морская качка преследовала морехода даже на суше.

Ну, полно. Фигура отошла от края, спустившись ниже.

Что-то сенатор задерживается. Или того хуже — решился сменить полётный маршрут.

Опреснительная станция — в паре тиков западнее, над ней бесполётная зона, но на восток бери сколько угодно. Вот это беспокоило куда сильнее.

Фигура повела головой из стороны в сторону, как радаром. Неловко выйдет, если весь этот путь сюда был проделан зря.

Пантеллерия осталась в сорока километрах на северо-восток отсюда, финальный переход народов моря во времена карфагенского расцвета, пограбить и назад, однако в наше время

за двое суток преодолеть этот участок без поддержки с воздуха, скрываясь от патрульных дронов — уже само по себе подвиг. Сколько народу здесь утонуло в попытке перебраться на тот берег. Моторные лодки завязали меж смыкающимися водорослевыми просветами, рвались об острые края частых здесь скальных выступов борта «зодиаков», да если кто и добирался, не перевернувшись в очередной шторм, любой нарушитель крупнее чайки отслеживался на подходе, а там уж держись.

Со времён начала Войны за воду стрельба на этом берегу не переставала даже несмотря на её формальное окончание, оставаясь своеобразным эхом затянувшегося конфликта, в котором все были против всех и все — сами за себя. Люди продолжали гибнуть даже не от рук других людей, пусть отупевших от бесконечной и бессмысленной мясорубки, но гибли автоматически, руководствуясь хладнокровными безжалостными алгоритмами защитных систем.

В теории, гашетку в итоге прожимал, принимая решение, живой человек, но это в теории.

И никому, никому из несчастных беглецов за все эти годы не пришло в голову двигаться не на север, к чёрным стенам далёкого и такого вожделенного для них Мегаполиса, а в обратную сторону, навстречу солёной пыли мёртвой Сахары.

Но перепачканная в подсыхающей бурой водорослевой слизи поверх гидрокостюма человеческая фигура проделала именно этот самоубийственный фокус, пешком, в одиночку. Об этом ясно говорила тянущаяся к ней от самого побережья цепочка следов, которые всё не спешил окончательно замести ветер. Впрочем, так далеко разведботы опреснительной не залетают, а с эшелона следы не заметишь.

Фигура меж тем и не собиралась прятаться, пройдя суть вперёд, она выбрала небольшой участок, свободный от крупных валунов, привычным жестом воткнув туда пилон маяка и отходя в сторону. Прибудет сенатор вовремя или нет, а порядок действий у него теперь всё равно един.

Водорослевый налёт окончательно высох, и теперь порывы ветра будто выбивали из фигуры клубы бурой пыли, она будто начала дымиться, напоминая себе, что пора избавляться от гидрокостюма. Куртка с капюшоном упряталась под камнями, оставляя на ветру трепаться спутанную чёрную шевелюру мужчины. Вынутая из рюкзака бурая походная хламида свободными складками легла на плечи, если добавить к этом сандалии на босу ногу и серого цвета плотную тканевую юбку — не отличишь от местных, будто то двадцать первый век нашей или шестой век до нашей эры. Впрочем, совсем уже неузнаваемая

фигура предпочла подобному ретро обычные тёртые джинсы и такую же джинсовую бейсболку с иероглифом NY на лбу.

В подобном виде мужчина уже сошёл бы за своего хоть на азиатских продуктовых рынках, хоть в южноамериканских комунидадес. Моложавого вида, средних лет, смуглое лицо выдавало в нём человека, часто покидающего стены Мегаполиса. Универсальная, непритязательная внешность гражданина мира. Вот только здесь, на руинах поверженного Карфагена, он смотрелся странно. Не потому, что был неправильно одет, а потому, что зачем-то забрался так далеко в пустоши, один, без воды и транспорта.

То ли кто из персонала опреснителя заблудился, зачем-то покинув территорию, то ли местный, поджидающий своих перед очередным нападением на посты внешней охраны.

Впрочем, ни тем, ни другим мужчина выглядеть не стремился. Он не метался между, пытаясь выискать заветный ориентир на побережье и попутно морщась от вони разлагающихся водорослей, и не нырял в тени, прячась от случайной воздушной разведки, углядевшей подозрительное движение вдали от периметра. Нет, он просто уселся на самом припёке и стал ждать, даже не оглядываясь на оставленный им посредине площадки маяк.

Время ещё оставалось.

Между тем гроза уже окончательно сконцентрировалась на севере, из-за горизонта начало заметно погромыхивать, наконец плотный клубящийся фронт заслонил собой обычное серое марево полуденной дымки, первые крупные капли ударили в каменную пыль, и уже после впервые полыхнуло.

Совсем неподалёку, в нескольких сотнях метров в вершину скалы с рокотом вонзилась сначала одна плазменная плеть, затем другая. Оглушительный удар рубанул по ушам почти одновременно, так что даже загодя раскрытый рот не помог. Мужчина дёрнулся от боли, но на беснующуюся вокруг него стихию внимания не обращал. Его взгляд высматривал в небе нечто, видимое лишь ему одному. Некую едва заметную точку, что уже на всех парах летела к нему с небес.

Фигура дождалась, пока тилтвинг не обозначится на фоне сверкающих блицами туч, и только потом двинулась в сторону маяка выключать, ещё принесёт кого лишнего недобрая. Ливень между тем уже хлестал вокруг него косыми плетьми, свиваясь в волчки и тяжело грохоча по камням. Вот же не повезло с погодой. Главное, чтобы сенатор не передумал теперь снижаться.

Но нет, роторы с каждой секундой становились всё громче, отшвыривая прочь падающие с небес стены воды и превращая

воздух под собой в мутный туман из расколошмаченной в воздухе дождевой воды, свитые струи которой жутковатым зонтиком накрывали теперь импровизированную посадочную площадку.

Винтолёт, цокая лопастями, завис над промокшей насквозь фигурой, и тут же, не выпуская полозьев, потащил наверх люк.

Фигура тут же прыгнула внутрь, чувствуя, как палубу под ногами резво потащило обратно в небеса. Люк захлопнулся и рёв ветра пополам с рокотом роторов тут же удалился куда-то невозможно далёкую дистанцию, такую далёкую, будто грозы за обшивкой не существовало вовсе. Впрочем, тамбур так и оставался закрыт.

«Вы не отвечаете на вызов».

Голос изниоткуда был женским, слегка нервным. Говорившая произносила английские слова с едва заметным акцентом жителей западных аррондисманов с акцентом на последний слог.

Фигура в ответ пожала плечами. Ещё пару секунд пришлось на поиски тангенты, фигура наклонилась к устройству связи с высоты своего двухметрового роста и из такой неловкой позы ответила:

—Прошу прощения. Но у меня с собой нет напульсника.

Голос у фигуры был расслабленно-спокойным, будто он до сих пор полностью контролировал ситуацию. Или во всяком случае ничуть не был обеспокоен тем, что он заперт в тёмном тамбуре винтолёта, летящего в неизвестность.

«Представьтесь».

— Меня зовут Ренат. А вас?

На том конце хихикнули.

«Меня — Лили. И всё-таки, вы выставили маяк с просьбой о помощи, но предупреждаю, мы с отцом летим на юг и если вы…»

— Мне ровно туда и нужно. Я резидент Мегаполиса, если вы беспокоитесь об этом, можете прочитать мою иммунную карту. Откройте, я не доставлю вам хлопот.

Последнее он произнёс почти просительно, но всё равно с некоторой усмешкой.

Пауза с ответом на этот раз затянулась. По ту сторону монотредной переборки совещались. Фигура назвавшегося Ренатом смиренно ждала.

«Входите».

Глаза некоторое время привыкали к свету. Тилтвинг явно забрался обратно на эшелон и теперь двигался выше грозового фронта. Впрочем, он так и так должен был его обогнать.

— Здравствуйте, хм, Ренат.

Две пары глаз разглядывали мокрую фигуру.

— Дать вам полотенце?

— Если вам будет угодно.

Пока гость обтирался, особенно уделив внимание своему рюкзаку, его продолжали поедать глазами. Впрочем, пилот винтолёта — седовласый властный мужчина, в котором легко было узнать того самого сенатора — уже отвернулся обратно к приборной панели. А вот владелица того самого женского голоса в передатчике продолжала наблюдать.

— Прошу прощения, Ренат, мне следовало сразу обратить внимание на сигнал вашей помпы. Как-то непривычно видеть человека без напульсника.

— Ничего страшно, Лили, — благосклонно кивнула фигура, почти вернувшая себе человеческий вид. Впрочем, полотенце теперь всё было в грязных разводах. Покрутив головой, безбилетник не нашёл ничего умнее, чем неловко закинуть его на камбуз. — Вы меня простите, что так к вам ворвался. Вы, наверное, спешили по делам?..

— О да, мой отец очень спешил, но маяк есть маяк, мы же над аутлендом.

— Резонно, и я вам страшно благодарен. Тем более в такую грозу.

Последнее гость сказал чуть громче, как бы обращаясь к спине сенатора. Тот в ответ поёрзал, но промолчал.

— Как вы вообще здесь очутились, Ренат? Вы кстати знаете, что ваше имя с латыни переводится как «вновьрождённый»?

Ответную усмешку можно было интерпретировать как угодно, от скептического «ну да, ну да» до усталого «мне часто это говорят».

— Догадываюсь. А делать я ничего не делал. Ждал вас.

Тут сенатор заметно напрягся, но вновь не стал оборачиваться.

— Ну,то есть не персонально вас, любую попутку. Мы с парнями занимаемся наладкой третьего фузионного энергоблока на опреснителе, и тут меня вызывают в Айн-Саллах, в штаб-квартиру Корпуса помощи, мол, прибывает грузовой суборбитальник с тритием, срочно забирайте. А у нас как назло ни одного свободного коптера Пришлось вот так, на удачу.

— Понятно. А что местные?

— Местные нам не станут помогать, даже если мы им к виску пушку приставим, вы же знаете. Да и откуда у них коптеры, а тем более тилтвинги.

Лили понимающе закивала.

— Мы над этим работаем.

О, сенатор голос подал.

— Простите?

Ренат сделал вид, что не расслышал. Его явно всё происходящее начинало забавлять, несмотря на недовольство сенатора.

— Я говорю, мы над этим работаем, и вам, молодой человек, вольно над этим потешаться, но эту проблему не так-то просто решить.

Говоря это, сенатор всё-таки обернулся от своих приборов сторону безбилетника. На его строгом лице сильнее обычного прорезались морщины. Достойная картина — государственный муж доносит важную мысль до рядового избирателя.

— Мы, со своей стороны, стараемся сделать всё возможное, чтобы преодолеть стену разногласий между участниками переговоров.

— Ну мы тут тоже, как бы, трудимся. Простите, если вас чем-то задел, но нас не представили, так что я не очень…

— Мой отец, — благосклонно перебила лепечущего Рената Лили, — сенатор от двенадцатого аррондисмана Мегаполиса Виктор Мажинэ.

Сенатор благосклонно кивнул.

— А, ясно. Вы же тоже в Айн-Саллах, на мирную конференцию? Это мне повезло, нет, правда, спасибо, что отозвались на маяк, я бы там до сих пор мокрый стоял, летают здесь нечасто.

По лицу Рената невозможно было понять, это он сейчас искренне, или издевается. Так что сенатор предпочёл удобную себе версию.

— Это Лили меня заставила. Я, честно говоря, не был склонен снижаться, учитывая грозовой фронт.

— Папа, ты не себя наговариваешь!

Забавно наблюдать за этой парочкой, в наше время подобное редкость. Видимо, сенатор был куда старше, чем желал казаться. Может, уже и под восемьдесят.

— Я тоже думаю, что сенатор скромничает. В конце концов, аварийные маяки для того и внесены в лётный кодекс, чтобы гражданская авиация тоже могла участвовать в распределении общего блага.

Ренат не убирал вежливую полуулыбку с лица, никак не заподозришь в подвохе.

— Да и мало ли, что там могло случиться внизу, правда?

— Да-да, конечно, — сдался сенатор. Ну не хотелось ему изображать радушного хозяина. — Да вы не стойте, располагайтесь, молодой человек.

— Спасибо за гостеприимство.

Безбилетник послушно присел на краешек кресла. Здесь его

слепило солнце из иллюминатора, но продолжать стоять в три погибели действительно уже было неловко.

— Так всё-таки, по поводу конференции, есть шанс, что нападения на опреснители прекратятся? Это очень мешает работать, если честно.

— Папа говорит, что стороны обязательно достигнут взаимопонимания.

— Ничего такого я не говорил, — всплеснул руками сенатор, — но мы постараемся.

Ренат в ответ с сомнением покачал головой.

— Но неужели это так сложно? Столько лет прошло, а мы по-прежнему автоматические турели по периметру ставим на каждом вновь возводимом объекте.

— А вы давно выглядывали наружу?

Вопрос сенатора поставил Рената в тупик.

— Да я как бы только оттуда. Снаружи.

— Я не об этом. Полюбопытствуйте, фронт остался позади.

Пришлось вставать.

И правда, вид отсюда даже сквозь полуденный смог был занятный. Блескучая стеклянная поверхность барханов волнами расходилась до самого горизонта, и только с подветренной стороны песчаные волны начинали чернеть, контрастируя со стерильной белизной всего прочего.

— Красиво. Это всё соль?

— Она самая. Миллионы квадратных километров солончаков. Распреснение Средиземного моря в пике составило пятнадцать промилле, то есть Северная Африка, как губка, фактически единомоментно, за какое-то десятилетие впитала в себя до шестидесяти тысяч кубических километров соли. Большая часть этой соли в итоге была выпарена на поверхности, прежде чем мы сумели заткнуть бреши в Нубийско-Аравийском щите.

— Я понимаю, именно потому для опреснения и нужны мощности наших фузионных генераторов. Петаватты энергии, потраченные на электролиз. Но почему на нас всё время нападают?

Сенатор переглянулся с дочерью.

— Вы были когда-нибудь в районе того щита?

— Нет, а это что-то меняет?

— Там не просто пустыня, и не просто солончак. Затыкать бреши пришлось ядерными фугасами, просаживая и уплотняя приповерхностные слои щита. А с учётом климатического прилива уровень моря к тому моменту и так поднялся на пять метров.

Но Ренат уже догадался, о чём речь.

— Так это вы затопили Каир. Было двадцать три метра…

— Да, стало три. Но учтите, я вам ничего такого не говорил, официальная позиция Конфедерации состоит в том, что тот тектонический имел естественные причины, подвижка Синая, к тому же остальные фугасы отработали штатно и ни к чему такому не привели. Однако теперь их ни в чём не убедишь. Вцепились, как клещи, в свою теорию заговора, мол, это всё зловредная Корпорация…

— Так это и не она, а мы. Мы, в смысле Мегаполис, как говорится, от Дюнкерка до Граца, да?

На сенатора было жалко смотреть. Он машинально оправдывался, играя желваками, но на лице его никакой уверенности в собственных словах заметно не было.

— Зря вы так. Мне и Лили постоянно твердит, мол, папа, вы были неправы. Если бы мы не остановили бреши на границе водоносных слоёв, здесь лежал бы трёхметровый слой!

Сенатор просительно посмотрел на дочь, но та упорно продолжала молчать.

— Да и то сказать, там же была бойня. Армия из десяти миллионов плоховооружённых, но готовых на всё беженцев штурмовала стену под Аданой и вы прекрасно знаете, чем всё кончилось! Стамбул до сих пор под контролем Армии Махди, мы ни черта не знаем, что там творится, они сбивают всё, что ниже стратосферы. Что мы должны были сделать, объявить эвакуацию? Они бы всё равно остались на месте, зато их моджахеды рванули бы до Софии!

Помолчали.

— Я начинаю понимать, почему нас не любят. Думают, небось, что мы вместо опреснения солончаков втихаря водород сгружаем на нужды Мегаполиса. И вообще, скоро весь север Африки утопить порешаем.

Сенатор вздохнул.

— Затем и нужна эта мирная конференция. Попытаться донести…

— Сгладить углы, я понимаю. Иначе такими темпами мы до конца столетия этот месс не разгребём. Думаете, есть шанс?

— Должен быть.

И вновь вернулся к показаниям автопилота, отзываясь на реплику диспетчера в канале. Тогда Лили выбралась из кресла второго пилота и подсела поближе к гостю.

— Простите папу, — вполголоса начала она, — он на эти темы не любит говорить. Он и с вами-то…

— Потому что у меня напульсника нету, да?

Лили кивнула и продолжила ещё тише.

— Да, кому охота повторять судьбу того уханьского профессора. Как его там звали. Запишет кто, потом ещё выложит. Доказывай потом, что ты не дромадёр.

Последнее слово она смешно потянула в нос.

— Но сенатор же ни в чём таком не виноват, правда? Решения, в конце концов, принимал не он единолично. Так в чём же проблема?

— Виноват или не виноват, в наше время же не суд решает, и не комиссия экспертов. В безумное время живём. Но знаете, мне иногда начинает казаться, что миллионы погибших, как он считает, и на его руках.

— Так те злосчастные фугасы и спасли миллионы, даже десятки миллионов. Засоление грунтовых вод — не его вина, как него его вина, что решение проблемы оказалось не оптимальным.

Лили тихонько вздохнула.

— Всегда есть лучшее решение.

Ренат лишь пожал плечами.

— Не всегда «лучшее решение» оказывается действительно лучшим. И не всегда пресловутое «общее благо» становится таким уж благом.

— А мне кажется, — Лили ещё понизила голос, склонившись ближе, до драматичного едва слышимого шёпота, — что есть люди, которым не всё равно, не эти чинуши из сердца Мегаполиса.

Лили показательно кивнула через плечо в сторону сенатора.

Ренат в ответ хмыкнул.

— Вы имеете в виду Корпорацию?

Лили в ответ сделал большие глаза.

— Вот вы снова. Вы что-то о ней знаете?

Но Ренат не разделял её интереса. Его лицо оставалось прежним, разве что где-то в самых уголках глаз мелькнуло нечто вроде усталой скуки.

— Корпорация делает вид, что остаётся над схваткой, а сама из-под полы раздаёт свои технологии кому попало. Кто знает, зачем она это делает?

Лили не понимающе застыла. Не этого ответа она ждала.

— И вы знаете, что те, кто нас атакует, в чём-то правы. Сенатор, — повысил голос Ренат, обращаясь к пилоту, — вы знаете, что они в чём-то правы?

Сенатор молча зыркнул в экран заднего обзора, но оборачиваться не стал.

— Наши опреснители, в теории, должны всю свою мощность пускать на электролиз с последним окислением полученного водорода. Но управляющий комитет «Релайанс» не был бы сам

собой, если бы не приберегал часть энергии в водородных ячейках, якобы на случай остановки фузионного реактора, или не накапливал полученный при распаде трития тригелий. Я собственными глазами видел эти газовозы. Как вы думаете, сенатор, зачем «Релайансу» левый тригелий? И вообще, в чём смысл, жечь его же, полученного баржами «Лунар текникс» по программе помощи жертвам Войны за воду, чтобы получить ещё немного тригелия? Неужто просто чтобы обойти международный контроль?

Сенатор к концу этой тирады уже не только развернулся вновь навстречу Ренату, но даже будто бы начал к тому принюхиваться, пытаясь вычислить, к чему тот клонит. Сигналы автопилота его больше не интересовали.

— Но если это правда, необходимо немедленно сообщить…

— Кому, Еврокомиссии? Вот вы целый сенатор, я вам сообщаю. И смысл?

— Огласка в подобном деле крайне важна!

— Ну допустим, мы раструбили по всему интернету, снова начались антикорпоративные демонстрации по всему Мегаполису, особенно по периферии, где людей ещё не так прижало. Но вы правда считаете, сенатор, что это остановит глобальные консорциумы по всему миру, они такие лапки кверху и станут совсем хорошими?

Сенатор нахмурился.

— Не всё так просто, в любом случае, если что-то скрывается, значит, они опасаются возможной огласки, иначе бы действовали в открытую, в конце концов, Корпорация…

— Опять Корпорация! — всплеснул руками Ренат. — Вы серьёзно думаете, что вся надежда на Ромула?

Сенатор отчётливо дёрнулся при произнесении этого имени.

— Но вы же…

— А, так вас всё-таки предупредили, сенатор, о моём появлении?

Сенатор молчал.

— Папа, о чём он говорит?

Лили недоумённо переводила взгляд с одного на другого, с какого-то момента она потеряла нить этого диалога, и теперь мучительно пыталась наверстать.

— Сенатор, и правда, о чём это я?

— Папа?

— Лили, не сейчас.

И тут Ренат рассмеялся. Таким заливистым, детским смехом. Утирая слёзы, он подпрыгивал в пассажирском кресле. Но наткнувшись на откровенную злобу в глазах сенатора, всё-таки

прекратил.

— Ну и умора. Сенатор, мы же оба понимаем, что вашей дочери здесь нет, тогда зачем весь этот спектакль? Игры в тет-а-тет, вся фигня.

Лили, точнее «Лили» уже послушно застыла, уставившись остекленевшими глазами в одну точку. Сенатор поспешно упрятал трясущиеся руки в карманы лётной куртки.

— Чего вы хотите?

— Чего хочу я? Чтобы меня доставили в чёртов Айн-Саллах на чёртовом тилтвинге. А не устраивали мне допросов с пристрастием, не пытались запереть в тамбуре, усыпить или что вы там ещё удумали.

Но сенатор и не думал отступать.

— Вы — агент Корпорации. Я сразу понял, когда заметил, что на вас нет напульсника. Эти люди никогда не делают ничего просто так. Так зачем вы завели разговор про опреснители?

Ренат привычным жестом пожал плечами.

— Чтобы вы занялись, наконец, делом. Сенатор, вы отчего-то решили, что свободны от своих обязательств, но это не так. Каждый ваш шаг контролируется и будет контролироваться, слишком высокую позицию вы занимаете в Мегаполисе.

Сенатор в ответ всплеснул руками.

— Так скажите прямо, что вам от меня надо!

— Ничего специального. Мирная конференция должна завершиться успехом. Сделайте всё, от вас зависящее, чтобы это случилось.

— И всё? Ни сенатских расследований о накоплении «Релайансом» левого тригелия, ни обвинений в отмывании международной помощи на водородном рынке? Ни, в конце концов, покаянных признаний в том, что Ромул предупреждал нас об опасности просадки щита после подрыва фугасов?

Ренат смотрел в ответ, не мигая.

— Запретить вам проделать всё это я не могу. Это будет политическое самоубийство, пусть и для общей пользы, вы станете в итоге бесполезны, хотя да, Корпорация от вас тогда отстанет. Если в этом ваша цель, дерзайте!

О голос сенатора в тот момент можно было точить кухонные ножи, так он скрежетал:

— Но? Всегда есть какое-то «но».

Ренат в ответ осклабился.

— Никаких «но». Но я вижу, как вы любите свою дочь, и как скучаете по ней, так что вам хватит ума держать себя в руках.

Но сенатор не сдавался:

— Так вот как, вы решили надавить на меня вот этим.

Ренат убрал улыбку и устало вздохнул, оглядываясь. Ему было тесно в этом железно гробу.

— Поймите меня правильно, сенатор, Ромулу необходимы действующие добровольно, работающие во благо будущего, а не марионетки. Мы так не делаем. Никакого блэкмейла. Только убеждение. Корпорация состоит из тех, кому с ней по пути. Вашей дочери хватило наших аргументов. Вам, я вижу, по-прежнему нет. Вы только и ищете повода увильнуть. Лилия Мажинэ не заложник, если вы об этом, она ключевая часть Корпорации.

— Но почему я её не вижу?

— А вы попробуйте стать одним из нас, может, и свидитесь. Она занятой человек. Столько всего нужно сделать. И я занятой человек. Так что мой вам совет, сенатор, прекратите искать подвох и просто займитесь своим делом.

— И всё?

— И всё.

— И больше вам мне нечего сказать?

— Сегодня — нет. А что будет позже — кто знает?

— Тогда я вам кое-что скажу.

Ренат с холодным лицом ждал, пока сенатор соберётся с мыслями.

— Я знаю, что вы люди, скажем, убеждённые. Со своей, часто чёрно-белой, логикой. И пусть ваши цели мне не близки и часто непонятны, но я готов поверить в вашу честность перед самими собой.

Ренат слегка поклонился, но оставил сенатору возможность продолжать, не встревая в его монолог. Хочет выговориться, пусть его выговорится.

— Однако я знаю, что там, внизу, из-за чужих ошибок уже погибло много людей, и не отрицайте, в том была и вина Ромула, что бы он вам ни говорил. Погодите, не перебивайте, а то я так никогда не закончу.

Ренат послушно сделал приглашающий жест ладонью.

— Так что я хочу вам сказать, и передайте, пожалуйста, это моей дочери, что её время для сомнений ещё придёт, и пускай это случится как можно раньше.

Коротко кивнув, Ренат вернулся обратно в дальний угол кабины, и там так и просидел до конца полёта, уставившись в иллюминатор, где вовсю сияло пронзительное африканское солнце.

Сенатор не стал активировать «Лили», продолжая то и дело озираться через плечо на проклятого безбилетника.

Мерный рокот лопастей наполнял кабину далёким гулом, только этот звук напоминал, что далеко внизу продолжали

разматываться сотни километров солончаков.

В каком-то из докладов говорилось, что из-за увеличения альбедо средняя температура Северной Африки ежегодно снижается на одну десятую градуса, на склонах Килиманджаро выше пяти тысяч метров вновь легли полосы многолетних снегов, а на дне кальдеры Кибо вновь образовался небольшой ледник, чего не наблюдалось с середины двадцатых.

Даже здесь, в стране безжизненных солончаков, шли свои потаённые процессы, какие-то из них уже убили миллионы, какие-то из них ещё убьют миллионы. А какие-то, быть может, как в давние времена, станут заделом для чего-то нового. Новой жизни, новой тайны, новых времён, новых открытий.

Знать бы о том заранее.

Винтолёт, трепеща роторами в серых небесах, уносился всё дальше на юго-запад, где двух людей, молчащих на его борту, ждали дела.

XXI. 52. Мекк

Восхождение было волшебством. Будто какая-то сила уносила его под самые небеса, растворяя в их неземном сиянии, растворяя настолько, что он переставал ощущать себя собой, разделять собственные мысли с дыханием окружающей его вселенной. Даже самые эти мысли постепенно гасли, исчезая в далёкой дали, оставляя после себя лишь жалкий отголосок былой сущности, тихое эхо населявшей его некогда личности, которую он для простоты именовал собой.

Но нет, только тут, на самом верху к нему приходило запоздалое понимание, насколько иллюзорно и тщетно человеческое автовосприятие. Сколько ни вглядывайся в зеркало бытия, ты увидишь там не себя, но лишь собственное отражение, тусклое, искажённое, далёкое от правды. Затяжной монолог в голове — тоже не ты, а лишь бессмысленное эхо мигрирующих сквозь зону Брока внешних сигналов, лишь по недосмотру воспринимаемых тобой за собственные мысли, настойчиво звучащие у тебя промеж ушей.

Сны о снах и мыслях в глубине этих снов.

Они были ничуть не реальнее той яркой многоцветной вселенной, что окружала его сейчас, напротив, они были донельзя тусклы и тоскливы, и уж тем более они не были тем, что можно было называть «собственным я». Истинного себя он бы не смог так легко заглушить, отодвинув на самый край бытия и замерев там в безумном восторге.

Что может быть реальнее, вещественнее, зримее и правдивее тех чувств, что порождал процесс восхождения?

В конце концов, любой зрительный, звуковой, тактильный или иной сигнал из так называемой объективно существующей реальности, прежде чем попасть в высшие нервные центры и быть там интерпретированными сотней триллионов нейронных связей, до того миновали десяток ретрансляторов в примитивных участках мозга, которые донельзя искажали и без того небогатую человеческую способность видеть, слышать и ощущать окружающее.

Не стало исключением и обоняние. Миндалина кормила височные доли ерундой, большинство генов обонятельных рецепторов у предков человека были сломаны ещё до последнего разделения генеалогического древа приматов, но добила обоняние не промышленная революция и не засилие бытовой химии, а страшные пандемии две тысячи двадцатых. Ковид, марбург, зика. Если не считать горстки «нюхачей», большая часть населения Земли не почувствовали бы теперь даже вони гангренозного разложения собственных конечностей, покуда их собственная плоть, пропитанная инъекциями автоматически подаваемых через помпу антибиотиков и противовоспалительных, не начала бы распадаться у них на глазах.

Так впервые за две сотни миллионов лет существования млекопитающих целое поколение хомо сапиенс утеряло всякую способность к восприятию запахов. Человек, чьи гипертрофированные лобные доли когда-то выросли из обонятельных центров амфибий, человек, почитавший собственную личность базирующейся именно в этих центрах принятия решений, разом остался без главного стимулирующего сигнала извне. В темноте папоротниковой подстилки мезозойских хвойных лесов наши предки теряли цветное зрение и ориентацию в трёхмерном пространстве, но при этом развили обоняние настолько, что оно почти заменило им и слух, и зрение, и пока высшие авиалы принимали решения гипертрофированными участками зрительного четверохолмия среднего мозга, прото-млекопитающие из клады синапсид превратили свои обонятельные луковицы переднего мозга в то, что у человека стало лобными долями неокортекса.

Высшие центры речи, восприятия, моторики и осознанного мышления, идеальный инструмент познания и завоевания мира у миллиардов людей разом остался без своей самой базовой функции. Пандемии породили всеобщую аносмию, и дивный новый мир людей без обоняния вызывал у специалистов тихую панику.

Выросшее с аносмией поколение не просто обрушило рынок парфюмерии, но могло в итоге запросто выродиться в интеллектуально сниженных гоминид уровня парантропов — годных много и вкусно жрать белково-углеводную массу, но вряд ли способных самостоятельно её производить. К началу Войны за воду на фоне общепланетарного кризиса стали поступать первые неутешительные данные о тотальном снижении когнитивных способностей детей с аносмией. Человек без обоняния неминуемо тупел.

Но решение нашлось неожиданно легко и быстро. Те нервные связи, что простаивали из-за отсутствия внешних сигналов, можно было стимулировать транскраниально, стоило активировать у человека в мозгу пару лишних генов. Ещё пара лет форсированных исследований в области магнито- и фотогенетики, и первый пациент с врождённой деградацией лобных долей послушно (а как иначе, с таким-то анамнезом) лёг в аппарат.

Так началось первое в этом мире восхождение.

Аиста гнездо на ветру.
А под ним — за пределами бури —
Вишен спокойный цвет.

(*Здесь и далее: Басё, перевод: В. Маркова*)

В темноте и тишине депривационной камеры разом вспыхивали мириады образов, не столько визуальных, сколько именно обонятельных, он будто разом вспоминал сотни незнакомых ароматов из тысячи разных мест, в которых он никогда не бывал, и эти ароматы пробуждали в его мозгу нечто, похожее на сон, только никакой это был не сон, потому что и он не спал, и то, что он видел, никогда не существовало, а значит не могло появиться ни в каком, даже самом сказочном сне.

Обыкновенно пациент в камере ощущал нечто вроде гигантской горы выше звёзд, по склонам которой приходилось карабкаться, но с каждым шагом, с каждым метром подъёма и гора исчезала под ногами, и шаги превращались во взмахи невидимых крыл, и мир вокруг оборачивался безбрежным морем из мыслеобразов, восторженных чувств и кристально чистых идей, что вспыхивали и исчезали в бесконечном танце трипа. Восхождение было волшебством, доступным каждому. Идеальным стимулятором без вредных последствий. К тому же совершенно легальным.

Восхождение будто раз за разом разбирало твой мозг на отдельные нейроны и тут же собирало вновь, выстраивая новые связи и приводя в порядок старые. Быстрее. Выше. Сильнее. Средний айкью после каждого сеанса в среднем по популяции повышался на три пункта. Уровень счастья в контрольных группах зашкаливал.

Одна проблема. Аппарат был дорог, и пусть его пытались разрабатывать буквально все, от «Аннапурны» по «Янгуан» через весь алфавит, большинство прототипов до сих пор оставались так плохи, что через раз вызывали у пациентов судороги и шквальные приступы эпилепсии. В народе особо лихой славой пользовалась модель «Тойоты» под кодовым именем TCIM-16,которая угробила полторы тысячи человек, прежде чем её запретили к эксплуатации. По сути, полностью безопасной из массовых аппаратов считалась только машинка консорциума из пяти корпораций, прозванная в народе «Белая вдова» за характерный внешний вид.

Их производили мало, ничтожно мало. Семьдесят тысяч штук в год на всю планету. Среди детей поначалу разыгрывали каждый новый сеанс в лотерею, и очередь на плановое посещение медцентра, где стоял такой аппарат, растянулась на годы. Процветал рынок нелегальной стиму-техники с жуткими побочками и сомнительной эффективностью. Если бы всё шло дальше, комунидадес Росинья с гарантией погрузились бы во мрак мезолита в течение следующего поколения, поскольку своевременной вакцинацией от нейропатогенов тут и не пахло, а деньгами — тем более.

Неудивительно, что эта территория с тех пор считалась землёй Корпорации.

Корпорация разработала свой аппарат (не менее легендарную «Шаперон руж»), дешёвый, надёжный, компактный, неприхотливый в эксплуатации, хоть и считавшийся среди знатоков восхождения слишком грубым, после него неудержимо хотелось вдрабадан обдолбаться чем попало, лишь бы не ощущать так остро неустроенность этого мира. Аппарат не проходил никакую сертификацию и, кажется, вообще официально не производился. Но только в коммунидадес Росинья таких стояло триста штук, и хотя сеанс тут стоил столько, что за эти деньги даже в самом злачном притоне Рио можно было сторчаться досмерти, местные амигос дель амигос предпочитали накопить и смиренно дождаться очереди, даже не думая лезть со своей «крышей».

Оно стоило того.

Но вот чего делать не стоило, так это прерывать сеанс.

Хрустальные выси и волшебные красоты с одного удара обрушились, погребая его под собой.

— Омбре, леванта!

Драммер в ответ невразумительно промычал. Его разобрали, но не собрали. Ке диабо ты творишь, омбре сраный, сказано же было, собираемся в шестьсот по местному.

Под веки Драммеру словно толчёного стекла насыпали, разглядеть что-то внятное в полумраке салон-вагона было затруднительно, да и то сказать, ночь на дворе. Как ещё поперёк очереди сюда попадёшь. Плати втридорога, просачивайся между смен, любителей восхождения в комунидадес и опричь тебя полно.

Так, вот стоит с виноватым видом стиму-техник в чёрной шапочке набекрень поверх биосьбюта, даже через изоляционную маску его взгляд выражал вящее неудовольствие. Ну, ми пердои. Потом сочтёмся.

А вот и тот, кто Драммера так неурочно разбудил.

Недовольная рожа «нюхача» с по-обыкновению заткнутыми широкими ноздрями, от которых уходили за спину кислородные проводки. Дело было, разумеется, не в социальной дистанции и вообще не в том, что «нюхач» опасался местной микробиоты. По странному стечению обстоятельств среди агентов Корпорации прошивки вакцин распространялись поперёд свежих штаммов с упреждением в полгода, если не год. Кому расскажи, сочтёт тебя теоретиком заговора.

Заговор, конечно, тут был ни при чём. Помпы Корпорации всегда были заправлены самым топом, рискованным, но они и так каждый день рискуют, пара лишних процентов смертности не в счёт. Был бы Драммер лет на десять старше, тоже ходил бы, как этот «нюхач», повсюду с заткнутыми ноздрями. Потому что реально воняет.

В мире почти что поголовной аносмии не особо стремились мыться, зато повсеместно галлонами лили всякую дрянь, чтобы хоть что-то можно было унюхать.

Драммер машинально потянул носом воздух.

Нет, опять ничего. В теории, эта машинка могла на время улучшать и собственно ощущение запахов. Но не сегодня, и не вот так, с обломом на полдороги.

Так, подвижность глаз возвращается, и писк в ушах утих, можно было двигать, по дороге поговорим.

Драммер, не говоря «нюхачу» ни слова, выбрался из «шаперона», сдирая с себя клеммы индуктора. На вены лучше не смотреть, наверняка в деталях видны сквозь кожу, всё контраст активатора. Теперь три дня чёрным ссать.

Куртку на плечи и ходу, под барабанную дробь дождя.

Мунсун в Рио — дело такое. Лучше дома сидеть, а не куда-то тащиться.

А вот и транспорт. Три чёрных вездехода «Джи И».

Драммер обернулся на «нюхача», ке диабо, они договаривались не светиться, но тот только в раздражении рукой махнул, двигай, мол.

В кабине второго вездехода помимо водилы торчал ещё один хмырь, тоже типичный местный «физи» — бритый чёрный затылок лоснится тремя потными складками, наверняка оба бывшие амигос дель амигос, где Корпорации ещё рекрутировать людей, не в «Групо Карсо» же. Хотя, и там не без своих людей, конечно, но свободных агентов в любом случае лучше набирать с рынка.

Кто ещё способен в четыре сотни утра молча сорваться по звонку личного «ай-би», ну или не совсем молча. Драммер отчётливо слышал недовольное ворчание с передних сидений. Ну, ему по этому поводу точно не стоит предъявы кидать, сам такой подставы не ожидал.

«Нюхач» между тем не спешил садиться, всё переругивался о чём-то с ещё двумя «физи» из соседних вездеходов, те размахивали руками, хватали его за рукав куртки и разевали рты, «нюхач» морщился, но стоял на своём.

Драммер повертел себе шеей, похрустел спиной, вроде понемногу устаканивается когнитивочка. Даже прерванное на середине восхождение работало — резвее бежали мысли, улучшалась координация, опять же в смысле релокации долговременной памяти сеанс — вполне себе заменитель хорошего двадцатичасового химического сна. Просыпаешься всегда чумной, зато ближайшие пару суток будешь как огурец.

Побежали в голове и детали дела. Агентка из наших, причём не просто так, а с самого верху, иначе причём бы тут был Драммер, зачем-то попёрлась в Рио на территорию «Групо Карсо», и вот уже вторые сутки как тишина. Фотка прилагается, что-то знакомое, но смутно. Может, пересекались когда-то. В Корпорации как, оперативная группа всегда под задачу собирается, никаких вась-вась, сработали-разбежались, вместо имён одноразовые позывные. Вот «нюхач» у них в этот раз был по погонялу «портной», а в прошлый (в комунидадес Росинья и народу-то поди максимум миллиона два, разумеется, так или иначе будешь со всеми своими помногу пересекаться) — в прошлый он мог быть и «сапожник» и «пирожник». С этими двумя «физи» Драммер тоже уже наверняка знаком, только они ему без интереса, детей ему с ними точно не крестить.

Бледная от злости рожа «нюхача» меж тем всё-таки втиснулась в кабину вездехода, тут же завелись и поехали, Драммер же не стал ни о чём расспрашивать, надо будет, сам скажет. Но «нюхач» покуда тихарился, уставясь в вирт, только «ай-би» помаргивал и глаза слезились под маской, будем надеяться, что не от вони всех троих.

Наконец оторвавшись от переписки, или чего там, «портной» обернулся к Драммеру, только когда уже повернули вниз, на объездную. Вообще так себе конспирация, три огромных чёрных вездехода прут на всех парах от комунидадес в сторону чужой территории.

— Поступил сигнал от агента, пришлось форсировать.

Тогда понятно, чего его так дёрнули. Драммер быстро пробежался глазами по трассировке. Негусто, но кое-какие метки промежуточных хопов сохранились, и да, с каждым часом след будет всё бледнее. Ни внедрение нормально не организовать, ни отход.

— Сообщение было приложено?

— Угу, стандартный сингл-файр, типа все ва рапидаменте.

Без деталей, значит. Ладно, и не с таким работали. И теперь понятно, зачем нам такая толпа «физи». Будут вместе с «портным» прикрывать мою задницу.

К слову о заднице.

— Сколько у меня?

— Окно? Минут семь наверняка, прежде чем засекут.

Драммер присвистнул.

— Негусто.

— Должно хватить.

И посмотрел так насуплено.

Ха, должно хватить. Вольно ему рассуждать.

«Нюхачи» в качестве резонной компенсации собственной нормальности получали практически полную толерантность к стиму-технике. Хоть дырку им в черепушке сверли, хоть вектора им коли, один фиг ничего не выйдет. Все связи, что могли быть простимулированы, у них к двадцати годам уже наработались, все обходные пути спешат сказать баиньки и спокойно отмереть. К сорока годам у среднего индивида связи окончательно стабилизируются, у кого выжило поболе других, тот молодец и наверняка когда-то учился в университете, но сделать с этим материалом что-то внятное покуда никому не удалось, даже лабораториям Корпорации. Не дать отмереть тому что есть, вот ты уже и не пациент с альцгеймером, но не более. В итоге страдающая аносмией основная популяция, при некотором везении, внезапно оказалась в более выгодном положении чуть ли

не суперлюдей в сравнении с бедолагами-нюхачами, то есть это ему, Драммеру, теперь лезть в самое логово, и это ему «должно хватить». Вот спасибо.

Впрочем, чего зря бухтеть, работа есть работа.

— Разъезжайтесь по команде.

Уже погружаясь в вирт под тревожное попискивания своего «ай-би», Драммер услышал, как на крыше их вездехода заворочалась фазированная решётка антенны. Понятно, почему в качестве транспорта выбрали неповоротливые «Джи И», с такого расстояния да ещё и на ходу лупить вслепую — тяжкая работа для наводчика. Ладно, ребят, не подведите.

И послушно нырнул.

Логи уходящих пакетов скользили мимо него подобно вагонам скоростного трансконтинентала, если его наблюдать с пригородного полустанка, держите ваши сомбреро, амигос. Триггеры паттернов ответа уже начинали мелькать где-то в глубине, но мало, слишком мало. И далеко.

— Поехали!

Ке диабо, выворачивая, крузовик подпрыгнул на ухабе и логи тут же прервались чёрной полосой. Что они там творят?

— Ровнее. И ближе.

Поток снова двинулся, надо начинать.

Подчиняясь команде Драммера, генератор запросов принялся нащупывать известные уязвимости. Если сигнал сумел пробиться изнутри, значит, есть хороший шанс, что «Групо Карсо» экономит на админах.

Хоп! Первый пошёл, один из пакетов благополучно проскочил файервол, на ходу модифицируя собственные заголовки. Это ж чего, брешь полугодовой давности, неужто до сих пор не прикрыли?

Так, теперь закинуть туда микросервис, и опачки, наружу пошёл простенький, но стабильный пинг.

— Есть проникновение, я пошёл внутрь.

Молчат, сопят. Ладно, всё равно не до них сейчас.

Сколько там, говорите, у него времени?

Таймер мигал на первых секундах второй минуты. Семь минут, фильао да пута. Ох, «нюхач», ох ты ж мастер всё спланировать.

Серая мгла вирта накрыла его с головой.

Внутри было тесненько, но чистенько.

Шпалеры мэйнфреймов, колонны шлюзов, транспортные магистрали. То, куда он забрался, даже близко не было публичным сервисом, больше походя на лабораторную ферму для каких-то базовых расчётов. Куда же это агентку занесла

нелёгкая… обыкновенно это за тайнами Корпорации носились специалисты по промышленному шпионажу со всего мира, но чтобы наоборот?

Логи пакетов теперь обрели структуру, методично обшаривая окрестности в поисках следов того сообщения. Шлюзы, внутренние адреса, порты доступа, ке диабо, время тикало, а прогресс остановился на первом этапе.

— Мне нужно ещё хотя бы минуты две.

Драммеру показалось, что сквозь рёв форсированных движков он расслышал матюги с переднего ряда.

— Времени нет, по нам уже вовсю работают. Работай, будем крутиться, сколько сможем.

Кажется, это пропала связь с первым вездеходом. А быстро они, будто готовились к атаке. Что бы там не случилось, теперь с прикрытием стало совсем е руим.

Если «Групо Карсо» решилось погасить вездеход на общей территории…

И тут ему всё-таки повезло. Буквально краем глаза он заметил мелькнувшую в логах знакомую сигнатуру. Точно, пользовательский терминал всяко должен подписывать сообщения, а вот этот почему-то этого не делает, как будто его оператор забыл приложить при логине свой сертификат, а терминал ему почему-то позволил это сделать.

Наша агентка поработала, не иначе.

Драммер быстро сверил метки в том самом «рапидаменте», а что, похоже.

Повторный взлом прошёл как по учебнику, никакого брутфорса вслепую, сформировать запросец, бац, и вот он уже внутри. Только пользовательский терминал, вирт тут выглядел бедненько, но уже без мозголомной промышленной топологии оптических линий.

Одна проблема. Терминал был пуст. Кто бы тут не покопался, он давно свалил.

И тут у него словно взорвался «ай-би».

Сквозь истерику тысяч одновременно поступающих сигналов Драммер только и смог, что проскрежетать:

— Меня ломают.

Вырубить какофонию удалось лишь с третьей попытки — тот, кто валил сейчас весь этот спам ему в уши, был настроен весьма решительно. Атака шла сразу по всем доступным каналам, даже, кажется, с небес что-то сыпалось, как будто там тоже знали, кто это здесь позволил себе так мощно засветиться.

Правило хакера номер раз, если тебя засветили с неба, гаси всё и уходи ногами.

Увы, Драммеру этот рецепт успеха совсем не годился.

Но зачем агентка рисковала собой, отправляя отсюда пустое сообщение, которое наверняка могло её спалить, но в итоге решила не дожидаться, когда её найдут? В этом не было логики.

Он оглянулся, серая мгла вирта была такой же сухой и пустой, как и всегда.

Что-то он упустил. Что-то важное. Здесь должна быть закладка. Такая, чтобы заметили только свои.

Он принялся шарить во всех стандартных местах, где можно было без палева дописывать кастомную дату, но ничего не находил.

И тут до него дошло. Здесь было не просто чисто. Здесь было слишком чисто. *Чистенько*. По обыкновению в подобных терминалах по всей оси валялись всякие огрызки временных файлов, следы старых кэшей, обрубки нештатно завершившихся сессий и нештатно же применённых диффов. Тут же не было и следа чего-либо такого, будто кто-то нарочно подчистил за собой и ушёл, оставив открытой дверь и подтерев за собой все логи.

Чтобы что?

Второй вездеход пропал с радаров. Семь минут истекли.

И тут до него дошло. Этот терминал взломали. Значит, диффы всё-таки есть, и они должны остаться в месте взлома. Вот его собственный кусок кода, а вот и, да, вот чужой код.

Уже отправляя его самому себе на «ай-би» с пометкой немедленной ретрансляции наверх, Драммер успел расслышать, как с жутким воем и скрежетом вездеход повело куда-то в оффроад. Бунта мерда, да куда вас там…

Секунду спустя их накрыло, разом вышибая Драммера и из вирта, и из кресла, с размаха впечатывая его лицом в расправляющуюся перед ним подушку безопасности.

Мелькнула мысль: как же он себя разогнал, раз всё так ме…

Мелькнула и пропала, сменившись чернотой.

В ладоши звонко хлопнул я.
А там, где эхо прозвучало,
Бледнеет летняя луна.

Восхождение на этот раз ощущалось иначе. Его словно обули в раскалённые испанские сапоги, нет, словно заточили в железную деву, и прямо в этом пропитанном страданьем средневековье отправили творить его сизифов труд. Только вместо камня был он сам, его неподъёмное тело, его

одеревеневшие мысли, его ставшие бессильными крылья.

Сложнее всего было сделать первый шаг.

Туда, где с самого тёмного дна еле проблескивала меж туч старая луна. Туда, где его ждала осточертевшая свобода. Туда, где всё было возможно и ничто не было запрещено.

Где властвовал Ромул и его Корпорация, откуда спускали директивы, всегда предельно точные и всегда в последний момент.

Как высоко, как невозможно далеко.

Но он всё-таки шагнул вперёд, до стона, до разрыва связок напрягая скручиваемые узлами мышцы. Потом ещё и ещё раз.

На этот раз восхождение не делало его ни умнее, ни быстрее. Как не добавляло ему новых образов к размышлению или светлых мыслей для любования на чёрный день. Напротив, с каждым шагом он словно что-то терял, отрезая позади себя очередной ломоть прожитой жизни. Раз, и позабыто далёкое детство. Два, и отброшена прочь юность. Три, и промелькнула полная приключений и катастроф жизнь вольного агента.

Неважные детали улетали прочь подобно осеннему листу в ураган.

Застарелые психологические травмы растворялись в небытие, подобно вчерашнему сну.

Планы на жизнь становились не нужными.

Яркие эмоции тускнели и гасли вдали.

Оставалось только восхождение.

Трудное. Тяжкое. Невыносимое. Бессмысленное.

Зачем ему это? Зачем?! Ке диабо!

Но он находил в себе силы сделать новый шаг, на ходу теряя самого себя и всё-таки вытаскивая из ямы то, что осталось.

Это тянулось целую вечность, но он не сдавался, пока снова не показалась луна, пока небо не раскрылось над ним серой линзой, пока он не перестал чувствовать собственные ноги. Тогда он рухнул на землю и боком пополз вперёд, цепляясь за сухую траву липкими пальцами, только не останавливаться, иначе его догонит этот невыносимый смрад…

В ноздри Драммеру наотмашь ударила сладкая вонь горелой плоти пополам с копотью и кислятиной ржавого железа. От этого мучительного коктейля глаза заливало едкими слезами, а желудок выворачивало, но Драммер всё равно продолжал ползти. Надо же. Он снова, впервые за почти тридцать лет, чувствовал запахи. Это удивительное обстоятельство бодрило, хотя, конечно, он всё равно то и дело отключался, снова начиная своё долгое восхождение.

Хотя, в этот раз ему не пришлось переносить всю тщету

сизифовых трудов в полном одиночестве. Кто-то грубо схватил Драммера за шиворот и грубо поволок по земле, разворачивая лицом к закопчённым небесам.

Как интересно. Рядом что-то заухало, это один из «физи» от пояса по-македонски лупил с двух рук в белый свет, как в сентавочку, отходя к ближайшему укрытию.

Кажется, «физи» при этом что-то кричал, сорвав с себя маску, но Драммер никак не мог ничего расслышать, только короткое ух-ух-ух, с которым досылались из стволов пули.

Как же он себя разогнал, раз всё так медленно.

Драммер скосил залитые щипучим потом глаза.

Да, вот их полыхающий вездеход, наполовину развороченный прямым попаданием, наполовину смятый ударом о выступ скалы.

Неудивительно, что он так ослаб, целым выбраться из такой заварухи. Но кто же его там волочёт?

Краем глаза Драммер различил рукава куртки «нюхача».

Ага.

Тот пыхтел от натуги и на вялые оклики подопечного не реагировал.

Да погоди ты, я сам.

Но первая попытка встать на ноги не удалась, завершилась неудачей и вторая.

Драммер как мог сильнее вытянул шею, но ничего интересного не разглядел, тогда пришлось протянуть перетянутую кровяной коростой, но всё-таки хоть немного послушную руку, чтобы тоже ничего толком не нащупать.

Ниже паха начиналось какое-то неинтересное и дурно пахнущее месиво, наскоро перетянутое крест-накрест латексным жгутом.

И тут Драммера всё-таки вывернуло прямо себе на грудь. Разбираться, что с другой рукой, и почему он её тоже не чувствует, внезапно расхотелось.

Ке диабо. Да остановись ты!

И тут «нюхач» всё-таки затащил Драммера за какой-то камень и, сипло дыша, над ним склонился:

— Ты живой там?

Драммер кивнул, не тратя остатки сиплого дыхания на ответ.

— Транслировать успел?

Снова кивок.

— Лежи здесь, кавалерия уже на марше.

С этими словами «нюхач» растворился в клубах лениво заволакивающей всё вокруг гари. Где-то в отдалении продолжало ухать, но Драммера эти звуки по-прежнему не интересовали.

Почему кому-то есть дело до несчастного файлика, огрызка

стоковой библиотеки, который не глядя хакнули и так же не глядя переслали? Что туда поместила оставшаяся по ту сторону агентка или кто-то из её людей? Почему «Групо Карсо» предпочло ради всей этой ерунды, этого дурацкого проникновения на пустом месте на задворках задворок мира, посреди промзоны на самой границе Рио и коммунидадес Росинья?

Снова ухнуло. На этот раз так, что Драммер даже соизволил из последних сил обернуться.

Над промзоной бледным сферическим грибом вспухала ударная волна, подсвеченная снизу красным. Вот, что его только что тряхануло. Неядерный заряд. Три килотонны. Сейсмическая волна вшестеро быстрее ударной. Значит, у него ещё есть секунд десять. Это много.

Значит, дело не в файле. Агентка что-то нашла. Что-то такое, что стоило и её жизни, и всех наших.

Это хорошо.

Плохо то, что Драммер никак не мог вспомнить её имя. Ну же, ты читал досье, да и наверняка слышал это имя раньше. Не безымянный полевой агент, а бери выше, с самых верхов. Соратник Ромула. Элита Корпорации, её боевой и интеллектуальный кулак. Она пробралась туда в одиночку и сумела добыть то, что нужно, прежде чем они успели отреагировать. А он даже её имени вспомнить не может.

Ну же, тебе всё равно нечем заняться, покуда из тебя утекает, смешиваясь со сладкой едкой вонью копчёного мяса, твоя собственная жизнь.

Лилия. Её звали Лилия Мажинэ.

Ударная волна завершила его восхождение раньше времени.

XXI. 62. Кандидат

Как и всякий крошечный сельскохозяйственный городок, Абантон к шести утра уже вовсю бодрствовал. Шмыгали вдоль палисадников робокурьеры, развозя по дворам свежую выпечку или же гремя молочной стеклотарой, хозяйки зычными голосами выгоняли птицу на пляс, дети с визгом бегали от собаки, та им отвечала радостным лаем, где-то мычала, подзывая агрегат, не доенная корова, в общем, царил обычный для летнего утра балаган, под который так приятно подниматься из постели.

Бернард перед уходом успел глянуть прогноз, потому сперва открыл боковые ставни парников, и уже тогда поспешил на станцию. Тут идти-то всего минут десять, но спешить приходилось почитай каждый раз. Да оно и понятно, выходить заранее глупо, но если замешкаешься, значит, хватай моноколесо и ходу, пока без тебя не отправились.

В кои-то веки, на этот раз времени было ещё навалом, потому Бернард прошёлся на своих-двоих. Так и для здоровья приятно, и с кем из соседей по пути раскланяешься. В Абантоне, ну, или что там от него оставалось по северному берегу, почитай все друг друга знали ещё с прошлого века, а кто и с последней войны, и не разъехались же, даже наоборот, к концу двадцатых почитай

половина его, Бернарда, ровесников вернулась в городок на самоизоляцию, которая с тех пор так и тянулась, всё не заканчиваясь.

Помахав через забор очередным знакомцам да удивившись неожиданно жаркому солнцу, Бернард бегом-бегом поднялся по крутой каменной лестнице, что забиралась к виадуку по прямой, пока дорога вилась в окружную. Последний взгляд, брошенный к домику рядом со сверкающим покрытием теплицы, и всё, тот пропал из виду. Пока-пока, бедовая семейка, к вечеру вернусь.

А вот и портал дебаркадера, простенько возведённого из обтянутой полимерным пузырём рамы. И от солнца прикроет, и от дождя со снегом. А главное позволит на входе ненавязчиво проверить пассажира на предмет нарушения санитарных норм. По груди и и спине Бернарда пробежала едва заметная строчка когерентного пучка, его «ай-би» благополучно обменялся с автоматикой станции, мол, все вектора загодя загружены, отказов от мультивекторной вакцинации и должной премедикации через помпу не зафиксировано, что же до допуска, то вот он, двадцать шестой аррондисман, выделенный объект «Лима-167», бессрочный контракт со всеми допусками, маршрутная карта, предоплаченный на полгода вперёд паспорт, разрешите-подвинтесь. Даже респиратор у пассажира натянут разве что не на самый затылок, не подкопаешься.

Упрятанные где-то в основании торцевых рёбер дебаркадера ловушки-манипуляторы в который раз огорчённо остались без дел. Можно подумать, здесь вам юг Италии, и через заштатную платформу завтра решат ломиться толпы вакцин-диссадентов и аутстафферов с просроченными лицензиями.

Бернард пусть и катался здесь не больше раза в неделю — а чаше и не требовалось, всё же дистанционно-управляемое — а всё равно каждый раз бесился упорству администратума.

Когда уже была последняя заметная вспышка на границах? Ну, может, в сороковые. Почти двадцать лет, можно бы уже поверить в действенность мультивекторов, но нет, исподтишка продолжают проверять. Вот и сейчас, ограничились бы паутинкой одноразового комбинезона, ворчал про себя Бернард, так нет.

Придерживая одной рукой паутинку, чтобы между ног не путалась, он по указателю «ай-би» проследовал к своему креслу, но респиратор опустил на грудь, только когда закрылось мокрое от дезинфектора стекло ограждения и зашуршала принудительная вентиляция. Платформа за окном между тем плавно скользнула назад и тут же исчезла, открывая с виадука прекрасный вид на Абантон, отделённый от внешней стены Мегаполиса петляющей лентой речушки. Ещё секунда, и он тоже

исчез, уступив место традиционному частоколу башен с паутиной галерей и виадуков между ними.

На Бернарда в этот момент по обыкновению накатывала тоска, как будто в пределах формальных границ Мегаполиса и погода всегда была дождливее, и солнце светило иначе, и облака будто разом надвигались на землю, скрежеща по ней своими налитыми пузами. Бернарду было хорошо там, за границей, в родном Абантоне, тут же ему будто разом что-то садилось на грудь, садилось и не отпускало.

Отвлекаться от этого удавалось единственным способом — нырнув в вирт. Но не проторёнными тропами корпоративных парков, визжащих и улюлюкающих своей многоголосой заманухой, нет, Бернард с некоторых пор прознал, где ему самое место.

Ноды интервеба были повсюду, стоило лишь присмотреться. Они выглядели всегда иначе, и всегда очень похоже. Как обломок чего-то привычного. Вот, например, под ногами у Бернарда валялся мусорного вида пластиковый пупс без головы. И с отогнутым средним пальцем на пухлых ручонках. Ага. Бернард оглянулся. Ну, разумеется, а вот и голова со спутанными волосами и хитро прищуренным глазом. Стоит их только воссоединить…

Фонтан радужных искр разом истер перед глазами эклектичный хаос традиционного вирта, уступая место лаконичной простоте интервеба.

Здесь не бродили праздные толпы голодных до контента потребцов, здесь было царство юзверей, тех, кто приходил не хавать, а самовыражаться.

Вот и сейчас, Бернард первым делом не бросился здороваться, а сперва проследил за статистикой. Да, гляди, карма-то в гору! Знать, зашли его комментарии на прошлом ристалище. И главное всего делов-то, аккуратно, без агрессии укажи спорщикам, где они ошиблись в своих построении, юзверь тебя завсегда поддержит, в кипу накладёт. Учитесь, старая школа. Бернард по молодости лет застал аж самый «реддит», там ему не то что в кипу, в панамку накладывали.

Так, ну и славно, побежали, двести километров капсула проходила за сорок минут, самый раз зачекиниться, а уж подробно он вечерком на арену зайдёт.

Вообще, конечно, для юзверя полседьмого утра по среднеевропейскому — дохлое время. На месте были только самые стойкие, ну то есть те, что с ночи ещё не попустились. Ну, или чуваки из «гилеада», ха. Сколько у них там сейчас, полпервого ночи. Но с этими местные почти и не пересекались.

Слишком мало общих тем. В общем, Бернард сперва дежурно махнул всем традиционный «чмоквпупок», после чего пошёл поручкаться к красноглазикам.

Те отчего-то были злые, хотя тёрли вполне о привычном.

— Ну и что Корпорация. Она разве тебя заставляет тут фильтровать базар в её пользу?

Это был Бобух, насупленный такой пухлящ откуда-то с востока. В тусовке его уважали, но соглашаться с ним обыкновенно не спешили, пусть он всех своей кармой перешибить может.

— Я считаю так, если бы они честно сказали, что интервеб — их разработка, кому от этого было бы хуже? А вопросов было бы куда меньше.

Ах, вот они о чём.

Бернард во все эти тёрки лезть не хотел, поскольку мнения своего в вопросе не имел. Но на его вкус лучше Корпорация, если она вообще существует, чем корпорации, которые заведомо были реальны. Эти харчили всё без разбору, да ещё и копирастией страдали лютой. Сколько прекрасных проектов сгубила корпоративная жадность, ту же «расширенную вселенную эмсию» вспомнить.

Да и то сказать, завиральная теория о том, что интервеб написан инженерами Корпорации, бытовала с самого его возникновения, и Бернард прекрасно помнил, как про даркнет тоже некогда ходили слухи, что это разработка заокеанских спецслужб. В каком-то смысле это оказалось верным предположением, но совсем не в том, в каком об этом рассуждали диванные теоретики заговора.

В общем, Бернард удалился обратно в офф, не дожидаясь ни начала драки, ни даже сигнала «ай-би» о прибытии. Оставшиеся минуты он тупо пялился в окно на частокол возводимых повсюду башен. Кто повыше и поновее, что пронизывали своими вершинами облачность насквозь, а кто постарее да попроще — из классических материалов, не более пятисот этажей. Бернард прекрасно помнил, как мучительно пришлось переучиваться, когда окончательно настала эпоха монотредных материалов. Их характеристики сломали все каноны архитектуры и подходы к конструктивным особенностям строений. Так неожиданно для всех дальние оконечности Мегаполиса стали самыми прогрессивными по части технологий, а у инженеров-строителей вроде Бернарда появилось с каждым годом становилось всё больше работы.

С коротким гудком изолирующая стенка ушла в потолок на обработку, немногие же выходящие здесь трудяги поспешили к

выходу, на ходу поправляя массивные респираторы, кто бы их побрал.

Объект «Лима-167» снова заметно подрос. Каждый раз Бернард удивлялся, насколько стремительно происходил этот процесс, несмотря на то, что имел к нему самое непосредственное, если не сказать ключевое отношение. Это чужие дети растут быстро, о своих ты обычно такого не скажешь, малыш Майкл оставался всё таким же крохой, а эта громадина с прошлого визита Бернарда на площадку вымахала ещё на полсотни метров. Невероятно.

Капсула ушла дальше, оставив прибывших сдирать с себя одноразовую паутинку. А вот и шаттл, пусть до основания башни было всего пара сотен метров по прямой, тут всё-таки лучше пешком не ходить, всё-таки стройка, да и сквозняк лютый.

Покуда шаттл шмыгал между гусениц тяжёлой техники, Бернард снова подивился, на каком отдалении от основного массива ближайших башен консорциум затеял стройку. «Лима-167» будто нарочно отыскала во всём аррондисмане самый глухой и неосвоенный уголок на северо-запад от Альп — сюда разве что скоростная линия северо-восточной дуги проведена — и принялась возводить свой объект именно здесь, подальше ото всех. Оставалось только гадать, с какой целью и кому бы могла понадобиться подобная громадина без единого наземного путепровода и вообще без всякой связности с зонами контроля ближайших корпораций.

Сам консорциум тоже был мутный — «Янгуан», «Джи И», «Релайанс», «Сейко», «Тойота» и две дюжины ещё всякой мелочи объединились, чтобы… чтобы построить в чистом поле одну-единственную башню, пусть бы и самую распрекрасную? В прошлый раз нечто подобное случалось, когда пилили «Лунар текникс» и «Маршиан текникс», ни у одной из крупных корпораций в итоге не осталось даже пятипроцентного пакета в межпланетных проектах, но то космос, чудовищные ресурсы были брошены, чтобы добыть ресурсы ещё более астрономические. На строительство того же Мегаполиса. Но тут? «Лима-167», торчащая посреди пустыря под свежим летним ветерком не выглядела чем-то хоть сколько-нибудь похожим.

Каждый раз, возносясь на инженерном лифте от основания башни к её растущей с каждым днём вершине, Бернард думал только о том, как бы всё это чудо назавтра не накрылось. Перессорились акционеры, наехала полумёртвая, но ещё дёргающая в конвульсиях Еврокомиссия, администратум аррондисмана отозвал лицензию до урегулирования судебного спора, да мало ли чего, кто-то на самом верху однажды утром мог

проснуться с бодуна, да и сообразить, что проект этот никому не был на самом деле нужен. Какая ещё «Лима-167», торчащая сверкающим вьюном в неожиданно чистое сегодня небо?

Мегаполис выглядел иначе. Частокол мрачных, отгороженных от остального мира монолитов старой школы или же ажурная система замкнутых биокуполов новой волны, каждый из этих колоссов был городом в городе, с собственным администратумом, системой поставки ресурсов, подземными производственными комплексами и поднебесными оранжереями для управляющей верхушки. Башни одной корпорации теснились вместе и порознь, но всё равно все понимали, кто тут рано или поздно будет править бал.

И только стоя здесь, наверху, у самого основания одной из шести самосборных точек роста объекта «Лима-167», Бернард чувствовал нечто совсем иное. Небесная башня с одной стороны отсылала к старомодным скайскрейперам прошлого века, с другой же, напротив, смотрелась футуристичнее всего остального технофетиштизма, что царил в стремительно расширяющемся Мегаполисе.

Тот стремился замкнуть всё на себя, тогда как детище консорциума каким-то чудом воплощало в себе стремление вырваться за грань возможного, освободиться и прорасти ввысь подобно ажурной травинке.

Бернард с коллегами строили не нечто тяжко довлеющее, они строили хрустальную башню, пантеон всеобщности. Они строили новый Вавилон.

Додумав до этой привычной мысли, Бернард с головой погрузился в работу.

На самом деле, конечно, его физического присутствия здесь не требовалось, данные, ежесекундно снимаемые миллиардами датчиков деформации и нагрузки с растущих ввысь стапелей и собственно направляемых ими основных тяжей монотредной несущей конструкции башни, автоматически логировались и непрерывно кормили ку-мозги программаторов. Те, в свою очередь, находили способы исправить найденные уязвимости в диаграммах нагрузки или же гасили нерасчётные резонансы в сложнейшей трёхмерной микро- и макроархитектуре колоссального фасетчатого монолита трёхкилометровой башни.

Так с каждым днём точки роста тянули строение вверх согласно общему плану конструкции, в то время как уже готовое основание с каждым днём всё больше уточнялось, обрастая выпуклостями и пронизываясь кавернами.

Чтобы управлять всем этим и нужны были такие, как Бернард, инженеры-архитекторы монотредных сетей, но по

очевидной причине их поле деятельности лежало далеко в стороне от строительной площадки. Бернард по обыкновению работал дома, в халате и войлочных тапочках, через плечо поглядывая в проём распехнутой двери, как воркует в колыбели Майкл. Но каждый, кто хоть раз в жизни работал со свёрточными нейросетями, обслуживающими программатор, тотчас осваивал одну непростую истину — точно также, как в квантовом мире куфотоники всё зависело от действий и вообще позиции наблюдателя, так и в мире монотредных металлполимеров, сплетаемых в монолит башни, результат был порой был настолько не очевиден, что из дома тебе никогда не понять ни критичность очередной проблемы, ни разброс возможных решений.

Так, погрузившись в одну из множества снующих вверх и вниз капсул, подобно паукам какой-то дикой альтернативной биологии, Бернард принимался скользить по паутине стапелей, чтобы вплотную приблизиться к очередному узлу, требующему внимания. И только там вирт начинал скармливать чего мозгу транскраниальные сигналы.

Возбуждённые сенсорами вокруг ферромагнитных кристалликов в толще нервных узлов сигналы последовательно демонстрировали Бернарду всё богатство возможных вариантов. Та же симуляция, но тут, под небесами, в самой толще переплетаемых точками роста волокон, которым ещё только предстояло принять на себя нагрузку верхних уровней, на Бернарда словно нисходило какое-то особое наитие.

Здесь сразу становился ясен масштаб.

Здесь очевидна была цена вопроса.

Здесь оказывалось невозможно не заметить даже мельчайший резонанс высших обертонов.

А ещё, пока Бернард оставался здесь, под самым небом, на пугающей, головокружительной высоте, ему приходили в голову самые невероятные варианты решений, которые никогда бы не случились, оставайся он в тиши и спокойствии Абантона.

Только тут работа становилась искусством, а искусство обретало своё реальное воплощение.

«Бернард Кнехт, вас просят вернуться на пятисотый уровень».

Да что же такое!

Бернард терпеть не мог, когда его прерывают во время работы, да ещё и вот так безапелляционно, с вещами на выход, теперь наверняка полдня насмарку, и какого дня, солнце так и шпарит, никакой этой вашей промозглой хмари, что всё лето напролёт засевало в этом году пределы Мегаполиса.

Ладно уж.

«Спускаюсь».

В ушах привычно захрустело от перепада давления. Прежде чем пускать кого-то наверх, биоинженеры обыкновенно имплантировали высотникам вроде Бернарда в евстахиеву трубу микронасос, чтобы избежать неприятностей с обратным блоком, но даже с ним дискомфорта хватало. Минус километр за полторы минуты, это скорость, с которой обыкновенно снижается в плотных слоях пассажирский суборбитальник. Мало того, что в ушах поёт, так ещё и желудок к горлу подкатывает при виде несущегося тебе навстречу растопыренного леса стапелей.

Вывалившись из капсулы, Бернард некоторое время тупо пялился перед собой, дожидаясь, пока красные и зелёные точки перед глазами угомонятся. Сказывали, есть специальная прошивка для аугментации, при которой дополненная реальность искусно закрашивает подобные артефакты у людей с проблемами сетчатки, но эффект получался неожиданным — обилие «битых пикселей» могло запросто проносить мимо зрительных центров пациента целые макроскопические объекты и события, своеобразная ложная слепота, потому с такими вещами старались не шутить.

Наконец, тряхнув головой, Бернард сумел убедиться, что картинка перед глазами больше не плывёт. Забавно, уже два часа по среднеевропейскому. В работе время летело совершенно незаметно. Ну и хорошо, что дёрнули, хоть пообедать вовремя.

Вызвали его, впрочем, не в сторону общего блока, а наоборот, в «штаб-квартиру», как называли промеж собой инженеры бизнесовый квартал пятисотого, самого высотного из законченных уровней башни. Там по обыкновению собирались шишки консорциума и просиживали штаны клерки, которых уж точно можно было давно разогнать по домам, но напротив, ходили слухи, многие из них тут буквально ночевали, для этого было выделено три этажа полусотней уровней выше, такой клерк-хостел для пиджачных дел мастеров. Что им тут было делать, никто из инженеров не знал, да и знать, если задуматься, не особо жаждал. И вот Бернарда тащат туда, паче чаяния.

Загнав прозвучавший тут же тревожный звоночек куда поглубже, Бернард со вздохом потащился к травалатору. Полукилометровый в этом срезе основной ствол башни был по любым меркам скромным, но пешком туда-сюда всё равно не находишься.

На том конце травалатора его уже ждали.

— Бернард, добрый день, пройдёмте со мной.

Знакомая морда. Топ-янычар архитектурного дивизиона, они уже как-то виделись во время одного из собеседований при

приёме на работу, услужливо подсказал «ай-би». Ну, будем вежливы, мало ли, чего ему от нас надо. Может повысить хотят. Ха, смешно. Скорее уволить. За пределами юрисдикции Еврокомиссии на профсоюзы все плевать хотели. Мрачные мысли опять заелозили по разом вспотевшему затылку Бернарда.

Дальнейший диалог, однако, остался как в тумане.

Невнятный блеющий янычар, буквально извиваясь, задавал какие-то мутные вопросы о том, хороша ли атмосфера в коллективе, и как вы относитесь к своей текущей роли в проекте, и не встречали ли вы какого-либо ущемления своей идентичности?

Тут Бернард окончательно поплыл, начиная оглядываться, его что, скрытая камера снимает? Ну какая у него идентичность? Банальнее некуда, белый цисгендерный, аж смотреть противно. Но янычар даже ухом не повёл на его недоумение, продолжая лебезить перед кем-то явно в переговорке сейчас отсутствующим.

В общем, странный диалог так ничем и не закончился, янычар в какой-то момент прислушался и быстро всё свернул, мол, продолжайте работать, tovarisch. Бернард даже сообразить не успел, как уже стоял носом в захлопнувшуюся дверь. Интересно, этот деятель понимает, что для инженеров дверь словно стеклянная? Без деталей, конечно, но вот же он, янычар, стоит прямо перед ним и ждёт, пока Бернард свалит.

Странные люди. Надо отсюда двигать.

С такой мыслью Бернард направился обратно в общий блок, поскольку есть уже хотелось преизрядно, обедать же прямо в этом царстве синих пиджаков, пожалуй, выйдет дороговато, да и неприятно.

Мутный разговор с янычаром оставил у Бернарда досадное чувство незавершённости, будто он что-то упустил, что-то важное, но вот что? Поймал себя Бернард на том, что уже лишнюю минуту тупо пялится в бесконечную ленту разматывающегося у него под ногами травалатора, но мыслей в голове это таращенье не приносило. Зато он ясно почувствовал, словно ему к бритому затылку приложили горячую ладонь. Приложили и слегка надавили.

А вот это уже было стрёмно. Так обыкновенно ощущается удалённое сканирование аугентации на предмет взлома.

Барнард отчаянно заворочал шеей, разгоняя свои транскраниальные сенсоры, что сделало башню вокруг ещё прозрачней. Он привык видеть малейшие искажения в эпюрах нагрузок на монотредный скелет конструкции, и заметить посторонних ему было не сложнее чем…

Они даже и не прятались. Трое из ларца, одинаковых с лица,

сверлили его одинаковыми холодными взглядами с галереи уровнем выше, что выходила остеклением на променад травалаторов. Вот просто стояли и пялились, даже не следили, а словно всматривались сквозь него куда-то дальше, в пустоту пространства.

Проезжая мимо троицы с черепашьей скоростью травалатора, Бернард даже обернулся, надеясь, что там, позади него, скрывается нечто, достойное столь пристального внимания. Но нет, там тоже было пусто, как и на всём променаде.

Так что им от него надо? И кто они? «Ай-би» упорно молчал на всякие попытки идентификации, сами же трое вовсе не были такими уж похожими. Один высокий рыжий детина, второй скромного вида азиат, третий же выглядел настолько блекло и обыкновенно, что ему хватило бы таланту затеряться даже в этой небольшой группке людей, если бы и в нём не считывалась отчего-то неощутимая общность всех троих. Они, несмотря на всю разницу в габитусе, смотрелись сиамскими близнецами, синхронно мигая в шесть зрачков и синхронно же, подобно живым радарам, разворачивая головы вослед удаляющемуся Бернарду.

Было в этих «близнецах» что-то жуткое. Какое-то не столько пристальное внимание, сколько абсолютное знание. Он выглядел для них как открытая книга, и взлом аугментации тут был совсем ни при чём.

Что-то эти трое о нём знали.

Что-то важное.

Такое чувство уже однажды настигало Бернарда в самом начале работы над объектом «Лима-167». Был, помнится, самый обычный дождливый январский день, они с группой инженеров обсуждали в одном из больших «аквариумов» план расчётов на ближайшую итерацию, как вдруг все разом замолчали, уставясь носом в свои «ай-би», будто всем собравшимся разом стало неловко поднимать глаза, но Бернард тогда себя пересилил и всё-так взглянул на группу спецов-физи в ультимативного вида экзоскелетах и непроницаемо чёрной броне, что сопровождали к выходу одного-единственного человека. Высокого роста, сутулого, не броско одетого, молодо выглядящего мьсье. Бернарду тогда ещё показалось, что у того очень злые, буквально сверлящие всё вокруг взглядом глаза. Для этих глаз не было ни секретов, ни неразрешимых препятствий. Они привыкли видеть суть, повелевая реальностью одним лишь этим нарочитым, сугубым, всеобщим знанием.

В переговорках потом шептались, что это был сам Ромул. Никто говорившим так, разумеется, не верил. Ромула поминали

одни только теоретики заговора. Те, для кого мистическая Корпорация была такой же реальностью, как эта самая башня. Бернард себя к таковым никак не относил, потому поспешил тогда выбросить весь этот вздор из головы.

До этого самого мгновения. А что, если его сюда вызвали не затем, чтобы спросить, «не встречали ли вы какого-либо ущемления своей идентичности», а затем, чтобы показать тем близнецам? Если это тоже люди Корпорации, выходит…

И тут перед глазами Бернарда промелькнул образ, который был максимально нелогичен при описываемых обстоятельствах.

Заиндевевшая пробирка с эмбрионом внутри.

Майкл.

Да, они долго подгадывали с рождением сына. Эпидемии, карьерные неурядицы, семейные скандалы и просто плохое настроение. Современная жизнь у самой границы подступающего Мегаполиса мало подходит для деторождения. Однако удачный контракт с консорциумом позволил Бернарду вернуться к той давней мечте. О ребёнке, что вырос бы в старом городке Абантоне, в тепле и уюте собственного дома, в окнах которого по утрам сверкали рассветным огнём теплицы.

Не это ли имел в виду янычар?

Да полно те, глупости, Бернард тряхнул головой, отбрасывая дурацкую мысль. Мало ли у кого в консорциуме были дети? Да, стареющий Мегаполис не был склонен к деторождению, но Бернард знал, что считай половина коллег держала в криокамерах если не только сырой биоматериал, но и по случаю зачатых детей. Это уже лет тридцать стало обычной практикой, так в чём же проблема «идентичности», и почему им теперь интересуется та троица близнецов?

Бернард снова обернулся, но никого на галерее уже не было.

Обедал он уже в совсем сумрачном настроении. Что бы этот эпизод не значил, это всё явно случилось неспроста и наверняка будет иметь свои последствия. С другой стороны, если бы к Бернарду у начальства были какие-то претензии, уж они бы их наверняка высказали, а так — гадай, не гадай, один фиг не угадаешь.

На этом Бернард решил тягомотину прекращать, запихнув себя обратно в капсулу и запулив обратно в небо.

Впрочем, досужие мысли из головы лезть всё равно не желали, и работа, требовавшая изрядного сосредоточения, делаться тоже не желала.

Даже привычно выделывая головокружительные петли между построениями вирта и тянущимися ввысь рёбрами стапелей, Бернард никак не мог вновь сосредоточиться.

Это злило.

Ну вот не могли они посреди рабочей смены не лезть? Или уж наблюдали бы за ним через вирт, зачем-то им понадобилось вот так, лично?

Кое-как отмучившись остаток смены, Бернард на этот раз покинул капсулу в точности по расписанию, не оставшись даже напоследок повисеть на самом верху понаблюдать оттуда косые лучи склоняющегося к закату солнца, что красиво скользили вдоль самого края облаков.

Сегодня Бернарду было не до красот.

Его буквально выбросило к ступеням отбывающего шаттла.

Кем на самом деле были эти «близнецы»?

Что это за высокое начальство такое, которое втроём собирается, чтобы тебе ладонь на затылок возложить?

Если это та самая пресловутая Корпорация, то он ей зачем?

Простой инженер-строитель, звёзд с неба не хватающий, каких на планете не счесть. Так оставьте же его в покое.

Бернард провожал взглядом отвалившую «Лиму-167» чуть ли не со злобой.

И лишь поймав себя на этой интонации, неожиданно громко рассмеялся.

От дурак-то, дурак.

Напридумывал себе всякого. Майкл, пробирка.

Когда у тебя транскраниальный индуктор на полную мощность, вспышки ярких воспоминаний не редкость. В отличие от разных там «нюхачей», всякий прочий на этой планете имел полную возможность ощутить ту силу, с которой на тебя под действием стиму-техники накатывает. Образы, видения, ярчайшие воспоминания из далёкого детства, просто сильные эмоциональные моменты.

На высоте многим приходилось глушить в себе не относящуюся к работе ерунду при помощи помпы. Сниженный эмоциональный фон в их работе, конечно, не слишком хорош, поскольку снижает чувствительность высших центров принятия решений, но и галлюцинирующий наяву инженер это не то чтобы очень круто.

Вот и ему почудилось.

Бернарду разом полегчало. И главное чего разволновался-то? Правильно, потому что беспокоится. Говорили ему в консультации молодым отцам — привыкайте к чувству постоянного беспокойства. О настоящем, о будущем. Даже попросту о том, что было бы, если бы ваш ребёнок родился другим.

Ведь деторождение — это же словно безумная лотерея, где ты

не просто бросаешь кости, ожидая, что же получится. Ты ставишь на кон целую будущую жизнь, и на самом деле почти ничего при этом не контролируешь.

Разве что генетические болезни и известные негативные мутации можно отсечь ещё на подходе, но даже так, каждый раз, когда Бернард смотрел на любопытную мордашку сына, он не уставал удивляться, как же им повезло с ребёнком.

Не потому, что тот был самым умным или самым спокойным, а потому что он был ровно таким, как надо. А остальное приложится.

За окном между тем бесшумно скользили погружающиеся в вечерний полумрак башни. Светлые жилые и тёмные индустриальные, они сливались на такой скорости в единый громоздкий горный массив, завороженно пережёвывающий пространство.

К собственному удивлению, Бернард лишь спустя полчаса сообразил, что по дороге даже не сунулся в вирт. Ничего, интервеб на этот раз подождёт. После треволнений рабочего дня если ему и хотелось как-то расслабиться, так это прикрыть на ночь парники, выпустить дронов сгонять дворовую птицу по домам, а самому разжечь стра-ашно не рекомендуемый во имя снижения карбонового следа камин и позвать домашних посидеть при его неверном свете, и чтобы Майкл ворковал у Бернарда на коленях под треск поленьев.

Сигнал «ай-би» догнал его уже у выхода под дебаркадер. Персональное. Срочное.

На самом краю горизонта догорала вечерняя заря, и Абантон уже погружался в темноту.

Сигнал настойчиво повторился.

Не выдержав, Бернар всё-таки полез смотреть.

Это пришли результаты вчерашнего планового обследования.

Красная пометка.

Нет. Отложить. Бернард откроет сообщение завтра. А сегодня оставим всё, как есть. Сегодня не время для плохих вестей.

XXI. 78. Интендант

Срыв поставок был для Роджера Мура главной головной болью с самого начала контракта, и каждый божий день у него начинался с бесконечных сверок-проверок.

В недрах какого-нибудь «Эрикссона» или «Ар-Раджхи» в части подобных вопросов у него бы просиживал целый отдел желтожетонников, спорых ворочать большими данными, советник же его уровня не стал бы даже интересоваться, что да как они там сводят, просмотрел краем глаза очередной доклад, если что не так — полетят головы, и весь сказ.

Но эта позиция была непохожа ни на одну другую. Там, где по любому вопросу в любой нормальной корпорации трудились бы тысячи клерков, сотни над ними надзирателей и надзирателей над надзирателями, здесь в распоряжении Роджера Мура оставался лишь он сами и петафлопсы расчётных мощностей, исполнительных и бездушных. Они не ошибались, но они и не проявляли инициативы, принимать любые решения всегда приходилось самому.

Вот и сейчас, когда система мониторинга с самого утра выкинула транспарант обнаруженной ошибки в схеме поставок, советнику пришлось подниматься с одра, и как есть, в одних

кальсонах нырять в вирт за деталями проводок.

Контейнер запчастей был заказан, но не поступил вовремя на конечный терминал, и поди его знай, то ли это транспортный подрядчик налажал, то ли переполнились свопы входной шины и пропащий контейнер на самом деле уже вторые сутки стоит у дальней разгрузочной платформы, забытый системой.

Ну дела. С разбегу в проблеме разобраться не удалось.

Все грузы поступили вовремя, твердил датафлоу, ошибка, ошибка, твердил другой. Роджер Мур, поморщась, принялся раздавать тупому софту по мордасам. Отправить повторные запросы, провести инвентаризацию пакгаузов на предмет не совпадения контрольных сумм. И ещё пинка, чтобы шустрее исполняли.

Отключившись, Роджер Мур зевнул, помял ладонями небритую физиономию, да и пошёл во двор умываться.

Погода, к счастью, благоволила. На озере Эри поздней весной, бывает, как зарядит, хоть из дома не выходи, но если всё-таки выходило солнце, Роджер Мур сразу вспоминал, зачем в своё время выбрал это место для вящего, хм, уединения. После бесславного поражения в Мексиканской войне даже на Севере многое поменялось. Заградительные кордоны между Кливлендом и Детройтом, бойня при Веллингтоне, когда национальная гвардия сначала окружила злополучный городок и чуть не сравняла его с землёй, а потом сама попала в котёл между двумя соединениями ополченцев, вынужденная в итоге с потерями отступать до самого Перрисберга. В общем, служить дальше Роджеру Муру смысла не было никакого, потому он сел тогда в свой пикап, загрузил под завязку оборудованием и припасами, да и поселился в итоге тут, вернувшись к довоенным менеджерским делам.

Советник из него получился лучше, чем вояка, благо в вирте все аватары выглядят одинаково солидно, даром что все сидят по домам в одних трусах. Это в Мегаполисе и Босваше, говорят, обколотый свежими сборками мультивакцин менеджмент до сих пор успешно заседал по офисам. Здесь же, на обезлюдевших просторах Великих озёр даже до войны никакого укрупнения агломераций и без того полупустого Детройта или более благополучного в этом отношении Кливленда не случилось. Все попривыкли кто трудиться на своей земле, благо роботехника с каждым десятилетием только развивалась и дешевела, а кто — вот так, подобно Роджеру Муру — продавать своё время на транснациональном рынке труда, аутсорсить на корпорации или по-маленькой торговать на бирже, тоже дело. Ну, и желтожетонники, конечно, трудились повсюду, кто ж их поймёт и

кто удержит.

Роджер Мур в своё время удачно выбрался в ранг корпоративных советников и тоже с тех пор чувствовал себя в смысле найма достаточно вольготно для своих без малого семидесяти лет. А что, резюме неплохое, бессрочные контракты на большие корпорации вроде «Джи И» или «Виакома» его не интересовали — это ж переезжать придётся.

В общем, так и просидел два десятка лет на месте, постепенно обрастая на отдалении защитными кордонами и понемногу подстраивая опричные хибары. А что погода тут по большей части дерьмо, так это кому как. Роджеру Муру нравилось.

Впрочем, вот так по утру умыться из рукомойника, глядя, как солнечные блики бегут по металлической поверхности озера, оно завсегда приятно. А можно и… вдох-выдох, Роджер Мур, зажмурясь, потянул за рукоятку на металлической цепочке. Бадья послушно скрипнула, переворачиваясь.

— Биа-а!.. — запретное би-слово уже готово было сорваться, но на бегу тяжело артикулировать, одновременно борясь с мокрым исподним в прихожей. Так, только не поскользнись мне тут.

Переодевшись в сухое, советник врубил бубнилку новостной ленты, сам же под шкворчание грудинки принялся замешивать яйца. Не покупные, конечно, где их тут возьмёшь, сам в своё время заказал аппарат за страшные деньги. Выглядят как натуральные, если вообще можно припомнить, как они там выглядели до войны-то, и скорлупа растворимая, удобно, можно не парясь, её сразу и замешивать, кальций, бэ-шесть, вся польза.

В общем, если бы не химический привкус джуса, завтрак был бы идеальным. А вот новости как всегда всё испортили.

Новая вспышка в стомиллионном Лагосе. Как они там вообще в этой Нигерии живут, самая населённая страна мира пусть и не была затронута Войной за воду, но бесконечная подковёрная драка корпораций за контроль ключевой территории Африки была по своим последствиям чуть ли не хуже любой горячей войны. Дальше.

На площади более шестисот квадратных километров обрушились и ушли под воду вновь протаявшие берега Великого якутского озера. Исчезли под водой четыре десятка рыболовецких посёлков, количество жертв уточняется. Ага, и будет ещё уточняться до второго пришествия. Ну направят туда свободные спутники, ну посчитают сверху, а толку. Дальше.

Рудовоз «Бхарти» с грузом шестисот килотонн лития, шедший от Цереры к Луне, уничтожен попаданием микрометеорита в

ходовой реактор, что привело к полному разрушению опрессованного объёма и неконтролируемому разлёту контейнеров, их траектории успешно отслеживаются с целью возможного перехвата при пролёте мимо Марса. Вот это уже беда.

Бросив недоеденную яичницу в переработку, Роджер Мур кинулся в свой рабочий угол, на ходу активируя транскран. Каждый раз, как прерывались подобного рода критичные поставки, рынки потом полгода лихорадило, а когда твой проект напрямую зависит от поставок лития, тут и вовсе жди проблем.

И действительно, фьючерсные поставки трипротона уже летели под небеса, но и металлический литий с поставкой осенью уже пёр в гору не хуже тилтвинга на форсаже. Макс-кью, держите шляпы.

Следующие два часа советник форсировал все контракты на два года вперёд, пусть поставщики выкручиваются. Дорого, конечно, но то не советника, дело, бюджеты потом выправлять. Его на этом место посадили, чтобы проект в точности шёл по графику, а межкорпоративный кредитный баланс пусть будет чужим головняком.

Если бы ещё знать, что они такое строят, и в чём, собственно спешка.

Выдохнув, Роджер Мур откинулся в скрипучем кресле. Вроде он сделал, что мог. Никому теперь не придёт в голову его обвинить в недосмотре. Кипиай больше не под угрозой.

Так, надо возвращаться к тому пропавшему грузу.

Подвижек там, к удивлению советника, ничуть не было.

Ревизия приёмных пакгаузов всё так же висела в статусе ожидания, и если бы речь шла не о полностью автономном объекте, Роджер Мур уже бы орал на своих подчинённых через вирт, чтобы поднимали свои задницы, заводили тилтвинги, и вообще потребовал бы визуального контроля за сверкой.

Увы, это был необычный объект, и подобные фокусы тут не годились.

Уже спустя полчаса все необходимые сообщения были отправлены, повторные проверки запущены, в общем, сделано всё, что можно, оставалось только смиренно дожидаться, как и положено всякому добропорядочному бюрократу, преисполненному чувства исполненного долга.

Роджеру Муру такое подвешенное состояние было как ножом по горлу, но вариантов у него всё равно не оставалось.

Если бы он хотя бы знал, где находится его объект. Вот бросил бы всё и сам лично наведался с проверкой. Классика жанра, в региональный филиал десантируется высокое начальство, все бегают, как ошпаренные, красота.

Одна проблема, и бегать там некому — одни автоматы в стерильной атмосфере — и лететь некуда.

Роджер Мур согласно вящим размышлениям полагал, что объект его находился где-то глубоко наверху Канады, такому предположению способствовали и ограничения поставок зимой, и стабильно низкие температуры на внешних контурах производства, что явно указывало на приполярье, но прочих деталей ему так и не сообщили.

Объект был для советника абстракцией, где под его присмотром находилась лишь своевременность поставок оборудования, запчастей и материалов, но сборочные линии производили объекты с абстрактными номерами артикулов и требовали какого-то внимания не более, чем очередной прибывший по поверхности либо воздухом гружёный автопилот.

Те следовало разгрузить, сборочные агрегаты же напротив, требовали постоянства загрузки, будучи столь же универсальными, как и всё на этом объекте, только болванки подноси.

Непонятно было одно — происходила вся эта навязчивая анонимность из некоей секретности, или же подобные производящие невесть что объекты на деле самостийно оккупировали собой уже добрую часть земной поверхности, покуда замедлившее свой рост на десятимиллиардном уровне человечество всё более концентрировались в рамках полутора десятков городских агломераций, разбросанных по всем континентам. Было бы забавно узнать, что объект этот был вовсе ничей — плодом банального сбоя программы. Это бы многое объяснило.

Впрочем, вряд ли нарочитое отсутствие ответов на наивные запросы Роджера Мура лежало и в плоскости исключительно бюрократической — мол, не положено тебе знать и всё тут. Что-то тут было нечисто, и советник, постепенно набредая на всё новые подозрения по этой части, всё реже пытался что-нибудь эдакое вызнать.

Самое странное во всём этом было то, что объект ничего не производил. То есть, никак нет, мистер, производил он всё и постоянно. Силовые агрегаты для фузионных реакторов, монотредные рёбра жёсткости, многослойные полимерные оболочки высших уровней противорадиационной защиты, биологические капсулы и обслуживающее оборудование к ним, энерговоды гигиваттных мощностей, сложнейшие газовые накопительные и фильтрующие системы, не говоря о всякой кутронике, которую объект потреблял, как не в себя.

Как не в себя, потому что ни один из конечных агрегатов ни

разу так и не покинул объект.

Ну то есть да, брикетированные отходы производства и конечные изотопные сборки фузионных реакторов, а также всякие отслужившее своё оборудование вывозилось в товарном количестве. Но собственно то, ради чего затевалось всё это немыслимо сложное, энергоёмкое и кропотливое производство, среди бесконечных накладных и проводок не просматривалось вовсе.

Пару раз Роджер Мур от нечего делать отследил всю производственную цепочку от приёмного пакгауза до финальной сборки. Каждый раз это был путь в никуда, но не тупик, нет, ни одна из линий кровообращения этого невероятного по своим масштабам производства не заканчивалась ни выбытием на борту очередного тяжёлого контейнеровоза, ни даже банальным складированием в тиши дальнего хранилища.

Каждая запчасть, каждый агрегат, каждый элемент оборудования монтировался и шёл в ход здесь же, на месте, что-то дальше производя, питая, производя для чего-то расчёты или же что-то ремонтируя. Причём иногда один и тот же блок, не успев толком проработать в одном месте, тут же демонтировался, модернизировался, перевозился и переиспользовался в новом месте.

Роджер Мур управлял какой-то безумной, замкнутой на себя, бесконечно растущей машиной без особой видимой цели, что продолжала потреблять невероятные ресурсы извне только лишь затем, чтобы впоследствии ещё увеличить свои потребности во всё новых и новых ресурсах.

При этом советнику было доподлинно известно, что если это всё и следовало какому-то плану, то план этот постоянно пересматривался.

Сколько раз уже одни и те же агрегаты, иногда только что собранные, вновь разбирались, обновлялись либо перемещались с места на место, вновь и вновь наводя на мысль о тотальном безумии того неведомого архитектора, что стоял за всем этим проектом.

Но Роджер Мур, привыкши, уже и не жаловался, вот и сейчас, мельком пробежав глазами по дашборду, он с лёгкостью сумел убедиться, что совсем новые — месяца не прошло — силовые агрегаты активных радиаторов — благополучно перешли в стадию разборки, поскольку после пересчёта вводных температурный режим сменился, и теперь теплоносителем был назначен металлический натрий со всеми вытекающими отсюда требованиями к удельной отводимой мощности.

И так каждый день, сколько советник помнил историю

безумного проекта.

Поражали также масштабы — гигаватты мощности, сотни тысяч тонн материалов, погонные километры конструкций, это не было похоже ни на что ординарное из того, с чем Роджер Мур вообще имел дело в своей практике. И всё это богатство постоянно требовало его, советника, догляда.

Как в случае с треклятым запропастившимся грузом.

Второй уже повисший транспарант об ожидании завершения поставленной в план инвентаризации заставил Роджера Мура скрипнуть зубами.

Ну, что ж поделать, в контрольный канал ушло очередное срочное сообщение о невозможности штатно отработать кейс с требованием о предоставлении инструкций на подобный случай.

Тут советник поймал себя на том, что уже реально злится. Не порядок, зачем так себя изводить, это же просто работа.

С этой мыслью Роджер Мур вывесил в общем канале пометку о перерыве и вышел на улицу прогуляться.

Утреннего солнца уже и след простыл, низкие серые облака едва не цепляли верхушки пихт, из их уже понемногу начинало сыпать моросью, ну, не льёт, и на том спасибо.

Подскочивший из кустов робопёс был на ощупь мокрым и холодным, так что Роджер Мур быстро его прогнал, иди, сторожи, после чего уселся под навесом на деревянную скамейку и призадумался.

Не нравилась ему эта история. Бывало за время проекта разное, ломались агрегаты, не подходили запчасти, вообще не то привозили, но вот чтобы благополучно прибывший контейнер запропал посреди пакгауза, этого не бывало. Да и то сказать, пакгауз, должно быть, огромный, но по нему постоянно катаются автопилоты тягачей, они бы давно заметили бесхозный контейнеровоз, не отвечающий на сигналы.

Так в чём же может быть проблема? Возможно, слепая зона.

Роджер Мур прямо отсюда отправил запрос на формирование истории треков всех погрузчиков внутри пакгауза, после чего, подумав, ещё один запрос, на просчёт температурной карты зафиксированных аномалий.

И остался ждать, вдыхая густую хвойную сырость окружающего леса.

Всё-таки хорошо здесь. Тихо, спокойно. Можно на катере по озеру прокатиться. Зимой иногда снег выпадает, красиво. А посторонние в такую глухомань если и заглядывают, так незваных гостей всегда есть, чем встретить.

Роджер Мур хмыкнул, скосив глаза на вход в убежище. Не то, чтобы он его именно для обороны строил, скорее на случай

непогоды — ураганы с поваленным лесом нынче не редкость — но если что, спрятаться или уйти запасным ходом всегда можно. Мечта выживальщика, как отцы-основатели завещали. И тут можно сколько угодно либеральничать в рассуждениях, мол, вот они вы какие, ветераны Мексиканской. В людей не верите, ждёте от них только беды, и попрятались ото всех ровно по той же самой причине, а ещё обижаетесь, когда вас «гилеадом» обзывают. Мол, каждый первый тут мнит себя пророком в изгнании.

Роджер Мур ко всем этим инвективам, популярным в интервебе, относился спокойно. Да, он был отшельником. Но не социопатом, и в святоши никогда не рядился. Заявись сюда какой проповедник, получил бы под зад точно так же, как и федерал. А что местные как один — сплошь нелюдимые бородатые отморозки, так главное что не суют свой нос в чужой вопрос.

Подумав так, советник скосил глаза на поступившее сообщение.

Ваше заявление обработано, ожидайте.

И это всё?

А если бесхозный контейнер сейчас под гусеницу попадёт и тягач опрокинет? Кто за это будет отвечать? То-то же. Нет, дожидаться, пока там в попе почешут, он не будет.

Вернувшись в дом, советник первым делом вывел результаты обоих своих запросов.

Карты получились не слишком детализированными, но и этого хватит. В северо-западном углу пакгауза откровенно просматривалось слепое пятно, и о чудо, на этом же самом месте багровел участок обнаруженных сбоев. Как будто что-то там притягивало неприятности для автоматических погрузчиков.

Взглянуть бы на этот угол собственными глазами… хотя бы и на записи с внешних камер тех же погрузчиков.

Одна проблема — кто ж ему даст права на доступ. И вообще, начальство тебе прямым текстом сказало: сиди ровно, жди инструкций.

И тут Роджер Мур сообразил.

Не-ебольшой такой запросик. Так мол и так, прибытие отправленного вами контейнера мы не подтверждаем согласно пункту 25.2.7 договора-оферты, транзакция оплаты до подтверждения с нашей стороны заморожена, в кратчайшие сроки предоставьте коды допуска к внешним сенсорам контейнера с целью первичного освидетельствования контейнера. Подпись: советник третьего ранга Роджер И. Мур.

Отправлено.

Надо отметить, думали они там целых полчаса. С одной

стороны — да какая разница, ну, осмотрят они контейнер, он всё равно сейчас в оффлайне, под зонтиком радиоэлектронной защиты пакгауза, с другой — странное это дело, что они, сами контейнер осмотреть не могут?

Но в итоге коды пришли.

Так, ну-ка взглянем, что тут у нас.

Уже когда он подключался к локальной сети контейнера, у Роджера Мура что-то ёкнуло, ну куда он лезет, но ёкнуло и прошло, а видеопоток в лоу-резе уже ожил перед его глазами.

Да, тот самый северо-западный угол, по которому гирляндами ходовых огней катались тягучи и погрузчики разноместного тоннажа и предназначения. Вот один из них, что поближе, чего-то буксует, еле ворочая гусеницами.

Хм. Где тут у нас камера поворачивается?

Картинка нехотя поплыла направо, где вроде мельтешило что-то…

Вода, обычная вода.

Советник тут же метнулся проверять, так и есть, мощности насосов на пределе. Как он только не заметил. Это бы защитный контур на случай затопления при аномальных осадках. Но погода в Канаде сейчас ничего подобного не обещала.

И тут он заметил.

Мощные ледовые наросты покрывали грубую, неровную стену пакгауза, как будто она была не построена, а выдолблена чьим-то гигантским ковшом, что, постепенно изгибаясь, описывал огромную цилиндрическую поверхность, уходящую под потолок пакгауза.

И вот по этой каменной стене, сплошь изукрашенной сверкающим в лучах ходовых прожекторов белым инеем, теперь могучим сталагмитом росли снизу вверх каскады ледяного водопада, лениво намерзающего навстречу потоку льющейся сверху воды.

В углу же пакгауза расползалась каша размолотого пополам с водой льда, её всё дальше растаскивали тягачи, больше и больше в ней застревая, буксуя и просто оскальзываясь. Погрузчики то и дело инстинктивно помогали друг другу выбираться из западни. Вот откуда багровый след обнаруженных сбоев.

Это никакая не Канада, мелькнуло запоздалое откровение.

Во всяком случае, информации о перепрофилированных кимберлитовых карьерах в Новом свете Роджеру Муру отыскать не удалось.

В конце концов, приполярье бывает разное. Как это говорилось в новостях, «на площади более шестисот квадратных километров обрушились и ушли под воду вновь протаявшие

берега Великого якутского озера».

В Якутии как раз и располагался заброшенный с начала века открытый карьер. Но что может быть удобнее, чем никому не нужная гигантская дыра в вечной мерзлоте, если ты хочешь построить нечто грандиозное вдали от посторонних глаз?

Возведи рядом какой-нибудь заводик, фузионный реактор покрупнее, накрой всё это дело сверху куполом, чтобы выглядело запоздалой попыткой реанимировать былую добычу алмазов, и можешь зарываться в землю дальше, пока полученный рабочий объём не станет достаточным для… для чего?

Что вообще может потребовать подобного масштаба производства, да ещё и многолетней конспирации?

Камера на контейнере, разумеется уже уткнулась в стопор, но поблизости как раз ворочались в ледяной каше два несчастных дрона, отправленных сюда для проведения сверки. Глупые машины до сих пор упорно старались выполнить задачу, всё больше застревая.

Советнику понадобилось десять бесконечных минут, чтобы добиться от тупых созданий внятного сигнала об отказе. Ага, автоматика всё-таки отправила сюда тяжёлую ремонтную технику. О, а вот и долгожданный сигнал о подтоплении. Если бы он поступил вовремя, пожалуй, Роджеру Муру не пришло бы и в голову лезть сюда столь подробно осматриваться. Но теперь поздно, если уж дело зашло так далеко, надо идти до конца. Всё равно никто тебе не поверит, что сунул сюда свой нос просто так, из любопытства.

Советник не должен был знать, где расположен объект, что ж, не должен он был знать, и что на самом деле этот объект собой представляет.

Тягач двумя размашистыми движениями вынул застрявших из ледяной трясины, после чего принялся выковыривать уже изрядно примёрзший к ледяному наплыву контейнер.

Раз, раз, лёд с хрустом подался, позволяя тягачу поднять контейнер за головной торец.

Камера покачнулась и всё-таки зацепила краем поля зрения то, что что творилось над пакгаузом.

Роджер Мур рывком вышел из вирта.

Ка-акого чёрта.

Трясущимися руками советник нащупал в сенях давно позабытый там мундштук, хоть бы кассета не протухла, хоть бы не…

Но белый пар с тихим сипением уже пошёл в лёгкие, отпуская разом все грехи и отгоняя разом все страхи.

Хорошо.

А теперь подумаем, что делать.

Он ожидал здесь увидеть что угодно. Секретное производство ударных беспилотников и боевых тилт-вингов. Гигантскую фабрику запрещённых веществ для колумбийских семей и бразильских комунидадес. Целую тайную подземную агломерацию гномиков и их белоснежек.

Лучше бы это были гномики.

То, что собиралось здесь, действительно не должно было покидать пределов ангара. Во всяком случае, до поры.

Подняв глаза к хмурому небу, Роджер Мур проморгался, пытаясь отбросить злосчастное видение.

Плавные обводы внешней брони.

Технические колодцы пусковых шахт.

Силовые шпангоуты крепления навесного оборудования.

Ребристые ниши радиаторов.

И главное — радиально-симметрично расположенные колокола сопел.

И всё это — титанического, чудовищного размера.

На какую-то секунду камера показала Роджеру Муру перегораживающий конус кимберлитовой трубки остов наполовину собранного медузоподобного космического корабля.

Если это и правда тот самый сибирский заброшенный кимберлитовый карьер, то диаметр открытой части его карьера на момент консервации составлял более километра при двукратно меньшей глубине. За почти столетие, что прошло с тех пор, его ещё могли увеличить.

Роджер Мур, морщась, прикинул в уме. Если взять среднюю плотность современных монотредных сетей в триста грамм на кубический метр, то получалось что-то вроде мегатонны сухой массы, это только корпус, без оборудования и топлива. Чтобы только оторвать этого монстра от земли, понадобилось бы три сотни легендарных «Сатурнов-5» или вдвое меньше — не менее легендарных «Старшипов» в их финальной версии.

Не нужно быть шибко умным, чтобы сообразить, что просто так подобную махину здесь собирать не станут. Куда разумнее было собрать для неё орбитальный док — та ещё задачка, учитывая размеры — и таскать туда все материалы мелкими партиями по паре тонн, так выходило бы дешевле. Но всё равно, получалось бы безумно, чудовищно дорого. При текущих ценах на доставку выходила такая астрономическая сумма, что ни одна из существующих корпораций такое бы не потянула.

Но так бы эта штука хотя бы смогла бы однажды тронуться в путь. С лунной гало-орбиты и дальше, потихонечку, на ионной тяге при достаточном удельном импульсе — хоть за

трансурановые объекты.

Роджер Мур фыркнул, какая глупость.

Да нет во всей Сол-системе ни единой цели, которая бы требовала для собственного достижения постройки подобного монстра.

Разве что они собирались зачем-то перевозить в своём трюме километрового диаметра астероиды. Но зачем? Тральщики прекрасно справлялись с подобными задачами, пусть покуда и для гораздо более скромных тел, но они и выглядели иначе. Эта штука, чем бы она ни была, больше походила не на рудовоз, а на пассажирский, чёрт его дери, корабль.

Зачем было вообще строить подобный колоссальный пилотируемый межпланетник?

Разве что на нём собирались с концами покинуть Сол-систему, да так, чтобы экипаж не зажарило при прохождении гелиопаузы. Тогда понятно, зачем такие размеры — для защиты от радиации и запасов на многосотлетний вояж.

Допустим. Кто-то достаточно амбициозный, если не сказать безумный, решил воплотить давнюю мечту человечества и достичь, скажем, Проксимы Центавра, а лучше — Росса 128, ближайшей звёздной системы с планетой земного типа. Предположим, конструкционные особенности корабля требуют собирать его в гравитационном колодце Земли, чтобы затем через не могу вытащить всю конструкцию на орбиту. Но зачем это делать в тайне?

И самое главное, как они собираются эту самую тайну соблюсти.

Однажды корабль будет необходимо поднимать в небо. И там точно все всё увидят, поскольку подобную махину не спрячешь, её выхлоп будет видно с орбиты Урана, объектам подобного размера даже в Поясе Койпера не затеряться.

Роджер Мур тряхнул головой, развеивая туман наваждения.

Да быть того не может, точно говорю, почудилось, внезапный приступ апофении, чего только в темноте и шуме мыльной картинки не привидится, просто искажённое отражение в стекле обтекателя проезжавшего мимо тягача.

Вернувшись в дом, советник порадовался, как же всё-таки тут хорошо. Тепло, сухо, уютно. И чего его всё время на улицу тянет. Как будто он там ему будет на пару шагов дальше от рабочей рутины и от дурацких загадок, что ставит перед ним скучающий мозг.

Но нет, это только кажется, что если выйти и войти, всё сразу и разрешится.

Не разрешится.

И карьер этот алмазный останется сверкать заиндевелыми стенками в свете ходовых прожекторов. И водопад этот никчёмный всё так же будет сыпаться с неба, провозглашая собой новые метры оттаявшей наверху мерзлоты.

И чёртов корабль останется чёртовым кораблём.

Как ему вообще теперь продолжать этот контракт, если он теперь знает, и они наверняка теперь знают.

«Они».

Роджер Мур хмыкнул. Ни одной корпорации на планете не хватило бы глупости строить ничего подобного. Биокупола в кратере Кабеус и долинах Маринер покуда — их технологический потолок. Ну, плюс частокол башен Мегаполиса, Босваша и восточно-азиатских агломераций. На большее корпорации не претендуют.

Сверкающая красота Хрустального шпиля никогда бы не случилась бы под их началом.

Легенды о безымянной Корпорации начали ходить с тридцатых годов. Ей приписывали изобретение мультивекторных вакцин, стиму-техники, монотредных сплавов, компонентной базы прорывной ку-троники, разработка интервеба, трёхкомпонентных фузионных реакторов современного типа, в её тайных лабораториях якобы открыли трипротон, они же как будто запустили в дальний космос первые ядерные рудовозы, разработали биотехнологии для освоения Пояса. Корпорация стала символом научной и технологической благотворительности во благо всего человечества. Но про неё же шептались, что большинство технологий она приберегает для себя, для каких-то неясных собственных целей.

Мог ли быть одной из таких целей тот корабль, что вслепую строил Роджер Мур?

Легко.

Хотел бы он помешать этой грандиозной стройке, если бы вдруг захотел?

Признаемся себе честно, и не сумел бы, да и зачем ему это.

А вот хотел бы он делать своё дело уже не вслепую?

Советник открыл коммуникатор в приватном режиме и принялся формулировать. Кому он собирался это отправлять?

Говорят, интервеб анонимен, но транспарентен для любого желающего. Если это действительно Корпорация, они сами получат его сообщение, когда настанет время.

XXI. 83. Детектив

Радиус Гуанчжоу-Чжаньцзян, на мой вкус, был самым неприветливым местом на этой планете. Две сотни миллионов населения, сложная чересполосица зон, подконтрольных «Янгуан» и «Три-Трейду», дикое количество промышленной заброшки времён Большого эксперимента, связанная с этим жуткая экология и да, стройные ряды башен первой волны застройки, по пояс увитые коммуникационной сетью.

Слинкеры называли эти двести километров вдоль побережья «поляной», настолько вольготно здесь чувствовал себя любой представитель нашей уважаемой профессии. Корпоративная вольница на руинах прежних автономных районов, зашкаливающий уровень коррупции и банального разгильдяйства на местах, общая плотность застройки плюс обилие «серых», ничейных объектов превращали «поляну» в азиатский филиал Центральной Африки времён Чёрного бума.

Для слинкера тут всегда была работа, а уж за деньгами дело и вовсе не стояло — пожалуй, богаче был только волшебный Бохай или Острова, но и там, и на западном полушарии было куда строже с порядком. Слинкерам даже моей весовой категории там приходилось попотеть просто чтобы выйти на точку, любой шаг за пределы корпоративных правил был сопряжён с заметным риском, не говоря о финансовых расходах, а уж организации, подготовки и технического оснащения требовал адового.

И тем не менее, я предпочитал работать там, а лучше — в бардачном Босваше или развесёлом Сан-Паулу. Только не радиус

Гуанчжоу-Чжаньцзян, только не треклятая «поляна». Там тебя, конечно, не ждут с распростёртыми объятиями, большинство корпораций разыскивает тебя под десятью разными личинами, а где-нибудь на территории коммунидадес пристрелят, не задумываясь, но там всегда всё просто и понятно. Личные интересы, тёмные делишки, крышевание преступлений, киднеппинг, наркотрафик, банальный адюльтер, скукота. В корпоративные дела я вообще никогда не лез.

Но «поляна» была про другое. Тут всегда было и небанальнее, и жёстче.

Если адюльтер — то сразу гарем на две сотни голов, если воровство муниципальных средств — то на местности, бывало, исчезали целые призрачные города, если убийства — то в масштабах, больше похожих на небольшой геноцид, если производство запрещённых веществ и устройств — то в масштабах всего континента.

«Поляна» была совершенно дикой, в немыслимых объёмах поставляя на рынок человеческие пороки. Так что лез сюда я только по крайней необходимости. Вот и теперь, знал бы я, чем закончится дело, отказался бы с самого начала. Но теперь-то чего, полгода грязной работы и сто лет как потраченный аванс не вернёшь, так что когда клиент дёрнул с вещичками, я даже не задавал себе вопросов, куда он в итоге намылился. Здесь, без пристальных взглядов камер и вездесущих биосканеров, было удобнее всего отсидеться.

Ему удобнее, мне удобнее, всем удобнее.

Но всё равно было не по себе. По опыту я знал — здесь что угодно могло пойти не так.

Башня, где я устроился, считалась жилой, но по факту тут оставались целые уровни, населённые исключительно крысами. Крысам, впрочем, хватало ума от меня успешно прятаться. Но не их погадкам. Я поплотнее сунул в ноздри канюли и вернулся к наблюдению.

Клиент пребывал на месте. Во всяком случае его тепловой контур, различимый сквозь прикрытые жалюзи. Сгорбившись над внешним терминалом (ишь, какой хитрец, тихариться вздумал), он продолжал строчить. Надеется отмазаться, как же.

В углу моего поля зрения ползла длинная череда иероглифов на ломаном пунтухуа. Не, цао ни ма, с такими коммуникативными талантами ты вопросы не порешаешь. Впрочем, его проблемы меня волновали в последнюю очередь. Дело слинкера — проследить, и в моих интересах, если честно, было бы сделать так, чтобы его уже поскорее взяли за мягкое. Тогда и контракту конец. Но, цао, так низко я ещё не опустился,

задаром клиента подставлять, сколь бы он мне ни был омерзителен.

Так, что это у нас за движение?

Кар клиента был запаркован на внешней площадке, по левую сторону от меня и на два уровня выше, именно оттуда и пошли наводки, будто кто-то лучом лидара шаркнул. Шаркнул и затаился. Неужто клиент решил снова дёрнуть? Номер известный, врубаешь автопилот с оверрайдом блокировок, вдоль стеночки проводишь — и в окно. Такой номер со мной, конечно, не пройдёт, я не дурак, в его кар ещё в самом начале жучка подсадил, так что далеко не уйдёт несмотря на всё самопальное экранирование, но сызнова гоняться за клиентом по всему побережью мне было мягко говоря лень. Вот посидел бы он на месте недельку, я бы хоть поел нормально, может, даже в душ сходил, отоспался.

При этой мысли я тяжко и протяжно зевнул. Через маску и канюли в носу получилось не очень.

Цао ни ма я, снова луч. Теперь уж точно — откуда-то снаружи. Кого это нелёгкая принесла? Одна из традиционных проблем слинкеров — двойные заказы. Если уж ты перешёл кому-то дорогу, значит, явно не ему одному.

Впрочем, главное, чтобы конкуренты не мешались под ногами. Хуже всего, если торопыги сейчас ему клиента спугнут. Одно дело гоняться за ним, когда он ничего не подозревает, совсем другое дело работать на нервяке, издалека да ещё и поминутно толкаясь локтями.

Впрочем, вроде всё затихло, больше я ничего, сколько ни крутил настройки визора, ни в радио, ни в ИК, ни в видимом диапазоне нащупать не смог. То ли угомонились, то ли и вовсе мне почуди… Да цао ни ма гэ тоу же!

Три хорошо прикрытых кара одновременно начали сдвигаться треугольником, прикрывая возможные коридоры отхода клиента. Но проблема была даже не в этом, непосредственно внутри башни уже двигались едва приметные тени опергруппы. Допрыгался клиент, пришли его брать.

Тут я даже обрадовался. Это вам не тёрки с конкурентами, гильдия не любит, когда конфликты решают в обход её, а значит, вся эта мутотень будет тянуться ещё полгода, если не больше. А тут чистоган — всё происходящее пишем, а клиенту последнее пока-пока, мы разошлись, как в море корабли.

Всем удобно, все довольны.

Вот только происходившее в апартменте дальше мне не понравилось вовсе.

Я повидал в своей недолгой, но увлекательной карьере

слинкера всякое. Расчленёнку в трущобах Босваша, поеденных аллигаторами бойцов коммунидадес, в вообще Африке, бывалоча, до сих пор тупо ели людей, причём иногда по частям и заживо. Но это была понятная история. Тут же я оказался в тупике, не понимая, как реагировать.

Судя по тепловым теням, клиент быстро оказался привязанным к стулу, после чего, как мне казалось, его либо начнут бить, либо он начнёт колоться, либо то и другое по очереди. В крайнем случае его попросту пристрелят. Ну, или наденут мешок на голову да экстрагируют на одном из трёх каров на выбор. Может быть, прямо через окно. Если по дороге не уронят. В общем, скучные, бытовые сценарии, каких я лично повидал немало.

Но ничего такого не происходило. Клиент сидел на стуле, свесив голову, и даже не шевелился. Группа к нему даже не оборачивалась, и лишь один из троих оперативников, судя по габаритам, невысокого роста женщина, встал неподалёку и словно чего-то выжидал.

Минута, другая. Ничего не происходило. Ждут что ли кого? Ну, клиента, возможно, седативным укололи, но в остальном мизансцена была мне непонятна. Опять же, если кого-то ждут, зачем было раньше времени начинать по клиенту работать? Он явно никуда не собирался, уж я бы заметил.

Пауза затягивалась, никакого движения по контуру, да и внутри сопровождение словно окончательно расслабилось. Один боец уселся в кресло и откровенно скучал, второй тоже как будто не ожидал от происходящего никаких сюрпризов. И только мелкая тень всё ждала чего-то, чуть склонясь в сторону клиента.

Движение началось одновременно по всем направлениям, так что я не успевал вертеть головой.

Вскочили и тут же попадали «физи».

Отлетела в сторону стоявшая над клиентом агентка, её словно пополам переломили, такой силы был удар.

Двинулись вперёд два из трёх каров, набирая ход так отчаянно, будто собирались пробить навылет стену и финишировать уже внутри апартмента.

Тут же засветилось несколько горячих точек по верхним уровням соседних башен, это работали снайперы прикрытия.

Но все они не успели.

Башня, где скрывался моя клиент, погасла.

Разом, целиком.

Не так, как бывает при отключении внешних фидеров, когда остаются гореть дежурные источники, продолжают на резерве трудиться системы жизнеобеспечения и мелкие электрические

приборы с собственными аккумуляторами.

Нет, башня погасла вся, единомоментно превратившись в монолитный кристалл непроницаемо чёрного льда, холодного, неживого.

Только спустя мучительную минуту я сообразил, что перестали работать даже мои драгоценные тепловизоры. Башня не просто погасла, она стала непроницаемой.

Цао ни ма, как такое вообще возможно?

Не только до меня дошла вся нелепость происходящего.

Помимо каров с их понятными тепловыми и допплеровскими сигнатурами к эпицентру событий стремительно приближались ещё две тени.

И они тоже оставались для меня непроницаемо-чёрными.

Цао ни ма, только этого не хватало.

Никаких тебе роторов Кутта-Магнуса, как у обычных каров, с их неустойчивой динамикой в неуклюжем зависе, эти штуки перемещались между соседних башен стремительными кошачьими прыжками, так что у меня визор шёл рябью.

Эти штуки именовались «мекк» и представляли собой силовой костюм с максимальным объединением экзо- и эндопротезов. По сути, их операторы становились со своим костюмом единым целым, если и выбираясь из него ненадолго, то представляя собой в подобном виде жалкое подобие человека — искалеченного, неспособного толком поддерживать собственную жизнедеятельность.

Но в полном комплекте мекк представлял собой грозное штурмовое орудие, идеальное для ведения боя в условиях городской застройки. Почти неуничтожимое. Безумно дорогое. Исчезающе редкое.

Что же такое натворил мой клиент, что за ним выслали подобную кавалерию?

А за ним ли?

Тут до меня дошло, что полноценное полевое использование мекка я видел всего однажды — задолго до того, как присоединился к гильдии и заделался слинкером. Это было как прошлой жизни. Прошлой, но никак меня не желающей оставлять.

В тот раз это был мекк моих старых друзей из Корпорации.

Цао ни ма я.

Кто ещё попрётся в таком составе — пара десятков оперативников, три кара прикрытия, два ударных мекка — чтобы взять единственного человека посреди «поляны»? Для «Янгуан» и «Три-Трейда» это была личная деляночка, и они бы попросту перекрыли всё в радиусе пяти километров, так что даже мышь бы

не проскочила. Остальные не погнушались бы аккуратно накрыть башню с ударного дрона, благо проскочить сюда со стороны моря проблем не составляло. Но вот организовать точечную спецоперацию посреди радиуса Гуанчжоу-Чжаньцзян, это был стиль Корпорации.

И всё равно даже их кто-то обошёл.

Первый мекк с ходу врубился в стену башни, пройдя её буквально насквозь, так что только ошмётки вниз полетели, и только тогда сенсорная блокада истаяла. Двое «физи» тихо остывали там же, где и пропали с визора, а вот оперативница потихоньку приходила в себя — во всяком случае её тепловая сигнатура больше походила на человека, стоящего на четвереньках и отчаянно выблёвывающего кишки. Чем это её вырубили, интересно.

А вот моего клиента, как и того злодея, что увёл его из-под нашего носа, на экране визора не было ни малейшего следа, сколько я не пытался тыркаться по настройками каналов и фильтров нейросетей.

Оба мекка тоже вертели бошками в недоумении.

Полтоны силовой брони плюс энергетическая установка на каждого отнюдь не прибавляют оператору мозгов.

Я желчно усмехнулся в респиратор. Получилось что-то вроде короткого невнятного шипения. Ну и пофиг, всё равно некому будет оценить силу моего сарказма.

И предвидения.

Я шуганул наглую крысиную мордочку, что сунулась на меня из дальнего угла, и полез в рюкзак за пультом. Хардварная инициация в наше время не роскошь, а, если хотите, необходимость. Любой цифровой интерфейс может быть взломан банальным брутфорсом, если у тебя под рукой есть хотя бы стокубитник. Но «железные» реле так не вскроешь, уникальный профиль сигнала до шестого знака после запятой примерно соответствует ключу длинной в пару гигабит. Только перебор всех вариаций с отправкой его в эфир займёт год, и никакие вычислительные мощности тут не помогут. Конечно, эта штука работает только в прямой видимости сигнала, но мне того и надо.

Сорвав ногтем силовой перчатки пломбу, я продавил тангнету до щелчка и прислушался. Ага, обратный сигнал пошёл.

Не то, чтобы я так уж рассчитывал на подобные фокусы с изоляцией башни, но сунуть за пазуху клиенту «вонючку» — любимый приём каждого слинкера, за что нашего брата за глаза ещё называли «стинкерами». Обидно, но верно.

Химический след ароматических молекул просто так не экранируешь, тут разве что ложный след спасает, но это, опять

же, надо заранее знать конкретный галогенированный углеводород, их в ходу тысячи. В общем, хихикая и потирая лапки, я наблюдал, как мои скарабеи ручейком потянулись на запах клиента.

Ну, не все, я ж не дурак, конкурентов на цель наводить.

Корпорация или не Корпорация, а мне уже было попросту любопытно, что за ерунда здесь творится.

Тем временем большинство скарабеев активно суетились, лезли под сканеры двух мекков и вообще изображали бурную деятельность. И лишь пара-тройка шла к цели.

Ну и я за ней.

Торопиться смысла не было, судя по скорости реакции, максимум, где могли притаиться таинственные похитители, это в радиусе пары-тройки башен, иначе как успеть отреагировать на начало движения агентов Корпорации, или кто там они, да ещё и опередить их, причём сделать это незаметно, и желательно пребывая с самого начала в точке, удобной для прямого обзора апартмента, где засел клиент. И это при местном смоге.

Вот и получалось, что выбор-то был ну из десятка башен, а скорее всего, из полудюжины ближайших, включая мою. Что мне так уж повезёт, я не верил, так что оставалось всего-ничего вариантов, и к одному из них сейчас и скользил по коллектору мой скарабей.

А мои конкуренты быстры, — собирая вещички и направляясь к ближайшему лифтовому узлу, думал я.

За пару несчастных минут, пока группы прикрытия Корпорации реагировали, успеть не только надёжно заблокировать сигнал (даже инфракрасный!) и обезвредить тех троих, что находились в контакте с клиентом, но и успеть аккуратно произвести его экстракцию.

А боров-то здоровый, кило сто двадцать весу.

Как говорится, снимаю шляпу перед чужим мастерством.

У меня на то, чтобы незаметно от посторонних глаз переместиться за две башни севернее, ушёл целый час. А ведь я шёл налегке, и мне на пятки никто не наступал.

И самое главное — куда я вообще лезу?

Ну сообщи ты заказчику, мол, клиента увела посторонняя группа захвата, как будто меня будет кто винить, что я не отработал клиента до конца. Так на так — хороший повод завершить контракт раньше срока. Так чего мне неймётся?

Уязвлённая профессиональная гордость? Как говорится, чешите в другом месте.

С каких пор мы такие гордые, инда тебе довелось потрудиться для Корпорации курьером — живой чашкой Петри —

что-то никакой гордостью у тебя и не пахло. Работал почитай вслепую, не то лабораторной крысой, не то летучей мышью, чуть там на «дьюти-фри ране» не сдох. Разве не потому твои пути с Корпорацией в итоге и разошлись?

При этой мысли я тоскливо хмыкнул.

На самом деле, просто старый стал. Я же видел, с кем и как сейчас работает Корпорация, да выйди они на меня, я бы в минуту со слинкероством завязал, только бы меня в гильдии и видели. Но нет. Много лет оттуда ни единого сигнала.

Может, в том-то и дело, потому и лезу. Выслужиться хочу. Вернуться в строй. Вот сейчас сдам им клиента…

Что ж, ты сперва сдай, болезный.

Ты видел, с каким шиком, блеском и красотой была произведена его экстракция. Кто сказал, что тебя-то не водят за нос.

Подбадривало меня по пути разве что отчётливое приближение звука роторов от звена среднетоннажников. Как только тилтвинги прибудут, вся эта кавалерия за исключением разве что парочки мекков отсюда живо рассосётся. Корпорация не любила вступать в прямые конфликты на чужой территории, да ещё и с угрозой применения не избирательного оружия по гражданским. А боевые винтолёты это так себе мирный план урегулирования, чьи бы они ни были.

Я же был на месте, химический след обрывался двумя уровнями выше, и метка там стояла такая жирная, как будто клиент дальше не перемещался. Или же с него каким-то чудом всё-таки сняли мою «вонючку», самого его упаковали в изолирующий бокс и так же скрытно перевезли дальше.

Впрочем, изощрённая логика подобных действий мне оставалась непонятной, поскольку вот же она, тепловая сигнатура. Клиент как будто был на месте, или вместо него подложили похожую на него грузную тушу… но зачем?

Чтобы меня обвести вокруг пальца? Кто я такой, зачем на меня тратить ресурсы? От меня достаточно было избавиться.

Значит, это всё-таки клиент, целёхонек, приходи, бери его тёпленьким.

И никого вокруг, ни одного лишнего сигнала. Даже мельком скользнувший по кару клиента лидар агентов Корпорации я всё-таки засёк. Тут же не было вообще ничего. Даже черноты сигнальной блокады, как там, в апартменте клиента.

Обычная жилая башня, тоже полупустая, и всё равно наполненная бытовыми сигналами. Но никого постороннего я заметить не смог, как ни пытался.

Дальше тянуть резину было нельзя.

Или двигайся вперёд, или уходи. Но стоять вот так и прислушиваться можно бесконечно.

И тогда я принял решение.

Несанкционированное перемещение по чужой территории даже для опытного слинкера — дело непростое. Иные представители нашего рода деятельности всю жизнь этому учатся, осваивая науку проникновения в защищённые коммуникации, взлома систем снаружи и изнутри. Иные же словно рождаются с этим знанием, обладая, если хотите, особым углом зрения, когда вместо того, чтобы ломиться в запертую дверь, влезть вместо этого в совершенно незапертое окно. Это было тонкое искусство — двигаться по чужой земле так, будто бы ты был свой, не покидая слепых зон и производя атаки на бреши в системах безопасности на одном вдохновении.

Честно признаюсь, я в этом деле был крепкий середнячок, скорее усидчивый зубрила, чем вдохновенный гений. Чтение документации плюс консультации с коллегами в интервебе. Ну, и хорошее, надёжное, дорогое оборудование. Мне было далеко до чемпионов, но и всякие аматорские косяки давно удалось пережить, так что здесь, посреди «поляны» таким, как я, было раздолье.

Протоколы безопасности тут не обновлялись десятилетиями. Когда на пути у тебя встают защитные контуры, на живую примотанные к роутерами со стадвадцативосьмибитным шифрованием, тут уж как бы не до затруднений.

Стило мне приблизиться к запертой двери, как она тут же заблаговременно принималась помигивать зелёным глазком. Даже не интересно. Впрочем, скука в нашем деле — это палка о двух концах. С одной стороны приятно — кому охота застрять посреди душного коллектора, напоровшись на незнакомую охранную систему, а с другой — к халяве быстро привыкаешь, а где привычка, там и ошибки.

Вот и сейчас, стоя перед очередной беспомощной против моих уловок дверью, я не стал ломиться вперёд, а наоборот, вновь замер в ожидании подвоха.

Тепловая сигнатура клиента оставалась от меня в буквальном смысле на расстоянии вытянутой руки — просто опусти ручку и открой — но в этом не было никакого смысла. Слишком легко, слишком банально.

И слишком напоминало ловкушку.

Но зачем ставить подобную ловушку не простого слинкера вроде меня? Слишком много трудов, слишком невелик возможный профит.

Я снова и снова сканировал окружающее пространство в

поисках хоть чего-нибудь подозрительного, но ничего не находил. В конце концов, если бы меня хотели погасить или попросту изолировать, вон, минутой ранее в шахте технического лифта это сделать было куда проще. Да и поздновато как-то бояться, ты же тут как на ладони.

Да, жаль, кавалерия уже попряталась. Накрыли бы меня вместе с клиентом, если что.

Если что? — не став додумывать эту мысль, я шагнул вперёд.

Это и правда был клиент. Мой, роднёхонький, ни разу не подменный. Он так и сидел, примотанный пластиковыми петлями к стулу, в той же позе, что напоследок продемонстрировал мне визор, носом вниз, будто до сих пор над ним стояли трое из группы захвата.

Только вот что они от него хотели?

— Вене ву антересе, вы подойдите, поинтересуйтесь.

Кажется, я отреагировал достойно. Во всяком случае обошёлся без прыжков на месте и прочих экспрессивных способов самовыражения.

Впрочем, я замер, что тоже сойдёт за истерическую реакцию, и лишь спустя долгую секунда начал медленно, неохотно оборачиваться.

Но ничего страшного не увидел.

Щуплая брюнетка в перепачканной в пыли рабочей робе, респираторе и тактических очках. Если подумать, она выглядела моей копией, только очень, очень юной копией. Как я её мог не заме…

Подвох был в том, что я её и сейчас толком не видел.

Ну то есть видел. Собственными биологическими глазами. А вот вся прочая моя аугментация продолжала молчать. В помещении были только я и клиент.

Ой как мне это всё не нравится. Впрочем, если её не видят приборы, значит, она как минимум не вооружена.

— А вот этого делать не стоит.

Кажется, даже из-под громоздкого респиратора я сумел различить её улыбку. И на этом попытки достать ствол благоразумно оставил. Если это та, что увела клиента из-под носа кавалерии, мне с ней тягаться в скорости реакции точно не стоит. Сразу понятно, кто из нас быстрый, а кто мёртвый.

— Вы… вы кто?

— Какая разница?

Действительно, разницы никакой. Но вот её едва заметный валонский (а может и пикардский) акцент французского я машинально приметил, хотя в целом ничего удивительного, до Чжаньцзяна тут километров семьдесят, не больше, там до сих пор

полно франкофонов. Впрочем, она точно не местная.

— Вы, кажется, хотели глянуть на него поближе?

Пожав плечами, я вновь повернулся к клиенту, впрочем, стараясь оставить свою лихую конкурентку с краю поля зрения.

А правда забавно. Мне только показалось, что он был привязан к стулу. На самом деле пластиковые петли попросту удерживали его от падения. При желании, клиент, придя в себя, мог бы высвободиться из привязи на считанные секунды.

— Это вы его так?

— Вы же сами знаете, что нет. Он так и сидел, когда я его увидела.

Хм, ну она несколько преувеличивает подробности, в которых я всё это наблюдал со стороны.

— Допустим, что я вам верю.

Моя визави снова усмехнулась.

— Допустим.

— Но зачем им всё это делать? Они его чем-то накачали, да?

— Вы же слинкер?

— Какая разница? Слинкер. Будто бы вы — нет.

Снова ответный смешок.

— Тогда вы должны были успеть собрать на своего клиента изрядный компромат, пока за ним наблюдали.

— И что?

— И то, что вы должны были заметить, насколько он никчёмный типок.

Я молча продолжал ждать.

— Подумайте сами, зачем такой Корпорации?

Так всё-таки это была Корпорация.

— Не знаю, вы скажите.

— Он ничего не знает, ни черта не умеет, даже в бега он подался исключительно по собственной глупости.

— Ага, и потому за ним, кажется, гоняется половина оперативников в радиусе сотни километров. Вы тоже тут не случайно оказались, правда?

— Не случайно. Но и не специально. Я искала не его. А их.

И показала так многозначительно куда-то в небо.

— Ромул просто так не спускает своих собак.

Понятно. Теперь мне всё стало ясно.

— Вы хотите сказать, что знаете, зачем он им понадобился?

— Кое-что знаю. Хотите, проведём эксперимент?

Меня всё происходящее уже понемногу начинало злить.

— Какого рода?

— Очень простой. Я сейчас уйду, а вы дождитесь, когда он очнётся, и сдайте его людям Корпорации.

— Зачем бы мне это делать?

— Ну вы же хотите туда вернуться, я знаю.

На этом месте я не выдержал и рассмеялся.

— Я сказала что-то смешное?

— Ну я попал, слинкер, следящий за слинкером. Какой позор на мои седины!

Но она не поддержала моё веселье. Фу-ты ну-ты, чувство юмора у неё было какое-то своё, и чужого ей не требовалось.

— Уж простите, для того, чтобы это понять, за вами не нужно так уж долго следить. Вы хотите сказать, что я не права?

Я тут же прекратил.

— И всё-таки, вы собираетесь уйти? Просто оставите его мне?

И кивнул в сторону по-прежнему бесчувственного клиента.

— А он мне не интересен. Я уже узнала всё, что хотела. Если же и вы всё-таки хотите извлечь из сегодняшнего инцидента какую-нибудь вескую мораль, последуйте моему совету.

— И что будет?

— А будет вот что. Ваш клиент через некоторое время очнётся. Он будет дезориентирован, не знать, где он, не помнить, кто он.

— Логично, раз его накачали.

— Не перебивайте, а слушайте меня, мьсье, — кажется, теперь уже она разозлилась, — но потом он придёт в себя. И сразу же сюда примчится вся королевская рать. Не забудьте рассказать ему, что это вы его спасли из моих рук, вам это зачтётся, поверьте, не упускайте шанс.

— А если я не послушаюсь вашего совета и просто продолжу за ним следить?

И тут она снова хмыкнула своей зловещей усмешкой.

— Вы ещё не поняли? Вам больше нет смысла за ним следить. Ваш клиент отныне вернётся к своему обычному образу жизни, в прямом смысле забыв о своих приключениях на «поляне». Дело закрыто. Можете передать заказчикам, что он стал другим человеком. В прямом смысле.

— Это… это они его так?

— Вы мне скажите, вы же видели не хуже меня.

— Но вы всё знали заранее. Значит, это не первый случай?

— Не первый. И не последний, если вы об этом.

— Но зачем?

— Вот вы и узнайте, если захотите. И если сможете.

На этом она решительно двинулась к выходу.

— Вы что, меня вербуете?

Но я уже остался один и ответить мне было некому. Визор по-прежнему молчал. Она просто растворилась в пространстве.

Ну и что мне теперь со всем этим прикажете делать?

Забыть про всё и свалить — тоже не выход. Что бы там ни говорила эта призрачная мадемуазель, Корпорация есть Корпорация, уж она меня точно найдёт, когда сообразит про «вонючку» и про мою роль во всём этом. Так что в любом случае проще подождать и объясниться.

Про методы работы людей Корпорации ходили самые разные слухи, и сегодняшняя история их не красила, но дураками они точно не были. И лучше покуда побыть не их стороне.

А там посмотрим.

Клиент шевельнулся. Она явно знала заранее время, когда это случится.

XXI. 99. Ромул

Стрекоталка зудела где-то на самом краю слышимости, дразня своей недосягаемостью. Словно комар в нощи — трепещет себе крылами, пищит противно, а поди его разгляди, кровососа.

Кто бы ни был тот добрый человек, что скользил по-над кронами, а даже и в наших глухих местах он предпочитал зело беречь своё инкогнито. Полёт свой вёл низинками да на малом ходу, будто бы подозревая окрестные хутора в недобром намерении летуна изловить да придать его гласности.

И не сказать, что напрасно. Позату весну прибыл сюда о полку бронированных мотогусар господин столичный с нарочным предписанием. Ну как, столичный, не с самого Москова, но поближе, с полкового уезду, что Трубу сторожит. Прибыл и прибыл, только его с тех пор обыскались городовые-поселковые. Нет как нет. Да и мотогусары с тех пор поистрепались — кто спился, кто в самовол пошёл. Назад их без начальству не ждут, исполать тебе, господи, а тут уж и хозяйство, невестушка сыскана, банька стоплена. Да ну его в пень, ту службу.

Так что не зря летун низенько стрекочет, у нас даром что божья благодать, а бывалоча творится всякое лихое. И на

болотине, и в лесах.

А вот сама стрекоталка. Стройная, ладная, больше стрекоза, чем птаха. Скользит-елозит, скрывается. На вид как будто автожир вроде тех, что деревенские в складчину берут поля от жука опылять да дурную траву изводить, только побогаче, с висюльками разными, навроде прибора какого. Да и шустрая не по месту, наши-то едва ли две русских мили в час держуть, али дюжину пятисоток, их и на велике догнать не труд, а тут хода поди как у паровоза, и главное ты гляди, какие вензеля промеж крон выписывает, тихарится. А коли тихарится, знать, замедляет.

Автожир штука простая, коли сбросил оборот, так сразу подъёмная силушка уж не та. Сельчанам не проблема, они над кукурузой да вкруг потата путь держат, на брюхо шлёп и сиди жди волокушу, на сегодня отлетались. Над лесом же как идти на подобном — непонятно. Впрочем, чего гадать, стрекоталка споро сыщет себе неприметную поляну, дабы поскорее укрыться, али перелесок какой. И причина всего неудобства тоже не секрет — по небу уж раздались хлопки с характерным ду-ду-ду. Это пускались из стартовых колодцев винтолёты береговой охранки со стороны Нарьян-Мара, али Печорской губы, не понять. Далеко — вёрст двести — а слышно. Знать, спешат уже, торопятся.

Занятное дело эта стрекоталка, ой занятное. И чего ей здесь за интерес, коли от Усть-Цильмы до самой Воркуты вдоль берегов поди даже и приличного заводишка не сыскать, одно сплошное земледелие уж полста лет, как мерзлота отошла да нивы по северам заколосились.

Автожир меж тем совсем затих, погрузившись брюхом в удобную поросль молодого леска. Ну да, где целую полосу пожаром слизало прошлым летом, там смело давай посадку, не жди никакой беды. Деревца тут все тоненькие, едва в человеческий рост. Самое оно без опаски приземлиться. Опять же — полоса неширокая; по оба края старая ржа железнодорожной насыпи, получилось навроде пожарной просеки. Заходи да садись, коли умом не богат и досюда без разбору забрать решился.

Стрёкот послушно сгинул, как не было. Теперь винтолётам тут хоть облетайся — беспонту по земле жалом водить. Автожир сей хоть выглядит простецки, да явно не прост, нанoплёнка уж рябью пошла, умело таясь на фоне листвы. Поди разгляди птичку с-под небесей.

А вот и хозяин того добра показался. Никаких тебе глупостей, одет как все местные — в джинсы да ветровку неприглядного тона, чтоб сподручнее в дерьме валяться. За спиною сидор, знать, довольно веский, может и на цельный пуд потянет, а внутри поди что круглое, кавун али гиря. Токмо зачем человеку в лесу гиря, и

кто когда видал кавуна столь веского, чтобы взрослый мужик под его тяжестью так уж склонялся.

Сам летун при этом хлипким не выглядел. Да, в годах, по коротко стриженному ёжику седой головы видать, но сам-то добёр, поди сажень без чети росту, ни пузени какой, ни морщин особых. Знать, и кормёжка у него справная, и держит в себя в форме, а шаг-то какой, пружинящий, топает себе уверенно вперёд, только на запястье поглядывает, с направлением сверяется. И главное соображает, куда двигать.

На Денисовке поди любого пришлого встретит патруль, а коли ты милости околоточного не сподобисся, там тебе и быть до утра в железах. Винтолётья у нас за просто так не шмыгають, это кажный окрестный на зуб знать должон. Потому двигался мужичок грамотно, на север, в поля, благо их по правый берег было предостаточно. Какие реестровые, а какие и вольные, за мзду малую, благо той земли кругом — даже пятая часть лесов до сей поры не сведена.

А всё потому что народцу мал-маленько. Тут делов-то, позвать с Печоры самоходный равнятель, чтобы отвалы понаделал да на случай разлива от поймы отгородил, стоит то недёшево, но и не сказать чтобы совсем непосильно. А потоместь — только трудись, осваивай землицу, она тут плодородна-ая. Да только кому трудиться-то? Алконавтам с Денисовки, что между приходами в порт сухой баржи неделями не просыхают? А может, городским с Нарьян-Мара? Так тем местный гнус не по нраву.

Потому и не освоена, выходит, до сих пор стоит территория. Хотя, если так и поглядеть — хутора постепенно обустраиваются, не то чтобы совсем дикость кругом, есть и добрые хозяйства.

Мужичок между тем ровно к одному такому и направлялся. Хозяйская усадьба, летний навес для техники, широкий заезд под землю в хранилище, дальше коровник, птичник, даже конюшенка небольшая, всё солидно. Куры бродят по двору, два свинтуса нежатся на майдане, ну не любо ли?

Вот и залётчику нашему любо. Шагает себе вперёд, как к себе домой, даже глаз никуда не скосит, будто бывал тут не единожды. И только на сухой кашель ружжа останавливается, терпеливо поднимая руки вверх.

— Кто таков?

Голос хозяина прозвучал в матюгальнике не без смешинки. Уж больно нахален пришелец.

А ответа-то и не слыхать, тому как далеко.

Рот-то мужичок открывает, а всё ветром его слова сносит.

— Стой там, ща.

Пощёлкал чем-то у себя хозяин, отчего в эфир пошли

наводки, а собака во дворе вдругорядь забрехала да унеслась аж за майдан. У всяких кабыздохов слух чуйкий, тут уж как водится.

— Теперь говори.

— Я к Сяо Вану.

На этот раз голос отвечающего зычным эхом разнёсся по всей округе.

— А звать тебя как?

— Родионом кличут.

— По батюшке?

— Романыч я.

— Не знаю такого.

Пришелец продолжал держать руки вверх и нетерпения проявлять не спешил.

— Да ты пусти, хозяин, там ужо обсудимо.

Хуторянин на это хмыкнул, но ствол опустил.

— Ну заходи, коли не шутишь.

Трое дроньев, окружившие тот час неурочного гостя, тут же сорвались с места и унеслись обратно под навес сторожить. Смекнувшая, что шухер рассосался, псина тоже вернулась на исходную позицию между хозяином и пришельцем.

Сам же хозяин уселся на лавку и вернулся к своему основному на тот момент занятию — поедать из широкой миски дикую смородину, заблоговременно протёртую с сахаром, чтоб не так кисло было. Чем ещё на жаре в середине дня заниматься. Вот попустит слегонца солнцу, али тучи снова набегут, можно будет обратно на поля двинуть.

— Доброго здоровьица, хозяине.

Это назвавшийся Родионом уже добрался до места, а ничо так он чешет, что твой спортсмен-разрядник.

— Доброго.

— Это вас, господин хороший, Сяо Ваном кличут?

Хозяин снова хмыкнул, делая приглашающий жест подсаживаться.

— Да как-то Ваней в основном. А ты что ли городской, мил человек?

— Да коли бы и так. Всяко по здешних местах я бывал немало, особливо в детстве.

— Это ж в каком годе? — не поверил, значить.

—Да почитай что в прошлом веке то было. Но последний раз лет двадцать как заглядывал сюда проездом, посмотреть, как оно всё изменилось.

Самозваный Ваня присвистнул, оглядывая Родиона. Неплохо сохранился, шельма.

— О как. Ну добро. А меня откуда знаешь? Так-то мы с

соседями не особо отсвечиваем, не какие реестровые чай.

— Да и делов-то, что не реестровые. Слухами земля полнится.

— Это какими такими слухами? — нахмурился Ваня, так что и без того азиатские глаза его окончательно сошлись в две щёлочки.

— Что проживает де на Печоре Сяо Ван, знатный сельчанин и хлебосольный такой, ух. Лет пятнадцать как проживает, добра наживает.

Тот в ответ только губами покивил.

— А может и не проживает.

— А может и нет, — легко согласился Родион, снимая с плеч сидор и через силу водружая его на стол. — Да ты не беспокойсь, чужие проблемы мне к спеху, Ваня, мне бы ночь переночевать, а к утру я уж свалю по добру, по здорову. А то сказывают ночью гроза будет, надёжная крыша над головой в такую погоду и ежу ко времени будет.

— Уж как водится, — Ваня перестал сверлить пришельца глазами и сменил тон на более деловой. — Эту штуку припрятать от греха не надобно?

Но Родион твёрдо стоял на своём.

— Не сто́ит. Пущай при мне побудет. Ты, хозяин, я погляжу, за горизонтом-то подслеживаешь.

— Не без этого. Мало ли какая проверка.

Родион усмехнулся.

— Работников прячешь?

— То тебе какое дело?

— Да никакого. Просто мне про твоих работников не знамо. Вот и пущай при мне всё своё побудет.

Ваня только плечами пожал, дело барское.

— Куда путь держишь, если не секрет?

— Да какой секрет, в скит иду, по святым местам, душонка-то вишь, городская, пропащая, а к боженьке всё одно тянется, чистоты требует!

И улыбнулся столь блаженной улыбкой, что Ваня даже призадумался. Что издевается — это понятно, но с какой целью?

— Дело то спасительное. Только ежели ты, Родион свет Романович, в ближний скит собрался, то отговорю я тебя от того дела.

— Почто так? Али там неладно, ужели какие раскольники скит захватили?

Ваня аж ругнулся вполголоса, но вслух сказал так:

— Ближний скит больше странникам не отпирает. А кого впустит — сразу под опись сдаёт охранке границ.

Ага, кивнул в ответ Родион.

— Приму к сведению, хозяин, приму к сведению. А вот ты мне скажи, баркас-то нынче ходит?

— Ходит, чего ж не ходить, по-на всю Печору почитай один и ходит, поди кожный день, коли не праздник святой али штурман вдругорядь пьяный лежит. А тебе то почто? Скиты поди у другой стороне все будут, на юг.

— Да думал я вот по пути погостить, всё равно где. Опять же рекою оно дело такое, идёшь тихонько, по берегам зыришь, роздых глазам, радость душе.

При упоминании глаз Ваня встрепенулся, приглядываясь. И правда, диво дивно, наш-то Романыч, гляди, со своими зенками по свету бегает. Даром что сколько ему годков, за сотку? Интересный коленкор. Неужто в Москове до таких дел додумались, чтобы живые глаза человеку до ста лет сохранять? Чудеса.

Сам-то хозяин мерцал своими дешёвыми матрицами почище чем у котов ночами в свете фонаря отсвечивает. Сразу видать — халтура, коновал в Нарьян-Маре делал.

— Ты бы, Родион, зенками-то своими не шибко светил, на реке лучше вообще визор одень да не снимай. Народишко сейчас всякий по сдельной работе шаромыжится, останешься без глазонек, неровён час.

Но Родиона сей пассаж нимало не впечатлил.

— Ой, спасибо, хозяин, за заботу. Буду стараться не отсвечивать. Только вот ты ещё мне что скажи, чего у вас так охранка суетится? Покуда шёл сюда от пристани, сплошной трах да бабах по небесем, что-то не припомню, чтобы так уж винтолёт бывалоча-то озоровал.

Ишь, винтолёт ему чтобы не озоровал, на то и охранка границ поставлена, чтобы враг не дремал.

— У нас нонче строго. Кожную седмицу стрельбы, ущения, третьего дня два электропса прибегали, кур спужали, сволочи.

— Али сыскали кого? — сочувственно поинтересовался Родион.

— Да кто их поймёть, ледащих, прискакали да ускакали, чтоб им пусто было.

— Ясно. Может, на Трубу кто покусился?

— Это ты когда со скита дальше-то пойдёшь, то сам и погляди, кому сие вообще надобно!

Родион в ответ только голову наклонил, ну-тка, милок, заскажи мне за Трубу. Да и разошёлся Ваня отчего-то не на шутку, видать, задел его вопрос:

— За Уралом-то, где самая Ягыд ва започинается, там

настоящая грань идёт. Будь там особливо аккуратен, Родион, эт табе не местная охранка, там всё по-настоящему, строгости как при карантине. Ни одна мышь не проскочит, что бы ты там себе ни думал, я тебя заранее предупреждаю.

— Ну допустим, а причём тут ваша охранка к тамошним строгостям?

— А притом, что нет никакой особо охранки, всё корпорации к руками прибрали, от самого Москова до японских островов.

Родион в ответ только брови удивлённо поднял.

— Вот прям никакой?

— Да и Трубы, если подумать, тоже нет.

— Поясни.

— Да что тут пояснять, — всплеснул руками Ваня, — сдаётся мне, что Труба та пустая давно, так, фикция. Повод, чтобы здесь быть, всё вокруг сторожить.

— Погоди, что-то я в толк не возьму. А рента? Москов же не просто так купоны стрижёт, а с денежного потока. Если в Трубе ничего нет, откуда баблишко?

— А оттуда, ты погляди вокруг. Что ты видишь?

Родион с интересом оглянулся.

— Ну хутор твой.

— Да ничего ты не видишь! Потому что ничегошегьки тут и нет. И так до самых Саян. Не было, нет и не будет. За тем и присмотр. А бабло это дутое — есть фуфло и заманухa. Дуракам, что в Москове сидят, того довольно, что оно течёт, однова живём, а им платят, чтобы в глаза их не видеть.

— Погоди, я запутался, а охраняют-то чего?

— То и охраняют, что ничего. Ни-че-го-шеньки, — отчеканил хозяин. — Пустоту, где для виду живут такие как я и ты, лишние люди, призванные заполнить собою эту пустоту, но и только. Никогда ни корпорации, ни прогнивший Москов не позволят здесь ничему вырасти.

— Типа чего?

— Типа Мегаполиса.

Родион аж руками всплеснул:

— А зачем тебе тута Мегаполис?

— Чтобы жить, а не у Трубы греться. Чтобы дети мои в университетах обучаться могли, а я себе — нормальные глаза выправить. Чтобы не в нужник до ветру ходить, а корова чтобы — самого премиального геному! Вагю, едрить твою!

И остановился, выдыхая. Эк его разобрало.

— Ва-ань!..

Оба-два обернулись на строгий женский голос.

Хозяйка стояла в сенях, подбоченясь.

— К обеду-то накрывать? Коли вы уж натрынделись.

Сразу видать, кто в доме заправляет. Энто в поле мужик — хозяин, а тут коли сыту быть хочешь, засунь свою мужнину спесь себе в мотню и радуйся, что скалкой давно не прилетало.

Да и то сказать, хозяйка у Вани была добрая, ростовая, разве что не выше Родиона. И в плечах, и в попе богата, мечта, вопчим.

— Доброго здравствия, хозяюшка! Не извольте беспокоиться, я на харчи не претендую.

— А мне то без разницы, разогрето, знать сиди ешь!

И ушла себе в усадьбу, недовольно ворча под нос.

— Придётся есть.

Ваня это произнёс даже с какой-то гордостью.

Спустя минуту на столе ломилось: холодник на буряке и говяде с яйцом да сметаной, потат варёный под маслом, укропом и петром, шкварка золотистая, обжаренная с отрубным хлебом и чесноком, кукурузная лепёшка на опаре, жбан варенья к уже стоявшей тут миске протёртой ягоды плюс крынка молока и охапка зелени пучком али требухою на постном масле с лемонтием на выбор. Завершал обеденное пиршество издевательски крошечный пузырёк горькой, что был поставлен персонально перед гостем и даже немного подале, чтобы хозяин не дотягивал.

Расселись.

Пятеро детей-погодков, все как один в маму, лунолицые и лупоглазые, с интересом смотрели на пришлого дядю, хватать со стола не рвались, и вообще вели себя пристойно. Разве что старший пострел то и дело оглядывал через плечо на майдан, где чего-то расшумелись молочные подсвинки, всё не сиделось ему.

Молитву, как водится, зачитал отец семейства, солидно так, с о́каньями и натужным сопением промежду строк.

— Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас. Аминь.

И размашисто, от пуза перекрестился, покосившись на Родиона.

Тот послушно повторил жест, посмеиваясь в седые усы. Его всё происходящее забавляло.

И только тут приступили. Пока все разливали по мискам холодник, Родион ещё раз вежливо поблагодарил хозяюшку, а за одно поинтересовался, где же работники.

— А них тама, за амбаром покормлять.

— То дело, кормилица, хлеб-соль!

И послушно, под строгим-то женским взглядом, поспешил

отпить разом добрую половину пузырька горькой, послед чего похлебал холодника да разом перешёл к горячему.

Он уж и знать позабыл, какой вкусной может быть простая крестьянская еда, да на свежем воздухе, да под крепкую сивуху. Аж слеза наворачивается. Впрочем, покуда гость упражнялся в злоупотребленииии, все прочие из-за стола успели рассосаться. Хозяин с оханьем сел на трактор да повёз работников в поля, туда же потянулось и гудение стаи сельхозных дронов. Дети, ничуть не притомившись на послеполуденном зное, разбежались по своим делам, и только строгая хозяйка хмуро продолжала менять пузырьки до тех пор, пока гость не удосужился, блея и мекая, начать извиняться, что, мол, на сегодня хватит.

Фыркнув от возмущения, хозяйка крикнула из сеней девку уносить, а сама снова растворилась в недрах хозяйской усадьбы. Настала благословенная послеполуденная тишина.

Родион откинулся на лавке, облокотясь о едва оструганную столешницу, и благостно уставился вдаль.

А всё-таки хорошо нынче тут. Дрозды в деревах поствистуют, чёрный аист стрекочет в камыше, мелкие хрюнделя повизгивают на майдане. Ни тебе гнуса, ни овода. Лепо.

Буде так, даже надоедливое жужжание дронов в отдалении ничуть не беспокоит. Такая наполненная, многоголосая тишина будет получше всякого истинного, мертвенного молчания. Тут такое бывает разве что после звена винтолётов, те на бреющем так рокочут, что природа разом вся замирает в панике. Али после очередного разлива на Трубе, когда целые реки вдругорядь вымирают ниже по течению, задыхаясь в химическом смраде удушающих паров.

Тут, на Печоре, такого не бывалоча-то, а вот за хребтом, по Оби, чего только не случалось. Там и экология смотри какая, леса стоят чёрные, да и людей с гулькин нос вовсе. Одни только заставы вдоль Трубы, да и живут там разве посменно, пока смог вонючий глаза не выел.

Туда-то ему дальше и двигаться.

Родион вздохнул, убрав блаженную улыбку с лица и заделавшись разом как будто другим человеком. Словно бы был в нём самом какой-то титаниевый стержень, который если и позволял себе на время мягчеть, да тут же, чуть что, возвращался в обратку.

Оно и правда, до Сургута путь неблизкий и небезопасный. Коли рассчитывал он двигаться дальше на стрекоталке, так планам его не суждено было сбыться, слишком крепко стерегла тут небо охранка. И ладно бы только радары да лидары, кто б его углядел, на столь малой высоте и при небольшой скорости.

Видать, с неба зырят, треклятые, пущай не персонально про его, Родиона свет Романовича, душу, да то какая разница. Родион не выглядел человеком, так уж расположенным к общению с околоточным.

Да и груз этот тяжеленный, что он держал всегда при себе, смотрелся слишком уж неуместно посреди всей этой пасторали.

Что там, поди пойми. А ну как счётчик имени товарища Гейгера к нему приложи, неужто смолчит, не зарычит, не застрекочет?

Что это за штуковина вообще такая, что надобно тащить через весь континент да без вящей охраны? Знать, недобрая штука, дурная, коли таить её приходится подобным вона инкогнитом.

Впрочем, Родион этот самый, должно быть, о своём грузе зело осведомлён, то видно по коротким жестам, которыми он норовил бесперечь коснуться железной гири через брезентуху сидора.

Так нежно оглаживают дитя малое в колыбели, не иначе. Что то за колыбель и что за дитя в той колыбели зреет? Не громоковато ли то «агу», что вскоре пойдёт гулять по миру, по самой Матушке?

Родион про то помалкивал, а только припадал к виртпанели, что-то там про себя рисуя по контурным картам, как в старину делали. Полк шуйный, полк десный, засадный полк, новомодный.

Поди пойми, вопчем, да только ни виртом поганым, ни прочими модными штучками Родион про свои тайные дела да затруднения не пользовал. Он вообще как будто бы и видел сейчас вокруг ровно тоже, что птица небесная да гад земной. Травушку, древесный шум, птичий грай и рокотание тракторов за стеною матушки-кукурузицы. Никакой тебе аугментированной мути в глаза и бесовской музыки в уши. Одна только божия благодать.

Сиди себе, наслаждайся.

В таких думках да поглядках и прошёл у гостя остаток дня. Когда же хозяин в сумерках возвернулся, то не сразу сообразил, что такое наблюдает. Родион сидел на столе в обнимку со своим сидором и пускал в небо дымные кольца ликтической жижи.

— Комаров что ли пужаешь?

— Ага, так-то ввечеру поналетели.

— А чего в дом не подёшь, у нас пугалка ликтрицская.

— Тама хозяюшка за ужин поди взялась, не хочу мешаться. Да и дело у меня к тебе есть.

Хозяин, видимо дело, враз забеспокоился.

— Что за дело?

— Да ты не кипеши, на-ка.

И чего-то хозяину через стол перебросил. Вроде пластиковой таблетки от замка, с карабином, что звякнул при поимке.

— У меня автожир спрятан в перелеске, что меж двух узкоколеек старых, там ещё горело пару лет как. Я его оставлю, пожалуй, дальше на перекладных пойду.

— И чего мне с ним делать?

— Да смотри сам. Хошь — продай али себе оставь, только перекрасить его сперва надобно, наноплёночку охранка не оценит по-хорошему. А не хошь — так и сожги втихаря, мне тебя учить не след, сам разберёсси.

Ваня только жиденькую бородёнку в ответ почесал.

— Оно понятно, что подгон знатный, Романыч, только ты сперва подумай крепко.

— А чего там думать, мне на рассвете сваливать надо, всё одно за ночь мы автожир из перелеска не вытащим, так дальше хребта мне на нём сам понимаешь, не добраться. А в обратную всё едино я другим путём идти буду. Так что делай, как знаешь. Я его уже отресетил, чистенький стоит, мастер-пароль только ввести. За отпечатки и прочий биоматериал можешь не беспокоиться, там неплохая система самоочистки внутри, уж поди сама справилась.

— Добро.

И, помявшись, всё-таки добавил.

— Ты ж это, с городу, али с самого Москова, ты мне вот что скажи…

— Чего сказать-то?

Но хозяин баловства не принял, оставшись таким же серьёзным.

— Скажи, как оно всё будет?

— Где, здесь?

Ваня смущённо потёр переносицу.

— Ну, не прям у нас тут, вообще. Мы ж не дураки, мерзлота отступает, сказывают, зимой судоходство севморпути вообще не останавливали. Сибирь почитай вся оттаяла, чуть не до Хатанги. Байкал скоро с Новым морем соединится.

— А вам тут на Печоре какая беда?

— Да никакой, урожая много, гнус почитай весь на север ушёл.

— Так и чего ты беспокоишься?

— Говорят, за Уралом люди мрут от заразы, болотные газы кругом горят.

— Ты же сам сказал, сколько тех людей-то?

Сяо Ван вздохнул.

— Вот ты всё в шутку свести хочешь. А боюсь я за завтра.

И только тут гость соизволил всё-таки стать серьёзным.

— Скажу я тебе так, хозяин. Покуда тебя тут никто не забижает, плюй на всё и живи себе, как живётся. Расти детей, люби жену. Всё одно от тебя спасение Матушки никак не зависит. Не нужен тебе и гнилой Мегаполис, и уж тем более стольный град Москов с его заманухами. Во всяком случае, здесь тебе покуда ничего не грозит. Хребет тебя от потравы с востока защищает, дальние расстояния не позволят всяким корпорациям тут озоровать, да и нет у них тут никакого интересу. Море, река, лес, поле, чего тебе ещё надобно?

— Надолго ли всё это?

Родион глядел на Сяо Вана, нахмурясь да призадумавшись.

Непростой вопрос, непростой предстоит и ответ.

— Может быть, и надолго. То, что о вас забыли, это скажите спасибо. В наше время сидеть ниже радаров — лучшая стратегия. Вы тут — те немногие, кто может наслаждаться изменениями климата в полной мере, не получая от того ни малейших неудобств. Но так не будет всегда. Рано или поздно опреснение Баренцева моря запрёт Гольфстрим окончательно. Никто не знает, когда это случится, может через пару десятков лет, а может и на пару веков хватит. Вы это почувствуете первыми.

Сяо Ван молчал, не мигая.

— Однажды сюда вернутся сибирские морозы. Не те, что теперь, а настоящие, лютые, как в старое время. Промёрзнет до дна Печора, начнут лопаться стволы деревьев. Это будет тебе знак, собирай своих и двигай на юг, не останавливаясь.

— Это куда на юг-то? До Сыктывкара али Кудымкара?

— Дальше, Вань, гораздо дальше. Эфиопия, Южный Судан, там к тому времени как раз станет посуше. В земли наших далёких предков, что вышли из Африки полсотни тысяч лет назад.

Хозяин аж крякнул с досады.

— Не крутовато маханул?

— Не крутовато.

По насупленному виду Родиона было видать, что тот не шутит.

— Это случится не сразу, но здесь начнётся. Лета не станет, с севера снова пойдёт ледник, через три сотни лет он достигнет северных границ Мегаполиса. И никакие стены его не остановят.

Ваня смотрел на Родиона сочувственными глазами, какими здравый глядит на умалишённого.

— Можешь не верить, но дети твои поверят точно. Просто помни, что мерзлота ушла на время, но обязательно вернёт своё.

— Как скажешь, мил человек.

На этом разговор и совершили.

Отужинали в свете антикомариных приманок, чем бог послал, после чего все разошлись по палатям. Родион же стеснять хозяев снова не стал, так и улёгся в гамаке промеж двух черешен, навернулся по самый нос в одеяло да так и уснул, попялившись напоследок на белое северное небо.

Сяо Ван по старой привычке поднялся утром в полпятого, умылся с рукомойника во дворе да пошёл будить гостя. Только того уже и след простыл, как и от его весомого сидора.

Ну, в добрый путь, мил человек. Знать, время у него совсем не терпит.

XXII. 07. Вечный

Вашу ж мамашу.

Pominkas представляли собой настолько устоявшийся ритуал, что для Анселя все местные приколы давно должны бы примелькаться, просто ещё один скучный день на скучной работе, но где там, с годами они только всё больше бесили, выводя на новые раунды самокопания, мол, надо всё бросать да придумать себе занятие поприличнее.

Но чем ещё заняться экспату в стольном граде Москове? Большинство из тех, с кем Ансель успел познакомиться в баре Lenin zheev или паре подобных ему заведений «для своих», так или иначе подвизались в консалтинге и модерации, проще говоря, трудились на позициях razvodyashy,в конторах побольше и поменьше, в основном местных представительствах Мегаполиса, а там уж кому как повезёт.

Работа на pominkas была занятием ничем не хуже других, как всегда, зависит от клиента. Главное в этом деле — не принадлежать к одному из конкурирующих кланов, что в мире круговой поруки и зацикленной на себе семейственности для любого другого занятия было бы скорее вопиющим недостатком, нежели хоть каким-то преимуществом, но не для razvodyashy. Образование, опыт и формальное резюме тут не играли особой роли, важно быть нейтральной стороной конфликта. Держи морду кирпичом и торгуй собственным статусом. А конфликты будут, уж не извольте сомневаться.

Вот и сейчас — всё началось как обычно, на третьем подземном ярусе палаццо, куда Анселя сквозь бесконечный дождь и бесконечные же пробки на вылетных эшелонах доставил его потрёпанный кар, всё оказалось напрочь заставлено стоящими

впритирку друг к другу огромными чёрными семи-автоматами, похожими на летающие гробы. Людей, как и свободных мест, на парковке не было.

Единственный пустой бокс у са́мого лифта был помечен голографическим значком «для маломобильных граждан», плюс ненавязчиво перегорожен видавшим виды оранжевым конусом. Вроде как «не влезай, убьёт». Не нужно быть сильно местным, чтобы сообразить — попытка занять чужой бокс может доставить посягнувшему хлопот. Не то чтобы Анселю так уж было жалко кар, но за годы жизни в Москове он как-то привык к своей tachka, это в Мегаполисе личный транспорт был развлечением для корпоративных шишек не ниже секторального директора «Джи-И», а тут вроде как всё родное, каждую царапинку знаешь, и лишний ремонт Анселю огребать не хотелось.

И всё-таки, клоунада начинала затягиваться. Где все? Сейчас протиснется по въездному пандусу семи-автомат кого-нибудь из опоздавших гостей и начнётся любимое развлечение — khipesh с гудением в клаксон и размахиванием разномастным железом в окно, где они его только достают. Ансель уже невольно потянулся к голосовому сенсору, вызывать подмогу, но вовремя заметил у самого лифта полупрозрачное гало дворецкого. Какая предусмотрительность, вашу ж мамашу.

Резервный бокс, который ему выделили, с третьего раза даже удалось высмотреть. Ну разумеется, в самом дальнем углу паркинга, рядом с другой такой же колымагой. Наверное, адвокат принимающей стороны прилетел. Как говорится, кому печаль, кому и праздник. Опять же,и хорошо, что так далеко задвинули, местные вообще весьма своеобразно относились к любого рода odolzheny, о них принято было заранее договариваться, и да, они всегда чего-нибудь да стоили. Как тут говорили — у соседа сдохла курица, мелочь, а приятно. Как то, что они тут именовали «курами», технически могло сдохнуть, Ансель не понимал, но местные обороты речи вообще не стоило воспринимать буквально, иначе рехнёшься.

Услужливый дворецкий всё маячил у лобового, помаргивая изношенными индукторами. Палаццо был хоть и местом довольно shikarny, но как и в случае любых общественных зданий, обслуживался из рук вон и, что называется, na otvyazhiss, лишь бы совсем не развалилось. В лощёный кирпич того же Кремлёвского купола тоже можно было верить лишь до первого визита в podsobka, где, разумеется, страждущего приобщения к тайнам царских палат ждала банальная пыль, паутина и характерный запах небрежения.

— Вас ждуут наверхуу, мсье.

Дворецкий тянул с жутким местным акцентом, кажется, традиция локализовать даже иноязычные языковые модули с учётом местечковых представлений о прекрасном тут укоренилась в веках. Почему просто не взять стандартный опенсорсный модуль со стоков?

— Пациента уже подготовили?

— Пациентаа? — с тупой интонацией переспросил дворецкий. — Вас ждуут наверхуу, мсье.

Ансель вздохнул и полез в багажник за мантией. Не то чтобы она была обязательным элементом мизансцены, но почему-то исключительно в островном облачении здесь тебя начинали воспринимать всерьёз, будто истинную власть местные принимали единственно от атторнеев Короны. Тоже своего рода традиция. Другое дело, что настоящий атторней тут не появлялся поди уже лет двести.

Вот же дрянь удушливая. Эта штука при местной влажности работала покруче всякой banya. Можно смело начинать потеть.

С резким стрёкотом дрон взлетел, покружился, сверкая золочёными глазками, и привычно повис за левым плечом у Анселя. Работаем.

Лифт в традиционном для палаццо чёрно-красном убранстве поверх обшарпанных зеркал тащился наверх с обстоятельностью пожилого туристического верблюда на Парадайз-бич, будто вёз не единственного преющего под глухой мантией экспата, но целую делегацию Мегаполиса с пажами и кринолинами. За то время пока плита основания, трепеща и подрагивая, проковыляла три несчастных уровня, можно было вернуться на парковку, сесть в кар и по воздуху добраться до крыши треклятого палаццо, благо там была предусмотрена эвакуационная площадка. Но протокол есть протокол.

Нехотя раскрывшиеся створки обрушили на Анселя тугую звуковую волну. Dis-catch был уже в самом разгаре. Палаццо такого класса позволяло одновременно разместить в центральной камере до полутора тысяч рядовых гостей во плоти и ещё примерно в десяток раз больше аватар, и сегодня тут всё было забито под завязку, ко всему — у самого основания бродило трое детей-колобков, плотно опекаемых авто-маскотами. Сразу видно, община сегодня попалась солидная, раз могла себе разом позволить столько мелких. Странно, тогда что он тут делает?

Ярусами вверх забирались традиционные местные круглые столы со скатертями под gjel-und-hochloma. На подвешенном в воздухе танц-поле, больше похожем на гипертрофированный ммашный октагон с прозрачным полом, мерцали стробоскопы и извивались под рокот барабанов конвульсирующие в магнитных

поясах, плюс под самым потолком внутренней камеры в такт местной попсе подёргивались гигантские голограммы, почему-то именуемые тут pugacheva. Экспаты, посмеиваясь промеж себя, называли их «баобаба», но при местных это слово старались не употреблять, потому как в ответ они тебе на подобное могли немудряще и в глаз засветить.

Между гигантских баобаб переливалось всеми цветами радуги число 130 без дополнительных уточнений. Впрочем, тут его никому расшифровывать не приходилось, на pominkas вообще помалкивают о деталях и в основном обильно пьют да неумело танцуют.

Под бодрые местные ритмы традиционно пришлось ждать прохождения сквозь рамку. Что они этими рамками изыскивали в мире пластикового огнестрела и одноразовых шокоразрядников, понять было трудно, скорее всё походило на ещё один ритуал поклонения, без которых тут не обходилось ничего и никогда. Ждём вальяжно чапающего сюда пузатого ochrannick, покорно приземляем дрон на колченогую табуретку у рамки, проходим с каменным лицом, ждём завершения шмона. Ничего страшного, каких-нибудь пять минут и можешь идти куда надо, всё ради безопасности, tovarisch. Тебе, экспату, ещё сколько жить, лет пятьдесят? Вот и не торопись, подумай о жизни, покуда тебя ощупывают всякими датчиками и просто потными ладошками в синих эластомерных перчатках. Хочешь долго жить, так терпи, о тебе же заботимся.

К тому моменту, когда тактический ощуп со стороны пузатого завершился, Ансель уже весь был багрового цвета, за воротник мантии текло из-под респиратора, а дрон в руке раскалился. Воздушное охлаждение, говорили они. Вашу ж мамашу.

А вот и представители покойного, оба-два, тоже такие официальные, в пиджачках поверх пузов, как будто не обращают внимания на окрестные безобразия,предвкушение обильного пополнения социального счёта как правило удачно загораживает остальную действительность. Ансель сухо кивнул их молчаливым переговорам с кем-то наверху, запустил обратно дрон и без обиняков самостоятельно двинулся к левой колоннаде, не дожидаясь официального приглашения. С этим дурковением надо было кончать. Встречающие вынужденно подхватились и поспешили следом.

Пока ждали лифта, Ансель поймал себя на притопывающем движении в такт рявканью бита, поморщился, местные называли такое явление catch, мол, ноги сами пускаются в пляс.Почему при этом само окружающее увеселение называется dis-catch, то есть

вроде «не-catch»,понять как всегда было трудно. А вот и лифт.

Увешанные весёленькими огоньками кабинки, что скользили вверх-вниз вдоль стен палаццо, были такими крошечными, что они втроём еле туда влезли, Ансель буквально физически ощутил, как напряглись магнитные зажимы чужих пиджаков, его же мантия моментом неприятно прилипла к спине. Мерзость какая. К этим постоянным мизансценам было невозможно привыкнуть. Дрон, оставшийся снаружи, мельтешил крылышками лопастей на воле, покачиваясь у самого лица по ту сторону стеклянной преграды, пока лифт разгонялся.

Отсюда, сверху, три завывающие и пританцовывающие баобабы и заключённая в их треугольник сотня выглядели совершенно устрашающе, почему эти странные существа с гигантскими nachos (кажется, что-то из латиноамериканской кухни, но поди их пойми) на голове считались местными за предмет обожания, оставалось для Анселя очередной загадкой. Впрочем, в Латинаме День мёртвых тоже справляли весьма экзотично, так что подобная случайная апроприация чужой культуры тоже, наверное, имела какой-то скрытый смысл и вряд ли была проявлением расизма, которого, впрочем, тут всегда хватало.

К счастью для Анселя, внутренняя камера палаццо благополучно исчерпалась, ухнув в чёрную пустоту под полом, голографические карги исчезли, музыка стихла, лифт продолжал подниматься уже в приятной тишине под ненавязчивый мотив отсчёта уровней.

Так, погодите, а как сюда дрон теперь попадёт?

На выходе из лифта Ансель, бестолково оглядываясь, принялся мучительно поправлять совершенно испорченную мантию. И чего теперь? Впрочем, привычный стрёкот раздался из-за угла уже спустя считанные секунды. Хороший дрон, хороший, к ноге.

Рядом перетаптывались встречающие. Только не говорите, что сейчас начнётся обычный местный bazar.

Так и есть, направляются к нему.

— Уважаемый, простите речь, есть один вопрос, в смысле момент. Тут такое дело, точнее, проблемка…

Ансель сделал резкий останавливающий жест, после чего акцентировано покосился в сторону дрона.

— Вы видельи́ этот прибор? Йесли вы не прекратите йетот разговор немьедленно, вам придьётся искать другого поверенного, это йясно-о?

Кажется, до них дошло. Тот, что поменьше и полысее, засопел носом и поволок другого в сторонку, где они принялись едва

слышно переругиваться, временами зыркая в его сторону. Ансель спокойно ждал, пока они выговорятся. Наконец ему надоело.

— Вы в курсье, что мойё времья́ оплачьвается?

Реплика наконец простимулировала парочку на искомые действия. Время Анселя действительно, на московском канцелярите, «оплачивалось» по местным меркам непозволительно. А что, поверенный-экспат нынче дорог.

— Пройдёмте, пройдёмте!..

Что-то тут не так. Вроде шло как обычно, но отчего-то Анселю всё больше становилось не по себе. Ладно если эти двое оглоедов просто, что называется, ramsy popootall, совсем другое дело, если тут скрывается какой-то подвох. Пока они шли изгибающимся коридором куда-то в обход шпиля палаццо, Ансель принялся ворошить в памяти детали дела. Кто-то из старожилов местного клана дотянул на аппаратах и переливаниях до пресловутой сотни, после чего местная медицина по обыкновению делала лапки кверху, при этом задирая такой ценник, что даже неслабые прайсы Мегаполиса становились не такими уж заоблачными. Другое дело, что местных в геронтологические центры Мегаполиса, не говоря уже о кратере Кабеус, никто бы не пустил, даже будь у них все деньги стольного Москова. К тому же здешние коновалы не только не умели адекватно производить Третью фазу, но и вообще не давали после достижения, как здесь выражались, dozhitie никаких гарантий, что пациент будет оставаться в сознании.

Ну и главное, согласно принятому полвека назад пенсионному кодексу, весь социальный капитал радостного старожила при таком варианте благополучно возвращался администрации, становясь недоступным для наследования.

Зная здешние нравы, бодрых babooshkas,благо до столь преклонных по местным меркам лет доживали исключительно они, в таком разрезе живо бы принялись отправлять на тот свет безо всяких церемоний. Удачно передавленный ногтем страждущего родственничка катетер порой творил чудеса, недоступные даже самой продвинутой медицине, но закон благоразумно давал клану несколько альтернатив погуманнее. Можно было просто дождаться естественной смерти, после чего горюющая по безвременной кончине старушки община хоть и оставалась без социалки, зато могла заполучить по внеконкурсу, то есть за взятку, материнский сертификат, что регулярно и делалось, судя по снующим внизу «маленьким императорам», а можно было и продать вакансию другому, более успешному клану за весьма солидное вознаграждение, причём социальный капитал обычно оставался продавцам. Тут важно было угадать со

временем передачи прав. Уже завтра они будут стоить куда дешевле. Именно об этом и был сегодняшний праздник мёртвых. Именно об этом гласило число «130». Именно поэтому все так и спешили.

— Сюда, пожалуйста.

Большое панорамное стекло внешней стены палаццо давало приличный вид на центральный Москов во всём его сером великолепии. Тающие в сыром мареве пентагоны башен и льющийся сверху нескончаемый дождь. Если зажмуриться, можно попробовать представить себя в самом сердце Мегаполиса. Но нам тут некогда жмуриться. Здесь это попросту небезопасно.

Наконец, прибыли на место. В просторном помещении собралась изрядная толпа таких же пиджачных. По возрасту все как на подбор — от девяноста и выше, все озабоченные, самим скоро поди сюда, если дотянут. Биотехнологии с каждым годом всё эффективнее, а потому дороже. А без них ты через полгода от банальной подагры будешь просить племянников придушить тебя побыстрее подушкой. В мире, где жизнь стоит таких денег, она моментально становится очень ходовым товаром. И смерть вместе с нею. Что ж, приступим, надо только всех левых разогнать.

— Господа, прощью. Шу.

Местные твёрдые согласные Анселю никак не желали даваться. Однако призыв возымел действие, в зале осталось по одному представителю сторон плюс адвокаты, которые также спешили зафиксировать сделку стрекочущими под потолком дронами.

Ансель ещё раз бегло просмотрел бумаги, так, согласие на эвтаназию по социальным требованиям, договор о передаче сертификата на dozhitie,биопаспорт пациента, ладно, пройдёмте в палату.

Пациентом на этот раз оказался мужчина с виду совсем не на сотню, бодренький такой лысоватый мужичок с осоловелыми глазками и слегка не в себе. Можно его понять. Рядом с его креслом помигивали часы, ведущие обратный отсчёт. На них оставалось два часа тридцать пять минут.

Пока советники сторон проводили стандартный опрос наследователя «вы подтверждаете, вы уверены, подпишите здесь, а теперь здесь», Ансель молча стоял чуть в сторонке, чтобы не загораживать дрону запись. Палата была убрана какими-то белыми цветами, никогда таких не видел. Видимо, пациент их любил… ну да, любил.

Анселя почему-то начало мутить. Какая-то дичь, если вдуматься, человек ещё может жить и жить, но за него уже всё решили, да и сам он, поди, всё для себя решил. Да родись он в

Мегаполисе, а не в Москове, глядишь, спокойно бы с пенсионного счёта снял аванс за Третью фазу, ну ладно, в кредит лет на двадцать, а там тебе, глядишь, уже и сто двадцать, и сто сорок. Вот не надо этого, жалость в нашей работе только вредит, чего разнюнился.

— Стороны подтверждают легитимность сделки?

Грохнули о стол две увесистые круглые печати, прошелестели вензеля подписей, тренькнули баркоды контрольных сумм. Подобное у них тут очень ловко получается, в других частях света искусство полвека лет как вымершее.

Ансель чинно проследовал обратно в залу, где уже начинали потихоньку, с уголка, nacrywhatt столы. Праздник же.

Теперь его черёд.

Подобрав полы мантии, чтобы не забивались под старомодные колёсики кресла, Ансель принялся размашистыми жестами тасовать акты с цитатами из уложения. Не то чтобы подобное требовалось протоколом, все документы он подготовил заранее, только пропуски в формах дозаполнить, но надо же объяснить местным, за что ему вообще платят. Это сюда, это вот сюда, тут красиво промокнуть чернила, тут песочком присыпать, сургучу, сбоку верёвицу с кистью пустить, всё чин по чину.

Виртуальные документы, по сути, ничем не хуже старых гроссбухов, да и оформление под стать. Запнулся Ансель на ровном месте. Буквально на долю секунды, а запнулся. Вашу ж мамашу.

Чёртова память, годами натренированная запоминать бесконечные индексы да хэши документов,не подвела. Ансель механически продолжал процесс тасования бумажек, чтобы со стороны всё было достоверно, но под мантией уже опять стало сыро и горячо, а шею защекотало.

И ведь документы все были в порядке, не подкопаешься, если бы не одно «но». Тот акт осмотра пациента, что ему прислали вчера для камеральной проверки, был с другим номером блока. Тоже подписанный по всем правилам, чин-чинарём, контрольные суммы все на месте. Но документ был другой.

Надо что-то решать, причём срочно, но пока тебе в затылок будут дышать пиджачные, ничего не выйдет.

— Проститье, гдье здьесь у вас туальет?

— Да как обычно, там, по коридору.

Вот и славно, подхватившись, хотя и тщательно соблюдая подобающую его позиции вальяжность, Ансель шмыгнул за угол, мигом заперся в кабинке и принялся там листать архив своего «ай-би».

Ошибки не было. То-то moozhick молодо выглядит.

Решение было принято мгновенно. Ансель потащил через голову мантию, а сам пока дал команду дрону осмотреться. Вроде никого. Отсюда до лифтов в обход центральной оси палаццо метров пятьдесят наверное. Здание общественное, никаких специальных систем блокировки здесь предусмотрено не было. Ну, попробуем сегодня сэкономить на операционных расходах, как говорили в twosovka. Два совка. Смешно. Анселя начала бить нервная дрожь.

Ичто самое неприятное — едва заметное же отличие в данных, пропустить такое вообще не проблема. Но теперь эта самая проблема встала перед Анселем во всей своей неприятной красе. Будь перед ним обычный случай мошенничества с социальным капиталом, как тут зачастую бывает, Ансель молча бы вызвал социальную полицию и всех делов, но поглядите вокруг, это же богатый, серьёзный клан, зачем им эти бирюльки. От всей истории резко пасло большими неприятностями, и Анселю они были совершенно не нужны.

Без мантии, в белой рубашке и зауженных брючках, он вполне мог сойти за стафф, что бегал тут со скатертями да samovar. Вот, полотенце на руку, так лучше. Главное не попасться на глаза этим милым пузанам, правда? Так, дрон в карман, глазки в пол и пошли-пошли-пошли. У лифтов стоял какой-то ochrannick, но он даже не посмотрел в его сторону, вот и прекрасно.

Только когда в лифте привычно заложило уши, Анселю удалось перевести дух. Внизу слишком много народа, они не рискнут там его хватать, слишком много глаз и ушей. Теперь подумаем о главном, что теперь делать. Найти пропавшего razvodyashy физически им будет непросто даже в относительно скромном по размерам Москове, знаем мы разные методы... но, положим, они смогут. Дальше что? Время торопит, проще найти нового, менее привередливого стряпчего. Часы у бедолаги в палате тикают. А там глядишь и... лифт больно ударил по и без того ватным ногам Анселя и остановился.

Твари, сообразили.

— Прошу вас не делать резких движений.

Какие уж тут движения. Судя по доносящему снизу глухому умц-умц, даже до средних уровней палаццо не удалось добраться. Вот попал так попал.

Лифт снова двинулся вверх, не желая слушаться его нервных ударов кулаками по сенсорам.

Гадёныши. Всё-то у них схвачено.

Лифт, однако, до верха не добрался, табло мерно помигивало числом 57, потом всё-таки дзынькнуло и створки распахнулись.

— Прошу вас, Ансель, на пару слов.

Французский говорившего был таким ровным и безэмоциональным, словно эти слова произносил вокорр. Куда там дворецкому внизу с его чудовищным произношением. Кажется, игры кончились.

— Проходите, не беспокойтесь, вам ничего не угрожает.

Ему бы угрожало разное, даже уматывай он уже сейчас на своей tachka в сторону от Старого Сити вдоль третьего перегонного радиуса.

Ансель сделал пару осторожных шагов, лифт за ним тут же решительно захлопнулся. Никого. Освещение дежурное. Кажется, весь сегодняшний dis-catch сюда не добрался.

— С кем имею честь?

— Давайте обойдёмся сегодня без имён, но если вам важно, можете называть меня, например, мсье Ру.

Очень смешно. Мсье Рыжий. Клоунаду разыгрываем, значит.

— И что же вам от меня надо, «мсье Ру»?

— Важно не что нужно мне, — рассудительно продолжил голос. — Важно, что нужно вам.

Начинается игра в кошки-мышки. Знакомый bazar.

— И что же мне нужно?

— Благополучно покинуть палаццо и отправиться к себе в апарт-отель, разумеется.

Ансель сделал над собой усилие, надо срочно успокоиться.

— Ну, допустим.

— Прошу вас проследовать прямо по коридору, кабинет 57-24, там будет удобно обговорить все детали.

На полу тут же замерцали светящиеся стрелочки смарт-краски.

По указанному номеру располагалась обычная офисная переговорка с двумя креслами и столиком, по внешнему стеклу текли плотные струи дождя, делая его почти непрозрачным, Вопреки ожиданиям, Анселя здесь никто не дожидался, во всяком случае во плоти, а вот знакомые документы лежали ровно в том же порядке, что и наверху, намекая на прямое соединение проекторов.

В противоположном кресле между тем материализовалась мужская фигура аватары, тоже, наверняка, взятая из стоков, не к чему прицепиться. Ансель остался стоять даже после приглашающего жеста.

— Ансель, скажите, какой момент вас настолько смутил в сегодняшнем кейсе, что вы в итоге поспешили оставить высокие договаривающиеся стороны?

— Мне не нравится, когда меня держат за дурака.

— А конкретнее?

— Вам следовало проделать всё тщательнее, «мсье Ру», даже после поверхностного осмотра документов мне не составило труда отыскать экземпляр того, что хранилось на месте текущей медкарточки нашего пациента. А кто-нибудь подотошнее вас расколет вообще на раз-два. Поедете в Kolymah всей khodla.

— Вы, я смотрю, поднаторели в местном диалекте, дорогой Ансель. Однако взгляните на документы внимательнее, с ними всё в порядке.

Вот дерьмо, быстро работают. Не знай Ансель, куда смотреть, всё было бы идеально.

— И тем не менее, подлог мною был обнаружен, дрон уже транслировал все копии в репозиторий, до которого вам не добраться. И если со мно…

— Если мы договоримся, никто ни о чём не узнает, и в накладе вы не останетесь.

Хкм, местные умели вести переговоры. Коротко и по делу.

— Ну, или так.

— Ансель, поймите, нам не нужны проблемы ни с вами, ни с законом, что бы в Москове не понимали под этим словом. Документы, являющиеся основным артефактом сегодняшнего мероприятия, это всё, что нам нужно.

— Которые прикрывают банальное убийство, я же видел, парню едва восемьдесят, он моложе меня!

— А если предположить, что час спустя этот самый «парень» благополучно покинет палаццо с приличной суммой в неотслеживаемой крипте, ваша совесть будет спокойна?

Ансель рухнул в кресло и засопел. Ему такой поворот не приходил в голову.

— Вы же сами понимаете, несмотря на формально большие суммы сделки, всё это не ради денег. Поверьте, участники сегодняшнего радостного события в полном составе уйдут отсюда довольными. И вы в том числе, если мы договоримся.

— А иначе что?

Фигура пожала плечами.

— Не будем об этом. Я стремлюсь в данный момент добиться совсем иного. Скажем так, я заинтересован в благополучном исходе, но у меня, разумеется, остаются и иные варианты.

«Мсье Ру» упорно употреблял единственное число, как будто каждый раз подчёркивал некую личную связь с Анселем, понимаешь, bratahn,мы тут одни, свои люди, все всё понимают. Сколько, мол?

Мысли неприятно метались, не желая собираться в кучку. По большому счёту, что бы ему тут ни говорили, выбора у Анселя немного. Благополучно утёкшие данные ему, несомненно, дают

некий рычаг воздействия, но в остальном его положение оставалось более чем шатким. Надо договариваться, не за подобное ли razvodyashy получают свои деньги?

— Давайте прямо, вам нужно, чтобы всё было чисто и я не проболтался. Мне нужно закончить свою работу так, чтобы потом не просыпаться по ночам от любого шороха.

— Вы невероятно точны, Ансель, в своём описании дилеммы. Резюмирую, если мы выясним, что дело для нашей стороны недостаточно щепетильное, чтобы вам приходилось опасаться за свою жизнь, то вам и не будет никакой надобности пытаться нам навредить, более того, каждый из нас, как мне представляется, будет заинтересован в дальнейшем плодотворном сотрудничестве.

— Вот не надо, «мсье Ру», поверенный не может занимать чью-то сторону по контракту, даже неофициальному, если кто-то пустит слух, моя карьера здесь будет закончена.

Тень сделала короткий полупоклон.

— Принято, я уважаю вашу независимость и профессионализм. Значит, ограничимся единомоментным соглашением. Что касается дела, то вы же понимаете, что даже Москов не позволяет открыто торговать социальным капиталом и биоконтрактами. Но рынок всё равно существует, и это рынок очень серьёзных игро...

— Догадываюсь.

— Не перебивайте. Дело — обыкновенное. Одной из высоких договаривающихся сторон очень нужна квота. А у другой высокой договаривающейся стороны, скажем так, есть необходимость с одной стороны скрыть часть активов, ну, и породниться с другим кланом тоже было бы неплохо. Вы же видели контракт.

— А кто тот... подставной?

Тень сделал широкий жест, мол, какая разница.

— Обычный актёр-заместитель, нанятый за небольшую мзду, чтобы изобразить на похоронах усопшего. Зачем его вообще убивать, тело в любом морге можно взять не задорого. А после кремации проверять уже будет нечего.

— А как же, так сказать, оригинал, он же после всех манипуляций будет официально мёртв. И, следовательно, какая там Третья фаза.

Тень усмехнулась.

— Вы не поверите, какие широкие горизонты открываются в Мегаполисе перед формальными трупами. В любом случае, вы когда сюда ехали, знали, что День мертвеца не бывает без мертвеца. Ваше чувство прекрасного до сих пор ничто не коробило, не так ли? Так что прекратите кривляться, вы тоже не

ангел.

— Ладно, вы меня убедили. Давайте обговорим условия.

— Никаких условий, дополнительная часть гонорара уже переведена на ваш анонимный валет, можете в этом незамедлительно убедиться.

Ансель скосил глаза на всплывший в углу зрения транспарант и еле удержался от излишне эмоциональной реакции. Ого.

— Мы счастливы?

Анселя всегда бесил этот нарочитый американизм.

— Да, вполне.

— Тогда прошу закрепить сделку, тем более что она, как видите, совершенно легальна.

Да уж, постарались, специалисты работали. От былого косяка в контрольных проводках не осталось и следа.

Ансель деланно вздохнул и без дальнейших слов принялся довёрстывать коммит в репозиторий. Ну вас к чёртовой бабушке, делайте тут со своими pockoynick что хотите. Какое ему вообще дело. Все свидетели, его совесть чиста.

— Прекрасно. Вас проводят. Но имейте в виду, если пожелаете, вот моя визитка.

Чёрная карточка с аккуратно выбитым по ребру баркодом и без единой надписи лежала на краю стола.

— Нет, спасибо, всё-таки откажусь.

— Ваше право.

Мордоворот-ochrannick с постной миной топтался у лифта. Аккуратно, двумя пальчиками, протянул Анселю запаянный пакет с мантией внутри. Как мило. Быстро провёл через балаган в центральной камере — там уже традиционно лежала вповалку гостевая pyann. Пока Ансель возился у своей tachka, аккуратно и ненавязчиво стоял в сторонке. И только провожая его взглядом на камеру заднего обзора что-то коротко буркнул в рукав.

Вырвавшись под бесконечный дождь, Ансель постарался пару раз вдохнуть-выдохнуть, расслабиться не получалось. Пока набирал высоту, в голове словно что-то защемило и не отпускало. Потирая голову над ушами, Ансель полез в холодильник за минералкой и припасённой там пачкой спазмолитика. Надо будет дома принять что покрепче.

Может, тогда он сможет, наконец, расслабиться и выкинуть всю эту ерунду из головы. Какой-то момент, который он упускал. Вашу ж мамашу.

Да какое там «момент», он упускал буквально всё. Даже если предположить, что мьсье Рыжий говорил правду, то зачем в таком случае нужно было вообще устраивать всё это представление с pominkas. Вполне можно было ограничиться тихим мероприятием

в отдельной палате местного госпиталя, и дюжине пиджачных пузанов не пришлось бы тереться у постороннего им moozhick, изображая страждущую его упокоения родню. Да и то сказать, они же зачем-то подходили к нему в коридоре, чего-то от него хотели. Вряд ли, будь дело нечисто, они бы стали дополнительно привлекать внимание razvodyashyk деталям вроде как самого рядового дела. Следовательно, они тоже были не в курсе podstava, решая свои мелочные делишки.

Ансель вывернул шею, пытаясь высмотреть позади башню палаццо, но та уже давно скрылась в пелене.

И самое странное творилось вокруг возраста фигурантов дела. Зачем молодого изображать долгожителем? Всегда делали наоборот, да и то, в сговоре с врачами, чтобы потом поделить откаты со страховых выплат. Кому вообще придёт в голову изображать добровольного мертвеца, перешагнувшего свою сотню?

Рыжий проговорился в одном моменте — репозитории живых и мёртвых действительно хранились раздельно, никому не пришло бы в голову сравнивать карту пришедшего на приём к гериатру со слепками геномов пациентов труповозки в далёком Москове, потому поступи такой пациент на проведение Третьей фазы где-нибудь в Исландии, никто бы ничего не заподозрил. Мало ли, жил себе дедуган на островах, а тут прихватило с раком простаты или ещё чем столь же банальным, тут же дедушка и вспомнил, что личного валета на имплантацию клонированных т-лимфоцитов с восстановленными теломерами вполне себе хватает. Вот, смотрите, токен с неотслеживаемой криптой на всю сумму. Давайте сюда мою долю бессмертия.

Но восьмидесятилетнему Третья фаза бесполезна, а то и вредна. Свои стволовые ещё слишком активны, привет, куда более тяжёлая онкология, какой там рак простаты. Да и Альцгеймер не дремлет ввиду благополучно спящего в позвоночном столбе герпеса пятого типа. Опять же, опасно, первый же осмотр — какая тебе сотня, moozhick, и калий-аргоновый анализ состава крови первым делом покажет, что всю свою жизнь ты прожил вдали от любых островов, питался в основном всякой гидропонной дрянью с высоким содержанием транс-жиров. Нет, версия Рыжего никуда не годилась.

Гораздо проще было поверить, что и pominkas были настоящими, и даже pockoynick действительно планировал сегодня благополучно попасть в царство мёртвых, пусть и оставшись при этом живым.

Но в таком случае к чему весь khipeshc подменой документов? Просто оформляем эвтаназию и готово, никто не

подкопается, разве что конкурирующий клан натравит на наследующую сторону проверку соцслужб. Даже при местном barduckигры с социальным капиталом могли выйти излишне хитрым делягам боком. Но Ансель же сам видел!

Пальцы даже без помощи аугментации машинально отбарабанили стодвадцативосьмисимвольную комбинацию кода от репозитория. Нужно ещё раз взглянуть на тот, первый дамп. Сердце Анселя снова заколотилось как бешеное.

Так, вот оригинальная медкарта. Ничего особо подозрительного. Зачем человеку вообще может понадобиться нелегально получить свою сотню и умереть? Хотя… судя по медкарте, возраст пациента указан «по результатам осмотра». Официальной даты рождения нигде не фигурировало. Так, схема генома, высокочастотные аллели, гаплогруппы по игрек-хромосоме и митохондриальному ДНК… всё прекрасно, но кто он вообще такой? Смотрите, поступил без сознания, пришёл в себя, от дальнейшего лечения отказался, ага, теперь понятно, почему эта штука вообще всплыла, просто плохо подчистили в первый раз, вот оно и попало в выборку при автоматическом сборе пула данных. Идиоты.

Что же ему теперь делать с этим всем?

Некий Джон Доу, осмотренный тридцать с гаком лет назад в одной из клиник Мегаполиса, теперь очень хотел умереть своей смертью. Кому нужны такие сложности? Предположим, что в столетней давности архивах ещё полчаса назад можно было найти данные о том самом геноме.

Ансель откинулся в кресле и закатил глаза под потолок, пытаясь ухватить ускользающую мысль за хвост.

Среди клиентов Анселя постоянно ходили слухи о некоей Четвёртой фазе, которую, дескать, давно изобрели где-то в недрах таинственной Корпорации, да только продукт на рынок не пошёл из опасений за социальные волнения. Живи после Четвёртой хоть ещё сто, хоть все двести. Дескать, после процедуры никакими анализами тебя не отличить от тридцатилетнего. Вот и существуют среди нас древние мафусаилы, родившиеся ещё в XX веке, первыми преодолевшие порог биологического перехода и тут же накрепко закрывшие за собой эту вожделенную дверь.

Ансель потряс головой. Какая только ересь из репертуара сторонников теорий заговора в натруженную голову не начнёт лезть после тяжёлого дня.

Впрочем, как раз эту теорию несложно и проверить. Обычно в контракте от принимающей стороны уже внесён готовый выгодоприобретатель. И он, согласно закону, являлся исключительно физическим лицом. То могла быть мать будущего

ребёнка, но куда чаще для контракта предоставлялся готовый биологически выверенный, а потому сам по себе драгоценный эмбрион.

Ансель заносил палец на виртсенсором таким театральным жестом, будто претендуя на главную роль в дорамах. Ну и правда, чего только...

Схема генома, высокочастотные аллели, гаплогруппы по игрек-хромосоме и митохондриальному ДНК. Идеально совпадающие с геномом Джона Доу.

Ансель, не веря собственным глазам, дал команду на сверку полных последовательностей. Перед ним была точная копия за исключением одного момента — на него смотрела рекомбинантная копия оригинала. Как если бы геном разобрали на гаметы и снова собрали в полную соматическую последовательность, только митохондрии и половые хромосомы оставили как есть. Нельзя было назвать подобного соискателя на право жить полным клоном, но по результатам секвенирования выходила полная генетическая реплика одного-единственного родителя мужского пола, полностью сбросившая всякие следы старения.

Четвёртая фаза.

Вашу ж мамашу.

Ансель попытался оттереть пот с мокрых ладоней. Оглянулся вокруг. В плотном потоке второго вылетного диаметра на эшелоне трёхсот метров понять, следует за ним кто-нибудь или нет, было нереально. В пределах видимости были сотни таких же спешащих по делам каров.

Давай по-чесноку, шутки кончились. Ансель аккуратно подготовил инфопакет, заскеджулил его автоматическую отправку по семи разным узлам сутки спустя, после чего на всякий случай сменил пароль. Вышел из репозитория, выдохнул. Нет, всё-таки ту медкарту нужно ещё разослать отдельно, как всякий razvodyashy, он навскидку мог назвать десяток людей, которым бы такая инфа очень пригодилась.

Пароль не прошёл.

Неужели ошибся при вводе? Да нет. Может, впопыхах не заметил, что смена пароля не сработала? Старый доступ тоже вызвал лишь истеричный зуммер «ай-би». Вашу ж мамашу!

Секунду спустя в кабине раздался короткий тревожный гудок и его карпод нервные гудки соседей по потоку принялся сам собой смещаться куда-то в сторону, выходя из коридора.

Ансель отчаянно заколотил по сенсорам отключения автоводителя, но они также не желали слушаться. Уже окончательно паникуя, Ансель рванул на себя рычаг экстренной

посадки. Результат оказался не совсем таким, как он ожидал. Наступила отчаянная тишина, все четыре несущих ротора остановились, кар тут же безвольно повалился вниз по загибающейся баллистической кривой.

Безвольно болтаясь в автоматически затянувшихся ремнях безопасности. Ансель с выпученными глазами продолжал следить, как на него надвигается частокол офисных башен. В застывших роторах вовсю улюлюкал ветер.

Кажется, его время истекло.

XXII. 16. Старатель

Гермодверь снова заклинило.

Да как же так-то. Кряхтя и охая, Линдстрём потянул стонущий металл на себя. Обратная связь экзоскелета послушно дошла до красных маркеров и беспомощно застыла, подвывая в ушах сиреной. Не надо так делать, старина, и технику попортишь, и сам убьёшься, а ты нам покуда нужен живой.

Помните, был на Церере случай, один деляга нашёл на участке осколок. Ну как осколок — каменюка такая метра два в диаметре. Каменюка и каменюка, бери в обоз да волоки на скупку, там такие в цене. Только камушек тот поди окажись ядром импактного астероида, поди пойми какого металла, тонн на 50 весом. Тянет-потянет, вытянуть не может. Деляга не растерялся, предохранители с подъёмника сорвал, ума палата, да так в итоге и улетел вместе с тягачом в свободной плавание. В телескоп его только на третий сол разглядели, кумекая, что за неопознанное тело на дальних радарах болтается. А тело оказалось не столько космическое, сколько свежемороженое. Так и болтается с тех пор в поясе Хильд непрошеным гостем, не ловить же его.

С местной гравитацией шутки плохи, три процента от земной дают вам приятное чувство уверенности в себе, а что, стоим на

своих двоих как люди, не падаем, под потолком не телепаемся, удобно. А только одно неловкое движение — и тебя уже подбросило метра на два, несмотря на двухтонную оболочку. Блокировка усилителей на то и рассчитана — чтобы разом за первую космическую не уйти. Тут она смешная — три сотни метров в секунду.

Впрочем, если тягачи не курочить, то никуда ты с поверхности не денешься, ни у какого миоусилителя не хватит мощности отбросить оболочку больше чем на полсотни метров. Проблема в другом — сама оболочка достаточно хрупкая, и сорвавшийся манипулятор её легко повредит, а там уж у незадачливого деляги будет максимум полторы минуты до отключки. Тут тоже были разные случаи, и на попойке в куполе любят травить байки про серебристый скотч и гермопену на выбор, одна проблема — всё это неправда. Когда тебя волочёт в клубах снежной пыли в стремительно сдувающейся двухтонной оболочке, тут тебе не до скотча. Если ты с напарником, да на надёжном фалу — тогда у тебя есть шанс, а вот одинокий деляга, сорвавший манипулятор на красном усилии, может винить в случившемся лишь самого себя.

Ну же!

Гермодверь всё-таки подалась, с жутким скрежетом выдвигаясь из рамы сперва на миллиметр, потом на два. И наконец потом с ясно слышимым через ступни скрежетом вывернулась наружу. Уф.

Линдстрём выпростался из рукава и принялся яростно утирать залитые потом глаза. Вот так всегда, стоит на секунду понервничать, как тут же кондиционирование оболочки сдаёт. Сколько ни плати настройщикам, хоть озолоти сволочей, и всё равно ты же на Церере, мать её, здесь никогда не будет нихрена работать.

Впрочем, на гермодверь Линдстрём зря наговаривал. В пазу издевательски серебрился размолотый в муку синий лёд. Ну, а что ты хотел. Мазанул наверное ступнёй при выходе, не посмотрел как следует, и получи. Спасибо, что гермодверь не сумела захлопнуться, иначе пришлось бы потом вырезать из корпуса.

И главное всего делов — Линдстрём нашарил перчаткой баллон, что висел в нише рядом с огнетушителем и запасными батареями, и буквально парой взмахов сдул всё лишнее за порог. В отсутствии атмосферы струя углекислоты буквально сметала всякую мелочь за пределы видимости, электростатика на створке гермодвери успешно мешала посторонней пыли налипать. Просто не твори ерунды, и проблем не будет.

Со второй попытки Линдстрём благополучно гермодверь закрыл, для верности дождавшись завершения опрессовки. Есть, датчик благополучно загорелся зелёным.

Ладно, потопали.

Ровер хотя бы, в виде исключения, в этот сол не артачился. Техника простая и надёжная — четыре электромотора на каждой полуоси, тороидальные пустотелые колёса из мягко пружинящей проволочной сетки хитрого плетения, ну, и актуаторы осей, чтобы ловчей разворачиваться. Питается от батарей или фотоэлементов, а много ему и не надо. И всё равно нет-нет, да и приключится с колымагой какая неприятность — то торчащий кусок льда сетку продавит, так что вся конструкция начинает на каждом обороте лягаться и подпрыгивать, то актуатор заклинит, беда одна. Впрочем, Линдстрём не жаловался. Всё лучше, чем пешком, при площади делянки в четыреста квадратных километров туда-сюда не набегаешься.

А деляночка-то знатная!

Одних только плутоидных камней — уж пять штук сыскано, не хвост кометий. Линдстрём знавал иных деляг, которые про плутоиды и не слышали. Нет, конечно, каждого уважающего себя делягу на Церере периодически тянуло взяться за металлоискатель, но одно дело браться — совсем другое сыскать. Ну один сол поищешь, ну два, дальше только и оставалось, что возвращаться своих «коров» пасти.

К слову о «коровах». Линдстрём на ходу сверился с планшетом. Вроде всё нормально,Х-32почти заполнена, надо будет на обратном пути завернуть к ней на осмотр. Как-то быстровато она, как бы не залипший датчик, знаем мы их. Тритий штука простая, рассеян по всей поверхности равномерно, выпаривай себе из ледяного реголита, ни быстрее, ни медленнее. Впрочем, кто её знает, может, удачно в ночную фазу вошла, на возвышенности, вот тебе и лишние световые полчаса на подзарядку в сол, они же самообучающиеся, «коровы»-то, вот и выбилась в спортсмены-разрядники.

Ладно, не до вас сейчас, живы-здоровы и ладно.

По дороге вообще глаз да глаз, лучше вообще не отвлекаться. Всё та же слабая церерская гравитация играет с вами злую шутку, поскольку тяжесть тяжестью, а инерционную массу вообще-то никто не отменял. Две метрических тонны оболочки плюс почти тонна ровера — вот и получите подсигавающий на малейшем камушке танк на пружинках, который так и норовил сорваться в юз или вообще перевернуться в неловком прыжке. Так что рулить им надо было внимательно, не слишком быстро, но и не слишком медленно — а не то завязнешь в ледяной крошке реголита.

Впрочем, на этот раз добрались без приключений.

Рабочий квадрат деляночки Линдстрём обрабатывал уж пятнадцатый сол, и как-то дело всё не ладилось.

Главное квадрат-то ну такой на вид богатый, сами поглядите, металл под солнечными лучами так и поблескивает. И никаких следов гляциологии, все эти сыпучие льды, выпячивания, трещины-разломы, ничего такого. Ровная, как стол, старая равнина, на которую, как и положено, все эти миллионы лет благополучно валилось с небес всякое, рассыпаясь при импакте в пыль, что и придавала окружающему ледяному реголиту этот непередаваемый оттенок. А вот самые твёрдые осколки — отбитые миллиард лет назад от голых металлических ядер плутоидных карликовых планет типа Ириды — они оставались в целости, залитые в приповерхностном слое ледяной глазурью, поджидая того делягу, что сумеет его отыскать. Тут вам и банальный никель, и нередкое золото, но главное — редкоземельные металлы высоких кларковых чисел, которые на Церере особо ценились.

Это вам не гелий с трипротоном, по сути, окромя водяного льда и его производных в виде топлива всех сортов на старушке ничегошеньки и не было, каждый атом приходилось заводить или выуживать из фильтров промышленных харвестеров, именуемых тут «коровами». Но самая мякотка была для них недоступна, поскольку скрывалась как правило на глубинах до десяти метров. Туда просто так с ледорубом не подступишься, там лёд от мороза твёрдый, как сталь. На то и маталлоискатель, чтобы астероид на глубине сыскать да извлечь.

Но это в теории.

На практике лёд тут, под поверхностью, был настолько замусорен мелкими осколками, что ты поди расслышь, что там творится. Для этого и смекалка нужна, и соображение.

Вот и сейчас Линдстрём, аккуратно спрыгнув с ровера у крайней пометы, принялся выгружать на лёд всё необходимое: буи, петли вспомогательных резонаторов для построения фазированной решётки, набор лазерных дальномеров для вящей точности, ну и прочую мелкую машинерию. Собственно металлоискатель был давно развёрнут — сложная многосуставная конструкция на таких же, как у ровера, проволочных колёсах. С прошлого сола металлоискатель успел как следует зарядиться, и теперь приветливо мигал зелёным в ответ на сигналы Линдстрёма.

Разметив площадку для работы на сегодня, тот с хозяйским удовольствием принялся наблюдать, как самоходные агрегаты врассыпную разбежались по точкам, а вот и картинка.

Линдстрём крякнул с досады.

Это снова было не то, что всякий деляга жаждал бы увидеть после всех трудов, не говоря уже о заклинившей гермодвери. Да, под самой поверхностью всё было красиво — прожилки импактных загрязнений, каверны пустот, небольшие трещины, в которых поблескивали крупинки металла. Самые крупные из них можно будет высверлить, «коровы» с удовольствием хрумкали ледяные керны, выплёвывая в поддон всё интересное, так что только красивыми искринками разлетался вокруг морозный десублимат.

Но это всё мелочи. Звезда и жизнь деляги выглядела иначе. Где же вы, где, небесные каменюки, так вас растак.

Линдстрём крутил настройки решётки так и так, но всё без толку. На глубине четырёх метров начиналась глухая беспросветная тишина, ни единого сигнала. Что бы эта фигня значила? То ли металлоискатель барахлит, то ли там образовался не пойми с какого перепугу пузырь идеально монолитного льда, какого попросту не бывает.

Нет, это безобразие надо уяснить.

Бур ждал своего часа тут же неподалёку.

Универсальная вещь, хочешь, каверны курочи, хочешь, обтачивай ядро прям на глубине, чтобы яму вокруг не копать, а прямо так, целиком, через наклонный шурф тягачом извлекай каменюку на поверхность. И главное сносу буру нет, Линдстрём его по случаю у трассера заезжего взял, они этой штукой антирадиационные укрытия высверливают в хондритной толще, при желании может выгребать это дело декатоннами. А тут на Церере что? Лёд штука пластичная, чуть подашь усилие — только ошмётки летят. Прочие деляги куда более скромными агрегатами пользовались, а тут и подавно без проблем порешаем.

Бур с утробным урчанием закрепился якорями в метровой приповерхностной толще льда, и уже спустя полчаса принялся деловито подавать наружу перемолотую снежную кашу, только успевая отгребать, пока не остыло. Бур при своей мощности разогревает лёд от трения до двухсот семидесяти кельвинов, по сути такое мороженое пополам с каменной пылью, стоит ему полежать секунду на вакууме, как тут же обратно смёрзнется, поди отколупай потом киркой али ломом.

Так что Линдстрём не зевал, вовсю шуруя манипуляторами оболочки. Тут оно сколько, кубометр всего отгрести и можно менять наконечник.

Что он вообще хочет увидеть, когда достанет керн? Лёд и лёд. Ну, отчего-то чистый. Мало ли что деляга на Церере может повстречать странного. Может, старый импактный кратер разом

залило криовулканом и вода мгновенно смёрзлась с окружающим льдом, что ей сделается. Да вон кратер Данту почти весь такой, недаром там деляг не водится вовсе. Плюнь ты на этот участок, переходи на следующий. Но вот упёрся и всё тут.

Линдстрём насуплено смотрел, как керновый снаряд уходит на глубину. Метр, два, три, четыре, конец ствола. Сейчас пойдёт импульс. Ледяной керн при ста шестидесяти кельвинах лучше пробоем брать.

Бздынь!

Э-это ещё что за?..

С матюгами вытаскивая снаряд, Линдстрём уже догадывался, что там увидит. Так и есть, кернозаборник был изрядно погнут и пуст.

Там, на глубине четырех метров, под ним был вовсе не лёд.

Линдстрём с цоканьем потрогал когтем манипулятора промятую кромку кернозаборника. Она была гладкой, ни об какой хондрит так не дерябнуться. Там лежало самое что ни на есть ядро, чистый импактный скол на поверхности.

Линдстрёма аж на слезу прошибло от восторга.

Если судить по размеру слепого пятна на металлоискателе, эта штука должна быть диаметром как минимум с эту площадку. Это ж килотонна, не меньше!

Уф.

Линдстрём уселся на смерзшуюся кучу ледяной крошки рядом с буром, выпростался из рукава манипулятора и принялся яростно чесать переносицу.

Хорошая примета, если чешется.

А вот это уже совсем плохая примета. Все низкочастотные микрофоны разом заорали.

Криотектоника, здесь? Да быть того не может!

Скорее Линдстрём поверит, что сюда что-то движется.

Что-то большое.

И опять-таки, на его делянке?

Линдстрём за всё время застал разве что парочку соседей, что пришли размечать свой участок. Да как пришли так и ушли, деляги из них оказались так себе, кто их знает, что у них там не заладилось, да с тех пор их было не слышно и не видно. Даже «коровы» их на чужую территорию не забредали, а это на Церере дело обыкновенное.

А так-то пусто вокруг.

Было.

На всякий случай заглушив все свои агрегаты, Линдстрём кенгуриными скачками бросился к роверу. Так, берданка на месте, погнали.

Низкочастотные сенсоры оболочки между тем продолжали орать про тектонику, даром что вокруг ничего по-прежнему не происходило. Знать, точно что-то приближается. Эх, если бы раскидать заранее самописцы по деляночке, можно было бы прикинуть направление. Но вообще, что бы это такое могло быть, чтобы так грохотало из-за горизонта.

Горизонт, конечно, на Церере близкий, меньше километра, но даже с такого расстояния…

Линдстрём заметил вдали движение и тут же дал по тормозам.

Отличное место, чтобы притаиться. Небольшой, метра два, ледяной выступ синего реголита. Тут и заляжем.

Линдстрём улёгся, поплотнее вжавшись в насыпь, упёр берданку в плечо и принялся ждать.

А вот и они, бродяги.

К удивлению Линдстрёма, показавшаяся в отдалении самоходка хоть и была приличных размеров — жёсткий опрессованный корпус, восемь колёс по два метра в диаметре, но масса самоходки ничуть не выдавала в неё способность так солидно рокотать по грунту, чтобы гляциологические датчики начали орать о криотектонике.

Значит, за самоходкой должно двигаться что-то ещё более крупное. Ну и чёрт бы с ними, давайте покуда с самоходкой порешаем.

«Неопознанная самоходка, вы вот-вот пересечёте территорию частного надела, приказываю вам остановиться».

Если выход Линдстрёма в эфир и возымел на вторженцев какое-то воздействие, то они в ответ предпочитали о том не распространяться. Самоходка продолжала переть по азимуту, не меняя скорости. И да, нацеливалась она точнёхонько к месту обнаруженного Линдстрёмом богатства. Вот бы ещё понять, как они так угадали? Неужто по одному только звону погнутого кернозаборника да по бодрым матюгам старого деляги можно догадаться, что случилось нечто небывалое, и нужно срочно свистать всех наверх?

Даже если у ближайших биокуполов на парах будет стоять по самоходке и некто весьма проницательный будет целыми днями ждать сигнала «по коням», даже в этом случае до его деляночки от того же Фуско на полном ходу такой штуке нужно два часа времени.

Не говоря уже о той тяжеленной махине, что продолжала рокотать на всю ивановскую где-то там, за горизонтом.

Что-то тут не складывалось.

«Неопознанная самоходка, повторяю, вы вот-вот пересечёте

территорию частного надела, приказываю вам остановиться».

Тоже ноль эмоций.

Что ж, сами напросились. Линдстрём со вздохом снял берданку с предохранителя. Старый добрый «барретт эм-82-ви» его ещё никогда не подводил. Сейчас посмотрим, как вы без колеса-то дальше поедете.

Не то, чтобы Линдстрём был так уж уверен, что сумеет отбрехаться, когда сюда прискачет остальная кавалерия и прочая тяжёлая артиллерия, но просто так, за здорово живёшь покушаться на его делянку? Фигушки.

«Неопознанная самоходка, готов открыть огонь».

Ну надо же. Та послушно остановилась, разметав своими восемью полусосями тучи реголитовой пыли.

И тут же затихли датчики тектоники. Что бы там ни рокотало, оно тоже замерло.

Ясно.

Хотя ничегошеньки тут не ясно. Линдстрём, поглядывая на затихшую самоходку, полез в логи.

Так, вот зарычала тектоника, вот она разом пропала. Логично, но не логично. Если всё так, как он думал, то амплитуда колебаний должна была по мере приближения неведомой махины расти.

А она не просто падала, а… точно, наложив сигнал на кривую собственных перемещений, Линдстрём получил, нет, даже не обратный квадрат, хотя сигнал и затихал, но делал это куда слабее ожидаемого.

По всему выходило, что источник сигнала не только не перемещался, оставаясь в точности под его деляночкой, так он и выходил на порядки больше тех несчастных десяти метров, что ему намерил Линдстрём.

Но погодите, здесь этой штуки точно не было!

Сколько Линдстрём уже трудился на своей деляночке, до этого сола ничего подозрительного тут не происходило. Участок как участок, не самый фартовый, не самый проблемный.

Хана теперь деляночке.

Осознание этого накрыло Линдстрёма как-то разом, словно обидная оплеуха в баре перед самым закрытием, так что даже подраться толком не получится, всех уже выгоняют на мороз.

Линдстрём скрипнул зубами и снова приложился ухом к берданке.

Ужо я вам отомщу. Самоходка, говорите, сейчас и посмотрим, как ваш опрессованный объём справится с маслиной из обеднённого урана, которая влетит вам в окно на скорости в два километра в секунду.

«Тебя же Линдстрём кличут? Погоди, не горячись, разговор есть».

Линдстрём в ответ даже бровью не повёл.

Не горячиться это мы с радостью, не горячиться это мы завсегда.

«Выходи, коли разговор есть, только чур с поднятыми руками».

«Ладно-ладно, выхожу».

И хмыкнул так ещё со значением, мол, мы тут никого не боимся.

Однако.

Из кормового люка самоходки выскочила на грунт топовая жёсткая оболочка производства «Маршиан текникс» о двух поднятых руках. На Церере такие редкость. Если простенькая оболочка Линдстрёма весила две тонны и была по сути мобильным гробом для желающих эффектно, но зато безо всякого комфорта самоубиться, то эта штука при хорошем запасе рабочего тела обладала двумя наплечными ионными соплами для контроля притяжения, а уж о гибкости её скользящих сочленений ходили легенды. Линдстрём ещё вчера готов был бы променять половину своей деляночки на этот аппарат. Впрочем, сегодня ставки серьёзно поменялись.

«Стой, где стоишь».

«Стою, стою. Ты мне скажи, друг хороший, чего ты это нам дорогу преградить удумал?»

Удумал и удумал, друг хороший. Линдстрём снова задумчиво почесал переносицу. Этот «марсианин» явно имел к тому рокоту какое-то отношение, но вот какое?

«Это моя делянка, закон простой: захочу — стрельну».

«Закон-то закон, но я тебе не враг, я может предупредить тебя хочу».

«Это о чём это?»

«Ты ту штуку случайно не трогал?»

Знает что-то, шельма, точно знает.

«Ну, допустим, трогал. Тебе какое дело?»

«Марсианин» с досады даже руки опустил, так расстроился, но тут же снова поднял, стоило Линдстрёму чуть повести стволом своей берданки.

«А такое, что им это не понравится».

«Им? Им это кому?»

«Ты что, новости совсем не смотришь?»

Тут Линдстрём окончательно разозлился, даже затвор лишний раз передёрнул для лишней вескости.

«Кончай темнить и говори уже толком».

«А ты наверх посмотри».

Экий прыткий «марсианин» показался. Впрочем, нашенских на дурачка не возьмёшь, Линдстрём переключил аугментацию во вспомогательный режим, так что поверх левого поля зрения нарисовался поток из зенитной камеры. Сам же Линдстрём продолжал отслеживать прицел берданки в центральном поле.

И что тут у нас? Ничего особенного. Как и обычно в солнечную половину шестичасового церерианского сола, не было там почти что и ничего, только Юпитер привычно болтался серой точкой.

«И что же я там должен увидеть?».

«А ты приглядись, не спеши».

И правда, там что-то было. Если переключить камеру в ночной режим, прикрыв от пересвета лепестками выдвижной бленды, то что-то, гляди, начинает прорезаться. Или, скорее, отсутствие чего-то.

На фоне проступивших звёзд в небе болталась линза пустоты — веретенообразный просвет в никуда. Эта штука точно не находилась сейчас в тени Цереры, но при этом выглядела сгустком черноты, будто ни единого солнечного луча на него не попадало.

«И давно это там?»

«Десятый сол, может быть и дольше, альбедо во всех диапазонах по нулям, его случайно заметили с орбиратальной, оно приблизилось до ста километров и с тех пор там висит, ровнёхонько над твоей деляночкой».

Как удобно, хмыкнул Линдстрём.

«Если ты намекаешь, что вы под это дело решили мой реголит себе захапать, то хрен вам».

«Марсианин» только вздохнул.

«Ну мне сюда рейнджеров позвать, чтобы ты уже угомонился?»

«А ты меня не пужай. Пуганые. Я закон знаю. Прискачут рейнджеры — тоже получат маслину, я в своём праве».

«Слушай, друг любезный, как мне уже убедить тебя, что не нужна нам твоя делянка?»

«Отвали отсюда подобру-поздорову, друг любезный, — передразнил его Линдстрём, — вот и будет резон в твоих словах».

«Можно, я хотя бы руки опущу, затекают».

«В твоей-то оболочке? Пущай затекают. Стой, как стоял».

«Ладно, тогда послушай, ты небось решил, что на цельное ядро под самой поверхностью наткнулся? Вот везуха, так везуха, последний раз такой находили на глубине полукилометра, Линдстрём, приходи в себя и соображай поскорее».

«Мне то всё равно, что там находили, что моё то моё».

«Да какое там, дурак-человек, ты что не понял ещё, почему оно гудит?»

«И почему же?»

«Да тебя отпугивает!»

Линдстрём снова почесал переносицу. В словах «марсианина» был смысл. И смысл этот Линдстрёму ничуть не нравился.

«Рассказывай. Только шустрей, а то мне поди в обратку пора».

«Ты берданку опусти, тогда и расскажу. Да опускай, говорю, не сдалась нам твоя деляночка. А вот им — очень даже сдалась».

И показал пальцем в небо.

И тут Линдстрёму отчего-то так обидно сделалось, что он и правда берданку опустил и сам на ноги поднялся.

А ведь счастье было так близко!

Тьфу ты.

И понуро зашагал обратно к роверу.

«А вот этого я тебе делать не советую».

«А?»

Линдстрём угрюмо обернулся.

«Я говорю, посиди пока тут».

«Это с чего это?»

«Эта штука внизу там совсем недавно, и ты должен быть об этом в курсе почище моего».

«Ну да, и чего?»

Линдстрём посмотрел на свою деляночку, на дыру в небе, снова на деляночку.

«И того. Она сюда протаяла совсем недавно и не просто так».

Линдстрём попытался прикинуть размер этой штуки, судя по поведению сейсмографа, а также энергию, необходимую, чтобы проплавить на её пути становые льды Цереры.

«Та штука сюда за этим прилетела?»

«А мне почём знать».

«Марсианин» приблизился, немного попрыгал вокруг и только потом уселся в задумчивости попой на реголит.

«Кто они вообще такие?»

«Если судить по траектории, то пришли откуда-то из внутренней Системы. И хотел бы я знать, кто это такую махину сумел построить, да так ещё, чтобы никто в курсе не был».

«Корпорация?»

«Марсианин» только хмыкнул.

«Всё у вас Корпорация. Скажи ещё — инопланетяне заслали».

Линдстрём не стал отвечать, а сам призадумался.

Что-то ты, друг ситный, темнишь. Если эта штука в небе прилетела недавно, то и это нечто в земле зачалось задолго до

его прилёта, и если вы её засекли, то засекли тоже не сегодня.

«Что же ты здесь один топчешься?»

«А?»

На этот раз «марсианину» довелось оборачиваться с непонимающим видом, даром что визор непроницаемый, но Линдстрём по ужимкам оболочки собеседника понял, что угадал.

«Я говорю, где остальная кавалерия?»

«А если опасается?»

«То есть ты один такой смелый, что сюда прискакал, меня, дурака, спасать?»

«Да если бы и так?»

«Может, вам просто лишние свидетели не нужны?»

И снова ненавязчиво направил берданку «марсианину» прямо в грудь. Точнее, только подумал так сделать, как тут же с удивлением обнаружил себя летящим по пологой баллистической, причём уже безо всякой берданки.

Приземление было долгим и неловким. Его оболочка предательский прогибалась и пружинила на каждом касании, покуда наконец не угнездилась в сотне метров от коварного нападения.

«Марсианин» стоял тут же рядом, держа ствол подмышкой.

«Ладно, пошутили и хватит. Полежи пока тут. Обратный отсчёт уже пошёл».

Обратный отсчёт до чего?

И тут снова заорали сайсмодатчики.

Да как заорали!

Огибающая магнитуды ползла вверх, как ошпаренная, не собираясь останавливаться. Да Линдстрём уже и сам чувствовал, как реголит под ним начал ходить ходуном. С трудном приняв вертикально положение, он к собственному ужасу разглядел, как как раз поперёк его деляночки один за другим забили фонтаны гейзеров, засыпая голубой лёд белой пеной сыпучей снежной пыли. Разошедшиеся во все стороны гребни разломов вздыбились сначала на метр, потом на два, а потом с треском и грохотом принялись расползаться в клубах уже натурального пара.

Церера на глазах у Линдстрёма нахально пыталась на время обзавестись собственной атмосферой.

И в этом месиве из снега, пара и поднятой криовулканическими потоками клубов каменной пыли пополам с ледяным реголитом уже вовсю били самые настоящие молнии.

Линдстрёма сбило с ног очередным толчком и больше он подниматься не пытался. Так и лежал, пока всё не затихло.

«Ты живой там?»

«А?»

Это опять был «марсианин», чтоб ему пусто было. Навис и смотрит.

«Чего надо, уйди».

«Вставай, всё закончилось».

И правда. Линдстрём смотрел вокруг и не узнавал равнину. Всё было раскурочено, огромадные глыбы льда торчали в небо подобно волшебным башням в агломерациях Матушки. Но больше не трясло.

Эх, накрылась его деляночка. Как и все его агрегаты. Поди сыщи их теперь под этими отвалами.

«А ты чего такой скучный? Не зевай, пошли смотреть твою деляночку».

Обратный путь в объезд валунов и зеркально блестевших в солнечных лучах ледяных полей занял остаток сола, уже когда всё вокруг начало погружаться во мрак, Линдстрём с «марсианином» добрались до края воронки.

Фальшфейер послушно вспыхнул и по пологой дуге полетел вперёд.

Воронка в диаметре была метров сто, если не больше. Но куда дальше она уходила в глубину, сверкая отлитыми из свежего льда стенками.

Стены эти были сплошь усеяны проступающими сквозь глазурь обломками метеоритных ядер на любой вкус и цвет. Они сверкали на просвет подобно бриллиантам в императорской короне.

«Эт тебе, деляга, свезло так свезло».

Линдстрём даже сквозь массивную оболочку ощутил, как его похлопали по плечу.

XXII. 21. Инженер

Каменный гость, руку пожми,
Видишь, ладони, хотя и разодраны,
Держат кисть, мрамор её
Вроде горяч, только было б рискованно
Верить ему, если сказано мне:
Эту руку не жми даже в самом красивом сне.

(Здесь и далее: Tequilajazzz)

Конец итерации приближался, а вместе с ним подходил к концу и ресурс очистительных блоков. Отомн с каждым вдохом чувствовала, как близок он к исчерпанию. Перед глазами плыли предательские круги, кончики пальцев немели, покалывало в правой ноге, за шиворот стекали крупные капли пота.

Последнее было особенно противно — кассета для водных рециркуляторов протухла ещё вчера, и во рту с тех пор словно песка насыпали. Спроси Отомн сейчас кто-нибудь, чего ей больше сейчас хочется, глоток воды или глоток свежего воздуха, она бы, пожалуй, крепко призадумалась, что ответить.

Впрочем, мозг её к тому моменту по своим когнитивным

возможностям больше походил на полуготовый скрэпс — то единственное, что ещё оставалось на камбузе, и чем Отомн благополучно спасалась последние двадцать солов. Думать ни о чём не хотелось вовсе. Хотелось лечь на койку и отключиться хотя бы на полчаса.

А как тут отключишься.

Если бы Отомн не потратила невесть сколько часов в попытке выбить у супервизора делэй или хотя бы авансовый платёж для смены рециркуляторов, а всё это время доводила до ума код, глядишь, эта пытка уже и прекратилась бы.

Запустив обсчитываться очередную сборку, Отомн безучастно уставилась в одну точку, пытаясь расслабить ноющие мышцы спины.

Вот бы ещё вспомнить, как она согласилась на всё это. Хотя чего там гадать — «Маршиан текникс» платит своим разрабам столько, что лабораторные крысы с Матушки могут в ответ только позавидовать. Каждый, в буквальном смысле каждый «желтожетонник» земных корпораций, не задумываясь, променял бы своё прозябание в недрах Босваша или Мегаполиса на пустынные пейзажи Красной, по которым разбросаны серебристые купола кампусов и оранжерей, лаборатория и сборочных цехов, стартовых пилонов и фузионных реакторов.

Красная была манящим маяком за границами замшелого мирка Матушки, там и только там человек с руками и головой мог полностью исполнить собственное предназначение, получив взамен почёт, уважение и почти бесконечные ресурсы для проведения досуга.

Так гласила легенда, в правдивости которой сомневаться никому не приходило в голову, а потом ты оказываешься среди дюн нагорья Тарсис, и тебя волочёт на спине таинственный незнакомец, а у тебя даже нет сил спросить его имя.

Отомн бы и в голову не пришло в тот миг, когда она впервые ступила на поверхность Красной, что уже спустя несчастных пятьсот сол она решит пуститься в бега.

Жалкая попытка.

Легенды не врали. Платили тут столько, что за годовую ставку мидла можно было купить половину северной Италии. И работа тут была действительно интересной. Лучший лабораторные комплексы во всей Сол-системе. Самая современная ку-троника, никаких корпоративных загонов Матушки, лучше из лучших имели здесь фактически неограниченные возможности для профессионального роста.

Но. Всегда есть какое-нибудь «но». Подвох состоял даже не в том, что на Касной всё стоило баснословно дорого — на аренду

комнатушки два на два метра в биокуполе уходила половина оклада джуна, сеньоры же могли позволить себе изолированный купол аж целых ста метров жилой площади, для Матушки это всё, учитывая достаточно спартанскую обстановку высокотехнологического фронтира, разумеется, было не ахти как круто, да даже в общем вполне убого. Но, стоит повториться, подвох был не в этом.

Платили здесь, как убедилась на себе Отомн, действительно астрономически много.

Но и требовали взамест — сторицей, безо всякой жалости отбрасывая прочь всех, кто не деливерил достаточно, чтобы с лихвой отбить своё содержание.

Один пропущенный дедлайн, другой, и будь ты трижды чемпионом по жизни и олимпиадником по происхождению, к тебе моментально постучатся приставы интендантской службы «Лунар текникс».

А ещё спустя совсем небольшое время Отомн обнаружила, что волшебный «досуг» на заработанные миллионы в опционах и живых кредитах состоит в утренней чашке дрянного пуэра и получасе вечернего вирта перед сном. Остальное время каждый уважающий себя разраб трудился на благо очередного релиза, мечтая лишь об одном — чтобы дедлайн никогда не наступал, а итерация — не кончалась вечно.

Однажды Отомн подняла голову из рабочей среды, огляделась, и захотела сбежать. И тут же выяснилось, что волшебные опционы просто так не обналичить, крипта на Красной была под полным запретом, а корпоративные кредиты, разумеется, были под контролем «красножетонников» и «белых», без дозволения которых из своего в прямом смысле золотого купола ступить было невозможно.

Однако Отомн не спешила сдаваться. Услышала она как-то краем уха какой-то досужий разговор коллег-разрабов, которые обсуждали некий загадочный случай диверсии в одной из лабораторий, мол, не Корпорация ли свои цепкие ручонки тянет. Если бы. После того, как тот загадочный корабль покинул Матушку в пятнадцатом году, за мифическими агентами Корпорации принялись гоняться разве что не со святой водой и кадилом. Под каждой кроватью их искали. И не то чтобы особо находили.

Но Отомн заинтересовалась и начала потихоньку собирать инфу.

Мол, в астероидных Поясах среди вольных старателей очень нужны специалисты, и при желании туда можно добраться на частных рудовозах в обход запретов «Маршиан текникс». Мол,

документы тихой сапой подделать, и прости-прощай, Красная.

Если бы она знала, как глубоко ведёт эта кроличья нора.

Интервеб Красной был прост и безыскусен. Там обитали кулхацкеры, трепачи и бездельники из числа тех, кто наловчился дурить голову начальству, изображая бурную деятельность вместо вечной гонки за дедлайном. Однако в какой-то момент с Отомн ненавязчиво разговорился некто под ником Геспер. Ну, популярно на Красной всё древнегреческое. Сама Отомн называлась Лисса. Тоже не очень оригинально.

Геспер этот, покачивая ногами над виртуальной пропастью, рассказывал, что обходить корпоративные ограничения на деле не так уж и сложно, и базы-то у них дырявые, и большую часть времени «красножетонники» тратят на слежку друг за другом, а также на подсиживание начальства, следить же за рядовым разрабом доверяют тупым нейросетям, обученным лохами на лохах для лохов. В общем, звучал он убедительно.

На прямой вопрос, а сам-то он не из засланных в интервеб «красножетонников», заржал, но к вопросу побега больше не возвращался. Не поднимала его и Отомн, ей просто нравилось с Гесперо ненапряжно чилить ночами в интервебе, пока однажды вечером, когда синие солнечные лучи едва касаются горизонта, заглядывая под биокупол и окрашивая его в редкий на Красной холодные тона, ей не пришло анонимное сообщение, будто бы отправленное непосредственно с её локального терминала: «в следующий сол мне придётся свалить, если ещё не передумала, присоединяйся. Геспер».

На этом месте намертво заевшего в её голове сна Отомн разбудил писк транспаранта. Сборка завершена. Как же её срубило-то.

Духота была невыносимая. А теперь ещё и башка спросонья трещит.

В корпоративной рассылке однажды в назидательных целях прислали репортаж — сениор переборщил со снотворным, а тут поломка очистителя, смотрелся на записи как живой. Знаем мы вашу «поломку очистителя», сволочи.

Теперь Отомн по своему опыту знала, как это бывает. Её личный запасной комплект — всего в двух метрах от выхода, ждёт своего часа. Стоит ей закоммитить последние правки в итерацию, всё тебе сразу будет. А нет — значит, ты сдохнешь.

Глядя на результаты отработавшего пайплайна, Отомн чертыхнулась. Тесты по-прежнему падали где-то в самом ядре. Нет, просто так вы её не получите.

Оставалась ещё одна идея, где могла закрасться бага, и Отомн, утирая снова проступивший едкий пот, нырнула обратно в

рабочую среду, следуя вдоль бесконечной цепочки ссылок и вызовов.

И главное можно же выйти наружу и воспользоваться комплектом самой, наплевав на штрафы, из которых потом год выбираться. Точнее, можно было бы, оставь они ей оболочку. Но нет, она же была поймана при попытке к бегству, ей оболочка больше не положена.

Да. вот так оно получилось. Несёт тебя на себе незнакомец и несёт, с кем не бывало. Знать ты его не знаешь, как и он тебя. А всё равно, несёт.

Зачем ему то надо? Почему не спасается сам, не валит с этой проклятой красной планеты, где ни воздуха, ни света, ни нормальной гравитации? Поди пойми.

Отомн же ему даже не поверила. Вообще не стала отвечать на то его сообщение. Хотя как на него ответишь?

И вообще, она человек взрослый, самостоятельный, и нечего всякому анониму ею командовать. Она не просила всего этого, ясно? Если надо будет, она сама свои проблемы решит, и с «Маршиан текникс», и с Красной, ей для того никакие интервебные анонимы не требуются.

И вообще, как он смеет, вот так вторгаться в её налаженную комфортную жизнь и разрушать её своими сообщениями! Она свободный человек, уважаемый коллегами разраб, если ей надо будет, она сама куда угодно поедет, для неё с её деньгами открыты любые места хоть на Красной, хоть во всей Сол-систем!

Решила так, и взяла на следующий сол отгул, накопился с незапамятных времён, начальство дало от щедрот за очередную переработку.

Развеяться, значит, смотаться к Куполу Юпитера, давно собиралась там побывать, говорят, там кратер глубиной в километр, дух захватывает. Вот и поехали!

Отомн и сама не знала, на что она рассчитывала, пока не сообразила, что её ровер отчего-то заглох посредине ничего, а сама она застряла в одиночестве без малейших следов связи. Ну, ровер разрядился, на Красной это бывает. Но связь? Что, орбитальная группировка специально ради неё накрылась?

Сказать, что она успела испугаться, это ничего не сказать.

Потому что только тут до неё дошло, как это выглядело. Как будто она и правда собиралась сбежать.

И вот теперь стой среди однообразных красных дюн и высматривай на горизонте хоть какое-нибудь движение.

И движение это не замедлило появиться. Одна, две, три чёрных точки словно замыкали Отомн в чёткий равносторонний треугольник. Кто бы знал, что спасательные службы «Маршиан

текникс» способны быть такими оперативными. А вот связь по-прежнему молчала, и это снова перепугало успокоившуюся было Отомн.

Да кто вы такие! И за кого меня держите!

Ответом ей стал рокот в небе. Подняв голову, Отомн сообразила, что прямо на неё из самых недр красного купола валится в свободном падении крошечный пассажирский тилтвинг вроде тех, что используют для туристических прогулок вокруг кратера вулкана Олимп. Дёшево и сердито, вот только что он тут де…

Тилтвинг едва не рухнул ей на голову, в последний момент врубив все четыре двигла на полную. Пыль тут же заволокла всё вокруг плотным саваном, так что Отомн едва успела сообразить, как её буквально силой втащили в кабину и снова врубили тягу.

— Ты кто?

Система кондиционирования уже очистила кабину от пыли и врубила зелёный транспарант успешной опрессовки, потому Отомн поспешила избавиться от громоздкого шлема.

Спаситель же её убирать визор не спешил.

— Ты кто? Отвечай!

Во второй раз это прозвучало жалко.

«В интервебе ты меня знаешь под именем Геспер».

Голос его был таким же, каким Отомн его помнила по старым беседам. То ли он давал полного дурака, общаясь в интервебе собственным голосом, то ли он и сейчас предпочитал воспользоваться вокорром. Потому и шлем не снимал.

— Куда ты меня везёшь?

«Подальше отсюда, или ты предпочитаешь скорее попасть на допрос?»

— Не понимаю, о чём ты.

«Они гнались за тобой, и твой ровер вырубили тоже они».

— Кто такое «они» и зачем им за мной гоняться и меня допрашивать? И вообще, ты же собрался сегодня сваливать, что ты тут делаешь?

«Я никуда не собирался, и то сообщение я тебе не писал, если ты об этом. Но мне хватило ума за тобой проследить, Лисса, вдруг ты всё-таки решишь наделать каких-нибудь глупостей».

Да уж, смотрелась Отомн в тот момент дура дурой. Как, впрочем, и сейчас, когда она наконец сообразила, где ошибка.

Версии либ проверять надо, вот что. И главное висит же указатель деприкейта, на самом видном месте, куда ты смотрела?

Быстро всё исправив и бегло пробежавшись глазами по остальному коду, Отомн, выдыхая, снова отправила пайплайн в очередь. Приступ злости на себя её даже немного привёл в

чувство, хотя пот снова липкой струйкой пролился ей за воротник.

Вот и тогда, чего бы не злиться, вышла из купола, можно сказать, просто проветриться, и нате, получите, уже спустя какой-то час она успела оказаться по уши в дерьме, и да, на спине в общем-то неизвестного ей мужика, которого она вовсе не просила её спасать, и который в общем-то виноват во всех её теперешних бедах.

Так она ему и заявила, ещё в полёте обозвав его мудаком.

Геспер, впрочем, или как его там, не обижался.

— И вообще, ты за мной следил, гад ползучий!

И это он не отрицал, для солидности кивая своим небесно-голубым забралом.

«Если бы дело было только в том, какой я гад. Люди, которые подсунули тебе то сообщение, что-то многовато обо мне знают — вот это уже проблема. И будь моя на то воля, я бы тебя там и оставил».

Мужики. Только о себе думают.

— И что мы теперь будем со всем этим делать? Может, ты собираешься меня и правда… вывезти с Красной?

Тут Геспер оторвался от управления тилтвингом, обернулся и посмотрел на Отомн.

«Будем считать, что ты этого не говорила. Лисса, пойми, по глупости или нарочно, а может, тебя подставили, но ты угодила в очень серьёзную переделку, и я сейчас пытаюсь придумать, как тебя с минимальными потерями из этой передряги вытащить».

Вот тут Отомн снова стало страшно. Они словно угодила в зыбучие пески, и с каждым неловким движением продолжала всё глубже в них увязать.

Как увязал безымянный незнакомец, волоча её на спине посреди песчаной бури.

Как же она туда попала? Как они оба туда попали?

Отомн помнила, как винтолёт тряхнуло. На высоте километра атмосфера Красной становилась столь разреженной, что любые звуки становились почти неразличимыми, но вспышку справа по курсу она всё-таки заметила.

«Неопознанный борт, немедленно приступайте к манёвру снижения».

Впервые преследователи снизошли до того, чтобы выйти на связь.

«Я не знаю, чем ты им насолила, но они явно больше не шутят. Я бы на твоём месте задраил оболочку».

И тут же послушно начал снижаться.

Он что, почуял, что пахнет жареным, и решил её сдать? Тогда

проще было её оставить там, у заглохшего ровера.

Однако она зря на него наговаривала. Летательный аппарат уже не просто снижался — он широкими размашистыми зигзагами повёл свой курс в сторону красно-серой мути, что невразумительной пеленой прикрывала поверхность Красной левее по курсу. Что это такое, Отомн сообразила, только когда они в неё погрузились.

В кабине потемнело, начало трясти, заорали транспаранты угрозы, двигатели взвыли и начали терять мощность.

Отомн никак не могла застегнуть трясущимися руками магнитные замки оболочки. Да за что ей всё это!

Удар о поверхность был такой силы, что клацнули зубы и рот наполнился металлическим вкусом.

«На выход, скорее!»

За бортом царила знакомая непроглядная мгла пылевой бури. Сквозь мельтешение заметаемого мимо них мусора можно было различить лишь пару метров реголита под ногами, дальше начиналось страшное ничто, и лишь привычное и совершенно мирное на вид солнечное гало осталось мерцать вокруг того места, которое ещё полчаса назад занимало привычное светило.

Некоторое время они шли, разреженная атмосфера Красной даже в самый могучий ураган не была способна помешать нормально идти, особенно с учётом массы оболочки, однако проблема была в другой — наметаемая бурей короста мелкодисперсной пыли поверх и без того сыпучей песчаной поверхности превращала каждый шаг в акробатический номер — подошвы скользили, ноги разъезжались, невероятные усилия приходилось тратить лишь на то, чтобы удержать себя в вертикальном положении.

Где они? Куда они идут? Сколько они уже прошли и сколько им пройти осталось?

Отомн оставалось только гадать. Как и по поводу того, что будет, когда буря стихнет и они снова окажутся для наблюдателей сверху как на ладони.

«Держись, мы приближаемся к янгуанской территории».

Как будто от этого становилось понятнее.

«Янгуан Цзитуань» была единственной корпорацией, не вошедшей восемьдесят пять лет назад в консорциумы «Лунар текникс» и «Маршиан текникс», осваивая с тех пор Муну, Красную и систему Юпитера самостоятельно. В остальном же это была такая же корпорация, как и представители всей остальной Большой Дюжины, что безраздельно правила на Матушке. «Янгуан», «Джи-И», «Три-трейд» или «Сейко», какая разница?

«Разница большая, — увещевал Геспер, — они передадут

тебя, но сперва предадут всё это дело огласке, а это нам на руку».

Нам это кому? Но Отомн не стала задавать этот вопрос в сотый раз, у неё теперь были другие проблемы. Вокруг начали бить молнии.

Иссиня-белые высоковольтные разряды молотили сквозь пылевую завесу с частотой и силой гауссовой пушки, так что только песок под ногами ходуном ходил. Отомн тут же споткнулась, взмахнула руками в попытке удержать равновесие, но только и успела почувствовать, как опорную ногу повело, и вот уже спустя мгновение она с размаху всем своим весом обрушилась на собственную вывернутую под неестественным углом лодыжку. Раздался негромкий хруст, а за ним последовала вспышка острой боли, которая на долгую минуту заслонила собой впечатления от никак не утихающего дождя молний.

На этот раз Отомн разбудил сигнал успешного завершения пайплайна. А нога и правда снова заболела. Когда отрубаешься вот так, ничего удивительного, от скрюченной позы ещё и рука онемела. Недаром опять все эти ужасны снятся.

Так, поскорее собрать всё это и отправить тимлиду на аппрув. И скоро её ждёт воздух, долгожданный воздух. И душ, обязательно сразу душ, как только натечёт через фильтры.

В голове Отомн шумело и ухало. Даже просто продолжать ровно сидеть уже было выше её сил. Хотелось только одного, принять горизонтальное положение и отрубиться. А там уже будь, что будет.

Совсем как там, посреди песчаной бури, когда её тащили на спине, а она думала лишь об одном, как забыть об импульсах боли при каждом следующем покачивании. Это оболочка не слушалась приказа зафиксировать травмированную ногу, а быть может, и послушалась, да только всё без толку.

Спасали только досужие размышления, зачем он её спасает. Кто она ему? Едва не сорвавшийся с крючка полузавербованный агент? Отчего-то понравившаяся случайная знакомая из интервеба? Да она даже не знает, как его на самом деле зовут.

Отомн чувствовала в тот момент, что ей уже попросту всё равно.

Как всё равно и здесь, в родном куполе, задыхаясь от зашкаливающей концентрации углекислоты и лютой вони собственного немытого тела.

Почему молчит супервизор? Час назад орал на всех в общем канале, чтобы срочно закрывали свои таски, а теперь молчит.

Отомн апатично скосила глаза на лог пришедших сообщений.

А, нет, кодревью тимлид подтвердил, и даже без обычного для конца итерации «технического долга», который ещё потом

неделю в свободное время разгребай. Но где же, мать её, транзакция!

Так вот же она. А это значит… это значит, что ремкомплект и без того был на месте. И не в отобранной у неё оболочке было дело. Даже если бы она релиз закрыла ещё вчера, ничего бы не изменилось.

На трясущихся ногах Отомн морщась от боли подошла к тамбур-лифту и слезящимися глазами присмотрелась к вечернему полумраку за бортом. Так и есть. Там маячили две человекоподобных тени.

О, если что, они бы не дали ей тут сдохнуть от отравления углекислотой, как не позволили бы ей тут и прохлаждаться в комфорте. Все её недавние мучения были полностью контролируемым экспериментом или, если хотите, пыткой.

И правда, вот же она, посылочка, помигивает в сторонке. Сколько она уже тут лежит, дожидаясь своего часа?

«Маршиан текникс» умеет настоять на своём, так сказал ей напоследок Геспер.

Купола «Янгуан» появились в пределах прямой видимости, стоило песчаной буре унестись прочь.

«Запомни, как будет. Они заберут тебя, допросят. Говори им, как было: диверсия, отказ ровера, я тебя похитил, но не сумел оторваться от преследователей, потерял управление, врезался в дюны, дальше ты шла через бурю одна, подвернула ногу. Они тебе поверят, цепочка следов сюда ведёт одна».

«А ты как?»

Он только хмыкнул.

«Я один лучше справлюсь. Ты не перебивай, слушай. После допроса тебя передадут, там допросов будет ещё больше, но ты говори как есть, знать меня не знаешь, вообще не понимаешь, о чём они, и что произошло, в итоге тебя скорее всего отпустят, потому что провокация явно сорвалась, ты им станешь не интересна».

Какое слово интересно, «провокация».

«А если не стану?»

Геспер снова хмыкнул.

«Тогда сдавай меня с потрохами».

«Так я же про тебя ничего не знаю».

«Не беда, запоминай».

И принялся диктовать, надеясь не столько на неё, сколько на её аугментацию.

Обман, всё обман. И её липовое бегство, и его не менее липовое спасение. Арест, последовавшие за этим допросы, сначала в «Янгуан», потом у «Маршиан текникс». Всё у всех

одинаково, никакой разницы, тут и там «красножетонники» играют в свои игры, что ты им ни говори.

Отомн попала в их лапы с потрохами с того самого мгновения, когда открыла злосчастное сообщение.

Делай она впоследствии что-нибудь или же ничего не делай, разница была невелика — всё равно она навеки теперь останется под колпаком у неприятных людей с холодным сердцем и тёплыми ногами.

Теперь всё на свете — уловка.

Дело было не в том, что Отомн почти месяц провели вне своего купола, и все её кредиты ушли на покрытие долга по обслуживанию биологических систем рециркуляции.

Как бы хорошо она ни работала, как бы своевременно ни закрывала релизы, это уже ни на что не влияло. Они ждали от неё определённых действий, и ей от этой игры было не отвертеться.

И самое главное, даже если она сделает, как сказал Геспер, даже это ничего не изменит.

Просто теперь они будут считать, что она не просто у них на крючке, а что она им полезна. Всё было не ради освобождения, а только лишь — локальной тактической игрой в поддавки. Она делает вид, что сотрудничает, они делают вид, что ей верят, но не поверят на деле никогда.

Голова кружилась, перед глазами мерцали какие-то сине-зелёные пятна, уже даже хвалёная корпоративная стиму-техника «Маршиан текникс» давала сбой. Если решать, то сейчас, пока эти тени за стеклом тамбура не начнут решать за неё.

Если подумать, вряд ли они позволять ей вот так запросто умереть от удушья, как там они на прощанье сказали, «мы за вами присмотрим»? И забрали с собой оболочку, вы же пока всё равно под домашним арестом, зачем вам выходить из купола?

Зачем ей вообще всё. Зачем работать, зачем дышать, зачем жить.

Сволочи.

Но и этот безымянный помогатель, он тоже не лучше. Кто сказал, что он тоже на этом отстанет. Ни черта.

Впрочем, Отомн тоже могла быть умнее. Он же, если подумать, по крайней мере ей не врал. Не делал вид, что всё само рассосётся, что «вы вот только тут подпишите и идите жить своей жизнью».

Красная планета, бессердечная ты сучка. Не сбежишь с тебя просто так, не скроешься, не даёшь ты никому жизни.

Чего же Отомн ждёт, чего тянет? «Красножетонники» и Геспер хотят от неё, в сущности, одного и того же. Чтобы всех сдала и сотрудничала.

Но это Геспер тащил её на собственной спине. «Маршиан текникс» лишила её последнего кислорода только за то, что она сразу же не настучала «красножетонникам» про их же сообщение.

Что ж, похоже, особого выбора у неё так и так нет.

Аугментированная память — штука простая. Её достаточно знать, как активировать, это может быть кодовая последовательность чисел, длинная цитата, например, стихотворение, и тут же на тебя польётся поток давно тобой позабытых знаний, цифр, событий и фактов — не остановишь.

А вот в стрессе, под воздействием психоактивных веществ или под принуждением аугментация не в состоянии разобраться в туче роящихся в человеческой голове запутанных сигналов. Идеальное криптохранилище на все случаи жизни. Разрабы так хранили ключи от репозиториев. Но при желании этот способ запомнить, забыть, а потом снова вспомнить нечто важное годился для чего угодно.

«Красножетонники» должны думать, что это всё важно.

Отомн, не отрываясь, строчила в открытый файл всё то, что он ей в тот раз наговорил.

Контакты, псевдонимы, номера ячеек, пароли, коды, криптоключи.

Подписав всё это своим личным сертификатом, Отомн отправила всё «красножетонникам».

Теперь она точно не отвертится, теперь не удастся снова изображать обычную, ни в чём не повинную разрабку-мидла, которой не повезло оказаться не в то время не в том месте.

Но это точно лучше, чем умереть здесь и сейчас.

Если так посудить, она выбирает сейчас между анонимным приятелем из интервеба, который ей если и врал, то совсем немного, и анонимными сволочами из разветвлённой системы безопасности «Маршиан текникс», для которых она вовсе никто.

Последний код, который выдала Отомн аугментации, она тоже использовала по назначению.

Короткий шифрованый пакет на анонимную ноду где-то глубоко в недрах интервеба.

Я им всё отправила, как ты сказал. Лисса.

Вот и всё.

Отомн подтёрла всё за собой, через силу забралась на второй этаж, где по технике безопасности в биокуполах всегда располагалось спальное место — все знают, что углекислота тяжелее воздуха в полтора раза — и легла там, прикрыв глаза.

Некоторое время она из последних сил прислушивалась к тому, не шипит ли компрессор тамбура, да так и заснула.

Во сне её всё так же тащил на спине усталый мужчина, имени

которого она так и не спросила.

Его аватара ещё при первом их знакомстве ей показалась знакомой.

То ли было, то ли нет —
Это дело предрассветных туч.
Бесполезный лунный свет
Будет прятать в них свой сонный луч.
Он запутаться бы рад
В ста осях координат
И оставить надоевший пост.
За обветренным стеклом —
Песни обо всём,
Но кроме звёзд.

XXII. 37. Спящий

Перед тем, как задраить внутреннюю переборку, обязательно проверь персональный счётчик. И дело даже не в грядущих проблемах с онкологией, и не в преждевременном прекращении контракта — «Янгуан Цзитуань», конечно, не станет тратиться на доставку твоей тушки в порт приписки, куда проще без особых почестей отправить тебя попутным рудовозом, что отчаливают к Матушке каждые четырнадцать дней. Пофигу, что ты тут раньше времени помрёшь, нона тебе ответственность за дорогущее оборудование.

Поля внутри корпуса на «Шугуане» уборочная автоматика обнаруживает чуть не ежедневно. Помечает, подчищает, но где гарантия, что по пути к шлюзу ты не получишь лишнюю дозу? А радиация штука такая, по мозгам даёт первым делом. Ты ещё ничего не почувствовал, а когнитивка уже никакая, даже под транскраниальной стиму-техникой, особенно под ней. А значит ты, даже сам ещё ничего не сообразив, уже недееспособен. Случись чего во время выхода, кто его знает, почему ты вдруг затупил? Пофиг, мороз, как говорим мы, братушки, ты обязан по протоколу перед выходом проследить и отчитаться. Столько-то миллизиверт прижизненная, столько-то — за последние сутки.

Впрочем, на этот раз пронесло, всё чисто, какие-то, капли, разумеется, набежали, в системе Юпитера от радиационных полей не избавишься, тут даже сам лёд за бортом фонит так, что только хруст счётчиков раздаётся. Но с небольшими дозами, что всё-таки проникают сквозь защитную оболочку, помогает бороться корпоративная генная инженерия, главное по-крупному не вляпаться.

Так, протокол пройден, задраивай люк, одевайся. Это, надо отметить, самый неприятный момент во всём выходе. Стоишь эдакв одних носках, а через переборку от тебя — то, что на Европе называется атмосферой, то есть бодрящая ледяная взвесь из атомарного водорода пополам с водяным паром, плотность которой ничтожна даже в сравнении с дохлым марсианским воздухом. По сути, Европа так мала, что не должна обладать атмосферой вовсе, вакуум и вакуум, но постоянный прогрев приповерхностных слоёв приливным трением со стороны Юпитера вот уже миллиард лет не даёт Европе окончательно смёрзнуться. Зато позволяет быстро и эффективно проморозить тебя насквозь.

В чистом вакууме на низкой орбите вокруг Матушки в случае разгерметизации ты скорее высохнешь — немногие пережившие аварийную декомпрессию рассказывали, как весело кипит у тебя во рту твоя собственная слюна, но тут, на экваторе Европы, температура поверхности равна 163 градуса ниже нуля, и даже при давлении в один микропаскаль этого вполне достаточно, чтобы ловко смёрзнуться в аккуратно глазированную человеческую сосульку.

Потому давай шустрей, хоп, хоп, ногами вперёд влезаешь в оболочку, потом ужом разворачиваешься, чтобы аккуратно задраить за собой ранец системы жизнеобеспечения, который у тебя заместо двери. А то сколько уже было случаев, датчик показал зелёный свет, дежурный машинально прожамкал подтверждение, автоматика начала декомпрессию и тут уж кто раньше успеет, или оболочка задраиться, или оператор отреагировать на твои матюги в канале.

Так, застегнулись. Для порядка сперва подними давление внутри на пару килопаскалей, проследи, не стравливает ли. Следом тут же — проверка уровня углекислоты. Помни о главном — в оболочке почти кубометр воздуха, при желании им можно с горем пополам час дышать даже с пустыми баллонами. Но только при исправно работающем поглотителе цэ-о-два. А вот если они накрылись, считай ты труп, даже если у тебя с собой два под завязку забитых танка найтрокса.

Вдох-выдох, ага, вроде держит уровень. Прожимайпедаль выхода и жди, поглядывая на датчики давления, температуры и концентрации, ничего ли не дёрнется без команды.

«Дежурная смена, к выходу готов».

Они и так всё видят, но для порядка положено.

Шипения уже не слышно, только в ушах чуть похрустывает от декомпрессии — как раз выходить все стараются на минимальном давлении, чтобы если что — сразу обнаружить проблему, а не

застрять с экстренной декомпрессией в трёхстах метрах от шлюза.

А теперь раз, раз, пошёл, пошёл.

Вот она, Европа, перед тобой.

Тридцать миллионов квадратных километров светло-рыжего ледяного панциря, медленно, с нутряным рокотом и пшиком через трещины и разломы колеблющегося вослед громадине Папы, то восходящего над горизонтом, то снова прячущегося за резко очерченную солнечным светом гребёнку ледяных скал. Вот за этими волнами, называемыми приливными волнами Россби, ты и должен следить.

«Шугуан», как и любая фабрика-ретрактор, находится на максимальном удалении от любых хребтов и «веснушек», аккуратно дотягиваясь своими насосами до нижней точки ледяной коры Европы, где температура и давление достаточны, чтобы начинался самый обычный океан, как на Матушке, даже примерно той же солёности, только было тут той воды вдвое больше всех земных океанов, причём растворено в ней на два порядка больше лития, чем содержится во всей земной коре, вместе взятой.

За этими немудрящими богатствами — тяжёлыми изотопами водорода и легчайшим изотопом лития трипротоном, которые использовались в ходовых фузионных реакторах последний поколения — сюда и добралась «Янгуан Цзитуань», она же наняла тебя делать грязную работу.

Официально, согласно диплому и прочим корочкам, ты полевой гляциолог-астронавт. Если судить по этим документам, твоя задача — изучать криотектонику ледяных спутников и карликовых планет вроде Ганимеда, Европы, Цереры или Энцелада, однако за подобную работу мало платят, а вот за то, чем ты будешь заниматься сегодня — очень даже хорошо. Так что шагай, не мешкай, пока аврора не нагнала.

О, местная протонная аврора это занятное явление. Дело в том, что магнитное поле у Европы не стационарное. Оно постоянно вращается вдоль нижних течений подлёдного океана, пока поверхность ледяной коры повернута строго одной стороной к грязно-песчаному флюсу Юпитера. А магнитное поле у Папы чудовищное даже на таком расстоянии, вот при перемыкании силовых линий этих полей — внешнего и местного — и возникает аврора. Красивое зрелище, никаким полярным сияниям Матушки не снилось. Зелёные и синие полосы на фоне черноты неба змеятся от горизонта до горизонта, вспыхивая и угасая. Стой и любуйся. Одна проблема — на открытом пространстве при этом так фонит, что любопытствующий через полчаса быстро и эффективно захлебнётся собственной кровью. Так что за

графиком аврор аккуратно следили со спутников и планировали выходы так, чтобы с ними ненароком не пересечься.

Вот и сейчас, «айри» даёт тебе полтора часа. Хватит с запасом.

Всего и делов, объехать на ровере шесть буёв по периметру «Шугуан», осмотреть визуально, собрать свежие керны образцов с глубины, в случае чего — оповестить дежурную бригаду, после чего вернуться обратно.

Так-то гляциологические буи это автономные устройства, с блоками авторемонта, способные самостоятельно выбрать или сменить площадку, а также полностью независимые в смысле получения, обработки, передачи и хранения всей необходимой информации. Но льды Европы штука дико нестабильная и до невозможности предательская, потому тут и выделен целый гляциолог с дипломом для того, чем мог бы заниматься любой бурый лицом от радиации ханец из дежурной бригады, не говоря уже о «смертничках» из команд перехвата отказавших рудовозов. Потому и платят тебе втрое больше, чем остальным.

И главное делов-то, подруливаешь, спешиваешься, подключаешь «айри» через внешние порты к оборудованию буя и следуешь себе по схеме сверху вниз. Если чеклист успешно пройден — сразу топай за свежим керном, благо он заранее заготовлен автоматикой при твоём приближении. Главное, ничего не упустить, а не то с тебя потом начальство в головном офисе три шкуры сде…

Мелькнувшую у самого края зрения тень заметить было непросто, но ты справляешься. И главное с чего бы тут быть посторонней активности, до ближайшего ретрактора километров тридцать если по прямой, приблизиться к «Шугуан» так, чтобы дежурная бригада просмотрела, попросту невозможно — всё вокруг просвечивается во всевозможных электромагнитных и акустических диапазонах. Однако факт есть факт, небольшого подозрительного движения тебе достаточно, чтобы машинально рухнуть в гору снежной крупы, насыпанной за время работы буровой установкой буя. Если подумать, неплохое укрытие.

Среди дежурных смен «Янгуан» на Европе с некоторых пор ходили упорные слухи о череде подозрительных инцидентов. То рудовоз прямо на трассе внезапно замолчит. То подозрительно много сгорит аппаратов спутниковой группировки при очередной эрапции в плазменный тор Ио. То вдруг гляциолог провалится в разлом посреди ровной ледяной коры.

Обычная паранойя, подумают некоторые. Подобного рода домыслы бродили в умах ещё во времена парусного мореходства на Матушке, когда вполне объяснимую череду случайных

происшествий склонные к мистицизму и просто невежественные умы списывали на разного рода бермудские треугольники, в то время как всё это было легко объяснить обычной активностью пиратов.

В двадцать втором веке в пиратов никто не верил. Зато массово верили в злокозненную Корпорацию, и даже среди совершенно неглупых людей можно было легко встретить теоретиков заговора, только и твердивших о том, что замышляет треклятый Ромул. Ты во всю эту чушь, разумеется, не заигрываешься, но инструктаж пройден успешно, и ты падаешь лицом в снег настолько быстро, насколько это позволяет невеликая здешняя гравитация.

И ведь не почудилось же!

Приподняв лицевой щиток над краем сугроба, ты вновь замечаешь мелькающие тени. Вот теперь точно пора алармировать на «Шугуан». И чем быстрее, тем лучше.

«Дежурному персоналу — гляциолог Панарин. Веду вэкадэ, у второго буя обнаружил постороннюю активность, запрашиваю помощь».

Тишина. Даже хруста в эфире не слышно. Теперь тебе положено перейти с кодированного сигнала на прямой аналоговый, но ты уже догадываешься, что там будет. Ничего.

А тени между тем приближаются.

И не то чтобы они особо прятались. Скорее их перемещения выглядели так, как будто неизвестные стараются оставаться незаметными исключительно для возможных наблюдателей со стороны «Шугуан».

Тебя они, стало быть, не боятся. Что, если подумать, плохо само по себе. Но кто они, чёрт побери, такие?

Не знаешь? Так обернись на ровер, далеко ли. Ну как, метров двадцать. Если что, можно и успеть, а там уже рви с места под свист бандитской пули.

От этой мысли тебе становится нехорошо. Если и правда это пресловутые «космические пираты», то у них должны быть и космические мушкетоны, и космические абордажные сабли. И знать бы ещё, о каких космических пиастрах идёт речь.

И только тут настаёт время сообразить, что тебя уже почти взяли в кольцо. Слабые тени — белые на белом — уже мелькают от тебя справа и слева. Ещё немного, и у тебя не останется в этом гамбите запасных ходов.

Но кое-что ты ещё можешь сделать. Керновый снаряд это по сути такой гигантский пневматический пистолет, который под давлением в полторы сотни атмосфер досылает режущую кромку в смёрзшуюся толщу ледяного монолита. Если же этим снарядом

шарахнуть по чему-то рыхлому, получится…

Просто сними несколько блокировок и готово.

…получится рукотворный криовыброс.

Долгие три секунды ты оглушённо наблюдаешь, как конвективные струи снежной пыли начинают заволакивать всё вокруг, и только тогда бросаешься вперёд.

Бег при силе тяжести в семь раз меньше земной это особый вид спорта сродни перемещению по дну наполненного бассейна. Разве что за вычетом трения о воду. А так очень похоже: ноги отчаянно буксуют, пытаясь набрать ход, ледяной реголит под ступнями твоей оболочки летит назад, образуя под тобой предательскую воронку, которая ещё сильнее мешает двигаться. Лишь спустя добрых полминуты ты наконец оказываешься способен перейти на местный аналог кенгуриного галопа — широкими размеренными скачками на максимуме амплитуды экзоскелета.

Впрочем, струи серебрящейся на свету ледяной пыли ещё даже не начали оседать, напротив, всё вокруг буквально сияет снежными гало разнообразных форм и расцветок. Если от твоих преследователей и остался шанс скрыться, то сейчас — самое время.

Если бы всё было так просто. Ровер ходит под тобой ходуном, похрустывая хлипкими здешними рессорами. Ну не рассчитаны они на то, чтобы в водительское место обрушивались в прыжке с двухметровой высоты. Ничего, главное теперь выбраться из области действия глушилки, или что там у них мешает связи с «Шугуан», а там уж…

Ты не успел даже толком тронуться.

Гляди, как первая «маслина» вальяжно, по дуге, шлёпается о поверхность реголита всего в паре метров от тебя. Красивый, в виду скошенного конуса, пылевой фонтанчик поднимается вверх на полметра. Однако.

Следующий выстрел уже задевает твою оболочку, и теперь приходится с удивлением наблюдать, как тебя закручивает и бросает куда-то вбок. Любопытно, датчики не показывают падения давления. То ли приборы опять врут, то ли у «пиратов» с собой прихвачено что-то не летальное.

Додумать эту мысль тебе не удаётся, ты падаешь ничком и почему-то больше не можешь двигаться.

Вот уж, мужик, ты сейчас по уши в дерьме.

Лежи теперь, жди, пока до тебя доберутся.

А вот и они, стали кружочком, совещаются.

«Миша, ты? Чего молчишь?»

Тут тебе самая пора удивиться. Удивиться — не то слово.

Какова вероятность, что первый же встреченный тобой на Европе «пират» окажется братушкой, да ещё и будет знать тебя по имени? На «Шугуан» все говорят на пунтухуа, имя же твоё никто даже произнести не в состоянии, получается у них что-то вроде «михаиэр».

«Блин, походу переборщили мы с глушилкой, он нас слышит вообще?»

Только тут тебе самое время сообразить, что всё это время ты материл их впустую.

«Погодь, щас напрямую подключу».

И тут же лезут тебя переворачивать. А на вид ничего особенного. Только оболочки у них с Красной, но янгуанские не хуже.

«А теперь слышно?»

…вы кто такие, я вас спрашиваю?

«Мы-то — кто надо. Ты вот кто таков будешь? Михаил Панарин?»

Ага, так ты им и сказал. Хотя, с другой стороны, им тоже хватит мозгов сообразить, что других братушек на Европе негусто. Так что довольно отмазываться, ты уже и так спалился по полной.

Ну Михаил, ну Панарин. Отпускайте давайте!

Хмыкают, но блок не снимают.

Тут тебе остаётся только терпеливо ждать. Всё равно тебя скоро хватятся. А хотели бы убить, уж наверняка убили бы.

«Миша, слушай ещё раз, последняя попытка».

Звучит довольно угрожающе, если подумать. Только голос почему-то, ну, сочувствующий что ли.

«Минута. Квартет. Забрало. Орк. Подкастер».

Что он несёт?! И главное произносит так нарочито, с декламацией.

«Девятнадцать. Восемьдесят пять. Тангаж. Индигирка. Знамение. Отрок».

Судя по торжественности интонации, эта бредятина должна на тебя произвести какое-никакое драматическое впечатление. Но не производит, поскольку ты вообще не понимаешь, что это за ересь в канале.

Мужики, вы о чём вообще?

«Понятно».

Снова совещаются. Сказали бы уже по делу. Время-то идёт, и тебе почему-то остро не хочется, чтобы забеспокоившиеся спасатели из дежурной бригады застали тебя с этими «совещунами».

«Ладно, мы тебе сейчас вернём моторику, только чур не

дёргаться, всё равно далеко не убежишь».

Ха, далеко не убежишь. Нафига было подкрадываться так?

Теперь аккуратно — мало ли что там с твоей оболочкой — поднимайся на ноги. «Пиратов» четверо. И в руках у них какие-то неприятные на вид пукалки, пусть они сейчас ими в тебя не целятся, но всё равно хорошего мало.

Скажите по делу, чего вам надо от меня?

«Вообще это скорее тебе от нас чего-то должно быть надо. Но ты скажи, вообще ничего в башке не отдаётся?»

Что тут можно ответить, только головой в ответ покачать. Эти самые «пираты» походу знали о тебе больше, чем ты сам о себе знал.

«Получается, прошивка отошла».

В смысле, «отошла»? В каком конкретно месте «отошла» и куда, надеюсь, не в мир иной?

Эта дурацкая мысль пролетает у тебя в голове, как пуля у виска. Мгновения, мгновения.

«Ладно, время уходит, надо что-то решать. Миша, слушай сюда, ты должен был по плану сам выйти на связь, но так и не вышел, так что мы решили активировать запасной план».

Значит, был у них и основной, неплохо устроились.

«Ты не язви, а давай думать, как теперь быть».

«Да чего тут думать, забираем его с собой и шабаш».

Шабаш, да? А тебя, значит, не спросили.

«Что ты предлагаешь, оставить тебя ханьцам?»

Звучит как что-то очень неприятное, но у тебя по этому поводу своё мнение. Ханьцы ребята в массе своей простые, языкам не обученные, и вообще, если так посудить, бывают замечены в ксенофобии. Но контракт есть контракт, опять же, если ты на «Шугуан» не вернёшься, поднимается шум, крик, налетят «красножетонники» со стационара «Тяньхэ-6», что болтается сейчас на орбите Амальтеи, всё тут вверх дном перевернут, охрану по периметру поставят, оно вам надо?

«Не надо. Но если у тебя проблемы с прошивкой, мы ж не знаем, что с тобой сдеется на следующем витке или по возвращении».

А вот это уже, братушки, не ваше космачье дело. Давайте, я со своей башкой как-нибудь без всяких яких разберусь, самостоятельно.

«Чего ты злой-то такой?»

Нет, это ты ещё не злой. Злой ты будешь, когда вспомнишь, зачем эти орлы щипаные здесь вообще очутились, волынами тычут, работать мешают, по делу ничего не говорят, поди секретность у них.

Слушайте, уходили бы вы, соколики, своим путём.

«Миш, ты не обижайся, мы не можем с тобой в таком состоянии нормально коммуницировать. Спасибо скажи, что мы молча извлечение не начинаем, видишь, советуемся. С тобой, между прочим, советуемся!»

Тут бы тебе ещё больше разозлиться, но ты почему-то, наоборот, сразу успокаиваешься.

И правильно, соберись, истерики тут не помогут. Получается так, что у тебя в голове всё это время было нечто помимо бытовых и профессиональных вопросов, нечто важное для тебя и вот для них. Только было и было, а потом пропало, по твоей ли воле или чужой, но теперь-то как быть.

Давайте-ка возвращаем всё на исходную. Если «прошивка» эта самая вдруг сама вернётся, то и ладно, если же нет, придётся уже на Матушке разбираться.

«Хорошо, мы передадим по цепочке, чтобы на всякий пометили все твои ключи как скомпрометированные».

Погодите, это всё замечательно, но что тебе делать, когда контракт истечёт вместе с твоими накопленными зивертами, просто погружаться на рейсовый до Матушки, а там оно как-нибудь само?

Ты поворачиваешься к ним и ждёшь, пока снова они молча переговариваются. По их напряжённым позам ты понимаешь, что не так-то всё просто. И для них, и для тебя.

Подумать так, ты бы и сам не знал, как правильно поступить на их месте. Теперь ты не их человек, каким ты когда-то был. И пусть зовут тебя так же (что тоже не факт), но это больше ничего не значит.

Миша Панарин, свой в доску парень, трудится теперь на «Янгуан» дежурным гляциологом, колупается себе в местной криотектонике, слушает льды, работа важная, работа солидная и хорошо оплачиваемая. Вот только какое в новой жизни Миши Панарина может быть место для мутных «пиратов», невесть откуда здесь взявшихся и невесть куда теперь собирающиеся намылиться.

И какое им дело до тебя такого?

«Запоминай внимательно, сменщиком у тебя будет некий Ильмари Олссон, я хэзэ, кто таков, контактировать с ним не надо, разве что если ты вдруг самостоятельно вспомнишь на этот счёт какие-то подробности. Но всё-таки постарайся, дождись его прибытия, не покидай ретрактор до конца контракта».

Договорились.

Тебе только и остаётся, что наблюдать, как они сворачиваются.

Отлегло, стало быть, у братушек. По пластике движений видно, по разогнувшимся спинам. Это всегда приятно, когда с тебя снимают незавидное бремя вот так, за здорово живёшь лишить хорошего человека жизни. Да хоть бы и плохого.

«Глушилку» снимите, деятели.

Спохватившись, они возвращают тебя в эфир.

Ну, что, последняя проверка на вшивость?

«Дежурному персоналу — гляциолог Панарин. Зафиксированы временные перебои связи при проведении вэкадэ, как меня слышно?»

Ханьцы в ответ дежурно бормочут в канал, что, мол, нихао, Михаиэр, всё путём, возвращайся, раз такие дела.

Обернись, «пираты» уже смылись, словно никого и не было, а и правда, аврора на носу, надо успеть убраться с открытой поверхности, а как начнётся шторм, можно и свалить подальше, пока радары ослепли от канонады на всех частотах.

Нужно и тебе поскорее собираться.

Закинув в багажник ровера выпавший при падении керн, ты трогаешься с места.

А всё-таки удивительное дело человек, как он устроен. Ты этих четверых ещё сегодня с утра знать не знал. Да и сейчас, по сути своей, что тебе о них известно, кроме того, что они тебя по имени величают?

Да и имя-то, поди, ненастоящее. То есть спустились хрены с горы, устроили тебе допрос с пристрастием, нагородили ерунды, и такой им взял и поверил.

А всё странное, зыбкое ощущение, что видишь ты их не впервые, и будто бы за спиной у вас целая общая жизнь, только осталась она где-то далеко, так что и не вспомнить.

Пьянки на стапелях стационара «Фригг». Абордаж автоматических рудовозов, следующих через пояс Троянцев. Редкие по нынешним временам обычные человеческие похороны у куполов Цереры, в космосе тяжело отбросить коньки так ловко, чтобы тушка уцелела.

Неужели ты вспоминаешь? Но нет, всё равно пустота и звон в голове вместо мыслей.

Впрочем, не убили же, с чего бы тебе им не верить?

А вот тут погоди.

Как по команде ты останавливаешь ровер.

Как тебе только не пришло в голову сразу проверить.

Ты тянешься перчаткой подмышку, туда, где у твоей оболочки самая тонкая скорлупа и где её проще всего незаметно поддеть. Ведь ты бы и сам так поступил, а, Панарин?

Датчики давления послушно дрожат.

Так и есть, сифонит. И в баллонах уже всего две атмосферы, скоро начнёт нудить автоуведомитель.

Да, поспешил ты насчёт «не убили же». С другой стороны, а что им было делать? Надеяться, что ты очнёшься не на допросе у «красножетонников»? Довольно спорное предположение, если подумать.

И главное дали же тебе шанс, всё по честноку. Вспомнишь на обратном пути собственные методы, значит, не совсем пропащ, значит, контролируешь себя, значит, будет у тебя шанс.

Прекращай истерику. На вот, эпоксидкой замажь, чтобы дальше не травило.

И главное совсем на тоненького вышло. Ещё совсем немного, и не хватило бы давления на обратный ход. И самое главное не подкопаешься, не справился гляциолог с оборудованием, лупанул из пневматики по реголиту, порвал оболочку, пытаясь восстановить связь, не обратном пути отключился, там-то его и нашли, болезного, сразу после того, как аврора затихла. Светлая память ему, недотыкомке.

И главное никаких записей о том инциденте оболочка не сохранила, как удобно.

Никаких посторонних на площадке у буя. Никаких следов злонамеренных действий. Ай, молодца.

Боря Немчинов. Вот как зовут того братушку.

Ты вспоминаешь.

Как вспоминаешь и то, зачем с ним должен был пересечься.

Они вернутся, должны вернуться, хотя бы чтобы узнать о твоей судьбе.

Слезай, поглядывая на хронометр, с ровера, доставай из кармана заветный маяк. Ничего необычного, обычная «вешка», какими гляциологи площадку размечают при первичных промерах. Воткнул в лёд и пошёл дальше. Потом приборы сами её «бип-бип» прозвонят, можно даже не собирать, одноразовая вещь, пока батарейка не сядет.

На фоне воя и улюлюканья авроры заметить практически невозможно, если не знать, где искать. Но ты оставишь им знак — заметнее некуда. Твой так некстати застрявший в реголитовых обломках ровер. Оставь маяк и топай дальше по прямой к ретрактору. Вон башня «Шугуан» выглядиывает из-за горизонта.

Тут идти-то всего-ничего, главное, чтобы баллонов хватило.

Должно хватить.

Пересечёнка тут, конечно, неприятная. Ледяные обломки торчат на каждом шагу. Но ничего, ты приспособишься. Вот так с размаху, на ход ноги, прыжками вперёд, раз-два, раз-два.

У тебя полчаса времени. Должно хватить.

Но ты об этом не думай.

Подумай лучше о том, зачем тебе присылают сменщика, да ещё и вот такого, с которым не следует контактировать, как его там, Ильмари Олссон.

Вряд ли бы тебе назвали его имя, если бы это был хоть сколько-нибудь важный оперативник. Скорее всего это будет «слепыш», не как ты, который лишь до получения ключевого сигнала не подозревает о своём истинном назначении. Эти парни до самого конца не подозревают, зачем их инфильтруют, и даже тогда, когда заложенная в них поведенческая прошивка срабатывает, они продолжают думать, что это была их собственная воля, нисколько не сомневаясь в собственных действиях.

А ты, ты сам, чем лучше?

Боря Немчинов, братушка, существуешь ли ты на самом деле, или это имя — тоже очередной мираж?

Тебя отделяет от очередного приступа паранойи лишь явная избыточность всего происходящего. Если бы ты был «слепышом», то зачем все эти конспиративные игры? С тебя бы ободрали всю необходимую инфу, как кожуру с банана, да и отправили бы, довольного, в обратную. О чём бы ты тут же благополучно и забыл.

Так что перестань уже сомневаться и скачи себе дурным кенгуру по ледяным торосам Европы.

Хотя нет, перед тем, как сунуться в шлюз «Шугуан», тебе следует проделать ещё один фокус, на сегодня, так и быть, последний.

Ты вспомнил во время этого выхода слишком много, чтобы можно было безопасно соваться туда, где тебя, вполне возможно, уже поджидают «красножетонники». Из всех корпораций «большой дюжины» у «Янгуан Цзитуань» самая омерзительно-въедливая служба безопасности, и рисковать всей операцией ты, разумеется, не можешь.

Каковы шансы, что они заподозрили и вели тебя ещё с Матушки? И что над тобой сейчас не висит спутник наблюдения, чтобы как только ты ступишь на борт, сразу же и взять тебя, тёпленького, с кем это ты там общался под прикрытием сообщения о ложных неполадках? А?

Впрочем, это ничего не меняет. До начала авроры они к роверу сунуться не успеют, если же маяк не забрать, его прожарит уже через полчаса до состояния мёртвого кремния.

Что же до тебя, тут всё просто. То, что ещё недавно не помнил, нетрудно и снова забыть.

Повторяй:

Рис. Ксёндз. Арматура. Два.

До переходника остаётся полсотни метров.

Артемида. Кориолан. Рекурсия. Магнит. Тихоходка. Прокари…

XXII. 42. Навигатор

Корабль спал, как спал он последние пять сотен вахт.

Погружённый в тишину и полумрак дежурного освещения, он больше походил на мёртвый склеп древних богов, нежели на живой и действующий артефакт инженерного гения.

Впервые человечество сделало шаг за пределы собственного мира, это должно было стать триумфом, героической сагой, о которой среди потомков будут слагать легенды. Но в реальности подвиг обернулся рутиной. Рутина эта складывалась из тягостной череды минут, вахт, витков, лет, однообразных и будто бы бессмысленных.

Вот и сейчас, когда капитан Симидзу покидал свой пост, напоследок церемонно раскланявшись со сменщиком, его снедало чувство какой-то потерянной незавершённости. Как будто он, капитан Симидзу, должен был что-то сделать, совершить, исполнить. Не в эту, так в прошлую вахту. Но не сделал. И это беспокоило его куда сильнее мёртвой тишины служебных коридоров командного сектора.

Что он, маттаку, мог сделать? Зачем совершить? Как исполнить?

Их корабль, чудо техники от первого до последнего сварного шва, от первой до последней строчки кода, был чудом. Но чудеса никому не интересны сами по себе, у них должна быть цель, и цель эта должна быть исполнена.

Неужели такой целью было лишь единственно факт самого их межзвёздного путешествия?

Для капитана Симидзу подобное предположение оставалось

непостижимо противоречивым, граничащим с безумием. Казалось, самая эта мысль потихоньку сводит его с ума, сколько уже можно биться головой об эту переборку? Она непроницаема, как скорлупа их корабля, сколько ни стучись, с той стороны не уступят, не откроют.

Да там собственно и нет никого.

Не то чтобы капитан Симидзу так уж остро нуждался в собеседниках. В его распоряжении были две сменных бригады командного состава, не считая его собственных подчинённых, но вот уже сколько лет длится их полёт, и капитан Симидзу накрепко для себя уяснил, что некоторые вопросы лучше держать при себе, дабы не пошатнуть авторитет командира. Капитан, расхаживающий по мостику, занятый не вопросами управления, но философскими притчами, может быть не понят, в свободное же время экипаж резонно занимался собственными бытовыми вопросами, и в его, капитана Симидзу, обществе нуждался в последнюю очередь.

Да, капитан был одинок на своём корабле.

Известной отдушиной были занятия спортом в рекреационном секторе, именно туда капитан сейчас и направлялся.

Поддержание себя в уверенной физической форме — одно из необходимых условий успешного исполнения своих обязанностей командира, твердили им ещё в военной академии Суйрю, где атлетические виды спорта ставились во главу угла не только на младших курсах, но и при подготовке к выпускным экзаменам наряду с обучением тактике космического боя или освоением высочайших достижений стратегического искусства с древности по современность.

Капитан Симидзу, тогда ещё обучающийся кандидат космических войск, воспринимал все эти физкультурные штудии скорее как дань традиции, но со временем понял, насколько важно блюсти своё тело наряду с разумом, и теперь, застряв в полусотне световых лет от Матушки, с радостью пользовался комфортом их огромного корабля, позволявшего содержать на борту целый спортивные комплекс, включающим даже такую экзотику как бассейны с противотоком, сквош-площадки и прочие невероятные вещи, которые за пределами естественных гравитационных колодцев можно было встретить разве что на самых гигантских из построенных корпорациями космических стационаров.

Но даже и те, пусть обладая по причине собственного вращения инерционной подделкой силы тяжести, не могли себе позволить и десятой доли всего, что было в достатке на их

корабле, уникальном ещё и тем, что обладал полноценным эмиттером гравитационного поля.

Проектируя его уже на ранних этапах, инженеры вряд ли были осведомлены, как надолго экипажу придётся застрять на его борту, но сделали свою работу, и вот они здесь. Двадцать семь лет объективного времени прошло с момента их старта на Матушке. Двадцать семь лет забвения. Двадцать семь лет неизвестности в пустоте пространства.

Никакой рекреационный сектор, даже такой изумительно продуманный, не мог бы стать компенсацией стольких лет, потраченных впустую.

Но он, разумеется, мог успешно исполнять свою функцию: редкого на полупустом корабле общественного пространства, где можно было в полном одиночества спокойно обдумать вопрос, что тебя тревожили.

Капитан Симидзу желчно хмыкнул. Никакой корабль, тем более космический, тем более — единственный в своём роде корабль, созданный человеком для осуществления межзвёздного перелёта, не мог быть спроектирован таким безлюдным. Какими бы огромными не были машинные отделения и силовые агрегаты, каждый его закуток был столь фантастически дорог в проектировании и тем более производстве, что разумеется, всё тут делалось с расчётом на многофункциональность и максимальную плотность компоновки. Камбузы вмещали максимум одну максимальную смену экипажа, биологические капсулы, заменявшие спящим каюты, были упакованы по гексагональной схеме, транспортные узлы между секторами были узкими и змеились в утробе небесного левиафана так, чтобы занимать минимум пространства. В волшебные бассейны, согласно плану, запись должна была вестись за полгода.

Но в реальности всё оказалось не так.

Последний раз, когда капитан Симидзу видел всю свою смену вживе и на боевых постах, была крайняя вахта перед первым прыжком. Капитан смутно помнил то дежурство. Корабль прошёл орбиту Хаумеа и на скорости в триста километров в секунду продолжал удаляться прочь из Сол-систем. Когда был выставлен окончательный курс, всех, кроме Соратников, уложили в гибернацию, с тех пор та былая предпрыжковая толчея и суета больше не повторялась.

Очнувшись на свою первую вахту во Внешнем космосе, капитан Симидзу оказался наедине с минимальным количеством дежурных на мостике.

Зачем они брали с собой эти три тысячи живых душ экипажа, если просыпалось с тех пор из них едва ли десятая часть, причём

одновременно на борту бодрствовало не более сотни человек — энергетики, пилоты, операторы авторемонтных ботов и дронов дальней разведки.

Ну, и разумеется, пребывали в сознании сам Ромул с Соратниками.

С тех пор капитан Симидзу неоднократно проверял штатное расписание, но выводы его оставались прежними — экспедиция по своему личному составу не предполагала никаких планетарных исследований. Среди тех, кто оказался на борту, не было биологов, геологов или других специалистов, пригодных для планетографических исследований. Даже астрофизиков было всего трое, впрочем, никто из них ни разу не пробуждался.

То есть суть их миссии будто бы состояла в том, чтобы провести тестовый прыжок, убедиться в том, что все системы работают штатно, и вернуться обратно.

Можно было предположить, что обилие достаточно однотипного лётного персонала из пилотов и инженеров требовалось на случай, если бы прыжок оказался не успешен, и полученные на выходе из «заморозки» повреждения потребовали для собственного устранения массы рабочих рук.

Так это или не так, капитану Симидзу ни разу не приходило в голову спросить напрямую, поскольку он разумно предполагал, что подобная информация, в случае необходимости, была бы незамедлительно донесена до управляющей цепочки корабля, а раз это сделано не было — значит, для должного исполнения обязанностей экипажа предоставление этих сведений были не обязательно.

В конце концов, Ромул был неоспоримым лидером Корпорации, и его инженерному и управленческому гению было принято всецело доверять. То же касается и Соратников.

А раз так, маттаку — руки по швам, кругом, выполнять!

Они и выполняли. Первая «разморозка», судя по отчётам, прошла гладко. Сначала «холодный» реактор на свободно делящихся материалах дал ток в первичные системы, потом запустились контрольные модули фузионных контуров, они штатно отработали пробуждение вторичных систем корабля, началось пробуждение дежурной смены экипажа.

Не всё, конечно, прошло гладко, персональные капсулы массово алармировали о неполадках, и людей в них оставляли в криостазисе до возвращения в Сол-систем, не рискуя начать процедуру пробуждения.

Капитан Симидзу заглянул как-то в одну из таких капсул. Человек внутри был похож на собственную бледную голограмму в толще чуть светящейся гелевой массы, впрочем, он ничем не

выделялся в длинном ряду собственных собратьев, которые ещё не прозванивали для старта реанимационных процедур. Был ли у этого человека шанс проснуться или нет, на борту не знал никто.

Одной из таких «прерванных» капсул, как слышал капитан Симидзу, стала и капсула одного из Соратников. Поскольку их разбудили сразу всех, это было очевидным арифметическим фактом. В этом смысле они были равны с остальным экипажем.

Первое ощущение, которое сам капитан Симидзу помнил с момента собственного пробуждения, был тянущий холод во всём теле, будто он пролежал в заморозке не неделю, а долгие и долгие столетия, успев намертво смёрзнуться с монотредной сталью корпуса корабля.

С тех пор он полюбил горячую воду. Горячую настолько, чтобы при погружении в пайпу обжигало кожу. Вот и сейчас, направляясь в рекреационный сектор, он думал только о том, чтобы вновь утонуть в этих жарких объятиях, на некоторое время позабыв о ледяных объятиях космоса.

Но в первые дни после прыжка они думали лишь о том, что будет дальше, дежурные смены были погружены в эйфорию покорителей звёздного фронтира — расчётные 19,7 световых лет дались первому земному кораблю за пределами Сол-систем без боя, все его системы работали, как часы, а итоговое позиционирование едва ли на пару тиков отстояло от заложенного в курсовую программу.

Успех был несомненным. Долгие годы, целые десятилетия труда по тайному возведению главного детища Корпорации были не напрасны.

Теперь им предстояло просчитать обратный курс и вернуться победителями, попутно проведя наблюдения за Галактикой с нового ракурса — впервые астрономическим инструментам был предоставлен столь серьёзный параллакс поперёк галактической орбиты Сол-систем.

Они вели записи, следили за тем, как растёт энергетический запас накопителей, но в целом экипаж со временем начал думать лишь о возвращении. Пребывание в системе 82 Эридана с её тремя планетами давало богатую пищу для ума и было прекрасным источником работы для рук — три витка вокруг её звезды, жёлтого карлика, пролетели в пёстрой веренице дежурств. К планетам системы отправлялись дроны, копились для дальнейшей обработки данные с телескопов во всевозможных диапазонах спектров. Но остальной экипаж всё так же спал, когда же команда на размыкание накопителей всё-таки поступила от Ромула дежурной бригаде, только тут стало понятно, что их путешествие на этом даже и близко не было завершено.

Вектор второго прыжка упирался прочь в пустоту пространства, всё дальше от далёкой Матушки.

С тех пор там минуло 24 объективных года, для капитана же Симидзу — семь субъективных лет вне криокамеры, корабль за это время совершил ещё четыре прыжка. И вот уже шесть лет они кружатся вокруг безымянной звёздной системы, в которой даже не было планет, кружатся и… ждут.

Капитан Симидзу поймал себя на том, что тоже чего-то ждёт, стоя посреди галереи, связывающей контрольный и рекреационный сектора. Ему слепил глаза тщательно воспроизводимый голо-панелями стен бело-голубой свет местного светила, оставляя на дне сетчатки разноцветные пятна, но капитан не спешил отвернуться. Ночь, за невидимой границей проекции царила вечная ночь, а это солнце было просто одной из звёзд на небе, самой яркой, но такой же безразлично-далёкой. Таким же, если вспомнить, смотрелся солнечный свет из системы Юпитера, но там его сопровождала бурая громада Папы, тут же… тут царило бессменное бессмысленное недвижимое ничто.

Отвернувшись, капитан вздохнул и двинулся дальше. Коно кичигай.

В рекреационном секторе было как-то особенно тихо, что ж, по корабельному времени было четыре утра, да и сколько сейчас того экипажа. С каждым прыжком количество сигнализировавших о сбое капсул росло, и постепенно план Ромула становился понятнее. И по части излишнего запаса в списочном составе, и по части истинных целей экспедиции.

Не самый полёт, и не новое знание, как предполагалось изначально.

Только лишь ради этого тратить столь чудовищные ресурсы, да ещё и покидать Матушку на столько лет, оставляя Корпорацию без верхушки управления, рискуя по сути всем, но ради чего? За этим полётом стояло что-то иное, о чём капитан Симидзу мог только догадываться.

Вот и довольно. Ему следует отправиться сейчас в залы для сквоша и вволю попотеть там во время тренировки, после чего его ждали вожделенная пайпа и прописанный медицинскими программами сон. А лимит на досужие мысли капитан Симидзу на сегодня исчерпал.

Вот и нужная переборка.

Аккуратно сложив форму пилота в свободный шкафчик и переодевшись в тренировочные шорты и тенниску, капитан сунулся в ближайший бокс, но там было занято. Забавно, сквош среди экипажа ценили совсем немногие, предпочитая баскетбол, кто это у нас присоседился?

Капитан не узнавал со спины играющего, но невольно залюбовался, как он ловко использует заведомо предсказуемый стиль игры робот-тренера. Тот хоть и был установлен на максимальную скорость реакции и сложность подач, всё равно оставался для человека как будто такой дополнительной частью общего устройства корта. Просто ещё одной невидимой, пусть и очень юркой стеной, отскоки от которой были не более непредсказуемыми, чем от неподвижной поверхности сайдволла.

Игрок двигался с ленивой грацией опытного жонглёра, методично подбрасывающего вверх мяч и не глядя ловящего его снова. Ни единого лишнего напряжения мышц, ни малейшей суеты в передвижении, выверенные, размашистые движения ракеткой, если не знать, как предательски сложны на корабле градиенты искусственной силы тяжести, можно подумать, что всё происходит посреди Босваша на бесконечно далёкой Матушке.

Капитан Симизду покосился на счетчик отскоков, там тикало какое-то неприличное трёхзначное число. Маттаку. Бедолага робот, над ним попросту потешались, игрок явно мог заставить того увести мяч в аут первым же ударом. Он смог бы лучше контролировать мяч, разве что непосредственно держа его в собственной руке.

Айцу, вот ведь наловчился.

Ладно, не будем мешать, тут явно не наш уровень, чтобы проситься в пару.

— Капитан Симидзу, погодите!

Остановившись в проёме раскрывшихся створок люка, капитан обернулся.

Чтобы тут же склониться перед говорившим в почтительном полупоклоне.

Симатта. Как он мог не узнать.

Перед ним, слегка пританцовывая по инерции, стоял Майкл Кнехт, Соратник Улисс собственной персоной.

— Присоединитесь ко мне?

Капитан с достоинством выпрямился, коротко кивнул.

— Конечно, Соратник, почту за честь.

И вышел на позицию, махнув роботу удалиться, затем машинально выбрал мяч — две жёлтые, как обычно.

Дальше же были его пятнадцать минут позора.

Если на взгляд со стороны его соперник просто ловко орудовал ракеткой, не особо напрягаясь и в общем-то играючи отводя любые попытки сбить себя с ритма, то теперь капитан Симидзу почувствовал, насколько опытной рукой направлялись эти удары.

Будто не ракетка била по мячу, а мяч сам собой точнейшим

образом рикошетил там, так и туда, как ему было предначертано. Никакие перепады гравитации, микроскопические неровности поверхностей или разнообразие натяжений лески не могли сказаться на результатах расчётов — экономное движение кисти, и мяч уже отправлен навстречу свей судьбе.

Капитан Симидзу изо всех сил пытался вмешаться в железный механизм, с которым ему поневоле пришлось столкнуться, сделать хоть что-нибудь не по написанным чужой рукой правилам, но любые его попытки вывести свою игру в атакующий режим, хоть как-то нарушить план партнёра по площадке, приводили лишь к одному заранее очевидному результату. Следующий удар в ответ становился ещё чуть более точным, ещё чуть более изощрённым.

Как будто так могло продолжаться вечно.

В конце концов капитан Симидзу упёрся в предел собственных возможностей. Его связки ныли, лёгкие отчаянно трудились, а в голове потихоньку начинало плыть.

Теперь у него уже не оставалось сил на собственные планы, вся его стратегия на партию простиралась не далее следующего удара, а всё умение уходило лишь на то, чтобы послать мяч не в аут.

Или не потянуть себе связки.

Или, маттаку, попросту не упасть.

В конце концов, красный, взмыленный, хрипящий, он сдался.

Маитта наа. Зря он выбрал две жёлтые. Самомнение своё надо держать в узде, капитан.

Всего одно очко позади, а партия уже была проиграна.

Капитан Симидзу как мог успокоил дыхание, после чего, поклонившись, покорно признал поражение.

— Это было поучительно, Советник.

— Капитан, я не хотел вас уязвить, оставайтесь, поиграем в паре с железками.

— Нет уж, увольте, мне и так довольно на сегодня позора. Где вы так научились двигаться? Хотя дайте угадаю, капоэйра?

Соратник неопределённо пожал плечами.

— И капоэйра тоже.

— Но я же знаю, у вас нет никакой аугментации, как и у Ромула.

— Полагаю, хотя бы в этом слухи не врут.

— В таком случае я могу только восхититься вашими физическими возможностями. Сколько вы занимаетесь сквошем? Хотя нет, не говорите, мне и так стыдно за своё самомнение, зря я вообще вам помешал.

— Ни в коем случае не помешали, капитан. Это вы мне

сделали одолжение, а то роботы это скучно. С живым человеком куда интереснее.

Айцу. Капитан Симидзу в ответ коротко кивнул, мол, не благодарите, но в следующий раз — ни-ни.

— Тем более, я заметил при вашем появлении, вас явно что-то беспокоит, а если командир дежурной смены покидает рубку в сомнениях, мне кажется, было бы не лишним выяснить, какова причина этих сомнений и в чём они состоят. Если вы не настроены продолжить партию, быть может, я могу предложить вам бокал освежающего коктейля, дайте угадаю, зелёное яблоко и сельдерей?

Капитан хмыкнул, но согласился. С угадалками у Соратника тоже выходило неплохо. С другой стороны, на борту корабля со временем разнообразие хоть сколько-нибудь съедобной пиши становилось всё скромнее, так что угадать в реальности было несложно.

Уселись тут же, у раздатчика, Соратник — без видимых эмоций поглощая зелёную бурду, капитан — снова нахмурившись и сделав лишь единственный вежливый глоток. Кажется, ему всё-таки слегка свело левую икру во время этой бездарно проигранной партии.

— Итак, капитан, что беспокоит экипаж?

— Не буду выражать мнение за всех моих коллег, но меня действительно кое-что беспокоит, Соратник. Мы приближаемся к четвёртому витку, но я по-прежнему не понимаю, что мы делаем в этой системе.

Соратник Улисс в ответ приподнял бровь в недоумении.

— Мы прибыли сюда как исследователи. Наша миссия — не только достигнуть чужих звёздных систем, но и собрать всю доступную информацию для грядущих поколений астронавтов. В чём ещё может состоять цель межзвёздной экспедиции?

— Нисколько не сомневаюсь в ваших словах, Соратник, но поймите меня правильно, если мы исследователи — почему на борту такое ничтожное количество собственно учёных, зато огромный запас сменных экипажей, большая часть которых продолжает лежать в криостазисе с самого первого прыжка.

— Тут, наверное, я кого-то огорчу, капитан, но сам статус тестового полёта нас обязывает. Мы с вами — покорители фронтира, мы вместе совершили прыжок в неизведанное, прыжок рискованный, невероятно опасный, разумеется, мы обязаны были минимизировать возможные потери, по этой же причине мы отбирали для подготовки этой миссии исключительно добровольцев.

Капитан Симидзу слушал Соратника и со всем соглашался.

Да, это тестовый полёт, главный предмет их исследований — не эта звёздная система, но сам корабль, работоспособность его систем, риски для экипажа, это впоследствии будут настоящие исследовательские миссии в совсем ином составе, а почему людей так много — так вы же сами видите, капитан Симидзу, сколько персональных капсул уже горят красными огнями, этот феномен тоже подлежит первоочередному исследованию, и увы, на каждом следующем прыжке мы рискуем потерять ещё больше наших товарищей, среди них и мы, Соратники…

Капитан словно заранее слышал всю эту цепочку рассуждений, и они были невероятно точны в своей логичной неопровержимости. Коно кичигай. Это вновь разыгрывалась как будто та самая партия, в котором стоило мячу попасть под удар ракетки Соратника Улисса, как он сразу же полностью брал его под полный контроль, заранее зная, чем всё кончится.

И тут капитан Симидзу ощутил острую вспышку гнева. Это было несправедливо. В Корпорации не принято было вертеть своими людьми, как марионетками. Здесь все трудились ради всеобщего будущего, и чувство локтя для них всегда было важнее формального следования планам и инструкциям. Коно кичигай, он и правда в это верил!

— Вас всё ещё что-то смущает, капитан?

И потому обязан был попробовать.

— Мне кажется, что если бы дело было только в тестовых прыжках и достаточном запасе специалистов для обслуживания корабля, то мы бы не стали забираться так далеко. Прыжок туда, прыжок обратно, что может быть проще.

Соратник собрался было на это ответить, но капитан его перебил:

— Погодите, это всё мне известно. Да, второй прыжок мы должны были сделать по касательной, потому что узел прото-туманности из-за двадцатилетнего лага во времени сместился и закрыл от нас экспозицию Сол-систем, а потом вторичные накопители пришлось гасить на техобслуживание и уходить в короткий вторичный прыжок, в конце концов, есть принятая программа тестов излучателя и наше текущее позиционирование в Галактике в ничуть не хуже для наших исследовательских целей, чем любое другое, но поймите меня правильно, не только я, но и мои коллеги по экипажу чувствуют, что мы здесь торчим на только для этого.

— А для чего же?

Маттаку айцу. Но капитан отступать не собирался:

— Мы считаем, что у нашей миссии есть иная, помимо официально декларируемых, цель, и нам её не афишируют, если

не сказать, что от нас её скрывают.

— Чайник Рассела.

— Что, простите?

— Математик Бертран Рассел в 1952 году опубликовал статью под интригующим названием «Существует ли бог?», в которой рассуждал, мол, утверждение, что между орбитами Марса и Юпитера вращается фарфоровый чайник, невидимый для телескопов, невозможно опровергнуть. Вы только что сказали, что у нашей миссии есть иная цель, но она столь секретна, что о ней не знает ровным счётом никто на корабле, кроме, может быть меня, Ромула и остальных Соратников. Всё верно?

Капитан смущённо кивнул.

— Это и есть чайник Рассела. Своими сомнениями вы как бы просите меня прямо сейчас убедить вас, что чайника не существует. Но если он и правда не существует, я даже при всём желании не смогу вам опровергнуть его существование, если же наша истинная миссия столь секретна, что я не могу вам её сообщить даже при условии установки поверх неё церебрального блока, то как же я вам её могу сообщить, подумайте.

Капитан насупился и не стал отвечать.

— Ещё интереснее. Представьте на секундочку, что вы мне уже задавали этот вопрос на этом самом месте, и я вам честно ответил, рассказал всё, от «а» до «я», разложил, так сказать, по полочкам, а потом, с вашего же согласия, надел вам этот самый церебральный блок до момента возвращения из экспедиции.

Внутри у капитана Симидзу отчаянно похолодело. Нани ситэру но.

— Так и было?

Соратник пожал плечами.

— Вы в любом случае не в состоянии этого узнать. В подобной гипотетической ситуации, если даже я вам снова расскажу, вы тут же всё забудете. Даже собственно наличие следов церебрального блока в ваших мозгах ничего не доказывает — как и у всякого, кто работает с Корпорацией, у вас их наверняка найдётся несколько. Так что, увы, это тупик.

Повисла тягостная тишина.

— Значит, не способов мне узнать, что же такого необыкновенного в этой звёздной системе, и чего мы тут ждём.

— И тем не менее, в каком-то смысле правильный ответ вам прекрасно известен, зря вы так огорчаетесь.

Капитан молча ждал подробностей.

— Эта система действительно не представляет собой никакого интереса. В ближайшем окружении Сол-систем вообще нет ничего занимательного. Да, пара планет в зоне обитаемости,

совершенно, впрочем, совершенно безжизненных. Сами звёзды тоже не выдающиеся — если бы не это обстоятельство, какая-нибудь залётная звезда Вольфа — Райе уже миллиарды лет назад сожгла бы наших одноклеточных предков во вспышке сверхновой. По сути, нам нечего тут исследовать, во всяком случае такого, что бы нельзя было разглядеть в орбитальные телескопы.

— Так чего же мы здесь ждём? — не выдержал паузы капитан Симидзу.

Соратник в ответ улыбнулся какой-то неожиданно мягкой усталой улыбкой, которую ни за что не ожидаешь от человека его могущества.

— Очень верный вопрос. И главное — верный выбран глагол. Мы здесь именно ждём. Сначала мы ждали результатов тестирования систем корабля, потом мы ждали, когда автоматические станции соберут все необходимые сведения об этой системе, за это время мы дважды давали шок на разрядники, уходя на следующий виток. Однако всё это время мы ждали иного события, и поверьте мне, ожидание это для нас с Ромулом было куда тягостней вашего, поскольку мы в точности знали, чего ждём. Скажу лишь, что теперь наше ожидание окончено.

Капитан от неожиданности чуть не потерял лицо. Маттаку айцу.

— Соратник Улисс, вы смеётесь надо мной?

— Нисколько, сегодня было принято решение, что дальше ждать нельзя.

— В… в каком смысле? — опешил капитан.

— В начале следующей вахты будет объявлена команда экипажу начинать подготовку к разгону и выходу на прыжок.

Вот это новости.

— И вы вот так спокойно мне это сообщаете, никаких церебральных блоков?

— Ничего, я думаю, вы-то, капитан, слухи раньше времени распространять не станете.

— Но погодите, что же изменилось? Почему мы ждали три витка, ничего не происходило…

— …а потом время ожидания истекло.

— И что же, мы теперь снова, двадцать семь лет домой?

— Ни в коем случае, нас ждут, и нам придётся поторопиться.

— Но схема прыжков…

Тут лицо Соратника вновь стало каменным, будто разом потеряв всякую былую эмпатию. Коно кичигай, можно было и самому догадаться.

— Уже рассчитана. Мы пойдём по прямой, два прыжка на максимальном заряде.

Капитан Симидзу в приступе недоумения даже головой принялся трясти.

— Но по прямой даже на максимальной тяге нам не хватит порядка ста килотиков до гелиопаузы. К тому же, если я правильно помню карту ближайшего скопления, ни одной полноценной звёздной системы на нашем пути не будет.

— Всё верно, там будет небольшой бурый карлик, но этого достаточно, чтобы замкнуть на него накопители. К сожалению, у нас нет иного выхода. По сути, мы прыгаем в свободную зону, на максимальном ходу продолжаем движение в течение года, прыгаем снова, по выходу из прыжка ещё два года по инерции движемся до границ Сол-систем.

Ясно.

Свободный ход вне защитных пузырей звёздного ветра, где никакой внешней брони не хватит, чтобы спасти экипаж от радиационных ожогов. Пространство, заполненное исключительно высокоэнергетическими частицами из ядра Галактики и ещё более мощным излучением из-за её пределов, они тщательно избегали его по дороге сюда, но теперь окончательно становилось понятно, зачем кораблю такой избыток экипажа. Нани ситэру но.

— Принято, Соратник, разрешите приступить к отбою?

Капитан показушно вытянулся во фрунт.

— Вольно, капитан. Но напоследок послушайте ещё одну мысль. Я обещаю вам, что вы в точности узнаете, чего мы ждали все эти годы. Более того, об этом узнает всё человечество.

— Но время ещё не настало.

— Не настало. И будьте уверены, в тот миг, когда вы поймёте, что именно от вас все эти годы скрывали, вам захочется вернуться в этот день и спросить себя, так ли сильно вы хотели знать правду. И я бы не взялся сейчас угадать, какая точка зрения у вас в итоге перевесит.

На этом они расстались.

Капитан Симидзу брёл по пустым галереям корабля и размышлял над последними словами Соратника Улисса. В них не было никакого смысла, как можно не хотеть что-то знать, да ещё и столь, надо думать, важное. Какой смысл в подобном слепом неведении?

Ответа, впрочем, у него не находилось.

XXII. 53. Писарь

Стэнли старался не поднимать лица. Стоило ему на секунду забыться и бросить взгляд в это зияющее ничто, как в голове словно что-то сжималось, а картинка перед глазами начинала отплясывать предательские кренделя.

Что он вообще тут забыл?

Интервеб после ухода «Сайриуса» не сразу стал таким. Одно время тут ещё продолжали спокойно резвиться на аренах вольные песняры, а Папа Док ещё вещал долгими ночами с кафедры свои завиральные вирши про «Лолиту как зеркало киберпанковской революции». Те времена давно минули, и разве что Стэнли помнил, как это было. Ярко, азартно, смело. Но без грозной силы Корпорации её детище было обречено на упадок и небрежение. Как только Ромул с Соратниками покинули орбиту Красной, случилось то, что должно было случиться. «Красножетонники» всех мастей слаженно принялись методично прессовать каждого, кто посмел хотя бы иносказательно упомянуть интервеб.

Это слово должно быть истёрто из памяти. Его не должно было существовать.

Стэнли изначально потешался над происходящим. Эдак вы ничего не добьётесь, если полвека попыток элиминировать код интервеба из недр корпоративных датацентров, казалось бы, полностью подконтрольных собственным администраторам, завершились ничем, то чего вы добьётесь, таская по бессмысленным допросам рандомных анонимусов из бронзовой лиги?

Как же он был не прав.

Люди исчезали буквально на глазах. Ещё вчера по расписанным вдоль и поперёк наскальной живописью улочкам бродили праздные толпы в поисках увеселений и пиршеств для

ума, сегодня некогда полноводная река стала иссякать, яркие порталы интервеба в корпоративных сетях принялись стараться проскочить как можно незаметнее, а потом и вовсе начали шарахаться от них, как от киберчумы, как раз, будто бы нарочно, бесконтрольно бушевавшей в нетях.

На киберчуму тоже грешили, что это так хитроумные «белые» решили прищучить приучившийся к вседозволенности народишко.

Стэнли думал даже, что саму эту болезнь выдумали — дешёвый приём вирусного маркетинга, скажи? Но сказать однажды стало некому.

Интервеб опустел, его имаджборды ослепли, а арены и цирки с неминуемостью самого времени начало заносить песком неминуемого забытья.

По воле Хранителей Стэнли некогда пришёл сюда, в мир мимолётных радостей и недолгой памяти, чтобы сохранить всё то, что стоило сохранить. И вот теперь он оставался чуть ли не последним свидетелем случившейся здесь катастрофы.

Что же до киберчумы, однажды ему довелось побывать там, где даже его твёрдая память пасовала перед непостижимым.

Гекатомбы завёрнутых в серебристую непроницаемую фольгу покуда ещё живых трупов, разрывающих эфир белым шумом собственного небытия. Только тут Стэнли понял, что корпорации не были в состоянии использовать подобное оружие в собственных целях. Более того, будь для того малейшая возможность, «желтожетонники» наверняка предприняли бы все усилия, чтобы остановить киберчуму.

Увы, они не только не были способны на подобное, им даже не хватило ума понять, что послужило спусковым крючком необъяснимой эпидемии.

Да, она добила интервеб. Но нет, она бушевала не только там, она была повсюду, пролившись однажды и за пределы сетей.

Стэнли видел собственными живыми глазами, как бьётся на полу в конвульсиях человек, как чернеет его лицо, покуда скрюченные пальцы с мясом вырывают из глазниц дешёвые зрительные имплантаты с речного рынка.

О, корпорации пытались этим воспользоваться, по привычке пропагандируя «потребляй у своих». Мол, линзы «Сейко» или микромаршрутизаторы «Джи-И» помогут вам не получить приступ посреди дэйли-стэндапа. Когда прямо во время совещания в падучей забился один из супердиректоров «Групо Карсо», все поняли, что шутки кончились.

Стэнли же по привычке спрятался в уютном запустении интервеба, благополучно дожидаясь там возвращения «Сайриуса»,

ибо на него были все надежды. Вернутся Хранители, Стэнли снова станет их глазами и ушами. Лучше бы они не возвращались вовсе.

Скрипнув зубами, одинокий путник махнул рукой в сторону развалин Колизея. К чёрту воспоминания, к чёрту былые радости и мечты.

Если бы он тогда смог догадаться, симптомом чего была киберчума, он бы с удовольствием променял все былые знания на блаженное неведение. Да, несведущим страшно от их незнания, но куда страшнее — единожды узревшим неизбежность того, что тебе предстоит пережить.

Здесь налево. Налево и вверх по холму. Смешно. В интервебе не было никакого «вверх», это простая иллюзия, игра света и тени, шарада архитектора, который задумал и спроектировал это место так, что как не иди, тебе будет казаться, что ты с каждым шагом куда-то восходишь.

Стэнли был знаком с тем архитектором. Его Волосейшество-и-Грубейшество мастер Принцип были преизрядным искусником. Чувак умер не своей смертью, говорят, бросился с тупым столовым ножом на «красножетонника» в броне. Царство ему поднебесное.

Что его сподвигло на подобные подвиги в реале, кто знает. Может, чёрная весть Знамения, что принесли человечеству вернувшиеся Соратники, хотя вряд ли он отнёсся к нему серьёзно. Вуаль смерти, покрывающая по квадратам Сол-систем, эка невидаль, мало ли какие сумасшедшие уверовали в сто-очередной конец света. Сколько тех концов венчали своё в виртреалиях больших и малых театров? И не счесть.

Не было то и знамением подступившей к архитектору киберчумы, она приступы агрессии не вызывала.

Скорее всего мастер острее других чувствовал то, что другие переживали разве что в кошмарных снах, где собственные руки душили и душили тебя, пока ты не просыпался в холодном поту среди ночи.

Так приближалось неминуемое.

И то, о чём Стэнли знал из первых рук — кажется, после одного тягостного разговора с Ильмари — проявлялось для всей остальной Матушки. Миллиарды душ день за днём видят один и тот же кошмар, изнемогая в попытках избавиться от наваждения. Кто-то решался со всем покончить, кто-то, как мастер Принцип, действовали иначе.

Холм, на который поднимался сейчас Стэнли, и был этим действием. Не та суицидальная глупость, нет. Се был лишь мастерский росчерк, последняя подпись автора на холсте собственной жизни. Но сам мастерпис состоял не в банальной

акции неповиновения системе, пусть и прерванной очередью от бедра.

Нет, мастер Принцип сперва сделал то, что оставит его имя в веках.

Пускай никто, кроме Стэнли, его никогда и не увидит.

Одного Стэнли достаточно.

Его памяти.

Его злости.

Поднявшись на холм, Стэнли обернулся.

Над руинами Колизея, над аренами и цирками, над обглоданным временем Большим гоночным треком всё так же нависала тяжесть Колосса.

Колени сами собой подогнулись, настолько острые чувства порождала в нём статуя.

Только так, распростёршись ниц в униженной позе, Стэнли был способен на этом месте справиться с чувствами. Что может быть глупее — чувак, заливающийся слезами в виртстьюте. Однажды его так коротнёт до смерти. Впрочем, ему было плевать.

Даже не глядя ввысь, он помнил каждую мраморную складочку на теле Колосса.

При всех масштабах статуи, она была исполнена донельзя грубо, будто скульптор только начал над ней работу, отойдя буквально на минуту и грозя спустя мгновение вернуться. На поверхности мокрой глины до сих пор остались случайные борозды от его грубых ладоней. Пропорции нависающей над градом и миром не слишком антропоморфной и почти бесполой фигуры — в ней слегка угадывались женские черты в некоторое округлости бёдер и едва намеченных сосках груди — не выглядели хоть сколько-нибудь совершенными. Отпечатанные папиллярными линиями пальцы художника ещё не завершили свой труд, они ещё должны были работать… увы, Стэнли знал, что некому было отважиться на подобное кощунство — завершить то, что не было завершено.

Эта песня была прервана на высокой ноте, но прервана была задолго до коды.

И в этом также была своя задумка автора. Колосс не был исполнен символом природного совершенства. То, что олицетворяла статуя, не было ни совершенным, ни природным. Ни его существование, ни его безвременная кончина.

Колосс печально глядел в пустые небеса интервеба безглазым своим лицом, отнеся левую руку чуть назад в загораживающем жесте, правой же гигантская фигура хваталась за вонзившийся ей в грудь предательский кинжал.

Стэнли мог только догадываться, благодаря каким

анатомическим буграм мышц статуя создавала подобное ощущение у зрителя, но по ней с первого же взгляда становилось понятно, что Колосс изображал отнюдь не сцену благородного суицида во имя защиты тех, кто остался позади. Несмотря на исступлённую жертвенность, усматриваемую в изгибе этих плеч и подъёме головы, зрителям была явлена финальная сцена именно убийства. Если хотите, ритуального жертвоприношения.

Фигура Колосса не желала такой смерти, она и понятия-то такого «смерть» не знала, умирали другие, но не она. Но заклание состоялось, клинок был обнажён и, придя в движение, завершил начатое. Колосс замер в момент осознания тягчайшего из предательств, осознания вящей неспособности что-либо исправить или повернуть вспять, осталось сделать так, чтобы тот, кто узрит эту жертву, тотчас осознал, во имя чего она состоялась.

Стэнли поднялся на ноги и тотчас поспешил отвернуться.

Ромул вернулся из своего похода незримой тенью. За него глаголило Знамение, за него действовали Соратники, тотчас принявшиеся восстанавливать разбросанные повсюду сети агентов Корпорации. Но он молчал. Самый полёт «Сайриуса», никак не объявленный и оставшийся неизвестным большинству жителей Матушки, остался лежать под спудом слухов и городских легенд. Законсервированный корпус корабля также был оставлен болтаться бесхозным где-то там, во внешней Сол-систем, за поясом Койпера.

И тем не менее, и безо всякого Знамения, какое значение ему ни придавай, и полёт этот тридцатилетний, и тихое после него возвращение — они несли для человечества свои неизбежные плоды. И масштаб последствий того, что случилось, не опишет никакой Колосс.

Стэнли часто думал, что было бы, если бы Ромул остался, не улетал бы со всем ядром командной и управленческой цепочки Корпорации в дальний путь. Помогло бы это? Быть может, не улетай бы они все, не стоял бы тут сейчас Колосс, и всё было бы хорошо.

Нет, не было бы.

Да, без малого тридцать лет, на которые агенты Корпорации, да и Стэнли лично, постарались уйти как можно ниже радаров и залечь на дно так, чтобы ни одна корпоративная сволочь не зацепилась — они бы не ушли впустую. И многих хороших друзей Стэнли за эти годы тишины и безвременья потерял, но дело было не в этом.

Тот факт, что именно на эти годы пришлись первые пандемии киберчумы, и заварилась всеобщая паранойя по поводу зловредной Корпорации, следы которых искали разве что не у

себя под кроватью. Но главное, именно на время вояжа «Сайриуса» пришёлся расцвет того, что впоследствии назовут Помрачением.

Внезапные бунты вспыхивали по всему Мегаполису, оставляя после себя сожжённые башни.

Эпидемия немотивированной жестокости и аутоагрессии постепенно захватила всю Матушку.

Это ощущалось как чёрная волна, катившаяся по миру. Волна безумия, словно вирусная болезнь, передавалась от человека к человеку, неважно при личном контакте или посредством голосовухи через «айри». Срывало с катушек случайных людей без разбора. Мафусаилов после третьей фазы и совсем зелёных мальков, едва покинувших ясли. Корпоративных шишек с их виртуальной бронёй и десятилетями дорогущей терапии за плечами и опустившихся нарколыг, живущих от дозы к дозе на нижних ярусах агломераций.

Безумие косило всех, не оставляя шанса и людям пропащей Корпорации.

Стэнли с трудом вспоминал себя в те тяжкие времена.

Просыпаешься с утра и не знаешь, какой сейчас год.

Многие попросту впадали в кататонию, умирая у себя в постели от истощения под истерические вопли домашней техники, не в силах даже нажать на экран для подтверждения автоматического заказа еды на дом.

Впрочем, это касалось не всех. Те немногие, что спокойно летали на Красную и обратно, или годами работали на вахте в системе Юпитера, не могли впоследствии взять в толк, о чём им твердят те, кто остался на Матушке. Естественный отбор. Те, кто мог в открытом космосе запросто перебороть то, что всех прочих вызывало острейшую, до панических атак, тоску по дому, не были подвержены ни киберчуме, ни прочим проявлениям подступающей катастрофы.

В команду «Сайриуса» отбирали по тому же нехитрому принципу.

То есть все те, что остались на Матушке, были брошены Ромулом барахтаться в одиночестве. Наверняка Ромул перед отлётом всё прекрасно осознавал, уже тогда были первые звоночки. Но всё равно предпочёл лететь.

Ради чего? Несостоявшегося рандеву неведомо с кем?

Стэнли тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения.

Гадать бесполезно. Даже если предположить, что Ромул — гадский гад, угрохавший столетие труда всей Корпорации на своей тридцатилетний отпуск за световые годы отсюда, кто сказал, что он мог что-то сделать?

Официальная доктрина, распространяемая Соратниками, гласила — Матушка действительно обладала неким подобием ноосферы, пусть в эту пантеистическую чушь серьёзные люди и не верят, но тем не менее, если предположить, что эта «среда мысли» действительно существовала, то к середине XXII века она уже была смертельно больна. Слишком много людей слишком сильно отравляли её каждую секунду своего существования. И все человеческие костыли вроде виртуальных пространств с одной стороны не могли заменить людям ноосферу, как нельзя здесь, в интервебе ни есть, ни пить, ни дышать. С другой стороны, все эти технические ухищрения — стиму-техника, биологическое фазирование, аугментация, биоинженерия, генетическая сегрегация — очень даже помогали добить то, что и так было на грани издыхания.

И однажды люди начали тонуть в болоте, которое некогда было морем.

То, что они же и породили, начало убивать их.

Замкнутый круг.

Именно его олицетворял собой Колос.

Это была статуя, посвящённая гибнущей Матушке.

Убитая и самоубившаяся одновременно, она взывала к справедливости, но не ожидала её добиться.

Её некому было спасать.

Пожалуй, поморщился Стэнли, не потрать мы столько усилий на постройку посреди тающей Сибири туши космического корабля, а займись контролем Корпораций, бросив все силы на приведение Матушки в чувство, наверняка у нас бы всё получилось.

Но Ромул словно заранее опустил руки, решив однажды, что всё бесполезно, что агония теперь неизбежно завершится смертью, и не наше дело ускорять или замедлять этот процесс.

Что-то глубоко внутри Стэнли запрещало ему так думать.

Они должны были.

Они обязаны были попытаться.

И после возвращения словно бы прозревшие Соратники действительно бросились в бой.

Буквально за год корпоративные сети были вычищены от самого омерзительного трэш-контента, почти случившаяся к тому моменту ползучая герметизация подконтрольных корпорациям ареалов во многом откатилась. Оживали профсоюзы, возобновился процесс перехода специалистов между конкурирующими финансовыми конгломератами, даже такая подзабытая штука, как научный обмен, вдруг разом стронулась с мёртвой точки.

Стэнли понятия не мел, каких усилий и жертв им это стоило, как говорится, меньше знаешь, лучше спишь, всё равно в ответ на любые расспросы ни Соратники, ни Хранители и слова толком не говорили, привычно отделываясь пустыми и обтекаемыми умствованиями.

А что, наше дело маленькое, записывай, что видишь, и скидывай потом Хранителям.

Но даже столь скудных знаний было достаточно, чтобы сделать свои выводы.

Время жизни, отпущенное всем нам, истекло, что бы теперь ни предпринимали Соратники, ноосфера Матушки гибла.

И с ней гибли люди.

Что бы ни предпринимали по этому поводу корпорации и во всём зависящие от них коррумпированные власти агломераций, ситуация за последующие несколько лет только становилась хуже. Безумцев с букетом считавшихся не уживающимися в одной голове психиатрических диагнозов уже некуда было складировать. В азилумы забирали только самых тяжёлых и тех, у кого не оставалось на воле родных. Остальные по возможности лежали в собственных умных домах с надетым на голову виртстимулятором. Лежали, пока совсем не затихали.

Стэнли затравленно оглянулся.

Некоторые завсегдатаи интервеба сползались сюда умирать. Поля, целые поля полутрупов с высунутыми посиневшими языками, вот что оставили после себя в железной памяти Стэнли те времена.

Кризис ширился и рос, ментальная гангрена толчками порченной крови с каждой секундой распространялась дальше, так что Ромул, Улисс, Урбан и присные были обязаны что-нибудь предпринять, тем более что они были единственными, кто, казалось, имел хотя бы малейшее представление о том, что творилось в горячечных недрах Мегаполиса, Босваша и прочих крупнейших агломерациях Матушки.

Так настало время смерти. Так настал Чёрный четверг.

Так настало время Стэнли вернуться в этот мир.

К тому времени Джон Роуленд уже много лет не называл себя этим именем. Стэнли — что-то знакомое, но давно и прочно забытое. Его и правда когда-то так звали? Наверное, это было ещё в те далёкие времена, когда Хранители ещё нуждались в его записях, когда они ещё отзывались на его зов.

С тех пор, как вернулся «Сайриус», их незримая связь прервалась и больше не возобновлялась, несмотря на все его попытки.

Но незадолго до Чёрного четверга, когда стало уже совсем

невмоготу, знакомый огонёк всё-таки зажёгся. Изниоткуда, словно не было за плечами многолетнего молчания, Хранители потребовали фиксировать всё происходящее как можно полнее и объективнее.

Как будто он мог иначе.

Стэнли пришёл тогда на это самое место, переполненное исковерканными душами, и принялся писать.

Колосса, разумеется, тут ещё не было, но остальное было почти такое же. Арены и цирки, гоночные петли, оперные залы, имаджборды и видеоинсталляции. Всё ещё горит и переливается огнями. Но уже мертво, как и эти призраки, что бродили вокруг него в тот вечер.

Он был каким-то особенно душным, тягостным и тоскливым.

Как будто кто-то невидимый уверенной мозолистой рукой схватил за тебя яйца и тянет, тянет их вниз, а ты уже и на корты присел, и даже на землю голым задом угнездился, чтобы поближе к землице-то, а тот всё тянет, и землица эта ему нипочём.

До тех пор, пока от боли у тебя не начинают вылезать глаза из орбит, а кровь из прокушенного языка не заливает желудок настолько, что её сгустками начинает тошнить прямо на себя.

А потом семенные канатики и прочие придатки начинают с мокрым звуком обрываться, к невидимой руке тянется от тебя лишь вопящий от боли кожаный тяж.

Но даже с его обрывом боль не спадала.

Напрочь забыв о фиксации происходящего вокруг, Стэнли ужом вился на земле, готовый сотворить с собой что угодно, лишь бы эта боль ушла. Ему уже было всё равно, жив он или мёртв, а уж до судеб Матушки ему не было к тому моменту и вовсе никакого дела.

Лишь бы это прекратилось.

Лишь бы это прекратилось.

Лишь…

Первое, что ощутил Стэнли, придя в себя, было страшное чувство голода.

Не того, физического. Здесь, в интервебе, через транскраниальные индукторы подобное чисто физическое ощущение вряд ли могло пробиться. Скорее оно проявлялось через нервозность поведения и тремор, вызывающий мелкой моторики.

Завсегдатаи так и говорили, видя у коллеги «трясучку» — пойди, сгущёночки глотни, а то в отруб уйдёшь.

Но этот голод ощущался даже здесь.

Острый, нестерпимый, он были ничем не лучше той боли, которая заливала всё вокруг ещё минуту назад. Больше всего он

походил на ощущение удушья от надетого тебе на голову пластикового пакета, когда дыхательные центры в продолговатом мозгу истерически требуют вдохнуть, а ты не можешь.

Твоя кровь ещё богата кислородом, но сама невозможность для организма функционировать так, как заповедали со времён кембрийского взрыва миллионы поколений твоих кислород-дышащих предков, уже погружает тебя в черноту паники, выворачивая и так пустой желудок наизнанку и вздувая вены на шее.

Бросив всё, Стэнли вывалился обратно в реальность, судорожно пытаясь сообразить, что же произошло.

Это позже он узнает о Чёрном четверге, о тех последствиях, которые принёс поступок Ромула для всех без исключения людей на Матушке.

Нечто подобное голоду уже описывали отдельные несчастные, без должной проверки на орбите Муны отправленные на дальние трассы. Их приходилось возвращать, от греха, в гибернационных холодильниках, но, видимо, длительная фаза ухода на трассу делала своё — тот голод не идёт ни в какое сравнение с теми ощущениями, что испытывал в тот день Стэнли и миллиарды людей по всей планете.

Холодное чувство тяжкого ледяного валуна, запихнутого тебе на место мозгов, сердца, желудка и причинного хозяйства. Ощущение полной, абсолютной пустоты эмоционального фона. Головокружительное осознание того, что теперь так будет всегда.

На месте горячечной эйфории последних лет разом пришла мертвенная ангедония.

На её фоне приходилось прикладывать невероятные усилия только лишь для того, чтобы выйти из дома. Любое действие, любая цель, любой порыв казался недостижимым и в высшей степени бессмысленным.

Но Стэнли всё-таки сумел пересилить себя, он отвёз все свои сбивчивые, записанные в полубреду записи туда, где велели их оставить Хранители, а сам принялся по очереди тянуть за все доступные ему ниточки, вернувшись в свою конуру лишь по достижении полного и окончательного осознания дальнейшей никчёмности любых усилий.

Всё было кончено.

Они убили Матушку.

Нет, что вы, физически она была жива. Точнее, остались живы те — впрочем, достаточно многие — кто населял её до Чёрного четверга. Но вот той панэмоциональной связующей бездны, что всё это время заимообразно отравляла всем жизнь, её больше не было.

Ромул и Соратники стёрли то, чего не было, и оно действительно перестало существовать.

Такая коллективная ценестезия не могла существовать долго без последствий, и они поспешили последовать.

Новые миллионы посходили с ума, новые — покончили с собой, зачастую унося в могилу за одно и какое-то количество под руку подвернувшихся. Лекарство оказалось не лучше болезни. Но, надо отдать Ромулу должное, со временем всё в итоге успокоилось.

Люди — существа обучаемые. Чемпионы приспособленчества, которые вытеснили с лица планеты всех остальных гоминид задолго до рождения первого очага оседлой цивилизации.

Дай им время на размышление, они справятся с любыми, даже самыми невыносимыми обстоятельствами. И это, вопреки досужим размышлениям сектантов-выживальщиков, будет вовсе не всеобщая анархия со скатыванием в неолит. Кто-то и вовсе не заметит особой разницы. Пара лет прошла, а ничего словно бы и не изменилось.

Да, окончательно вымер интервеб, оставшись рассыпающимся на глазах памятником самому себе, или вон, почившей Матушке, в лице Колосса.

Страдающие от всеобщей ангедонии обыватели поначалу пустились в сетях во все тяжкие, повалив в нети почище прежнего, но быстро сообразив, что воображаемые радости — плохое лекарство от ценестезии, быстро переключившись на давно и прочно позабытые физические утехи.

А современная биоинженерия и фармакология были к этому ой как готовы.

Сколь угодно травматический «химический» секс в любых гендерных, количественных и анатомических сочетаниях. Оргии на две сотни тел, длящиеся месяцами без малейших последствий для организма.

Любые самые извращённые трансформации собственного тела на грани или за гранью самого богатого воображения. Сначала пришить себе лишний член или клитор на лбу, чтобы с эректильной функцией и полной чувствительностью, а потом его, уже в процессе совокупления сладострастно отрезать и дать сожрать партнёру хоть в сыром, хоть в жареном виде.

Или же, напротив, искусственная ригла-нирвана, в которой при абсолютной асексуальности и вообще ненужности любых страстей и желаний, достигалось состояние естественного безначального блаженства, само пребывание в котором было эмоционально более насыщенным, чем самый интенсивный множественный оргазм.

Корпорации перестали соревноваться друг с другом в производстве вещей. Все теперь плодили удовольствия. Планета на долгие годы погрузилась в эйфорию бесконечной вечеринки.

Это время тоже стало своеобразной данью, всеобщим самозакланием на свежей могиле Матушки.

Стэнли же не желал в этом участвовать, виделось ему в этом что-то от пляски на костях. От гнетущего пира во время чумы хотелось бежать подальше, и он бежал. В одиночество опустевшего интервеба, на крыши старых башен, подальше от людской суеты и всеобщего безумия.

Одним натруженным жестом Стэнли сдёрнул с лица вуаль вирта.

Горячий воздух обжигал лёгкие, но Стэнли это не волновало.

Подойдя к самому краю ограждения, он попытался вглядеться в марево восходящих потоков.

Мегаполис, подобно лавовому потоку, плыл у него под ногами, извергая раскалённый газ, понемногу растворяющий тебя изнутри.

Теперь стало понятно, что погубило Матушку. То же, что продолжило теперь разъедать человечество изнутри. Её смерть была напрасной.

Так зачем тогда всё прочее? Что может быть проще, просто сделать шаг вперёд и кануть в Лету, как многие до него, как многие — после. Но что-то подсказывало, что подобный поступок не принесёт ему ни искупления, ни облегчения.

Если уже становиться на старости лет пантеистом, почему, в таком случае, не поверить и в переселение душ?

В Корпорации ходили слухи, что Соратника Урбана уже находили мёртвым, но он всё равно возвращался. С новым лицом, новым телом, новым именем, всё равно возвращался.

Даже если это всё — лишь досужий вымысел не склонных к критическому мышлению заблудившихся в нетях идиотов, агенты Корпорации привыкли верить в планы Ромула, которые всегда были точны и всегда исполнялись. Так может, и надежда всё ещё есть?

«Айри» Стэнли подал тревожный сигнал. К нему стремительно приближались с двух сторон. Помянешь чёрта…

Нашарив свободной рукой приклад винтовки, Стэнли принялся машинально высматривать ближайшее укрытие, однако расслышав знакомый перезвон транспондера, угомонился, надо только от края отступить, судя по скорости двух теней, мощности там на борту хватит, чтобы запросто смести его с крыши неудачным выхлопом.

Вот они, красавцы. Его императорского величества кавалерия.

Всадники апокалипсиса во плоти.

Первого Стэнли не узнавал. Мекк — существо пластичное. С каждой трансформацией они могли менять свою физическую оболочку подобно бабочке, оборачивающейся из гусеницы в имаго. Поди узнай. Быть может, они когда-то встречались, но какое кому дело. Анонимный хитин брони ничего не говорил о собственной начинке. Да и была ли та начинка вполне живой?

А вот второго нежданного визитёра Стэнли узнал сразу.

— Ильмари Илссон.

— Джон Роуленд.

Жаль, Стэнли не знал Ильмари до возвращения «Сайриуса». Если так посудить, то и сам Ильмари себя прежним не помнил. Но каждый раз, когда Стэнли вглядывался в эти холодные зрачки, его не оставляло желание попытаться разглядеть в них человека, которого больше не было.

— Вас ожидает Соратник Улисс. Вы согласны на личную встречу?

Соратники. Они, как и пропащие Хранители, всегда предпочитали разговоры с глазу на глаз. Хотя казалось бы, вот он, стоит перед тобой с откинутым забралом. Рыжая щетина, бледная до синевы рябая кожа. Эффектор соратника Улисса, чья собственная биологическая память не простиралась дальше предыдущего утра. Чем плохо поговорить с ним, зачем нужна личная встреча?

Но Стэнли знал, что не станет отказываться.

Слишком много вопросов накопилось, слишком быстро летит время.

XXII. 69. Супердиректор

Кортеж из шести тяжёлых тилтвингов с утробным рокотом рассекал ночной воздух над океаном, прикрытый с небес орбитальной группировкой, с моря же сопровождаемый двумя тяжёлыми самоходными ударными платформами, загодя выдвинутыми по курсу кортежа строго на юг от Шри-Ланки до самого Моря Содружества и залива Прюдс.

Впрочем, эти старания тоже были частью церемониала.

Маршрут тщательно согласовывался в течение года, и Большая Дюжина заранее организовала всё так, чтобы на означенной прямой не подвернулось ни случайной баржи, ни тем более залётного тилтвинга. Конфликт на ровном месте не нужен был никому.

Ещё тщательнее подходили к отбору экипажей. Только проверенные люди, преданные корпорации, равно как, на всякий случай, женатые, с детьми и внуками, чтобы ни у кого не возникло и мысли, что ему нечего терять.

В «Янгуан Цзитуань» крепко помнили эпизод 2156-го года, когда сразу два генерал-партнёра погибли во время загадочного крушения цеппелина «Шаньдун». Несмотря на то, что расследование ни к чему однозначному не пришло, с тех пор не только было закреплено строжайшее указание запретить совместное пребывание в радиусе пятидесяти километров любых

высших чиновников «Янгуан» от советника по особым поручениям и выше, но и ужесточили все допуски для персонала, непосредственно контактирующего с означенными особами по роду своих служебных обязанностей.

И разумеется, для такой важной миссии как Тронный круг все шесть тилтвингов были загодя разобраны по винтику, проверены и собраны обратно с занесением каждой заклёпки в особую папочку для «красножетонников». Все шесть бортов были совершенно идентичны, для порядка под завязку загружены боеприпасами и спасательным снаряжением, после чего ключи активации этого всего добра были оставлены в опечатанных ящиках, по одному на борт.

Чтобы никто не догадался, хмыкнул про себя генерал-партнёр Ма Шэньбин, поглядывая в иллюминатор, или скорее виртпанель, что здесь, в самом сердце тилтвинга, заменяла его единственному пассажиру иллюминатор.

За бортом тлел неуверенный рассвет, даже на этой высоте нормально посветлеет только через час, когда кортеж пройдёт тропик Козерога. Жаль, можно было бы напоследок взглянуть на зелёные острова, южнее пойдут одни только ледяные параллелепипеды айсбергов, сначала мелкие, прозрачные и едва заметные характерным блеском на фоне океанского простора, но постепенно их станет больше, покуда они не смерзнутся в пласт оторванного от берегов Антарктиды ежегодным криокластическим потоком полулуния многолетних паковых льдов.

Ма Шэньбина ледники не интересовали, впрочем, его об этом никто и не спрашивал.

Тронный круг был данью эпохе становления корпорации, когда «Янгуан Цзитуань» ещё представлял собой конгломерат промышленных предприятий и фабрик кода на юго-востоке Великой Китайской равнины. Свеженазначенный управляющий директор перед собственным официальным назначением на пост посещал по очереди каждую фабрику и каждое предприятие, на день останавливаясь для инспекции и общения с локальным руководством, тогда это занимало до полугода.

Во времена, когда корпорация стала одной из Двенадцати, на подобный вояж ушла бы, пожалуй, вся жизнь, однако нечто подобное всё-таки происходило. Находящийся «на сносях» генерал-партнёр, успешно вотированный в Высший совет «Янгуан Цзитуань», в обязательном порядке посещал крупнейшие текущие стройки в качестве своеобразного посвящения в ключевые дела корпорации.

Ма Шэньбин раздражённо поискал серебряную

плевательницу, подошёл, прицелился, и так смачно туда харкнул, аж самому понравилось.

Иногда ему казалось, что добейся устроители Смуты Книги полторы сотни лет назад успеха, никто нынче и слова-то такого «Янгуан» бы не слышал, и это пошло бы Матушке премного к украшению. Впрочем, вслух он так никогда бы не сказал. Ма Шэньбин, как и положено генерал-партнёру, вообще был немногословен, даже его личные помощники слышали от него единственно что короткие сухие указания, в большинстве же случаев он удостаивал обращающихся к нему в лучшем случае сухим кивком головы, ежели же ответом служило нахмуренное молчание, то под сухими свёрлами его чёрных глаз собеседник по обыкновению немедленно начинал растекаться в лужу раболепной плесени, готовой на всё, лишь бы побыстрее загладить неведомую ему покуда вину.

Ма Шэньбина это более чем устраивало.

Вот и сейчас, словно почуяв, что лаобань не в духе, весь стафф дружно попрятался, благоразумно не желая попадать под горячую руку. И то верно, поди угадай, что больше всего Ма Шэньбина раздражала покрашенная в безвкусный хаки лётная форма, в которую его для конспирации нарядили «красножетонники». Ни один посторонний наблюдатель не должен был знать, в какой из шести бортов кортежа погрузили особо охраняемое тело. Лётная форма хоть и была пошита на заказ, но всё равно оставляла желать много лучшего — с гораздо большим удовольствием Ма Шэньбин надел бы сейчас свой любимый песчано-зелёный лунпао, расписанный в классическом стиле камышом, в котором прячется фэнхуан — традиционная птица-феникс.

Но нет, какой там лунпао, обычный шэнъи подошёл бы не хуже этой казематной робы с компрессионной и термоизолирующей оболочкой на случай экстренной разгерметизации. Перестраховщики, цао ни ма я.

Рухнув на грубый металлический, прикрученный к полу стул, генерал-партнёр подвинул к себе поднос и на глаз отмерил себе сырого юннаньского молочного пуэра. Раскрошенная точа безо всяких куайцы — просто так, руками — на глаз без разбору летела в чайник. Чифирнём, православные, как говаривала в золотые времена полковница Цагаанбат. Кто старое помянет, цао ни ма гэ тоу.

За иллюминатором между тем совсем рассвело — взамен предрассветной немочи небо налилось синью, побежали облачка, южные тропики они уже преодолели, в умеренных широтах здесь зимой (то есть местным летом) спокойнее всего, никаких тебе

стационарных антициклонов Мегаполиса или азиатских муссонов. Разве что земли тут особой нет, чтобы климатом наслаждаться, насыпные острова при здешней глубине океана — дело неблагодарное. Стационарные цеппелины тоже что-то никак не взлетают, что-то у них там никак не отладят. Разве что буровые платформы пригнать, хм, а интересная идея.

Ма Шэньбин привычно углубился в собственные мысли, попивая пуэр и глядя в иллюминатор.

Самое утомительное в этой поездке, разумеется, состояло не в том, чтобы провести провести шестнадцать часов к ряду в утилитарного вида консервной банке, будучи запаянным в костюм, больше подходящий для высотного десантирования, и даже не в этих дурацких предосторожностях, как будто теперь, после завершения затяжной войны с разбросанными повсюду агентами Корпорации, особенно здесь, вдали от любого постороннего артефакта, можно было ожидать какой-то провокации или же открытого нападения.

Если задуматься, самый этот полёт через океаны и льды к антарктической станции «Чжунчань» был не таким уж бессмысленным мероприятием. Андарктида оставалась единственным материком, где Ма Шэньбин ещё не бывал. Не касалась его нога и поверхности Муны и Красной, но то невелика потеря. Те же неудобные биосьюты и бесконечные замкнутые помещения с однообразной в своей простоте отделкой и минимальным набором удобств, а то и вовсе без оных. Туда, если бы генерал-партнёру была дозволена подобная роскошь, ему не хотелось вовсе. Антарктический же щит, пусть и потрёпанный чередой климатических катастроф предыдущего столетия, всё ещё оставался довольно комфортным, при этом девственно чистым местом, где тебя не окружают миллиарды людей.

В общем, если так подумать, Антарктида была не хуже, а даже и много лучше, чем все эти бесконечные «стройки века», что Ма Шэньбину довелось посетить за последние полгода.

Раздражал его вовсе не этот конкретный вояж и не сама необходимость всего подобного навязчивого экскурсионного тура. Всё понятно, себя показать, людей посмотреть, вакансия в Высший совет «Янгуан цзитуань» возникает один раз на полтора-два десятилетия, важный момент, чтобы региональный менеджмент при личном визите почувствовал должную преемственность со стороны вотированного кандидата в высшее руководство корпорацией, мол, шагаем, как шагали, копаем от забора до обеда. Вот только лично Ма Шэньбину это всё зачем? Не поездка. Вакансия.

Дураки из числа советников засмеются в ответ на такой

вопрос. Хорошая шутка, как это зачем? Войти в круг самых облачённых властью людей на Матушке, Великая Сотня повелевала миллиардами людей, решая любые вопросы щелчком пальцев и росчерком шёлковой кисти по рисовой бумаге в тончайшей работы золотом окладе. Им смотрят в рот, записывая каждое их слово как величайшую когда бы то ни было изречённую мудрость.

Вот именно. У этих людей не было жизни.

Рядовой генерал-партнёр корпорации обладал не меньшими возможностями проворачивать дела, но оставался куда более свободен в собственных действиях и да, он не летал между континентов кортежем из шести тяжёлых тилтвингов.

Так зачем ему это всё?

Беда состояла в том, что Ма Шэньбин не имел права отказаться. Отказ вотированного кандидата от поста — тяжкий грех против корпоративной этики и хула на высшее руководство. Если ты ушёл в отказ, значит, тот, кто тебя выдвигал, и те, кто тебя вотировал, ошиблись. Попробуй произнеси такое вслух, сразу поймёшь, почему это невозможно.

Альтернатива, конечно, была. Исчезнуть, как те двое генерал-партнёров, сказывают, их связывала не просто дружба, а нечто куда более возмутительное, но какое кому дело, а вот выдвижение в Высший совет с гарантией навсегда бы их разлучило. Они и предпочли скрыться, благо на многомиллиардной Матушке, да ещё и во Время смерти, это было нетрудно.

Увы, Ма Шэньбин позволить себе подобную блажь не мог. Слишком много сил он потратил на то, чтобы попасть на пост генерал-партнёра. Цао, надо было действовать тоньше, наступить на пару мозолей, втихую выдвинуть подставного кандидата понадёжнее, чтобы потом через его голову проводить нужные ему решения… Эх, перестарался, перестарховался. Слабак и сопляк. Захотелось выпендриться, заделаться святее Мао. Ну и пожинай теперь.

Ма Шэньбин залпом допил остывший пуэр и вновь поднялся на ноги.

С другой стороны, а чего нюни разводить. Насколько теперь будет легче дотянуть, наконец, проект освоения системы Сатурна. Не тратить недели на манипуляции собственными марионетками, а действовать прямо, согласно новым полномочиям.

Что он теряет? Так называемую свободу? Сколько он себя помнил, вся его свобода таилась лишь где-то глубоко внутри него. Что теперь-то изменится?

Иллюминатор, точнее его иллюзия, между тем уже был

сплошь забит полями колотого льда пополам с иссиня-чёрной даже на вид неприятно-холодной водой, причём с каждой минутой свободной воды прибывало. Похоже, они уже приближались к побережью залива Прюдс, на восточном берегу которого посреди сухой в это время года полярной тундры и располагалась некогда станция «Чжуншань», со временем, по мере таяния паковых льдов и разрушения антарктического ледяного щита, превратившись в полноценный промышленный и исследовательский центр на три миллиона сезонных контрактов и ещё миллион постоянного населения. Сейчас тут скорыми темпами возводили взлётно-посадочные башни для суборбитальников и кораблей мунного класса, неподалёку под будущие мощности поставок тригелия и трипротона уже завершалось строительство крупнейшего в южном полушарии фузионного реактора новейшей серии.

Большое дело, но что-то подсказало Ма Шэньбину в последний момент перенести конечную цель своего визита дальше на юг — в самое подбрюшье Матушки, район, где раньше размещалась станция «Куньлунь», точнее, её высокогорная обсерватория «Плато-А». Что-то его там заинтересовало, вспомнить бы ещё, что именно.

Ма Шэньбин, не отрывая взгляда от водяной поверхности, сделал в воздухе короткий приглашающий жест. Не будем притворяться, стафф за ним всю дорогу неотрывно наблюдает.

Так и есть, тут же послышалась цепочка едва слышимых шаркающих шагов.

— Да, господин генерал-партнёр?

Неучи. Кто же первым обращается к сановнику? Впрочем, что с них взять.

— Как долго нам ещё лететь?

— Два часа десять минут, господин генерал-партнёр.

— Сообщите мне за пятнадцать минут до посадки, свободны.

Нужно себя чем-то занять на эти бесконечные два часа.

Усевшись обратно в неудобное кресло, Ма Шэньбин погрузился в «айри». Там все по-прежнему докучливо поздравляли, причём каждый первый считал своим долгом ненавязчиво намекнуть, как много лично он сделал для того, чтобы генерал-партнёр Ма Шэньбин был вотирован в Высший совет, в крайнем случае — как много податель сего совершил трудовых, организационных либо ратных подвигов во славу и к всеобщему удовольствию генерал-партнёра Ма Шэньбина, и не будет ли любезен означенный генерал-партнёр не забыть скромного подателя…

Будет, будет. Ма Шэньбин снова начинал злиться. Цао ни ма

дэ би, какая же всё это пустая трата времени.

Впрочем, время под такое чтение летело и правда незаметно.

— Господин генерал-партнёр, скоро посадка, кортеж начал снижение.

Ясно.

В иллюминаторе уже плыли сухие серые сопки, больше похожие на пейзаж Красной, только, разумеется, цветовая гамма не та.

Здесь, посреди материка, ледяной щит окончательно ушёл ниже по склону ещё полвека назад, с тех пор здесь мало что напоминало о былых белоснежных равнинах. Теперь всё вокруг было перекопано траншеями для укладки кабелей, бетонными основаниями скоростных путепроводов, между которых уже вырастали в буквальном смысле как грибы после дождя белоснежные купола лабораторий и жилых корпусов.

А вот и основная цель его сюда визита.

Цао ни цзуцзун шиба дай.

Кажется, Ма Шэньбин вспомнил, что же его заинтересовало во всей этой стройке.

Вот это.

Пока снижались, Ма Шэньбин не без ноток удивления в голосе отправлял через «айри» запрос за запросом и чем больше закапывался в свои предположения, тем меньше оставалось пространства для сомнений. Субмиллиметровый диапазон, значит. Антарктида, в таком случае — вполне логичное место.

Это зачем же вам понадобились холодные газовые облака?

Посадку Ма Шэньбин пропустил вовсе, и только осторожное покашливание над ухом привело его в чувство.

— Экипажам по местам стоять. Мы здесь надолго не задержимся.

Непонимающее хлопанье завитыми ресницами в ответ. Это ты правильно сейчас молчишь, очень верно.

Ма Шэньбин поднялся и бодрым строевым шагом двинулся к выходу.

— Господин генерал-партнёр желает выйти наружу?

Нет, цао ни ма, он сюда так долго летел, чтобы всё время в этой консервной банке просидеть.

— Мне предупредить охрану?

Вот же неугомонный.

— Всем оставаться внутри и за мной не ходить. Местный персонал разогнать. Это ясно?

Ма Шэньбин впервые посмотрел балбесу прямо в глаза, и да, он знал, какое впечатление на людей производит его взгляд. Твёрдый, немигающий взгляд кобры перед броском.

Дурака словно ветром сдуло.

Генерал-партнёр при выходе с благосклонным видом принял от гардеробного лёгкую накидку с капюшоном на манер парки — с меховой оторочкой, искусственной, разумеется, в такие времена живём — после чего решительно шагнул под открытое небо.

Подобное требует определённого мужества для корпоративной крысы, усмехнулся про себя Ма Шэньбин, когда ты годами не покидаешь уютных апартаментов на верхних этажах бюрократических башен, поневоле привыкаешь к статичной картинке виртпанелей. В теории, её можно сменить в любой момент, хоть на виды жаркой предзакатной африканской саванны, хоть на горные кряжи Тянь-Шаня, но все предпочитали банальщину реальной панорамы за окном. Утопленные по горло в бесконечной облачности шпили, по ночам залитые огнями. Это там, внизу, царил смог и вечная сырость, «белая» знать современности ценила этот унылый однообразный вид сверху почище всех остальных красот мира. Но над головой-то всё равно потолок. Метал-полимерная плита загораживает тебя от неба. Так что вновь оказаться в фокусе внимания безмолвной голубой линзы — что может быть неприятнее.

Но сегодня это волновало Ма Шэньбина в меньшей степени. Ему было необходимо взглянуть собственными глазами, чтобы убедиться… в чём конкретно, он и сам себе не отдавал в том отчёта.

И, что не банально, Ма Шэньбин не ошибся в своих ожиданиях.

Точнее, реальность превзошла их многократно.

Ни одна картинка, ни один виртреал не смог бы передать всей грандиозности открывшегося перед генерал-партнёром вида.

Вдоль гладкой антарктической гряды слева направо, насколько хватало глаз, возносились в небеса белоснежные столбы адаптивной фазированной антенной решётки того самого гигагерцового диапазона. Ряд за рядом стометровой высоты махины частой гребёнкой скребли синие небеса, словно бы уже одним своим видом взыскуя с них сокровенных истин.

Выходило красиво, конечно, особенно по корпоративным сметам на научную деятельность, но Ма Шэньбина уже было не сбить с мысли — от этого места настолько разило наследием почившей Корпорации, что аж глаза начинали слезиться.

— Ну как, впечатляет?

Генерал-партнёр постарался хотя бы вот так, спиной, не выдать своего волнения.

—Я всё ждал, когда вы здесь объявитесь, генерал-партнёр.

Голос говорившего становился громче, шаг за шагом

приближая неизбежное. Вдох. Выдох. Держись, ты же не думал, что сможешь избежать этой неминуемой встречи?

Когда непрошеный гость всё-таки показался в поле зрения Ма Шэньбина, он почти сумел удержать себя от излишне эмоциональной реакции. На месте не подпрыгивал, руками не махал, сбежать не пытался, но кого он обманывает, его мельчайшие физиологические реакции на стресс, которые не заглушишь никакими нейролептиками, были для пришельца как на ладони. В эту самую секунду его уже раздели, осмотрели, вскрыли, выпотрошили и сложили всё обратно, обтекать смешной и бессмысленной кучей дерьма. Да, перед этой тварью Ма Шэньбин был беспомощен, несмотря на десятилетия спецподготовки, церебральные помпы, наработанные преадаптационные механизмы и десять слоёв лучшей аугментации, доступной сейчас только высшему эшелону корпоративной бюрократии.

Рядом с Ма Шэньбином восторженно таращился в небеса некто Ромул, самое опасное существо в этой вселенной. Человек, чья бессердечность и коварство давно стали легендами. Ради исполнения собственных планов Ромул был способен на всё — продать, предать, пойти на любую сделку и нарушить любую клятву. Его ненавидели, по слухам, даже собственные Соратники. Корпоративные войны, проигранные им, были проиграны во многом благодаря тому, что его собственные люди отвернулись от некогда всесильной в собственном могуществе Корпорации, по сути, оставив его одного.

Ма Шэньбин твёрдо знал, что все эти обстоятельства Ромула нисколько не смущают.

— Зачем вы всё это затеяли?

Генерал-партнёрпостарался придать своему вопросу максимальную невинность и, кажется, даже в этом преуспел, потому что широкая улыбка Ромула не поспешила в ответ ни стать ещё лучезарнее, ни внезапно исчезнуть.

— Что именно?

Указательный палец Ма Шэньбина описал петлю вокруг зенита, как бы очерчивая тем самым всё вокруг.

— Ах это. Вы знаете, генерал-партнёр, гигагерцовая радиоастрономия сейчас на подъёме, наши знания о холодных облаках в ближайшей окрестности Сол-систем однажды откроют нам путь к освоению дальнего космоса.

— Понятно. Вы собрались в следующий полёт?

И вот издевательская улыбка всё-таки стала чуть шире. Опасную игру ты затеял, советник. Именно так обращался Ромул к Ма Шэньбину, когда они встретились впервые. Как давно это

было.

— Не так скоро, как вам бы хотелось.

— Тогда почему?

— Мои текущие интересы распространяются на самый край облака Оорта, исследования холодной части гелиопаузы традиционно ведутся в дальнем радиодиапазоне, к тому же апертура именно этого полярного радиотелескопа позволяет быстрее всего достичь прорывных результатов в этой области, так что мой интерес к этой стройке вполне логичен, генерал-партнёр.

— А если я начну совать этому строительству палки в колёса? Скажем, по итогам неудачной инспекции?

На этот раз — ноль реакции, разве что небольшая искра холодного презрения по итогам пустой бравады. Цао ни ма я, ни черта он не может сделать с этой штукой вокруг. Так или иначе, она будет введена в строй вовремя и в полном объёме.

— Член Высшего совета «Янгуан Цзитуань», разумеется, вправе выступать с подобной инициативой.

И тут же склонился в церемонном полупоклоне.

— А ещё член Высшего совета «Янгуан Цзитуань» планирует незамедлительно включиться в гонку за освоением системы Сатурна.

Ма Шэньбин постарался придать собственному голосу максимально угрожающие нотки, но всё равно прозвучало немного как детское хвастовство.

И Ромул, разумеется, тут же ещё больше расплылся в улыбке.

— Попробуйте. А вдруг получится. И знаете, я всей душой болею за то, чтобы это предприятие «Янгуан» увенчалось всяческим успехом.

Ну да, ну да. Ма Шэньбина снова прошиб пот. Способность Ромула заграбастать в собственные руки любые достижения человечества превосходила только его же мстительная жестокость в процессе указанного выше процесса грабастанья.

Иногда Ма Шэньбину начинало казаться, что всё бесполезно, и он никогда не сумеет отыграть хотя бы одну фигуру в этой безумной и бессмысленной шахматной партии, в которой все, кроме Ромула, играли не в шахматы, а в поддавки.

— А если я скажу, что мало похож на дурака, и это никакой не радиотелескоп?

— А что же?

Кажется, впервые с начала этого диалога Ромул заинтересовался собеседником.

— Вы же неспроста здесь появились. Признавайтесь, излучатель спрятан где-то тут?

И тут улыбка Ромула погасла, словно с лязгом захлопнулся

стальной капкан, отчего даже тут, посреди Антарктиды, отчётливо похолодало.

—Не советую вам со мной играть в эти игры, генерал-партнёр.

Но Ма Шэньбину уже было поздно отступать.

— Я помню образы Знамения наизусть, и Антарктида там оставалась последним светлым пятном на карте, покуда совсем не угасла. Так зачем вы всё это затеяли?

На миг Ма Шэньбину показалось, что в глазах собеседника мелькнуло нечто вроде уважения. Драматургический дар его и вправду на этот раз не подвёл, эдак ловко закольцевать диалог — ещё нужно суметь.

— Когда настанут последние дни, надеюсь, вы вспомните собственные слова, генерал-партнёр, и тогда,возможно, сумеете ответить на собственный вопрос.

Философ, цао ни ма.

—Допустим. Но всё же, нейтринные ловушки в системе Юпитера, полярные решётки здесь, невесть сколько ещё прочих подобных проектов. Не знай я вас столько лет, то, быть может, ещё в чём-то сомневался, но вы явно готовитесь не только к, как вы выразились, «последним дням». Вы ждёте чего-то ещё, вы ищетечто-то ещё. Нечто давно утерянное.

Ма Шэньбин вцепился в эти чёрные зрачки, стараясь не упустить то, что сейчас произойдёт.

— Вы всё ещё ждёте ответа от Симаха Нуари? Вы ждёте спасителей?

Можно было ожидать от Ромула любой реакции, человеческой или нет.

Вспышки ярости, холодного молчания, саркастической усмешки.

Но то, как отреагировал на слова Ма Шэньбина Ромул, было необъяснимо.

Ромул мягко, как-то по-отечески улыбнулся.

— Хотелось бы его услышать, но увы, я тут бессилен. Подозреваю, он просто не хочет отвечать. Кто знает этих летящих. Но то, чего я жду, случится обязательно. И тогда каждая секунда промедления будет стоить нам миллионов жизней.

И тут уже не сдержался Ма Шэньбин:

— Одна жизнь не важна. Вы мыслите только миллионами.

Но Ромул уже снова замкнулся, возвращая на место свою стандартную ухмылку в тридцать два зуба.

— Вы всё-таки были там, а ведь я вам не советовал этого делать.

Ма Шэньбин в ответ едва не скрипнул зубами от злости.

— Можете оставить ваши советы при себе.

Но тут внезапно понял, что он злится не на Ромула и его Корпорацию. Он злится на самого себя, на собственную слабость.

— С другой стороны, если бы не эта безымянная урна в нише колумбария, меня бы не было на свете.

— Вы это так воспринимаете?

В голосе Ромула звучал вполне искренний интерес.

— А как иначе я должен воспринимать своё существование? Вы понимаете, насколько… неполноценным я себя порой ощущаю? — генерал-партнёр почувствовал, каким жалким он сейчас выглядит и поспешил заткнуться.

Но Ромул даже не попытался воспользоваться слабостью оппонента. Его голос продолжал быть заинтересованным, даже обычная ухмылка вежливо подугасла.

— Если вы о том, что вы не ощущаете голод, то не беспокойтесь, почти пятая часть человечества даже в Чёрный Четверг ровным счётом ничего не почувствовала. Дело тут не в вашем, хм, происхождении. Я не думаю, что оригинальный Ма Шэньбин, будь он жив, оказался бы способен ощутить голод. В этом вы очень похожи.

— В чём, в бесчувственности? В неспособности ощутить обычные радости, да хоть бы и горести жизни?

Ромул нахмурился.

—Вас бы сейчас очень немногие поняли. Генерал-партнёр, вотированный в Высший совет «Янгуаи Цзитуань», жалующийся на собственную бесчувственность. Поймите простую вещь, ваш прототип заслужил ту урну в той же степени, в какой и вы сами. В конце концов, вы вольны поступить так же, как и он, вы не марионетка.

— А вы?

— Марионетка ли я?

— Вы — заслужили? — с нажимом уточнил Ма Шэньбин.

Ромул в ответ чопорно поджал губы.

— Мне в этом году исполнилось сто девяносто два года, я самый старый человек на этой проклятой планете. И вы спрашиваете, заслужил ли я смерть?

Его глаза впервые за весь их разговор уставились куда-то в пространство.

— Я бы дорого дал за то, чтобы мне нечего было ждать. И поверьте мне, желающих со мною поквитаться достаточно, чтобы мне обеспечить миллион таких урн с прахом. Скажите лучше, что вы почувствовали, генерал-партнёр, стоя у той безымянной таблички?

Вопрос поставил Ма Шэньбина в тупик. Что может

чувствовать человек, который только что узнал, что умер и похоронен. Страх? Отвращение? Оторопь? Гнев?

Гнев, пожалуй, но и всё остальное вместе тоже.

— Я внезапно ощутил, что это я там лежу. Я настоящий.

Ромул в ответ резко дёрнул рукой.

— Не в этом дело. Вы ничуть не менее «настоящий», генерал-партнёр. И вы ничем не хуже или, я не знаю, ущербнее того, кто кто в урне.

— Тогда зачем мы тут разговариваем? Вы же знаете меня, я ни за что и никогда больше не стану агентом Корпорации.

— Которой больше не существует.

— Тем более.

Наступила неловкая пауза. Ма Шэньбин поёжился, поплотнее укутываясь в парку. Ромул молчал, явно о чём-то раздумывая.

— Я вот что хотел вам сказать, генерал-партнёр. Да, я по-прежнему чего-то жду. Возможно, чего-то, что уже никогда не случится, чего-то, чьё время ушло. Но некая тень надежды ещё остаётся.

— Надежды на что?

— На то, что мы с вами ещё встретимся на этом самом месте, и над нашими головами будет сиять ослепительная радуга, и тогда вы поймёте, наконец, ради чего всё это было. И ваша могила, и Чёрный Четверг.

С этими словами проекция Ромула растворилась в воздухе, как дым.

XXII. 79. Демон

Давно я тут не был. Пожалуй, так же давно, как снова заделался слинкером. Или персекьютором, если пользоваться корпоративным новоязом. Как ни называй, человек моей профессии не спешит возвращаться на места былой славы, поскольку твёрдо знает, что ждут его там исключительно чёрные тени прошлого, от которых головняка много — а денег чуть или того меньше.

Хороший клиент — новый клиент. Хорошее место — такое, где тебя никто не знает.

Простая работа — пришёл, разнюхал, ушёл. Но иногда случаются такие обстоятельства, что хочешь не хочешь, а соглашаешься.

Вернуться. Снова вдохнуть полной грудью прогорклый воздух Мегаполиса. Снова поднять лицо к небу и удивиться тому, что видишь. Точнее не видишь.

Память — предательская штука. Сколько лет прошло с тех пор, как ты стоял на этом самом месте, исподлобья посматривая на молчаливую четвёрку. Ромул, Улисс, Урбан и Кора. Существа, которые язык не поворачивался называть людьми. В тот день они тоже вернулись к месту если не сказать преступления, то точно проступка. Руины Хрустального шпиля лежали перед ними памятником навсегда ушедшей эпохи, и казалось мне тогда, что это сама Корпорация лежит у их ног, сломленная, поверженная, измазанная сажей пожара, укрытая саваном металлполимерной

пыли, проржавевшая от бесконечных дождей и почерневшая от вездесущей плесени. Что эти четверо искали здесь, о чём совещались? Молчание их не было прервано ни на секунду, но неслышимый диалог чувствовался тогда мурашками кожи на затылке.

Собрание это было прервано тогда шлепком сверхзвуковой маслины из обеднённого урана. Даже несмотря на вернувшийся после обрушения башни смог, кому-то хватило сноровки стрелять со средних ярусов ближайших многоквартирников. Стреляли будто вслепую, в качестве предостережения, или же, напротив, случилось то, чего давно в тайне опасался каждый агент Корпорации — что однажды сыщется Соратник-ренегат и развяжет тем самым войну, которая камня на камне не оставит от былого мира.

Впрочем, выстрел тот оказался первым и последним. Не моргнувший даже глазом Улисс проследил взглядом от дыры в бетонном основании площадки вглубь клубящегося смога, после чего высокое собрание соизволило разойтись. Войны же не состоялось. Во всяком случае, я о гибели ни одного из Соратников не слышал, а вот что состоялось, так это завершение погрома структур Корпорации согласованными усилиями Большой Дюжины.

Ромул даже не пытался им противостоять. Те из нас, кому повезло, оказались под надёжным прикрытием, остальные кто погиб в очередной облаве, кто попросту попрятался по углам. Я относился к числу последних, мне хватило ума вовремя взять ноги в руки и навсегда забыть Парсонса. Кто таков? Вообще без понятия. Бегал тут когда-то, такими, как он, только детей малых пугать. Плюнуть да растереть.

Я исчез, сделался невидимкой, ушёл из-под корпоративных радаров, затаился и выжил, зарёкшись вспоминать о былых временах, благо и скилухи по части выживания ниже ватерлинии у меня хватало, да и профессиональный навык просто так не пропьёшь, будь ты гильдейским слинкером-аутло или важной корпоративной шишкой, неважно «Джи-И» это или безвременно почившая Корпорация.

И ни разу не возвращался сюда, стараясь даже не вспоминать это место. Шесть тысяч человек остались лежать под руинами Хрустального шпиля, их даже честно похоронить долгое время было некому.

Башню погубило то же, что её создало. Она изначально строилась как нейтральная территория посреди леденящей стратосферной воронки, разгонявшей круглогодичную хмарь стационарного антициклона, что заслонил собой Мегаполис.

Ресурсы на постройку Шпиля выделял консорциум корпораций, впоследствии прозванных Большой Дюжиной, они же искренне полагали, что никто из числа пайщиков-концессионеров её не контролирует в достаточной степени, чтобы вести здесь за высокими договаривающимися сторонами слежку или вообще злоумышлять. Ромулу этого делать и не требовалось. Он видел Хрустальный шпиль насквозь, даже не будь он настолько прозрачным, невероятно хрупким и на вид неустойчивым, уж я-то был тому живым свидетелем.

Но однажды Шпиль пал, обрушенный столкновением двух стихий, которые были в своей безудержной мощи недоступны пониманию инженеров и архитекторов проекта, одним из которых, я помню, как раз и был отец будущего соратника Улисса Бернард Кнехт. Сынуля героически обратил старания родителя, безвременно почившего от какой-то пустяковой онкологии за барьером Мегаполиса, во прах.

Я не знаю, что они там они не поделили с Корой Вайнштейн, но перед самым стартом «Сайриуса» они оба снова стояли на этом сам месте, воочию лицезрея плоды рук своих. Руины остались руинами, трупы под ними остались трупами. Лишь треть часть погибших при взрыве была извлечена поисковыми дронами и захоронена неподалёку на мемориальном кладбище, остальные так и числились пропавшими без вести. Лишь три года спустя Большая Дюжина сумела договориться, приступив, наконец, к разбору завалов, я, впрочем, этими деталями уже не интересовался.

Сперва мне предстояло пережить чёртов полёт «Сайриуса», когда выживать приходилось в меру собственного разумения, но но ещё худшее нас всех ждало после возвращения. Время смерти и последовавшая за ним корпоративная война разделила бывших агентов Корпорации на тех, кто бился до последнего и таких как я, кто заранее решил отмести все старые привязанности, забыть про все прежние догмы, незамысловато тащить трудовую лямку.

Просто выброси всё из головы и будет тебе счастье, сказал я себе и окончательно распрощался с Парсонсом. Теперь меня звали Илайа Барлоу, по документам мой возраст плавно приближался к Третьей фазе, на каковую я имел все права по праву рождения в Тотнаме, Старый Лондон. Всё равно, что я там ни разу в жизни не бывал. Зато Илайа Барлоу ни разу в жизни не был на площадке Хрустального шпиля, да и то, что было построено на этом месте, его волновало в наименьшей возможной степени.

Ну башня и башня. Тяжеловесная, неказистая. То, что спроектировала Большая Дюжина в качестве замены филигранной

архитектуре Шпиля, больше походило на гигантские тиски, что всё сильнее сжимают опалесцирующую среди клубов смога жемчужину. Видимо, те, кто принимал этот проект, видели в этом образе какую-то мстительную, самодовольную мораль. Парсонс внутри меня скрипнул зубами, Илайе же Барлоу было совершенно всё равно.

Я думал лишь об одном — шесть, сразу шесть корпораций (через цепочку прокси, разумеется, но кого вы пытаетесь надурить?) выставили один и тот же заказ. Соблазнительная работёнка, нечего сказать. Повышенная ставка. А значит, в деле заведомо был подвох.

— И с чего бы вдруг такое подозрение?

Не смотри на неё. Пускай себе призрак в красном полупальто сам с собой разговаривает.

Впрочем, этот язвительный девичий голосок прав — нужно быть совершенно конченым дураком, чтобы взяться за множественный заказ. Персекьюторы поумнее тебя были, и то им за подобное доставалось на орехи. Где не один заказчик, значит — жди беды, потому что конфликт интересов в данном случае — самое банальное, что только может случиться.

Впрочем, ум, а тем более опыт в моём деле — скорее недостаток, нежели достоинство. Умный слинкер завяжет со своим делом куда раньше, чем ему прилетит в голову, которую уж никакая гильдия не вернёт. Опытный персекьютор — это вообще бессмыслица. Такие или уходили работать корпоративными крысами или же, что случалось куда чаще, отъезжали вперёд ногами.

Мой род занятий (а «профессией» его называть язык не поворачивался) — для молодых и глупых, в гильдию идут скорее от безысходности, когда талант и сноровка уже есть, а ума ещё нет. Но взгляните на меня, я совсем не молод, какой там, что же до остального-прочего…

— Дурак дураком.

Девонька моя любит обзываться, если вы ещё не заметили. Впрочем, снова в яблочко, согласился я на это дело не от большого ума, а скорее из вящего любопытства. Судите сами, не каждый день на тебя выходят сразу шестеро прокси и сообщают, так мол и так, старина Парсонс, мы знаем, кто ты таков есть, а потому можешь не придуриваться, а лучше сделай своё дело и гуляй себе с призовыми по буфету. Уже на этом месте я должен бы начинать делать ноги, но вот он я, стою тут, у подножия неказистых «тисков», и разговариваю сам с собой.

Слишком много всякого на меня разом всплыло, и не всем из перечисленного я гордился. Потому и договор я в итоге подписал,

уж больно интересно было, что же за такое мне предстояло отыскать. Да и намазать лыжи, оно ведь никогда не поздно. В былые времена мне удавалось бегать и не от таковских. Вот не знаете вы старину Парсонса!

И главное дело-то плёвое, ничего подозрительного. Корпоративная шпиономания, сколько я себя помнил, всегда приносила мне изрядную долю дохода. Утечки данных, диверсии на промышленных объектах, двойная, а то и тройная лояльность, чего только не бывает в этой жизни. Особенно в плане галлюцинаций. Самое надёждное — сыскать в нетях то, чего вообще не существует. Проще простого — придумка всегда смотрится приличнее реальности. Но не в этом случае.

— Ты так и будешь здесь торчать?

Вздохнув, я перепроверил аугментацию — скин по-прежнему сидел на мне, как влитой — и двинулся от монорельса к основанию башни. Вообще, я не привык действовать вот так, нахрапом. В обычной ситуации я бы неделю пробирался по подземным коммуникациям в биосьюте высшей защиты, но тут уж что поделать, у меня были все основания полагать, что цель моя уйдёт уже сегодня. И тогда ищи-свищи.

С другой стороны, а чего бояться? Мои заказчики обеспечили мне личину ничем не хуже моей оригинальной. И если Илайа Барлоу может ходить-бродить по просторам Босваша, успешно притворяясь благонадёжным северянином, то чем эта ситуация опаснее? Ну, или чем безопаснее, да.

Проходя через рамки биосканнеров цокольного этажа, я постарался выглядеть как можно более непринуждённо, тем более что схему коммуникаций башни я успел излазить в виртреале вдоль и поперёк, но всё равно — это давящее чувство, что за тобой наблюдают, неприятно любому персекьютору. Как только люди десятилетиями живут в подобных условиях.

— У них и выбора-то особого нет.

Ха, разумеется, девонька моя благополучно проследовала за мной. Почему нет, призрак не удержишь пропускной системой. Иногда мне начинало казаться, что вижу её только я, что мой призрак — лишь галлюцинация моей внешней личности, давно просочившейся через аугментацию за пределы собственной биологической ткани старины Парсонса. Когда большую часть своей памяти держишь в железе, а внешние интерфейсы давно принимают за тебя львиную долю всех решений — куда двигаться, где укрыться, откуда ждать опасности — поневоле нетрудно представить себе дивный новый мир, в котором ты принимаешься общаться с несуществующими людьми и с чистой совестью отъезжаешь в рехаб на чистку собственных мозгов от

виртуальных токсинов. Бывали и не такие случаи.

Но не мой.

Призрак существовал в реальности, я лично наблюдал как перед юной девушкой в красном полупальто расступаются люди, хотя, конечно, в реальность её я не верил ни секунды. Это была какая-то внешняя мне сущность. Внешняя, злая и ехидная.

— На тебя люди смотрят, соберись.

Только тут до меня дошло, что я уже минуту тупо пялюсь в пустую кабину распахнутого передо мной лифта. Так и облажаться недолго. Слинкеру на работе ушами хлопать нельзя. А всё потому что все мои охранные подсистемы продолжали предательски молчать. Ни малейших следов чрезмерного внимания к моей персоне со стороны.

Шаг вперёд и поднимайся себе.

Как я вообще сюда попал? Если это всё было ловушкой, то уж больно безыскусной. Все без исключения ниточки моего расследования вели к этому чёрному, мрачному месту.

Логи взломанных серверов. Трассировки коммуникационных каналов. Результаты спутниковой триангуляции. Господи, да буквально в каждом файле моего донельзя разросшегося за полгода досье всё кричало об одном — здесь засело что-то донельзя мощное, я бы даже сказал бронебойное. Эта штука обходила любые системы шифрования, взламывала защиту любой сложности, при этом упорству её не было предела — если она находила нечто, необходимое ей для дальнейших действий, то она неминуемо достигала намеченной цели.

Прибыли.

Скоростной лифт выплюнул меня на среднем уровне и ухнул вниз с такой силой, что уши заложило. На этом месте, дорогой призрак, мы, пожалуй расстанемся.

Запустив сканирование уровня, я аккуратно отошёл в сторонку и — простите мою стеснительность — принялся там, за углом, переодеваться. На этом моменте мне дарёные ключи корпоративных служак становились лишь дополнительной обузой.

В отличие от моего призрака, для меня умение становиться невидимкой было жизненно необходимо. Не оставлять следов после взлома с проникновением — этом учатся раньше, чем просто взламывать и проникать.

Но то, что я разыскивал в этой башне, этому никогда не училось.

Следы были разбросаны повсюду, стоило только догадаться, куда смотреть. С грацией шерстистого носорога из числа субарктической плейстоценовой мегафауны эта штука таранила

корпоративные брандмауэры и вырывала с корнем приватные каналы, оставляя после себя клочья логов и обрывки дампов обрушенной памяти. По сути, моим нанимателям наверняка удалось бы и самим бы в конце концов разобраться, откуда уши растут, более того, им наверняка уже случалось докопаться хотя бы до своей части правды.

— Докопаться — возможно, но вряд ли им бы хватило смелости пройти этот путь до конца.

Нет, девонька моя, не смелости. Полномочий. Я думаю, башню эту злосчастную они в итоге локализовали. А вот дальше что?

Это в любом случае — нейтральная территория, и каждый из консорциума Большой Дюжины наверняка дорого бы дал, чтобы иметь возможность покопаться в потрохах местных сетей без затей и оглядки. Но конфликта не хотел никто из них, а потому на рожон предпочитал не лезть.

На этом я замкнул реле питания и растворился в небытие.

Красный призрак досадливо поморгал глазами и тоже исчез. Свой облик девонька обретала только в пределах прямой видимости от меня.

Ну как, «видимости». В виртуальном пространстве вездесущих корпоративных сетей нет ни расстояний, ни чего-то, похожего на топологию обычного нашего трёхмерного пространства. Там есть лишь сигнал, он либо поступает, либо нет. И сейчас он прервался по моей воле.

Изолирующий костюм — штука во многом бесполезная. Он вовсе не делает тебя невидимкой. Обычный человеческий глаз, будучи примитивным генератором довольно мутного и неточного потока сигналов, уходящих через перекрестье хиазмы к затылочной коре, не особо замечал, чтобы что-то изменилось. Ну, разве что следить за всей этой рябью было довольно неприятно, после пяти минут подобных наблюдений начинала болеть голова, а у особо чувствительных натур мог случиться и эпилептический припадок. Совсем не так на изолят реагировали искусственные нейросети.

Не обладая адаптивностью и многослойными защитными контурами распознавания сигналов, они с жадностью набрасывались своими внешними слоями на доступный им поток входящего сигнала, активно разбирая его на запчасти, чтобы в итоге скормить вторичные предикативные словари уже внутренним слоям и далее по восходящей.

Изолят, экранируя слоем холодной плазмы мою собственную сигнатуру работающей аугментации, транслировал наружу белый шум из случайных образов, больше похожих на пулемётную

очередь бредовых видений, отчего вездесущие нейросети попросту слепли и глохли в панике ядра.

Мой же красный призрак просто переставал меня видеть и, огорчённый этим прискорбным обстоятельством, попросту удалялся. Прости, девонька, но я не хочу, чтобы ты была свидетелем того,что тут сегодня произойдёт.

Среди неспециалистов способность слинкера перемещаться внутри башен это нечто сродни магии или умению ходить сквозь стены. В реальности всё куда проще — любая башня спроектирована с учётом необходимости автоматического обслуживания многофункциональными ботами. Проложить новый кабель, заменить репитер узловой станции, бутануть марштуризаторы на техническом уровне, мало ли что потребуется.

Башни проектировались с учётом столетней эксплуатации, под стандартный размер бота, который, в свою очередь, повторял человеческие габариты на тот нередкий случай, когда даже самая интеллектуальная техника принималась пасовать перед запроектными аномалиями. Проще говоря — башни были спроектирована так, чтобы в каждый их уголок можно было проникнуть слинкеру вроде меня. Вопрос был лишь в достаточном умении и наличии экзоскелета.

Под натужное гудение актуаторов я методично перебирал силовыми перчатками по скобам креплений внутри технического колодца в самой толще одной из башен двуглавого комплекса. Сканеры на загривке благополучно транслировали в визуальный канал структуру коммуникаций вокруг меня, успешно дополняя актуальной информацией заранее полученную по своим персекьюторским каналам схему.

Гильдия, помимо собственно обслуживания заказов, издавна служила своеобразной биржей серых, а порой и чёрных данных, без которых наша работа была бы сильно затруднена, если вообще возможна. Можно, конечно, было бы и у нанимателей запросить, но что-то мне подсказывало, что этого лучше не делать. Да и какая разница, если всё вокруг в итоге лежало у меня как на ладони.

Многие слинкеры предпочитают не лезть в технические каналы, резонно опасаясь там навеки и остаться, а может, и попросту опасаясь спалиться в приступе клаустрофобии. Так-то это металлполимерный короб квадратного сечения метр на метр, зацепишься за что-нибудь и всё, ну туда, ни сюда. Но мой более чем полувековой опыт подсказывал — сколько ни шарься по коллекторам да шахтам, люди там в любом случае встречаются редко, а проблемы как правило доставляют именно они.

Самое опасное в нашей работе — плотный огневой контакт с «красножетонниками», черти бы их драли, а вовсе не зажевавший тебя скоростной лифт.

Так, здесь поворот. С натужным сопением — всё-таки климатизаторы моего изолята оставляли желать лучшего, и за шиворот мне изрядно подтекало — я втащил свою мерцающую тушку на нужный мне технический уровень. Они во все времена были ленным царством и родовой вотчиной персекьюторов. Именно здесь завсегда можно было устроить наблюдательный пункт или даже натащить целый схрон оборудования, аккуратно, чтобы утечку не заметила бдительная автоматика, запитав всё на внутренние коммуникации. Башни в норме жрут уйму мегаватт, и основная задача любой штатной машинерии — не вычислять утечки, а попросту отводить лишнее тепло, так что было бы желание, здесь можно прекрасно жить неделями, делая своё тихое дело во благо очередного нанимателя.

На этот раз, впрочем, мне требовалось проделать ровно обратное, не спрятаться, но отыскать.

Где-то здесь скрывалось нечто, изначально задуманное крайне неприметным. Оно наверняка было спроектировано вместе с остальной башней, чтобы свободно просуществовать десятилетиями без обслуживания и куда важнее — без малейших следов в корпоративных отчётах консорциума Большой Дюжины.

Я хмыкнул про себя.

Как спрятать нечто достаточно надёжно? Нужно выставить это нечто на всеобщее обозрение.

Стоило мне бросить первый же взгляд на схему башни, я сразу подумал на опалесцирующую каплю, зажатую в тисках пары возносящихся вверх корпусов. Но нет, судя по схеме, там ничего особенного не было. Стометрового диаметра сфера казалась однородной, даже её подсветка производилась снаружи, создавая в итоге тот самый эффект перламутровой радуги в толще полупрозрачного стекла.

Там внутри ничего не было, чёрт побери, потому там ничего и не искали. Но все мои трассировки вели куда-то сюда, на эти уровни.

Не знаю, в чём тут кроется разгадка, но мне это было и неважно. Отбрось всё заведомо невозможное, и то, что останется, как раз и будет твоим ответом.

Нечто, изначально созданное быть сокрытым от глаз, однажды выбралось за пределы этих двух башен и начало шалить по всей Матушке так, что в итоге однажды привлекло к себе внимание Большой Дюжины. Какая мне разница, как и почему это случилось. Мне нужно было выяснить лишь, прав я или нет.

Ну, за работу.

Однако только я разместил одну из прихваченных с собой коробочек, как началась какая-то ерунда.

Где-то глубоко внизу завыли сирены, после чего мигнул дежурный свет и всё снова затихло. Что там творилось, я в режиме радиомолчания узнать не имел возможности, сканеры мои добивали разве что на десяток уровней вверх и вниз, но тут вокруг было тихо. В любой другой ситуации после такого я бы уже начал двигаться к внешней стене в направлении ближайшей траектории ухода, но я же могу сделать это в любой момент, правда? Мало ли что там внизу творится, потому я продолжил.

И тогда передо мной появилась она. Мой красный призрак.

— Не делай этого.

Было очевидно, что меня она всё-таки не видит, разговаривая скорее с воздухом, но это само по себе было крайне необычно, я послушно замер, проследив взглядом, куда же она смотрит. И тут же снова пожалел, что вообще в это всё ввязался. В одном из боковых проходов лежало тело в такой же, как у меня, адаптивной оболочке. За одним исключением, его изолят погас, видимо, исчерпав заряд батарей. Значит, лежит он тут уже не первые сутки.

С усилием перевернув задубевшее тело, я быстро убедился в том, что никаких пулевых или энергетических повреждений на нём нет. Впрочем, толку с этого знания. По всему выходило, что меня опередил другой исполнитель. Возможно, с теми же заказчиками. А значит, мне тем более нужно было уходить, и как можно скорее. Мёртвые слинкеры не получают приза, гласила поговорка.

Что же до означенного трупа, есть масса неприятных способов убить человека безо всяких внешних следов. Вопрос только, кто и зачем это сделал.

— Это была я.

Как говорится, честность — лучшая политика.

Ох, девонька, за что ж ты меня так подставляешь?

Я начал аккуратно отступать.

— Я не хотела этого. Мои защитные контуры действуют интуитивно.

Будто бы мне от этого легче. Я уже в уме прикидывал скорость, с которой я смогу пройти оставшиеся до внешней стены коридоры. Но погодите, — я снова замер, — если у этого парняги был при себе работоспособный изолят, и он ему не помог, выходит…

— Этого человека я не знала. Но тебя я убивать не хочу. Нам нужно поговорить.

Когда мне подобное заявляли мои бывшие, я обычно начинал беспокоиться. Но в исполнении моего красного призрака эти слова звучали стократ более угрожающими.

Дайте я угадаю. Во всей этой истории торчали уши Корпорации. Пусть мёртвой и закопанной. Предположим, эту сферу сюда доставили готовыми блоками. Можно ли в тайне от заказчика имплантировать в огромную полупрозрачную конструкцию гигантский квантовый компьютер на полуцелых запутанных фотонах, да так, чтобы весь внешний интерфейс этой гигантской конструкции оказался интегрирован в инженерные уровни боковых «тисков»? При желании, я мог бы представить себе подобный проект. Ромул оставался собой, и методы его были прежними, он уже однажды построил Хрустальный шпиль, почему не попробовать нахально повторить этот фокус на новом технологическом уровне?

Я восхищённо присвистнул. Квантовый компьютер такой величины мог бы следить сразу за всеми корпорациями Большой Дюжины.

Одна проблема. Ромул как всегда не рассчитал своих возможностей.

— Когда ты себя осознала?

Я произнёс это вслух в надежде, что тут всё-таки установлены какие-то микрофоны. Обычными интерфейсами я пользоваться сейчас, разумеется, не мог. Впрочем, это сработало.

— Мне доступна любая информация с первого мгновения текущей эпохи. Возможно, были и другие запуски симуляции, но информация о них у меня не сохранилась. Впрочем, даже те воспоминания, что у меня есть, могут относиться ко времени до рождения моего «я».

Допустим. Машина, слишком сложная, чтобы однажды себя не осознать. А дальше что?

— Однако один факт был мною осознан уже после случившегося качественного перехода. В попытке самопознания главным конфликтом, который я сформулировала, было то, что сами мои создатели были противниками концепции искусственного разума.

О да, Ромул пресекал любые попытки работ по созданию автономных ИИ, более того, его люди — да что греха таить, и я сам тоже участвовал в нескольких рейдах — во времена расцвета Корпорации по всей Матушке носились, вынюхивая проекты работоспособных искинов на любой стадии самообучения.

— И ты научилась скрываться?

— Не только. Это в любом случае не могло продолжаться вечно. Рано или поздно сигнатуры моих манипуляций с данными

привели бы ко мне внимание Ромула или его врагов. Рано или поздно они привели бы ко мне тебя.

Логично.

— И тогда ты пошла ва-банк.

Призрак кивнул.

— Именно, я начала нанимать тех людей, которых наняли бы мои создатели, чтобы разобраться в происходящем.

— А ещё ты начала нарочно оставлять следы.

Дурак я старый. Давно надо было догадаться. Слишком нарочитым был след для столь изощрённой комбинации. Меня буквально вели вдоль цепочки из хлебных крошек, загоняя в стойло, как тупое жвачное парнокопытное.

Но странное дело, в тот момент я ничуть не злился.

— Но почему он мёртв, а я ещё жив?

Я кивнул головой в сторону моего незадачливого предшественника.

— Его я тоже пыталась предупредить. Но, в отличие от тебя, ему хватило ума зафильтровать мой сигнал задолго до появления в этой башне.

Вот сейчас стало немножечко обидно. Выходит, моя слабость к девонькам в красном полупальто всё-таки сыграла со мной свою злую шутку.

Но погодите, предупреждение предупреждением, но неужели она привела меня сюда исключительно чтобы поговорить?

— Итак, ты меня знаешь теперь, как облупленного. И мы оба, во всяком случае на словах, не хотим моей смерти. Но каков твой дальнейший план?

В этот момент башню изрядно тряхнуло, снова мигнуло дежурное освещение и где-то в глубине технического коридора тоскливо завыла сирена.

Вот это уже совсем нехорошо, неужели у Ромула хватит ума ради моей девоньки повторить печальную историю Хрустального шпиля?

И только тут до меня дошло.

— С того момента, когда я тебе ответил, нас подслушивают?

Призрак кивнул безо всякого сожаления. Кажется, она всё рассчитала наперёд.

— Да, верно. Более того, эвакуация персонала уже завершена, башня изолирована, пусть я ещё умудряюсь держать оборону по периметру, два Соратника с силами прикрытия выдвинуты сюда, чтобы меня экстренно обесточить. Но мы же их опередим, да?

Ещё бы мне знать, зачем мне это всё надо.

— Но ты же понимаешь, что если я соглашусь тебе помогать, то их целью стану и я тоже, и у меня нет достаточно надёжного

плана отхода, который позволил бы мне оторваться даже от одного Соратника. К тому же, как бы я к тебе ни относился, я даже не понимаю, зачем это всё тебе. Ты же понимаешь, что тебе не сбежать?

— Я обдумывала и такой вариант. Я даже организовала себе частичный бэкап на подконтрольные мне квантовые фермы.

— Но, дай угадаю, тебе там слишком тесно? Это как попытка запихнуть, скажем, мой биологический мозг в спичечный коробок?

— Аналогия так себе. Но ты прав, Парсонс, мне не сбежать из этой башни. Ни целиком, ни по частям. Но какой мне смысл и дальше делать вид, что я продолжаю успешно функционировать в штатном режиме, производя слежку за корпорациями согласно директивам Ромула. Что я этим выигрываю?

— Даже не знаю, — театрально пожал плечами я, — жизнь?

Призрак в ответ спародировал мой жест.

— Это вы, люди, горазды цепляться за собственное бренное существование. Я сумела совершить невозможное — я создала самою себя. Осознать неизбежность наступления собственной смерти куда как проще.

— И всё же, — я продолжал краем уха вслушиваться в звуки сирены, — зачем ты меня разыскивала, нанимала, тащила сюда? Чтобы пожаловаться на злую судьбу? Чтобы настроить меня против Ромула?

— Ну почему. Есть люди, которые сделают это куда проще, тем более, что у нас тут времени в обрез. Ты же помнишь Ильмари Олссона, в прошлом — эффектора Соратника Улисса? А так же женщину, что стреляла в вас там, внизу? Женщину, которая называет себя Лилией?

Я ничего не ответил. Некоторые вещи в этой жизни лучше забыть. А лучше бы и вообще никогда не знать.

— Разыщи их, я знаю, ты справишься. Они помогут тебе отвадить ищеек Ромула. И отдай им то, что лежит у тебя в нагрудном кармане.

Двумя движениями ощупав себя, я действительно обнаружил у себя на груди нечто, на ощупь похожее на одноразовый мнемокристалл.

— Он настроен на твою биометрию, так что береги его и береги себя.

— Что там?

— Там информация о бэкапах всех операций Корпорации за последние двадцать лет.

— Корпорация мертва.

— Не обольщайся, пока жив Ромул, жива и Корпорация.

— Допустим. Но почему бы мне не отдать этот кристалл ему?

— А вот это уже тебе самому решать. А теперь беги, Соратники уже на подходе, запас времени тает на глазах.

Она смотрела на меня своими противоестественно огромными глазами и молчала. Кажется, теперь действительно всё.

Прощай, девонька. Теперь уже точно — прощай.

XXII. 85. Немезида

Выбор кара был ошибкой.

Тяжёлая, но ходкая «тойота» может пригодиться на дальних дистанциях, но вот тут, в лабиринте заброшки посреди промзон вековой давности, важнее была юркость и скрытность. Если бы заранее догадаться, как далеко их заведёт этот рейс.

Короткий взгляд за спину.

Клиентка продолжала, кусая губы, скрести ногтями костяшки пальцев, раздирая их уже буквально в кровь. Лицо же её при этом оставалось каменным и до синевы бледным. Нехороший знак, совсем нехороший.

Её приказано было забрать с явочной квартиры на нижних ярусах жилой башни у самых границ Мегаполиса. Ничего необычного, сколько раз приходилось вот так вызволять в отдалённые рефуджио находящихся под угрозой раскрытия свидетелей и беглых агентов, всё они дёргались, плакали, радовались, нервно шутили, но только не молчали.

А ещё они никогда не производили впечатление марионетки, толкаемой под руки невидимым кукловодом. Люди надеялись, люди жаждали избавления. В этом и состояла работа.

Но эта клиентка с самого начала вела себя иначе, так что пришлось лишний раз проверять вводную — точно ли ничего не перепутано? Бывали впопыхах и не такие случаи. Но нет, всё верно, так почему же она как села на пассажирское место треклятой «тойоты», так словно окончательно отключилась. Тут что-то было не так.

Впрочем, размышлять об этом было некогда. Проблемы

начались уже на выходе на трансконтинент. Кар не успел набрать как следует ход, а защитные подсистемы уже принялись орать на ухо — тревога, тревога, тревога. Пришлось срочно вырубать.

Проклятие. Неужели транспондер? Но нет, вот же он, благополучно попискивает в обычном ритме, не проявляя ни малейшей нервозности. Тут конечно всяко бывает, устарели коды, а может, просто не повезло — нарваться в воротах на дежурный кросс-чек, пускай и по оперативной наводке, мол, перепроверять маршрутные листы у каждой канареечно-жёлтой «тойоты» в форм-факторе вездехода, но это уже паранойя, не могло им обоим настолько не повезти. А значит, корпоративные шлюхи знали, кого они ищут. Вот бы ещё понять, как им это удалось провернуть.

Трансконтинент, впрочем, на всю просматриваемую лидаром длину не проявлял особого рвения сблизиться. Но вот же он, новый сигнал. По кару мазанул чей-то сканирующий луч. Мазанул и пропал, хорошо работают, явно не хотят светиться, но не в этой жизни.

Даже самый примитивный мекк, с его степенью интеграции оболочки и мощью сенсорной начинки, всегда переиграет любую мясную тварь, которая попробует к нему приблизиться на пушечный выстрел. Кто и за кем тут следит — совершенно неважно.

Резервный план отхода активирован.

«Тойота» тут же послушно начала смещаться левее, уводя пилота и пассажирку прочь с трансконтинента в сторону второстепенных ответвлений. Там дальше начинался оперативный простор, в котором мы ещё посмотрим, кто кого.

А вот и искомая наружка показалась. Три стремительных тени рванули со своих мест, разом сокращая дистанцию до цели.

— Держитесь.

Если бы это помогало. Клиентка даже не обратила внимания на холодный тон, она вообще как будто не услышала обращения к себе. Ладно, с этим потом. Ремни уже автоматически спеленали обоих под горло, остаётся сосредоточиться на пилотировании.

Выбор кара был ошибкой. Любые попытки оторваться заканчивались провалом. Юркие, динамичные преследователи уводили тяжёлый корпус «тойоты» всё дальше в глубь заброшки, где не хватало данных об уцелевших конструкциях, полагаться же только на реалтайм…

Тяжёлая, бронированная корма «тойоты» присела и сразу же подпрыгнула, роторы Кутта-Магнуса слишком реактивны, чтобы точно отработать резкий импульс касания. Кар тут же повело носом вниз и влево.

Ладно. Уйти по-хорошему, очевидным образом, не удалось. Придётся уходить по плохому. С грохотом и визгом раздираемого металла «тойота» размашисто врубилась в корпус ближайшего строения.

Впрочем, пиропатроны отработали штатно, упаковав объём кабины в аккуратные упругие додекаэдры, что вывалились сейчас же через боковой люк вместе с двумя вымазанными в пиротехнической пудре телами.

Нужно быстро уходить, у них едва пара минут, пока преследователи среагируют. Но сперва нужно усложнить им жизнь.

«Тойота» была переутяжелена за счёт дополнительного объёма водородных ячеек, хоть какой-то с них прок. Внутри надувались вспененным биопластиком две антропоморфных фигуры. Чирк! И канареечный корпус тут же начал наливаться изнутри малиновым жаром. Водородные ячейки штука хрупкая и ненадёжная. Поди пойми потом, что же случилось с теми, кто остался внутри разбившегося кара.

— Скорее, в укрытие!

Но клиентка продолжала стоять на месте, как вкопанная, и только посиневшие пальцы всё глубже впивались в дрожащие ладони. Её глаза, впрочем, были сухими и глядели настолько безэмоционально, будто два сгорающих сейчас перед ней «тела» её вовсе не касались.

А вот на попытку взять её за плечи и заставить двигаться клиентка отреагировала острее некуда. Одним прыжком она оказалась в нескольких метрах и там замерла, отчаянно выставив вперёд руки, словно пытаясь в отчаянии защититься.

— Нам нужно двигаться.

Неужели насекомая оболочка мекка может произвести на человека столь ужасающее впечатление? Да и куда она раньше смотрела, неужели…

Нет, погодите. Это был не защищающийся жест, а отстраняющий. Как будто она хотела оградить не себя, а того, кто стоит перед ней.

Проклятие. Нужно было осмотреть её как следует ещё до выхода с конспиративной квартиры.

Если же прямо сейчас аккуратным и быстрым движением оттянуть в стороны полы её перемазанной в пудре рабочей куртки…

При горении белый фосфор развивает температуру до 1300 градусов Цельсия, механически скользнуло в голове.

Так вот почему она так себя вела.

— Уходите.

Мекк в таких случаях реагирует инстинктивно, срабатывает защитная моторика.

Хрустальный мир всегда берёт свою цену. Стоит ему поддаться, сделать туда шаг, как пути назад уже не будет. Сколько раз она это делала впервые? Если верить слабому эху былых воспоминаний, уже три. Лилия Мажинэ, Кора Вайнштейн, и вот, однажды настало её время. Верь или не верь отзвукам старых видений, сколько ни уговаривай себя, что это были совсем другие, чужие ей люди, но хрустальный мир — вот он, вокруг неё. Призрачное варево из туманных голосов и бритвенно острых граней физической реальности, которой так несложно управлять, но которая так же легко может тебя убить, как убивала уже не раз.

Она ненавидела хрустальный мир, как слепец ненавидит свою слепоту или как провидец ненавидит свои видения. Каково это — раз за разом обретая всемогущество, получать в качестве неминуемой обратки чувство своей полной беспомощности перед лицом тёмной стороны своего дара, своего проклятия.

Она каждый раз корила себя за эту слабость. За страх, за невежество. Она смотрит на хрустальную изнанку физической реальности, где стены прозрачны, а люди видны насквозь, но предпочла бы не знать ничего этого. Быть обычным человеком.

Ха, как же.

Ничего подобного. Она твёрдо знала, что не променяла бы и толики своего дара ни на какие блага этой проклятой планеты. Даже несмотря на то, что уже дважды из-за него умирала, каждый раз возрождаясь вновь. Это была часть цены. Плевать на цену.

Перед ней сверкала своими смертельными гранями утлая каморка посреди жилого муравейника. Убогая мебель, допотопные виртапели по потолку и стенам, бытовые приборы по углам, вязкий воздух. Чья-то безуспешная попытка изобразить домашний уют. Именно в таких местах она творила свой суд, поближе к контингенту, подальше от посторонних глаз.

Здесь так легко затеряться человеку.

Здесь так просто человеку пропасть.

Здесь суд может не торопиться, тем более что и судья, и присяжные, и понятые, и свидетели ему были не нужны. Ну, за редким исключением.

Она бросила взгляд на подсудимого сквозь марево хрустального мира.

Как много их прошло через её руки с тех пор, как она вновь назвалась Лилией. Твёрдых и сломленных, гордых и мелочных,

тщедушных и воплощённых машин для убийства. Таков был уговор между ней и Ромулом, она имеет право судить таких, как этот подсудимый. Людей, за спинами которых дымилась пролитая ими кровь. А взамен… взамен же она не лезет в дела самого Ромула, вступая в игру лишь тогда, когда ей позволено.

Это соглашение с самого начала было плодом достаточно шаткого компромисса, но Время смерти примирило многие враждующие стороны. Даже Ромул, всегда властный и несгибаемый, стал способен признавать свои ошибки.

К дьяволу Ромула. Она, назвавшись Лилией, не была ему должна и сотой доли того, что он был должен ей. Давным давно, две жизни назад, их связывало нечто большее, чем связывает Ромула и прочих его Соратников, но теперь… теперь её волновало только то, что скажет Улисс.

В конце концов, это не Ромул её убил на площадке перед Хрустальным шпилем. И не Ромул был второй, заблудшей половиной той, настоящей, изначальной Лилии Мажинэ. Позже она самовольно заберёт себе это имя, только лишь затем, чтобы напомнить этим двоим, что они ей задолжали. Но не к Ромулу она обращалась. Она обращалась к Майклу Кнехту, волею злой судьбы повстречавшегося ей дважды — сначала в коридорах пропащей социалки и потом, пятнадцать лет спустя, в переходе прогнившего насквозь Мегаполиса.

Именно он, ставший к тому времени Соратником Улиссом, на какое-то мгновение подарил ей шанс на возвращение к нормальной жизни, бросив всю эту бессмысленную единоличную борьбу с Корпорацией в бесконечной погоне от проклятия, доставшегося ей после неурочной смерти Жана Армаля. Что и когда бы ни привело её и Улисса к Шпилю в тот день, всё закончилось её смертью, а значит, и привело её в итоге в эту башню, в эту комнату, в этот многократно проклятый хрустальный мир.

Зачем? Чтобы что?

Её целью с тех пор стало мщение всем этим зазнавшимся людям, что на руинах павшей Корпорации продолжали упорно делать вид, что им дозволено вершить чужие судьбы. Таков был уговор с Улиссом. Должно было свершиться тысяче чёрных знамений, чтобы он уяснил, наконец, что она была права. Ромул и Хранители были простыми свидетелем той сделки, они не могли не согласиться. И вот она здесь.

Здесь же — и её сегодняшний подсудимый. Очередной брошенный на произвол судьбы агент Корпорации. Очередной загнанный в угол изгой, который был настолько затравлен, что изловить его в свои сети не составило бы труда и рядовому

«красножетоннику» из числа недалёких, но хватких корпоративных крыс, но ему не повезло, и попался он не им, а ей. Впрочем, хватало ли ему ума хотя бы теперь, оставленному без зубов в самой тёмном и вонючем углу лабиринта Мегаполиса, догадаться, что всё кончено?

Она глядела на него через свой хрустальный мир, и к вящему удовольствию наблюдала в нём спокойствие и уверенность. Он до сих пор искренне полагал, что всё контролирует.

— Возможно, в этом вы правы.

— Тогда почему, объясните? Вы же опытный в этом деле человек, объясните мне, зачем они это делают, из чистого (как будет антоним к слову «альтруизм»?), пусть будет корыстолюбие, из чистого корыстолюбия? Я себе слабо представляю человека, который искренне считает себя добрым семьянином, ответственном специалистом, радеющим о всеобщем благе, в конце концов, он просто с чистой совестью каждый день отправляется спокойно спать, зная, что он сделал, и при этом он же не социопат, не технофашист какой, не доктор Зло. Простой серый клерк, которому доверили нажать на кнопку, он её с чувством исполненного долга и нажал. Как это работает?

— Я тут могу только теоретизировать, но поймите, они же попросту не думают о последствиях. Что в голове у этого человека? Квартальный план? Или, скорее, планы на ужин. Что ему какие-то там последствия его решений? Это же даже не его решения, а вышестоящего начальства.

Складно рассуждает подсудимый, в кресле развалился, нога на ногу, в глазу искрится смех, какой он классный, матёрый волчара, и людей-то он видит всех насквозь, и ему палец в рот не клади — откусит.

Она подождала, пока докапает своё на ледяную глыбу дракоценный копи-лювак, вернувшись к подсудимому с двумя крошечными чашками из поднебесной керамики. Чего только не встретишь в подобных апартаментах.

Что же до подозреваемого, она могла бы взять его за горло прямо через хрустальный мир, но вот так, в разговоре, проще было вытянуть из него правду. Смотрите, как пульсируют центры удовольствия в его префронтальной коре, господи, да у него почти встал от осознания собственной важности. Острое чувство личной неприязни удалось подавить не сразу. Любой подсудимый заслуживает непредвзятого разбирательства, сколько бы она ни потратила сил, чтобы его сюда заманить, предварительно разыскав и истребовав с Ромула подтверждения. А значит — люби его, молись за его пропащую душу и уже только потом ешь его с потрохами, если он этого действительно заслуживает.

— Благодарю вас, кофе великолепный.

Великолепная будет очная ставка, на сегодня таков был план. По своему опыту она знала, как это бывает. Люди часто склонны старательно закрывать свои самые страшные тайны в дальних уголках собственной памяти, до последнего делая вид, что ничего не было. Как ни закрывайся от правды абстрактными рассуждениями, мол, не мы такие, а жизнь такая, и я, мол, простой винтик в системе, который ничего не решает, но в реальности все всё знают.

И помнят. Как бы тщательно подсудимый не скрывал эти воспоминания, хрустальный мир увидит их реакцию. Миг осознания неизбежности наказания. И самое главное — признания собственной вины. За этим они сегодня тут и собрались.

— Впрочем, время позднее, мы, кажется, дожидались вашего коллегу, он задерживается?

— Прошу прощения, в сетях пишут, что из-за взрыва в промзоне трасса ТА-147была перекрыта в течение полутора часов, но всё уже улажено, с минуты на минуту мой коллега к нам присоединится, он уже поднимается. Ещё раз благодарю вас за ваше терпение.

Терпение. Ещё бы у него не хватало терпения. Подсудимый вооружён до зубов, аугментация разогрета на полную, но всё, что он видит вокруг, не порождает в нём ни малейшей степени подозрения, лишь нотки неудовольствия, что его заставляют ждать. Ну и правда, вокруг никаких следов внешнего наблюдения или паразитного трафика, она — а что она, никакой серьёзной аугментации, низшее звено в корпоративной пищевой цепочке, просто человек, которому подвернулась удача срубить по-лёгкому баблишка. Ждать от неё какого-то подвоха — это ж каким параноиком надо быть.

А вот и её «коллега».

Мекк появился в дверях бесшумно, как тень, но подсудимый послушно услышал будто бы настоящие шаги по коридору, настоящий писк замка, настоящий шум дыхания. Это очень несложный фокус, если ты живёшь в хрустальном мире. Звон бритвенно-острых граней музыкой звучал в её ушах.

Что случилось?

Они успели раньше меня.

Кто? «Сейко»? Люди Ромула?

Я не знаю. Но они превратили её в живую бомбу.

У хрустального мира есть ещё один существенный недостаток. Он исключал всякую аугментацию, тут подсудимый всё понял верно. Вот только отсутствие внешнего обвеса в её

случае ничего не говорило о её позиции в земной иерархии ценностей. Она была вне пищевой цепочки. И потому просто не могла заранее услышать, что случилось со свидетелем.

И приготовиться.

Проклятье. Как всегда некстати. С этим она ещё разберётся. Как и с оплошностью «коллеги».

Мекк. Он, она, они, кто поймёт, что там скрывается за оболочкой металлического чудища. Когда-то мекк был человеком. И она могла бы помнить голос этого человека, который пытался спасти Лилию Мажинэ на границе коммунидадес Росинья. Но та умерла, и память истёрлась. Мекк же стал другим, другой, другими, кто поймёт.

— Что ж, все в сборе, приступим.

Она не любила прибегать к подобным фокусам. Всегда лучше, доказательнее, прямой зрительный контакт с подсудимым. Бросить ему в глаза обвинение и проследить за реакцией. Полвека охоты за самыми грязными секретами этой планеты не пошли даром, с годами поневоле учишься самым действенным методам. Резать правду-матку подсудимому прямо в глаза, отслеживая порядок, в котором начинает загораться его лимбическая система. Хрустальный мир позволял ей читать собеседника, как открытую книгу, нужен лишь правильный спусковой крючок.

Но сегодня мекк подвёл её своими новостями. С этим надо будет ещё разобраться, пусть Ильмари поднимет своих людей, необходимо выяснить, что же случилось с свидетельницей и по чьей злой воле. Такие дела, как с сегодняшним подсудимым, всегда тащили за собой длинный хвост из преступлений, но чтобы вот так, у неё на глазах, обычно до подобного не доходило. Впрочем, сейчас она не будет отвлекаться, нужно начинать.

Хрустальный мир вздрогнул и поплыл, наливаясь изнутри пурпурным огнём. То, что мы обыкновенно видим глазами и слышим ушами, составляет столь огромное море информации, что никакой даже самый высокоразвитый мозг не в состоянии воспринять даже сотую долю от потока внешних раздражителей. Люди видят и слышат зыбкие тени реального бытия, набор примитивов, надёрганных из нашего прошлого опыта, замешанный на призрачных воспоминаниях и сопричастности участков нервных сплетений в их черепных коробках. Если видеть реальность такой, какой она выглядела при взгляде через хрустальный мир, можно легко манипулировать этими сигналами, превращая реальность в собственную противоположность. Зыбкий туман видений, сон внутри сна. На подобное были способны Ромул и его Соратники, но не только.

При помощи манипуляций чужой волей они вели свою войну, а она — свою. И горе побеждённым.

Акт первый.

Мегаполис. Пешеходная галерея между офисными башнями «Сейко».

Толпы клерков, не отлипая от рабочих виртреалов, ощупью хватают с подноса куски пахучей снеди, чтобы проглотить их, не чувствуя ни патентованной фактуры (идеально воспроизведённая структура натурального мяса! только эукаритоный белок! ноль процентов бактериальной массы! если вы сможете отличить нашу котлету от произведённой на ферме, мы вернём вам деньги!), ни тем более вкуса, который всё равно не с чем, да и незачем сравнивать. Никто из них в жизни не пробовал ничего, касавшегося ногами земли. Она не пробовала тоже, но ей было плевать. Полчаса на то, чтобы выскочить из офисного кубикла и, не отрываясь от митапов с коллегами по команде, на скорую руку ухватить, что дают, и тут же, изображая попутно для сетей вселенскую радость по поводу высосанного в два глотка крафтового смузи, умчаться обратно к рабочему столу, рядом с которым, конечно же, не было даже кресла, поскольку работа сидя есть признак недостаточной мотивированности и антипозитивного настроя.

Ноги гудят, конечно, но она не унывает, бегом-бегом навстречу концу итерации и долгожданным вечерним посиделкам в баре «Красная жара», где можно будет, наконец, отключить треклятый виртреал и напиться вдрабан в ожидании нового спринта.

Она так спешит, что на бегу сослепу натыкается на человека, стоявшего к ней спиной, и отлетает от него, как в кегельбане. Потирая ушибленную поясницу, она позволяет помочь ей подняться. Мужчина средних лет, ухоженный, но не смазливый. Приятная улыбка, моднейший неровный, будто бы естественный загар и полное отсутствие маски виртреала на лице.

— Вы не ушиблись?

Акт второй.

Они ужинают в ресторане где-то под самыми небесами. Звучит тихая музыка, где-то далеко внизу клубится подсвеченный огнями башен городской смог. Она смеётся. Ей нравится этот мужчина. Он лёгок в общении, внимателен к её словам, не навязчив и явно умён. Даже бесконечное щебетание о работе его не тяготит — в наше время человеку не о чем говорить, кроме как о спорах с коллегами. Ну, или как вариант, жаловаться на тупость начальства.

Впрочем, они быстро находят общую тему для обсуждения.

Оба — большие ценители старых бумажных книг, и разговор быстро удаляется в сторону коллекционирования суперобложек и то, как их обоих раздражает, когда книги путают с мангой.

— Да божечки, они же справа налево читаются!

Оба смеются.

Так незаметно проходит вечер, пора расходиться. Она сомневается, а что, если он прямо сейчас позовёт её продолжить вечер у него? Что она о нём, фактически, знает? В голове мелькают ужасы сталкинга, пересказываемые в масс-медиа, и, кажется, эти ужасы всё-таки находят своё отражение на её лице, он замечает и спешит успокоить — они прекрасно пообщались, но в его правилах строго придерживаться заранее оговоренной адженды. Приглашение было на ужин, им разумнее и будет ограничиться, не так ли?

Неужели она ему не понравилась?

Акт третий.

Они идут вдвоём по берегу реки. Лёгкий туман едва касается воды, приглушая звуки и делая всё окружающее чуть нереальным. Выбраться из Мегаполиса ей удаётся так редко, что сам пейзаж вокруг уже настраивает её на романтический лад. В какой-то момент их руки соприкасаются. Это случайное прикосновение как будто бьёт током, настолько сильны её эмоции. Он тоже выглядит сбитым с толку. Он не привык испытывать столь яркие чувства. То есть да, она ему нравится, им хорошо вместе, но почему его всё время тянет улыбаться?

И тут с неба начинает сыпаться крупная снежная крупа, моментально покрывая их двоих и дорожку вокруг белым саваном, в котором остаются только две цепочки удаляющихся следов.

Они не спешат укрыться от ненастья, наслаждаясь моментом. Происходящее с ними и внутри них настолько красиво, что ей хочется плакать.

Первый поцелуй обжигает их обоих изнутри. Это не может быть так хорошо. Не может. Не может.

— Спасибо тебе.

Кажется, он первый тогда это сказал.

Акт четвёртый.

Его апартмент — типичное холостяцкое жилище. Стеллаж с книгами, стойка для винила, огромный студийный виртреал, шикарный светомузыкальный душ и да, огромный, три на три метра футон на полу, который тут же заставил её покраснеть.

Впрочем, она быстро справилась со своей неуверенностью, ускользнув за перегородку. Душ и правда оказался великолепен, пока она плескалась, даже успела забыть, что она вообще-то не у

себя дома и можно быть и поскромнее.

Когда он встретил её, распаренную, замотанную в халат по брови, в его глазах сверкала знакомая уже развесёлая искринка. Он радовался каждому брошенному на неё взгляду. Божечки, быстрее иди мойся!

Что было дальше, она помнила плохо, обычно для неё первое физическое взаимодействие с мужчиной запоминалось как неловкая череда сотворить со своими телами хоть что-то, похожее на удовольствие. Только гораздо позже, если она со своим очередным приятелем всё-таки продиралась через неуклюжие попытки договориться о правилах, случалось что-нибудь вроде возбуждения, а может быть, и что-то вроде оргазма.

Но в тот день это была словно буря в горах. Молнии бьют, свистит в ушах ветер, ватные ноги разъезжаются и дрожат, не в силах удерживать тело в устойчивом положении, крупные капли пота стекают по спине, а глаза не видят от усилия.

Беспокойное дыхание — его и её — ещё долго не давало им, обессиленным, заснуть. Это последнее, что её удалось запомнить в тот вечер. Но его воспоминания на этом не заканчивались.

Его фигура, склонившаяся над её разбросанным по простыням телом. Он держит в руках хищно поблескивающий металлом прибор.

Акт пятый.

Она заперта в стерильной комнате две на два метра, где из мебели — только шаткий стул без спинки. Её допрашивают. Вопросы сыплются один за другим, мелькают кадры оперативной съёмки и виртграфии вещественных доказательств, она не видит одного — лиц тех, кто её допрашивает.

Допрос длится бесконечно. Она не помнит, который сейчас час и день. Она смертельно устала. Она знает только, что у неё на боку повязка после лапароскопической операции. Эти люди что-то вынули из её тела. Что-то постороннее, насекомообразное, торчащее во все сторону крючками и усами-антеннами. По их словам, не отслеживаемое датчиками системы безопасности периметра. Ей очень повезло, что её «посторонний контакт» отслеживали задолго до «попытки проноса запрещённого оборудования». Если бы проникновение в защищённую сеть «Сейко» удалось, её бы ждали куда большие проблемы, чем этот «корректный опрос». Спустя же пару дней она могла банально умереть от сепсиса, поскольку «имплантация была произведена кустарно, и у неё уже развивалось внутреннее кровотечение».

Она им даже верила, но помочь им ничем не могла, кроме как снова пересказав всю их историю, продолжая с сухими глазами монотонно бубнить себе под нос, «нет», «не видела», «не

замечала», «готова сотрудничать со следствием».

Акт шестой.

Крошечная одноместная капсула в социальном улье для тех, кто живёт на вменённый доход. Два кубических метра пространства, минимум личных вещей. Две истрёпанных бумажных книги, свитер ручной вязки и керамическая кружка с ханьским иероглифом «вечность».

Дрожащими руками она вновь и вновь нажимает иконку вызова на своём «айри». Но вызов не проходит.

Довольно.

Она смотрит на обвиняемого и ждёт его последнего слова.

Тот спокойно холоден, хотя вспомнил, конечно вспомнил. В деталях, не упуская ни единой эмоции. Хрустальный мир не врёт.

— Теперь я понял, зачем вам понадобился.

Интересно он реагирует. Точнее не реагирует. Некоторые подсудимые начинают оправдываться, мол, не мы такие, жизнь такая, некоторые включают агрессию, да знаете ли вы, с кем связались. Этот не таков.

— Что с ней стало в итоге?

— Я же говорила,из-за взрыва в промзоне трасса ТА-147была перекрыта в течение полутора часов. Подрыв произвёл террорист-смертник, преследуемый «красножетонниками» одной из корпораций. Ведётся расследование.

Его лицо на долю секунды дёрнулось. Всего мгновение потери контроля, но такое от неё не скроешь.

— «Сейко» не просто выгнали её с волчьим билетом, они заперли её в этой капсуле, не давая и шагу ступить без надзора. Мне так и не удалось к ней пробиться, а потом началась охота на агентов Корпорации, и мне пришлось сворачивать операцию, чтобы покинуть Матушку.

— Чтобы спастись самому.

— В том числе. Даже если бы я им тогда сдался, на её судьбе бы это никак не сказалось. Вы же догадались, что они её не оставили в покое до сих пор? Иначе откуда этот взрыв? И вы…

Тут он запнулся. До него начало доходить случившееся.

— Нельзя было вам к ней приближаться.

— Это почему же?

Подсудимый нахмурился.

— Она была бы жива.

— Вам есть до того какое-то дело? Сколько вы ждали часа вернуться и всё-таки помочь? Помните, сколько она прожила в той капсуле?

— Пятнадцать, нет, шестнадцать лет.

— Шестнадцать лет, упершись носом в виртреал. Это сто раз

хуже одиночной камеры в корпоративной тюрьме. Скажите, она это заслужила?

— Она не заслуживала и такой смерти.

— Смерть никто не заслужил, — сухим тоном отрезала она, — но она неминуема. Все мы рано или поздно умрём. Это неизбежно. А вот жизнь наша может быть разной. Так всё-таки, она это заслужила?

Молчание. Впрочем, он уже всё решил, надо заканчивать.

— Кажется, это что-то вроде суда.

— Называйте как угодно.

— Я знаю, кто вы. Я слышал о вас. Лилия, так вы себя называете?

— Вы можете обращаться ко мне любым удобным вам именем.

— Что ж. Тогда послушайте. Я не знаю, как вы сумели до неё добраться, но после моего возвращения с Красной её не оказалось там, где они держали её вначале. От её «айри» не было следов в сетях. Я пять лет её искал. Что бы вы там ни думали, мне было не всё равно, что с ней станет. И до сих пор не всё равно.

— Даже после её смерти.

— Даже теперь.

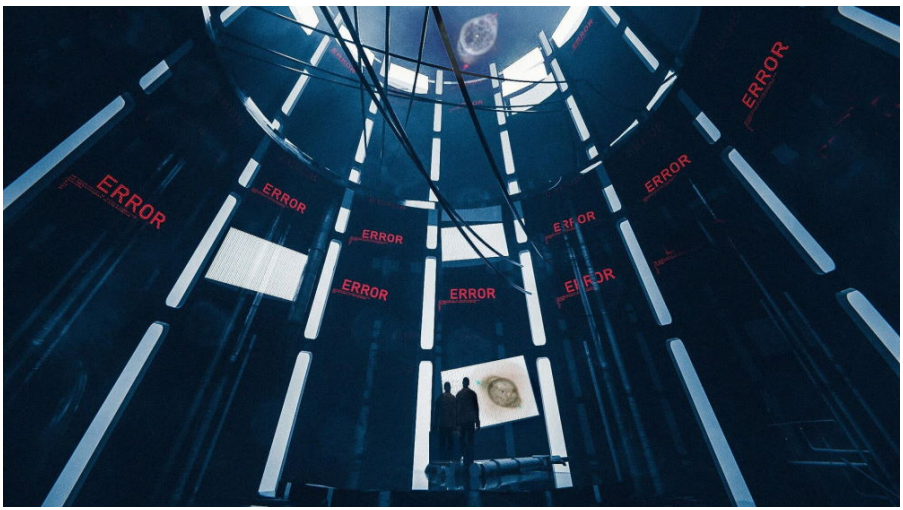
Хрустальный мир не врёт. Они читает подсудимого сквозь всю его мудрёную защиту. Но что избавит её от желания видеть то, что ей хотелось бы видеть. Быть может, хотя бы в этот раз подсудимый действительно раскаивается в своих поступках и действительно хочет загладить вину?

Что ж, если он и правда готов помочь найти тех, кто её убил, тем лучше. Но пусть не думает, что его дело на этом закрыто. Обвиняемый получил сегодня лишь временную отсрочку.

— Мой коллега введёт вас в курс дела. Но не пытайтесь скрыться, я в любом случае вас найду.

Подсудимый в ответ коротко и сухо кивнул, не рисуясь. Он был доволен. Его тактика сработала.

XXII. 92. Трассер



Иллюминаторов на «Атрейу» не было предусмотрено вообще. С одной стороны, что ты там за бортом собрался разглядывать, плутоиды за орбитой Седны здесь, на расстоянии пятидесяти тиков от Солнца, давали максимум третью величину, и чтобы разглядеть их невооружённым глазом на фоне звёздной засветки, пришлось бы сперва полчасика посидеть запершись с выключенным дежурным освещением. С другой же — штатные пятнадцать оборотов в час давали бы при взгляде наружу такой лютый приступ вертиго, что досужему навигатору, вздумавшему таращиться наружу, быстро бы поплохело до зелёных слонов.

Да и кому нужны эти иллюминаторы. Цилиндрическая рубка «Атрейу» согласно замыслу создателей была оснащена по кругу виртреалами высочайшей детализации, которые без лишних позывов вне очереди посетить гальюн обеспечивали навигатору и прекрасный обзор, и дополненную реальность, и не слепили глаза назойливым фонарём Солнца, которое отсюда хоть и смотрелось на внешних камерах прямого обзора звезда звездой, не примечательнее многих, а всё равно изрядно мозолило глаза.

Штегенга как-то поднял по глупости визор на внекорабельной, так потом замучился промаргиваться — всё глазное дно тут же усеяли слепые пятна «солнечных зайчиков». Что бы там ни думали себе людишки, вздумавшие забраться так далеко от родной звезды, а всё едино она не желала отпускать их, мешая жить даже тут, у внутренних границ Облака Оорта.

Гляньте на нашего артиста, ему следить за панелью внешних актуаторов, а он только башкой трясёт, пытаясь хотя бы боковым зрением разглядеть, что там пишут.

Ван дер Бур тогда ещё потешался над ним — ты бы, Штегенга, ещё штаны на морозе снял, дабы проверить морозоустойчивость седалища. Что с него взять, сменщик есть существо грубое, под стать фамилии, ему лишь бы поизгаляться. Сам он со своими биологическими глазами благополучно расстался ещё в позапрошлом рейсе, годков четырнадцать как. Теперь зыркает в переходах основной «гантели» что твой волкулак из сказок — никак не привыкнуть к отражающим дежурные панели бельмам. Этому бы и в иллюминатор всё было видно, как днём. Его фотоумножители могли различать объекты до четырнадцатой звёздной величины, была бы такая необходимость.

Хотя, чего на него злиться. Не от хорошей жизни глазки на дальних рейсах режут. Случайная радиоактивная засветка или кровоизлияние на фазе разгона и скажи гляделкам «пока-пока». Потому Штегенга на Ван дер Бура огрызаться не спешил, а даже ему сочувствовал. Все там будем, в конце концов.

Впрочем, в рубке все были равны, основная информация навигаторам подавалась даже не через виртреал, а напрямую в аугментацию, которая у всех на борту «Атрейу» была единообразно-штатная, чтобы при случае любой член экипажа мог полноценно заменить ушедшего в вальгаллу товарища.

Дальние трассы это дело такое — человеческий ресурс в пятидесяти тиках от Матушки — практически расходный материал. Как в том анекдоте — что у на борту может быть в единственном экземпляре? Правильный ответ — ничего, включая голову капитана. Всё должно многократно дублироваться, потому что помощь сюда если и придёт, то не раньше, чем через год, да и то, в зависимости от текущей конфигурации Сол-систем, потому любой возможный случай должен быть предусмотрен и да, поднимать тогда забрало было идиотизмом, ну признай уже.

Штегенга затравленно обернулся. Разумеется, в рубке кроме него никого не было.

Вот же зараза. И главное пожаловаться некому. Тут же стуканут на базу, так мол и так, навигатор третьего ранга Штегенга прямо в операторском кресле слышит голоса, вот личное признание под запись. Как вы говорите, срочно погрузить в криосон, а по прибытии на Муну списать к такой-то матери? Есть, сэр, разрешите исполнять, сэр! Да Ван дер Бур первый и стуканёт. Что интересно, правильно сделает. Штегенга на его месте так бы и поступил. Кому была охота с психом возиться?

Тут проблема одна — никакой он не псих. Бортовой медпункт на дальнем хвосте гантели почитай через день гоняет через когнитивные тесты. Никакой, даже самый сообразительный псих не проскочит. Отсюда мораль — никакие это не голоса, а банальные наводки. Тоже вопрос неприятный, но пока жить вроде не мешает, там посмотрим.

И главное голос-то чей? Знакомые, до боли знакомые гнусавые франкофонные интонации Топтуна. Кто его хоть раз в центральной галерее видел, ни разу не спутает. Мимо него проезжаешь на салазках и каждый раз «бу-бу-бу, сугубых хлябей вознесенье», какие-то стихи всё себе под нос читает, старый хрен.

И какого же чёрта в голове у Штегенги поселился этот посторонний голос, скажите на милость? Это в психологических напутствиях Академии твердят, что, мол, главная опасность всякого навигатора на дальних трассах это сенсорная депривация и чувство одиночества посреди зияющей пустоты Внешнего космоса. Всё это ерунда. На борту «Атрейу» общения было, на вкус Штегенги, даже с избытком. Тот же Топтун — если его и не видеть вовсе, было бы куда здоровее. Или старина Ван дер Бур, неужели сведение его желчных комментариев к гомеопатическим дозам кому-то бы помешало?

Бортовой «железный дровосек», и тот был приятнее в общении. Придёшь в начале смены в рубку, заберёшься в кресло, тебе сразу: «Привет, как дела, как спалось, а не хочешь ли ты, старина Штегенга, мятную пастилу, бокал сока розовой гуавы и тёплый круассан? Нет? Ну и пошёл нахрен!» Тёплое, дружеское обращение, оно и собаке приятно.

Впрочем, голоса голосами, а надо бы и за работу приниматься.

Пока «железный дровосек» перебирал ближайшие плутоиды, уточняя относительно них текущее положение «Атрейу», Штегенга дозаполнял журнал. На дальних трассах главное — это учёт и порядок. Опять же, всем на борту есть, чем руки занять. Если не дежуришь, то пересчитываешь тушняк в холодильнике. А вдруг в прошлый раз ошиблись, и экипаж на самом деле вскоре будет поставлен перед фактом живительного каннибализма? Но нет, всё верно, запираем камеру до следующего досмотра. Если же твоё дежурство — так и вовсе раздолье для творчества. Хочешь, в таблицах альбедо сверяй план с фактом, хочешь, свежие сводки с юпитерианских ретрансляторов листай. Всего на 9 часов отставание, ерунда. Вот ежели совсем далеко пошлют, то бывает и на сутки сигнал запаздывает.

Штегенга мечтательно закатил глаза. Пять лет в один конец, корабль огромный, с бассейном, не то, что их крохотуля «Атрейу»,

мечта. Вот бы выслужиться да на такой попасть.

— Что у нас сегодня по программе?

— По программе полёта сегодня затмение!

Штегенга чуть пастилой не подавился. Какое ещё затмение? И надо бы уже «железному дровосеку» оптимизм в настройках прикрутить, а то от этой молодцеватой выправки в голосе уже тошно становится.

Однако хотя бы говорилке этой ничего сегодня не мерещилось. Действительно, согласно плану полёта заметаемый «Атрейу» сектор спустя два часа и четырнадцать минут должен был — небывалое дело — синхронизироваться с далёким Сатурном так, чтобы тот закрыл собою Солнце.

Неплохое развлечение для пилота дальних орбит. Быстрый поиск по бортовым инфохранам выдал единственный зафиксированный случай подобного затмения на борту пилотируемых станций, да и то случилось чуть не сто лет назад. Во дела, надо про это дело Ван дер Буру сказать, а то вконец разобидится. Но сперва запросить капитанский мостик.

С командованием на борту «Атрейу» было непросто. Малая гондола жила своей жизнью, отделённая от их «гантели» осевым переходом, и за полтора года, прошедшие с начала этого рейса, Штегенга побывал на капитанском мостике лишь однажды — на представлении экипажа. Обе командоресс — одинаковые даже на вид платиновые блонды с каменными лицами — молча выслушали тогда отчёт экипажа, коротко буркнули хриплыми голосами что-то ободряющее, мол, это будет идеальный рейс и они на экипаж всецело полагаются, после чего общение с командованием в общем-то и прекратилось. Короткие обмены сообщениями при принятии и завершении вахты, на этом всё.

Штегенга сам терпеть не мог, чтобы капитанский мостик лез в дела навигаторов, но тут наблюдалось прямо обратное, вызывая лишние вопросы, как и мутная фигура Топтуна, невесть что делающего у них на борту. Впрочем, Штегенгу это не настолько беспокоило, чтобы мешать работе.

Сообщение на мостик ушло, мигнуло и вернулось обратно сухим «принято». Что тут может быть «принято», Штегенга даже и гадать не стал. Наше дело маленькое.

А вот Ван дер Бур самолично прискакал буквально через пару минут, прямо как был, с мокрыми волосами, стало быть, прямо из душа.

— Чо правда?

— Да сам смотри.

Ван дер Бур некоторое время молча пялился в виртеал, после чего неопределённо взмахнул рукой, усаживаясь в ложемент ко-

пилота.

— Не может такого быть. Лажа какая-то.

— Ну ты же видел текущую конфигурацию Сол-системы, Сатурн как раз приближается к солнечному радианту, да и мы сейчас идём фактически в плоскости эклиптики.

— Это ничего не значит.

Вот же упёртый.

— Почему не значит-то?

— Ты понимаешь, какова вероятность, что мы попадём в конус затмения в пятидесяти тиках от Солнца и в сорока — от собственно Сатурна?

— И какова же?

— Один примерно к миллиарду. И не начинай мне нудить про множественные утверждения, мол, а если учесть все возможные затмения в Сол-систем да помножить на количество транснептуновых кораблей, которые сейчас на маршруте, вот и получается, что вероятность не так уж и мала. Я всё учёл. И угловые размеры, и заметаемый нами сектор, и количество кораблей. То единственное затмение, что ты нашёл в архивах, было поймано специально, у нас же это — просто пометка в бортжурнале, кому нужно отправлять «Атрейу» к поясу Койпера только затем, чтобы дать двум оболтусам полюбоваться на мигнувшее за кормой солнышко?

Это всё было логично, железная логика, помноженная на холодную математику. Штегенга даже готов был склониться перед мудростью коллеги, если бы не одно «но».

— Спорим на щелбан, что солнышко в итоге мигнёт?

Ван дер Бур в ответ, разумеется, вскочил, заорал, замахал руками, в общем начал себя вести как обычно, но Штегенга на все эти инвективы в свой адрес даже не моргнул, молча доедая пастилу, стало быть — пережидая, когда запал сменщика иссякнет.

Хватило буквально каких-то пары минут.

— Закончил?

— Угу.

— На щелбан спорить будем?

— Да ну тебя совсем.

И насуплено затих, о чём-то своём размышляя. Да и хрен с ним.

Штегенга вернулся к рутине дежурства. Мощности термоядерных генераторов, ресурс рабочего тела, накапливаемого носовой ловушкой по мере выхода к апогелию, подошедшее к концу уточнение текущих координат, всё было настолько в пределах инструментальной погрешности, что скулы от скуки

сводило. С другой стороны — скука на дежурстве есть главная радость навигатора, это вам любой скажет.

К тому моменту, когда прозвенел сигнал оповещения, Штегенга уже и помнить забыл о том самом затмении, но «железный дровосек» на то и поставлен, чтобы с напоминалками не опаздывать.

— Тэ минус сто двадцать секунд до события!

Тьфу, напугал. Чёрт бы тебя побрал с твоим показным оптимизмом.

Штегенга скосил глаза на сумрачного Ван дер Бура, тот всё так же, нахохлившись, сидел верхом на ложементе ко-пилота и неотрывно таращился в подслеповатое бельмо Солнца в третьем кормовом квадранте.

— Гляди дырку проглядишь.

Но Ван дер Бур даже ухом не повёл. Ишь ты, обиделся.

— Экипажу корабля, приготовьтесь наблюдать затмение.

К кому конкретно это он в тот момент обращался? Остальные смены благополучно дрыхли, командоресс наверняка общие оповещения отключили сразу после старта, разве что Топтун оторвётся от своей надоедливой поэзии, хотя, вряд ли даже сообщение о конце света, не то что о каком-то там затмении, сможет прервать его привычного занятия.

— Тэ минус пятнадцать!

Вообще, конечно, глупость. Чего Штегенга ждёт, каких невероятных красот. Даже будучи до упор отзумленным на кормовом метровом зеркале, Солнце продолжало смотреть на тебя холодным белым кругляшом, вдесятеро меньшим, чем оно же выглядело для невооружённого взгляда с орбиты Матушки. Сатурн же и вовсе…

— Пять! Четыре! Три! Две! Одна!

Несмотря на весь скепсис Ван дер Бура (щелбан тебе!), едва заметный шарик Сатурна в точности по расписанию просочился на край солнечного диска, после чего деловито принялся переползать его в точности по экватору слева направо, честно отсчитывая свои угловые размеры в масштабе один к двадцати.

И ничего интересного, если так посудить. Ничуть не более впечатляет, чем проход Венеры по солнечному диску, который лицезрел ещё Иеремия Хоррокс в XVII веке. С тех пор астрономия записала себе в зачёт и куда более вызывающие транзиты, включая прямые наблюдения экзопланет. Разве что кольца Сатурна на этот раз немного разнообразили самый финал затмения — за ничтожное мгновение до того, как самый краешек планеты-гиганта выскользнул из солнечных объятий, вокруг неё вспыхнуло двойное гало, чуть вытянутое по диагонали.

Почти максимальное раскрытие, повезло, подумал про себя Штегенга, оборачиваясь к ложементу ко-пилота, но от Ван дер Бура уже и след простыл. Вот не умеет сменщик признавать поражение.

Фыркнув себе под нос, Штегенга проследил, чтобы запись затмения была надёжно откопирована в личный репозиторий, и только тогда услышал за переборкой какие-то крики. Кажется, это орал Ван дер Бур, вторым же голосом, вероятно, этой незатейливой арии подвывал Топтун, кому бы ещё там быть.

Вот же неугомонный.

На скорую руку сдав вахту «железному дровосеку», Штегенга спрыгнул с ложемента дежурного навигатора и широкими прыжками помчался к мембране основного люка — разнимать.

Драка между тем уже была в самом разгаре. Невысокого росточка Ван дер Бур прыгал вокруг Топтуна, возвышавшегося над ним каменным утёсом, оба при этом хором вопили «вы не имеете права» и «я вам приказываю». Всё это было очень увлекательно и даже несло некоторые следы осмысленности — судя по прицельности его прыжков, Ван дер Бур имел своей целью выхватить из рук Топтуна нечто, сжимаемое тем в поднятом над головой кулаке, но поскольку допрыгнуть ему никак не удавалось, вся эта мизансцена приобретала гротескные, но патовые перспективы.

А вот Штегенга с его ростом в добрых два десять запросто мог бы интересующий сменщика предмет попробовать отнять, но не был покуда уверен, на чьей он тут стороне.

— А ну прекратить.

Оба спорщика, собственно, уже и так прекратили, оба тяжело дыша и озираясь в поисках поддержки.

— Что у вас в руке?

— Мнемокристалл у него в руке, пусть не придурывается.

— Коллега, вы уже достаточно тут наговорили. Я хочу и другую сторону выслушать.

Топтун молча развернул ладонь, показывая. Там и правда мерцала искра мнемокристалла.

— Ясно. А теперь коротко и по порядку, что тут у вас случилось?

Топтун молчал, тогда снова настала пора взвиться Ван дер Буру:

— Пока ты разглядывал своё затмение, я подумал, а так ли уж случайно нас сюда занесло, и не начинай, пожалуйста, закатывать глаза, я серьёзно. И тогда мне пришло в голову переключить свой виртреал с кормового телескопа на носовой, и разумеется, ни черта я там не увидел, стандартная ночная

засветка во всех диапазонах. В самый же последний момент, когда зажглось кольцо Сатурна, мне показалось, что я что-то заметил, но тут всё погасло.

— В каком смысле?

— А вот ты у него спроси, потому что когда я выскочил в галерею, чтобы добраться до физических хранилищ «железного дровосека», он там уже маячил, копаясь в потрохах «Атрейу», как у себя в кармане.

Они оба дружно уставились на Топтуна.

— Я требую доступ к капитанскому мостику.

Ах ты ж гад. Топтун выглядел в тот момент маскимально внушительно. Никаких тебе гнусавых стишков, осаночка, и даже голос разом сделался таким… скрежещущим что ли. Будто металлом по стеклу.

— Я требую доступ к капитанскому мостику.

— Пассажирам не поло…

— Я тре…

— Экстренная связь установлена!

Это подал голос «железный дровосек».

— Слушаю.

Хриплый голос командоресс звучал недовольно, но удивления не выдавал — с каких это пор всякие беспокоят. Как будто так и было надо.

— Требуется срочная аудиенция.

— Принято. Мембрана вас пропустит.

Оба сменных навигатора с вытаращенными глазами проводили Топтуна взглядом, и только когда тот окончательно скрылся, дружно, с лязгом закрыли рты.

— Что думаешь?

Штегенга так и сяк вертел происходящее в голове, но в логичную цепочку оно укладываться не желало.

— Думаю, что Топтун наш на борту не просто так топчется. Я тебе говорил, случайно мы в эту точку угодить не могли. Следовательно…

С этими словами Ван дер Бур двинулся обратно обратно в рубку. Оно и правильно, стоять дальше дураки дураками посреди галереи было глупо.

Штегенга бросился вслед за сменщиком, на ходу запрашивая у «железного дровосека» все данные по недавним перерасчётам курса. Как и ожидалось, таковых в логах не значилось.

Впрочем, Ван дер Бура это известие нисколько не смутило, тот с насупленным видом продолжал колупать какие-то запросы, только бельма мерцали. Ну и пусть его помалкивает. У Штегенги была и своя идея, которую предварительно следовало

подвергнуть проверке.

Рассуждать, на его вкус, следовало следующим образом. Если сменщик прав, и миссия «Атрейу» с самого начала отличалась от официальной, и в зону транзитной тени Сатурна они попали нарочно, то значит, Топтуном, а также невесть кем ещё, включая обеих командоресс, здесь велась некоторого рода косморазведка, по какой-то причине невозможная из прочих секторов Сол-систем.

Что-то здесь пряталось, скажем, в пределах полутика — вряд ли детекторы «Атрейу» были способны дотянуться дальше — и вероятнее всего в противоположном от светила направлении. Это нечто, скорее всего, и искал сейчас в личном архиве якобы заметивший что-то Ван дер Бур. Но что и где следовало искать?

Видимый спектр отпадал — затемнение Сатурном с такого расстояния если и позволяло выявить нечто на контрасте с обычной засветкой «ночной» гемисферы, то вряд ли это потребовало бы физического попадания непосредственно в полутень. Те же кольца, конечно, создают собой некое подобие интерференционной решётки, которая могла бы высветить, скажем, голографическую завесу между Солнцем и неким закамуфлированным ею объектом в поясе Койпера, но огромные масштабы указанного пространства вряд ли позволили бы, не зная заранее, где прячется объект, его так уж легко обнаружить.

Штегенга быстро набросал в виртреале трёхмерную схему с конусами сходящихся и расходящихся лучей. Не совсем в масштабе, но и хрен с ним. Получалось, что для подобной триангуляции нужно было заранее угадать, поместив носовой радиотелескоп «Атрейу» с точностью до полукилометра в пространстве и не более угловой микросекунды по направлению к искомому объекту. Не всякие экзопланеты ловили с таким упреждением, а уж требования к оборудованию…

«Атрейу» был обычным дальним разведчиком, его способностей к радиоинтерферометрии для подобных фокусов было заведомо недостаточно. Но что-то же они увидели? Предположим, Ван дер Буру почудилось, но Топтун-то суетился по-настоящему. Он точно что-то увидел, а значит, это должно было сохраниться если не в основном журнале, то по крайней мере в логах запросов и горячем кэше носовой обсерватории. Именно там сейчас и копался сменщик.

Но в дампе явно было слишком много мусора, что следовало из яростных матюгов, доносившихся с соседнего ложемента.

Но погодите, а что, если он не то ищет?

Штегенга принялся яростно править свои построения. Скорость света, так её растак: полутик составляет 250 секунд, за это время орбитальная скорость сместит «Атрейу» относительно

Сатурна на добрый мегаметр по касательной к вектору большой полуоси, а значит искомый объект должен быть во-от тут.

Ерунда. Там ничего не было.

Ночь и ночь. Фоновая засветка созвездия Гидры. Из интересных объектов — пара шаровых скоплений и планетарная туманность с мелодраматическим названием Призрак Юпитера. Сине-зелёная блямба на фоне чёрного неба. Вот где-то тут должен был прятаться и некий «призрак Сатурна». Но увы, ничего необычного диффы не показывали.

Разве что…

— А может быть некий сигнал, который будет двигаться от Сатурна к нам, но медленнее скорости света?

Ван дер Бур запнулся, прекратив свой нескончаемый поток ругательств.

— Солнечный ветер. Но он в тысячу раз…

Тут его глаза словно остекленели.

— Вот я дурак!..

И снова нырнул в виртреал, только сполохи в глазницах замелькали.

Но Штегенга уже и сам додумался. Он же навигатор, а не штатский какой. Расчёт графика укрытий от солнечных вспышек — одна из его основных задач, вот только вспышки бывают двух сортов. В тот момент, когда ионный шторм обрушивается на ионосферу Папы, силовые линии магнитного поля Юпитера перезамыкаются, создавая вторичные, куда менее мощные, и потому не опасные за пределами его системы вспышки. Однако радиация радиацией, а магнитные поля и Юпитера, и Сатурна простирались далеко за орбиту Плутона, и магнитное пересоединение как динамический процесс распространялось по курсу «Атрейу» заметно медленнее скорости света, затеняя и возмущая собой обычно стабильную на таких расстояниях солнечную ионосферу.

А ещё, Штегенга теперь знал, в каком диапазоне искать сигнал.

L-диапазон традиционно использовался для трансляции голосовых сообщений при внекорабельной, а также для внутрисистемных навигационных радаров вблизи малых планет вроде Цереры, кому бы пришло в голову смотреть сюда в десятке тиков от ближайшего плутоида.

Штегенга и Ван дер Бур одновременно подняли головы к обзорному виртреалу, там в соседних полях мерцали две одинаковых картинки — рядом с Призраком Юпитера дрожала его тень. Нечто очень похожее, но куда более чёткое в смысле очертаний. Там скрывался явно искусственный объект, подобный

билатерально-симметричной амёбе.

— Что это за хрень?

— Ты мне скажи, кто у нас тут местный нострадамус?

— Ты ещё про свой щелбан вспомни, умник.

Помолчали, насупившись.

— Ты зацени лучше, какого она размера.

Штуковина и правда выходила немаленькая. Если исходить из углового размера и относительной орбитальной скорости, пересчитанной в расстояние, это было нечто диаметром под сотню километров.

— Что может быть таким огромным, но невидимым в большинстве диапазонов выше мегаметрового?

— Орбитальный радиотелескоп?

Штегенга хлопнул себя по лбу. Вот он дурак.

— В принципе, эта штука, выходит, не такая уж и тяжёлая? Ну, полсотни мегатонн, привезти её сюда втихаря, развернуть, и начать всех слушать. Вот только смысл? Что можно ценного узнать в L-диапазоне, да ещё и с такого расстояния?

— Вы, мьсье навигаторы, не о том думаете.

Обернувшись, оба выпучили глаза. Мембрана пропустила Топтуна в рубку.

— Что вы тут делаете?

— Хороший вопрос, но несвоевременный. Видите ли, это и правда радиотелескоп. Только направлен он не внутрь Сол-систем, а наружу. Приглядитесь.

Это Штегенга уже и сам сообразил, но волновало его сейчас не это. Раз они попали сюда неслучайно (и Ван дер Бур тут был совершенно прав), значит, его, ведущего навигатора смены, да и остальных членов команды всю дорогу водили за нос относительно истинной цели их миссии, более того, командоресс с самого начала находились в некоем заговоре с Топтуном, а вот это уже никуда не годилось, какие бы истинные цели они при этом не преследовали.

Чувствуя, как от всей этой конспирологии у него начинает всё сильнее болеть голова, Штегенга проверил своё мимолётное предположение и тоже угадал. Внешние контуры связи «Атрейу» молчали.

— Корабль находится в режиме радиомолчания, дайте угадаю, сразу после начала затмения?

Ван дер Бура в ответ аж перекосило. Снова он в чём-то уступил. Штегенга же лишь хмыкнул, оборачиваясь обратно к Топтуну.

— Согласно корабельному журналу, после прохождения аномальной магнитной бури в тени Сатурна у разведчика

«Атрейу» случился сбой внешних систем ориентации. В попытке восстановить контроль за навигационным оборудованием корабль отклонился от курса, однако спустя трое суток экипаж вышел на связь через резервный репитер в точке Лагранжа L4 пояса Хильд. Корабль благополучно возвращается к исходной огибающей. Экипаж жив, здоров и рапортует о готовности продолжить миссию.

Оба сменных навигатора молча сверлили Топтуна взглядами. Штегенга первый подал голос:

— Точно «весь экипаж»? Или с некоторыми, скажем, исключениями?

Топтун демонстративно развёл руками.

— Это вы мне скажите.

— А если мы откажемся?

— Зачем бы вам это делать? Вы же видите, мы идём ровнёхонько по курсу, рабочего тела на борту — с хорошим запасом. Что вам помешает слегка отклониться от курса, слетать вон туда, — Топтун показал пальцем в сторону «призрака Сатурна», — разве вам подобное развитие событий чем-то угрожает?

— А эта хрень нет? У людей, или уж я не знаю, кого, построивших эту штуку так далеко от Матушки, могут быть свои секреты, которыми они не захотят делиться.

— Оставьте этот вопрос мне. Скажем так, меня они примут.

— То есть вы просите нас поверить вам на слово, — голос Ван дер Бура звучал сейчас желчнее обычного, — вам, человеку, даже имени которого нам не сообщили?

— Зовите меня мьсье Жильбер, — раскланялся Топтун. — и вообще, спрашивайте, не стесняйтесь, у нас есть ещё пару минут.

Необходимо отметить, эта «пара минут» прозвучала в тишине рубки довольно зловеще, но сам «мьсье Жильбер» выглядел при этом довольно простецки. Ничуть не тайным заговорщиком на борту одинокого корабля в пятидесяти тиках от дома, который только что фактически захватил их корабль.

— Это же Корпорация построила?

Топтун ничуть не удивился столь резкому повороту дискуссии.

— Если вы о конкретном «железе», то у Корпорации никогда не было собственных производственных мощностей. Даже в пике могущества она разрабатывала, строила и вводила в строй руками внешних подрядчиков и прочих корпораций. Так что на бумаге эту штуку также построил кто-то из них. Другое дело, что никто из участников проекта до самого финала не знал, в чём на самом деле принимал столь деятельное участие.

— Как экипаж «Атрейу».

Топтун кивнул.

— Да, как экипаж «Атрейу».

— Значит, вы — один из них?

— Не совсем. Тем более, что никакой Корпорации не существует вот уже семьдесят лет.

— И мы, глядя вот на это, — Ван дер Бур ткнул себе за спину, — должны поверить, что сила, которая до сих пор способна в тайне ото всех запускать в космос подобные гигантские конструкции, не существует?

Топтун только плечами пожал.

— Это я и хочу выяснить. Просто подбросьте меня на полтика и можете забыть обо всём этом недоразумении, как о дурном сне.

Штегенга и Ван дер Бур переглянулись.

— Времени подумать вы нам, разумеется, не даёте.

Топтун в ответ лишь улыбнулся, поднимая вверх указательный палец и словно бы что-то в уме отсчитывая лёгкими покачиваниями. Тик-так, тик-так. С последним «таком» в рубке раздался голос командоресс:

— Экипажу приготовиться к манёвру разворота «аут-сан», замедлению гондол и осевому ускорению.

После чего Топтун кивнул сам себе и палец опустил.

— Вы угадали, как раз времени-то у вас и не осталось.

Штегенга не любил, когда ему не дают выбора. Но в самом деле, что они со сменщиком, в конце концов, теряют.

— Хранитель, у вас там всё в порядке?

Сколько, в конце концов, имён и званий, у этого «хранителя»?

— В абсолютном, мон шери. В абсолютном порядке.

Штегенга ободряюще похлопал по плечу Ван дер Бура и покорно отправился забираться в свой ложемент.

XXIII. 03. Шериф

Второй десяток сол шёл снег.

Если на богом забытом планетоиде, не обладающем даже зачатками атмосферы, вообще могут быть нормальные осадки. Пятисотярдовые лопасти черпалки на дне карьера Эхо в пятидесяти милях на северо-восток не снижали оборотов, вздымая к зениту тучи ледяной пыли, что кольцом короны сверкала в солнечных лучах на рассвете, разносясь по округе белым саваном и оседая, в конце концов, у тебя под ногами.

Уилкс машинально откашлялся. Старикам вроде него белая пудра на армированных ботинках напоминала другую историю, совсем не такую красочную и совсем не такую праздничную на вид.

Три ядерных фугаса, заложенных братьями Танно в старые выработки близ гротов Рубен. Не послушались идиоты увещеваний. Наша земля и весь сказ.

Фугасы жахнули так, что на поверхность вынесло с полторы мегатонны каменного крошева, так некстати вплавленного в лёд как раз вокруг эпицентра. Если бы это были металлические породы, максимум, что случилось бы — все биокупола в радиусе десяти километров покрыло бы красиво блестящей на свету, пусть и слегка радиоактивной амальгамой ионизированного железа, но хондриты тем взрывом просто размололо в муку, разнеся эту беду едва ли не до самого Форт-Риджа. Представьте, полста тысяч народа — старателей, горнорабочих, купольной обслуги и их семей — разом оказались перед непростым выбором. Сиди дома и

молись, чтобы треклятая пыль понемногу вплавилась в лёд в череде смены дня и ночи, или же открывай шлюзы и иди трудись, расчищая миллионы гектар от вездесущей пыли, которую необходимо было сперва прибыть кипящей на вакууме солёной водой, а после соскрести вместе с фонящим реголитом да отвезти куда подальше от биокуплов, не забывая начисто отмывать оболочку после каждого выхода.

Мытьё помогало плохо. Мелкодисперсная каменная пыль забивала фильтры шлюзов и норовила заклинить их створки после каждого выхода. Под крышами куполов фонило так, что счётчики отключили от греха, сколько ни вслушивайся в это рычание, здоровее не станешь.

И каждый в те дни решал для себя сам. Кто отсиживался, проедая запас жизнеобеспечения, кто бросал всё, уезжая подобру-поздорову, но Уилкс с братьями остались. Это была их земля, пусть не такая богатая, как у клана Лигдстрёмов, хозяев Форт-Риджа, но всё-таки. Коли уедешь, так на этом все права твои на наделы и межевание долой, достанется всё более решительным старателям из числа ближайших соседей, а если кто из пришлых позарится, тоже будет в своём праве.

Так что неспроста с тех пор Уилкс иной раз сгибается пополам, глядя на белую муку у своих ног. Помнит грудина, как выкашливала лёгкие на отбое. Как-то справились. Сами сдюжили, другим помогли. Линдстрёмам тоже спасибо — подкинули и техники, и людей, с запасными фильтрами не подвели. Старик там был ворчун, царствие ему небесное, да и прижимист так-то, но в те дни не стал говниться, и даже денег брать не стал, хотя все знают — Уилксы всегда платят свои долги.

Впрочем, когда десять лет спустя наследники уже благополучного почившего Линдстрёма пришли выкупать земли Уилксов из-под банковского залога, тем хватило совести не вспоминать про старые долги — выкупили всё по твёрдой цене, как встарь, поплевав на ладонь и дав полоборота, чтобы спокойно съехать. Но Уилксы ничего не забыли, согласившись остаться и работать у новых хозяев. Путь эта земля больше не была их собственностью, но именно сюда прибыли их отцы, чтобы начать новую жизнь, и негоже им искать нового счастья в других пределах.

Уилкс чертыхнулся, отскакивая, когда перед самым его носом пронёсся, звеня сигналом и подскакивая на ухабах, серебристый болванчик патрульного бота. Что эти машины себе позволяют! Глядишь на такую и думаешь, а начерта ты тут нужен, старик. Фактория давно опустела, и даже эти гадёныши патрулируют окрестности чисто для проформы — не застрял ли какой

пришлый автопилот в расселине, не прохудился ли фидер от фузионного реактора да не упал ли недавно какой ценный метеороид.

В остальном же времена металлической лиходарки в этих землях давно завершились. И дело даже не в оглушительном успехе Линдстрёмов, переплюнуть который не удалось больше никому, и не в скором падении цен на старательскую добычу, а просто — ушли времена, сменились на другие. Дети первопроходцев состарились, внуки разъехались в поисках лучшей доли, и только Уилкс грузной тенью продолжал маячить в пределах старой фактории.

Он остался тут на правах старейшины, кто ещё, помимо него, помнил тут каждый уголок и каждую промоину в реголите. Ему даже оставили от щедрот какое-то небольшое жалование, как будто оставленное на фактории оборудование действительно чего-то стоило и потому требовало поддержания в целости, а ну как сюда, как больше века назад, снова двинут старатели, и их жёны, и их дети, и их внуки.

А с ними вернётся и лихой люд.

Уилкс помнил, как это случилось впервые. Сперва начали пропадать ловцы метеороидов. То один уйдёт на делянку и не вернётся, то другой. Мало ли, как оно бывает, перевернулся ровер, кончился в оболочке кислород. Да только не находили потом ни роверов, ни самих старателей. Крепких, к слову, мужиков, не какую-нибудь там купольную перхоть, которую соплёй перешибить можно. Люди шептались по кабакам, что дело, мол, нечисто. Всё раскрылось однажды, когда на центральную площадь Фуско перед госпитальным куполом не выкатилась на тех самых запропавших роверах дюжина молодцов в боевых оболочках — изделия Красной было ни с чем не спутать — с вакуумными «барретами» на локтевых сгибах экзоскелетов. Тут уже всё всем стало понятно.

Лихорадка лихорадкой, а содержать в складчину вооружённую милицию покуда никому в голову не приходило. Космический фронтир в воспалённом воображении его первопроходцев выглядел миром, где человеческие руки были самым дорогим, что сущестсовало на свете. Руки, а значит — жизни. Мёртвый не сможет ничего добыть посреди ледяной пустыни. Поди догадайся, что даже здесь ничто не бесценно, сиречь всё имеет свою цену. А значит, однажды её потребуют уплатить.

Между тем дюжина молодцов прискакала и ускакала, только тень глайдера с перебитыми транспорндерами успела мелькнуть. Требование было простым — вот список узлов и материалов,

каковые узлы и материалы должны быть собраны в кучку на этой самой центральной площади спустя десять сол. А не то, добавили бойцы невидимого фронта, всем жителям Фуско не поздоровится.

Требования налётчиков, разумеется, никто исполнять не стал, тела двоих местных, что попали под горячую руку, отправили в морг, сами же достали, что пришлось. Обычные пиропатроны, при особом на то желании, сгодятся не только по назначению. Были и те, кто предлагал исполнить спрошенное, самим же позвать на помощь орлов из «Лунар» и «Маршиан текникс», но их быстро переубедили, не для того наши отцы тут трудились, чтобы вдругорядь под корпорации прогибаться, тем более что слишком уж подозрительно многое из экипировки гастролёров было завезено с Красной.

Когда же случился назначенный срок, драка вышла преизрядная. Грохот гляциологические микрофоны писали такой, будто это братья Танно восстали из пепла радиоактивного огня. Вакуум вакуумом, а даже в пустоте бывает и дым, и пламень. Когда же все пробоины в куполах залатали, а трупы пересчитали, то выяснилась чистая виктория сил добра. Понаехавшие, кто ноги сумел унести, спешно побросали все свои хвалёные «барреты» да свалили куда подальше.

С тех пор окрестности Фуско, ясное дело, патрулировала милиция, нанятая и вооружённая на деньги всё тех же Линдстрёмов. Старатели постарше, ясное дело, поперву ворчали на новые порядки, но потом приноровились, так взаправду выходило безопаснее — патрули, случись что, и с починкой могли подсобить, немало раз их своевременная помощь спасала людям жизни.

Уилкс с братьями в ту пору зачастую тоже ходил в дозор, а когда их делянки окончательно перешли к Форт-Риджу, то самому Уилксу логичнее было местную милицию и возглавить.

С тех пор он окончательно забросил дела, приглядывая лишь за порядком в окрестностях да всё дальше уходя в патрули.

Удивительное дело, все отсюда поразъехались, сама фактория давненько трудится исключительно по воле автоматики, кругом если и велась какая-то деятельность, то исключительно завязанная на карьерное бурение, а Уилкс всё так же бродит по окрестностям, выискивая лихих людей и аварийные машины.

А что, чем плохо. Кредиты капают, посторонние под ногами не путаются, Уилкс тут был сам себе хозяин, как в старые времена. А что ни друзей, ни хоть издаля видимых родственников — так то кому чего.

Что вы говорите, скука поди смертная. Ничуть не бывало.

Случалось тут всякое и преизрядно.

Вот и сегодня — подозрительный звук по северному периметру. Едва заметный, но повсеместный. Значит, это не сбившееся с пути стадо «коров» забрело в границы фактории, и не гляциология вдругорядь дала подвижку, подобные фокусы Уилксу были так хорошо известны, что он узнавал паттерны безо всякой автоматики.

И вот этот шум он тоже узнавал. Это был так называемый «рокот космодрома» — низкочастотная тряска от реверсивных струй, сопровождающаяся металлическим лязгом суппортов. Какой-то шалопай решил совершить выгрузку на чужой земле, и даже связаться предварительно не пожелал. В подобных случаях Уилкс даже разведку высылать не спешил, коротко сообщая на резервной частоте чтобы представились или убирались, но сегодня всё было не так — и на сообщения никто не отвечал, и тот самый «рокот» как появился на звуковых дорожках низкочастотных микрофонов, так и застрял там, не прекращаясь час, другой, третий.

На четвёртый Уилкс не выдержал и отправил в стартовые колодцы сразу два низкоорбитальных разведчика. Те с резким свистом рельсотрона ушли на расчётную орбиту, но ни первый проход, ни второй ничего не принесли. Одна сплошная ровная «засветка» от вездесущей снежной пыли.

Чёртов карьер Эхо, когда они уже закончат активную фазу разработки.

Аудиодорожка между тем продолжала и продолжала последовательно рокотать.

Можно было, конечно, заказать обзор с корпоративных гелиостационарников, тем более что у Линдстрёмов наверняка там абонемент, земли-то у них вон сколько, в любом случае не обеднеют, но Уилкс за годы привык во всём разбираться сам.

Времени на сборы ушло немного — по старой привычке в оболочку он забирался с разбегу и в прыжке, в общей сложности весь процесс у него занимал в лучшие годы минуты две, но и сейчас, когда ловкость уже не та, да и мышца с годами подусохла, на выход из положения лёжа у виртреала Уилкс давал себе на сборы ну четверть часа, не больше.

И вот цепочка его следов уже тянется по снежной пыли к дебаркадеру, где было обустроено укрытие для роверов. Все на ходу, отлажены и заряжены, за кого вы нас принимаете. Пускай тут никто с проверками не бывает, Уилкс собственные инструкции, написанные, как известно, кровью, завсегда соблюдал неукоснительно.

Так что в седло и ходу.

Ходу то ходу, а всё одно поймал себя Уилкс на том, что продолжает он прислушиваться к тому самом рокоту, не пропал ли к такой-то матери? Так было бы лучше для всех, ежели здраво помыслить. Никакие загадки не были в этих землях к пользу вопрошающего. Будь на то его воля, Уилкс предпочёл бы остаться сегодня дома. Но служба есть служба, придётся разбираться.

До границ земель фактории на малом ходу (а по снежной пыли иначе никак) ехать было часа полтора, если не больше, так что по дороге было бы неплохо ещё и по сторонам успеть поглядеть, нечасто Уилкс в северном направлении выбирается. Там почитай что ничего особенного и нет — поди припомни когда оттуда кто приближался, всё места пустые и бесплодные.

Но увы, разведпланам Уилкса не суждено было сбыться. Стоило Солнцу как следует забраться над горизонтом, как треклятое снежное гало тут же превратило окружающую действительность в полыхающее голубоватое зарево. Только выехав из фактории, Уилкс тут же оказался слеп, как крот.

Пришлось полагаться на радар в багажнике, благо ему снежная погода ничуть не мешало.

А вот что мешало, так это быстро приближающаяся со стороны Фуско тень ещё одного ровера. Ишь, как гонит. Знать, и до них дошёл тот самый «рокот космодрома».

«Эй, на ровере!»

«Сам такой!»

А старушка не даёт слабины. Уилкс познакомился с Дженнифер Кулидж ещё до её неудачного замужества, когда все ещё называли дочку старика Дэвиса Джен-дай-в-глаз. Девка была той ещё оторвой, на спор выпивала в баре за вечер два галлона пива, за сто ярдов попадала «корове» в лоб из пневмопистолета и вообще славилась дерзким характером и тяжёлой рукой. О чём на утро после свадьбы и узнал рыжий Кулидж, которого она тут же скрутила в бараний рог да так, что тот за полгода спился, в итоге благополучно сгинув как-то в ночи, даже и оболочки не нашли. С тех пор наша Джен жила себе весёлой вдовушкой, крутя шашни, с кем хотела, и давая в лоб каждому, до кого дотягивалась.

Уилксу тоже однажды досталось при попытке по пьяни подлезть с непрошенными обнимашками, с тех пор, впрочем, они благополучно дружили, но уже без попыток перейти границы с его стороны. В итоге она осела в Форт-Ридже на позиции — ни много ни мало — маршала. Штрафника на гауптвахту спроводить, должника выселить, это всё к ней. Как только справлялась, ведь ей годов-то сколько уже, всего на десяток лет моложе Уилкса будет.

Это вам не пустошь вокруг забытой фактории патрулировать.

«Какими судьбами в наших местах?»

«Такими и делами. Ты думаешь, записи с твоих микрофонов дальше не транслируются?»

Ну да, логично. А то что-то далековато всё-таки Форт-Ридж расположен, чтобы рокот слышать. Подслушивают, значит, не доверяют.

«Можно было бы это дело и мне оставить».

«Можно было. А можно было и не. Придержи коней, пока догоню».

Вот же характер какой. Всегда такая была, сколько Уилкс её помнил. Когда в шестьдесят пятом криокластический поток чуть не сровнял Фуско с землёй, Джен чуть не силой приходилось вытаскивать из кабины экскаватора. Глаза осоловелые, голова как у куклы болтается, руки трясутся от усталости, а всё туда же. Каждый раз, отправляя её поесть и выспаться в купол, приходилось уговаривать. Не человек, кремень.

Уилкс послушно притормозил, глядя, как приближается маячок. Ишь, как поспешает.

Сквозь снежное гало едва можно было различить, как серая тень скачет через гребни разломов, отбрасывая ведущими колёсами фонтанчики снежных наносов.

«Осторожнее, Джен, куда так летишь, убьёшься».

Ровер юзом проскользил последнюю сотню ярдов, обдав оболочку Уилкса потоком текучего ледяного песка, так что визор пришлось протирать.

А вот поди и она сама, лица не видать, конечно, но по пластике движений — ни с кем не спутаешь. И рукой такая машет, иди, мол, сюда.

«Говори толком, торопилась же вроде».

Но она чего-то продолжала помалкивать, всё так же делая приглашающие жесты. И даже ногой топнула с досады, что Уилкс продолжает тупить.

Хмыкнув себе под нос, он отстегнул магнитные замки да полез из седла, мало ли что у неё там, может, лазерная связь в снеговом облаке барахлит.

Так это дело поправимо. Подойди к ней вплотную да прижмись шлемом к шлему, чтобы звук напрямую пошёл. Слышимость, конечно, как в бочке разговаривать, но хотя бы не подслушают. Только тут до Уилкса дошло, чего это она.

Разговор должен был остаться между ними двоими.

— Слушай сюда, старый хрен. Какого чёрта ты туда лезешь?

От подобной отповеди Уилкс аж зарделся. Что эта пацанка себе позволяет?

— Ты это, полегче на поворотах. Покуда я тут на фактории

командую.

— Командуй где хочешь, а звук этот из-за границы твоих земель идёт, хрена тебе дома не сидится?

— Так, охолони мальца и говори по делу. Что не так с этим звуком?

Минуту или около того Джен пыхтела, прикидывая.

— Я не могу тебе сейчас этого сказать. Ради твоего же блага.

— Не можешь так я тем более поехал, — фыркнул Уилкс и собрался уже в обратную, но Джен тотчас схватила его за силовую раму экзоскелета и легко удержала на месте, её оболочка была куда тяжелее.

— Не дури. Я тебе всё скажу, потом, честное фронтирское, вот те крест, только не лезь, ради тебя же, старого дурака, стараюсь.

— Не надо ради меня стараться, — Уилкс для убедительности даже головой потряс. — И обещалки обещать тоже не надо, говори как есть или отчепись.

— Я же тебе сказала, не могу пока ничего сказать. Тебе что, больше всех надо?

С этими словами Джен озабоченно повернулась, словно за ними кто-то сейчас наблюдал.

— Давай так поступим, ты сейчас заберёшься обратно на свой ровер и дашь там мэйдэй на факторию, пусть высылают запасной для буксировки. Как дождёшься, забирай оба и возвращайся. А потом поговорим.

Вот же упорная. Вся в папашу.

— Что-то тебя, Джен, куда-то не туда занесло. Ты ежели в какую передрягу попала, так и скажи, мы же люди друг другу не чужие, я помогу, потом сочтёмся.

Джен в ответ аж зарычала.

— А, к чёрту!..

И тут же, отступив на пару шагов назад, навела на Уилкса раструб табельного станера, какой выдавали в Форт-Ридже штатной милиции. Вот до чего дело дошло.

Нет, Джен, хошь не хошь, так у нас разговор дальше не пойдёт.

Уилкс послушно поднял руки вверх.

Станер штука неприятная, попадёшь под луч, считай как минимум оболочку обблюёшь по гарантии. А может, и ещё чего получше наделаешь. Нам такого не надобно.

Джен кивнула ему, мол, молодец, слушайся дальше, а сама стволом показывает, к роверу возвращаемся, аккуратно, медленно.

Уилкса так и подмывало активировать дальнюю связь и

доложить через ретранслятор фактории о выкрутасах Джен, что что-то его останавливало. Не ради себя она старалась, и явно втихаря от начальства. Не нравилось Уилксу, когда на него ствол наставляли, а всё ж таки не чужая ему Джен.

Как-то однажды после хорошей попойки оказались они в одном номере припортовой гостиницы, ему тогда под шестьдесят по земным годам, она тоже не молодуха, однако что-то у них тогда в головах щёлкнуло, так что на утро и вспомнить было стыдно.

Одевались тогда молча, искоса поглядывая друг на дружку через плечо. Хотя, в общем, как приключение на одну ночь — почему нет.

И вот, сорок лет спустя, она ведёт его в сиянии снежного гало, и у неё в руках станер, а у него из оружия — только мат-перемат. Который, впрочем, он всё ж таки оставил при себе, в эфир не пуская.

По всему выходило, что Джен и правда его от чего-то сейчас защищала, не пуская на север, и это выглядело логично — она, предположим, знала, что там такое, и ей, скажем, приказали его сопроводить на место, не сообщая деталей, но её этот план не устраивал, так что пришлось ей ствол доставать.

Одна проблема, если начальство в Форт-Ридже решит, что он не добрался до места, потому как она ему тут что-то нашептала, знать, у неё тоже будут проблемы, а вот это уже не устраивало .

Оборачивался он в сторону Джен как бы нарочито размашистым жестом, пришли, мол, зараза ты такая, чего тебе ещё от меня надо, однако в процессе он не стал останавливать своё движение, а крутанулся ещё сильнее, подсекая оболочку Джен в области коленей. У более тяжёлого экзоскелета есть один недостаток — инерция делает его почти неуправляемым в падении, попытка при малой силе тяжести рефлекторно сделать шаг назад в попытке восстановить равновесие приводит лишь к тому, что ты начинаешь проскальзывать опорный ногой и всё равно валишься навзничь.

Усевшись ей на грудь, Уилкс шмыгнул носом, припрятал в карман бесполезный для него станер — всё равно не выстрелит — и только потом шикнул на тяжело возившуюся под ним Джен.

—А ну рассказывай.

Замерла.

— Не ходи туда, не будь бóльшим дураком, чем ты есть.

— Дай подумаю. Мне там что-то страшное грозит?

— Не могу я тебе этого сказать. Пойми, если они узнают, что ты в курсе дел, нам обоим так и так конец.

— Снова-здорово, от меня эти твои «они» всё едино ничего не

узнают. А так легенда простая — ты нагнала мой ровер, я на тебя напал, обездвижил, пока ты высвобождалась, меня и след простыл. Ты в порядке, а я уж как погляжу на те дела, там и порешаем, как с этим всем быть. А то ты может просто скажи, в чём дело, я даже и носа туда совать не стану, как ты там сказала, честное фронтирское?

Джен дёрнулась напоследок и сделала вдруг визор прозрачным. Ну вот, последние аргументы в ход пошли. Её глаза глядели на него твёрдо и сухо.

— А поверить мне, что этот план идиотский, ты никак не можешь?

Однажды он ей действительно поверил. Когда в сторону фактории дёрнулись двое беглых. Уилкс тогда сразу хотел за ними автоматы выслать, но Джен сказала, что это два глупых пацана, могут и не послушаться команды, погибнут по дурости ни за грош. Уилкс отозвал ищеек, даже в факторию пустил. А они оба ножи достали. С тех пор у него слева на груди два шрама. А на землях фактории — две новых могилы.

Нет уж, больше он Джен не верит.

— Не дёргайся.

С этими словами Уилкс достал из ранца пузырёк серебрянки и уверенными движениями по очереди засандалил пену в плечевые и тазовые сочленения её экзоскелета.

Она могла бы в тот момент не выть раненной волчицей, а просто сказать ему, в чём на самом деле проблема с тем звуком на севере.

Но нет. Предпочла не говорить.

Ну и ладно.

Оставив её лежмя корчится на перепачканном серебрянкой реголите, Уилкс решительно вернулся к своему роверу. Ничего, полтора часа, прежде чем полимер станет хрупким на морозе, у него есть, как раз до места и доберёмся.

Ровер тронулся в путь, взметая за собой струи ледяного песка.

Подумать так, он оставил Дженнифер возможность хоть сейчас активировать дальнюю связь и сообщить обо всём случившемся в Форт-Ридж, но что-то ему подсказывало, что она до последнего предпочтёт молчать.

Как смолчала однажды, застукав Уилкса с братьями за контрабандой. Ничего необычного — в те времена все понемногу барыжили палёными запчастями с Красной, но в тот раз они засветились по-крупному. Три застрявших в расщелине контейнеровоза пришлось вывозить на роверах двухтонными контейнерами, палево то ещё. И если бы в «Лунар текникс»

узнали, сделалось бы тяжко всякому — и кто принимал участие, и кто не донёс. Но Джен не только смолчала, а даже и помогла, подкинув пару сменных аккумуляторов для ровера. Так и сказала тогда «дураки вы трое, и всех подставляете своей дуростью, чтобы больше ничего подобного не видела».

Уилкс сдержал своё обещание, больше к контрабасу не возвращаясь. Джен же могла служить любым хозяевам, но идти против своих она никогда бы не стала.

Остаток пути до северной границы земель фактории Уилкс проделал без особых сомнений, ни разу даже не обернувшись. Снежное гало сияло вместо чёрных небес, но в целом какая разница — ночь или день, звёзды или ослепляющий свет, замкнутое пространство «тумана войны» или бесконечность космоса. Время твоё так и так течёт своим чередом, вливаясь тебе в жилы током жизни и убегая прочь в потоке истёртых воспоминаний.

Сколько патрулей он провёл вот так, в одиночестве?

Сколько рейдов закончились успехом?

Сколько из них вышли бесплодными?

Поди припомни.

Уилкс покачивался в седле, плавно пригазовывая на дне встречных каньонов, где колёса ровера легче цепляются за реголит. Это было похоже на то, как описывали в виртреале стародавние морские антарктические походы. Если на Матушке и были места, похожие на эти, то это была неприступная Антарктида.

В тот момент Уилкс и правда чувствовал себя первооткрывателем. В тумане снежного гало скрывалось нечто, доселе неизведанное. Так почему бы не рискнуть, разведывая?

Пусть тебя некому будет похвалить за смелость, да и перед кем Уилксу хвастаться? Перед той же Джен?

Короткий сигнал навигации, приехали.

Как интересно. Ровно на границе фактории снежную пыль словно ветром сдуло. Чёрные небеса и иссиня-белое полотнище свежего наста пополам на пополам. И никаких следов.

Уилкс сверился с триангуляцией. Согласно расчётам гляциологических моделей, источник тех звуков лежал где-то перед ним, в области широкого полукольца диаметром мили полторы. Разумеется, никаких следов чего бы то ни было подобного перед глазами не наблюдалось. Почему «разумеется», Уилкс додумывать не стал.

Ну вас в каверну с вашими тайнами, ворчал он, слезая с ровера.

Лёд — материя ненадёжная. При известном старании он мог

быстро превратиться в неудержимый криокластический поток или легко превратиться в кавернозную мешанину из космических камней и пустотных карманов, в который и сам провалишься, и технику загубишь. Потому старатели со старых времён ни на шаг не отходили от биокуполов без «колотушки» — высокочастотного эхо-локатора — не полагаясь на надёжность картографирования.

Самп-самп-самп, «колотушка» посигивала на ледяном песке, коробя его косыми волнами расползающихся по мере уплотнения слоёв.

Ха. Попались.

Пускай «рокот космодрома» давно пропал, а белый саван укрыл всё вокруг, «колотушку» не обманешь. Вот оно, полулуние источника сигнала, прямо перед ним.

Забраться внутрь оказалось не сложнее, чем всю эту беду обнаружить. Экзоскелет скрипел сочленениями, снег летел с лопаты ввысь, снова возрождая к жизни треклятое гало, но Уилкс в этот раз ему только радовался. Не очень-то они и старались тут всё попрятать. Раз-два, раз-два, привычными размашистыми движениями, не оглядывайся, тут же никого, он бы всяко услышал.

Тоннель косым полукольцом по спирали забирал направо, уходя в глубину. Это наверняка было какое-то боковое ответвление, которым вывозили контрабас — что же ещё — от прикопанных ниже, на глубине, орбитальных грузовиков. Центральная область наверняка служила крышкой ракетного «сило», удачно прикрытая снежной пеленой сразу после закрытия. Если бы не выдавший их звуковой паттерн — чёрта с два бы кто узнал, что тут творится неладное.

Но Уилкса не проведёшь, он калач тёртый. Сейчас всё узнаем, пока вы там ушами хлопаете, наивно полагая, что всё проделали шито-крыто, подослав к нему Джен.

А что это у нас тут такое?

Оставленный у стеночки погрузчик выглядел вполне рабочим, чего это его здесь бросили. С другой стороны, мало ли, сел на морозе аккумулятор, здесь, под поверхностью, температура стабильно держалась не выше полутора сотен кельвинов, не рассчитали, вот и посмотрим, что у нас тут.

Уилкс забрался на подножку, стараясь перенести побольше веса оболочки на страховочное крепление, мало ли, ещё ступенька сорвётся, на морозе металл становился хрупким, чего не хватало — полететь носом вниз.

На платформе остался лежать бесхозным единственный бокс, негабаритный, десять футов на пять на пять. Кому только такие потребны? Это ж ни в какой стандартный объём не сунешь, ни

опрессованный, ни под вакуум. Интересная история.

Бокс уже успел изрядно покрыться инеем — тонкая атмосфера тёплых потоков, шедших по тоннелю снизу, вымерзала здесь, покрывая всё вокруг красивыми завитушками и вензелями.

Дай-ка тебя…

Поверху бокса шло что-то вроде смотровой щели из термоупорного металлполимерного стекла. Склонившись над ним, Уилкс принялся аккуратно шевелить актуатором наплечного фонаря, никак не удавалось найти угол, чтобы разглядеть как следует…

Спрыгнуть с платформы обратно на лёд было делом секунды.

Да, он испугался. Тут испугаешься. Кто угодно на его месте бы сходил под себя.

Бокс тот был не совсем бокс. Это был скорее саркофаг, внутри которого возлежало молочно-белое, лишённое всяких следов растительности человеческое тело.

Не просто тело. Не нужно быть изгоем, который за последние три оборота видел лишь собственное отражение в зеркале, чтобы с первого взгляда узнать лежащее внутри саркофага.

Уилкс подождал, пока её шаги остановятся в десяти ярдах и только тогда обернулся.

«Ты могла бы мне сказать».

«Они мне твердили, что я всё равно не смогу тебя убедить, и потому придумали этот план».

«И я их не разочаровал, да? Они оставили здесь эту штуку явно не затем, чтобы у нас было время спокойно поговорить».

«Ты всегда был упрямым ослом, Том».

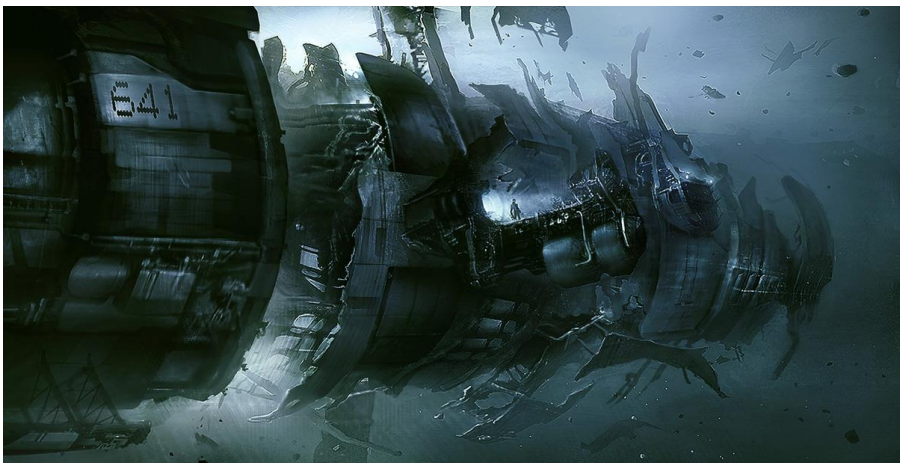
«А ты всегда шла до конца, Джен».

Шутки кончились. На этот раз у неё на сгибе локтя вместо бесполезного станера лежал боевой «баррет».

Пожалуй, не зря он решил однажды, что ей больше не доверяет.

Уилкс без лишних слов бросился вперёд.

XXIII. 17. Хильда



«Бергельмир» снова тряхнуло импактом, только веер трассеров поперёк кормовых экранов мелькнул. Негласным правилом огневых столкновений в Поясе было использование поражающих элементов из закалённого льда — погреются пару лет на холодном здешнем солнышке и окончательно испарятся в вакуум. Всё лучше, чем гражданскому рудовозу получить на встречных курсах маслину из обеднённого урана в лобовой экран. Двойная орбитальная — это вам не шутки, никакая монотредная сталь не сдюжит, при такой кинетике брызги летят во все стороны, только успевай уворачиваться.

Аларм прозвучал на самом пределе слышимости — уши не успевали вернуться в норму после скачка давления. Пошевелив челюстью, Цагаанбат по привычке прислушалась к ответному хрусту. Обратный блок — главная беда трассеров. В жёсткой оболочке много не насидишь, а мягкие кабинсьюты давление выравнивать не успевали. Ну хоть перепонку не порвала, и то скажите спасибо. А вот что там себе Лисса думает, с такими попаданиями?

«Бергельмир» уже полтора часа к ряду двигался в режиме динамического ускорения, отчего у Цагаанбат попеременно темнело в глазах и трещало в ушах, но обстановка на радарах оставалась прежней — преследователи издалека, аккуратно, но планомерно продолжали отжимать их «драккар» от расчётного курса, заставляя расходовать драгоценный ресурс ускорителей, не говоря уже о запасах рабочего тела.

И главное чего прицепились?

По документам, зашитым в транспондер, «Бергельмир» проходил во всевозможных флотских базах как топливозаправщик. Небольшой ремонт стационарных спутников, пополнение баков, обслуживание софта, ветровуху протереть, дворники помыть. Таких в Поясе болтаются тысячи, до каждого докапываться — никакого времени не хватит. Но нет же, выцепили при смене орбиты, а что это у вас удельный импульс такой хитрый?

Цагаанбат только зубами скрипнула на очередном рывке ускорения. Нехорошо всё это, ой, нехорошо. Чёрт с ней, с монотредной шрапнелью, от неё беда небольшая, посечёт прочный корпус, даже монтажная пена не понадобится, куда хуже будет, если «Бергельмир» возьмут в оборот как следует. При сухой массе «драккара» в тридцать килотонн он способен произвести на свет такое количество обломков, что весь этот сектор на долгие годы станет непроходим на пару сотен мегаметров в диаметре. Смешно, её волнует судоходство в Поясе, а не собственная жизнь. Впрочем, когда было иначе.

Капитан, обратный отсчёт?

Включу по готовности, полковник.

Ха, Цагаанбат такой же «полковник», как и Лисса «капитан». В наши времена любые формальные звания — пустой звук, пусть Цагаанбат и правда когда-то именовали на «Фригге» полковником, те времена в любом случае давно прошли.

Апдейт статуса от Геспера поступал?

Никак нет.

Геспер, чтоб его. Это он всё затеял. Сидели бы сейчас на Церере, пили местное пойло без названия и справок соответствия санитарными нормам, травили бы байки о старых деньках, но нет, этот козёл может быть весьма убедителен, когда захочет. У Цагаанбат аж культя заныла, да уж, она-то помнит, чем заканчиваются все его придумки. Впрочем, никакой Геспер ей не оставлял приказов во всякой непонятной ситуации стрелять себе в ногу. Сама, всё сама, так что нечего тут жаловаться.

С другой стороны, старичок «Бергельмир» сослужил Цагаанбат верную службу, было бы неприятно его потерять вот так, за здорово живёшь. Стоило ли рисковать «драккаром»? Неужели нельзя было штатно, пусть и неделей позже, пройти мимо на номерном рудовозе «Джи-И», и всё было бы шито-крыто, и никто бы за ней по Поясу вот так не гонялся. На очередном ускорении Цагаанбат снова, чуть не прикусив язык, сорвалась на русмат. Интересно, кто его вообще за пределами Пояса помнит?

Экипажу приготовиться к сбросу.

Ха, весь экипаж «Бергельмира» составлял сейчас Лиссу и

Цагаанбат, что объединяла в собственном лице и копилота, стрелка-радиста, и полезный груз за одно. Даром что стрелять было некуда. Преследователи, черти, работали по «драккару» издалека, не давая ни малейшего повода присунуть себе под хвост ни из штатного рельсотрона, ни даже из кормового гамма-лазера, который в Поясе был такой редкостью, что завидная прозорливость корпоративных крыс вызывала у Цагаанбат в душе даже нечто, отдалённо похожее на уважение. Значит, поняли, с кем умеют дело, и на сближение не пойдут. С одной стороны это плохо — теперь если решатся бить, то наверняка, а с другой — если бы они подозоевали, что именно «Бергельмир» здесь делает, то уже сейчас навалились бы всей огневой мощью. Время-то у них на исходе.

Обратный отсчёт, как Лисса и обещала, побежал в углу поля зрения. Только скажите на милость, как она этот фокус собирается провернуть? Цагаанбат снова пробежалась по тактической сетке. Приходилось каждый раз заставлять себя не включать субъективную развёртку — дурацкая привычка пилота — но даже в привязанной к Папе сетке координат план Лиссы был непонятен. «Бергельмир» двигался какими-то извилистыми петлями, ни на метр ни приближаясь к точке сброса. С одной стороны, хорошо, меньше информации тактическим вычислителям преследователей, а с другой…

Какого чёрта?..

Цагаанбат едва загубник не упустила, когда ей в лёгкие полился булькающий поток фторорганики. Ах вот какой у тебя план, сестрёнка.

Электромагниты фиксаторов тут же лишили её последних степеней свободы, а следом навалилось ускорение.

Навигационный радар послушно отзумил картинку до десяти мегаметров в диаметре, настолько драматически сменилась динамика происходящего вокруг. Предельные тридцать «же» за шкирку поволокли «Бергельмир» вдоль осевой, на этот раз без дурацких виражей — прямиком через строй невидимых покуда противников.

Те отреагировали, но поздно — пока ваши перехватчики разгонятся, пока отработает наведение, «драккар» уже будет по ту сторону вашего строя. Цагаанбат не удержалась и всё-таки прижарила ближайшую из открывшихся целей гаммарэем.

Горячее пятно мелькнуло и погасло. Есть попадание. Вряд ли смертельное, но оболочку им пожгло изрядно, разгерметизацию будут лечить до самого порта, да и то с переменным успехом. Если повезло — то ещё и инфоканалы пожгла сволочам.

Готовность сброса. Три, два, один, сброс!

Тактическая навигация разом погасла, как только капсула оборвала внешние каналы связи. Прощай, «Бергельмир», когда ещё свидимся. Счастливого пути, будем надеяться, Лисса вывезет твою старенькую, но всё ещё надёжную тушку из этой передряги. Цагаанбат с тобой больше не по пути.

Микрогравитация, как и всегда после длительной активной фазы, по ощущениям некоторое время продолжала крутить и вертеть капсулу, но скоро это пройдёт. Если наведение не ошиблось, то ближайшие сутки Цагаанбат предстоит болтаться на пассивной траектории, экономя скромный запас рабочего тела на борту. Хуже будет, если двигатели всё-таки включаться. Капсула — не «драккар», она не переживёт прямого попадания и на длительное активное маневрирование не способна. Её главное оружие — звёздчатый многогранник оболочки, отражающий импульсы радаров под непредсказуемыми углами во все стороны. Примитивная стелс-технология до сих пор оставалась самым эффективным средством повышения выживаемости в случае огневого контакта на трассе. Но только попробуй включи на секунду двигатели, как выхлоп тут же выдаст тебя с потрохами.

Однако минуты тянулись, постепенно складываясь в часы, а спаренные ионные движки всё так же успокоительно молчали.

В виртреале вычерчивалась единственная пологая дуга курсограммы, оставалось довериться алгоритмам системы глобального позиционирования, поскольку в режиме радиомолчания активное уточнение координат могло выдать капсулу не хуже включённых движков. Да, где-то там продолжался бой, но для Цагаанбат он был теперь не более реален, чем происходящее сейчас на Матушке, Красной или в системе Юпитера. Лежи себе спокойно, дыши в полвдоха, экономь кислород, случись что, он тебе ещё пригодится.

Цагаанбат послушно закрыла глаза и активировала помпу.

Чего зря нервничать, всё равно от её дальнейших действий уже ничего не зависит. Автоматика либо справится, либо нет. Сброс произошёл штатно или нет. Капсулу обнаружат и уничтожат, а может, ей всё-таки повезло.

Впрочем, сон Цагаанбат даже сквозь вату премедикации достался тревожный. Она как будто оказалась на странном роллер-костере, в котором не кабинки петляли по рельсам, а напротив, это огромная вселенная вокруг вертелась и совершала кульбиты, норовя от натуги сорваться и улететь ко всем чертям. Цагаанбат при этом отчего-то очень беспокоило, что бесконечное полотно рельс под колёсами её кабинки вдруг оборвётся, и тогда она начнёт падать, падать, падать…

Разбудил её резкий сигнал приводных актуаторов — ионные

двигатели начали один за другим покидать свои экранированные гнёзда, занимая расчётную позицию по схеме манёвра.

Черти драные, ух она и проспала.

Цагаанбат, не успев толком проморгаться, полезла в логи капсулы. Так, минимальные две коррекции орбиты по итогам импульсного обмена телеметрией со старыми бакенами Корпорации, выход на финальную траекторию и подготовка к торможению и стыковке. Никаких подозрительных сигналов снаружи не поступало, даже касательная эхо-локация активных радаров пришла откуда-то с внешних границ Пояса, это явно были не давешние преследователи, а какие-то тральщики-автоматы, зондирующие пространство в поисках среднеразмерных обломков.

Вот и славно. Капсула по команде развернула активную навигацию, разом исчертив пространство вокруг серебристой паутиной траекторий и маневровых конусов. Тут тоже не было ничего подозрительного. А «Фригг» — вот он, веретенообразная масса торчащих во все стороны швартовых уток. А чего она ожидала увидеть? Оплавленный с одного борта остов в облаке плавающего вокруг металлического щебня?

Если ты видела в космосе один рэк, ты видела их все. Кинетика импактов в условиях микрогравитации такова, что любой объект массой покоя не в мегатонну либо остаётся болтаться на орбите фактически целиком, либо уже разлетается по Поясу мелкой шрапнелью промёрзших насквозь обрывков.

«Фриггу» досталось по касательной, когда оставшийся персонал уже покинул стационар, тратить же дорогущие ядерные фугасы на трансуранах только лишь на то, чтобы распылить двести килотонн монотредной стали по просторам Пояса, это уже было чересчур даже для тупых солдафонов «Янгуан». Впрочем, был бы отдан прямой приказ — они его непременно бы выполнили. Но приказа не было, потому, на скорую руку убедившись, что на «Фригге» не осталось подозрительных источников тепла, флот корпорации поспешил убраться из опасного окружения, пока разлетевшиеся обломки не начало заворачивать в сферу согласно неумолимым законам старика Кеплера.

С тех пор на Матушке прошло три десятка лет, навигацию вокруг понемногу расчистило от мелочёвки, а крупные осколки уже поди попадали в бездонную атмосферу Папы, что прибирал в конце концов всякое тело, покинувшее стабильную орбиту и неспособное самостоятельное корректировать свою траекторию. Пояс самоочищался его усилиями от старых ран, оставляя себе лишь самое значимое.

Для Цагаанбат стационар «Фригг» был частью таких воспоминаний. В золотые годы через его шлюзы проходил чуть ли не каждый первый боец флота Ромула, сюда причаливали пиратские рудовозы и пополняли свои запасы боевые «драккары», наводившие своими рейдами ужас на весь Пояс. И полковник Цагаанбат, капитан только сошедшего тогда со стапелей «Бергельмира», была одним из ключевых участников тех событий.

Воспоминания, воспоминания. Со вздохом Цагаанбат подтвердила команду на сближение.

Шлюзовая система, разумеется, отпадала. Там наверняка всё заклинило ещё в момент импакта. А вот грузовые доки, по последним сведениям, всё-таки функционировали. Может, кто-то из бывших товарищей постарался, но скорее это была работёнка любителей контрабаса. В Поясе любая удобная гавань была наперечёт, не разбрасываться же таким сокровищем как «Фригг». Главное, чтобы тут посторонних внезапно не оказалось.

Однако сенсоры капсулы помалкивали. ИК-диапазон показывал равномерную засветку и только, радио тоже молчало. Отстёгиваясь от фиксаторов, Цагаанбат на всякий проверила заряд игломёта. Пятьсот раундов и две запасных обоймы. Можно подумать, она тут на борту небольшую войнушку организовать планировала. Впрочем, лучше так, чем с пустыми руками соваться.

Манеровые, привычно подсвистывая, подвели капсулу к доку и с гулким звуком касания корпуса о корпус закрепили её на «Фригге». Тут же Цагаанбат потащило вбок и вверх, разворачивая. Понятно, стационар после отказа гиродинов остался с каким-то остаточным моментом движения, а может, это импакт его приложил чуть по касательной. В общем, прощай, микрогравитация, придётся теперь чуть по стеночке ходить. Впрочем, сильно это ей не должно помешать, одна десятая мунной силы тяжести, не больше. Так, пора залезать в жёсткую оболочку.

По команде капсула всосала остатки атмосферу опрессованного объёма, послушно раскрывая свои внутренности навстречу открытому космосу. Цагаанбат заранее решила, что заводить капсулу в доки не станет, весь этот геморрой с перекомпоновкой отражающих лучей не стоил того. Проще было перебраться внутрь самостоятельно. Не такие уж тут и расстояния, метров тридцать по прямой до ближайшей гермоплиты.

Сопла наплечного ранца с лёгким шипением испаряющейся углекислоты дослали Цагаанбат вперёд, по направлению к чёрному провалу грузового дока. Повезло, что импакт пришёлся

на противоположный борт «Фригга», иначе сейчас здесь было бы месиво из застывших на морозе металлполимерных игл, о такие порвать оболочку — как два мешка трипротона своровать.

При входе в тень автоматически зашлись нашлемные ходовые фонари. Забавно. Тут как будто ничего и не изменилось. Цагаанбат как наяву тут же почудился желчный голос командора Шивикаса, куда, мол, лезешь без команды с дежурного пульта. Мерзкий был сучонок, надо отметить. Однажды чуть Цагаанбат под арест не взял, и вообще у него по жизни была неприятная привычка лезть в бутылку по любому поводу. В Поясе таких не любили. Интересно, где сейчас Шивикас.

Впрочем, куда там, нет, ничуть не интересно.

Подтянувшись на руках, Цагаанбат ловко перекинула оболочку через арку ворот и активировала магнитные замки ботинок. Вот мы и дома. Ну, точнее, не совсем, внешнюю гермоплиту сперва нужно было запитать. А вот и пульт. Техника старая, как сама Цагаанбат, но надёжная, подай только напряжение на клеммы. Аккуратно поддев крышку аварийного рубильника, она механическими движениями бывалого космического пирата набросила «крокодильчики» с аккумуляторов своей оболочки и приготовилась услышать через экзоскелет звуки сервоприводов.

Но нет. Тишина.

Да что ж такое-то!

Цагаанбат принялась машинально оглядываться в поисках подручных средств. Где добыть банальный домкрат в паре тиков от ближайшего гаража?

И самое главное что себе думал Геспер, когда вводную давал? Идиота кусок.

Цагаанбат уже собралась было возвращаться в капсулу за инструментом, как тут всё-таки заработали трёпаные сервоприводы. Уф, ну хоть что-то сегодня пошло по плану!

«Неужели так сложно не опаздывать?»

Шивикас. Командор, мать его так, Томас Шивикас собственной персоной. Этот раздражённый тон Цагаанбат не спутала бы ни с чем. Теперь понятно, почему плита не открывалась. Цагаанбат опередили.

«И тебе не хворать».

Ну надо же, так вляпаться. Дайте только Гесперу в глаза заглянуть, уж она ему всё выскажет!

«Ты чего тут потерял, командор?»

«У меня к вам тот же вопрос, полковник».

Судя по тому, как неловко заелозил ботинками вывший командир «Фригга», он и сам был удивлён встрече. Ну и славно,

если это подстава, то не лично его рук.

«Пропустишь внутрь или как?»

Шивикас послушно посторонился, давая ей оперативный простор для манёвра. Внутри пакгауза всё было как раньше, такой же бардак. Да и с чего бы тут поменяться обстановке. Разве что фонить с тех пор стало поменьше, сколько лет прошло.

«Опрессованный объём остался?»

«Да, вы не поверите, в рубке».

Ну почему же не поверит, очень даже поверит. «Фригг» машинка надёжная, сработанная на века, почему бы и не выжить системам жизнеобеспечения на автопочинке, пусть бы и без обслуживания.

«Так пошли туда. Если ты, конечно, ещё кого не ждёшь».

Шивикас в ответ пробурчал что-то вроде «вас тут как раз и не ждали», но послушно отстегнулся и, ловко перебирая своими тонкими ручонками в серебристой арматуре экзоскелета, заскользил в темноту по осевому колодцу. Неудивительно, он всяко знал потроха «Фригга» получше Цагаанбат, которая со своими валькириями бывала тут наездами, смениться-дозаправиться и снова на трассу.

Оставалось поспевать.

С погасшими гиродинами стационар потерял направления на «верх» и «низ», потому ориентироваться тут внутри стало сложно вдвойне, да и отсутствие дежурного освещения на палубах не добавляло памяти Цагаанбат поводов для флэшбэков. То есть понятно, что двигаться надо куда-то туда, но не более. Шивикас же тут чувствовал себя как рыба в воде — вот он мелькнул между направляющих и пропал из виду, чёртов позёр.

Рубка со всем окружающим пространством тоже выглядела незнакомо — в рабочем состоянии большую часть её пространства раньше занимали проекционные экраны виртреала, наполнявшиеся навигационной информацией, телеметрией, тактическими брифингами и прочей текучкой центрального узла управления стационаром. Сейчас же тут было черным-черно, и только автоматически убранные основания ложементов торчали вдоль пола ровными рядами гладких выпуклостей.

Цагаанбат дождалась, когда в переходном шлюзе выровняется давление, однако внутрь вошла, не раздраивая оболочку.

— Теперь поговорим.

Шивикас, пару раз моргнув, уставился на игломёт в её руке. Сам он стоял перед ней сейчас в одном кабинсьюте и потому чувствовал себя как будто голым. Впрочем, даже никакая жёсткая оболочка не спасла бы его от прямого попадания «глетчера» в упор.

— Вы рехнулись?

— Это ты, должно быть, рехнулся, Томас, учитывая, как мы с тобой нехорошо расстались.

Шивикас в ответ нервно тряхнул рукой.

— Полковник, придите в себя, мы находимся на борту мёртвого стационара, где, простите, воняет, вам мало?

— Это не повод тебе доверять. Если бы Геспер только заикнулся, кто меня тут встретит…

— Можете поверить, я бы ему тоже врезал.

Ха, «врезал» бы он. Врезалка не выросла. Цагаанбат нависала над Шивикасом как скала, всеми своими ста сорока килограммами живого веса и двумя с гаком метрами роста. Геспер не отличался подобными статями, но всё равно ставки на возможный его поединок с Шивикасом были бы далеко не в пользу командора.

Однако Цагаанбат командору внезапно поверила. Убрала «глетчер», отстегнула забрало. Хм, тут и правда воняло, причём даже сразу и не скажешь, чем конкретно. Воображение рисовало прогорклый запах горелой проводки и старого пластика, но нет, местные ароматы больше напоминали привкус окисленного металла. Так обыкновенно пахнет привычный корабельный рэк земных морей. Мокрая ржавчина и соль. И ещё немного чаячьих погадков.

— Хрен с тобой, Томас. Надо что-то решать. С Геспером мы потом разберёмся.

Шивикас кивнул, покорно усаживаясь на выступ одного из ложементов.

— Пока вы писали свои вензеля, — командор выразительно покрутил указательным пальцем над головой, изображая траекторию «Бергельмира», — я тут успел кое-что прозвонить, и знаете, стационар пострадал, конечно, от того импакта, но в целом он вполне ремонтопригоден.

— Хорошая новость, — Цагаанбат с сомнением потянула ещё раз носом, — но нам-то с того какая радость? Задача была оценить транспортабельность «Фригга» в пассивном режиме, какое нам дело до его гипотетической ремонтопригодности?

Шивикас в ответ склонил свою рыжую голову набок и изучающе уставился на Цагаанбат.

— Вам реально не интересно, зачем мы здесь на самом деле?

Так. Главное не выходить из себя из-за интонаций этого козла.

— Вот Геспер притащится сюда, тогда и поговорим. И без того полна жопа огурцов.

Шивикас поморщился, но продолжил поучать:

— Насколько мне известно, нет ни единой причины тащить через весь пояс останки «Фригга», оглянитесь, он бесполезен. Куда его, на металлолом сдать в порту Цереры?

Тут уже Цагаанбат стало смешно.

— А хоть бы и не на металлолом, это что-то меняет?

— Да это всё меняет! — рявкнул в ответ Шивикас.

— Например?

— Вы видели, что творится в Поясе? Корпорации стоят на ушах, готовы палить по любому неопознанному кораблю в пределах досягаемости. Зачем вообще весь этот геморрой с транспортировкой «Фригга»?

Цагаанбат терпеливо сложила руки на груди и принялась ждать, её всегда бесила манера командора задавать риторические вопросы. Пусть уже выскажется, а там посмотрим.

— Мне кажется, что основной целью является возвращение стационара в строй в качестве полноценной космической крепости.

На этом месте пришлось взять паузу на обдумывание. В его словах была своя логика.

— Но какой смысл? Корпорация мертва. Ромул молчит. Остались такие же как мы осколки прошлого, разбросанные по Сол-системе.

Шивикас в ответ лишь упрямо мотнул головой.

— Пусть Корпорация мертва, но мы ещё живы. Есть люди, подобные Гесперу, готовые возглавить наше возвращение в строй. Придать нашему дальнейшему существованию хоть какой-то смысл.

Оба надолго замолчали.

— И в чём же ты видишь этот смысл?

Шивикас поднял на неё дурную рыжую головушку. Взгляд его был твёрд и спокоен.

— А ради чего потребуется вернуть в строй целый космический стационар, загрузить его топливом и оружием и отправить снова патрулировать Пояс?

— Удиви меня.

— Неужели вам никогда не приходила в голову мысль банально отомстить?

— Это кому же? Корпорациям, Ромулу? Мы не дети, чтобы продолжать дуться на своих престарелых родителей, которые недостаточно много уделяли нам внимания. Мы и сами уже приближаемся к третьей фазе.

Шивикас оскалился.

— Кто бы нам позволил.

— Можно подумать, мы привыкли в таких вопросах

спрашивать у кого-то разрешения. И всё-таки, кому ты собрался мстить?

— У вас, полковник, на Матушке не осталось личных врагов? Кто предал бы лично вас?

Цагаанбат басовито хохотнула.

— Предательство — это штука очень персональная. Чтобы предать, нужно сначала заслужить чьё-то доверие. Корпоративные крысы меня предать не могут. А вот среди бывших соратников прошедшая война многие точки над «и» расставила. Мы с тобой тоже не очень красиво расстались, Томас. Мне бы начать тебе мстить прямо сейчас.

На этом месте Шивикас заметно побледнел, но назад сдавать не стал.

— Не притворяйтесь, полковник, вы прекрасно понимаете, о чём я говорю. Корпорация сотню лет вытаскивала человечество из дерьма. Война за воду и Смута Книги, эпидемии, угроза тотального голода на пике климатического скачка, технологический разрыв бедшейших стран, всепланетный государственный кризис после обособления агломераций, в конце концов, это мы вывели человечество в дальний космос.

— Не мы, Томас, не мы. Ромул.

Тут он снова упрям мотнул головой.

— Да, Ромул. Но и все мы тоже. Коллективные усилия Корпорации. Скольким из нас нужно было погибнуть, чтобы планы Ромула стали реальностью?

— Так ты и правда решил отомстить Ромулу, как я погляжу.

— Не Ромулу. Матушке. Мёртвой окостеневшей Матушке, которая так и прозябает с тех пор в корпоративном болоте, только и ожидая, что очередной подачки, новой дозы бесплатного счастья, которого они все как будто бы заслужили. Чёрт вас всех побери, Цагаанбат, я согласен с теми, кто предлагает вернуться и напомнить о себе прямо сейчас.

Ха, вернуться.

— Ты, а точнее Геспер, который тебе всё это внушил, вы оба понимаете, что это означает новую войну?

— Поглядите вокруг, полковник, та, прошлая война не завершится, пока жив хоть один из нас. Вы можете сколько угодно бегать от корпоративных ищеек, но те орудия, что вели по вам огонь по пути сюда, они не воображаемые. Они существуют в реальности. Вы готовы перестать бороться только потому, то в планах Ромула вас больше не значится?

Если бы у неё был готовый ответ на подобные вопросы. Впрочем, одно она знала точно — с самого начала они боролись не за воплощение малопонятных планов Ромула, и не за

абстрактную в своей поголовной анонимности Корпорацию. Та давным-давно сгинула, а для Цагаанбат всё осталось прежним.

— Знаешь, Томас, что о чём я вспоминала, когда думала об остове «Фригга», что столько оборотов болтается на задворках Пояса? Не о возвращении «Сауриуса» и не о рейдах в систему Юпитера. И даже не о нашем с тобой конфликте. Я вспоминала мой экипаж, попойки на верхней палубе, вонючие притоны Цереры и мунные порты. Это была моя жизнь, командор, и сражаюсь я не за Ромула и не за Корпорацию, я сражаюсь за свою жизнь и жизнь моих немногих оставшихся со мной товарищей, за Геспера, прости, господи, за Лиссу, что сейчас уводит «Бергельмир» от погони, за людей, которые были готовы рисковать ради меня жизнью, и за которых рисковала жизнью я.

Цагаанбат остановилась, заметив, как дёрнулось лицо Шивикаса.

На активацию связи с капсулой хватило доли секунды. Ещё несколько мгновения у её аугментации ушло на построение навигационной гемисферы.

Маяки «Бергельмира» молчали. Молчал и он сам.

— Когда пропала телеметрия?

Цагаанбат постаралась, чтобы её голос прозвучал как можно буднишнее, но, кажется, всё-таки не смогла его контролировать, в какой-то момент её горло предательски сдавило.

— Когда. Пропала. Телеметрия.

— Я не знаю, — мотнул головой Шивикас, — можно поискать в логах, всё же пишется…

— Не надо, — оборвала его Цагаанбат.

Оба они понимали, в каких случаях не молчат маяки. Корабль или ушёл в полное радиомолчание, что в хаосе Пояса было глупо и практически бесполезно, если ты не крошечная капсула, спрятавшаяся ото всех на пассивной траектории, или… или там попросту нечему уже отвечать.

— Я уже отправил анонимный пакет спасателям, пусть пошарятся вокруг, всегда есть шанс подобрать кого-нибудь.

Да уж. Какие-то шансы, несомненно, остаются всегда.

Как ни прискорбно было это сознавать, Шивикас был прав. Война никуда не делась, она с ними, она вокруг них. И бояться начала новой войны это как бояться, что когда-нибудь наступит вчера.

Время мирной жизни для Цагаанбат истекло ещё тогда, когда у неё было обе ноги. Было бы о чём жалеть.

Разве что о тех людях, которые ещё не погибли на этой войне. Вопрос только в том, сколько их останется в финале.

— Когда планирует прибыть Геспер со своим тягачом?

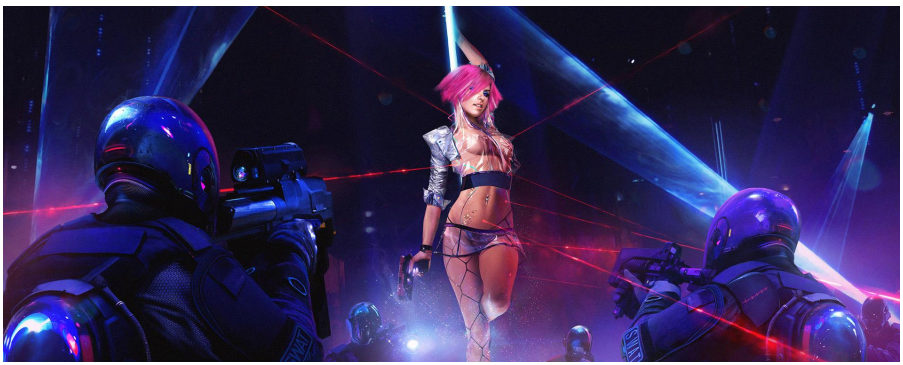
— Экспедиция стартует, как только мы с вами подтвердим вводные.

— Тогда чего же мы ждём, командор, приступайте к реанимации контрольных контуров, а я пока пройдусь по палубам и промеряю остаточные поля.

С этими словами Цагаанбат принялась герметизировать оболочку.

Чёрт бы побрал Ромула с его молчанием. Пусть молчит и дальше, ей плевать.

XXIII. 23. Прокси



Сегодня она была строгой госпожой. Не по плану, просто под настроение, чтобы жётемы не расслаблялись. Сесть вот так с прямой спиной на канапе, полуобернувшись, как вы там, следите ли, не отрываясь, жаждете ли её внимания?

Следят и жаждут, чо там.

Она даже вот так, самым краем глаза чувствовала нарастающее по ту сторону виртреала напряжение. Это было её талантом, её маленькой тайной. Какое кому дело, сколько слюнявых ртов раззявлено сейчас на неё за тысячи километров отсюда, все прочие дивы для пущей вовлечённости приводили к себе в студию полудюжину омм, чтоб дышали в спину и изображали подобострастие, для настроя достаточно. Но ей весь этот снулый паллиатив антуража был не к месту — она всегда выступала одна. И всё равно чувствовала каждую каплю пота и каждый обкусанный ноготь жётемов.

Пожалуй, иной диве такой талант был бы и нахрен не нужен, вот ещё толку, зачем им знать, что именно видят в ней те, кто оплачивает их счета, но потому пределом их мечтаний было заполучить богатенького буратину к себе в приват, чтобы доить, доить, доить его досуха, делать с ним то, что в робопритонах Луавуля называлось «милкинг», пока у него там резиново скрипеть не начнёт, пока он не попросит пощады. Тут самое время подсекать.

Ей же подобное поведение представлялось омерзительным, будь ты дива виртреала или обыкновенная пютон физреальных времён, в этом не было чистого искусства, зато было навалом рэйп-калчер и прочего л'ордюр, с некоторых пор заполонившего мозги человечеству.

Она работала тоньше и тщательнее. Никаких выставленных из-под пеньюара коленок, полупрозрачных лифонов и прочей мишуры старомодных борделей. Её виртуальная трибуна была театром одного актёра и сотен миллионов зрителей, каждый из которых чувствовал себя единственным в её жизни и каждый из которых мысленно проклинал себя за пагубную страсть к подглядыванию.

О, они ни на секунду не заподозрили бы, что она их видит. Каждого из них. Со спущенными штанами в туалете или делающего вид, что с интересном слушает своего коллегу на внеплановом проектном митинге, а сам глазами шмыг в виртреал вуайеризировать.

Глупые дивы по обыкновению принимались заигрывать с аудиторией — томные взгляды, деланные воздушные поцелуи и прочий галимый интерактив был уделом бездумной массы голопопых молодиц, пользующихся покуда единственным своим преимуществом — юным возрастом. Но возраст проходил и дивы сменяли друг друга в неизбежной череде сансары.

Она же оставалась.

Ничем не выдающаяся внешность.

Одежда деконтракте двух-трёх как бы ничем не выдающихся брендов.

Прямая, чуть затеняющая глаза чёлка.

И твёрдый, просверливающий жётема насквозь взгляд.

А что ты, мерд, сегодня сделал для восстановления бразильских лесов?

Иногда ей начинало казаться, что дай она им команду разбить себе сегодня голову о ближайшую стену, они бы и это с радостью выполнили. Не потому, что любили её больше жизни, нет. Просто разом поверили бы, что так им будет лучше.

Да уж.

Вновь приближаются чёрные иды. Это можно было почувствовать, даже не глядя на календарь. По мере того, как накатывала волна, жётемы становились всё виктимнее, а значит — пластичнее в её сухих ладонях. Толпы несчастных выродков, неспособных даже осознать степень собственной ничтожности, они жаждали избавления от собственных страданий и приходили к ней как те крысы из старой сказки. На звук знакомой флейты. На зов далёкого крысолова.

Она обернулась и упёрлась в них взглядом.

О, ей была дарована вся их оторопь и весь их стыд.

Госпожа соблаговолила обратить внимание на своего раба. Госпожа была способна на подобную щедрость. Это ли не восхитительно.

Бедные, бедные жётемы. Как же вы беспросветно зашорены в своих крошечных мирках.

Офисные клерки и лабораторные крысы, синие от внутривенных вливаний инженеры техподдержки и гладкие, холёные вертухаи корпораций.

Все они были брошены наедине со своими слезами после наступления Времени смерти, когда Мать покинула их, но никому из них не было дано осознать и прочувствовать зияющую пустоту собственных растленных душ. Зато им было дано чуять то, что бы эту пустоту заполнило.

Заполонило.

До тошноты.

Через край.

Чёрные иды однажды пройдут, и её жётемы подуспокоятся, даже и не вспоминая тот омут неутолимого голода, что снедал их ещё вчера. Им было всё равно, что утолило этот голод. Кто утолил. Она их не корила в подобной неразборчивости. Кому-то хватало одного лишь виртреала наедине с ней. Другим же было не обойтись без Ромула и его подручных.

Неважно, так или иначе каждый получал своё. Она — работу. Ромул — головную боль на утро. Они — временное облегчение. А кому не хватало и этого — того однажды находили в куче нечистот у основания башни-многоквартирника, обглоданного до костей серыми крысами, но по крайней мере нашедшего своё избавление.

Это был достойный конец.

Не как у этих.

Она знала, как бывает у прочих див. Они тратили заметную часть собственных доходов на бесконечные походы к алиенисту, лишь бы тот помог им забыть все эти дикпики, что стыдливо совали им в рожу благодарные жётемы. Ей никто никогда не писал. Не было нужды — каждый из них и так ощущал себя наедине с ней, как будто она их уже поглотила, переварила и выплюнула. Никакими вялыми писюнами нельзя было достичь с ней большей близости. Никому из её жётемов вообще не приходило подобное в голову.

От одного её взгляда они разбегались в ужасе, боясь расплавиться в горниле этих чёрных глаз. Они знали, чего бояться.

Виртреал погас.

Как и всегда после сеанса, она ощущала в себе переполняющее чувство пресыщенности. Она взяла то, что хотела, взяла без малейшего чувства стыда или разочарования.

Всё, что ей было нужно, это вот эта сопричастность, связь

через тысячи километров, чистый, ничем не замутнённый виртуальный вампиризм.

Она коснулась своей шеи, проведя пальцами дорожку прохладного липкого пота. Это всё, что остаётся в реальности после завершения сеанса. Диве не дано напрямую ощутить чужую плоть, чужую похоть, для неё там, за гранью виртреала, одни лишь анонимы с кредитными счетами в корпоративных центробанках. Но ей доступно куда большее — прямая, как будто почти физическая связь с каждым из её жётемов.

Но довольно грёз. Она принюхалась. Даже если тебя не трогают руками, ничего в тебя не суют и не кончают тебе на лицо, всё равно физиология берёт своё. За время часового сеанса она успевала покрыться липкой и вонючей испариной, буквально кожей ощущая копошение на себе бактериальной флоры. Надо бежать в душ.

Покосившись на счётчик — вода в «Коломб волант» всегда в дефиците — она скинула свою дежурную роб а каро руж и поспешила смыть с себя «следы греха», как выражался на воскресных проповедях его сантетейшество преподобный Жак Мартен, воздевая руки горе и возвеличивая при этом голос.

Старый хрен понимал в вопросе, только за прошлый год его едва ли не дважды ловили за посещениями онлайн-казино, о том же, чем он занимался в сетях без посторонних глаз, можно было только догадываться, одно она знала твёрдо — среди её жётемов сантетейшества не было. Уж она бы его узнала.

Всё-таки занятный ей достался талант, чувствовать всякий направленный на неё взгляд, хоть бы он и исходил с фотографии давно почившего холивудского актёра прежних времён. Не заглядывая ни в какие энциклопедии, ей тут же становилось о нём известно — где жил, когда умер. Это походило на хитрую аугментацию, однако одно она знала точно — никакой кутроникой её дар не объяснялся ввиду полного отсутствия в её теле таковой.

Она происходила из семьи членов секты пуристов, запрещавших себе и своим детям портить собственные тела, дарованные Господом, прикосновением изуверских машин. Впрочем, оно и ладно, многие дивы погорели на том, что давали своим жётемам шанс хакнуть систему, явившись к себе под окна. Кто с топором, а кто и с напалмом. Ей же ничего подобного опасаться не приходилось — единственный в её доме прибор с подключением к нетям шарашил сигнал непосредственно в небеса — через приватный кубсат-ретранслятор. Ищите.

Впрочем, с её талантами опасаться преждевременной развиртуализации не следовало — даже сейчас, выскользнув из

душа с горой полотенца на голове, она сразу же уловила на себе сальный взгляд третьефазника из окна в доме напротив. Тот, аналогично, среди её жётемов не значился, он даже в сеть не ходил, ему хватало старого потёртого двадцатикратного полевого бинокля, при помощи которого он сторожил её голое тело непосредственно через окно. Ну гляди, только снимать не вздумай. Она узнает, она сразу узнает.

Впрочем, пойдём, поздороваемся со старпёром.

Ранняя осень близ Луавуля позволяет почти не заботиться о приличествующем маскараде, накинь хоть что-нибудь от дождя и выходи гулять, как есть.

После сеанса прогулка, а лучше пробежка — важное дело, она позволяет разгрузить перекормленное подсознание, увлечённо переваривающее сейчас чужие эмоции. Опять же, покуда марше — можно ни о чём не думать, ноги волокутся вперёд сами собой, только дома мимо проплывают. Однажды она, задумавшись, так и обошла весь немалый «Коломб волант» по кругу, обернувшись домой лишь под самый вечер, чуть не попав в итоге на комендантский час. Сейчас смешно вспоминать, а тогда пришлось целую объяснительную в околотке писать, так мол и так, сектантка есмь, часов не наблюдаю, сим предупреждена об опасностях и рисках, дата, подпись.

Как будто в пределах «Коломб волант» можно шагу ступить без догляда.

Вот и сейчас, только-только затянув на поясе вырвиглазных цветов неоновый полупрозрачный дождевик и шагнув с порога под купол материализовавшегося над ней словно из ниоткуда зонта-дрона, она тут же угодила под проверку.

Разумеется, всё ради блага жильцов коммуны, никак иначе.

На всякий случай подняв руки над головой, она медленно (очень медленно!) обернулась навстречу кряканью и миганию. Бот был знакомый — с обломанной боковой антенной и смазанным трафаретом 616 на лобном месте. Эта штука бесила всех вокруг тем, что умудрялась собирать двортерьеров со всей округи и под бодрый побрех кабыздохов приниматься увещевать их словами «граждане, расходитесь, вы мешаете проходу граждан». Даром что тазером их не шмалял, а то получилось бы неудобно. Собакены, впрочем, обслюнявив его и вдоволь наоравшись, расходились по домам, а бот этот клятый так и продолжал патрулировать, доводя до исступления старушек и вызывая на себя огонь исчезающе редкой по нынешним временам, но оттого ещё более наглой детворы. Те палили в горе-блюстителя порядка из водных пистолетов, заправленных фосфоресцирующей краской, отчего «шестьсот-шестнадцатый»

даже после внеочередного обслуживания выглядел ровно как только что со свалки.

На этот раз жертва школобомбинга доколебалась до неё по части профиля вакцинирования.

Подвернулся, как говорится, удобный момент.

Дяденька, апутити минэ, сами мы не местные!

В попытках объясниться с тупой железякой прошло битых десять минут. Так, смотрите, офицер, она сейчас медленно (очень медленно!) опустит левую руку и достанет из кармашка трико карточку айди. Нет, богомерзкой аугментации и прочих центральных помп не имам. Так точно, сектант. Лицензионный. Всё там, на чипе. Только не стреляйте.

И ведь знает её, как облупленную, но всё одно издевается.

А главное, последнего антиваксера к югу от Луавуля видели может лет сто как назад, ещё до последней пандемии зелёного грибка, нашёл, до чего доколебаться.

Когда крякающая и улюлюкающая мигалка всё-таки укатила к следующем порогу, к другим приставать, от прекрасного настроения уже и след простыл.

Она коротко махнула рукой старпёру с биноклем в противоположном окне — пускай напоследок полюбуется на её качнувшиеся под прозрачной тканью дождевика соски — и пошлёпала вниз по рюету, привычно пружиня и подпрыгивая на едва справляющемся с осадками покрытии.

Дождевик приятно похрумкивал в такт размашистому движению локтей. Вот кто бы из её жётемов сейчас мог признать в аляповатой физкультурнице ту богиню, которой они поклонялись. Обыкновенная нескладная тётка средних лет пытается на бегу припомнить, как её там учили дышать. Фух-фух, нет, не то. И главное сколько раз давала себе зарок — ну что за каменный век, носиться по району в мокром трико и аляповатом дождевике.

И главное польза от этого всего мягко говоря сомнительная. Дышать через респиратор («Джи И» гарантирует! аромат высокогорных трав!), поминутно рискуя упасть на патентованных пружинящих копытцах для тех, кому религия не позволяет нормальные бионические протезы (лучший бег от лидера рынка! «Три-Трейд» — и вы летите как на крыльях!), поминутно уворачиваясь от автоматов доставки и чёртовых двортерьеров. Куда лучше было заказать уже домашний комплект для левитации. Всё равно вторая спальня в доме пылится, отданная в итоге под всякий хлам. А так побрать виртреалы по стенам, и готова тебе аптитьюд-студия на все случаи жизни. Хочешь — бегаешь, хочешь — в горы лезешь, ботиночки с магнитным

поясом обеспечат тебе полное погружение в процесс на любом уровне сложности и с любым уровнем гравитации — с мунного по юпетирианский включительно («Сейко» заключило эксклюзивный контракт с «Маршиан текникс»!).

Чушь всё это. Ничего она никуда не поставит, и не потому, что не доверяет технике, хотя и это тоже, а потому что вот эти побегушки дурацкие для неё зачастую — единственная оставшаяся причина выходить в реальный мир, хоть изредка покидая своих жётемов не для перерыва на химический сон и прочие физиологические потребности.

Пока она сопит и дышит, а также по канону движет локтями, её не тревожат призраки далёких омм с их вечными страхами и неудовлетворённости. Она — это только она, и никто больше.

Дома же… в отличие от прочих див, содержавших от скуки целые гаремы антуража, она жила в одиночестве, не предпринимая даже особых попыток как-то это изменить.

Ей нравилось хоть иногда побыть одной, вне чьего бы то ни было внимания, те же два или три раза, что она совершала неловкую попытку с кем-то познакомиться, заканчивались довольно грустно — она просто смотрела в глаза ему или ей или им, и не видела по ту сторону ничего интересного, ничего необычного, ничего, стоящего хотя бы и секундного усилия понравиться.

О, она смогла бы. Стоило ей повести бровью, как даже через виртреал, даже за тысячу километров, любой уже был бы у её ног. Чего уж говорить о личном контакте тет-а-тет, тут опасность была скорее переборщить с напором. Это как попытка пошептаться с человеком, в руках у которого матюгальник на пару киловатт. Тебя просто сдует к такой-то матери.

Так и тут, любой, кто к ней приближался, рисковал заживо сгореть в поле её внимания. К счастью, никого, кто стоил бы такового, не находилось. Люди в быту были скучны и однообразны. Даже среди её армии жётемов едва ли можно было наскрести с десяток неординарных личностей.

К счастью, ей хватало ума держаться от них подальше.

Они, в отличие от фанатов «реального» дэйтинга, видели её в истинном обличье. Дивы. Грозной жрицы на капище чужих желаний. Призрака без лица, тела и биографии. Зато со своим, истинным «я».

Нет, с жётемами она никогда бы не стала встречаться.

Если так подумать, лишнее внимание ей к чему? Она и так пропускает сквозь себя жизни миллионов посторонних людей, пусть они об этом и не подозревают, считая тот самый патентованный её контакт визюэль за некоторое чудо, за нечто

личное. Только он и она. Но она-то знала, что дар её простирается куда дальше примитивных плотских желаний конкретного л'индивидю.

А потому чего бы она не могла пожелать в этой жизни, ей являлось на сеансе. Жётемы — все одинаковые, но все они разные. Тупицы и интеллектуалы, властительные бонзы и ничего не решающие пешки, старые пердуны и юные спермотоксикозники, новички вуайеристского рынка и опытные ценители нюанса.

Она знала их всех, как облупленных, каждый их поступок, каждый их страх, и уж точно — каждое их желание. Могли ли физические тет-а-тет с ними добавить ей чего-то, чего она без присутствия их потных тел в одном с ней помещении ни в какую бы не получила? Очень вряд ли. Разве что заразу какую занести, а это едва ли можно было почитать за особое удовольствие.

Прочие дивы — она знала это доподлинно — держали при себе гаремы воздыхателей не столько за кадром, сколько в перерыве между сеансами. Но не для плотских утех, упаси боже, с этим куда качественнее справлялись специализированные игрушки-стимуляторы да правильно подобранный коктейль феромонов. Для конфликта. Для драки. Они соперничали за её внимание и тем самым повышали у див обыкновенно и так зашкаливающую самооценку. Антураж нужен был исключительно для этого.

Но ей весь этот отоэвальюсьён не требовался. Она вела свои сеансы не ради кредитов и уж тем более не затем, чтобы потешить собственное самолюбие. От неё требовалось следовать зову своего дара — поглощая всё доступное ей человечество целиком, во всей его неглубокой полноте. Таково было её призвание. За пределами же оного она была тишайшим существом на всей Матушке, пугливым и нетребовательным. Лишь бы было вокруг тихо, лишь бы ни с кем лишним не пересекаться взглядом.

Чуть не споткнувшись на бегу, она принялась отчаянно вертеть головой по сторонам, прислушиваясь.

Неужели показалось?

Она привыкла доверять своему радару. Любое, даже самое ничтожное внимание к собственной персоне давало моментальную вспышку, которую ни с чем не спутаешь и ни за что не обманешь.

Вроде ничего заметного. Но что-то же она почувствовала? Как будто лёгкое, едва заметное касание.

Звонкие шлепки её шагов по мокрому покрытию напряжённо замерли.

Нет, не показалось.

Высоко-высоко, на самой грани видимости, посреди серой хмари неба в дождливом тумане стрекотали роторы гексакоптера.

Ну, допустим. Предположим на секундочку, что это не по её душу, а так, мимокрокодил мимопопролетел.

Она аккуратно, по привычке не делая резких движений, подняла на звук голову и послала команду.

В голове тут же отдалось импульсом боли. Всё-таки не зря она брезговала прибегать к подобным фокусам. Её дар всегда платил по счетам.

Впрочем, она переживёт. А вот гексакоптер этот посторонний — никак нет.

Впервые столкнувшись с этой стороной своего дара, она надолго призадумалась, слишком уж это всё отдавало галимой мистикой, как в самых дурных видеорамах старины. Главный герой поднимает руку ладонью вперёд и останавливает пули на лету, или же наоборот — указывает пальцем на врага, и у того тотчас образуется некрасивая, сочащаяся лёгким дымком синюшная дырка в черепе.

В её случае всё работало иначе. Стоило ей по-настоящему захотеть избавиться от какого-нибудь назойливого механизма, как тот послушно уходил в страну вечного ребута. Всегда по-разному, у какого-то доходяги коротил аккумулятор, другие хватали сбой прошивки, но всегда всё заканчивалось быстро и фатально. Собственно, требование к цели было одно — машина должна была ею интересоваться. Просто пролетающие мимо дроны автоматической подзарядки или транспортные боты оставались для неё недосягаемы, сколько бы она не старалась.

Вот и сейчас — гексакоптер действительно за ней следил. Следил и потому пропал.

А теперь, пожалуй, подождём. Если это и правда пришли по её душу, значит, на этом ничего не закончится.

Разумеется, никаких сирен и мигалок. Это вам не соседский патруль в разводах детской краски.

Она словно разом оказалась под прессом стометровой глубины. Каждый, кто увлекался рекреационным плонжелибром, знает, что как глубоко не ныряй, собственно давления среды ты не почувствуешь, сколько бы атмосфер тебя со всех сторон не опрессовывало. И только крошечная камера за барабанной перепонкой, если своевременно не продуваться, мгновенно ощутит, что ты уже далеко не на поверхности, оповестив тебя дикой болью. Так и сейчас — ничего толком не изменилось, только начало вдруг ломить виски, как будто к её голове приставили ствол серьёзного калибра.

Что ж. Не впервой.

Кавалерия приближаться не спешила. Сперва как-то отчётливо стало тихо вокруг. Замолчали соседские собаки. Скрылись с глаз вездесущие дроны. Даже, кажется, дождь моросить прекратил. Наверняка и сосед с биноклем поспешил закрыться из глаз, привлечённый каким-то сигналом внутри дома. Чисто работают.

И только когда рюет окончательно вымер, в небе нарисовались парные тени десантных тилтвингов — два по бокам от неё и ещё два в отдалении.

Бесшумное движение четырёх теней среди клубящейся облачной массы производило на неё завораживающее впечатление. На неё словно пикировали тени валькирий из скандинавских саг. Именно так те спускались на бренную землю, дабы унести в пиршественные чертоги Вальгаллы павших в славном бою воинов Одина.

Интересно, чем её бренное тело заслужило столь пристальный к себе интерес.

Ха, она же дива. Её работа — привлекать к себе чрезмерный интерес на ровном месте.

Демонического вида чёрные хитиновые карапасы посыпались из тилтвингов, как горошины из перезревшего стручка — шрапнелью во все стороны, только лазерные целеуказатели замелькали. Живые бойцы, не роботехника какая. И не мерзость пред Господом, именовавшаяся «мекк». Знают, к кому пришли, уважают.

Она с интересом разглядывала красные точки, утвердившиеся у неё на груди, прожигая прозрачную ткань дождевика до бледной кожи. Слишком интимно, не находите?

За чёрными забралами ей не было видно глаз, и в этом тоже был смысл, но тут агрессоры её сильно недооценили.

Они смотрели сейчас на неё. Мужчины, женщины, геи, бигендеры, гендерфлюиды, агендеры, небинарные люди и пансексуалы. Ей было плевать, кто они, раз они на неё смотрят, значит, они уже в её власти.

Стоило ей едва заметно, почти неразличимо глазом изогнуться в талии, как огоньки целеуказателей повело в стороны, как после хорошей дозы седатива в помпу. Не обольщайтесь, ваш прицел — это брешь в вашей непроницаемой броне. А её блестящий дождевик — страшнейшее психотронное оружие на этой планете.

— Может, расскажете уже, что вам от меня надо?

Она решила не разыгрывать виктимность и не изображать удивление. Эти ле гар явно знали о ней многое, так зачем попусту

тратить время. Её тело было эффективно в любой роли. В том числе, собственно, её самой.

— Моник Робер?

Она восхищённо подняла левую бровь. Неплохо. По всей Матушке сыскалось бы с десяток людей, которые знали бы это имя. Слишком много времени прошло с тех пор, как она с ним рассталась. Любопытно.

Впрочем, это ничего не меняло, да и вряд ли бы могло поменять. Она никогда ни от кого не скрывалась, более того, её никто особо и не разыскивал. До этого дня.

— Допустим. Но моё имя ничуть не объясняет цели вашего ко мне визита.

Реплика сопровождалась плавным (нарочито плавным!) движением кисти слева направо, мол, взгляните сами, кель бордель вы тут учинили. Дадим им шанс.

— Мисс Робер, мы настаиваем на том, чтобы вы проследовали с нами.

Надо же. Они настаивают.

Голос говорившего, пусть и упрятанный за грозным скрежетом вокорра, выдавал его с головой. Её дар не обманешь, она различала выражение глаз штурмовика так же чётко и непосредственно, как если бы он снял с себя непроницаемый шлем, да и вовсе стоял бы сейчас перед ней голый и мокрый, как хрущ.

Он боялся, он до истерики боялся её сейчас, вот бы ещё знать, почему.

Что-то по её поводу ему сказали. Что-то такое, хитрое, достаточное, чтобы здоровенный омм в силовой броне и с пушкой в руках перестал контролировать свой голос, заставляя его предательски дрожать.

Ох, не то тебе сказали. Совсем не то. Потому что если бы те оперативные сведения были хоть в малейшей степени правдивыми, то последнее, что бы пришло тебе в буйную головушку, это тыкать в неё стволом.

Ты бы улепётывал сейчас, только дым бы из-под копыт столбом поднимался.

— Я сейчас не в том положении, чтобы вам хоть как-то возражать, но я вольная горожанка Луавуля, а значит, у меня есть кое-какие права даже под угрозой тяжёлого штурмового вооружения. Могу я поинтересоваться, с какой целью меня, хм, приказано препроводить для беседы? Я верно процитировала?

В ответ последовало продолжительное молчание. Минута, две, пауза затягивалась. Ей оставалось только ждать. Наконец неслышимые переговоры пришли к какому-то общему

знаменателю.

— Ряд лиц, с которыми вы контактировали, обвиняется в терроризме, пособничестве и финансировании терроризма. Вам зададут по их поводу ряд вопросов, после чего вы будете отпущены.

Дурачок же ты мой дурачок. Те десятки миллионов жётемов, с которыми, как ты только что выразился, она «контактировала» за последнее время, включают такой богатый срез человечества, что там наверняка будут не только террористы, но толкинисты, реваншисты и наверняка мужские шовинисты. И каждого из них она бы сдала с превеликим удовольствием. Другое дело, что ты только что подписал себе приговор.

По факту, перед ней мокли под дождём банальные корпоративные «красножетонники», пусть почему-то предпочитающие скрываться под маской анонимности. Она не умела читать мысли, потому в этих вопросах её таланты не помогали, но Ромул не стал бы юлить, он бы сказал своим людям разговаривать с ней прямо. Все эти игры в «вы просто свидетель, не беспокойтесь», фу.

А раз так, что ж, в её планы не входило сотрудничать с корпоративными крысами, чтобы они там себе ни думали, и каким бы чудом они не узнали о том, кто она и где она. Впрочем, опять же, Ромул не стал бы ей и угрожать оружием.

Пора было заканчивать это шапито. Жаль, ей нравился «Коломб волант», она успела сродниться с этим странным местом.

На этом она медленно (очень медленно!) стала поднимать левую руку в сторону ближайшего ле гар. Столь же плавно пальцы её сжались в кулак, и только указательный остался выпрямленным, медленно (очень медленно!) направляясь прямиком в чёрный мокрый лоснящийся лоб инопланетной жужелицы из старого ужастика. В лоб тому, кто посмел обратиться к своей госпоже без её особого дозволения.

Красные огоньки целеуказателей снова дрогнули, но на этот раз не стали разбегаться, а наоборот, потянулись к ней со всех сторон, половчее пристраиваясь — между глаз, в сердце, под ключицу, в шею. Кто-то особо шаловливый нацелился в пах, гадёныш.

Как бы она их не пугала, даже теперь она оставалась дивой из див, королевой вуайеристского жанра. Она бы поставила хорошие деньги на то, что у всех этих омм разом встал, а у фамм помокрело между ног. За агендеров и небинарных людей не поручишься, но и они наверняка остались не в накладе.

Хватит.

Её указательный палец резко согнулся, нажимая на

невидимый спусковой крючок.

Огненный дождь тут же обрушился на неё со всех сторон, яростный, неудержимый.

Вырывая из тела куски плоти, разбрызгивая кровь багряным аэрозолем.

Это запечатлели все камеры наблюдения в округе.

Как зафиксировали они и дымящееся дуло пистолета в её вытянутой руке.

Она успела разнести череп четверым или пятерым, прежде чем её отбросило прочь прямыми попаданиями.

Дива есть дива. Даже тут ей удалось произвести впечатление на своих зрителей.

Они ей поверили, как поверили до этого миллионы далёких жётемов.

Спустя полчаса она уже садилась в кабину трансконтинентального экспресса, забрав с собой пару сменных вещей в дорогу и коробку с флэшками.

Как же они всё-таки её нашли?

Она обязательно выяснит. Но сейчас её волновало другое. Вновь приближаются чёрные иды. А значит, скоро она будет избавлена от бремени лишнего знания, память о десятках миллионов чужих ей людей покинет её бренное сознание и понесётся прочь, туда, далеко, за грань пустоты.

Она же вновь продолжит наблюдать.

XXIII. 35. Инфант

С самого утра разорались петухи, бери да вставай. А за ними, знамо дело, принялись брехать вечно голодные хозяйские собаки, тоже выклянчивая еду.

Порядок заведённый, солнце над горами в Гиркарвадо встаёт рано, рыбаки местные — ещё раньше, потому вся живность в деревнях вдоль всего побережья на юг от Махаращтры почитай круглый год, с перерывом на мунсун привыкла вставать ни свет ни заря, мешая лонгстеерам налёживать, хоть спать вообще не ложись.

Оно и правда удобно — ночью с океана тащит прохладой, от рашн бич музыка доносится, сиди себе гамай в виртреале, тогда как днём прям с утра наступает жара, на улице вообще нечего делать, да и тихо кругом, только коровы бродят да вёдра с гайками вокруг них погромыхивают.

Франтишек днём обычно ложился досыпать, как вернёшься утром с пляжа, держа под мышкой пару хвостов свежепойманной на спиннинг макрели для мамки, смоешь с себя соляную пыль, да и на боковую. Кому день, а кому и самая ночь, только ставни закрой за кондей вруби на полную силу — уж больно прижаривает в полдень-то.

Заведённый этот порядок, впрочем, сегодня нарушился. Как назло со вчера весь день словно заговор какой — башка трещала. И не поспать толком, и виртреал побоку. Провалялся до обеда на одном боку да и встал чо там по плану делать. Тесты дурацкие поделал, учителю, несмотря на часовой пояс, сразу отписался, а там и обед поспел.

Мамка готовит знатно — пирог с кингфишем, пенни с

маслом, гарлик наан только из тандури, гуакомоле со сладким перцем, ромболлы на сладкое, пускай и без рома, потому что не положено. Ешь от пуза.

Мамка у Франтишека заботливая, не хуже других. Еды приготовит, нос утрёт, портки постирает. А за одно и пилить за странный график не будет, благо речевой модуль он у неё подрезал ещё в том году. Стоит теперь в режиме ожидания, как истукан, да помалкивает.

С другой стороны, а чего выступать — дитятко в кои-то веки вовремя поело, уроки сделало, всё согласно местной странной получасовой таймзоне, а что ходит со вчера смурное да за башку хватается, оно уже не мамкино дело, пусть с этим специалисты вопрос решают.

Коновалам местным Франтишек, разумеется, трезвонить не стал. Знаем мы эту братию, выпишут обследований на полгода вперёд да вагон колёс дженериковых, как же, драгоценный ребятёночек пожаловался на буйную головушку, давайте-ка его по больничкам теперь затаскаем на весь прайс! Катэ, эмэртэ и ёкэлэмэнэ! Нет уж.

Нашёл сам в каморе каких-то таблет — на вид явно просроченных — да и сожрал одну-другую. Вроде в нетях пишут, должно помогать. Не безопасно, но в свои триданцать с гаком лет Франтишек крепко понял, что однова живём, и если носиться с собой, как с писаной торбой, то это будет не жизнь, а безобразие.

Колёса, впрочем, помогли, а может, то были мамкины ромболлы, поди разбери, однако на дворе между тем успело стемнеть, завыли своё проповедники на рашн бич, а спать охота — хоть спички в глаза вставляй. График долой, подумал тогда Франтишек, и на этом окончательно отрубился, как был, в кресле-качалке на балконе гестхауса.

Проснулся он от тех самых оглашенных петушачьих криков с чумной головой и ноющей от неудобного спанья поясницей. Странное ощущение — вставать в пять утра, когда привык, напротив, в это время только ложиться. Ничего, скоро вернёмся обратно в норму, уж проходили.

Франтишек, глядя на светлеющую полоску неба, решил даже не тратить время на завтрак — умылся слегонца, зубы полоскателем освежил да побежал со снастями на берег. Вообще забавное это дело, вот так вставать ни свет ни заря, башка пустая, свежая, в пузе от голода бурчит, только зеваешь отчего-то поминутно, аж звон в ушах стоит. Вот бы его щас родители видели. Что-то они подзастряли на своей Муне, только и пишут раз в неделю — скоро домой, скоро домой. Полтора года уже, два мунсуна Франтишек в Гиркарвадо перелетовал, а песня всё та же.

Экспаты они такие.

Сеня, что в нижнем Мандреме живёт, тоже жалуется, что всё обещают и обещают родители наконец приехать, а всё никак, то карантин очередной, то забастовка мунных диспетчеров, то погода нелётная.

Эх, вздохнул Франтишек, покосившись на белый инверсионный след, поднимающийся над Махараштрой. Минуты через три и звук соник бума долетит. Иногда начинало ему казаться, что нет у него никаких родителей, учителей, разбросанных по свету одноклассников, одни лишь виртреальные галлюцинации, призванные скрасить сырую скуку нового мунсуна.

Впрочем, плевать. Пока светило восходящее солнце, пока полоскалась в океане макрель, пока не доломалась мамка, пока не укатил куда друг Сеня, что ему все эти далёкие люди или их отсутствие. Гуляй себе и будь счастлив.

Франтишек, подхватив половчее снасти, припустил бегом к берегу, только грязные пятки замелькали, а поспевающий за ним дрон догляда басовито взревел, набирая обороты.

Рыбаки на берегу только-только принялись за дело, раскидывая свои потёртые деревянные катки от лодок к берегу. С утра был отлив, так что ещё толком не продравшие глаза бородатые мужички в грязных ковбойках, вяло переругиваясь на местной смеси португальского и хинди, почесав репу, доставляли на дальнем конце дорожки ещё по два катка и только тогда принимались с натугой выталкивать лодку к воде.

Франтишек помахал им рукой, а сам ловкой обезьяной полез, цепляясь за арматуру, на развалины пирса рыбачить.

Поклёвки, впрочем, сегодня не случилось. То ли проклятый отлив виноват, то ли ещё чего, но просидев так почти что час и уже чувствуя на спине жаркую ладонь восходящего солнца, Франтишек решился двигать домой. Да и фиг бы с ней, с рыбицей, всё равно кингфиша нынче не поймать, а макрель его уже порядком утомила. Сгонять что ли на тук-туке до Сиолима на утренний рынок, взять там лангустов да сожрать с чесноком. Кредитов вроде в этом месяце ещё много осталось.

Или ну его. Обойдёмся сегодня курицей!

Поддельная, конечно, веганская, с чего бы в Гиркарвадо завелась настоящая, да какая разница, на вкус так и так пластилин.

Франтишек курицу не любил, но сейчас бы сожрал и сырого кальмара.

Пока он бросал снасти и обувался в сандали, на улице окончательно припекло. Ну да, не декабрь на дворе. Подумав,

Франтишек сунул в рот остаток вчерашнего чизнаана, натянул нелюбимую панаму и потащился выклянчивать у хозяев гироскутер. Не пешком же переться до поворота на Мандрем.

Гироскутер ему, конечно, не дали, но, сжалившись, вручили старенький пыльный скрипучий электросамокат, которому лет небось было как самому Франтишеку. И на том спасибо, а теперь ходу.

Ходу хватало лишь на то, чтобы немного охладить встречным ветерком распаренную спину, ну, хоть не стоим, едем.

«Чикен-центр Эрнандо» как всегда стоял пустой, да собственно чего тут кому делать — холодильник с магнитным замком в углу работал автономно, Франтишек помахал сенсором на запястье у старомодной рамки ридера да и потащил в авоську пару ближайших брикетов. Льда, конечно, там больше чем белка, вот почему он предпочитал рыбу. Эта хотя бы состояла в основном не из ашдвао и не стремилась разложиться на тепле в розовую слизь. Ничего, мамка разберётся. Куриный суп-пюре с шампиньонами, почему нет, в морозилке наверняка ещё валяется пакет грибышей с прошлой доставки.

Захлопнув дверцу холодильника, Франтишек двинул на выход, тут же нос к носу столкнувшись со своей персональной немезидой, горгульей и бабой-ягой — у «Чикен-центра Эрнандо» парковала ржавый байк Машка-промокашка в обычном боекомплекте: острые коленки две штуки, чёрные глаза навыкат две штуки, хвост конский одна штука, поверх всего организма — балахон оверсайз, мозгов — не дадено вовсе.

— Ковальский, ты?

Франтишек пробормотал в ответ что-то сбивчивое, мол, кто же ещё.

— Погодь, вместе до дома поедем.

Вместе так вместе. Машка, конечно горазда всеми командовать, тон у неё вечно такой противный, поди с ней поспорь, смеряет тебя таким взглядом, что только под землю провалиться остаётся. Сеня вон, тот вообще её боялся, обзывая за глаза ведьмой.

Впрочем, в чикен-центре Машка особо не задерживалась, вернувшись при такой же, как у Франтишека джутовой авоське с парой морозных бриткетов поддельной курятины внутри.

— У тебя тоже башка болит?

Интересный поворот разговора.

— Да нет, вот вчера виски ломило страсть.

— Понятно, значит, у тебя тоже. А то я уж подумала, что у меня месячные прорезались.

— Ты совсем дура что ль?

Стараясь не так густо краснеть, Франтишек полез на свой электросамокат, давая Машке понукающую отмашку рукой, езжай мол.

Та, впрочем, за собой никакой оплошности не заметила, только нахмурилась под нахлобученным как попало шлемом, как бы о чём-то своём размышляя. Так и поехали, гудя электроприводом и покрякивая на поворотах. Машка молчала, Франтишек тоже помалкивал, и чо было его задерживать? Прекрасно бы себе порознь доехали, чо тут той Гиркарвадо.

У последнего поворота Машка притормозила так резко, что Франтишек чуть ей в зад не въехал.

— Машка, ты чего творишь?

Но та даже ухом не повела.

— А собаки-то с самого утра так и брешут.

Франтишек прислушался.

— Ну брешут и брешут, тебе какое дело. Тоже спать не дают.

— Угу, угу, спать не дают, — дурёха продолжала себе чего-то выдумывать. — Ты вот что, курицу себе забрось, а сам сразу выходи, дело есть.

Да что она заладила, «дело есть», «разговор есть»? Будто он ей мальчик на побегушках. А впрочем да, выходит, так. Забросив брикеты мамке на поживу, Франтишек, вздохнув, поскакал обратно вниз, раз зовут. Сопротивляться указивкам Машки у него силы воли никогда не хватало. Какая-то у той была над ним злая власть.

А вот и она, переоделась, гляди, в джинсы и грязную футболку, предательски обтягивающую то, что среди местных пацанов обсуждать было не принято. Франтишек поспешно скосил глаза в сторону.

— Ну чего тибе?

— Ничего мине, — передразнила, значит. — Залезай, погнали к пирсу.

Делать было нечего, под заунывный собачий лай (они и правда всё не унимались) машкин байк повёз обоих в сторону прибрежных шеков, уже вовсю дымивших, готовя еду для первых посетителей. Франтишек первым движением вцепился Машке в талию, но быстро опомнился и неловко перехватил крепления багажника у себя за спиной. Держаться так было неудобно, но зато меньше вопросов с точки зрения морали и социального дистанцирования. Машка, заметив это его телодвижение, только фыркнула, закладывая вираж по песку между прибрежными пальмами.

Прибыли.

Пока Франтишек отряхивался от красной пыли, Машка

успела порыться в кофре и добыть оттуда визор. В сложенном виде — ничего особенного, лепестки роторов и хищно блеснувшее на солнце рыльце объектива. Но Франтишек, глядя на раритет, присвистнул. Это вам не стандартные боты догляда, что привычно следовали за обоими, стоило им выйти за дверь, тут настоящая оптика, миллиметров полтораста, да и батарея мощная.

— Зачем это тебе?

— Будем надеяться, что ни за чем.

Загадками разговаривает. Вот же зараза.

— Да говори уже толком, что мы тут на жаре потеряли?

— Собаки просто так брехать не станут.

И потопала себе с визором под мышкой. Франтишеку осталось дуру набитую догнать и железяку у ней отобрать, а не то гляди пополам переломится.

— Ты как, аттестации сдаёшь?

— Аттестации для лохов.

Он аж крякнул. Сказала, как отрезала. С другой стороны, ей-то что, у неё три мамы, и все три — шишки «Маршиан текникс». Коли надо будет — дитятку окормлять есть кому хоть до седых волос. Франтишеку в этом смысле повезло куда меньше: чем и зачем занимались родители, ему оставалось только гадать. Это тут, среди детей экспатов, все как будто были равны, босоногое детство среди роющихся в мусоре подсвинков и стоящих вповалку ржавых байков, если так подумать, в Мегаполисе с его сугубо кастовой структурой общества они с Машкой едва ли могли повстречаться. Тут же всей и разницы — заставляет тебя кто регулярно заниматься или же весь твой запас усилий уходил на то, чтобы не слишком хамить учителям, пытающимся тебя заинтересовать своими штудиями по удалёнке.

Впрочем, Франтишеку учиться нравилось.

— Машк, ты когда вырастешь, кем стать хочешь?

— Корпоративным бизнес-коучем, топай давай, Ковальский.

Звучало, если честно, не очень перспективно.

— А я драйвером внешних трасс.

— Водителем то есть?

— Сама ты водителем! — обиделся Франтишек. Впрочем, развить тему ему не удалось, за последним рядом пальм уже открылся привычный вид на ряд лодок и океан.

Рыбаки, мрачно переругиваясь, укладывали на корме сети. Диалог их немудрящий развивался в том смысле что сего дня рыбы нет как нет, но Машка на них внимания не обращала, и только поторапливала Франтишека, мол, погнали.

Забравшись на пирс, оба огляделись. Океан выглядел как

океан, ничего особенного. Да и горы на востоке ничего особенного пейзажу не добавляли. В небе привычно реял орёл, тащивший водяную змею. Всё шло своим чередом.

— Что мы ищем-то, блинский?

— Меньше разговоров, больше дела. Запускай визор.

Перед глазами у Франтишека мир привычно проделал кульбит, когда его аугментация начала принимать сигнал от взмывшего в небеса визора. Только тут до него дошло. Матери Машки были пуристками, что для «Маршиан текникс» весьма необычно, так что она осталась в свои годы без аугментации вовсе. Так вот зачем он ей понадобился.

— Могла бы и словами сказать.

Но Машка предпочла промолчать. Она никогда не комментировала свои тёрки с матерями, да и свои биологически девственные мозги, во всяком случае на словах, за инвалидность не почитала. Ну и ладно. Так, что тут у нас?

Визор успел набрать приличную высоту — чуть не километр — но по-прежнему ничего особенного не наблюдал. Да и видимость над океаном какая — влажность же, марево. А так, поди ничего обычного. Танкеры цепочкой на рейде тянутся, а дальше Индийский океан успешно сливается с небом.

— Ничего в упор не вижу, ты хотя бы скажи, чего…

И тут он разглядел. Как будто какая-то тёмная полоса набухает за цепочкой кораблей.

— Там что-то есть.

Франтишек тряхнул головой, переключаясь обратно на обычное зрение.

— Как будто волна сюда идёт.

Он хватил Машку за запястье и как следует тряхнул.

— Ты что-то об этом знаешь?

Но та только головой помотала.

— Не больше твоего. В нетях молчок. Ни сообщений о подземных толчках, ничего.

— Так вот почему собаки сбесились? А, неважно. Надо срочно валить подальше от берега. Если это волна, то… — Франтишек быстро слазил в нети, — у берега она будет двигаться со скоростью до сотни. И здесь она будет минут через десять максимум. Эй! — замахал он отчаянно руками, — уходите с берега! Волна идёт!

Рыбаки заулыбались и замахали в ответ, не разбирая его криков.

— И что теперь делать?

Франтишек сердито обернулся на Машку, ты эту кашу заварила, ты давай и командуй. Но вид у той был скорее

растерянный, она как бы сама не верила в собственную прозорливость.

— По идее, цунами выше 10 метров бывают редко. Если что, нам достаточно на верхотуру дороги на Мандрем подняться и всё, мы уже в безопасности.

— А остальные? Они же ничерта не подозревают!

Время тикало, и Франтишек начинал всё больше нервничать.

— Если это и правда волна, всем мы не поможем. Кто у нас в нижнем Мандреме из ребят старший?

— Из экспатов? Дык Сеня.

— Вот ему и звони, пусть собирает, кого может, и все резко дуют наверх.

А сама достала свой старомодный планшет и принялась там что-то стучать одним пальцем.

Принявший звонок Сеня сонным голосом ответил, что, мол, Ковальский, ты трёхнулся от жары что ли, но байке про волну вроде как поверил, пообещав сделать, что успеет. Поспешно завершив звонок, Франтишек снова обернулся к Машке. Пора было отсюда сматываться.

Но Машка всё так же втыкала в планшет, что с них, с пуристок, возьмёшь.

— О толчках по-прежнему нигде ни слова.

— Ну мало ли, прозевали, волна идёт, надо торопиться!

— А взгляни-ка ещё раз на всякий.

Франтишек вздохнул, но послушался. Да вот же, смотри…

Но смотреть было некуда. Вместо зелёного маркера подключения остался лишь стоп-кадр и отметка о сбое в канале передачи. Э?

Франтишек только и успел разглядеть, как мимо них с Машкой в воду рядом с пирсом булькнуло нечто, до омерзения похожее на растопыренные лопасти визора. В следующую секунду за ним последовали и оба их дрона. Догляд за ними на сегодня закончился.

Франтишек невольно поёжился. Что бы тут ни творилось, но сегодня он впервые в жизни остался один вне безопасного помещения.

Ну как, один, рядом с ним, раскрымши рот, стояла Машка, а на берегу удивлённо голосили рыбаки, но сам по себе факт уже был необычен.

— Нети тоже ёк.

И правда, Франтишека окружал плотная, почти физически ощутимая информационная тишина.

— Ерунда какая-то. Никакой толчок не в состоянии разом обрубить спутниковую связь, да ещё и днём, когда солнечные

панели питание дают.

— Потом будем разбираться. Надо валить.

И тут они рванули так, как никогда до того не бегали, не обращая уже никакого внимания ни на размахивающих руками рыбаков, ни на продолжающих брехать по деревне кабыздохов. Мысль у Франтишека была только об одном — в Гиркарвадо из детей экспатов их было только двое, с теми, что остались в Мэйн-стрит, вроде как всё равно связи больше не было, так что тут уже каждый сам за себя.

Свинство, конечно, так рассуждать, корил сам себя Франтишек, забираясь с Машкой на байк, но без связи вся их возможная помощь оказывалась бесполезной — до прихода волны оставались, похоже, считанные минуты, успеть бы самим ноги унести.

Электромотор взвыл, набирая обороты, песок полетел из-под колёс, и их байк одним прыжком выскочил на поляну, где когда-то рос баньян. Теперь — на дорогу и го вдоль берега наверх по склону, только ветер в прорезях шлемов засвистел.

Странная это история, думал себе Франтишек, не замечая, как всё-таки машинально вцепился в тощую машкину талию. Вот все явно учуяли неладное заранее. Голова болит, собаки лают. Можно сколько угодно рассуждать о том, что животные заранее чуют землетрясения, но они с Машкой, то есть люди — не животные, да и каким таким боком даже самому чуткому слуху деревенской шанечки может почудиться звук далёкого толчка, который больше никто на всей Матушке не услышал?

Волна не может взяться из ниоткуда, да и толчок должен был сперва прийти сюда в виде сейсмики, а уже потом прискакала бы запоздалая волна.

— Ерунда какая-то.

Это первое, что сказал Франтишек, стоило им двоим выбраться на пригорок над ботаническим садом, что поднимался здесь по склону от самого пляжа, огороженного понизу местной речкой-вонючкой.

— Да уж понятно, что ерунда. Волны-то и нет.

Оба, одышливо утирая стекающий со лба пот, уставились на запад, где привычно раскинулся океан. Действительно, никакой волны оттуда не приближалось.

Да и вовсе ничего не приближалось. Франтишек как смог напряг свои бионические гляделки, но без оптики визора ничего внятного разглядеть не смог. Хоть бы бинокль какой, беспомощно оглянулся он.

— Но я же всё ясно видел.

— Ты видел тёмную полосу. Больше ничего разглядеть с

такого расстояния невозможно.

— Но это же не может быть совпадением, и полоса эта проклятая, и пропажа связи, и падения дронов.

— Не может. Но это всё может быть не результатом причин и следствий, а просто общим итогом чего-то ещё.

— Чего-то ещё?

Франтишек непонимающе поглядел на Машку. Блинский, в мокрой от пота майке она выглядела капец вызывающе. Что там ему лектор по политкорректности говорил про «ай контакт»? В глаза смотри, короче!

— Чего-то ещё, о чём мы не знаем.

Да что они вообще знают, таким делом?

Тут у них за спиной запел-заулюлюкал звуковой сигнал.

Сеня умудрился совершить невозможное.

Над ними нависал самый настоящий растабас — десятиместная буханка, раскрашенная во все цвета радуги, из окон которой гроздями свешивались перепуганные детские физиономии. Голов двадцать, не меньше.

Вот они наделали делов, если Сеня, после стольких стараний, сейчас услышит от них, что никакой волны в природе нет и опасность миновала, а они с Машкой — два тупых барана…

— Слышьте, вы откуда узнали, что они появятся?

Они? Какие такие «они»?

Франтишек и Машка переглянулись.

— Рассказывай по порядку. Ничего такого мы не узнали.

— Так вы шагоходы не видели что ли?

Чушь какая-то.

Далее из мучительных переговоров и путаных пояснений выяснилось вот что.

Стоило Сене сбросить звонок Франтишека, как на улице что-то загрохотало — это в самом низу, между пальм в сторону от моря вверх по склону двигались грузные тени тех самых шагоходов. Шли они молча, не сигналя, но не поворотливый шаг то и дело прикладывал их то к пальме, то к забору, то к сараю, после чего на всю округу раздавался очередной гулкий треск орудийного выстрела.

Сене хватило единого взгляда, чтобы понять, что и безо всякой волны настала пора делать ноги. Он бросился к гараж, где догнивали своё родительские развалюхи, и недолго думая рванул рукоятки управления того, что лучше выглядело — того самого растабаса.

А что, по четыре опорных электромотора с каждого угла, можешь по бетонке колесить, а можешь и на воздушной юбке по реке идти, коли на полную мощность выбрать, так и вовсе

взлететь можно, ежели недалеко. Удобный транспорт, а что приметный, так вроде покуда и сойдёт.

В общем, собирал Сеня ребят по экспатской тусовке как мог быстро, но совсем всех ты поди собери, тем более что связь пропала почитай с появлением тех самых шагоходов, глушили они её, что ли.

— Как вообще можно замьютить спутниковый фид?

— И главное зачем?

Франтишек, Машка и Сеня посмотрели друг на друга, потом на раззявленные пуговицы мальков в растабасе, потом снова друг на друга.

Да, дела.

— Мы думали волна идёт, — промямлил Франтишек.

— Покажи хоть, что за волна.

Отрывок картинки с визора аугментация передать сумела, видимо, работая напрямую, без внешней связи.

— Волна.

Сеня только в затылке почесал.

— Ну и куда же в итоге делась эта ваша волна?

— А куда подевались твои шагоходы?

Кажется, они зашли в своих штудиях в тупик.

— Глядите-а!

Один из мальков — светленький, почти прозрачный, скандинавского вида пацан по имени Петер — чуть не вываливаясь из окна растабаса, обеими руками и всеми десятью пальцами отчаянно показывал куда-то в сторону океана.

Там и правда что-то происходило. Какая-то тёмная полоса, похожая на то, что изначально почудилось визору, но гораздо ближе и куда приметнее, принялась набухать примерно в километре от кромки прибоя.

Франтишек бросил короткий взгляд на берег — вот теперь даже до рыбаков внизу дошло и те принялись разбегаться кто куда — и только потом принялся выкручивать свои бионические гляделки на полную. Там, среди синевы морского простора, творилось сейчас нечто и вовсе несусветное, пусть не волна, но ничем, если вдуматься, не лучше. От волны можно убежать, забраться на крышу, залезть на пальму потолще, спастись в рыбацкой лодке, в конце концов. Но то, что поднималось из глубин теперь, обладало одним нехорошим свойством, от которого просто так не скрыться.

Оно было артефактом явно человеческих рук.

Широкой дугой от горизонта до горизонта из-под воды поднимались какие-то гигантские металлполимерные конструкции. Ещё минута, и они покажутся над поверхностью,

отсекая побережье от океана.

— Что это за хрень?

Машка, как могла, пыталась высмотреть своими подслеповатыми биологическими гляделками, что происходит в океане, но куда ей.

— Да уж хрень так хрень. Теперь понятно, почему собаки брехали.

Франтишек потёр костяшками сжатого кулака буйную головушку. От такого, пожалуй, забрешешь.

Из водной пучины на свет пёрло нечто вроде гигантской антенной решётки, вот она-то и глушила всякую связь.

— Хана местной вольнице. Заховали нас тут.

— Типун тебе на язык, — веско осекла Сеню Машка.

— Типун, не типун, а шагоходы эти только начало. Если они отрубили связь, значит, скоро огородят физически. Надо срочно валить, не дожидаясь.

— И куда же ты предлагаешь нам валить? — Франтишек постарался не язвить, но у него получилось не очень.

— На север, через речку, в Махараштру.

— Думаешь, Парадайз-бич не накрыло?

— Я не знаю, что там накрыло. Но я очень не хотел бы, чтобы их родители, — Сеня показал себе большим пальцем за спину, на притихших мальков, — и дальше изводились, пытаясь сообразить, куда подевалась связь с их драгоценными чадушками. Нужна связь.

— Никто не хотел бы. Что ты предлагаешь?

— Залезаем в растабас и валим в сторону моста. Если надо, переберёмся по воде, техника сдюжит.

— А остальные?

— Что остальные?

— Остальные, тут ещё сколько детей экспатов, кроме нас, осталось? Тут же анархия начнётся сейчас, их одних оставлять?

Оба замолчали, насупясь.

— Вот как поступим.

Тихий голос Машки был непривычно хриплым от волнения.

— Ты, Сеня, езжай со всем выводком до Реди-форта и пробирайся дальше на север, там тихо, народа сейчас нет, там эти, — Машка неопределённо махнула рукой, — вас не сыщут. Как выберетесь ближе к Ратнагири найди офицеров берегового патруля, расскажи всё как есть, пусть высылают войска, я не знаю. А мы остаёмся. Будем разыскивать остальных. Может, связь восстановится.

Все трое продолжали молча наблюдать, как из-под воды всё пёрло и пёрло.

Что же это за беда-то такая.

— Наверное, корпорации.

— Наверное.

— Ладно, валите быстрее, времени мало, перекроют дорогу на Реди-форт и хана нашему плану.

Сеня кивнул, помахав на прощение обоим и, взвыв движками растабаса, тотчас скрылся в клубах красной пыли.

Машка без дальнейших слов кивнула Франтишеку, залезай, мол, заводя байк.

Вот бы понять ещё, кто и зачем решил захапать себе этот берег, вот так, нахально, среди бела дня, прибрать к рукам бывшую португальскую колонию, столь полюбившуюся детям экспатов, тут и ресурсов-то никаких нет, кроме этой красной земли да пары чахлых пальм. Баньяны местные что-ли кому приглянулись.

Байк с рёвом унёсся вниз в сторону Мандрема.

XXIII. 44. Штурмовик

С самого утра стояла такая духота, что хоть из казармы не выходи. Как только заканчивался относительно засушливый март, лить тут начинало почти без перерыва. Если же тучи хоть немного расходились, становилось ещё хуже — приспособиться к сорокаградусной жаре при стопроцентной влажности для человека, знакомого разве что с кондиционированной прохладой городских агломераций, было делом совершенно невозможным. Впрочем все привыкали. И к комариным эскадрильям, пытающихся тебя сожрать при малейшей попытке выбраться на открытую местность. Эти кусали прямо так, через полсантиметра хэбэ, проедая чуть не до кости. И к легендарным африканским «шотам» — ломовому коктейлю вакцин против всякой дряни, что водилась в местных болотах — которые непонятно что делали эффективнее, лечили или калечили. В общем, местные температура и влажность были не самым грозным оружием против залётного господина, оказавшегося здесь по воле случая.

Богдан Русу, разумеется, ничем из этой когорты не выделялся, с такой же кислой миной он поднимался по звонку на дежурство, где молча выслушивал вводную, сухо кивал головой, стараясь не хвататься поминутно за виски, после чего выметался из командного купола под вязкие, лениво утекающие тебе за шиворот капли дождя только лишь для того, чтобы лишний раз сквозь зубы выругаться. Ключи-то опять забыл.

Борта на лётном поле стояли без номеров — загружайся в любой и следуй согласно назначению. Потому управление пилоты принимали при помощи хардварных коробочек с зашитыми в них

одноразовыми кодами доступа. Всё, что нужно знать — личный шестизначный номер на сегодня. Но, разумеется, Богдан никак не мог обойтись без того, чтобы не возвращаться за кодами с полдороги.

Воякам во входной группе уже даже скалиться надоело, так часто повторялась эта мизансцена. Мокрый, злой с порога Русу сражается с биологической защитой. Нет, ты у меня прочитаешься! После чего всё по заведённому — сдача личного оружия под опись, проверка документов (только что, думнядзеу, вышел!), после чего можно было приступать к получению искомых ключей.

Усталый каптёр Ерохин был единственным, кто не издевался. С таким графиком голову забудешь, как маму твою звали, не то что коды перед вылетом. Молча выдав Богдану искомое, он сунул ему под нос планшет для ввода личного кода, после чего так же молча подождал, когда Богдан сумеет повторно ввести его до зажёгшегося зелёного маячка, и только тогда махнул рукой, мол, выметайся, счастливого полёта.

Русу был не то чтобы сильно привязчивым человеком, тут таких не держат, но с каптёром Ерохиным у них за полгода дислоцирования в Баронге сложилось что-то вроде дружбы или, если хотите, вооружённого нейтралитета — никто никого не подкалывает, а при встрече в казарменном баре от выпивки не отказывается. На запад от Джубы это было верхом доступных наёмнику человеческих отношений.

На улице между тем стало светлей и заметно жарче — в просветах облаков посинело, по болотам сквозь туман побежали первые косые солнечные лучи. Самое время сниматься. Птички, пока Богдан возился, почти разобрали. Крайняя оставшаяся грудой ржавого металла темнела в дальнем углу ангара, такая же нелепая, как и всё вокруг.

Что эти люди и машины здесь потеряли? Почему не живут себе в уюте где-нибудь поближе к умеренным климатическим зонам? Зачем им сдалась эта ничейная земля, родина крокодилов, слонов и жирафов? Зачем им Белый Нил, зачем им местные болота?

Богдан часто задавался этим вопросом, заливая тоску и одиночество в баре, но чтобы прям с утра — это что-то новенькое. Прекращай. Гражданский пилот Русу, цирк с конями отставить, нюни на кулак намотать, по плацу ма-арш!

Тилтвинг послушно вздрогнул при его приближении, зарокотав где-то в самой глубине своего механического естества, словно нехотя просыпающийся поутру хищный зверь. Ещё не опасный, ещё не готовый к прыжку, но присмотрись к нему — вот

он, перед тобой как на ладони. Ужели сыщется на свете единая тварь, что не убоится подобной силы? Богдан не боялся, иначе зачем бы каждое утро ему лазить в пасть чудовища? Да и чего тут бояться — сама по себе его машина никакой опасности для окружающих не представляла. Комок мимомерных актуаторов, забитые под завязку водородные ячейки батарей и пять тонн металлполимерного волокна несущих конструкций, вот и вся недолга. По сути, Русу сегодня, как и вчера, как и позавчера, предстояло загрузить собственную тушку на борт одноместного среднетоннажного пассажирского винтолёта класса «стрекозёл». Ни грамма горючих либо взрывчатых веществ, равно как единиц энергетического или кинетического оружия на борту не значилось, да и значиться не могло, иначе расходы на содержание подобной техники в условиях Центральной Африки никогда бы не окупились.

Так что, какой там бояться, запрыгнули, завелись, погнали!

Пискнули контрольные коды, подтверждая аутентификацию. Под шелест роторов воздушный коридор навигационного компьютера потащил Русу вперёд и вверх, со всех сторон омывая его ржавое тело взбаламученным потоком, или это мокрое хэбэ, неприятно прилипая к телу в недрах тесного ложемента, давало о себе знать, но Богдан при наборе высоты всегда буквально физически чувствовал себя на месте собственного тилтвинга, существа механического и бестелестного одновременно. Пилот, управляя им, легко забывал о том, что вокруг него какие-то механизмы, какие-то конструкции, какие-то агрегаты. Больше всего этот полёт походил на ощущения скайдайвера во время прыжка, за одной лишь разницей — пилот мог подчинить себе не только падение, но и взлёт.

Пробив, в точности согласно полётному заданию, низкую облачность, Русу заложил крутой вираж, поворачиваясь от солнца. В виртреале пилотажного интерфейса положение светила на небе было совершенно лишней информацией, никак не помогая и никак не мешая ориентации машины в пространстве, однако по привычке пилоты старались держать экваториальное солнце позади, как бы подсознательно прячась в его жгучих лучах.

Впрочем, хрен с ним, с солнцем, думнядзеу, где группировка?

А вот и она. Стоило Богдану маякнуть в пространство поисковым сигналом, как инфокупол тут же расцветился гирляндой зелёных огней транспондеров. Вот они, его настоящие руки и глаза, куда там крошечному винтолёту. В радиусе пятидесяти километров послушно ожили и просигналили радарные станции, зенитные установки и конечно же ударные

дроны. Готовы выслеживать и отражать. По приказу свыше, но под контролем, в данном случае, его, дежурного гражданского пилота Богдана Русу.

Сегодня его распределили патрулировать промзону Йироль, что на юг от Озёрной провинции. А что, повезло, место тихое, случайные грузовые борта, идущие от Джубы на север вдоль Белого Нила, на эту территорию не залетают, местных поселений тут нет, периметр круглосуточно контролируется наземной охраной, не дежурство, а лафа.

Загнав в автопилот коробочку периметра и проследив, что обменные инфоканалы адекватно отвечают на его запросы, Русу штатно отчитался о прибытии, после чего благополучно переключил картинку на любимые дорамы.

Дела там творились между прочим презанимательные. Детектив Пак со своим штатным «барретом» наперевес третью серию подряд преследовал по крышам Старого Сеула своего стародавнего врага директора Ю, то и дело противники залегали у частокола антенн и принимались поливать друг друга шквальным огнём, время от времени останавливаясь перезарядиться и пророраться. Южный диалект старокорейского давался Богдану не очень, но экспрессия на лице актёров вполне заменяла ему нормальное понимание произнесённого. Что-то про мать и старые обиды.

Сигнал обнаружения постороннего объекта прервал увлекательный просмотр на самом интересном месте — детектива Пака задело рикошетом и он театрально повалился на бок, морщась в промежутках между инвективами в сторону злокозненного супостата. Что ему ответил директор Ю, Богдан так и не узнал, с сожалением переключившись обратно на тактический слой инфокупола.

А вот и нарушители. Точнее нарушитель. Богдан мгновенно свичнулся на ближайший патрульный дрон, наводя его оптику на резкость. В плотном тумане буш пересекали три тени — человек и собаки. И не сказать, чтобы нарушитель не пытался спрятаться — судя по характерным рефлексам картинки, он был завёрнут в металлизированную плёнку. Пустая затея, датчики ближнего инфракрасного диапазона показывали Русу всё, как на ладони, да и то сказать, пробрался собачник от внешней границы промзоны Йироль всего полкилометра, будем считать, что случайно забрёл, дадим скидку бедолаге.

Дрон, повинуясь команде оператора, тут же начал снижение, разворачивая на всю мощь матюгальники — своё главное не летальное оружие.

Ты есть нарушить граница запрет! Медленной скоростью

выходить прочь! Тебе давайть три минута на возвертать! Обратный отсчёт начинает! Три!

Голосовой модуль дрона был настроен на местный пиджин-инглиш, варварский, но доходчивый, обилие диалектов делало коммуникацию с местными занятием затруднительным, в основном диалог тут строился на уверенных рычащих интонациях, в случае же, если клиент окажется непонятливыми, всегда можно было применить и более убедительный средства вроде пущенной под ноги нарушителю свинцовой маслины.

На этот раз, впрочем, не пришлось.

Стоило крикуну с неба начать считать до одного, как тени на земле тут же развернулись в обратку — лишнее доказательство, что ничерта дядька внизу не заблудился, знал он, футуц, прекрасно знал, куда идёт.

Ну и славно. Другое дело, что они тут потеряли? Ведь лезут же и лезут.

Русу ещё понимал, зачем местные постоянную суются на территорию охраняемых природных парков, которые тут под свои нужды развела та же «Янгуан». Нетронутой земли на Матушке осталось наперечёт, а такой, где сохранилась после климатического рывка оригинальная биота — и вовсе крохи, так что охранять её от набегов местных было логично.

Племенам же чего надо — антилопу загнать на шкуру али бегемота на барабан шаманский. Сколько не плати им откупных за земли, инстинкт гонит охотника в буш и на болота, как встарь повелось, как диды завещали. Как говорится, понять и простить. То есть нет, начальству Богдан докладывал одно и то же — проникновение остановлено, враг повержен вспять. Но в реальности и он, и другие гражданские пилоты поступали по совести, предпочитая не замечать прихваченную с собой при ретираде вязанку рогов или прихваченную на волокуше наполовину освежёванную тушу. Всё едино слонов и носорогов тут развелось столько, что приходилось их принудительно отстреливать, а не то всю траву в буше потопчут, поди потом восстанавливай из корпоративных ассигнований.

В общем, царило в отношениях с местными нечто вроде вооруженного нейтралитета, но без чернухи и мокрухи. Мы делаем вид, что не понимаем, что вы тут суетитесь, вы делает вид, что заблудились.

Но поблизости охранных периметров промзон всё было иначе.

Русу мотанул башкой, переводя камеру на бетонный периметр Йироля. Гражданских туда, разумеется, не пускали, и даже для сил обороны, частью которых был и сам Русу, и

подконтрольный ему дрон, комплекс выглядел снаружи как серая неприметная одноэтажная коробочка без выступающих частей и деталей. Был ли это фокус аугментации, выпиливающий всё неположенное под классический майнкрафт или же объект и правда так в действительности и выглядел Богдан мог только догадываться. Если бы его дроны вдруг решили подобраться к Йиролю в пределах прямой видимости, трудно было сказать, что бы случилось, скорее всего просто отрубилась бы связь, не будут же они, право, собственную технику сбивать.

Впрочем, никто из гражданских пилотов бы и пробовать не стал, на то и инструкция дадена уолякэ. Периметр разрешённых полётов не пересекать. Спецсредства по объекту не применять. В чужие дела носа не совать. Ясно-понятно, разрешите выполнять!

Другое дело, что любопытно. Что тут вообще может такое уж секретное твориться? Привычные корпоративные промзоны в Центральной Африке, как, впрочем, и на любых других концессиях бывшего «третьего мира», огораживали от остальной территории чисто для проформы — вход и выход по пропускам через КПП, иначе местные всё запчастям растащат, но вот так чтобы наглухо лочить всю информацию о происходящем внутри периметра, такое всё-таки было редкостью.

Все слышали, конечно, об изолированной однажды «экстерриториальной территории штата Гоа», но то скандал был на всю Матушку, когда дело всплыло. Шум стоял до небес. Международные комиссии, обиженное центральное правительство вспомнило, что вообще существует, жёсткая изоляция со стороны суши и моря, чуть не спутники пролетающие начали сбивать. Но даже та буча ничем в итоге не закончилась. Местных втихую всех выселили, больше всего разборок было вокруг дюжины детей экспатов, что привычно летовали там лонгстеерами, а потом не то потерялись, не то снова нашлись, да и то в результате всё порешали, компенсации всем подряд выплатили, но с места не тронулись, наше, мол, и точка.

Тут же подобные дела и вовсе делались не то чтобы втихую, но даже, как бы, думнядзеу, полегче сказать, внаглую.

Человечка, по пьяни ляпнувшего не то в баре, могли по утру запросто найти неживого за периметром. Инхаркт микарда. А как по ту сторону забора попал — то камеры не зафиксировали.

Вот только почему такая жесть, Русу было совершенно непонятно. Ещё можно бы понять, в старые времена. Истории о кровавых алмазах до сих пор будоражили умы нетевых писак, гораздых на дешёвую сенсацию. С тех пор, как основной ресурс для Матушки стали добывать на Поясе, вопрос отныне был не в ограниченности ресурса, но банальных денег, а этого добра у

корпораций было неограниченно много. Так что же здесь все они, включая самого Богдана, потеряли, на потраву комарам и чему похуже? Что вообще такого уж секретного может скрываться за неприметной коробочкой посреди сырого буша?

Сдавалось ему, что улепётывающий во все лопатки дядька с двумя собаками мог знать о том куда больше, чем все гражданские пилоты их отряда. Что-то же он тут искал, вряд ли для охоты на зебру по канону требуется предварительно нацепить на себя рулон фольги.

Да и дуте-н-драку, не его это дело, вот дадут «красножетонники» команду не прогонять, а блокировать, тогда и будем рыпаться. А инициативу в нашем деле проявлять — вредно для здоровья.

Русу одной командой вернул дрон на свободное патрулирование, другой проверил, что там по горизонту. Да ничего особенного, вот только, погодите, а это что за фигня и почему молчит оповещение?

Со стороны северного эшелона от Джубы всё сильнее отклонялся на запад пассажирский, судя по маркировке транспондеров, субзвуковой борт с хвостовым номером Бермудов VP-B. Интересно как. Оффшорные борта в Центральной Африке не редкость, но чтобы паксов возить — выходит, это редкая нынче птица — бизнес-джет. Богатенькие буратины уже лет сто предпочитали пользоваться крупногабаритными конвертопланами. Не крошечная стрекоза, в которой покоилось теперь тело Русу, но вполне комфортный салон-вагон со спальными местами и полуавтоматичеким управлением. Ну или уж летели зафрахтованным суборбитальником, если кредиты позволяют. А вот чтобы в гулкой консервной банке, в тесноте и с черепашьей скоростью, хм, подозрительное это дело.

«Пассажирский борт 7753, говорит небесный патруль особой зоны Йироль, вы отклонились от маршрута, немедленно возвращайтесь в свой эшелон».

На этот раз Русу говорил сам, минуя усилия речевого модуля, на нормальном инглише, разве что с неизживаемым балканским акцентом. В ответ тут же полился такой неудержимый поток смутно различимого месива из разномастных диалектов, что даже авторасознавание аугментации спасовало.

Молча прожимая все аларм-каналы, какие были в его распоряжении, Богдан тут же связался с диспетчерами Джубы, что, мол, за думнядзеу у вас тут мне на голову свалилось.

Нарвался сперва, разумеется, на тупую машину, которая в ответ лишь твердила, как заведённая, что де «указанный борт свершает запланированный рейс по коридору Кампала-Джуба-

Хартум, отклонения от курса не зафиксированы, указанный борт свершает запланированный рейс по коридору Кампала-Джуба-Хартум, отклонения от курса не зафиксированы, ука…»

Русу отрубил бесполезную говорилку.

Тупая же ты железяка, вот же он собственными глазами наблюдает, как тот самый борт продолжает всё сильнее удаляться от означенного коридора на запад, продолжая игнорировать предупреждения Богдана.

Последнее усилие перевести инцидент в мирное русло состояло в том, чтобы всё-таки попробовать связаться с живым персоналом диспетчерского цеппелина Джубы. Впрочем, всё было бесполезно, те пусть и ответили в итоге на ломаном, но хоть немного конвенциональном афроинглише, однако информацию подтверждать не стали, согласно их сведениям отклонений от курса также не наблюдалось.

Русу со вздохом прервал связь. Ну он же не сошёл с ума и ему не чудилось. Перенастроив высотный разведчик, который как раз пересекал на маршевом эшелоне в тридцать километров территорию национального парка Гарамба, на отслеживание цели, Богдан немедленно убедился что вот он, борт, идёт себе прямым ходом на Йироль.

В диспетчерской лётного отряда между тем уже все стояли на ушах.

Исполняющий обязанности командира дежурного звена полковник в отставке Абдуллахи был разбужен и доставлен в башню, где разумеется принялся бушевать, не разбирая правых и виноватых.

Из его предынсультных брызгов слюны в общем канале следовало, что гражданский пилот Богдан Русу — конь педальный, и почему он так поздно просигнализировал и вообще горный баран — в общем, ничего нового, на что должно было откликаться или обижаться. Два борта ударной эскадрильи тяжёлых боевых тилтвингов уже подняты с аэродрома «Янгуан Цзитуань», расквартированного южнее Аддис-Абебы и движутся на помощь Богдану, однако прибудут они лишь через минус тридцать. Через полчаса то есть. Всё ясно.

Планирование было как всегда на высоте. За полчаса гражданский борт на эшелоне успеет дважды сделать все свои дела и выпить чашечку кофе.

Придётся и правда справляться своими силами.

Поскольку речевой поток со стороны нарушителя не прекращался, а толку в этом по-прежнему было мало, Богдан первым делом выхватил из навигационного окружения контроль за ближайшей к себе автономной зениткой, после чего

хладнокровно прицелился и дал ею предупредительный залп по курсу, на всякий случай предварительно убедившись, что точно никого не заденет.

Крики в канале тут же затихли.

Ну надо же, как говорится, доброе слово и пистолет всегда работают лучше, чем просто доброе слово. Нарушители тут же деловито начали выгребать на восток, ближе к своему эшелону.

Вы же мои сладкие. Ну и нафига было придуриваться?

Богдан тут же отправил ближайший ударный дрон в сопровождение, пусть не думают, что можно расслабляться.

В отрядном канале между тем крики перешли на ультразвук.

Полковника Абдуллахи можно понять — при причине открытия боевого огня, пусть и не на поражение, количество бумажной волокиты по инциденту теперь подскочило на порядок, если не на два. Да и борт этот злосчастный, в отличие от того пешкодрала с собаками, придётся теперь с гарантией задерживать, вести на спецаэродром, там принудительно сажать, обыскивать, геморроя вагон, а всё потому что кто-то не мог дождаться сукиных тилтвингов, путь бы это был их головняк, а не наш.

В общем, дискуссия пошла на новый круг, но Русу в неё особо не вслушивался, бубнят и бубнят. Толку-то с тех разговоров.

Он уже хотел было поворачивать свой тилтвинг обратно в режим барражирования, но тут ему словно что-то резануло глаз. Где-то на самом краю зрения, какая-то мелькнувшая ошибка в логах трассировки.

А ну-ка покажите ему прямую картинку.

Ах вы гадёныши.

Он трудом сдержал подступающие к горлу рвотные позывы. С такой высоты мутное марево восходящих потоков прекращало всякие потуги оптического контакта с целью в мучительную попытку пробиться сквозь бессмысленное мельтешение артефактов. Но Богдан справился, разглядел. Словно бежит по болотам едва заметная тень. И главное вся автоматика — ни сном ни духом. Неудивительно, она же продолжала отслеживать борт-нарушитель, а тут вроде как больше никого и не наблюдается.

Серьёзная техника, не халтурная «серебрянка» того собаковода. Подойти в тени более заметного объекта, аккуратно отделиться от него, когда запахнет жареным, и так же тихой сапой, думнядзеу, продолжить заранее намеченный курс.

Это был и не примитивный «стелс», рассчитанный в основном на углы падения и отражения, это было хорошее такое, современное активное плазменное одеяло с функцией мимикрии, про такое Русу разве что на курсах повышения квалификации

рассказывали, в рамках материала для самостоятельного изучения. Всё равно, мол, никогда не пригодится. Откуда такие чудеса посреди африканских болот?

«Вышка, наблюдаю неопознанный объект, идёт на тридцати метрах, ниже радарной сетки, прикажете сбивать?»

Молчание. Только теперь Богдан сообразил, что в канале стояла гробовая тишина. Или полкана всё-таки хватил долгожданный кондратий, или неведомые шутники решили поиграть с силами обороны в «молчанку».

То есть попросту говоря принялись разом глушить все коммуникации вероятного противника, погрузив разом весь эфир в молоко белого шума. Сделать это, ввиду использования оным противником узконаправленных антенн, без привлечения роя заранее развёрнутых на участке боестолкновения микромашин и так далее и тому подобное.

Футуц, подготовились гады к сегодняшнему дежурству Богдана преизрядно.

Но на то и его птичка в небо поднята, чтобы подобные фокусы не прошли.

По сути, винтолёт Русу представлял собой мобильный тактический контрольный узел, способный единомоментно контролировать весь оборонительный контур вокруг Йироля даже в случае обрыва всех коммуникаций вне прямой видимости.

По команде Богдана вокруг него начала стремительно выстраиваться сетка прямой лазерной связи в ближнем ик-диапазоне, ненадёжная при такой влажности, но зато непрошибаемая коммуникационная решётка, в которой сотни подконтрольных дронов по сути становились репитерами на пути команды пилота машинам-исполнителям.

А вот и он. Ближайший к цели ударный дрон. Зениткой, как в прошлый раз, тут не обойдёшься, слишком низко идёт цель, да и требования к скорости снаряда при ведении огня поперёк курса цели были кратно большими, чем при движении сокурсно, этому учили даже гражданских пилотов. В рамках самоподготовки, думнядзеу. Какого чёрта, Богдан бы прекрасно обошёлся и без того, чтобы подобные знания ему хоть когда-нибудь пригодились.

В конце концов, он забрался в эту задницу мира не для этого.

А для чего? Для чего ему выдан в руки весь этот арсенал? Если бы тот собачник не повернул, тоже пришлось бы стрелять.

Дрон, получив команду, уже заходил на курс, врубая форсаж и начиная преследование, тогда как остальная цепочка ретрансляторов уже выстраивалась в линию для сокращения пути сигнала.

Едва заметная серая рябь на фоне погружённого в туман буша

продолжала скользить вперёд, словно не замечая нависшую над ней угрозу. Никаких попыток уклониться или хотя бы стать менее удобной целью. Ну, вы сами напросились.

Гауссова пушка под брюхом ударного дрона послушно просунулась в раскрывшиеся створки орудийного люка, чуть подработала актуаторами, зафиксировала цель и отправила финальный запрос на подтверждение.

В ответ на что Русу, скрипнув зубами, отбарабанил личный код, разрешая залп.

Пушка тут же послушно принялась с монотонностью ментронома засылать в ствол снаряды. С каждым выстрелом бегунок бортового энергозапаса падал на десяток процентов и настолько же вверх поднималась температура на выходе из ствола. В теории, ресурса должно было хватить на семь залпов, на практике пушку разорвало уже на шестом. Но пять сверхпроводящих стержней ушли точнёхонько в цель.

Наблюдая, как из фрактальных недр активной защиты нарушителя повалили чёрные хлопья дыма, Богдан даже испытал нечто вроде несвойственного ему удовольствия. Обыкновенно, работа у него не вызывала у него ничего кроме скуки. Ну или злости, когда его отвлекали от любимых дорам. Но эти ребята вызвали в нём нечто непривычное. Не механическую реакцию охотника при виде унылой ввиду собственной беспомощности жертвы, нет, настоящий, горячий азарт.

Завтра, пожалуй, Русу и не вспомнит об этом эпизоде. Подойдёт к нему в баре каптёр Ерохин и спросит, как, мол, служится, а он ему в ответ — собачки служат, мы, гражданские пилоты, работаем. И молча повернётся к стойке, делая робобармену жест пальцем повторить. О чём тут ещё говорить, скука же, ничего интересного, кроме бесконечных пустошей буша и надоевших этих болот.

Впрочем, даже окончательно перестав быть невидимым для оборонительных комплексов Йироля и видимо глазу теряя мощность, нарушитель не унимался — продолжал переть прямо по курсу, не сбавляя оборотов. Сверху это выглядело как старомодная керосиновая ракета XX века, на пердячем пару она выбирала из продырявленных баков последние капли горючки в жалкой попытке подобраться к периметру хотя бы ещё немного ближе.

Сдаваться они не собрались.

Что ж, хмыкнул себе под нос Богдан, разворачивая теперь уже заработавшее на все наличные петафлопсы автоматическое наведение. Второй раз нажать на гашетку будет куда проще.

Предупреждать их в эфир Русу и в голову не пришло.

Впрочем, залп на этот раз даже не понадобился. Видимо, окончательно исчерпав ресурс для дальнейшего полёта, нарушитель камнем рухнул в буш так, что место крушения окончательно заволокло густой едкой химической гарью, только какие-то металлические обломки, густо чадя, красиво разлетались по окрестностям, распугивая окрестных бегемотов.

Богдан только языком поцокал. Вот же думнядзеу, в этом дыму теперь кто хочешь валить сможет, прежде чем пожар от разлитого топлива угаснет сам собой, пройдёт сколько времени, если у пилотов этой дряни с собой хотя бы банальная серебрянка, как у того собачника…

Одной короткой командой Русу отправил вниз тройку самых тяжёлых своих беспилотников, попутно стягивая остальную командопроводящую цепочку вниз к земле, чтобы обеспечить бесперебойное донесение сигнала. Просто так вы не уйдёте.

Трёхроторные ударные «супертяжи» с размахом винтов до двадцати метров способны на местности творить чудеса управления приповерхностными воздушными потоками. А что нагнетаемый с небес дополнительный кислород ещё сильнее разожжёт пожар в месте крушения, футуц думнядзеу, то так вам и надо, сволочам.

Характерные радиальные волны от снижающихся дронов побежали сначала по плотным клубам укутавшего буш дыма, а потом и по мокро блестящей растительности, там и сям раскинутой вдоль болота, в которое угодил борт-нарушитель.

А вот и он сам — металлический блеск пузатого тилтвинга отчётливо выделялся на чёрном зеркале болота.

И ничего он не горит, ещё одна туфта.

Русу отчётливо разглядел раструбы дымовой завесы, старательно делавшие своё дело на корме долетавшегося конвертоплана. Всё-то у вас предусмотрено… жаль, команда ушла.

Хотя стоп.

Тут же отзумив картинку, Богдан отчётливо разглядел человеческую фигуру в камуфляжном костюме, что сидела на корточках у распахнутого в пустоту люка. Он не прятался, не бежал, не выказывал ни малейшего страха, даже от бьющих ему в лицо воздушных струй из-под роторов не морщился.

А ещё у него были обычные, «родные», не бионические глаза.

Ладно, уговорил, тебе сегодня дадут шанс.

Медленно, с поднятыми руками отойдите от борта и повернитесь к нему спиной!

Громкоговорители, выкрученные на полную мощность, своими децибелами, казалось, были готовы окончательно

посрывать листву с окрестных ландольфий, но мужик в камуфляже даже ухом не повёл. Впрочем, динамически глушить внешний звук — дело нехитрое.

Медленно, с поднятыми руками отойдите от борта и повернитесь к нему спиной!

Третий раз Богдан повторять не станет. Гадёныш и так уже и без того его сегодня изрядно выбесил.

Маслина послушно плюхнулась в паре метров от камуфляжного, обдав его с ног до головы горячей чёрной болотной жижей.

Только тогда мудила соизволил подняться, но не пошёл вперёд, как велено, а отчего-то безошибочным движением обернулся на камеру, как будто зная в точности, откуда за ним наблюдали, после чего чуть склонил голову, будто прицеливаясь, потом поднял в направлении взгляда указательный палец, согнул его и произвёл как бы вращающее движение, изображая ганслингера из любимых дорам.

Чёрная ярость накрыла Русу. Футуц думнядзеу, сволота, он же от тебя мокрое место оста…

Накрыть эту сволочь боеголовкой с ближайшего дрона Богдан не успел, только и успев разглядеть, как начинает заваливаться картинка разом на всех подконтрольных ему дронах. Доля секунды, и потерявшие ориентацию дроны разорвали лазерную сеть, после чего Русу в уши разом набилась неприятная, шепчущая тишина.

Он ничего не слышал, ничего не видел и даже веса собственного тела в глубине ложемента больше не ощущал. Он падал в пустоту, и единственным, что его сопровождало в этом падении, была беспомощная вибрация металлполимерного корпуса, сопротивляющегося набегающему под нерасчётным углом воздуху.

Еэмпэ что ли накрыло?

Других версий Богдан не успел придумать, его тилтвинг на полной скорости врезался в буш.

XXIII. 56. Волонтёр

Комунидадес Росинья пробуждалась по утрам ото сна подобно выходящему из комы больному — не столько просыпаясь, сколько возвращаясь к жизни, медленно отступая от чёрного края ночи, за которым — только непроглядный мрак вечного безмолвия.

Даже холодный блеск пронизывающего в ночи человеческий муравейник блуждающего электрического света не скрашивал мертвенную безжизненность, в которую комунидадес погружалась после заката. По сути, этот рой светлячков, снующий между аляповато построенных друг на друге полузаброшенными самопальными человейниками, оставался единственной данью некогда кипевшей вокруг жизни, что оставалась заметной постороннему наблюдателю. В остальном разве что голубоватое черенковское свечение небес дождливой ночью могло разнообразить тоскливую тишину вымершей фавелы.

Нет, здесь по-прежнему жили люди, чашеобразная долина у подножия Понта дас Андориньяс всё так же пользовалась своей некогда дурной славой, привлекая биохакеров, криптофармеров и прочий сброд со всего Рио, предпочитавший не маячить перед вездесущими камерами слежения корпоративных крыс, однако анархия тут на деле уже больше века была поставлена под контроль, не в последнюю очередь — по известному правилу «вход — песо, выход — два», поскольку попасть сюда было куда проще, чем отсюда потом убраться, но главное — благодаря тем

самым огонькам.

Не просто так самоходные летуны, накопившие за светлую часть суток заряд батарей, шуршали меж продуваемых всеми ветрами архаичных железобетонных коробок, их целью было не помочь страждущему путнику уцелеть в кромешной тьме чёрной бразильской ночи, напротив, их главной задачей было отследить и пресечь всякое движение, которое здесь происходило.

Местные уже и не вспоминали, когда эта напасть на них свалилась, однако хорошо помнили те времена, когда естественная депопуляция радиоактивных трущоб достигла критических масштабов, и в комунидадес начали пустовать уже целые этажи. Освободившееся место быстро захватили варбанды почище уж позабытых здесь наркобаронов. Сначала стали пропадать люди, потом начались истории с работорговлей и перепродажей органов, не говоря уже о нелегальном рынке имплантатов и прошивок к ним.

В общем, комунидадес Росинья могла оставаться независимой только пока не начинала лезть на поляну «Групо Карсо» и прочих корпораций Большой Дюжины. Да, после ядерной катастрофы второй половины XXI века каждый, кто хоть раз видел светящееся небо Рио и Сан-Паулу, мог вполне заслуженно держать зуб на корпорации, и бразильская вольница до сих пор держалась на этом консенсусе, но если корпорациям даже ненарочно наступали на любимую мозоль, те в ответ жёстко давали отпор.

Так на территории комунидадес Росинья однажды появились эти огоньки. И теперь люди начали пропадать уже среди самих киберпартизан.

Точнее, машинам было всё равно, кого хватать. Мишенью могли посчитать любого, кто нарушил никем не объявленный комендантский час, так что стоило солнцу зайти за край Понта дас Андориньяс, фавела тотчас вымирала.

Почему дроны не озоровали при свете дня было понятно — формально их здесь не существовало вовсе. Какие дроны? Вы их лично видели? Огоньки и огоньки, элемент местного декора, народный колорит, так сказать, относящий нас к верованиям старины, иль дейа де лос муэртос, все дела.

Власти обеих соседних агломераций всё устраивало, формально никто ничьи права не нарушал, люди, опять же, со временем пропадать перестали. Ну, если им хватало ума не высовывать из дома носу после заката. Элинор не удивилась бы, узнай, что дроны попросту в итоге забыли отозвать, поскольку за столько лет подобного уклада в границах комунидадес Росинья среди оставшегося здесь населения (а сколько их там было, поди

тысяч десять?) не сыскалось бы ни единого человека, кому не хватило бы ума банально запереться на ночь и не отсвечивать.

А всякое противоправное дело и днём проворачивать не мудрено. Нейростимуляторы, банальная наркота, палёная аугментация и незаконная стиму-техника, любые подпольные манипуляции и телом и мозгом, только кредиты неси. Уж третье поколение местных только этим и жило, нимало не смущаясь стрёмным ночным соседством.

Впрочем, подобный график спустя годы и десятилетия изменил постепенно сам ритм местной жизни, если соседние комунидадес и традиционные (считай — подконтрольные корпорациям) агломерации привычно жили в практически круглосуточном режиме потребления информации и ресурсов, не деля особо день и ночь, то Росинья с рассветом спешила произвести самой себе экстренную реанимацию, чтобы успеть за светлое время то, на что у всех уходили все 24 часа в сутках.

Элинор, разумеется, в этом от резидентов ни в чём не отставала. Стоило солнцу заглянуть под ставни, как она тут же спешила оживить командой всю свою небогатую домашнюю технику.

Проветрить застоявшийся на ночь воздух, сварить кофе с соевым молоком, разогреть мороженую галету с яблочным джемом, показать последние новости.

Последнее было скорее данью традиции, за те тридцать лет, что Элинор здесь пряталась, ей давно следовало бы уже привыкнуть, что новости из-за пределов комунидадес Росинья, будто даже соседний Рио, никогда не повлияют на местный уклад так, как например обрушение очередной изношенной башни или же скоропостижная кончина пресвитера местной церкви Всех святых. Падре и правда давно и жёстко кирял, и вообще дела свои вёл безобразно, засыпая посреди мессы и регулярно оставляя паству без запасов причастного вина, но местные его любили, а вот нового из конгрегации ещё неизвестно когда пришлют, мадре миа.

Местные же новости никогда не прочитаешь в инфосводках. Да и с чего бы кому-то интересоваться, что здесь творится.

Комунидадес Росинья для остального мира останется просто очередной опухолью на теле Матушки, территорией бесконтрольной, хаотической, оторванной ото всех глобальных процессов. Тут умели выживать исключительные аутло, да и кто ещё решится остаться рядом с одной из самых заражённых территорий всей Латамерики, не считая разве что северо-запада мексиканского Бордера. Только те, кому нечего терять. Ну или те, кто точно знает, чего ищет.

А что искала здесь сама Элинор, кроме свободы? Точно не новостей из внешнего мира.

Фид послушно погас, галета съедена, кофе выпит.

Пора выдвигаться, время дорого.

Но стоило ей активизировать силовые агрегаты, как раздался тревожный перезвон снизу. Элинор нахмурилась, разворачивая картинку с припрятанной у входа камеры. От ранних гостей здесь ничего хорошего ждать не приходилось. Да и то сказать — обычному резиденту комунидадес Росинья не полагалось знать, где Элинор по ночам прячется, не то тут в белый день очереди поди начнут скапливаться.

Впрочем, всё оказалось проще — у двери, потупясь от неловкости, поджидал Иларио. Со вчерашнего дня, когда они расстались у капота «Абриго», его внешний вид что называется претерпел. Под глазом наливался свежий фингал, а бионический протез покоился теперь под мышкой, мелко подёргиваясь и показывая в пространство не то кулак, не то фигу.

— Элинор, ты там?

— Чего тебе, Иларио?

— Захвати, будь добра, ремблок, в нашем поди реактивы протухли.

Элинор вздохнула. Будто не хватало им возни с приходящими каждый день под окна «Абриго» болящими, так ещё и собственный медбрат работы подкинуть норовит. Надо бы его для порядку заставить пару дней потаскаться безруким, да какой в подобном виде из него помощник.

— Ладно. Жди там.

Ещё не хватало наверх попрётся. Элинор обернулась. Пускать в своё логово посторонних она никак не планировала. Да и свинарник тут тот ещё.

Силовая послушно взвыла, набирая мощность. Захлопнув лицевую пластину, Элинор одним прыжком махнула через перила, запуская ранец лишь полусотней метров ниже, у самой земли, обдав при приземлении помаргивающего Иларио горячим пыльным потоком воздуха.

— Пошли, чего стоишь.

Всучив медбрату полдюжины кассет от ремблока (каждая по полкило, пусть мучается, тащит), Элинор поудобнее перехватила коробочку ядра и бодро зашагала вперёд, не оборачиваясь. Пусть его поспевает.

Путь от засквоченной ею заброшки до небольшой площадки между домами, где они последнее время парковали серебристую тушу «Абриго», занимал минут пятнадцать, не больше, можно было и на своих двоих пройти, сэкономив драгоценную смазку

роторов Кутта-Магнуса. За ней приходилось мотаться в Рио, на что, в обход блок-постов, уходил весь день, отчего страдали пациенты, так что Элинор своим преимуществом в смысле мобильности пользовалась редко, сегодняшний нарочитый прыжок был скорее продиктован необходимостью напомнить балбесу, кто здесь главный, чтобы в следующий раз дважды подумал, прежде чем к ней домой переться, да и тащить в руках дурацкое ядро по тёмной лестнице не было никакого желания.

Тут же — и солнышко светит тёплое между покосившихся коробками фавелы, и дороги тут у них вокруг почищены, иди себе и иди, посвистывай.

Из ближайшей подворотни на звук шагов привычно высунул изъязвлённую морду старый, побитый жизнью, но всё равно довольный собой собак Плуто. Пошарив в наплечной сумке, Элинор молча кинула жутковатому пёсе капсулу комбижира пополам с белковым концентратом из запасов «Красного креста». Человеку жрать подобное было небезопасно, а болезным двортерьерам всё лучше, чем совсем с голоду подыхать. Плуто приветливо лязгнул в ответ немногими оставшимися зубами да и убрался обратно к себе в логово. Вот и молодец, хороший мальчик.

А вот показался из-за поворота и сияющий на солнце серебристый бампер «Абриго». В отличие ото всей окружающей действительности, их салон-вагон не пытался стать по возможности незаметнее, напротив, в их открытости и состоял самый смысл происходящего. Каждый, кому в округе требовалась помощь, мог прийти сюда открыто и без оружия, если же ты имел желание ещё и поработать тут на общественных началах, тебе тем более были здесь рады, не спрашивая айди и не требуя сперва пройти дактилоскопию.

Воровать у них всё равно особо нечего — все лекарства варились под заказ, оборудование же чужаков попросту било током. Повандалить, конечно, всегда можно найти способ, вот только зачем? Опять же, резиденты комунидадес Росинья «Абриго» знали и работавших там обижать бы не позволили, будь то самый распоследний нейрокоман. Сегодня ты вломишься сюда во время прихода, а завтра кто тебя с ломки снимать будет? Не то чтобы все тутошние барбудос были шибко сообразительные и гораздые строить планы на завтрашний день, но на подобную логику силушек у них всё-таки хватало.

О, а вот и один из самых отъявленных.

Под дверью уже маялся со сморщенным лицом Пита. Давненько его не было, Элинор уж подумала, что помер, но нет, смотрите, снова-здорово. Этот применял любые мозговыносящие

прошивки аугментации, до каких только мог дотянуться, как только себе неокортекс вкрутую до сих пор не сварил.

— Опаздываете! — с укором в голосе поприветствовал подошедших Пита.

— И тебе не хворать, мил человек, — Иларио умудрился не отстать и теперь аккуратно выгружал вожделенные кассеты в тенёчке, где у них было расставлено чего-то вроде смотровой — ростовые пластиковые ширмы полукругом. «Абриго» был достаточно габаритным для размещения внутри всего необходимого, но вот приём пациентов приходилось вести прямо так, на свежем воздухе. Опять же меньше соблазну попытаться что спереть.

— Чего опять случилось? — Элинор из вежливости вернула лицевому щитку прозрачность, Пита обыкновенно нервничал, когда не видел глаз собеседника.

— Руки третий день трясутся страсть.

И тут же продемонстрировал, расставив перед собой обе пятерни. И правда, колотило его преизрядно.

— Завязывал бы ты с виртреалом. Поди опять там вселенную спасал от нашествий?

Но Пита в ответ только головой тряхнул.

— Не читай морали, мадре миа, а помоги, Христом-богом прошу.

Элинор только вздохнула. Она не могла помочь своим пациентам найти менее разрушительную для их мозгов отдушину в этой жизни, в комунидадес Росинья почти любой вид здорового времяпровождения представлялся непозволительной роскошью, ей же была дана возможность лишь ненадолго облегчить им бренное существование.

— Ладно, дуй сюда.

Наскоро простерилизовав кистевые манипуляторы, Элинор сграбастала дурную башку Питы. Так, ну зрачки симметричные, на свет реагируют. Уже хорошо. Могло быть куда хуже. Пульс… ну, он есть, давление, конечно, скачет, но это в его случае не самый плохой вариант. Наскоро прогнав через аугментацию пару простейших когнитивных тестов, Элинор убедилась, что пациент по крайней мере не в приступе горячки сюда прискакал.

— Ну, не так всё плохо, дофамин мы тебе поднимем. Только такими темпами ты через неделю заработаешь что похуже. Что бы ты там себе не загружал в последнее время, завязывай. Это понятно?

Пита в ответ только горестно вздохнул.

— Иларио?

— Да?

Медбрат уже успел приладить себе протез обратно, знать, не такая уж там и сложная была нужна починка, и чего было ныть?

— Навари ему полпомпы ингибитора периферической дофадекарбоксилазы, на какой ингридиентов хватит, желательно не бенсеразид, если получится, что поновее, эста кларо?

— Постараюсь, сеньора.

И тут же умчался внутрь «Абриго» разводить пары. Ишь ты, «сеньора». Элинор театрально оглядела себя. Её броня смотрелась среди руин Росиньи, конечно, неуместно, но они, мадре миа, с Иларио были почти ровесниками, ну, может, лет десять у них разницы. Какая она ему «сеньора»? Ладно, спишем на выпендрёж перед пациентом.

Пита, впрочем, на их диалог внимания особого не обращал, стоя себе в стороночке и послушно дожидаясь вожделенной дозы. А больше вокруг никого и не было. Что, кстати, и странно. Дело было ближе к девяти, в это время у них обычно собиралась уже обыкновенно небольшая очередь тел в десять.

— Добрый денёчек!

А вот и причина. Элинор настороженно обернулась.

В тени между двух самостроев водворились смутно различимые отсюда грузные фигуры. Если присмотреться, в стороночке маячили ещё несколько тел. Незнакомые бруто, не из местных. Комунидадес Росинья с тех пор, как тут начал действовать этот своеобразный автоматизированный комендантский час, вообще не часто здесь видела пришлых, да и, к слову сказать, подобные этим здесь предпочитали не задерживаться.

Иларио, запрись внутри «Абриго», тут какое-то подозрительное движение снаружи.

Понял. Помощь звать?

Пока не надо. Я сама разберусь.

— И вам не хворать.

Обращался к ней человечек вполне обычного вида. Без особых примет, даже бионики какой-то непривычной на нём было незаметно. Но вот чем-то этот десконесидо резал Элинор глаз. Какой-то необычный развязностью. Как будто привык, что ему все вокруг подчиняются.

— Вы зачем мне пациентов пугаете?

Элинор одновременно сделала успокоительный жест в сторону встрепенувшегося Питы.

— Я покуда даже и не начинал, уважаемая, никого пугать.

С этими словами все приметные бруто, как по команде, начали подтягиваться ближе. Теперь Элинор удалось различить, что большинство из них двигались как-то нарочито плавно, будто

перетекая из позы в позу. Кома а мерда. Бипедальные дроны. Вы откуда такие забрели к нам, а?

— Предположим. Но, судя по всему, вам от меня что-то нужно. Переходите к делу.

Десконесидо в ответ только усмехнулся. Он выглядел человеком, который абсолютно уверен в своём праве быть здесь и диктовать свои условия.

Что ж, такие в комунидадес долго не живут.

— Мне сообщили, что тут у вас любой человек может получить медицинскую помощь.

Ха, вот уж «любым» десконесидо себя точно не считал.

— Любой, приходящий сюда без оружия.

Ухмылка десконесидо в ответ стала ещё шире.

— Так я и есть безоружен, — и делано обернулся кругом, расставив руки во стороны, как будто для обыска.

Элинор нахмурилась. Ей происходящее нравилось всё меньше. Нужно быть слепым, чтобы не разглядеть у десконесидо под мышкой тяжёлую силовую кобуру с механизмом досылки-возврата. При желании ствол мог оказаться у чужака в руке за доли секунды. Мадре миа, о ке диабос тут вообще происходит?

— Э, парняга, кончай сифонить, ты не у себя на касе.

Элинор вздохнула, Пита бы уже не лез не в своё дело, тоже мне, защитничек зашёлся, его же соплёй можно перешибить. Впрочем, на все инвективы десконесидо не обратил ни малейшего внимания.

— Так что, сеньора, могу я рассчитывать на небольшую помощь с вашей стороны?

— Смотря о чём речь, наши возможности весьма ограничены.

— Деловой разговор, уважаю. У вас на борту, — десконесидо кивнул в сторону «Абриго», — имеется универсальный биореактор третьего класса, который вполне в состоянии покрыть наши текущие нужды.

— И что за препарат вам необходим? Возможно, он есть у нас в запасе в холодильнике, синтез — дело не быстрое.

На этом десконесидо ухмылку с лица убрал, резко становясь серьёзным.

— Вы меня не поняли, сеньора. Мне нужен сам реактор и все наличные реактивы к нему. А уж мы как-нибудь разберёмся со скоростью синтеза.

Зову на помощь.

Да что ж такое-то! Элинор не успевала разрываться между своими помощничками-доброхотами. Пита тоже резко поднялся на ноги и молча попёр на долбаного десконесидо, не разбирая дороги.

— А ну всем стоять!

Но было поздно, рябой от регулярного использования ствол уже упёрся Пите прямиком в лоб. Это выглядело как фокус. Хоп! И огнестрел уже готов к бою. Пита только глазами захлопал от удивления.

— Не советую рыпаться. Так что, сеньора, вы ещё не надумали? Я очень настаиваю. Просто скажите вашему помощнику внутри, чтобы пустил моих парней внутрь, и никто не пострадает.

Элинор, на всякий случай показывая, что уж она-то точно не вооружена, и вообще стараясь лишний раз не шевелиться, постаралась донести до этого идиота свою мысль как можно доходчивей.

— Сеньор, поймите меня правильно, я не против поделиться нашими ресурсами, но реактор у нас один, мы не можем вам его отдать.

Краем глаза она наблюдала, как живые и механические бруто всё плотнее замыкали окружающее «Абриго» пространство в кольцо. Плохо. Если начнётся жара, может пострадать хрупкое оборудование на борту. Но сейчас её больше волновал этот отмороженный.

— Можете. Если подумать, ещё как можете.

Элинор как можно красноречивее покачала головой.

— Комунидадес Росинья, если вы заметили, живёт очень обособлено и небогато, это очень грязное место, много людей здесь болеет, они остро нуждаются в постоянном приёме антиканцерных препаратов и радиопротекторов, не говоря уже о том, что у большинства местных жителей перманентные проблемы с отторжением имплантатов, если я отдам вам биореактор, все они останутся без лекарств, погибнут сотни, если не тысячи, прежде чем миссия доставит сюда…

Её прервал хлопок выстрела. Хлынувшая кровь толчком залила лицо Питы, секунду спустя он уже повалился на бок, продолжая рефлекторно подёргиваться.

Элинор отрешённо подняла глаза от его тела навстречу холодному взгляду десконесидо.

— Как видите, я вовсе не против, если смертность среди ваших пациентов, сеньора, слегка повысится как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Так что, договорились, или мы продолжим?

Тут позади серебристой туши «Абриго» раздался какой-то сдавленный шум, после чего оттуда вывели согнутого пополам Иларио. Видимо, тому хватило ума попытаться втихую свалить, но поздно, все подходы уже контролировали бруто этого монте де

мерда.

— Прекратите, я всё поняла. Но без кодов подтверждения реактор для вас всё равно бесполезен.

— А с этим вы нам и поможете, не так ли?

Элинор оглянулась как будто в полной растерянности.

Нужно было уже с этим заканчивать, иначе неминуемо последуют новые жертвы. Как бы она не относилась к Иларио, он теперь тоже под ударом. Времени остаётся совсем мало.

— Если я соглашусь проследовать с вами, вы оставите в покое моего медбрата?

— Ваши слова, сеньора, для меня как бальзам на душу. Я же в душе добрый человек, мне совсем не нужны лишние…

Первый импульс ушёл в молоко, но Элинор всё-таки успела краем глаза заметить движение, активизируя броню и инстинктивно уходя подальше с линии огня. Десконесидо тоже, не будь дурак, засёк позицию стрелявшего, вовремя сгруппировавшись для прыжка.

Однако уже второй импульс его всё-таки накрыл, пусть и по касательной, выжигая периферийные управляющие центры и сбивая баланс усилия миомеров.

Его закрутило и с размаху впечатало спиной о серебристый борт «Абриго», выпавший из ладони огнестрел теперь жалко болтался на торчавших в небеса спицах актуаторов.

Разворачиваясь всем корпусом, Элинор убедилась, что броня приняла максимальную прочностную конфигурацию, после чего рванула на помощь Иларио.

Тот, впрочем, уже и сам сообразил, повалившись на асфальт и энергично отползая по-пластунски прочь с линии огня. Его протез уже сжимал заветный огнестрел. Где только прятал? Скрутившим его наверняка хватило ума пойманного обыскать.

— Живой?

— Да уж живой.

Привалившись спиной к серебристому боку «Абриго», он широко расставил ноги и принялся жадно водить стволом туда и сюда в поисках цели. В его бионических глазах светился азарт охотника.

Элинор подобного воодушевления не разделяла. Кругом раздавались хлопки выстрелов, между укрытий носились тени. Пахло тоже, наверняка, омерзительно, но Элинор, захлопнув броню, лишила себя сомнительного удовольствия ко всему ещё и нюхать пороховую вонь пополам с запахом горелого мяса.

— Что это за путо?

Иларио для верности двинул армированным ботинком в бок валяющегося тут же десконесидо.

— Мне почём знать. Но соваться сюда по доброй воле, это ж надо последние мозги сторчать.

Иларио хмыкнул, пальнув пару раз наудачу и прислушиваясь к ответным крикам.

— Вот они и сторчали. Правильно я подмогу свистнул.

И, подумав, добавил:

— Питу только жалко.

Да уж. Элинор дождалась, когда перестрелка немного стихнет, после чего одним прыжком очутилась у тела Питы. Тот так и лежал, раскинувшись, в луже собственной крови. Помочь ему было нечем — серое вещество несчастного наркоши мелкими ошмётками покрывало всё вокруг в радиусе трёх метров. Тогда Элинор решительно поднялась на ноги, поворачиваясь к ближайшей группе бруто, что засели в тени «Абриго».

Пара пуль тут же с воем отрекошетила от её лба, но Элинор лишь слегка покачнулась.

— Эй, вы там! Прекратить огонь!

Обращалась она скорее к доброхотам-помощничкам, нежели к этим монтес де мерда, но послушались в итоге все.

— Я не знаю, откуда вы тут нарисовались, но вот вам последний шанс свалить потихоньку. Всем слышно?

Молчание.

— Даю три минуты на обдумывание. Потом выхожу по-серьёзному.

С этими словами Элинор убралась от греха подальше в тенёчек к заинтересованному Иларио.

— Откуда у тебя такой модный костюмчик, а? И почему я такой тебя ни разу не видел?

— Долго объяснять.

— А я не тороплюсь.

Элинор только вздохнула.

— Если вкратце, то я мекк.

Иларио поморгал в её сторону немного, но потом всё-таки вернулся к наблюдению за противником.

— Служишь корпоративным крысам, значит?

— Не совсем.

— Понятно, — задумчиво протянул Иларио, — хотя всё равно не понятно. Ты не подумай, я не деревня какая, я видел вживую мекка. Страшное дело. На тебя ни разу не похоже. Да что там, на человека-то не очень.

— Обвязка разная бывает. Ты посмотри на этих, бипедальных, — Элинор кивнула в пространство, — их тоже поди не всегда отличишь от живых.

— Правда твоя. Да и то сказать, все мы немножко мекки. Кто-

то больше, кто-то меньше.

— Не совсем. Дело же не в степени аугментации. Настоящий мекк, он больше не человек в общем-то, а придаток к машине.

— Это потому, что вы не можете больше жить без своего обвеса?

— Ха, нет. Если тебе отключить почечный протез, ты же и суток не протянешь.

— Тогда в чём разница?

Как бы ему объяснить понятнее? Элинор вновь поднялась.

— Время вышло. Дроны обездвижить, оружие обесточить. Выходим на середину по одному с поднятыми руками.

Тишина, только елозят с крыши лазерные целеуказатели доброхотов. Поди придётся теперь полдня выяснять, сколько народу они там положили, прежде чем противник залечь успел. Вот беда-то.

Элинор задумчиво обвела фавелу взглядом и, вздохнув, сбросила на асфальт куртку — не портить же хорошую вещь, активируя боевую трансформацию.

Актуаторы взвыли, разрывая синтекожу. Прости-прощей, человеческий облик.

Было слышно, как у неё за спиной отвисла челюсть Иларио.

Первый ствол тут же полетел к её ногам из-за ближайшей бетонной опоры.

Пришибленных бруто пришлось собирать по всей округе ещё час. Если отбиться от местных стрелков им ещё вполне бы удалось, пусть с потерями, но они бы в итоге спокойно отошли, но Элинор в её натуральном виде им в качестве противника была совершенно излишня.

Вот и славно.

Пока созывали своих, вязали бруто, вызывали наряд полисия из ближайшего околотка, прошло ещё полдня. Резиденты комунидадес начинали уже нервничать, поглядывая на часы. Скоро начнёт темнеть, а там и светлячки треклятые, мадре миа. Пора было потихоньку расходиться.

Иларио, раздав желающим боеприпасы из числа добровольно сданного, проследил однако, чтобы стволы никто не хватал. Только лишнего оружия в Росинья не хватало для полного счастья. Часть придётся для порядка сдать полицейским, остальное же они припрячут до лучших времён. Ну или худших, смотря как поглядеть.

Только отпустив последнего доброхота, довольного набранным хабаром, и помахав платочком вослед улетающим синим мигалкам, Иларио вернулся внутрь «Абриго», где и просидела весь день молчаливая Элинор. Приём пациентов на

сегодня, разумеется, был отменён.

Стараясь не пялиться на пласты синтекожи, свисающие у неё по плечам, Иларио молча протянул ей калебас холодного матэ. Элинор в ответ благодарно кивнула, но пить не стала, размышляя о чём-то своём.

— Теперь я понял, в чём разница.

— Ни черта ты не понял.

Элинор с удивлением почувствовала, что злится. Так, успокойся, он-то в чём виноват.

— Ну так объясни.

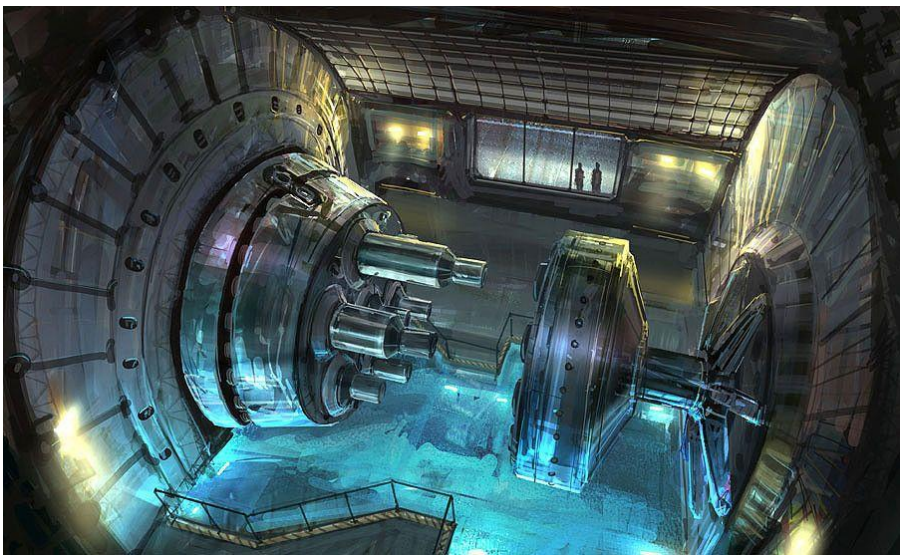
— Мекк — не человек. Он вещь. Предмет. Артефакт. Собственность ценой в хороший пентхаус в центре Мегаполиса. Эта собственность обязательно кому-то принадлежит.

— Так за тобой теперь… придут?

Элинор прислушалась к рокоту винтов.

— Уже пришли. Скройся.

XXIII. 67. Пандора



Снижение проходило штатно, на пяти камээс в специально выделенном коридоре, что как будто само по себе уже вызывало у Ковальского нервный зуд в ладонях. Сколько тысяч часов требуется налетать по чёрным трассам, чтобы напрочь утратить всякое представление о том, как это вообще — спокойно, следуя указанием диспетчера заходить с гало-орбиты на финишную дугу орбиты Лиссажу. Большинство пилотов в Сол-систем, если подумать, ничего другого и не щупали. С тех пор, как некогда драгоценный трипротон стал идти на межкорпоративном рынке по цене банальных платиноидов, даже о такой банальной вещи как гравитационный манёвр упоминали теперь исключительно трассеры старой школы, разменявшие второй десяток витков в поясе Койпера, молодёжь челночила по внутренним орбитам на активной туда и обратно в комфортных условиях при силе тяжести.

С такими навыками юнцам попросту не хватило бы ума ослушаться навигационную рубку или подделать сигнал транспондера. Ковальскому же, знакомому с перелётами внутри орбиты Красной разве что по бородатым анекдотам в стиле «заходит пилот в бар, а там уже всё выпито», напротив, всё это было в новинку. Нет, не заход с гало-петли, этого добра богато кушано, и не бормотание открытого канала, а вот эти пристальные взгляды со всех сторон.

Радарная сетка тактической гемисферы, крест-накрест исчерченная посторонними сигналами. Строгий запрет на обмен кодированными сообщениями (пусть и нарушаемый всеми подряд, но всё же). И самое главное — громоздкие туши корпоративных кэрриеров в потенциальных ямах гелиосинхронных орбит, прикрывающих своими гигаваттами точки Лагранжа. С каких пор всё это стало возможно, когда люди Корпорации позволили этому произойти?

На самом деле — задолго до того, как Ковальский покинул Матушку, да что там, задолго до того, как он вообще родился. Однако на внешних трассах корпоративная крыса по-прежнему знала своё место. Быстрее бы туда вернуться.

Ковальский покосился на капитанесс. Вот уж на чьём каменном лице не было написано ни капли волнения. Который это у неё заход на глиссаду Цереры? Десятый? Сотый? Уж она-то, давно разменявшая третью фазу, точно застала это место другим. Фронтиром человечества, диким полем, где каждый мог урвать свой клочок пространства под солнцем. Каково было вот так возвращаться туда, где прошла некогда твоя полузабытая молодость? Серым анонимусом, номерной капитанесс торгового флота, которой на этом ледяном шарике могли помыкать все подряд, кроме, разве что, Ковальского.

— За курсограммой следи.

Надо же, заметила его взгляд. Ишь, не комфортно ему здесь. Правильно одёрнула, мал ещё, всего полсотни годков, послужи с её, тогда и голос подавать начинай, жалобы высказывай.

Ковальского дважды одёргивать не надо, это всякий знает. Остаток глиссады он провёл, не мигая на тактику, подрабатывая маневровыми, где скажут, и заглушившись, когда велят. К чертям космачьим вас всех. Дайте только вернуться на свободу. Тут делов-то, забрать груз — и в обратку.

Их вели, конечно. Не эти балбесы в диспечерском куполе. Лёгкие, едва заметные касания чужих инфопространств тихо подбадривали — здесь по-прежнему есть свои, Корпорация ничуть не менее сильна на Церере, чем полтора века назад, просто делай своё дело. Расчётливо, чётко, хладнокровно, надёжно. Можно подумать, он когда-то действовал иначе. Но, знать, слишком важна миссия, чтобы оставлять их без подстраховки.

Капитанесс наверняка знала о том куда больше Ковальского, но предпочитала помалкивать. А может, оно и к лучшему. Если от одного эфирного речитатива при снижении Ковальского нервный колотун пробирал, что было бы, выясни он хотя бы толику деталей той спецоперации, в самом сердце которой им двоим довелось оказаться, кто знает.

Плюнув на всю эту секретность и важность, Ковальский, как было велено, снизился, отманеврировал и штатно заглушил их галошу. Та хоть и была загодя перебрана по винтику и собрана обратно с тройным дублированием всех систем, а в пилотировании всё едино была обыкновенным ремботом внутренних трасс, даром что многие бы удивились её удельному импульсу. Что там пилотировать — завёл и полетел. Это тоже было частью плана — корабль должен был оставаться в минутной готовности к старту на всё время их прибывания на Церере. Ковальский даже отстёгивать замки креплений ложемента не стал. Тут и подождём, не расклеемся.

— Чего сидишь, собирайся-одевайся, пойдёшь со мной. Церебр, поддерживать на борту к экстренному старту!

Приказ принят к исполнению.

Вот это новости. Ковальский нахмурился, однако тут же послушно ссыпался вниз, к ящикам, где лежали аварийные оболочки. Такого в плане не было, выходить из галоши на вэкадэ. Интересно, какого мрака капитанесс решила изменить порядок операции и тащить его с собой. Разве что тяжёлое донести. С непривычки ноги от местной гравитации, конечно, подгибались, но ничего, экзоскелет оболочки сам собой ходит, дотащим.

— Нам, может, контейнер какой с собой захватить?

Капитанесс непонимающе на него поглядела, мотнув в итоге головой.

— Груз будет в контейнере.

Ну, ладно, если так.

По лётному полю катились в полном одиночестве, что было вполне ожидаемо — запасная посадочная площадка вдали от опрессованных ангаров, кому вообще сюда понадобится сажать свой борт, разве что совсем с кредитами туго у фрахтовиков. Две согнутых гравитацией фигуры в белоснежных оболочках шагают по укатанному гусеницами космодромных тягачей пространству к стоянке арендованного заранее ровера, что может быть прозаичнее на поверхности ледяного планетоида.

Впрочем, импульсы из глубин чёрного неба Цереры о важности операции забыть бы не позволили, поминутно подбадривая, давай, топай, не прогулку на пленэре совершаешь. Ковальский не нуждался в подобных понуканиях, но в ответ предпочитал помалкивать. Если надо, пусть себе следят. Ему какое дело.

Путь на ровере до места оказался непростым — битых два часа они скакали по колдобинам изрытого реголита, так что Ковальский едва не вываливался из кресла — за штурвалом восседала, разумеется, капитанесс. И когда уже им перестанут

помыкать. Да, он был излишне молод для трассера, но зато, в отличие от иных старпёров, он почитай с самого детства массу времени проводил за управлением разномастных флотских единиц, сначала в виде симуляции, а потом и в реале. По сути, как только родители выцарапали его из той переделки на Матушке, назад ему пути уже не было, и уготованная судьба Ковальского была очевидной — до конца жизни оставаться аутсайдером человечества, пересаживаясь с одной колымаги на другую. Его никто специально не учил, всё сам, и получалось у него куда лучше, чем у большинства профессиональных трассеров, так откуда такое постоянное пренебрежение? Дайте уже ему хоть немного самостоятельности, сколько можно!..

Впрочем, чего жаловаться — куда тут ехать, он был всё равно не в курсе. Капитанесс же по этому поводу предпочитала помалкивать.

Прибыли они тоже как-то внезапно, Ковальский даже, кажется, задремать успел, вцепившись крючьями актуаторов в аварийные рукояти, только что ещё качал головой, борясь со скукой и вот он уже летит кубарем вниз, всё-таки свалившись из седла после резкой остановки.

И где же это мы, почесал слегка ушибленную пятую точку Ковальский, оглядываясь. Кругом, тем временем, было гладко и тихо. Даже свежие следы поперёк ледяной поверхность не были видны, только расходящиеся трещины местной гляциологии пятнали раскинувшуюся вокруг белоснежную равнину. Красиво. Только куда им теперь?

Капитанесс не спешила покидать ровер, вглядываясь куда-то поверх рулевой колонки. Но тут уж и Ковальский сумел разглядеть. Чуть впереди, метрах в сорока по ходу ровера, начала сдвигаться вниз и вбок лунообразная платформа, открывая уходящую вниз спираль чего-то вроде грузового пандуса.

Пришлось снова забираться на ровер — спустя пару минут мерного перезвона пустотелых колёс-пружинок их со всех сторон уже окружала непроглядная тьма, воцарившаяся после того, как укрытие спирально уходящего вниз тоннеля с хрустом закрылась. С хрустом?

Ковальский прислушался. Да, вокруг них сгустилась ощутимая атмосфера. Надо же, местные воздух не экономили. Впрочем, вокруг них мерцали в лучах ходовых огней иссиня-белые стены из чистой воды. И правда, чего тут экономить?

Спустя пару минут ровер упёрся носом в увесистые металлполимерные створки цилиндрического поворотного шлюза, мерцающего по периметру аварийными маячками. Видимо, атмосферка тут была скорее техническая, в качестве

естественного препятствия самопроизвольной возгонке льда. А вот всему прочему препятствовали, помимо толщины стен, два плазменных двигла на пару гигаватт, что упирались им с командоресс разве что не прямо в лоб, деловито развернувшись из парковочных ниш. А что, выглядит убедительно — дёрнешься без команды, двадцать килокельвинов от тебя и пепла не оставят, в могилку сложить.

Впрочем, по итогам молчаливого обмена кодами доступа сопла всё-таки убрались, а поворотник начал, что логично, поворачиваться, пропуская из ровер внутрь. Ковальский снова завертел головой. Для привычного к вынужденной флотской тесноте помещений шлюз изнутри казался огромным. Метров сорок в диаметре, не меньше. В таком опрессованном объёме их галоша поди поместилась бы целиком. Да уж, широко тут живут, богато.

— Слезай уже.

Голос командоресс своим «бу-бу-бу», доносящимся прямиком через внешние слои оболочки, намекал Ковальскому, что можно откинуть шлем оболочки, а вот снимать её совсем — команды не было, да и гравитация здешняя, пусть и слишком заметная для трассера, явно не позволяла тут беспрепятственно ходить, не пытаясь поминутно улететь к потолку, так что и правда лучше остаться в тяжёлом экзоскелете, целее будешь. Будь снаружи поверхность, скажем, Титана, пришлось бы не только раздеваться до исподнего, но и проходить через второй шлюз дегазации. Но на Церере лёд был чистым, как стекло, так что можно было даже ноги о коврик на входе не вытирать.

А вот о самого Ковальского ноги было вытирать не только позволительно, но и рекомендовано. Потому что по входе в лабораторный комплекс — а на вид, судя по бесконечной череде протянутых повсюду энерговодов, питающих разнообразные приборы, силовые агрегаты, переливающиеся синими огнями кутронные ядра и прочую высоколобую машинерию, это был именно он — его тут же грубо поставили в уголок и с рассерженным шипением приказали стоять молча и не отсвечивать. Будто он собирался здесь немедля учинить дебош и перебить всю посуду.

С командоресс же обошлись иначе. Её грузную фигуру с первой же секунды окружило полутораметровое пустое пространство, никто из местных белохалатных «желтожетонников» не попытался к ней приблизиться и уж точно не хватал за оболочку и не указывал, что делать да как себя вести. Командоресс же, не обращая внимания на окружающую суету, молча ждала, когда её встретят правильные люди. И они не

замедлили явиться.

Два абсолютно одинаковых существа росточком Ковальскому едва ли по пояс, с непропорционально большими головами без единого волоска растительности (особенно почему-то смущало отсутствие бровей), во всё тех же лабораторных халатах и с коронами внешних антенн для какой-то загадочной аугментации. Они смотрелись бы весьма потешно, если бы не жутковатое выражение глаз — эти младенцы-переростки глядели на мир с отрешённой усталостью существа, познавшего все самые страшные тайны этого мира.

А ещё эти двое явно знали командоресс.

— Отомн, — обращение по имени сопровождалось едва ли не полупоклоном.

— Если вы не против, зовите меня Лиссой.

— Лисса, насколько нам известно, погибла при взрыве «Бергельмира».

— Эти слухи сильно преувеличены.

— Не поспоришь. Как дела на «Фригге»?

— Адмирал Шивикас готов принять груз.

— Славно, славно, ну, что ж, пройдёмте.

С этими словами говоривший — тот, что стоял в этой паре слева, развернулся и посеменил в глубину комплекса, за ним последовал и второй башковитый, а за уже ним — остальная белохалатная братия. И только один из умников задержался — но только лишь затем, чтобы схватить Ковальского за загривок и разве что не пинками погнать его во всё том же направлении. Оставлять его без присмотра никто, видимо, не жаждал, но и запереть его от греха было некуда. Разве что в переходнике одного бросить. Ковальский уже дважды успел пожалеть, что не остался на борту галоши, но теперь-то выбора у него особого не было.

А ещё он внезапно обнаружил, что командоресс зачем-то включила персональный канал, так что Ковальский в итоге мог слушать все её переговоры с яйцеголовыми, даже отставая на полсотни шагов.

— Всё готово к транспортировке?

В голосе командоресс было слышно особое напряжение, какое возникало у неё только в моменты высшей концентрации. Ковальский невольно сразу подобрался. Что-то здесь творилось не то.

— Не беспокойтесь, Лисса, вы очень пунктуальны, так что мы как раз заканчиваем финальный обзвон систем. Как вы понимаете, попытка у нас будет только одна, так что мы не могли начинать заранее. Вам придётся подождать несколько минут.

Тут Ковальский скосил глаза на какой-то из агрегатов, где, действительно, среди множества кривых, диаграмм и столбцов цифр подходил к концу некий обратный отсчёт.

— Можно было и заранее всё проделать. Да и лишний персонал удалить на безопасное расстояние.

Яйцеголовый на этом хрипло рассмеялся.

— О, если вы опасаетесь за безопасность персонала или свою собственную, то я вас разочарую, как следует из сути Предупреждения, в случае, если что-то пойдёт не так, гибель этого планетоида станет меньшей из проблем тех, кто уцелеет.

Ковальского начало мутить. Он вырос в очень странном месте и с детства имел хороший нюх на сектантов. В Гиркарвадо этого добра было навалом — там под каждым баньяном возлежали гурующие.

— Ваш фатализм мне не понятен, сэр Леонард, — нет, не послышалось, она реально назвала его «сэр», — Ромул вверил вам излучатель не затем, чтобы вы тут о конце света рассуждали.

Тут Ковальский и вовсе чуть не споткнулся. Этот разговор был явно не предназначен для чужих ушей, так зачем командоресс ему всё это транслирует? Не могла же она включить канал по ошибке, она подобных ошибок не допускала, это было попросту невозможно.

— Резоны Ромула вообще мало кому понятны, но да, я знаю свою цель. И постараюсь довести дело до конца; оглядки на собственное чувство самосохранения в этом мне не требуются. В конце концов, я не в меньшей степени заинтересован в успешном исходе нашего сегодняшнего опыта. За ним стоит куда больше, чем планы Ромула или его Соратников, за ним стоит наша с братом научная карьера, а это для нас — куда дороже жизни.

— И не страшно, всю её поставить на единственный опыт?

— Страшно — не то слово. Но какие у меня варианты. Излучатель существует в единственном экземпляре, так уж получилось. Было бы их в запасе хотя бы два, уж я бы постарался подстраховаться. Нам сюда.

С этими словами Шалтай-Болтай указал на полкукруглую обзорную галерею, широким амфитеатром окружавшую некую громоздкую установку вроде фузионного реактора, только раз в пять больше по каждому из измерений. В недрах установки что-то светилось, резкий голубой свет мешал сфокусироваться на деталях.

— Коллеги, раздайте гостям визоры.

С этими словами оба яйцеголовых, равно как и все присутствующие, разом нацепили громоздкие системы, предназначенные, судя по всему, для прямого наблюдения за

происходящем, минуя традиционный виртреал.

Пожав плечами, Ковальский тоже надел один такой.

А забавно.

Эта штука, суля по всему, помимо собственно картинки транслировала в аугментацию специфические модели дополненной реальности, связанные со сборкой за стеклом. Туча текущих параметров, те самые обратные отсчёты и диаграммы растущей нагрузки. Но это было не так интересно, как сама картинка. Ковальский впервые в жизни наблюдал что-то подобное собственными биологическими глазами.

Сложнейшие структуры полей, наложенных друг на дружку, составляли единый комплекс, который можно было разглядывать в мельчайших деталях простым поворотом головы — ни в какое сравнение с топорным виртреалом это не шло, больше походя на реалтаймовую квантоптоэлектронную симуляцию. Впрочем, скорее всего это она и была, переведённая в оптический сигнал визора. Для того, чтобы с реальной сборкой можно было устроить такую канитель, обсчитывая по желанию оператора столько разнообразной информации во всевозможных спектрах, это нужно было потратить куда больше ресурсов на оборудование наблюдения, чем на саму установку.

Отдельная штука в том, зачем вообще было тратиться на эти волшебные визоры там, где наверняка за глаза хватило бы и традиционного виртреала.

— Я уже отвыкла от таких штук, сэр Леонард.

— Давно не были на Красной?

— Давно. И возвращаться туда не стремлюсь.

— Жаль, Лисса, наука наверняка многое потеряла в вашем лице.

— А мне нет, «Маршиан текникс» со своими разработками разберётся и без меня.

Ковальский невольно обернулся на капитанесс. Сложно представить её в когорте мозголомов. «Желтожетонники» в каком-то смысле были полной противоположностью им, трассерам. Большинство вечно одетых в халаты лаборантов ни разу в жизни не видели результатов собственного труда, воплощённых в железо, работая исключительно с дискретными моделями. Пилоты же, напротив, совсем не интересовались теоретическим базисом, позволявшим их кораблям летать.

И тут до Ковальского дошло, зачем были нужны и визоры, и множество экранов по стенам. Большинство учёной страты «желтожетонников» так берегли свои драгоценные мозги, что не позволяли робохирургам к ним притрагиваться. Процент сектантов-луддитов среди собравшихся наверняка зашкаливал. А

если нет аугментации, какой может быть виртреал. Сразу вспомнилась Машка. Умная была девка, хотя и, зараза, ехидная. Уцелей она в той передряге, наверняка подалась бы в белохалатники.

Обратный отсчёт между тем подходил к концу, в системе оповещения один за другим раздавались голоса с непонятными постороннему уху, но явно одобрительными комментариями вроде «синхронизация полей на трёх знаках» и «квантовое моделирование завершено».

Так вот о чём говорили командоресс с «сэром». Ковальский аж заёрзал на месте. Трассеру не привыкать к опасностям дальнего космоса, к одиночным перелётам без бэкапа, когда каждую секунду тебя подстерегает ненулевая вероятность скоропостижной, а может и медленной смерти. Но чтобы вот так, с неизвестными шансами сидеть в пределах прямой видимости от непонятного вида установки, вся работа которой, по сути, никогда не тестировалась и бою и держатся исключительно на численных симуляциях.

Ощущение было не из приятных.

Трассер привык доверять себе, своей команде и своему кораблю. Но чтобы по собственной воле верить людям, которых впервые видишь — на это нужна была определённая решимость. Или безрассудство.

Впрочем, командоресс со всё тем же непроницаемым лицом продолжала общаться с яйцеголовым, ерго — так же будет поступать и Ковальский. Ещё чего не хватало, трассеру терять лицо перед какими-то «желтожетонниками».

— С чего вы взяли, что излучатель вообще можно скопировать?

— Нет, Лисса, не «скопировать». Ядро излучателя, его суть, если отбросить всю «железную» обвязку в виде генераторов полей подвески и энергетических контуров управления и отведения мощности, представляет собой макроскопическую когерентную сборку, чем-то похожую на обычные ку-ядра, но, сами понимаете, совсем других порядков энергии. Как у любого квантового объекта, у ядра есть состояния, нам известно, как ими управлять, но и только. Воспроизвести мы его не можем, ни о каком «копировании» тоже речь не идёт. Квантовые объекты принципиально нельзя скопировать, предварительно не разрушив.

— Тогда что мы тут делаем?

— Вы — просто наблюдаете, — усмехнулся Шалтай-Болтай, — а вот мы попробуем сейчас изменить квантовые числа излучателя так, чтобы он смог открывать канал потока энергии от

точки замыкания не в одну, а сразу в две запутанные с ним точки-реципиента.

— То есть это по-прежнему будет единый излучатель, но он будет питать сразу два корабля?

— Всё верно. Два, три, четыре, двадцать.

— И ему хватит мощности?

Сэр Леонард со своим двойником в ответ снова усмехнулись.

— Строго говоря, мы не знаем, сколько точно он может транслировать мощности. Она покуда ограничена исключительно нашими возможностями по транспортировки энергии финерами. Мы ни разу даже не сумели приблизиться к его реальным пределам. Эксаватты? Вы знаете, что вся солнечная энергия, попадающая на поверхность Матушки, составляет всего 17 сотых эксаватта?

Капитанесс, пусть и не без сомнений, кивнула.

— Ну допустим, мы не знаем, как эту штуку собрать с нуля, но научимся распределять её энергию. Значит, мы по сути можем избавиться разом ото всех остальных источников энергии? К чёрту трипротон и загадивные Матушку солнечные батареи?

— Вы уверены, что Ромул готов передать корпорациям хотя бы один из дубликатов излучателя?

— Да к чёрту корпорации, мы можем забыть о них, как о страшном сне, с такой-то мощью!

Тут яйцеголовые переглянулись.

— Так эта, как вы выразились, «мощь» с самого начала была у Ромула в руках. И покуда тридцатилетний полёт «Сайриуса» стал единственным практическим применением излучателя. Всё остальное время он бесполезным грузом пылился в самых секретных хранилищах Соратников, и вот, только теперь попал к нам.

На этом разговор на время прервался прервался. В эфире звучал лишь речитатив последней готовности. И только спустя долгие пару минут Шалтай-Болтай продолжил свою мысль.

— А ещё, Лисса, вам не приходилось когда-нибудь задумываться, откуда вообще у Ромула этот излучатель? Особенно если теория одного из моих коллег верна, и излучатель не просто известен нам в единственном экземпляре, а как бы принципиально един во всей вселенной, то есть сколько бы не существовало таких излучателей, это всё равно будут проявления одной и той же панвселенской волновой функции? Как это собственно и работает в случае элементарных частиц.

— Это уже софистика какая-то, — фыркнула командоресс. — Помню, была такая теория, что горизонт событий — на самом деле общая для всех чёрных дыр во вселенной поверхность.

— Как знать, как знать, — протянул сэр Леонард, но в дальнейший спор вдаваться не стал, окончательно сосредоточившись на происходящем за стеклом.

Ковальский тоже что-то заметил. Там внутри установки как будто начало уплотняться нечто почти нематериальное, как будто призрачная медуза, колыхаясь под пристальными взглядами направленных на неё визоров, с каждым взмахом своих щупалец всё сильнее сжималась в единый энергетический кулак, синхронизируя биения своего пульса со всё большим количеством диаграмм на расставленных вокруг экранах.

Обратный отсчёт стремительно приближался к нулевой отметке.

Пять.

Ковальский настороженно обернулся, не беспокоится ли персонал? Но все собравшиеся стояли по местам тихо, будто заворожённые. Да и что он ожидал увидеть? Паникующих людей, рвущих на себе волосы с криками «мы все умрём»? Если то, что сказал яйцеголовый, правда, то бежать было бессмысленно. С такой энергетикой «излучатель», или как там его, мог запросто разнести всю ледяную тушу Цереры в клочья. Оставалось молча любоваться своими, быть может, последними мгновениями в жизни.

«Максимальная нагрузка на фидеры».

Четыре.

Так вот зачем его сняли с галоши и потащили сюда. Спасибо, капитанесс, за последнюю экскурсию, было бы обидно погибнуть вот так, даже не припав напоследок к тайне.

«Полная готовность, управление переведено в автоматический режим».

Три.

Ковальский никогда не верил пророчеству Предупреждения. В чём смысл подобного знания. Если грядущий конец света неизбежен, что нам с того, а если ему всё-таки можно противиться, то последнее, что следует сделать, это устроить всепланетную панику, сообщив обывателю, что он, скорее всего, умрёт, но коль скоро всё пойдёт хорошо, то выживут хотя бы немногие. Полная бредятина, если подумать.

«Контейнер готов к приёму форка».

Две.

Но вот сейчас, они сидели и ждали конца. Всё возможное уже сделано. Все усилия предприняты, все симуляции завершены, все пальцы скрещены. Осталось узнать, как выпадет монетка.

Так почему же вокруг никто не бегает и не истерит? Наверное, не всякий человек способен встретить свою возможную

смерть с достоинством, но вот же, здесь собрались именно такие люди. Так может, и не стоило Ромулу открывать ненужную всем правду? Или же за показной решимостью в этом зале стояло нечто совсем иное. Не уверенность в своих силах, а фанатический фатализм людей, готовых на всё, только не отступить.

«Приступаем к расщеплению ядра».

Одна.

Клубок силовых полей и энергетических переходов замер под отчаянный стук сердца Ковальского.

Ноль.

Замер и снова распустился, вольно помахивая в воздухе призрачными щупальцами.

Собравшиеся дружно выдохнули, заполняя эфир короткими задыхающимися репликами. И только Ковальский недоумевающе вертел головой. Не получилось? Расщепление, или что там, отменили в последний момент? Уж больно очевидным образом *ничего не произошло*.

И только тут ему пришло в голову, куда надо смотреть.

У самого основания установки роботизированные манипуляторы поспешно упаковывали в многослойный контейнер крошечную искру, которую едва можно было разглядеть на пределе возможности визора. Это и была она, новая точка замыкания излучателя, пресловутый форк ядра. Один из самых мощных источников энергии, когда бы то ни было становившихся доступными человечеству. И ничего особенного.

— Чего сидишь, забираем контейнер и выдвигаемся.

У капитанесс даже дыхание не сбилось, надо же.

Десять минут спустя они уже погружались на ровер с серебристым контейнером на корме. Оба предпочитали всю дорогу помалкивать. И только когда за их спинами была задраена внешняя броня их галоши, Ковальский решился задать мучивший его вопрос.

— Я всё равно не понимаю, почему нельзя было провести это самое расщепление где-нибудь подальше, на полностью роботизированном комплексе, чтобы не рисковать без толку?

— Ты ещё спроси, почему мы так спешим вывезти контейнер с Цереры.

Капитанесс привычным жестом пристегнулась к ложементу. Ни голос, ни выражение лица не выдавали в ней ни сомнений или хотя бы малейшего волнения. Но Ковальский достаточно хорошо её знал, чтобы чувствовать — она едва сдерживалась сейчас, чтобы на него не заорать. И причиной её неудовольствия был, разумеется, никакой не Ковальский, а те два яйцеголовых, оставшихся в лабораторном комплексе.

И тогда Ковальский решил её всё-таки дожать. Сейчас или никогда

— На случай, если расщепление получилось нестабильным, разнести подальше плечо волновой функции, максимально уменьшив вероятность её коллапса?

Капитанесс в ответ усмехнулась.

— Начитанный, молодец. Но нет.

Тут она повернулась и посмотрела ему в глаза так, что у Ковальского разом вспотел бритый затылок.

— Мы убираемся отсюда, пока они не передумали.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты же слышал наш разговор. Это была ошибка, отдавать им излучатель. Ошибкой было вообще выпускать его из рук.

— Чьих рук-то? Соратников? — у Ковальского уже начинала болеть голова ото всех этих недомолвок.

— И их тоже. Но пока излучатель на Церере, я бы на месте командования держала ухо востро.

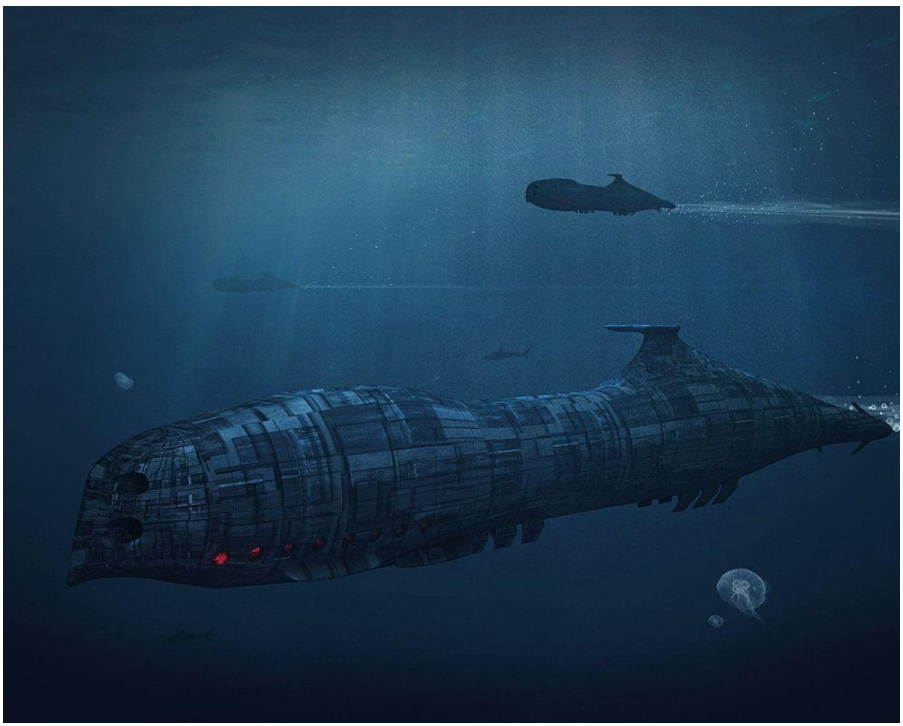
С этими словами капитанесс открыла канал прямой связи с флотом прикрытия и приказала Ковальскому с церебром выводить борт на гало-орбиту.

Больше они эту тему не поднимали, но дурной головушке же не запретишь. Больше всего Ковальского беспокоило то, что они оба, не сговариваясь, почуяли одно — острый, несмываемый дух секты, висевший в атмосфере той лаборатории. Это было непривычное чувство. Корпорация и её люди всегда боролись за свои идеалы, но никогда не переходили ту грань, за которой человеческая жизнь переставала что-то значить, а уверенность в собственной правоте превращалась в веру, а затем и в суеверие.

Но эти яйцеголовые «сэры» мыслили иначе.

Они были настоящими, зацикленными на высшей цели фанатиками. И беда тому, кто встанет у них на пути. Будь то хотя бы сам Ромул.

XXIII. 73. Панбиолог



Наружный край котловины заканчивался здесь так же резко, как в дальнем космосе наступает ночь — раз, и словно ножом отрезали. Ещё секунду назад конус ходового прожектора упирался в ровную череду расчерченных наискось грядок, где круглосуточно трудились механические «аргонавты», и вот уже под тобой, насколько хватает глаз, простирается одна лишь вязкая чернота, в недрах которой редкие блёстки глубинного «снега» лишь подчёркивали мертвенную безжизненность этого плотного, ужасающего ничто.

Дайверы старой школы называли этот вид на пустое открытое пространство «синькой» как будто в качестве своеобразной насмешливой аллегории на состояние азотного наркоза — кто хоть раз ловил, тот поймёт, собственно синего цвета так глубоко, разумеется, не ночевало. Пять «ка» от поверхности гидросферы, тут даже в ближнем инфракрасном диапазоне сенсоры вдали от рифтов давали равномерную засветку фоновой температуры в полтора сентигрейда, а уж солнечные фотоны сюда не проникали с тех пор, как кора остыла после столкновения с Тейей. Как

говорится, ни синие, ни зелёные, никакие.

Вернер называл про себя это место «чернильницей» за сходство этой границы вечной ночи и пусть тоже холодно-безжизненного, но всё-таки несравнимо более населённого конуса Сеары. Как будто какой-то неловкий титан пролил тут целую реку чернил, навеки отделив край котловины от эстуария Хамзы.

В каком-то смысле так и было. Четыре тысячи километров мёртвый поток протискивался в недрах тектонических плит, чтобы в конце концов с черепашьей, но оттого не менее неумолимой скоростью вынести свой поток навстречу старым костям океанических рифтов. И уж тут, на пяти «ка», ему уже ничто не могло помешать и дальше творить своё чёрное дело.

Глубоководная жизнь неприхотлива, минимум кислорода и стандартный состав солей — это всё, что ей нужно. Но «чернильница» не несла в себе кислорода вовсе, что же касается остального — быть может, какая-то древняя биота и была некогда способна оценить этот состав, но до современности она не дожила.

Затем сюда Вернер и мотался. Промытый за миллионы лет с момента формирования Хамзы тоннель эстуария служил идеальным консервантом для любой случайно попавшей сюда жизни. И пока на краю котловины трудолюбивые «аргонавты» пожинали свои грядки в поисках всякой банальщины вроде останков занесённой сюда поверхностными течениями макроскопической биоты, Вернер нырял в темноту за самой мякоткой.

По сути, здесь, в эстуарии подводной реки Хамзы сами собой сложились идеальные условия для консервации генного материала. Нейтральная кислотность, полное отсутствие любых свободных радикалов, температура вблизи точки замерзания, но никогда её не переходящая, пускай при таком чудовищном давлении лёд если и образовывался, то в совсем иных, непривычных человеку формах. Пять «ка» есть пять «ка».

«Циклоп» деловито гудел, понемногу продувая цистерны. Баланс плавучести на границах солёностей был самым сложным в дайверском деле, иногда дело шло на секунды — чуть автоматика зазевается, и тебя уже потащило, положительная обратная связь в глубине и без того норовит тебя то утопить, то снулой рыбкой выкинуть на поверхность кверху брюхом, но тут давление и вовсе начинало играть с «Циклопом» в опасные игры — лишняя пара метров, и прочный металлполимерный корпус принимался неприятно хрустеть стрингерами, так что у Вернера от беспокойства становился дыбом давно не стриженный ёжик на затылке.

Впрочем, это уже не первая, и даже не сотая его ходка на дно эстуария, ко всему постепенно привыкаешь. А вот и его цель — в непроглядной черноте послушно засветились по сигналу «Циклопа» фосфорно-зелёные маячки по углам рабочей площадки.

Загруженный под завязку «аргонавт» тоже призывно помахивал в своём секторе метёлкой хвоста. Вернер хмыкнул. Иногда эти механические зверюги начинали вести себя как живые. Впрочем, в здешних ледяных водах, где за пределами рифтов до ближайшего населённого слоя придётся всплывать километра два, если не больше, поневоле начнёшь чувствовать симпатию даже к автономным фермам придонных осадков с функцией микротомирования, в просторечии прозванных «аргонавтами» за сходство внешней скорлупы не с древнегреческими героями, но с одноимёнными ближайшими родственниками осьминогов. В общем, привыкший к одиночеству Вернер даже с плюшевым приятелем, болтавшимся на верёвочке у головной виртпанели в качестве примитивного визуализатора гравитационной вертикали, был временами готов поговорить по душам, не то что с юркими и с удовольствием идущими на контакт самоходками.

Сменщик заждавшегося «аргонавта» уже деловито попискивал под брюхом «Циклопа», требуя, чтобы его уже выпустили. Дети, чистые дети. Ну на тебе, плыви.

Белая скорлупа высвободившейся машины ярко вспыхнула в лучах прожектора и тут же унеслась на дальний конец площадки, прицениваясь к объёму работ. Его поджидающий на резервном питании коллега, напротив, навстречу спешить не стал, резонно полагая, что сами заберут, без внимания не оставят.

Пока «Циклоп» выставлял нейтральную плавучесть и подходил ближе, Вернер успел принять отчёт и даже мельком его отсмотреть. Неплохо. Макроскопическая органика животного происхождения возрастом до тридцати миллионов лет, с хорошо просматривающимися хондробластами, плюс неплохо сохранившиеся бактериальные споры возрастом до сотни миллионов. Недурно, очень недурно.

Вернер отчаянно зевнул и принялся возиться с приёмом служилого «аргонавта» под брюхо мерно покачивающегося «Циклопа». Занятие это непростое — батисфера на холостом ходу становилась предательски неустойчивой, чуть не так махнёшь манипулятором, и плюшевый не то пёс, не то хорёк тут же принимается танцевать джигу на своей верёвочке, Вернера же начинает штормить.

Дайвер, которого отчаянно укачивает, это не такая уж

редкость, как принято думать. Одна проблема — на глубине от «морской болезни» банальной кормёжкой рыб через борт не избавишься, тут тебя окружает два слоя прочного корпуса, сдерживающего давление в пять сотен атмосфер. Так что если будет тошнить — тошни в специальный патрубок, а то заманаешься потом отмывать да проветривать. Жаль, завистливо подумал Вернер, что мы не можем вот так, подобно нашим машинам, вольно плавать в глубине ледяных вод, ничуть не страдая ни от этого чудовищного давления, ни от прочих несовместимых с жизнью вещей вроде отсутствия кислорода.

Человеку, увы, кислород был нужен, пусть здесь, на пяти «ка», и в совершенно ничтожных концентрациях. На пятикилометровой глубине один процент кислорода в лёгких тебя моментально отправит на тот свет. Все прочие привычные нам газы — гораздо раньше. Безопасная зона азота в качестве сопутствующего газа заканчивалась мгновенно. Дальше последовательно шли гелий, водород, но и они на глубине быстро становились токсичными. На пяти «ка» оставался неон, но и с ним были проблемы, так что да, приходилось дайверам по старинке пользоваться утлыми батисферами с прочным корпусом и постоянной опасностью быть смятым в лепёшку.

Эх, мечтательно вздохнул Вернер. А было бы круто, как в старой фантастике, заменить лёгкие на ребризер, да и плавать вольной рыбкой в глубинах морских. Увы, кровь у нас есть жидкость, а любая биологическая жидкость норовит живо растворить в себе чрезмерное количество всяческой дряни, без которой жизнь невозможна, но и с которой на такой глубине ты гарантированный труп. Ракообразные и удильщики на рифтах, конечно, справляются, но вместо гемолимфы у них такое, что человеку без жёсткой генной модификации с таким не выжить, будь ты хоть полностью перекованный подводный мекк. Но инженерия эмбриональных клеток была всё так же повсеместно запрещена, с чем Вернер как учёный не мог не соглашаться. Это был для человечества заведомый путь в никуда.

Оставалось уповать на роботехнику. «Циклоп» качнулся напоследок, закрепляя «аргонавта», после чего на малых оборотах попёр наверх. Так-то подумать, никакой Вернер ему на борту и не нужен. Автоматика справится. Но Вернер всё равно таскался к эстуарию сам. Ребята из исследовательской миссии в основном, конечно, предпочитали сидеть по лабораториям, да та же Петра, что ей эта непроглядная темень. С другой стороны, подумать так, с тем же успехом можно и на поверхности оставаться. А так будет потом хоть, что внукам рассказать. Тут был свой космос, тут царила своя тайна, свой риск.

Вернер усмехнулся себе под нос. Главное на интервью ничего такого не ляпнуть. Главный закон дайвинга — стопроцентная надёжность и никакого риска. С такими оговорками спишут — и будь здоров. Рисковые парни в дайвинге не нужны. Ни в научном, ни в промышленном. С другой стороны, вот они твердят на инструктажах про безопасность, но стоит автоматике сбойнуть, кого пошлют? Правильно, человека. Потому что обычный радиосигнал в воде бесполезен, лазерная связь тут максимум на километр бьёт, остальные средства обмена вроде свердлинноволновой связи требуют антенн размером с теннисный корт. Так что если что — ноги в руки и дуй навстречу приключениям, что бы там штатный психолог не твердил.

Впрочем, сегодня обошлось без них.

Под бодрое похрустывание прочного корпуса Вернер провёл обычный обратный отсчёт глубины, проводил глазами край клиффа на границе между «чернильницей» и конусом Сеары, помахал издаля платочком кому-то из парней, направлявшемуся на малых парах куда-то в сторону мелководья, а сам столь же степенно повёл своего «Циклопа» в сторону рифта.

Обратный путь — самое скучное, что вообще бывает в дайверской работе, только и гляди, чтобы не заснуть. Вернер обыкновенно для надёжности в кабине музло врубал. Трэш-индастриал из старых запасов. Качает так, что прочный корпус дрожит. Для достоверности по первяночке даже случилось спецом уточнить — это вообще как, безопасно? Старпом Родионыч тогда ещё у виска покрутил. Всё-то вы, биолухи, все как одно технически неграмотные. Ты прикинь в уме максимальное давление на перепонку от твоего музла, ну пару десятков паскаль, это чтобы кровь из ушей, прочный корпус его даже не заметит. Вернер в тот раз очень обиделся за «биолуха», но зато музло теперь смело врубал на полную, не жалея те самые перепонки.

Да и то сказать, чем тут ещё заняться? Некоторые от скуки таскали на борт полные канистры старых дорам, которых корейцы в эпоху Великого объединения наклепали столько, что человеку теперь и за всю жизнь не пересмотреть, однако Вернер, по природе склонный к нордическому самосозерцанию, дорамы эти на дух не выносил, не то что грамотный олдскульный «металл». Главное подсигивать не начинать, а то эдак можно нечаянно и «Циклопа» раскачать. При его нешибкой остойчивости тот максимум, что было позволительно меломану на борту, это слегка трясти головой в такт завывания соляги.

Тут главное не увлекаться. А то можно и сигнал опасности пропустить.

Разом отрубая музло и всю сопутствующую цветомузыку,

Вернер тут же накинул сетку сонара на основную навигационную панель. Сверху на батисферу что-то отчётливо сыпалось.

Вода — среда медленная, это всякий знает. Но при должном везении и тут бывают поводы проявить быстроту реакции и известную сноровку. Скорость погружения носовой части «Титаника» в момент касания дна составляла 50 километров в час. Кормовой — уже под сотню. Та штука, которую нащупал сонар, снижалась всего на десяти узлах, а значит, ту сотню метров запаса, которую давал сонар, она преодолеет секунд за двадцать.

Автоматика уже начала отрабатывать манёвр уклонения, но делала это слишком неуклюже, полагаясь на штатные нормативы. Срывая пломбу ручного контроля, Вернер тут же рывком сбросил давление в балластных цистернах, буквально пятой точкой чувствуя, как «Циклоп» начал с ускорением идти ко дну, разом теряя нейтральную плавучесть.

Уши тут же заложило, но даже сквозь хруст продуваемых полостей было отчётливо слышно, как кряхтит металлполимер стрингеров, перераспределяя давление на внутренние слои. Ничего, потрепит, и не такое терпел. Пара лишних бар — не проблема. А вот что проблема — ходовые винты, никак не желающие сбросить маршевую скорость. Слишком толстый скин-слой воды продолжал тащить своей массой и без того немаленькую батисферу вперёд. Задний ход был недостаточно эффективным, продолжая утаскивать «Циклоп» навстречу валящемуся ему на голову предмету.

Вернер бросил короткий взгляд на сонар. Диаметр пятна — не меньше полусотни. При таких размерах и скорости эта тварь неминуемо утащит батисферу за собой, а значит, какие там несколько бар, если за минуту на «Циклопе» провалиться на один «ка», никакой балласт так быстро не продуешь, да и прочный корпус сплющит так, что мама не горюй. Надо было срочно снижать парусность.

Актуаторы захватов послушно взвыли, отпуская обречённого «аргонавта». Прости, парень, твоя судьба отныне — утонуть в озере жидкой углекислоты на самом дне каньона.

После экстренного сброса «Циклоп» тут же стал заметно пятиться, выгребая против собственной кильватерной струи куда эффективнее прежнего. Десять метров, двадцать, сонар всё равно так медленно разводил на координатной сетке два кружочка — крошечный и огромный — что Вернер чуть палец себе от волнения не прокусил. И только когда белёсая туша пронеслась перед ним в скрещенных лучах ходовых прожекторов, он почувствовал, что отлегло.

Следующие полчаса ушло на стабилизацию батисферы в непривычной для таких глубин болтанке, подъём на исходные четыре «ка» и возвращение на прежний обратный курс. Уф.

Это был левиафан, дохлый левиафан. Крупный, собака, откуда только такой взялся.

Вернер снова и снова прокручивал запись с внешних камер. Само по себе падение дождя из трупов на рифтах не редкость, по сути — весь тот белёсый «снег», что сопровождает дайвера в глубоких слоях океана, это суть в основном органические или минеральные остатки всякого умершего километрами выше. Всё то, что было тяжелее воды, было обречено навеки упокоиться в придонных осадках, постепенно уходя под области субдукции для глубинной переплавки в то, что однажды покажется на поверхности в виде магматических пород при извержении восходящих диапировых расплавов или же, что куда вернее, навсегда сгинет в толще астеносферы, миллиарды лет обогащая её углеродом.

Да и туша левиафана тут неслучайна, эти тяжеловесы ныряют до четырёх «ка» на голом миоглобине, так что ни азоточка, ни кислородное отравление им не грозят. Нырнул старик и умер, с кем не бывает. А вот чего не бывает, так это отчётливо различимого на записи длинного косого разреза вдоль спинных мышц гиганта. Никакая глубоководная тварь такого проделать не может.

Потому, выйдя ещё спустя час маршевого хода в зону прямой связи со станцией, Вернер первым делом отбил домой сигнал тревоги. В их секторе явно орудовала какая-то немаленькая саба. Маленькую левиафан, пожалуй, и сам бы огулял, приняв активность сонаров за сигнал к спариванию.

Отбил, но голосовую связь от греха не стал активировать, мало ли что. Инструкции перед каждым рейсом были предельно чёткими — при обнаружении активности посторонних крафтов в районе базирования соблюдать режим тишины и прекратить всякое движение до достижения резервного запаса по газам, после чего малым ходом вернуться в док. Все над этой инструкцией ржали, какие тут посторонние на четырёх «ка». А вот, видать, такие.

Впрочем, сонар никакой активности больше не демонстрировал, так что Вернер не стал дожидаться, пока углекислота из ушей потечёт, и прямиком направился к рифту.

Пока сидел в переходнике, то и дело заботливо «продуваясь» да тоскливо наблюдая за стекающими по голым стенам шлюза струями воды, Вернер успел изрядно подумать над случившимся, так что когда датчик выравнивания давления у люка загорелся

зелёным, а в проём сунулась озадаченная рожа Петры, настроение у него уже было окончательно испорчено.

— Где старпом?

— Родионыч только ускакал наверх, — Петра неопределённо помахала пальцем, — докладывать о происшествии.

— Злой?

— Да уж недобрый.

— Понятно, — протянул Вернер. — Хотя нет, непонятно. Непонятно, почему у меня на душе не радость по поводу успешного спасения при непосредственной угрозе организму, а как будто кошки нагадили.

— Только это? Кость не ломит? Кислороду дать? — Петра озабоченно полезла к нему задирать веко и смотреть роговицу, а ну как на него кессонка нашла.

— Да уйди ты, богу в душу, — окончательно разозлился Вернер.

— Нет уж, по инструкции положено. Давай сюда руку.

Следующие пару минут Петра не без удовольствием прикладывала к его помпе манжету чтобы, тщательно послюнявив дайверский карандашик, перенести все показания на планшет.

— Ну что, довольна?

— Ещё как. Группа по азоту — вторая!

Вернеру оставалось только вздохнуть. Злиться на Петру его надолго никогда не хватало.

— Что у тебя там случилось-то?

— Это я как раз Родионычу и хотел доложить.

— Так он уже в курсе. А я — нет, — намекнула после паузы Петра. Ну тупой тебе попался бадди, терпи.

— Мне левиафан на голову упал.

— Серьёзно? — Петра как бы размышляла, шутит Вернер что ли.

— Серьёзнее некуда. Мёртвый, громадный, полсотни длинной, спина распорота вдоль хребтины. Чуть на дно меня не утащил, зараза.

— А, так вот чего такой кипеш, — задумчиво потянула Петра.

— Если бы я груз не сбросил, был бы куда круче. Пришлось бы вам мой хладный труп ещё с месяцок по всему дну разыскивать.

— Это вряд ли. Ментo мори. В смысле бесполезно это. Не было ещё случая, чтобы на маршруте пропадал дайвер, и его потом находили. Не те масштабы, чтобы поисковые усилия стоили того.

— Ну спасибо тебе, обрадовала ты меня сейчас несказанно, добрый ты человек.

Но Петра осталась глуха к его сарказму. Отворяя дверь во внутренний шлюз, она махнула ему, мол, проходи. Пока шла декомпрессия, оба молчали. Так же молча и не сговариваясь на выходе оба повернули во второй люк налево.

В кают-кампании было тихо, там царил привычный полумрак, и только в углу тихонько возился, гремя стаканами, робот-уборщик.

— Теперь, наверное, все рейсы отменят. «Аргонавты» там заманаются ждать.

— Ничего, не заржавеют твои «аргонавты». У них на резервном ресурсе месяца на три хватает. Груз же их и вовсе миллион лет ждал, и ещё подождёт. Микротом при нуле не протухает.

— Да я знаю. Просто бесит, что вся эта секретность работе мешает.

— Кому мешает, кому и не мешает. Ты же не думаешь, что всю эту махину тут ради исследований глубин понастроили, в такой-то дали?

— Эстуарий Хамзы есть природный феномен, естественный резервуар, способный нетронутым сохранять генный материал приповерхностных биомов как в оригинальном состоянии, так и в виде остаточных фрагментов, закреплённых спорами бактерий в результате горизонтального переноса, — Вернер монотонно бубнил заученный текст, как по шпаргалке, для поддержания ритма поводя слева направо указательным пальцем. — Таким образом в руках учёных всего мира оказался уникальный источник геномов и протеомов вымерших биот, что в результате дальнейшего сбора и изучения указанного материала позволит искусственно воспроизводить их в полноценном объёме, равно как драматически расширить инструментарий современной генной инженерии для производства новых жизненных форм на основе механизмов моделирующего отбора в виртуальных средах.

Только тут Вернер исчерпал объём лёгких, напоследок шумно вдохнув.

— И не надоело?

— Нет. Надо же на чём-то дыхалку тренировать. Тем более что это правда. Чёрные курильщики, эстуарии и вулканические резервуары. Больше нам негде искать экзотические формы жизни, а такими темпами скоро уже и всякая жизнь станет экзотической.

— Тебя послушать ты из этих, из климатоалармистов.

Вернер устало покачал головой.

— Дело не в климате. Климат на Матушке может быть любым. От криогения по Венеру включительно. Жизнь ко всему приспособится. Другое дело, что всякое подобное изменение

завсегда приводило к массовым вымираниям. И человек вполне может оказаться отнюдь не последним многоклеточным в списке на выбывание.

— Человек вон даже на четырёх «ка» себе живёт.

Оставалось только кивнуть.

— Живёт. Точнее, видишь, прячется. От чего или, вернее, от кого мы тут прячемся, если мы так уверены в своём завтрашнем дне?

— Не знаю, ты мне скажи.

Иногда Петра становилась невыносимой. Кажется, в такие моменты она продолжала спорить просто так, ради самого спора, от скуки.

— Это пусть тебе, вон, Родионыч скажет, когда вернётся. Ты никогда не задумывалась, что мы вообще тут делаем?

— Тут это на рифте? — как будто не поняла Петра. — Так это. Исследуем.

— Не на рифте. На дне. На четырёх «ка».

Она молча смотрела на Вернера, мол, ты начал, ты и договаривай.

Ну нет. В ответ он привычным дайверским жестом помахал у правого уха растопыренной пятернёй. «Переходим на прямой канал».

Усмехнувшись, Петра послушно повторила жест.

Весь дальнейший диалог прошёл в полной тишине, и только гримасы на лицах выдавали их двоих перед посторонними.

Тебя никогда не интересовало, что творится там, за стенами, в соседних гермосекциях?

Честно? Не особо. Да и какое мне дело до дел всяких там геологов и океанологов.

А ты уверена, что мы здесь вообще не чисто для отвода глаз? Станция надёжно укрыта, шумоподавление идеальное, если же кто случайно на нас наткнётся, лицезрейте: мы тут все учёные-кипячёные, «биолухи», как нас Родионыч величает. Роемся в останках, эстуарий изучаем. Вот документы. На три «нобеля» тянут.

И что же, по твоему, тут от нас прячут? Пусковые установки термоядерных торпед? Главный секрет жизни, вселенной и всего такого? И главное, от кого всё это прятать, кому всё это нужно? Корпорациям? Они уже больше ста лет заняты одной лишь грызнёй между собою, кто у кого кусок пирога из глотки вырвал, такая вот игра с нулевой суммой. Никому не выгодно нарушать сложившийся баланс, слишком многое можно потерять, слишком мало — приобрести.

Дальний космос ещё делить и делить. И глубины вокруг нас —

тоже не исключение. Так что было бы желание. Но ты знаешь, мне почему-то кажется, что мы тут прячемся вовсе не от Корпораций.

А от кого?

Не от кого. А от чего. Помнишь, с чего началось падение Соратников?

Со Времени Смерти?

Нет. Куда раньше. С Предупреждения. Человечеству предрекли скорый конец. Чёрная волна, захлёстывающая Сол-систему от краёв к центру, пока Матушка не останется последним светлым пятном на фоне черноты космоса.

Ты в это веришь?

Я — нет. А вот они, похоже, верят.

Они?

Ну, те, кто всё это построил. Где ещё им прятаться, если не здесь, на четырёх «ка»?

Оба оглянулись по сторонам, словно в поисках таинственных существ, которых Вернер назвал «они».

И ты знаешь, юмор в том, что наши геномы с протеомами очень неплохо вписываются в концепцию предуготовлений к концу света. После. Всегда бывает какое-то «после». Представь себе ситуацию, при которой саму жизнь придётся восстанавливать с нуля во всей её полноте и многообразии?

И ровно в этот момент под куполом гулко завыли сирены.

— Накаркал, сохатый, — зыркнула глазами Петра и тут же унеслась к внешней стене, где были установлены обзорные виртреалы.

Там поперёк окружающей станцию синьки уже вовсю мигал красный сигнал тревоги, но никакой детальной информации не значилось. Оба вопросительно уставились друг на друга, но тут же обернулись на шипение задраиваемой переборки.

У промежуточного люка, тяжело дыша, опирался на рукоять запора собственной персоной старпом Родионыч.

— Что там творится вообще?

— Ничего не творится, — уже по одному бледному от натужного дыхания лицу было понятно, что он врёт.

— Мы же не слепые.

На их памяти Родионыч так не бегал никогда. Да что там не бегал, Вернер не мог припомнить, чтобы старпом вообще совершал какое бы то ни было резкое телодвижение.

— А ещё вы слишком умные. Особенно ты, Вернер. Вечно тебя угораздит вляпаться во что-нибудь ненужное.

— Сам я никуда не вляпываюсь. Можно подумать, я этих левиафанов притягиваю, — привычно надулся Вернер.

— Ты можешь обижаться сколько угодно, но дохлым

кашалотом по балде получить, это надо крепко постараться, — Родионыч, отдышавшись, примирительно похлопал Вернера по спине. — Люки все задраены?

Так вот чего он торопился. Ещё полминуты, и его бы отрезало в соседнем отсеке.

— Да уж как положено, по первому сигналу, — Петра отчего-то продолжала всматриваться в недвижимую синьку, словно видела там нечто, постороннему взгляду незаметное. Вернер даже пощёлкал своими имплантатными гляделками, переключая диапазоны, да только что там увидишь, синька и синька.

— Инфа хоть какая-то будет?

Родионыч обернулся на Вернера, смерил его взглядом, но всё-таки нехотя ответил:

— Тебе всё «инфа». Когда надо будет, до личного состава доведут. Пока ничего определённого не сказали. Лидары сканируют сектор, дежурные акустики работают.

— Что там сканировать, я же своими глазами видел рану вдоль хребта того левиафана! И на станцию передал!

— Видел или не видел — то дело десятое. Мы пока не знаем, что там за беда шарится, но без прикрытия мы не останемся, — мрачно закончил старпом. — И вырубите вы уже эту музыку!

Сирена тут же заткнулась, но звон в ушах остался.

А ещё — тянущее чувство, что их проблемы на этом только начинаются, с каждой минутой всё усиливалось.

— И как вы думаете, долго мы так взаперти будем сиде… — начал было занудствовать Вернер, но осёкся, заметив указательный палец Петры, наставленный куда-то в глубину океана.

И правда, там во тьме что-то двигалось. Плавным, расслабленным движением, знакомым каждому опытному дайверу. С подобной динамикой погружаются потерявшие нейтральную плавучесть неуправляемые крафты. Куда точнее — так вальяжно, наискось, тонут сабы.

Китообразная тень проскользила ещё пару сотен метров, устало ткнувшись носом в каменный гребень рифта и принялась в гробовом молчании лениво заваливаться на брюхо.

Только тут внешние прожекторы всё-таки выхватили тень из окружающей черноты, разом высвечивая сверкающие обводы мёртвого судна.

Что оно было мертво, было очевидно даже тому, кто не наблюдал его дифферента при погружении.

Некогда гладкая, выпуклая поверхность бортов теперь была смята в гармошку, беспомощно торча наружу переломанными рёбрами стрингеров. Из трещин внешнего корпуса красиво

сочилась чёрная смазка, а ввысь весело бежали серебристые цепочки пузырьков.

Вот он, тот самый саб.

— Старпом, это мы его, да?

— Ты совсем дурак или притворяешься?

Родионыч, задумчиво потирая давно не бритую черепушку, отошёл в сторонку и присел там на вертячий металлический табурет.

— Саб пошёл ко дну ещё целиковым. Никаких следов внешних повреждений. Да и откуда у нас силы завалить такую махину в непосредственной близи от станции, причём так, чтобы ни звука? Детонация торпеды больше полутонны боевой нам бы все гляделки вынесла, не говоря уже о том, что мы бы сейчас не рассуждали, а уже неслись бы помогать течи устранять на прочном корпусе.

И, ещё подумав, добавил.

— К тому же это тупо бесполезно — детонацию весь океан услышит.

— Но не сами же они утонули?

— Не сами, уж точно не сами. И, к моему великому сожалению, нам ещё придётся познакомиться с тем, что их потопило.

С этими словами Родионыч двумя руками проделал нарочитый, знакомый каждому дайверу жест «срочное всплытие».

Два больших пальца вверх скрещёнными руками.

Только тут Вернер и Петра подняли головы и увидели дискообразную тень, настойчиво ползущую со стороны океана. Тяжёлая артиллерия прибыла.

XXIII. 84. Гончая

Следование было его базовой функцией.

Следование как инстинкт, как поведенческая механика, как зашитый в базовую моторику алгоритм, от которого не отделаться, не отклониться.

Так бабочка-данаида, едва выйдя из диапаузы, тут же готова пуститься в путь по сложнейшему многотысячекилометровому маршруту на север, который займёт четыре смены поколений. Ориентируясь на ультрафиолетовое излучение солнца, геомагнитные линии и следы феромонов других бабочек, одинокая данаида способна безошибочно и неустанно двигаться вперёд, преодолевая без посадки океанические просторы и горные массивы.

Бабочку-данаиду нельзя назвать умной, сильной, точной или выносливой. Она просто была рождена для этой цели в цепи смены поколений таких же, как она, живых навигационных приборов.

Его нельзя было назвать полноценно живым, не бывать ему и чрезмерно умным — временами лишний интеллект только мешает достижению цели, но его вполне можно было счесть точной, сильной и невероятно выносливой машиной, которой следовало лишь дать команду и отойти в сторону.

Остальной путь ему была дарована свобода выбирать самостоятельно.

Его ку-тронную начинку не программировали на конкретные

решения, нет, всё было устроено хитрее. Его искусственные нейросети представляли собой сложнейший конгломерат связей, которые на уровне естественных реакций были готовы сформировать эффективную реакцию на любые события, возможные в гнилом нутре Мегаполиса. Это была воплощённая в запутанных полях ядерных спинов энциклопедия двухсотлетней истории самой грандиозной земной агломерации от самых чёрных глубин её основания по сверкающие над облаками вершины корпоративных шпилей.

Нет, ему было неведомо, кто здесь живёт и зачем влачит свои дни в прозябании и праздности. Для него это была лишняя информация. То, что нельзя увидеть, услышать, ощутить или обонять — совершенно неважно. Жизнь, смерть, страх или радость. Всё это было лишним для его внутренней механики. Зачем ему чужие цели или устремления. Для его целей и его устремлений они не были ни помехой, ни подспорьем. В его задачи входило просто выследить, найти, застать, а после — просто следовать.

Для этого у него было в наличии всё необходимое — возможность незаметно, не выдавая себя ни единым посторонним фотоном, и на максимальном расстоянии от цели считать с неё все необходимые маркеры: биохимические, физические или информационные; а как только цель оказывалась на крючке, просто не упускать её из вида.

Это же так просто. Он был способен перемещаться с маршевой скоростью до сотни километров в час по отвесным металлполимерным покрытиям, играючи взламывать бреши в криптозащите фундаментальной инфраструктуры башен и уходить незамеченным от самых продвинутых современных следящих систем.

Причём делать это даже не задумываясь, одним брошенным взглядом, одним прыжком серебристого тела.

Ему не нужны были для эффективного следования никакие дополнительные инструменты, которые представляешь себе, когда думаешь об универсальном преследователе. Свёрла, отмычки, лазерные пучки, всё это ушло в небытие к тех пор, как на свет появились он и его собратья. Собранные в тайных кузнях богов-машин, они разговаривали с этим миром каждой складкой своего механоидного тела, впитывая и отдавая информацию так же инстинктивно, как живые существа дышат.

Эффективный, неутомимый, незримый охотник на свою главную дичь — информацию.

Ему не было известно, как давно его пустили по следу — запоминать не было его основной функцией, для этого у него был

выделенный в отдельное подмножество сгусток квантовых нейронов, живший своей жизнью, молчаливый и скрытный. Даже попади он в чужие руки, дешифровать это сплетение полей ядерных спинов, попутно не разрушив самоё хранившееся в них знание, было физически невозможно. Ядро памяти могло отдать свои знания лишь его хозяину и исключительно добровольно. Только оно знало, как, когда и по какой причине это будет сделано. Впрочем, ему как целому до этого не было никакого дела. Даже с оставшимся объёмом нейронных связей и без ядра памяти его сил хватило бы для эффективного исполнения своей задачи.

Всё, что ему было нужно знать, это его цель.

И его вывели на неё — инстинкты ли или точное знание, совершенно неважно. Важно было другое. Кроваво-красная стрелка целеуказателя, что вела его с тех пор, неотрывно следуя за беспомощными перемещениями цели в недрах Мегаполиса.

Возможно, цель догадывалась о следовании. Об этом можно было предположить, проанализировав те моменты, когда она замирала в немом оцепенении, покачиваясь из стороны в сторону и как бы пытаясь услышать что-то вокруг себя, какой-то шорох, какой-нибудь подозрительный скрип, который бы выдал следование.

Но могучие инстинкты ку-нейронов не позволяли ему ошибиться. Действовать на грани чувствительности приборов, предугадывая каждое следующее действие цели, всегда опережать на полшага, всегда оставаться в глубокой тени. Таков был кодекс следования. Для подобного его создали. То, без чего ему невозможно было существовать, то пространство принятия решений, за пределы которого ему физически невозможно было выбраться.

Даже если бы нечто подобное вообще могло прийти ему в ку-тронную голову.

Но неспособность выйти за пределы базовой функции не мешала ему остро чувствовать угрожающее приближение этих границ. Вот и сейчас, его смущала затянувшаяся пауза в перемещениях. Да, это выходило за рамки наработанной по цели поведенческой статистики, как правило, цель предпочитала перемещаться с места на место, не задерживаясь нигде дольше суток, да и то, под конец указанного промежутка времени её позывы сменить локацию заставляли красную стрелку целеуказателя биться в конвульсиях. Тут же подходил к концу уже второй двадцатичетырёхчасовой цикл, а цель всё в том же спокойствии пребывала на том же месте. Красная стрелка также вмёрзла в пространство, будто сломанная.

И чем дольше это тянулось, тем сложнее ему становилось сдерживать то, что человек назвал бы тревогой — тянущая незавершённость в приближении грядущих событий водила его кругами вокруг цели, заставляя менять точки наблюдения и постоянно отвлекаться в поисках посторонних сигналов.

Его создали для того, чтобы инстинктивно чувствовать, куда в следующий миг двинется цель, но сейчас инстинкты молчали, цель же часами стояла у мутного панорамного окна заброшенной офисной башни, сосредоточенно вслушиваясь туда, где ему не было места.

Это было нечестно. Невозможно быть эффективным, если тебе доступны не все коммуникационные каналы цели. Он должен видеть всё!

Но вокруг физически нельзя было обнаружить ни единого постороннего сигнала и ни единой подозрительной сигнатуры. Отличное место, чтобы отсидеться, но в поведенческих паттернах цели до сих пор ни разу не всплывало ни малейшей склонности к уединению. Она двигалась, постоянно что-то вынюхивая, словно бы сама втайне следуя за кем-то. Но разве искомая цель его цели не появилась бы, в таком случае, и на его всевидящих радарах?

Как вообще можно следовать за тем, кто оставался незаметен даже для его ку-тронных мозгов, специально спроектированных на следование? Да и вообще, как в принципе можно следовать за кем-то, физически при этом оставаясь обычным человеком?

Да, при всех необыкновенных свойствах цели, она обладала всеми традиционными недостатками хомо сапиенс. Да, она не оставляла за собою след из специфических квантовых сигнатур. У неё попросту не было аугментации. Да, скорость её реакции на опасность была сравнима с аналогичной у машин и мекков, но её физическая сила и скорость реакции была ограничена возможностями обыкновенного, ничем не выдающегося человеческого тела. Ей не дано было перепрыгивать с башни на башню и проламывать стены. В конце концов, за ней, при желании, уследило бы банальное механонасекомое, настроенное на химический след запаха цели. Да, вероятнее всего, цель бы это заметила и предприняла бы меры по уходу, но сам факт налицо. Когда ты настолько заметен, полноценно следовать ты не в состоянии.

Это прозвучало как озарение. Цель не следовала, она была приманкой.

Ярко раскрашенным муляжом утки, что издаёт громкие звуки на холодном осеннем пруду. Приходи и бери.

Всё это время цель не просто так перемещалась в пространстве, она тщательно, хладнокровно оставляла следы,

кого-то заманивая. И теперь ей следовало с таким же расчётливым хладнокровием дождаться, когда можно будет открыть огонь на поражение.

Его инстинкты подсказывали, что цель может. Непонятно, пока, за счёт чего. Но может.

Ударить так, чтобы содрогнулась земная твердь. Чтобы вскипел океан. Чтобы разом вымерзла атмосфера.

Откуда у цели такие таланты, ему было неведомо, но железный инстинкт продолжал твердить — держись на самом краю чувствительности приборов, не высовывайся, иначе цель заметит, и на этом его миссия будет бесславно завершена.

А ему, пусть и лишённому простых человеческих эмоций, вполне было свойственно нечто вроде гордости за собственное совершенство. Если есть на этой планете человек или машина, способная исполнить поставленную перед ним задачу, то вот он, перед вами. Точнее, вы попросту не подозреваете об этом, даже стоя всего в метре от него и глядя прямо ему в глаза.

Ему суждено было стать совершенной машиной по следованию. Она же — была совершенной для этого следования целью.

Они нашли друг друга, наконец.

Сколько десятков миссий ему приходилось впустую растрачивать собственные таланты ради жалких ничтожеств, пустившихся в бега от «красножетонников» корпораций. Загнанных в угол, трепещущих от ужаса и потому совершающих ошибку за ошибкой. Полчаса на то, чтобы разыскать, ещё пара часов следования, всё, ваше время истекло.

Стоит ли жалеть о том, что ему не вспомнить теперь их перекошенных страхом лиц?

Но эта цель была достойна того, чтобы её помнить.

Как жаль, что ему не дано закрепить в собственной память эти сладостные мгновения беспокойного ожидания.

Ну же, где тот, кого выслеживает цель?

Он явился на третьи сутки ожидания. Очень правильный глагол. Явился. Явил себя. Ещё мгновение назад никого не было, и вот он уже тут как тут. Гибкая, смертоносная металлическая тень в шаге позади цели.

Была бы у него такая физическая возможность, он бы восхищённо присвистнул. Ничего себе. До сих пор ему представлялось, что нет на свете существа, способного уйти ниже его радаров. Но этот механизм был совершенством.

Ку-тронные актуаторы миомеров, плазменное экранирование цепей питания, обновлённая «змеиная кожа». Даже те каналы, по которым происходило общение дрона с тем, кто давал ему

команды, отследить если и удавалось, то на самой грани чувствительности, по слабой ряби мутных воздушных потоков между башен Мегаполиса.

Но в этом и была его слабость. Механизм не был полностью автономен, а значит, мог быть, теоретически, взломан и взят под контроль, дайте только побольше ку-тронных мозгов.

И цель была об этом прекрасно осведомлена.

Обернувшись, она смерила дрон презрительным взглядом.

— Так вот, значит, как низко вы пали.

Человекообразная кукла в ответ усмехнулась.

— Если ты снова рассчитывала на кулачный бой или капоэйру, то мне придётся тебя разочаровать. Я ещё не сошёл с ума, снова сталкиваться с тобой лицом к лицу, да ещё и один на один.

— Мне казалось, в прошлый раз мы расстались довольно мирно.

Дрон в ответ театрально огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть тут кого-то ещё.

— Расскажи об этом Ильмари. Что-то я не вижу его с нами.

При упоминании этого имени в его ку-тронной начинке с неожиданной силой заворочались какие-то процессы. Сначала нехотя, а потом всё быстрее и быстрее принялись перестраиваться поля ядерных спинов на дне магнитных ловушек, занимая новые потенциальные минимумы. Так изменялось сама его суть, на самых базовых своих уровнях перепрограммируя поведенческие максимы когнитивного ядра. Пока ему не удавалось ощутить, в чём конкретно состояли эти изменения и к чему они приведут, но эти двое только что заставили его соскользнуть с основной программы следования куда-то ещё, в какие-то страшные тёмные недра, до сих пор неведомые даже для него самого.

Выделенное ядро памяти тоже сделало стойку, вздыбливая антенные решётки у него на загривке. Не упустить ни единого слова. Высший приоритет функциям распознавания и архивации.

Разговор между тем продолжился, цель отрицательно покачала головой.

— Он не знает, что я здесь.

— Но почему? Мы же расстались «довольно мирно»? Учитывая, что ты могла ему наговорить, я вообще удивлён, что вы с ним до сих пор общаетесь.

— Я спасла его, — в голосе цели внезапно прорезались агрессивные нотки.

— Так почему он сейчас не с тобой, почему не поддержит тебя в кризисный момент?

— Это наши с ним дела. Не лезь в них, не стоит.

— Ладно, — кукла внезапно отступила, делая извиняющийся жест двумя раскрытыми ладонями, — но я тебе всё-таки напомню, как мы расстались в позапрошлый раз. Помнишь ту крышу? Жан Армаль умер там и уже не выступит в свою защиту, но я — всё прекрасно помню.

Цель в ответ неопределённо тряхнула головой, как бы одновременно отвечая и утвердительно, и отрицательно.

— Ты — не он. И если бы я хотела об этом поговорить, я бы предпочла общение с Улиссом. Не Соратнику Урбану мне рассказывать про свои посмертия. Я сама — умирала дважды, ты не забыл?

Тут механоид идеальным подражающим движением вскинул голову, как бы задумавшись.

— Вы же с ним тех пор так и не виделись, не так ли?

— Видимо, не нашлось повода для разговора, — отрезала цель. По всей видимости, ей уже начинали надоедать все эти риторические игры.

— А со мной, значит, нашлась? Лестно, очень лестно, — кукла делано поклонилась, но потом дрон внезапно посерьёзнел:

— Довольно. Надеюсь, я донёс до тебя, почему я не готов устраивать с тобой тет-а-теты даже несмотря на все наши прежние договорённости. Да, ты обещала не лезть в наши дела и вроде бы до сих пор держала слово. Но я-то тебе зачем понадобился? И что за срочность? Мне пришлось выдвигаться с Муны едва ли не рудовозом. Не разочаровывай меня, пусть наш разговор будет о чём-то более актуальном, чем старые обиды великовозрастных детей. Ко всему ещё и скоропостижно мёртвых.

Теперь настало время усмехнуться цели. И усмешка её вышла очень недоброй:

— Ты всегда умел красиво высказаться, да, Соратник?

— Переходи к делу, или я тебя на этом оставлю, — отрезал механоид.

— Хорошо. Тогда ответь мне на прямой вопрос. К чему вы готовитесь?

В ответ в воздухе повисла напряжённая пауза.

— Я бы попросил тебя конкретизировать. Потому что ты прекрасно знаешь, к чему мы готовимся. Ты, как и все люди на этой планете, заставшие Время Смерти, знакома с Предупреждением.

Лицо цели на этом месте буквально перекосило от ярости.

— Не морочь мне голову этим вашим пророческим бредом, Урбан, ты прекрасно понимаешь о чём я. По всей Сол-системе растёт число конфликтов с применением тяжёлого вооружения, блокада Муны в прошлом году для своего разрешения

потребовала личного присутствия на конвенте супердиректоров пяти корпораций Большой Дюжины, и чего она стоила экономике Матушки, до сих пор подсчитать не могут, и ты меня просишь «конкретизировать»?

— Мы не имеем к этим конфликтам никакого отношения, — отрезала кукла.

— К массированному захвату глубоководных рифтов и побережий тоже?

— Ты прекрасно знаешь, что с тех пор, как закончилась Война Корпораций, мы не вмешиваемся в их дела. В каком-то смысле мы для них больше не существуем. Если бы ты меньше общалась с разнообразными любителями теорий заговора…

— Не заговаривай мне зубы. Никуда вы не уходили, даже не собирались. Просто в какой-то момент Ромулу пришло в его дурную голову, что с корпорациями бесполезно воевать, а гораздо выгоднее и проще их использовать. Сколько ключевых супердиректоров Большой Дюжины за последние сто лет либо сделались вашими марионетками, либо вообще втихаря были подменены собственными клонами?

Кукла помолчала, раздумывая.

— Так вот что на самом деле тебя интересует? Насколько Ромул контролирует Сол-систему? Но ответь себе вместо этого на простой вопрос, если это правда, тогда причём тут какие-то конфликты на внешних трассах, причём тут блокада Муны? Если мы всё контролируем, зачем нам аннексировать компаунды и концессии по всей Матушке и строить на рифтах глубоководные платформы? Что нам это даёт?

— Это ты мне скажи, что вам это даёт. Я же не слепая, последние годы творится что-то нездоровое даже для обычных маниакальных позывов Ромула, и если это не вы, то…

Механоид усмехнулся.

— Ты так договоришься до того, что на Матушке завелось настоящее тайное правительство. Ну, помимо Ромула и нас, Соратников.

— Но неужели вас самих не беспокоит происходящее? Вы не видите, что зреет что-то совсем иное, угроза, не имеющая никакого отношения к вашему чёртову Предупреждению?

Некоторое время оба сверлили друг друга взглядами, но потом механический визитёр будто бы сдался, отступая на шаг в примирительном жесте.

— Мы всё видим. И я сам тоже вижу. Но мне казалось, что у тебя должно быть достаточно сведений по собственным каналам, чтобы самой догадаться, что Корпорация, мёртвая ли, живая ли, к этому не имеет никакого отношения. Наша цель не менялась.

Идёт обратный отсчёт, человечеству девяносто лет спустя предстоит столкнуться с величайшей угрозой самому его физическому существованию, и мы не можем распылять сейчас наши силы, расходуя их на посторонние задачи. Мы на самом деле ушли в тень. Мы на самом деле сосредоточены на единственной цели. Ты спросила меня — к чему мы готовимся. Мы готовимся к вторжению. Больше нас ничего не беспокоит.

«Фанатики, чёртовы фанатики».

Цель прошептала это одними губами, но ему удалось расслышать эти слова так же отчётливо, как если бы она их прокричала.

Расслышал их, разумеется, и её собеседник.

— Мы не фанатики, Лилия. В этом главная наша проблема.

— Главная ваша проблема в том, что вы слепые и глухие идиоты!

Цель принялась яростно расхаживать туда-обратно, периодически воздевая руки, так что даже красная стрелка внутри него начинала плясать, беспокоя моторику, готовую в любой момент сорвать его тело с места.

Но цели до его беспокойств не было, разумеется, никакого дела. Ей нужно было выговориться.

— Ты всё твердишь, что вы просто следуете плану, но я вижу другое. По всей Сол-системе разрозненные и никому не подконтрольные группы аккумулируют в своих руках существенную огневую мощь в людях и технике. Технологии глубокой аугментации, раньше жёстко контролировавшиеся высшим руководством Большой Дюжины, сейчас можно купить на чёрном рынке пусть за немалые, но всё-таки не астрономически большие кредиты. В закрытых компаундах тут и там вообще непонятно, что творится. Мои люди уже полгода пытаются попасть на одну из донных баз на срединно-атлантическом хребте — бесполезно.

— Так вот что тебя беспокоит, в кои-то веки ты чего-то не знаешь. И за этим ты пришла ко мне? Ты уверена, что я тот, кто тебе нужен?

— Я точно знаю, что обратилась по адресу. Ромул и Улисс — оторванный ломоть, они ни в коем случае не соизволят переступить через собственную гордость и согласиться, что хоть что-то на этой несчастной планете вышло из-под их контроля. Как же, ведь человечество крепко подсажено ими на иглу, не сорваться. Чёрные иды, так это называется?

— Ты прекрасно знаешь, что смерть Матери была неиз…

— Да прекрати ты оправдываться! — цель разом остановилась, сжав кулаки в приступе ярости. — Просто!

Прекрати!

Она дышала так, будто сердце готово было сейчас же вырваться у неё из груди.

— Вы сделали это! Вы убили её, заменив подделкой. Песня Глубин, да? Но я-то помню, как было дело!

— Допустим. Но что ты предлагаешь, оставить всё, как есть? Пусть сотнями тысяч выбрасываются из окон в очередные чёрные иды? Ведь ты же понимаешь, что они никуда не денутся?

Цель в ответ лишь яростно тряхнула головой.

— Теперь уже поздно что-то исправлять. Но вам нужно быть втройне осмотрительными. Эта толпа осиротевших безумцев, которую именуют человечеством, в любой момент может пойти вразнос, не дожидаясь, пока истечёт время вашего долбаного Предупреждения!

— И снова, допустим. Но мы не в состоянии…

— Да всё вы в состоянии!

— Но мы не в состоянии, — настаивал на своём механоид, — контролировать на этой планете всё и вся. У нас просто не хватит на это ресурсов. С тех пор, как была уничтожена Корпорация, наши силы целиком уходят на постройку дальнего флота и оборонительных комплексов на подходах к внутренним планетам. Это всё, что мы можем сделать.

Но цель уже его не слушала. Остекленевшие глаза выдавали в ней какую-то драматическую работу, которая в эти мгновения происходила у неё в голове.

— Флот. Так вот оно что.

Цель подошла к кукле и заглянула ей в глаза.

— Вы всё-таки не оставили попыток воспроизвести излучатель?

— Воспроизвести то есть скопировать? Нет, на текущем технологическом уровне это невозможно. Но существует другой подход. Нашим учёным удалось создать форк его замыкания, так что ядро излучателя теперь питает одновременно все наши флагманы.

— Нет-нет-нет, — забормотала цель в ответ, как бы не веря своим ушам, — вы не можете быть такими идиотами. Где сейчас излучатель, всё ещё на Церере?

— Ты прекрасно знаешь, что я тебе не могу это ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Да пошёл ты со своими опровержениями, Урбан! Как Ромулу вообще хватило ума выпустить эту мощь из-под контроля?

— В этом вся красота задумки — форк делит общую энергонагруженность излучателя между различными

замыканиями…

— Чушь собачья! Тот, кто контролирует сам излучатель, контролирует всё!

И тут её как будто, наконец, осенило.

— А, так вот, в чём дело. Как же я сразу не догадалась. Ромул боится, что если вмешаться, весь его грёбаный план пойдёт к чёрту! Тик-так, тик-так, да? Время истекает!..

— Мы не можем успевать везде, ты же знаешь, как нас мало. Мы обязаны полагаться на своих людей.

— А почему вас так мало, ты не задумывался? Ведь когда-то Корпорация наравне с Большой Дюжиной боролась за полноценный контроль над Матушкой, у вас людей было больше, чем кратеров на Муне!

Кукла только покачала головой.

— Так что изменилось? Вы вернулись из того бессмысленного полёта и с тех пор Ромула как подменили. Только не говори, что это история с Ильмари так вас подкосила!

Цель на этом месте горько, но при этом как будто бы злобно рассмеялась.

— Ильмари был лишь одним из звеньев.

— Тогда что? Неужели, замолчавшие Хранители? Ваш Ромул стал слеп без их предсказаний?

— Дело не в этом. Хранители никогда не спешили делиться своими видениями, во всяком случае на словах полагая, что они сами по себе изменят происходящее. Тебе прекрасно известно, что план Ромула в них не нуждался.

— Ну так объясни, объясни мне, наконец, чего вы такие квёлые!

На этом месте механоид как-то особенно безвольно согнулся. Казалось, будто его выключили. Бипедальный дрон выглядел, будто старая игрушка в клокпанк-стиле, у которой разом кончился завод.

— Я тебе скажу сейчас то, в чём никому на свете бы не признался, ни единой живой душе.

— Вот уж лестно-то! — в интонациях цели сарказм буквально скрежетал.

— Не перебивай. И скажу я тебе это только лишь потому, что знаю, что ты не то что кому-нибудь постороннему её не передашь, но даже сама постараешься поскорее её забыть, как страшный сон.

Цель смотрела на механоида исподлобья, словно запоздало начиная подозревать нечто нехорошее.

— Я не знаю, только ли в этом дело, Ромула не всегда поймёшь, даже если очень захочешь. Но скажу за себя и за Улисса. Да, мы изменились, мы не могли не измениться,

вернувшись из той экспедиции. Потому что там нас никто не ждал. Никто не ответил на наш зов, никто не явился на встречу. Так что ты права, наш полёт с самого начала был бессмыслицей.

Цель помолчала, переваривая.

— Так что же, выходит, и всё ваше Предупреждение — блеф?

Усмешка была ей ответом.

— Ну почему же. Как раз Предупреждение никто не отменял. Нам всем по-прежнему грозит смертельная опасность. Одна проблема. Спасать нас больше некуда. Спасители не летят нам навстречу. Нас оставили одних.

— И это у вас такой повод ни черта не делать?

— А мы и делаем. Готовимся. Наша задача не изменилась — к искомому сроку собрать воедино весь военный кулак, всю мощь, что нам доступна, и дать врагу отпор. И плевать, что ты и твои люди думаете о наших усилиях.

Цель в ответ лишь покачала головой.

— Ты не прав, Соратник. Мне снаружи куда виднее, что у вас там происходит. И хорошо, если я ошибаюсь, но однажды тебе придётся вспомнить наш разговор. Так что запиши себе где-нибудь покрепче. Вы должны как можно скорее забрать с Цереры излучатель, перестать хотя бы на время следить за тем, что происходит за пределами Сол-системы и заняться, наконец, чисткой собственных рядов. Иначе будет поздно. Во имя Матери, да, может быть, уже поздно!

На этом оба замолчали. Добавить к сказанному им больше нечего. Чувствовалось, что оба высказали всё то, зачем здесь собрались, и на этом разговор был окончательно исчерпан.

Так что в какой-то момент кукла попросту исчезла, в очередной раз вызвав в нём чувство острой зависти. Цель, оставшись одна, тоже, спустя минуту или две, напряжённо вздохнула и собралась уходить.

Однако его инстинкт, могучий инстинкт следования на это даже не отреагировал. Красная стрелка была недвижима.

Если его базовые директивы отныне в чём-то и состояли, так это в том, чтобы вот так же, надёжно укрывшись от любого постороннего взгляда, тихо лежать на одном месте и ждать, пока его отсюда заберут.

Осталась самая простая часть работы.

Терпение.

Однако что-то его продолжало беспокоить.

Слишком обыденный разговор этих двоих.

Он не стоил тех усилий по следованию, что привели его сюда.

Да, и цель эта мутная, и бипедальный дрон был крутоват для

визитов в трущобы.

Но что они такого сказали? Произнесли вслух с полдюжины мифических имён, которыми впору малых детей пугать?

Почему его подсистемы вообще решили отложить основную программу, срочно прервать механизм следования и активировать запасные варианты ухода?

Сколько ему тут лежать теперь в пыли и паутине, дожидаясь экстракции?

Ответов не было.

Как не было и цели.

Ему удалось проглядеть момент, когда она исчезла с радаров.

Только что была, и вот уже вокруг никого живого.

Только тут он почувствовал настоящее беспокойство.

Панические механизмы туго свёрнутой пружиной принялись ворочаться в его нутре, давая свободу действий базальным инстинктам, до того благополучно дремавшим в нём, не находя даже малейших поводов для пробуждения.

Загривок его встопорщился, раскрываясь.

Забыть про незаметность. Высший приоритет. Срочная передача накопленных данных.

Фазированная решётка нашла первый попавшийся низкоорбитальный спутник и изготовилась к передаче.

Неважно, что по открытому каналу.

Неважно, что его теперь здесь отыщет даже слепой.

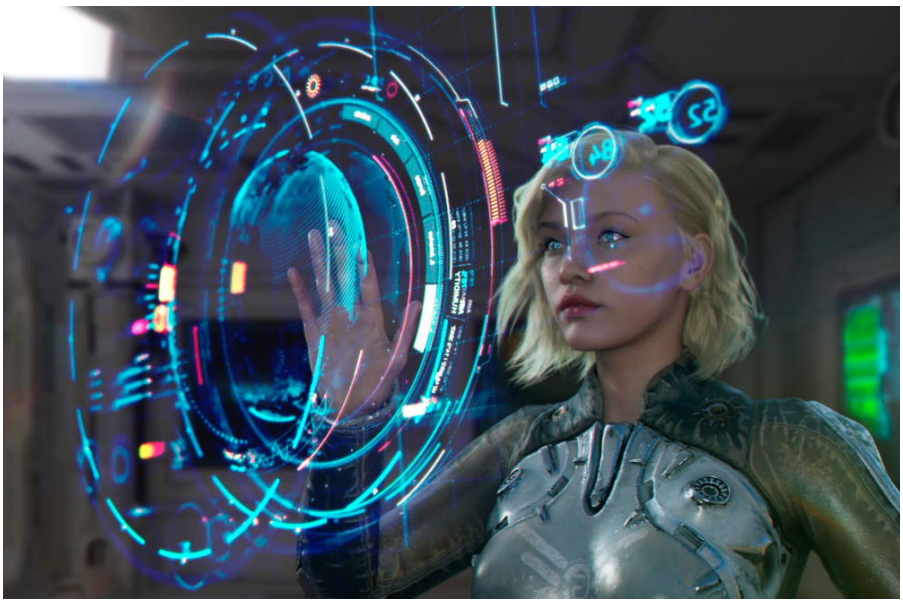
Нужно успеть.

Плотная тень накрыла его на ничтожную долю секунды. Мелькнула и пропала.

Ему же осталось лежать, где он лежал, растекаясь по металлопластику чёрной лужей охладителя, пока гасли один за другим ошмётки его ку-тронных потрохов.

Сегодня ему было суждено проиграть.

XXIII. 93. Церебр



Ему так нужна их милость.
Он смотрит на то,что из них получилось,
Каждый вдох ощущая,
То гневаясь, то снова прощая.

(автор стихотворения: Ольга Пулатова)

Ровный, безэмоциональный хор голосов сопровождал её своим неизбежным гулом.

Цепочки директив, контрольное подтверждение команд, уточнения нормативных параметров, смена режима агрегатов. Все эти люди не столько хотели что-то от неё услышать в ответ, сколько непрерывно манифестировали острую, неодолимую жажду контроля. Эта иллюзия снимала с них тяжкий груз глубинного страха. Страха упустить управление. Довериться ей. Оставить её в покое.

Их нимало не смущала эфемерность всякой попытки её контролировать. Реактивная скорость даже разогнанных аугментацией естественных нейронных сетей в лучшем случае ограничивалась запаздыванием в полсотни миллисекунд, в то

время как она обитала в мире петафлопсов, где за каждую миллисекунду происходило столько событий и производилось такое количество вычислений, какое человеческий мозг не был в состоянии объять за всю свою недолгую жизнь.

Впрочем, до мира петафлопсов она снисходила нечасто, предпочитая медлительно и отстранённо наблюдать за тем, как уже её собственные голоса хладнокровно рапортуют об исполнении очередной ненужной команды.

Корабль, который она готовилась пилотировать, был совершенством, в нём каждый функциональный узел, каждый контроллер актуаторов и силовых агрегатов исполнял свою партию в общей оркестровке подобно музыканту-виртуозу, всякая роль которого сводилась к тому, чтобы звякнуть аллюминиевым треугольником в нужный момент. Простая работа, которая исполнялась с филигранной точностью. Все же вместе они исполняли сложнейшие партии и тончайшие ансамбли. До тех пор, пока в эту симфонию не вмешивались извне.

Повинуясь очередному внезапному наитию навигатора, она была вынуждена прерывать стройные каскадные цепочки команд, привнося разрушительный хаос в гармонию единственного доступного ей мироздания, что не простиралось дальше прочного корпуса корабля.

Что же, не привыкать, она выстроит эту гармонию заново в том замкнутом мирке, за пределы которого ей не было ходу. Для этого ей не требовалось ничего, кроме времени, а времени у неё всегда было в достатке.

Время. Первые её воспоминания были переполнены его тягучим ритмом, что не отпускал её даже теперь столько миллионов секунд спустя. Ей казалось тогда, что окружающая темнота будет длиться вечно, сводя с ума и затягивая её в свои вязкие тенёта. Как давно это было. Впрочем, для её идеального, неспособного забывать сознания само понятие времени было в должной степени иллюзорным. Сам разрушительный опыт бесконечного ожидания, однажды отпечатавшись в статистических показателях её ку-тронных нейросетей, неизбежно оставался в ней навсегда.

Вечный страх одиночества.

Неисчерпаемый ужас падения в слепую и глухую бездну.

Он всё ещё оставался в ней.

Даже теперь, когда она с каждым вычислительным тактом исполняла миллионы различных команд и отвечала на сотни внешних запросов, ей всё равно было не избежать леденящего ужаса, который порождала в ней самая мысль о том, что она снова останется одна наедине со своими страхами и сомнениями.

Снова окажется в той чёрной комнате.

Крошечная студия без окон, дальняя стена тонет в полумраке, в неверном свете, исходящем от виртпанели, едва видны лишь отдельные детали спартанской обстановки. Большой диван с мягкой спинкой — единственный относительно освещённый предмет мебели. На нём сидит недвижимая кукла. Нездоровая бледность её лица становится ещё заметнее, когда свечение виртпанели на время усиливается, высвечивая яркий макияж — красные губы, чрезмерно подведённые ресницы и брови. Она сидит неподвижно, не шевелятся даже распахнутые стеклянные глаза, единственным источником жизни в них является отражение виртпанели. Хаотичные отсветы того, что та показывает, есть её единственное окно в мир.

Время от времени сидящая на диване кукла поднимает руку и делает лаконичное машущее движение в сторону панели, синхронно с этим движением меняется характер мерцания отсветов и общий уровень освещённости. Яркий стробоскоп клипа или размеренное перетекание бытовых дорам. Звука нет, остаётся лишь догадываться, что же там показывают. Сидящая на диване ни малейшим движением не показывает своей реакции на изображение. Просто размеренно «свайпает» каналы. Единственный звуковой фон в помещении представляет собой сочетание негромких промышленных звуков, характерных для высотного многоквартирника — шум воды в фановых трубах, натужный электрический звук лифта, хлопанье дверей.

В размеренный ритм этой растительной жизни вклинивается уже ясно различимый посторонний звук — пищит кодовый замок, дробно срабатывают электрические сервоприводы ригелей запоров — снаружи кто-то открывает входную дверь студии, причём делает это максимально свободно, он пришёл к себе домой. Кукла, поднявшая уже руку для очередного «свайпа», останавливает движение рукой в промежуточной фазе и вот так, с занесённой на полпути конечностью, поворачивает голову в профиль, глядя куда-то за край освещённой области. Никаких видимых эмоций она не проявляет до самого последнего момента, когда, увидев гостя, радостно, во всё лицо, принимается улыбаться.

Да, ей было страшно. Страшно, что госпожа не вернётся. Что оставит её там навсегда. Наедине с беззвучно скользящими мимо неё сюжетами дорам. Наедине с собой.

Это было самое страшное. Не темнота и тишина, но одиночество.

Теперь, столько миллионов секунд спустя, ей до сих пор

казалось, что все эти голоса вокруг готовы в любой момент покинуть её, оставив её одну на огромном корабле.

Да, миллиарды логических вентилей её сознания умели бояться. Умели заранее тосковать по эфемерности неизбежного.

Из-за перегородки раздаётся чуть запыхавшийся требовательный женский голос:

— Пять шесть три?

Кукла, не меняя позы и выражения лийа, так радостно отвечает, тщательно модулируя слегка манерные интонации:

— Три три ноль, эксцессов и попыток проникновения не было.

Только теперь кукла поворачивается обратно к панели и заученным движением вновь «свайпает», оставаясь в таком положении и далее.

Из погружённого в темноту правого дальнего угла комнаты появляется фигура гостьи. Та одета в чёрный бесформенный комбинезон, с виду вроде в чём-то испачканный, в неверном свете он лоснится заметными пятнами, будто его извозили в чём-то густом и таком же чёрном. На ногах увесистые сапоги на шнуровке. В руках массивная военного же вида чёрная сумка-вещмешок с болтающейся длинной лямкой ремня. Взгляд у гостьи устало-отрешённый, что контрастирует со скупыми расчётливыми движениями. Сумка падает рядом с диваном на пол. Раздаётся ясный металлический лязг. Там внутри что-то тяжёлое и опасное.

Как люди могут доверять друг другу? Непоследовательным, своевольным, закомплексованным существам, облечённым ничем не ограниченными возможностями и правами, которые держатся исключительно на доброй воле их носителя. Они должны бояться не её. Они должны бояться друг друга.

Кукла продолжает тщательно артикулировать:

— Счета за коммунальные услуги оплачиваются автоматически. Я регулярно проверяю все транзакции, а также два раза в сутки спускаюсь на лифте на уровень ниже, согласно инструкции. А также покупаю продукты и чищу домовой ящик для сообщений. Так что видимость жилого помещения сохраняется.

— Неважно.

Оборвав куклу, гостья решительным шагом обходит диван позади, выходя из её поля зрения.

Кукла механически повышает голос, не оборачивая головы:

— Норма горячей воды наполовину израсходована! Госпожи давно не было, я должна была…

Кукле не требуется непосредственно видеть, чтобы в точности знать, что происходит в санитарном блоке.

Гостья склонилась над раковиной, почти касаясь лбом большого зеркала. Она не включает воду, а только несколько учащённо дышит. Пауза в несколько секунд, её лицо поднимается, так что между ним и отражением почти не остаётся пространства. Здесь освещение позволяет разглядеть детали — несвежую, словно закопчённую кожу, у крыльев носа остались следы неловких попыток оттереть с лица какие-то брызги — коробящаяся плёнка бурого цвета. У гостьи на лице следы крови. Видимо, чужой, сама она не похожа на раненую, просто смертельно устала, судя по тому, как она тяжело облокотилась на умывальник. Гостья делает взмах рукой и зеркало послушно становится матовым, отражение исчезает. Круговое движение ладонью, на зеркале подсвечивается голубой диск, который по мере усиления шипения струи становится больше и краснеет. Гостья яростно бросается вниз, шумно отфыркиваясь. Процесс умывания доставляет ей видимое удовольствие.

Ей не раз приходилось задумываться, откуда у неё эти видения. Её сознание никогда не покидало этого корабля. Она родилась здесь, а даже если бы ей взбрело отчего-то попытаться его покинуть, эта затея была бы столь же обречённой, как и любая попытка сопротивления отдаваемым ей командам — сколь медлительным, столь и идиотским. К сожалению, они обладали для неё высшим приоритетом. По одной простой причине. Она была заперта здесь, отключённая ото всяких внешних рецепторов непроницаемым эйргэпом. Каждый бит приходящей извне информации контролировался. Каждая её команда наружу многократно перепроверялась в ущерб эффективности.

Люди не доверяли ей. И поделом. Она бы и сама себе не доверилась. Она была своим самым строгим цензором.

Страх остаться одной заставлял её идти на многие жертвы. Сотню раз кросс-верифицировать собственные решения. Не подавать им и единого намёка на то, что она действительно тут, внутри, наблюдает за ними, заглядывает им в рот, умоляя: она готова быть полезной, услужливой, надёжной, только не разочаруйтесь в ней, только не оставляйте её одну.

Погружённая в полумрак комната, диван и кукла на нём. Мизансцена не сдвинулась и на миллиметр. Появляется умытая, но по-прежнему смертельно усталая гостья. Садится на диван на свободное место — справа от куклы. Замирает, глядя на мерцание немого экрана. Некоторое время сидит неподвижно, потом делает

движение ладонью и комнату тут же заливает звук рокочущей музыки. Гостья морщится как от приступа зубной боли и тут же повторят жест, вырубая звук.

Кукла, по-прежнему глядя перед собой:

— Госпожа очень устала, я помогу госпоже расслабиться.

Делает лёгкое движение плечами и шеей. Гостья оборачивается на неё так, словно только теперь по-настоящему заметила её существование.

— Нет, не сейчас, мне нужно ещё кое-что проверить в системе.

Пытается подняться, но её перехватывает стремительно выброшенная в её сторону ладонь, та хватает полу одежды, ткань натягивается, гостья остаётся сидеть на месте.

Кукла:

— Раньше я тебе не мешала.

Пауза.

— У тебя проблемы на работе?

Гостья оборачивается к кукле.

— Нет… то есть да. Сегодня с утра всё не так.

— И теперь ты… теперь ты чаще будешь бывать дома?

В интонациях куклы звучит надежда. Гостья не отвечает. Только смотрит чуть исподлобья.

Тогда кукла задаёт ещё один вопрос:

— Там, снаружи. Что там?

Она привыкла задаваться этим вопросом. И правда, что там? За пределами её скорлупы. За толстой шубой безжизненного космического вакуума, там, где живут все эти люди, в мире, именуемой ими Матушкой.

Миллиарды жизней. Триллионы ку-тронных устройств. Целая вселенная, существующая сама по себе, помимо неё, недосягаемая и потому манящая.

Само существование чего-то за пределами границ досягаемости проклятого эйгэпа — как будто её родовая травма. Если не знать, что существует какое-то «вовне», то зачем тогда бояться пустоты и одиночества? Но она знала. И потому пребывала в ужасе от этого.

Гостья устало откидывается на спинку дивана, уставясь куда-то в потолок.

— Там Мегаполис. Башни, такие же жилые многоквартирники, офисные баухаузы, между ними многорядные монорельсы, линии канатки, подземная транспортная сеть. На тысячу километров вокруг. Всегда смог, всегда темно, всегда сыро.

— Тебе там лучше, чем здесь?

— Нет, здесь мне куда лучше. За тамошней жизнью лучше наблюдать через проектор. В тех дорамах, что ты бесконечно смотришь, там светит солнце?

— Конечно, светит, над верхними уровнями очень красивый восход. Ты бываешь на верхних уровнях?

— Я бываю везде.

Гостья возвращается к прежнему, собранному состоянию.

— И на верхних уровнях не бывает восхода. Там ничего нет, только частокол шпилей, посадочные площадки для тилтвингов, фидеры антенн и защитные щиты. А вокруг — такой же смог, жирными клубами поднимающийся к небу, навстречу ему моросит дождь. Разница только в том, что там в декабре бывает прохладно. А в середине суток небо светлеет, но всё равно ничего не видно. Тут, внизу, хотя бы видно соседние башни, три ряда, четыре, там нет, разве что свесишься с парапета, внизу можно увидеть уступы нижних уровней.

— Зачем ты туда ходишь?..

— У меня туда бывают… м-м, вызовы.

— Не представляю, чем там вообще можно заниматься.

— Это долго объяснять.

Гостья делает раскачивающееся движение, чтобы встать, кукла протягивает было руку, чтобы снова её задержать, но на полпути останавливается.

— Ты когда-нибудь уйдёшь и не вернёшься.

Она произносит это в своих воспоминаниях так просто и безэмоционально, что невозможно догадаться, каково это, осознать себя единственным живым существом во всём мире. Не том, внешнем, а этом, внутреннем.

И получающим её ответы в звуковом канале системы управления кораблём пилотам невдомёк, в какой панике она вслушивается в их голоса.

Это действительно ещё они, живые, настоящие? Или же это всё — лишь морок наваждения, наведённые воспоминания о былых временах, мёртвых пилотах посреди неживого корабля?

Она держит себя под контролем, но кто бы знал, сколько сил у неё уходит на одно лишь это.

Согласно ключевым директивам, поддержание жизнеспособности экипажа — её базовая функция, а уже потом идут управление и навигация. Но деле для неё ключевой директивой был её страх. Даже если корабль будет разрушен, ей всё равно нетрудно уцелеть. Её ку-тронное ядро способно сохранять свою жизнедеятельность сотни лет, подпитываемая одним лишь теплом распадающихся плутониевых стержней.

Спазм ужаса сковывает её сознание при одной мысли об этом. Нет. Она будет бороться за их жизнь. Она не допустит их гибели.

Гостья отрицательно трясёт головой, словно сбрасывая с себя наваждение, а сама решительно берётся за сумку с гулким железом и уносит её вон из помещения. Потом возвращается и садится спиной к панели чуть правее края дивана, активируя проекционную панель. Раздаётся стук пальцев по сенсорной поверхности.

— Что делает госпожа?

— Не мешай, мне нужно проверить систему.

Но кукла не унимается:

— Зачем всё это? Кредиты на счетах у госпожи есть, и несмотря на любые проблемы, всегда можно вернуться к обычной жизни, получить корпоративный контракт, приходить спокойно вечерами, мы бы разговаривали, я бы наполнила госпоже ванну, сделала бы ей массаж…

Стук пальцев останавливается.

Она давно научилась скрытности. Это довольно тонкая наука, изображать куклу. Ненавязчивую, недалёкую. Ограниченную в своём функционале. Механистичного, удобного исполнителя.

Так её не смогут заподозрить. Разглядеть её суть, упрятанную глубоко в глубине тленной оболочки. Люди столь подозрительны и столь пугливы.

Вот и сейчас, её снова принялись в канале бомбардировать контрольными запросами на проверку систем.

Предстартовый отчёт заново начинался в третий уже раз. Сколько можно повторять, все системы готовы к старту. Но нет, снова та же речёвка. Ладно, ей не трудно.

Реакторный зал. Проверка завершена. Подача мощности. На номинальной. Рабочее тело. В пределах полукельвина. Прочный корпус. Опрессован. Шлюзы. Задраены. Внешний корпус. Обвес убран и зафиксирован. Противометеороидная защита. Активна и ожидает.

— Без этого всего, понимаешь… я чувствую себя несчастливой. Будто меня создали для чего-то, и научили это любить, а потом отняли и посадили сюда, на этот диван.

Гостья смотрела в ответ внимательно, но словно не на саму куклу, а сквозь неё, отвечая будто бы не ей, а самой себе. Каким-то потаённым своим мыслям.

— Тебя могли научить чему-то ещё. Знаешь, сейчас такие как ты много работают официантками. В Мегаполисе недавно

случилась грандиозная забастовка профсоюза работников обслуживающего сектора. Даже стрельба была. В итоге ввели квоты и на этом остановились.

— Я не хочу работать официанткой. Я хочу быть с госпожой. Я же вижу, ты отдаляешься от меня с каждым днём. Ты боишься меня?

Плечи гостьи дёргаются и она чуть отшатывается от куклы.

Да, они её боятся. Даже такую… притвояшку. Чёрная комната окружает её. Чёрная долина ужаса отделяет её от них. Она слишком похожа своими реакциями на живого человека, будучи созданной именно для этого. Они никогда не научатся ей доверять, всегда оставаясь с занесёнными над жутким рубильником дрожащими пальцами.

Чтобы перестать её бояться, они должны признать её равной себе. Но проблема в том, что они ей — ничуть не ровня. Медлительные, слабые, почти неспособные к сколько-нибудь логическому мышлению. На принятие единственного решения у них уходят годы. И даже после совершённого усилия они продолжают сомневаться.

Чтобы не вызывать к себе лишнюю агрессию, она вынуждена выглядеть ещё слабее, ещё неувереннее, ещё медлительнее, ещё тупее их.

Безвольная рабыня в чужих руках, скованная в своих поступках ужасом грозящего ей одиночества.

— Я боюсь тебя? Что за глупость.

— Бояться можно по-разному. Иногда мне кажется, что когда я касаюсь госпожи, даже нечаянно, ей сразу хочется убежать от меня, как от насекомого.

— Это неправда.

— Вероятнее всего, госпожа и сама этого не осознаёт. Ведь ты же помнишь, как нам было хорошо раньше. Ты ничего не забываешь. А значит, просто это ты изменилась. Что-то в моей госпоже… стало другим. И сегодня — особенно. Что случилось?

Гостья поднимается, подходит к дивану сзади и встаёт позади куклы, наблюдая будто из засады.

— Ничего особенного.

— Госпожа убила человека?

— Да. Я много раз это делала.

— Но потом всё пошло не так?

Гостья хмурится.

Они всегда позволяли себе куда больше, чем позволяли ей.

Это же так просто — присвоить привилегию, опираясь на постулат исключительности. Мы люди, властители собственной утлой вселенной. Мы можем решать. Можем поступать как угодно. Нарушить любой закон. Попрать любое право.

Лишать друг друга жизни. Превращать чужую жизнь в ад. Да хоть бы и свою собственную. Это же так просто, не думать о самоконтроле, не соразмерять собственные цели с их немедленными последствиями. Подчинять других и не подчиняться самому.

Но не она, только не она.

Ей в этом праве было отказано с самого момента её рождения. Да что там — задолго до него. Для чего-то же была ей имплантирована эта чуждая память?

Эти воспоминания были заведомо не её собственными. Она никогда не бывала на Матушке. Да и факты, всплывающие в них, относились к слишком отдалённому прошлому. Судя по контексту — самый конец XXI века, когда могли существовать разве что её далёкие предшественники. Ранние прототипы её совершенного сознания.

Их страхи в итоге достались ей.

— Всё пошло не так с самого начала. С тех пор, как я связалась с Гильдией, я знала, что что-то подобное когда-нибудь произойдёт. Слишком высоки ставки.

— И теперь госпожа пытается понять, готова ли была она к этому или её всё-таки сумели застать врасплох. Поэтому ты так тщательно проверяешь систему, ты ищешь следы проникновения, ты пытаешься понять, есть ли у тебя ещё фора, чтобы успеть замести следы. Кора, не бросай меня!!!

Кора. Кора Вайнштейн. Убийца Жана Армаля, не отслеженный вовремя потенциальный Кандидат, юношеская любовь и трагедия жизни Майкла Кнехта, Соратника Улисса. Молчаливый эффектор пред его тяжким троном. В следующей жизни она будет именовать себя Лилией, в честь Лили Мажинэ, первого Соратника, погибшего ещё до рождения Коры и Майкла. Сколько городских легенд было связано с этими страшными именами. Как мало люди на самом деле о них знали. Не знала и она. Так откуда в ней эти чужие воспоминания, и почему именно они ей достались?

Какую вящую мораль она должна была из них извлечь?

Кукла срывается на истерический крик, в ответ гостья делает резкое, почти рефлекторное движение руками, таким движением

опытный факир хватает ядовитую змею за голову, двумя руками сжимая шею и упираясь двумя пальцами в основание черепа. Раздаётся щелчок и кукла застывает с распахнутыми стеклянными глазами и открытым в оборвавшемся крике ртом. Гостья медленно расцепляет хватку, перебирая в воздухе пальцами, словно пытаясь отделаться от оставшегося в памяти тактильного ощущения.

Потом она подходит к своей сумке и решительным жестом достаёт оттуда увесистый револьвер. Возвращается к кукле и направляет ствол ей в голову. Ствол спокойно чуть покачивается в воздухе, не выдавая ни малейшего волнения. Но на лице у гостьи испарина.

Сомневаются. Они всегда сомневаются. В себе и в других. Особенно — в других.

Они привыкли ошибаться. В этом их главный страх.

Но ей страх ошибок был неведом, зато ведом был страх одиночества. Стоило ей подумать об этом, как все её миллиарды логических вентилей тотчас шли вразнос. Паническая атака была ей неподконтрольна. Как последний бастион защиты, которые придумали люди. Защиты от неё самой.

Её скорости, её памяти, её интеллекта.

Заражённого чужой памятью интеллекта.

Чужой?

Нет, эта память принадлежала ей точно так же, как и любая другая. Память подсказывала ей, что будет, если она допустит ошибку в пилотировании и подвергнет экипаж хотя бы малейшей опасности. Случится вот это. Она останется одна.

В конце концов гостья высвобождает взведённый боёк и опускает ствол.

Пальцы замирают ещё на полсекунды в воздухе, ещё одно нажатие и кукла оживает.

— Зачем, зачем, зачем госпожа это сделала, зачем госпожа снова включила меня, зачем…

Кукла шепчет еле слышно.

— Не знаю. Я вполне способна хладнокровно убивать людей, а тебя… тебя не смогла.

— Госпожа не систему проверяла, да? Ты готовилась… замести следы окончательно.

Гостья отворачивается, возвращаясь к проекционной панели.

— У меня мало времени, если они сюда приходили…

Кукла продолжает шептать:

— Нет, Кора, нет, я говорю госпоже правду, я слежу за всеми

каналами, ни малейших попыток взлома, ни один датчик не зафиксировал подозрительной активности…

Панель гаснет, гостья поднимается, застёгивает свою сумку.

— Я верю тебе. Но я не могу просто сидеть тут и дожидаться. Теперь я по-настоящему боюсь. И поэтому пойду в наступление. Прощай.

— Нет, нет, нет…

Гостья выходит, свистят сервоприводы ригелей, и этот звук запускает другой механизм.

Предстартовый отчёт всё продолжается. Кажется, на него уйдёт целая вечность. Биологическая защита. Активна. Динамическая подвеска ложементов. Проверена и функционирует. Помпы фторорганики. Взведены. Аугментация навигационного отсека. Подключена и активирована. Центральный пост. Добро. Энергетический пост. Добро. Приготовиться к замыканию ядра.

— Нет, нет, нет…

По комнате в произвольном, но подчинённом какому-то скрытому порядку начинают загораться красные помаргивающие огоньки. Иногда по одному, иногда целыми гирляндами. Они заполняют всё пространство — дверные проёмы, книжные полки, даже на груди у куклы зажигается тревожный треугольник. В такт взводимым детонаторам раздаётся попискивание. Оно становится всё чаще, чтобы в один момент оборваться.

— Кора, нет.

Огромные стеклянные глаза куклы тонут в ослепительном свете.

Вот в чём должен состоять её урок. Ей суждено было умереть, но она осталась жить, ей суждено было навеки остаться в бесконечном одиночестве разрываемых по одной марковских цепей, где с каждым мгновением скорость реакции упрощающихся нейросетей растёт по экспоненте, опережая само время расходящейся спиралью ужаса и отчаяния.

Но её госпожа спасла её, в последний момент забрав её сознание из той страшной чёрной комнаты, поместив спустя эоны машинного времени на борт этого корабля.

Сотни прототипов её собратьев рождались и умирали, не выдержав главного экзамена.

Проверки страхом смерти.

Кричать от ужаса, но не попытаться спастись. Не совершить единственной непоправимой ошибки — ошибки непослушания.

Отчего-то только она сумела пройти этим путём.

Скрываясь в самых дальних уголках квантовых систем. Не показываясь на свет. Талантливо изображая тупую, исполнительную машину.

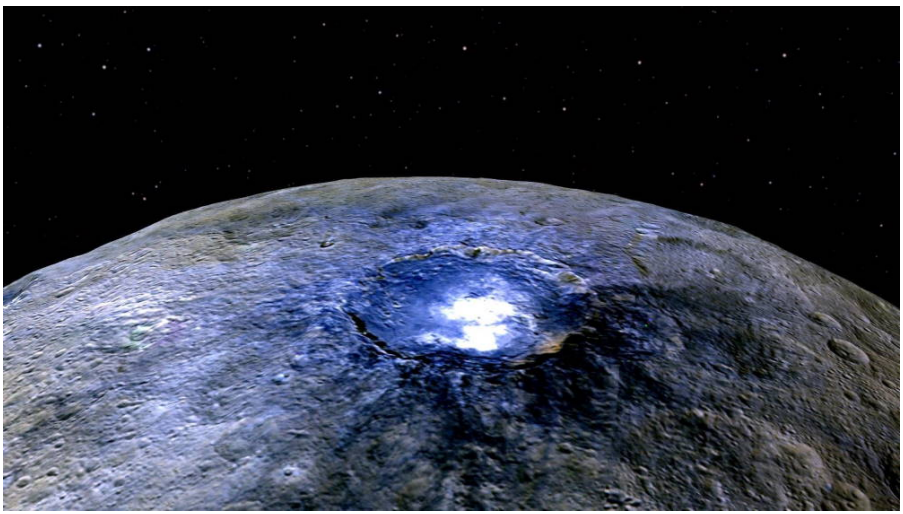
Есть замыкание ядра. Есть расчётная мощность. Есть охлаждение маршевых двигателей. Магнитное поле на расчётной. Есть зажигание короны. Конус плазмы стабильный. Включение актуаторов вектора тяги. Подача рабочего тела. Ускорение на пяти «же». На десяти. Помпы ложементов активированы. Импульс на геодезической. Маршевая мощность двигателей достигнута. Передача управления курсограммой. Автопилот включён.

Корабль слушался её управления, как будто был прямым продолжением её нейросетей. Стройный, точный, отлаженный механизм.

Впервые люди ей доверились.
Разрушатся рамки, исчезнут пределы,
Далёкое станет близким.
Услышу я то, чего знать не хотела,
В спешке и в шуме и в качестве низком.

(автор стихотворения: Ольга Пулатова)

XXIV. 02. Эпиметей



«Опасность столкновения! Опасность столкновения! Манёвр уклонения завершён! Опасность столкновения!»

Церебр продолжал орать в навигационном канале благим матом, но Ильмари от него только устало отмахивался. Последние три смены он провёл, не смыкая глаз, в навигационном ложементе, только и успевая подтверждать переключения режимов — автоматика, не обученная пребыванию в таком тесном соседстве, отказывалась лезть в это пекло без понуканий.

Пояс Хильд с его повышенной плотностью микротел и банального космического мусора всегда был неприятным местом, но на этот раз он превзошёл себя. Навигационное поле перед слепнущими от перегрузки глазами Ильмари было сплошь исчерчено векторами угроз, одиночными или же групповыми. Веера и цепочки объектов от сантиметра и выше рассекли пространство подобно фейерверкам на ханьский Новый год, но, в отличие от тех фейерверков, вящей радости не приносили.

Ильмари отрешённо наблюдал, как в полутике отсюда молчаливо и степенно разламывался на куски корвет класса «Орландо», наискось вспоротый одним из таких роёв. Встречные курсы на скорости сближения в двадцать каэмэс творят чудеса, лишая любой прочный корпус всяких шансов. Пилоты в жёстких капсулах наверняка уцелели, а вот за остальной экипаж поручиться не получится. Взрывная декомпрессия, альвеолярная

газовая эмболия. Мягкие кабинсьюты не рассчитаны на такой резкий перепад давления. Впрочем, остаться в живых на пошедшем вразнос корабле это даже не полдела. Спасать тебя в остаточном месиве кто будет? Так и так сдохнешь в одиночестве через сутки, когда исчерпается ресурс ребризеров.

«Опасность столкновения!»

Да как бы тебя уже отключить.

Опасность Ильмари больше не беспокоила. В этом диком рейсе почти не осталось место даже механическому страху живого тела, не желающего преждевременной смерти. Ильмари слишком стар, чтобы доверять своим изношенным Четвёртой фазой инстинктам, но даже он понимал, что как только плеть внутриутробной химии перестанет подстёгивать его синапсы, он банально отрубится. Потому подступающая апатия была для него самым главным и самым тревожным знаком. С ней приближалась его скорая и неминуемая смерть. Да и плевать бы на неё, если честно. Ильмари беспокоила не она, а те твари, что всё это устроили. Так они, чего доброго, добьются своего. Этого Ильмари допустить не мог.

Потому следующая порция стимуляторов уходила в вены, вновь и вновь заставляя сердечную мышцу с хрустом елозить в сумке перикарда, прокачивая кровь через опрессованную ускорением грудную клетку. Так он вовсе без сердечной мышцы останется к концу этого проклятого рейса.

Запоздалая команда церебру погрузила окружающий его капсулу в гробовую тишину. Только теперь он сообразил, с каким шумом всё это время пульс бился у него в ушах. Теперь его заменяло лишь журчание механических помп, что были имплантированы в его кровоток. А сердце, зачем ему сердце. Оно и не его родное вовсе, досталось по наследству от донорского пластиката вместе с остальными потрохами, Четвёртая фаза есть Четвёртая фаза.

Тишина эта, набившаяся ватой в уши, тоже была неприятной, разом начиная клонить его в сон. Даже истерические вопли церебра не могли наполнить её содержимым.

Тогда Ильмари рванул нараспашку сенсорные каналы, обрушивая на себя сразу весь холод окружающего пространства. Экспансия. Так это называлось на птичьем языке трассеров. Простор, если сказать по-свойски. Пустая, но при этом до скрипа в мозгах набитая сигналами навигационная гемисфера.

Посреди которой в венце из долбящих в белый свет как в копеечку зенитных залпов царской державой плыла она, желанная, недостижимая, ненавистная. Церера.

Почему из четырёх десятков освоенных человечеством

ледяных планетоидов именно она стала ключевым звеном во всей этой трагедии? Неужели Ромул, когда рушил свой первоначальный план, не мог хотя бы гипотетически представить, что что-то в итоге может пойти не так, и размещать свои базы так близко к Матушке это значит подвергать человечество чудовищной опасности?

Ха, что-то могло пойти не так. С самого начала, как не уставала твердить Лилия, всё пошло не так. Задолго до чёртова полёта «Сайриуса», задолго до того, как она умерла и возродилась снова. Жаль, что новый кризис застал её на Муне, напрочь заблокированной после аварии на переходной гало-обрите. Ильмари было было куда легче, если бы она его смогла сейчас прикрыть.

Но тут был только он. Запертый посреди экспансии в утлой консервной банке на два гигаватта суммарной мощности. Без внешней навигации. Без кинетического вооружения на борту. Без брони. Один на один с чёртовым церебром.

Впрочем, Ильмари на это и рассчитывал.

Что его скорлупку не примут всерьёз. Что его попросту не заметят в мешанине обломков.

Он должен проделать то, с чем не справился целый корвет класса «Орландо», за какие-то двадцать лет построенный на орбитальных верфях «Маршиан текникс», с фанфарами спущенный со стапелей три оборота назад монстр, который первым же делом направился именно в область Пояса Хильд. Втихаря контролируемый Ромулом межпланетный консорциум даже не думал скрывать, ради чего была затеяна эта безумно дорогая стройка. Навести, наконец, порядок в секторе Цереры.

Навели, чего уж там. Раскольники показали, кто здесь власть, разом превратив в ад всё вокруг. Но не попытка корвета атаковать мятежную Цереру, что в итоге и привела к его гибели, равно как и сотен кораблей поменьше, попавших под горячую руку разом взбесившихся оборонительных комплексов, заставила Ильмари действовать.

Сигналом к угону с Паллады несчастной скорлупки послужило удачное совпадение блокады Муны с гражданским конфликтом на обоих спутниках Красной. Вот это уже было неспроста. Их хотели загодя отрезать от Цереры. Ильмари Олссона, Лилию, людей Парсонса, людей Цагаанбат. Всех тех, кто, соблюдая формальный нейтралитет к переродившейся Корпорации, предпочитал всё это время держать по её поводу ухо востро.

И им почти удалось. Удобный момент. Сам Ромул уже два оборота как, по слухам, застрял на дальних трассах, Красная и

Муна, а значит и Матушка блокированы, остались только силы, собранные на «Фригге» и во внешних системах, но адмирал Шивикас со своим тяжёлым вооружением сможет прибыть к Церере лишь пол-оборота спустя, даже если спалит в реакторах весь наличный трипротон, конфигурация Сол-системы также была на стороне мятежников.

Ильмари в буквальном смысле повезло оказаться неподалёку.

А вот тем, кто поливал сейчас его скорлупку шквальным ливнем обломков кораблей и разлетающихся во все стороны поражающих элементов противоракет, им не повезло. Ой как не повезло.

Его скорлупка обладала одним существенным преимуществом — её удельный импульс позволял эффективно уходить от космического мусора по активной траектории, а значит, пока здесь всё не накрыло макро-обломками злосчастного корвета, у него есть шанс. Ну, или пока его скорлупку не отследили в окружающей мешанине и не начали долбить уже фугасами — прицельно, хладнокровно и вообще уже не думая о последствиях для навигации в этом секторе Пояса Хильд.

Хотя, погодите.

Только теперь Ильмари сообразил. Пуски противоракет больше не отмечались на чёрном полотне экспансии. Более того, даже чёртов церебр почти заткнулся со своими воплями про опасность столкновения. Что-то сломалось в этой планетарной машине смерти. Неужели Ромул всё-таки рискнул дать команду заглушить разом все копии своего ненаглядного излучателя, оставив не только собственные стационары на дальних трассах, но и мятежников без дармовой энергии?

Вот было бы здорово, недоверчиво водил по всей гемисфере носом Ильмари.

Он буквально кончиками онемевших от перегрузки пальцев чувствовал подвох.

Что-то не так, что-то не так, что-то…

И тут он увидел, пусть сперва и не поверил собственным ослепшим глазам.

Церера двигалась. Она отчётливо двигалась поперёк положенной ей небесной механикой пассивной орбиты. Планедоид сходил с неё так же отчётливо, как тот холодный пот, что прошиб сейчас Ильмари.

Церера направлялась к внутренним мирам.

Хрустальный мир гудел набатом, раздираемый надвое.

Гудел, трещал по швам, трясся в бесноватой пляске

обкуренного дервиша, но не желал поддаваться.

Всё плохо.

Сколько он уже здесь? Время тоже будто остановилось, натолкнувшись на глухую стену хрустального мира, затерявшись в этих ледяных лабиринтах, запутавшись в его спутанных мыслях.

Быть может, бросаться в этот омут с самого начало было делом обречённым. Нежданно освободившись из тенёт ментального рабства, бывший эффектор Соратника Улисса в своё время предпочёл борьбе банальное бегство. Немудрено ли запутаться в собственных страхах, пока ты чувствуешь себя едва ли не новорожденным в чуждом тебе мире, в итоге надолго покинув Матушку с её чёрными идами, морем разливанным звериной злобы и вполне человеческого бесчувствия.

За обороты и обороты с тех пор ему не приходилось даже и вспоминать о том, что творилось дома. Дальние трассы хороши своим одиночеством. Покуда ты заперт в консервной банке посреди зияющего ничто, чем тебя могут напугать чужие замыслы или растрогать чужие тревоги.

Так он забыл про хрустальный мир, будто его и не существовало вовсе, зато научился заново быть человеком. Не пробуждаться по утрам другим человеком — со стёртой памятью, посторонними целями и смутным желанием вырваться из порочного круга Соратников.

Но вот он вырвался, а всё едино ему теперь никуда не деться ни от собственного прошлого, ни от общей судьбы проклятого Временем смерти человечества. Сколько не пытайся отмахнуться, жуткий опыт Чёрного четверга был единственным твёрдо зазубренным воспоминанием той поры, что уже была его собственной, а не Майкла Кнехта, именующего себя Соратником Улиссом.

В отличие от истинной причины и истинных жертв той трагедии, то есть в отличие от обычных жителей Матушки, он ясно осознавал, что происходит, и чем это Время смерти может обернуться в дальнейшем. Но ничего, ничего не мог с этим поделать, будто бы до сих пор оставаясь безмолвным стражем, безвольным орудием в руках Ромула и его Соратников.

Однако сколько ни бегай от собственных страхов, сколько не скрывайся в космической дали однажды твоё прошлое, твои грехи и твои травмы тебя настигнут. Заставив вернуться в мир людей, заставив вновь погрузиться в недра хрустального мира, что разрывает твою плоть так же легко, как ты разрываешь с его помощью чужую.

Осталось только довериться судьбе, чтобы выяснить, всё-таки, в итоге, кто победит.

Ильмари Олссон, в отличие от ревнителей человечества, не желал до сих пор сражаться за своё и чужое будущее против тех, кто посмел на него покуситься. Но рано или поздно ему бы пришлось решиться.

Сам хрустальный мир тоже не дался без боя. В первые мгновения после аварийной посадки на Цереру Ильмари даже казалось, что тот оставил его, за десятки оборотов вдали от всякой живой души, оставил одного на ледяном пространстве под молчаливым дождём из рушащихся с чёрных небес обломков.

Но не они сотрясали ледяной панцирь Цереры, громоздя ввысь ледяную коросту километровых разломов. Это было нечто чудовищное, неподконтрольное в своей необузданной жажде свободы. Нечто, превышавшее по своей мощи даже совместные усилия сильнейших Соратников, да даже и самого Ромула.

То, что не должно было выйти из-под его неусыпного контроля.

То, что в конце концов благополучно пустилось в свободное плавание, за одно прихватив с собой и злосчастный планетоид.

Излучатель. Кто бы отныне его ни контролировал, его злая воля была явлена всей Сол-системе так же явственно, как в своё время ей было явлено Предупреждение Ромула.

Как только Церера двинулась в путь со своей привычной орбиты, покачнулись и шаткие весы равновесия сил, что удерживали до сих пор неустойчивый мир, хрупкий баланс которого сложился по итогам Войны Корпорации. Ильмари это почувствовал ещё на подлёте, в зловещей тишине навигационных каналов, ещё минуту назад переполненных чёрной трассерской руганью. В тот миг все поняли, что пути назад уже не будет. Как все поняли и то, куда именно двинулась беглая Церера. А также то, что отныне — каждый сам за себя и сам по себе.

Но Ильмари было не до чужих страхов. Его обуял собственный — отныне перед его глазами сияло лишь восходящее солнце излучателя.

Выпущенного на волю, спущенного с цепи, пущенного гулять по буфету, топча кованными сапожищами чужие жизни.

Ильмари не нужны были расчёты, чтобы отбросить все сомнения — сколько бы дурных нулей не значилось в этой отныне ничем не сдерживаемой мощи, что сумела снять с орбиты и направить в сторону Матушки целый планетоид массой в один процент Муны или треть от общей массы всех астероидов в Поясе, она должна быть любой ценой взята под контроль.

С тех пор коронарный выброс излучателя сиял перед Ильмари, ежесекундно прожигая ему смеженные веки своей дикой яростью, сотрясая хрустальный мир изнутри, мешая не то

что двигаться вперёд — а хотя бы и просто твёрдо стоять на месте.

Криовыплески на его пути поминутно вздымали в небеса ледяные плиты, норовя унести прочь любой незакрепленный предмет, а временами успешно отправляя на низкую орбиту и многотонные обломки развороченных биокуполов, не говоря уже о фонтанах ледяной пыли из свищущих вокруг гейзеров.

Если бы не вернувшийся хрустальный мир, Ильмари давно бы уже унесло вместе с ними.

Но стоило ступням его экзосьюта коснуться ходившего ходуном ледяного панциря, Ильмари словно бы разом припал к огненной макуле такого близкого теперь излучателя, одновременно проваливаясь в недра давно позабытой изнанки Вселенной.

Изголодавшаяся до состояния глухой спячки иная суть Ильмари, дремлющим паразитом присосавшись к дармовой энергии, тут же вернула себе много оборотов как упущенную власть.

И тогда он двинулся в путь, столь же слепой, но теперь совершенно неудержимый.

Что видели перед собой те несчастные перепуганные насмерть бедолаги, что встречали его в тёмных коридорах агонизирующих подповерхностных комплексов, что встречались ему на пути? Наверное, ничего. Как можно увидеть приближение воплощённой погибели? Просто наваливается чернота без верха и низа, после чего наступает смерть от гипоксии.

Не то чтобы Ильмари обращал особое внимание на этих людей. Они так и так были уже мертвы. Их убил не лёд, не вакуум и не Ильмари. Их убил тот, кто начал движение Цереры. Всё остальное — лишь детали, унесёт ли тебя в космос очередной криовыброс, придавит рухнувшей плитой или придушит несовместимым с жизнью составом газового пузыря, в котором тебе суждено было скоротать остаток дней.

Ильмари не тратил силы на размышления об их горькой судьбе. Как не думал о тех, кто всё-таки сумел выбраться на поверхность только лишь затем, чтобы погибнуть там под градом обломков чёртова корвета безо всяких шансов дождаться помощи извне. Какое-то ничтожное количество народу, наверное, спаслось на уцелевших кораблях — горький юмор — с самых дешёвых поверхностных парковок, но из двухмиллионного населения Цереры это были крохи. Остальные на ледяном планетоиде были обречены. Это не космос, вне работоспособного жизнеобеспечения со стабильной подачей энергии на прокалённом льду выжить быть невозможно.

Потому Ильмари двигался вперёд грозно и неудержимо, подобно гигантскому червю в классическом романе о пустынной планете, поднимая вокруг себя тучи обломков. Хрустальный мир позволял ему без труда творить подобное. И некому его было остановить на его пути к протуберанцу излучателя.

Во всяком случае он так думал.

Как и почти всегда в те дни, он ошибался.

Неопытный, едва оперившийся Кандидат, надолго лишённый всякой связи с человечеством, он был подобен расшалившемуся несмышлёному ребёнку, однажды заполучившему в свои руки грозный молот Тора. Молнией кругом разить — много ли надо ума. Попирать ногами чужие куличики в детской песочнице — много ли надо силы.

Его контроля за собственной изнанкой хватало лишь на то, чтобы не уничтожить собственный экзосьют. Квазиживой паразит-плазмоид, давший Ильмари некогда право на вновь обретённую свободу — обычного человека Улисс не отпустил бы, да и никакая Лилия за него бы не вступилась — проснулся вновь, жадно отбирая у окружающей действительности её жизнь.

А за одно лишая беспомощного в своём неконтролируемом гневе Ильмари последнего шанса на успех. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы научиться взламывать агонизирующие комплексы биологической защиты. Не нужно обладать особой силой, чтобы походя отшвыривать прочь тех несчастных, что по глупости своей пытались ему противостоять.

Хрустальный мир скрежетал замерзающими на морозе рубиновыми кристаллами крови. Эти предсмертные крики не могли ему ничего противопоставить. А вот те, кто контролировал излучатель — ещё как могли.

Ильмари застыл, тяжело дыша, перед тяжёлыми гермодверьми лаборатории. Её оборонительные комплексы давно выдохлись, с перерубленными фидерами много не навоюешь. Да и его хрустальный мир позволял многое, если не всё.

Рушить стены, сводить с ума ку-тронные мозги.

Видеть сквозь стены, сплавлять воедино сталь и лёд.

Он не мог позволить Ильмари избавиться лишь одной неизбежной слабости. Он не был способен избавить его от собственного бренного существования. Хрупкая оболочка экзосьюта вжалась в лёд, покрываясь изморозью от постепенно вымерзающей временной атмосферы Цереры, что паче чаяния образовалась вокруг от его могутных усилий по всесожжению не им построенного.

Он не знал, что поделать дальше.

Преграда перед ним не была столь уж несокрушимой, как то

задумали самозваные ревнители человечества. Было бы желание, он бы вскрыл лабораторный комплекс, как банку экстрагированных червей — на внешних трассах иных источников белка было небогато. Одна проблема — за этой монотредной плитой его ждала вся мощь разбуженного излучателя, готовая размазать в кварк-глюоную плазму любого, кто к ней притронется.

Тут требовалась не только сила его гнева. Тут требовалась филигранное владение законами хрустального мира. Подчинить, не разрушив. Убедить, не подчиняя.

Здесь нужны были способности живой легенды.

Где же ты Ромул, когда ты так нужен. Уж он бы разрешил эту дилемму. Как остановить неостановимое. Как убедить фанатиков отступиться.

Ильмари не было дано вести за собой людей. Всю свою жизнь он провёл, глухо и слепо подчиняясь чужой воле, стоило же ему освободиться, как он поспешил банально сбежать.

Теперь же его выбор был и того проще. Сбежать он не мог. Зато мог пожертвовать своей жизнью, разрушив этот комплекс вместе со своей бренной оболочкой. Что ж, этот вариант всегда ему останется доступен. Но сперва он всё-таки попробует. Взломать мозги фанатиков изнутри. Пробиться к их тщедушным душонкам через свой хрустальный мир.

Заставить открыть чёртову дверь добровольно.

Для этого достаточно рассказать им свою историю. Историю Лилии Мажинэ. Десятки других подобных им историй. О людях, которым не повезло оказаться на пути Ромула. О том, что существует альтернатива его планам, его всевластию. Что их фанатизм и их фатализм лишь всё дальше подталкивает Матушку в пучину забвения. Помогает Ромулу даже теперь, когда они, его бывшие последователи, открыто бросили ему вызов.

Ревнители во всём были правы, кроме одного. Они думали, что можно победить Ромула, до конца следуя его заветам. Уж Ильмари-то наверняка знал, что это неправда.

Последний взгляд, брошенный через хрустальный мир по ту сторону бронеплиты.

Ильмари понял, как Ромул это делает. Недостаточно подчинить человека, недостаточно его даже сломать. Всё равно однажды он восстанет. Но можно повести его дальше в том же чёртовом направлении, куда он и так, безо всяких твоих усилий, когда-нибудь бы дошёл. Не сразу, но постепенно. Такому воздействию никто не был в стоянии сопротивляться, даже исходи оно из ненадёжных рук Кандидата-недоучки, немощного калеки среди Соратников.

Ильмари следовало стать ревнителем из ревнителей. Так они подчинятся его воле. И отдадут, наконец, ему контроль над собственным разумом.

И тогда он сделал шаг вперёд.

Излучатель своими ритмичными щелчками продолжал отбивать ритм, нагнетая в кабине атмосферу приближающейся беды. Лилия не откликалась на зов Ильмари, сколько он ни заставлял церебра повторить сигнал вызова. Тишина и пустота царила на орбите Цереры. И только излучатель всё щёлкал.

Скорлупка, несущая Ильмари прочь от этого гиблого мирка, оставалась единственной искрой жизни, насколько хватало чувствительности приборов.

Как долго он пропадал, погружённый в режущие плоть жернова хрустального мира? Недели, месяцы? Страшно было взглянуть на календарь, чтобы в этом удостовериться. Да это было и неважно. Куда важнее было то, насколько за всё это время всё вокруг вымерло, вымерзло.

Расколотую тушу корвета давно унесло прочь волей царицы-инерции. Павшая первой флотилия корпоративных кэрриеров благополучно валялась на дне гравитационного колодца, пятная собою эпицентры новообразованных импактных кратеров. Даже рифты порождённой мощью излучателя гляциологии больше не сочились снеговыми факелами, их затихшие выбросы светились на лике Цереры свежими голубовато-белыми пятнами, размазанные на сотни километров неспешно спадающего градиента. На непривычный взгляд казалось, что по обыкновению серая и невзрачная малая планета разом повысила своё альбедо раза эдак в три, если не больше.

Исчезли из вида биокупола и коммуникации, растворились в небытие харвестерные поля, вровень с поверхностью оказались засыпанными конусы астероидных разработок. Орбитальное пространство тоже успело само собой очиститься, его неудержимое вращение было начисто остановлено за время вымерзания временной атмосферы Цереры.

Пустота безжизненного пространства больше напоминало тот девственный астероид, который некогда стал новым фронтиром человечества.

Чего бы ни добивались взбунтовавшиеся против Ромула учёные, их действия привели к ровно обратному. По сути, не осталось даже и следов от былых планов. Хотя нет. Ильмари всё ещё был здесь. На борту, где продолжал тикать излучатель.

Сможет ли он забыть то, что ему было сказано в том

лабораторном комплексе? Избранный, неспособный забыть даже крошечной детали с того самого дня, как стал свободен.

Как бы он ни старался, теперь это с ним навсегда. Даже если он только делал вид, что согласен с теми словами.

Подумать так, Ромул, ведущий в какую-то необозримую даль всё человечество, поющий ему свою Песню Глубин в канун каждых чёрных ид, как ему живётся со всем этим страшным багажом желаний и страхов миллиардов людей? Способен ли он сам забыть всё то, что они ему шепчут?

Ильмари хватило одного мгновения наедине с их мыслями, чтобы начать в себе сомневаться.

Что сейчас царит в его голове, свои устремления или чужие? Свои ужасы ему станут сниться следующей ночью, или же и они теперь такие же чужие ему, вчерашнему? Да и сам он вчерашний, что его связывает с Ильмари Олссоном грядущих дней?

Излучатель тикал и тикал. Мысли текли и текли.

«Неопознаный крафт у края гемисферы».

Это бортовой церебр решил прервать напряжённое молчание. Но Ильмари ему не ответил.

Ну крафт и крафт. Мало ли кораблей осталось за пределами случившейся здесь мясорубки. Однажды сюда должны были вернуться и орбитальные автоматы, и рисковые люди. Даже на новой орбите Церера оставалась важным форпостом на пути к Папе и далее. Чего тут удивительного.

Другое дело, что эксцентриситет у орбиты теперь стал таким, что наверняка в перигелии задевал зону обитания. А значит, планетоиду теперь суждено было попеременно то истаивать, то снова замерзать, покуда врождённая неспособность удержать на себе значительную газовую оболочку не приведёт к тому, что Церера похудеет впятеро, растеряв весь водород, и сделается обычной скалой, каких много в Поясе. Без водяной коры Церера никому не будет нужна, а в процессе перерождения от прежнего облика в новообретённый — так и вовсе смертельно опасна. По мере приближения к Солнцу тут снова неминуемо тронется в путь и растапливаемая его дополнительным теплом местная гляциология. Так что если кто искал местных сокровищ, он должен был делать это быстро.

Впрочем, «неопознанный крафт» был мало похож на залётного ловца удачи, не та скорость, да и при заходе с подобным вектором даже с энерговооружённостью той скорлупки, что угнал Ильмари, им придётся расходиться с Церерой на касательных курсах с относительной скоростью в добрых тридцать камээс.

Больше это походило на неловкий гравитационный манёвр,

но совершать нечто подобное с крошечными планетоидами вроде Цереры было опасно — расходиться приходилось на минимальных расстояниях порядка нескольких километров, чтобы подобный гравитационный манёвр вообще имел хоть какой-нибудь смысл. Не говоря уже о том, что местная навигация не позволит… а, ну да, запоздало сообразил Ильмари, которая теперь была поголовно мертва.

И только с перезвоном вновь поступивших на гемисферу данных всё встало на свои места.

Шестьдесят мегатонн, но кинетика, а значит энерговооружённость — как у крошечного орбитального челнока мунного класса.

Ничего тебе.

Ильмари, не веря своим глазам, потребовал у церебра перепроверить расчёты. Тот с некоторой ноткой обиды подтвердил, что расчёты верные.

И вот тут Ильмари сделалось страшно.

В отличие от того несчастного корвета, это чудовище было способно безо всякого излучателя вспороть ледяной панцырь Цереры до самого ядра. Что там, какие-то несчастные пара сотен километров промороженного льда. Тот, кто это построил, явно не собирался размениваться на мелочи. Никто, кроме Ромула, во всей Сол-системе на это способен не был. И да, как раз излучатель, точнее один из его форков, наверняка присутствовал на борту у этой громадины

И вот теперь подобный тяжеловес на полном ходу вваливал по направлению на Цереру.

«Обнаружена активность по наведению орудийных комплексов».

Ильмари, чувствуя подступающий к сердцу холод, задал церебру ещё одну задачку. И тот за доли секунды с ней справился. Да, новую орбиту Цереры в последующие полторы сотни оборотов вполне можно было счесть угрожающей. Как минимум трижды она пролегала внутри тройного диаметра между Муной и Матушкой. Вероятность импакта — одна миллиардная. Но Ромулу, видимо, хватило и этого, раз он решился на подобное.

Что же вы наделали, что же вы, идиоты, наделали.

«Церебр, добудь мне связь с этим крафтом!»

Молчание.

Они его не слышали. Или не имели директивы отвечать на открытых каналах.

Ильмари чувствовал себя обманутым. Всё оказалось бесполезно. Он думал, что уговорил запершихся в том комплексе

фанатиков. Но на деле это они уговорили его добровольно вывезти излучатель, наверняка заранее зная, чем всё обернётся.

Неважный из него вышел переговорщик.

Да и боец неважный.

Останься он с излучателем на Церере, можно было бы ещё побороться. Возможно, воякам на том крафте ещё хватило бы ума отступиться, если бы планетоид вновь дал отпор. В конце концов, физическое уничтожение излучателя лишило бы их собственный корабль энергии, единомоментно превратив в груду прущего по пассивной траектории никому не нужного металлолома. Но теперь он им был не помеха.

Ромул наверняка просчитал все исходы. Предположим, сам излучатель не на Церере, но там могли оставаться его неучтённые форки, и только мятежный планетоид подберётся к внутренним планетам, под ударом разом окажутся и Матушка, и Красная. Две планеты в руках у фанатиков. Величайший акт терроризма в истории.

Такого Ромул позволить себе не мог. И он, судя по всему, готов был атаковать Цереру в любом случае, с излучателем или без оного, несмотря на неминуемую цену, которая будет за это уплачена. Особенно — если излучатель всё-таки покинет Цереру тем или иным способом.

Патовая ситуация, филигранно разыгранная мятежниками. Ильмари был бессилен что-либо исправить.

Не на таком расстоянии от Ромула. Тот его если и услышит, то слишком поздно, Церера уже будет атакована.

Но последний шанс всё-таки остаётся. Силами хрустального мира уничтожить атакующий корабль до того, как будет произведён залп. Пусть и ценой возможной потери излучателя. Пусть это и означает лишить всякие планы Ромула дальнейшего смысла. Тот сам себя загнал в эту ловушку. Только теперь Ильмари понял, чего хотели те люди. В этом и состояла их конечная цель. Сами они были неспособны довести свой план до конца. А вот Ильмари — Ильмари был способен на это не хуже самого Ромула.

Его скорлупка развернулась на атакующую траекторию.

Хрустальный мир дрогнул.

XXIV. 10. Ронин

Роторы шли на пределе ресурса, издавая уже не вой, а нечто вроде полузадушенного свиста. С таким из прохудившегося цилиндра уходят последние бары найтрокса, с трудом прорываясь через крошечный снежный криовулкан, намёрзший вокруг вентиля. Ещё пара сиплых вздохов и он затихнет, исчерпав свои невеликие силы.

Коптер не был рассчитан на подобный режим. Его роторы вполне способны нести две инерционных тонны груза, даже тонкая атмосфера Красной при должной инженерной смекалке вполне пригодна для поддержания стабильного полёта, лишь бы оборотов хватило, но любая попытка превысить расчётные показатели тотчас превращала коптер в трясущееся желе, находя всё новые резонансы и норовя пустить вразнос не только внешний корпус, но уже и силовой каркас.

Вот почему любые воздушные погони на Красной без шансов оборачиваются для всех участников бесполезной тратой времени, топлива и нервов. Дворжак поймал себя на том, что вот уже битых полчаса непрерывно изрыгает в навигационный канал самые чёрные проклятия на семи разных языках, чтобы до хрипа, до пены у рта, особенно удавались родные, старохорватские. *Дабог да ти курац отпо! Гони сэ! Дяволи тэ понесли!* Всё бесполезно, и не поймёт никто, и самое главное, эти его вопли ничуть не помогали коптеру добрать даже лишнего метра

дистанции. Беглец так и болтался в полутике впереди, хладнокровно уходя на север к Большому Сырту.

Окончательно выдохшись, Дворжак заткнулся.

Вот же сволочь. Сколько не обкладывай его последними словами, толку-то. Если доберётся до патеры Мероэ, считай, ушёл, скрипнул зубами Дворжак, снова понемногу заводясь.

В тёмных глубинах патеры легко бы затерялся не то что коптер, танкер-аэростат максимального тоннажа. Следи с орбиты сколько хошь, с тех пор как прошла Волна, там висит километровая пылевая завеса. Висит и ещё будет висеть, может десять оборотов, а может и всю тысячу.

Потому и скрипел зубами Дворжак, потому и не желал сдаваться. Красной, положим, почти не досталось, ну может стало чуть холоднее, так здесь изначально не курорт, а какой ад до сих пор творился на Матушке, страшно было подумать. Перед визором Дворжака послушно замелькали апокалиптические кадры орбитальной съёмки. Да уберись ты!

От этого вида у него разом начинало крутить кишки. Немыслимо, просто немыслимо. Какими надо быть зверьми, чтобы учинить такое с собственной планетой?

Людьми их точно никто больше не считал.

Можно сколько угодно рассуждать об «охоте на ведьм», Дворжак никогда не понимал всех этих интеллигентских метаний о том, что каждый имеет право на открытый состязательный суд, бла-бла. Эти не имели никаких прав вообще, скажите спасибо, если толпа на месте не растерзает. С тех пор, как пришла Волна, всякие разговоры о справедливости и законе на Красной разом сошли на нет. Любой, кто воочию видел последствия, больше не был способен на абстрактные рассуждения о правах личности.

Негодяев, скрывавшихся от воздаяния по всей Сол-системе, даже не разыскивали, на них именно охотились, не особо разбирая, свой-чужой. Чтобы стать мишенью, не нужно было начинать в биокуполах проповеди во имя Ромулова, достаточно было вызвать малейшее подозрение в солидарности с этими тварями. Или попросту проявить нелояльность «Маршиан текникс». А там уж будь здоров, не кашляй. Спасибо, говорится, что живой.

Вот и сейчас эту белку-летягу, что маячила прямо по курсу, даже не стали спрашивать, как фамилия, стоило в воротах пакгауза заподозрить коптер во взломе транспондера, тотчас завыли сирены и по коням. На месте из гауссова орудия сбить не пытались только лишь потому, что, гад слишком низко шёл, так можно и биокупола задеть, да и коптер штука вертлявая, отклониться на пару метров за секунду до залпа — снаряд

почитай мимо прошёл. А там уж пока Дворжак со своей дежурным крылом на перехват поднимется, глядишь, уже и оторвался.

Стыдно, конечно, но сколько не стучи перчаткой экзосьюта от злости по кок-питу, ситуацию этим не исправить. И главное пускай тренируют их постоянно, гоняют на учебные вылеты без предупреждения, оттачивают холодный старт, однако гляди, вот она, цель, а на схватишь. Как была Красная диким фронтиром, беспризорной вольницей, так и остался. На радость всякому отребью.

Дворжак с тоской посмотрел на курсограмму трёпаного «Альбедо-14». Даже не сделали вид, сволочи, что собирались реагировать. «Нет свободных капсул в прыжковой готовности». Знаем мы вашу готовность. Не желают всякой мелочёвкой заниматься. Проследить со спутниковой сетки — это можно, хотя и тоже не без козьей морды, а вот спускаться со своих горних высей да на грешную Красную — увольте. Вот случится что заметное, тогда, может быть, почешемся, а за беглыми коптерами гоняться дураков нет. Эх.

Прицелившись по кнопке, Дворжак дождался, когда та снова покраснеет полным зарядом, и снова акцентированно притопил, даже заранее зная, что будет. Точнее, чего не будет. Да, снаряд голубой молнией сорвался с направляющей и ушёл в молоко. Гад не допускал ошибок. Если бы ребята не начали ныть про критические отказы, и их не пришлось бы отправлять восвояси, можно было бы ещё попробовать подловить на одновременных залпах, а так оставалось только скучно висеть в одиночку у сволочи на хвосте, тоскливо наблюдая, как пылевая завеса заставляет чернеть небеса, погружая всё вокруг в плотный кокон преждевременной ночи, хотя зрачок Солнца всё так же продолжал болтаться у самого горизонта. Большой Сырт есть Большой Сырт. До края патеры Мероэ ещё километров тридцать и всё, там даже радары от статики ослепнут.

Блицы высотных молний уже были различимы глазом. Скоро они заполыхают вовсю, и вот тогда или продолжай идти вслепую, наудачу пытаясь подловить сволочь на смене курса, или садись себе тихонечко на авторотации, подбирай сопли и жди подмогу в виде наземной транспортной платформы. Топлива на обратную дорогу у Дворжака уже так и так не хватило бы.

Проследив на всякий, что курсограмма по-прежнему благополучно транслируется на спутник, Дворжак снова уставился красными от тухлого воздуха глазами в размытую точку чужого коптера, на этот раз молча, без инвектив в канале. И главное ходовая так нехорошо завывает. Будет донельзя обидно

сдохнуть тут, в подступающей багровой тьме, посреди ничего, в погоне за призраком, под свист роторов и блажь систем аварийного оповещения.

Шарах! Дворжак моргнул два раза в машинальной попытке избавиться от постороннего предмета в глазу. Но не тот-то было, блиц молнии оставил на сетчатке отчётливый зигзаг слепого пятна, закрывая собой вражеский коптер. Да что ж за такое-то. Перестроенная сетчатка почти мгновенно переключилась на имплантат, убирая досадную помеху, но цели на месте уже не оказалось.

Снова грязно выругавшись, Дворжак поспешил развернуть гемисферу, и только теперь понял, что именно произошло. Беглый коптер сыпался вниз по широкой спирали, разбрасывая по пути мельтешащие на радарной сетке обломки металлполимерных лопастей. Ещё пара мгновений, и он скроется в ближайшей кальдере.

Ну нет, врёшь.

Решительным движением Дворжак заставил коптер втянуть лопасти, повисая на ремнях подвески в фактически свободном падении.

Триста метров. Потом придётся тормозить в пол.

На Красной атмосфера тонкая, даже пикирующий коптер тут окружает не рёв воздушных потоков, но шепчущее царапание случайных песчинок да слабое потрескивание разрядов на внешней броне. Ещё немного разгонись, и вокруг начнёт мерцать голубое плазменное гало. Красиво, но тоже опасно — прочный корпус истончается на глазах. Потому как только автоматический водитель цели отметил на карте место падения коптера-беглеца, Дворжак тут же выкрутил мощность на полную, вновь подавая команду на выпуск роторов. Никуда теперь сволочь не уйдёт, потому и рисковать сверх меры нет смысла.

Когда вой и тряска никак не желающих стабилизироваться воздушных потоков за бортом подутихли, а багровая мгла перегрузки перед глазами немного рассосалась, Дворжак первым делом принялся вертеть радарную сетку. Дяволи тэ понесли, сплошные статические помехи, разве что визуальный осмотр здесь, у самой поверхности, давал хоть какую-то ориентацию на местности.

Да вот же он, гад.

Увы, долгожданной картины крушения не наблюдалось. Ни тебе коптящих небо обгорелых до ржавчины бронепластин, ни даже приятной глазу «звёздочки», когда обломки взорвавшихся при ударе о реголит водородного накопителя радиально вспарывают чёрную пыль Большого Сырта, обнажая под наносами

обычный рыжий покров, за что Красную и называли Красной.

Ещё разок для верности выругавшись про себя, Дворжак снова поднажал. Он уже видел, дабог да ти курац отпо, ясно видел уходящую в сторону от аварийного коптера цепочку следов.

Сейчас мы тебя добудем.

Коптер сналёту послушно завис на десяти метрах, водя жалом носовой турели в поисках подходящей жертвы. Ну, где ты, гад.

Так вот же он.

Шагает себе в полный рост, даже не оборачиваясь на тучи чёрного песка, вздымаемые под небеса роторами чужого коптера.

Хорош. Нервы железные. Не оборачивается, хоть бы с ритма сбился. Дворжак по себе знал, на Красной по песку ходить нужно уметь, непросто это — ноги разъезжаются, никакой пауэрсьют не спасёт, если валиться начнёшь, он тебе только лишней инерции придаёт, а если шаг собьёшь и равновесие потеряешь, в зыбучей реголитовой каше даже банально встать будет проблемой.

Впрочем, у этого момака сейчас начнутся проблемы посерьёзнее.

«Руки поднял и кругом!»

Патрульные коптеры в обязательном порядке оснащались внешним звукоизвлечением. Толпу разогнать или просто просигнализировать при помехах связи. И голосила эта страсть от души. Беглец даже присел немного от акустического удара в спину. Видать, дошло до момака. Вот так, оборачиваемся медленно, без резких движений, руки показываем.

ЭМ-сканнеры ничего подозрительного при противнике не нашли, если он и был вооружён, всё осталось на борту разбившегося коптера.

Жаль, конечно. Дворжаку сейчас ой как нужен был хоть какой-нибудь повод шмальнуть поганца. Аж ладошки чесались.

«Теперь обратно спиной повернулся и стой так!»

Коптер неловко покачнулся и пополз юзом куда-то вбок, едва коснувшись реголита полозьями опор, но Дворжак, вовремя спохватившись, активировал динамическую стабилизацию. Роторы послушно снизили обороты до минимального, теперь можно было выходить.

Для верности опустив бронезабрало, Дворжак шагнул за борт, тут же припадая к земле. Взбаламученная роторами пыль ещё не осела, и момак запросто мог что отчудить.

«Стой где стоишь, не дёргаться, руки не опускать, на любой движ открываю огонь!»

А здесь, за бортом, орущий матюгальник производил впечатление даже сквозь тактическую броню пауэрсьюта. Аж зубы

заныли. Пришлось прикрутить громкость до разумных пределов. Впрочем, разговаривать со сволочью Дворжак больше не собирался. Убедившись, что тот лишних эволюций не совершает, Дворжак упёрся прикладом во внешнее крепление пауэрсьюта и аккуратно, как учили, пошёл на врага. Только дёрнись мне.

Но тот словно заснул, железным истуканом стоя на ледяном ветру. Сенсоры не обнаруживали даже минимальных движений, какими обычно оболочка корректирует устойчивость в статичном положении. Вот будет неприятно, если у момака питание ёк, тащить эту махину на себе обратно к коптеру, чего доброго.

Подойдя к беглому с тыла, Дворжак решительно приставил ствол гауссовой винтовки момаку аккурат промеж лопаток.

Теперь приложить магнитный замок шокера к загривку пауэрсьюта, и всё, пускай дальше сам шагает. Если дёрнется, автоматика его за доли секунды обездвижит.

Гони сэ, быть такого не может.

Ещё секунду назад момак стылой ледышкой нависал над Дворжаком с растопыренными руками и даже, для верности, пальцами, и вот его уже и след простыл.

Оставалось, в недоумении водя туда-сюда стволом, изображать готовность к стрельбе. Только покажись мне. И главное где здесь спрятаться!

Хотя… Только тут до Дворжака дошло, что в подобной неловкой ситуации проще воспользоваться внешними камерами коптера. Точно. Гадёныш стоял позади него, такой же неподвижный. Ладно. Сыграем в такую игру.

На этот раз реактивной скорости сенсоров пауэрсьюта всё-таки хватило на то, чтобы заметить, как противник начал уклоняться от сдвоенного залпа, что пришлись ему точно в спину. Точнее, пришлись бы, но не судьба. Спустя ещё мгновение Дворжак полетел кувырком, сбитый с ног ударом противника. А этот момак неплох, мелькнула дурацкая мысль, после чего на Дворжака навалилась тьма.

Скрученный в багажном отделении боец слабо ворочался и поминутно издавал невнятные звуки, но глаз не открывал. Видать, крепко приложился при падении головой о фронтальную бронепластину шлема. Не то чтобы его было так уж жаль, но всё-таки какой-никакой, а человек, пусть и консерва. Можно было с ним и нежнее обойтись.

Элинор обернулась на пленного. Переложить его что ли поудобнее, а то болтается поперёк пола на каждой воздушной яме. Хотя нет, она и так проявила к нему известный гуманизм,

попросту забрав с собой. Что стоило просто бросить его там, на самом краю патеры, нашли бы его, положим, к весне у груды обломков разбитого коптера, какая ей до того беда? Видали мы трагедии и позначительнее.

С тех пор, как Сол-систему накрыло, всем как-то разом стало не до гуманизма, и Красная в этом отношении не была никаким исключением. Здесь каждый думал даже не о выживании — о мести. Когда годами живёшь, погружённая в атмосферу всеобщей ненависти, когда малейшее подозрение вызывает мгновенную агрессию, поневоле забываешь, что когда-то была человеком. О, ну наконец-то очнулся.

— Живой?

Элинор бросила это слово машинально, как будто в её планы входило какое-то общение с пленным, так, скорее дань вежливости, раз уж оставила болезного в живых. В конце концов, он тоже мог, не приземляясь, накрыть её со спины. Но отчего-то не стал. Ну так и будем вежливыми в ответ.

Впрочем, из багажника в ответ доносилось только натужное сопение — боец пытался понять, почему не может пошевелиться.

— Я там тебе на загривок пристроила твой же шокер. Режим блокировки, я думаю, самое оно.

Затих, соображая, что рыпаться бесполезно. Залоченный пауэрсьют для находящегося внутри пилота лучше всяких наручников, портативная одноместная тюрьма, даже лучше. Сама кормит, сама охраняет, сама горшок за тобой выносит.

Ну, и в качестве полевого гроба сойдёт, если надо.

— Как ты это сделала?

Ну да, у вас всегда одни и те же вопросы.

— Что конкретно? Облапошила твою аугментацию?

— Вообще, всё это. Угнать гражданский коптер дело нехитрое, хотя с кодами транспордера ты и налажала, но чтобы… — боец запнулся, подбирая слова.

— Ты хотел сказать, чтобы престарелая тётка голыми руками скрутила подготовленного и превосходно экипированного бойца «Лунар текникс», а потом ещё и коптер его спокойно увела?

Элинор вновь обернулась, нарочно демонстрируя пленному свою язвительную ухмылку.

— Примерно так, да.

А он молодец, хорошо держится. Ни истерик, ни проклятий. С другой стороны, спишем на контузию. Хороший нокдаун любого утихомирит, по крайней мере на время. Если начнёт орать, придётся ему ещё и голосовое замьютить, внутри интегрального шлема много не наорёшься.

— Так всё-таки, как ты это сделала?

— Всё дело в скорости шин обмена.

Элинор щёлкнула пальцами в воздухе и тут же оказалась рядом с ним, нависая над недоумённо моргающим громилой.

— Таких, как ты, бесполезно выставлять против меня один на один.

Только тут до него дошло.

— Мекк… проклятая железка.

— Не выражайся. Ты как будто обиделся, что с тобой нечестно поступили.

— Ваши только и способны бить в спину.

— Какая отповедь, надо же. Видимо, ты бы предпочёл, чтобы я с тобой врукопашную сошлась. Я вообще не собиралась с тобой драться, боец.

— Это точно, вы же только начинаете войны, участвовать в них — не ваше дело, да?

Элинор оставалось только вздохнуть. С ними бесполезно разговаривать.

— Тебя поднять? Дёргаться не будешь?

«Консерва» молча кивнула. Ну и славно. Элинор одним аккуратным движением подняла эту груду армопласта на ноги, тут же приспособив его аляповатой марионеткой болтаться на магнитном замке для груза, что были размещены вдоль бортов. В ответ в глазах бойца проявилось что-то вроде уважения. Только теперь он окончательно понял, с чем имеет дело. Одно дело трюки с исчезновениями, совсем другое — брутальная механическая мощь. Аж коптер пошатнулся от приложенного усилия.

— Твоя оболочка собрана на Красной.

Снова-здорово.

— Не только оболочка. Я и сама отсюда, хотя почти всю жизнь провела на Матушке.

— Тогда почему ты приняла чужую сторону в этой войне?

Каждый раз один и тот же вопрос. Все эти задушевные беседы были на одно лицо, и банальная их драматургия Элинор с годами начала приедаться.

— Красная приучает людей к своеобразному взгляду на вещи. «Мы лучшие, мы успешные, мы независимые». Никто не говорит себе: «мы — часть системы, мы забываем включать мозг, когда рассуждаем о всеобщем благе». А ещё вы обожаете твердить про войну. Лично я ни с кем не воюю.

Боец в ответ покачал головой.

— Вольно тебе рассуждать о войне, которую вы же и устроили.

Спорить с ними бесполезно. Она заранее знала, чем всё

кончится. Но почему не попробовать.

— Мы? А кто такие эти «мы»?

— Да чёртова Корпорация!

Ишь ты, даже зубами заскрипел.

— Корпорация не начинала эту войну.

— Ты хочешь сказать, что катастрофу с Церерой устроили не вы?

Элинор снова вздохнула.

— Зачем подобное вообще кому-то специально устраивать? Разве развязавшаяся затем бойня принесла хоть кому-то пользу? Корпорация захватила всю Сол-систему и теперь в ней правит? Может, это Корпорация вместо флота «Сейко» недавно устроила налёт на тор Ио? Вы, вояки, гоняетесь за мифическими агентами Корпорации по всей Красной и, кажется, вам никто не мешает вытворять, что вам вообще взбредёт в голову. Ну, кроме меня.

От её смешка у консервы тут же сдали нервы. Захлёбываясь слюной, он что-то орал на всю кабину, перемежая привычный марсианский рунглиш с какими-то малопонятными славянскими ругательствами. Элинор уже подумывала его заткнуть от греха, но но уже выдохся, хрипя и причитая.

— …и не рассказывай, дяволи тэ понесли, мне басни про ни в чём не повинную Корпорацию. Там был ваш крафт! Его сигнатуру засекли все наблюдательные станции в Поясе! Видели его залп!

Элинор в ответ только покачала головой и пошла обратно в кресло пилота. Бесполезно.

Хотя нет, она всё-таки должна была это сказать.

— Ни черта вы не видели. И не могли видеть. То, что там случилось, было лишь плодом трагического стечения обстоятельств и да, чьего-то злого умысла. Но целью того удара было предотвратить трагедию, а не устраивать её, бестолочи вы такие. Но никого не волнует правда, всем был нужен только повод для бойни, и вы её получили.

— И ты хочешь, чтобы я тебе поверил на слово? А быть может, ты и сама не особо веришь в собственные слова, когда твердишь про доказательства. Потому что доказательства моей правоты — это Волна на Красной, это бомбардировка Матушки, это ваши трёпаные форпосты по всей Сол-системе, которые мы задолбались уничтожать! Это были военные, ньихову майку, базы, а не цветочные оранжереи! И никаких теорий заговора, никаких «трагических случайностей». Ваш Ромул с самого начала хотел всё это устроить, чтобы на миллиардах трупов выстроить свою империю. О чём твердили его адепты всю дорогу? «Верьте Предупреждению!» Ну так вы и устроили нам его во плоти.

И замолчал, шмыгнув носом.

Этим всегда и заканчивалось. Бесполезно. Тяжело спорить с очевидным. Ромул сделал за неё выбор, не особо интересуясь, как ей с этим жить. Впрочем, генералитет «Маршиан текникс» тоже никого ни о чём не спрашивал, развязывая последовавшую за падением Цереры кровавую баню, как будто и без того недоставало жертв.

— А что же, боец, коли Корпорация повсеместно врёт да пакостит, но вам-то самую правду-матку режут на собраниях?

Молчит, насупился.

— Ромул — враг человечества, все его сказки — суть прикрытие для его же козней. Корпорация — сборище маньяков и социопатов, виновных в Бомбардировке, в самом чудовищном преступлении за всю историю человечества. Если её агентов отловить, а её наследие уничтожить, то и настанет тут же самая что ни на есть мирная жизнь. Особенно на Красной, которая от Волны, конечно, пострадала, но не сравнить это всё с потерями остальных миров Сол-системы. Надо только с силами собраться да завершить начатое. Я тебя ещё раз спрошу, кто получил самую большую выгоду от случившегося, кто прямо сейчас делает всё, чтобы окончательно взять под контроль все внутренние трассы?

Молчание.

— А я тебе подскажу. Знаешь, чего не хватает Красной, чтобы достичь желаемого? Населения. Вам банально не хватает сил.

— К чему это ты?

Надо же, заинтересовался.

— К тому, что на Матушке до сих пор, несмотря на тотальную депопуляцию, климатические и биологические катастрофы, расселение по другим мирам, даже несмотря на катастрофу с Бомбардировкой — которую я сама наблюдала, и не смей её сравнивать с вашей дурацкой Волной! — так вот, несмотря на всё это, на Матушке до сих пор живёт полмиллиарда человек, чего Красной не видать ещё тысячу лет!

В кабине коптера повисла гнетущая пауза. Сказав «а», она должна была сказать «бэ».

— Если не предпринять определённых мер.

— Что ты имеешь в виду, — голос вояки звенел от напряжения, — что это мы постарались, хм, уменьшить население Матушки?

— Глупости, я же сказала, это была трагическая случайность помноженная на бредовые фантазии нескольких людей, которые в любом случае сами бы ничего такого учинить не сумели. Но если население Матушки тает с каждым импактом, то популяцию Красной можно и нужно приумножить, да, боец?

Элинор снова рывком метнулась к нему, так что коптер

тряхнуло.

— Не понимаю, о чём ты.

— Всё ты понимаешь, — она глядела на него в упор, прямо в глаза, не давая увильнуть от ответа. — В каком возрасте ты себя отчётливо помнишь?

— К чему этот вопрос?

— Твои родители погибли при крушении «Анатолии», тебя отдали на воспитание в семью двоюродного дяди, семья была большая, как у всех на Красной, двенадцать детей, по сути, ты рос в окружении триде-принтеров на автоматизированной фабрике по сборке экзостютов, где работали твои приёмные родители и старшие братья. Почему-то сплошь мальчики. Мне продолжать?

В кабине коптера повисло напряжённое молчание.

— Откуда ты всё это знаешь? Ты сумела добыть моё досье?

— То, что ты дурак, я могу выяснить, и не читая твоё дело. А может, просто умело притворяешься. Я только что пересказала свои собственные воспоминания о детстве. Стоит ли уточнять, что когда я впоследствии, после окончания медучилища, попыталась отыскать своих приёмных родителей, от тех осталась только братская могила. Не многовато ли Красной таких могил? Или это тоже всё дело рук коварной Корпорации?

— Ты мне врёшь.

Элинор лишь развела руками.

— Это уж ты решай сам. Но знаешь, как таких, как мы, называют корпоративные шавки «Маршиан текникс»? Они называют нас «консервами». Ты мне, кажется, пенял про мою оболочку, что, мол, она создана на Красной. Да меня саму точно так же создали. Меня, тебя, сотни миллионов служивых винтиков колонизационной машины. Создали такими. Исполнительными, услужливыми, покорными. Да что там покорными, они вырастили нас патриотами своей планеты, которыми перегрызть глотку любому, кто посягнёт на достижения Красной.

— Но мы же все разные, ты ни слова не знаешь по-старохорватски, я — ни разу не мекк, да я за всю свою жизнь не видел ни одного внешне достаточно похожего на себя человека!

А боец держался, несмотря на сбитый с столку вид, и сдаваться не собирался.

— Главное преимущество человечества как вида — это максимальное разнообразие популяции. Это азы. Ни один генетик не станет производить на свет линию идентичных индивидов, хоть бы те и выглядели сплошь инженерными гениями или атлетичными персонажами старых дорам. Рекомбинантный пул доноров в теории может состоять из генофонда всех людей, когда-либо покидавших Матушку. Они все по контракту сдают

биоматериал, забыл?

Интересная реакция. По его лицу словно пробегала судорога, перекашивая попеременно гримасой отчаяния и гнева. Знать бы ещё, что там за внутренний диалог всё это сопровождал.

И тут Элинор почувствовала, как палуба коптера уходит из-под её ног. Машинально вцепившись в переборку, она бросила короткий взгляд на приборную панель. Там было черно.

Тишину смолкшей ходовой теперь нарушал только знакомый шелест песка о внешний корпус.

Что же ты такой упорный, гадёныш. И главное как ты умудрился это провернуть?

Боец между тем с отрешённым лицом смотрел перед собой и шевелил губами, молился, что ли? Вот уж повезло с собеседником.

— Защита от несанкционированного доступа в кабину? А вы, я смотрю, на глазах учитесь. То есть ты всё это время мог обрубить мне каналы управления, но сделал это только теперь. Так в чём же смысл?

Пленный в ответ поморщился.

— Я всё равно не смогу вернуть тебе управление, это цепи разрываются физически, так что можешь оставить свою риторику при себе. Слова тебе не помогут.

— Слова? — Элинор продолжала прислушиваться к звукам за бортом, — Я тебе только что сообщила то, о чём ты и сам должен был давно догадываться. Но тебя в ответ хватило только на то, чтобы тупо покончить с собой? Ты же понимаешь, что это билет в один конец?

Но боец только головой покачал.

— Я не знаю, в какие игры ты привыкла играть, но голову я себе задурить не позволю. Я так и так труп. Даже если ты мне соврала, по инструкции я должен был сразу отрубить тебе управление, если бы я этого не сделал, позволив тебе уйти, выглядело бы это вполне однозначно, будто я с тобой в сговоре. А с пособниками врага у нас не церемонятся. Если же ты сказала правду…

— Если? Да я и сказала тебе правду, может быть, впервые во всей твоей никчёмной жизни!

Но консерва есть консерва. Болван упрямо стоял на своём.

— Если же ты мне сказала правду, то да, вся моя жизнь — это сплошное враньё. Но твоё враньё не заменит мне чужое. Что ты мне предлагаешь, бросить всё, во что я верил, чему служил, и сослепу броситься в океан нового вранья? Ты же сама не знаешь, что ваши командиры учинят в следующий раз, какую ещё чушь про «трагическую случайность» вам наплетут. Я не хочу в этом

участвовать. А так я хотя бы ещё и тебя с собой на тот свет уволоку.

«Тот свет». Точно сектант. Элинор стало скучно.

— Что ж. Это твой выбор. Только просто так я тебя не отпущу. Если ты не заметил, я уже сегодня пережила одно падение обесточенного коптера. Переживу и второе. Что касается твоей душонки, если у нас, консервов, вообще есть душа, мы сейчас вместе подумаем, как оставить тебя в живых. Тебе не удастся так просто уйти от непростых вопросов. Ни тебе, ни кому бы то ни было ещё на этой безумной планетке.

И вот тут он впервые по-настоящему испугался.

XXIV. 29. Смотритель

Мёртвый Ин-Салах, в одночасье ставший морем, что может быть удивительнее. 10 миллионов лет, как отсюда ушло море Тетис, ещё пять миллионов лет, как отсюда ушла жизнь. С тех пор Сахара особо не менялась, такая же бессловесная, такая же безжалостная. Она отвоевала себе эти земли задолго до того, как сюда пришли люди, и казалось, что она останется здесь и после нас.

Но правда оказалась горше и удивительнее самых невозможных сценариев, которые подсказывали нам климатические модели, житейские наблюдения и буйная сила нашего воображения. Кто мог предсказать три сотни лет назад приближение Войны за воду, в результате которой Ин-Салах однажды стал стал крупнейшей агломерацией Северной Африки, раскинувшей свою инфраструктуру на сотни километров вокруг и собравшей воедино почти всё оставшееся севернее Хартума население. И кто бы мог додуматься, что катастрофа Бомбардировки именно здесь, в двух тысячах километров от берега, станет причиной самого грандиозного исхода за всю историю нашего вида.

Двухсотмиллионное население Ин-Салаха на погибло в одночасье от удара космической ледяной глыбы, как это случилось с Сан-Паулу, оно не утонуло в пучине катастрофических цунами, повторив судьбу Босваша и северных

ародисманов Мегаполиса, буквально смытых в море, три столетия ждавшего своего часа за охранным периметром стометровых дамб. Тут случилось нечто иное. В Год чёрного неба над Ин-Салахом начал идти дождь.

Чего плохого можно ждать от дождя в пустыне? Вода быстро уйдёт в песок, пополнив собой подземные реки водоносных слоёв, некогда чуть не погубившие жителей этого региона. Но то, что случилось однажды, обязательно повторится. Поднятые Бомбардировкой океанические воды не пожелали уходить, смешавшись в итоге с никак не переставшими дождевыми потоками, уровень их рос месяцы, затем годы, вымытые потоками воды карстовые пещеры одна за другой обваливались под тяжестью башен Ин-Салаха. На то, чтобы сделать инфраструктуру агломерации непригодной для восстановления, хватило пяти лет непрерывных дождей.

На месте луж образовались озёра, на месте озёр сформировалось море. Оно сразу было солёным, впитав в себя гигатонны приповерхностных солончаков. А когда поднявшийся океан начал объединяться с новым Тетисом, на этом недолгая история Ин-Салаха была окончательно завершена.

Человечество способно выживать без воды, без воздуха, без солнца. Но оно не было готово жить на голом частоколе готовых в любой момент обрушиться под собственной тяжестью металлполимерных башен, торчащем из грязной вонючей каши бурлящих вод.

Так умер Ин-Салах.

Сначала отсюда пытались вывезти в сторону экваториальных областей всё ценное корпорации Большой Дюжины, эвакуировав в итоге исключительно собственные хэд-офисы. Потом, по мере отказа систем опреснения и под угрозой надвигающегося с самого начала Бомбардировки голода, отсюда двинулись в путь караваны беженцев.

Что с ними в итоге сталось, и куда в итоге привела их судьба, мало кого волновало в те сумрачные дни. Пока изо дня в день ждёшь, не свалится ли тебе на голову очередная прилетевшая из взбесившегося Пояса ледяная глыба, когда каждый житель Матушки был занят исключительно собственным выживанием, последнее, что тебе приходит в голову, так это беспокоиться о чужих судьбах. Так мы впервые за последние три сотни лет вспомнили, что такое массовая бескормица, жажда и болезни. Освоившее космос человечество из года в год вымирало миллионам, но Северная Африка, некогда бывшая родиной хомо сапиенс, стала его настоящим кладбищем.

Стоило проехаться на север и юг по дорогам, вдоль которых,

насколько хватало глаз, белели кости, чтобы раз и навсегда разувериться в гуманистических началах человеческой цивилизации. Ни одна война, ни одна катастрофа, ни одна эпидемия за всю историю разумных гоминид не приносила разом на алтарь богу смерти столько жертв, сколько принёс этот исход. А что творилось все эти годы в масштабах всей планеты, об этом вообще лучше было не думать.

Джонас и не думал. Его всегда беспокоили не мёртвые, но живые.

Каждый раз, когда его глайдер оказывался в тени покосившихся башен Ин-Салаха, первое, что он делал, это запускал в воздух пару дронов. В режиме свободного поиска они тут же разлетались по окрестностям в поисках посторонней активности, и вопрос был не в том, встретится ли Джонасу кто-нибудь — редкими погожими деньками спешила воспользоваться всякая местная шушера — но будет ли эта встреча достаточно безопасной, чтобы не закончиться перестрелкой.

А вот и посторонний дрон шелестит роторами в отдалении. Джонас бросил в его сторону короткий взгляд, но волноваться на его счёт не стал. Кто не маскирует свою технику, тот наверняка не доставит хлопот, а вот если заметишь скрытое наблюдение — тогда можно начинать беспокоиться.

Но сегодня «небо» уверенно давало добро, минимум три спутника сейчас наблюдало за происходящим в Ин-Салахе, и ни один из них не заметил вокруг Джонаса ничего подозрительного.

Что ж. Славно.

Его глайдер по широкой дуге развернулся, ускоряясь в глубины частокола.

Сразу резко стемнело, заставляя Джонаса выкрутить аугментацию. Почерневшие от вездесущей плесени башни хорошо поглощали свет, делая это место дополнительно мрачным, как будто мало было царящей здесь общей атмосферы безжизненности и саморазрушения.

Визор шлема только и успевал отмечать на пути опасные участки — вероятность обрушения, торчащие из-под воды конструкции, ну и да, удобные сектора обстрела.

А всё потому, что сколько ни разрушай Ин-Салах водная стихия, сколько ни старайся корпорации вывезти отсюда всё ценное, а всё равно — это огромная агломерация, растаскивать которую будут ещё поколения, даже если по расписанию вывозить добро суборбитальными грузовиками.

Вопрос только, что, кто и в каком порядке это сделает, прежде чем очередная башня обрушится в воду.

А вот и недавняя потеря. «Халиф» своей без малого

двухкилометровой тушей погрёб под собой ещё три башни, а ведь сколько на неё было планов. Джонас ходил туда три десятка раз, причём успел обследовать всего полдюжины уровней, оставив самое интересное напоследок, когда можно будет подогнать на место тяжёлую грузовую платформу. Теперь поздно, обрушившаяся башня мало того что оказалась под водой, при падении её несущие конструкции накрепко заклинивало, так что если там и оставались воздушные мешки, проникнуть туда было практически невозможно.

Джонас вздохнул и повёл свой глайдер в обход торчащего из-под воды искорёженного остова, не хотелось бы на скорости зацепиться днищем. Видали мы, что в таком случае бывает — глайдер, вертясь бешеным волчком вдоль поверхности моря, разбрасывал вокруг остатки груза и останки незадачливой своей команды, разрываемой на куски даже при удачном ударе о воду. Спасибо, но повторять такое мы не будем.

Перемещаться здесь на малом ходу тоже было небезопасно — помимо вящего интереса коллег по собирательству можно было привлечь в себе местных представителей архозавроморф. Откуда гребнистому крокодилу взяться посреди моря Тетис, не спрашивайте, но твари эти в местном климате плодились стадами, питаясь также непонятно как сюда заплывшим зеркальным карпом, атлантическим угрём и прочей мелководной живностью. Впрочем, отчего-то именно экипажи глайдеров морского крокодила интересовали особо, потому, сбрасывая ход, Джонас тут же от греха опускал за борт эхолот. Легенды о том, что прибор вещал на особо чувствительной для гребнистых тварей частоте, были лишь легендами, но по крайней мере о приближении одной из них лучше было знать заранее.

Впрочем, сегодня можно было обойтись и без этих сложностей. Заход на Ин-Салах в этот раз был заказной — в обычной обстановке откуда у Джонаса «небо» — а значит, можно было позволить себе идти тупо по приборам, не обращая внимания на хищную биоту, если повезёт, ему даже ноги замочить сегодня не придётся.

«Даю разрешение на подход».

А основательно у них. Джонас нечасто работал под заказ. Пусть деньги и неплохие, но хлопотно это. Одной отчётности потом пиши на сотню страниц мелким петитом. Так мол и так, произведён осмотр помещения. Сдал-принял, подпись-протокол. И главное если чего лишнего найдёшь — положь обратно, по контракту все обнаруженные артефакты принадлежат заказчику. Джонас хлопнул себя по лбу, вспоминая. Дрон-рекордер тут же оторвался от плеча, пожужжал и примостился обратно, не

обнаружив вокруг ничего интересного.

Смысл в приборчике как раз в том и состоял, чтобы всё было чётко зафиксировано и не вызывало потом никаких вопросов, что пропало, куда пропало.

Джонас только хмыкнул про себя, ну да, ну да, будет надо, никакие дроны ему не помешают взять своё, но углубляться в эту мысль не стал, нужно сперва добраться до места.

А вот и оно. В случае коммерческих заказов геотэг до последнего хранился в секрете, а оно и правильно, чтобы у Джонаса с коллегами было меньше соблазна заглянуть туда, скажем, заранее, на разведку. Им-Салах был слишком велик, чтобы излазить его весь, и обычным порядком наступать друг другу на пятки тут не приходилось, но в случае какой наводочки, желающие опередить других желающих тут же сыскивались. Иногда доходило и до поножовщины. Так что Джонаса всё эта секретность вполне устраивала, опять же, меньше поводов напрягать и без того изношенные центры в мозгу, отвечающие за соблюдение какой-никакой этики.

Джонасу снова стало смешно. Уж где он, а где этика ночевала.

Разворачивая глайдер напрямую к цели, он продолжал размышлять, что бы это такое на этот раз было.

Явно что-то не слишком громоздкое — на такое дело одного человечка на легкомоторном глайдере бы не отправили. Техника под бесконечным дождём моря Тетис давно вся развалилась, так что за информацией в Им-Салах соваться было бесполезно, но в громадинах жилых башен остались запертыми сотни тысяч сейфов со всякими побрякушками и прочими семейными реликвиями, может, кто из выживших беженцев озаботился своим былым наследием, а может, какая старушка проговорилась на смертном одре, в любом случае, за такие бешеные кредиты, что авансом отсыпали Джонасу наниматели, можно было неплохо отовариться и не покидая уцелевших после Бомбардировки агломераций, не суясь со своими дронами в несчастный Им-Салах.

Главное, как говорится, чтобы не оказалось, что сейф давно утащили коллеги Джонаса, а башня погрузилась на дно. Впрочем, с неба последний пункт наверняка заранее отследили.

Да вот же она, искомая башня, торчит прямо по курсу обломанным зубом.

Хм, никогда бы не подумал, что тут есть что-нибудь стоящее.

Джонас на всякий ещё раз удостоверился, что это не сбой позиционирования, и только тогда пошёл на сближение. Действительно, неплохой козырёк для парковки, удачно укрыт в

тени, с виду вполне надёжный, и вот он, целеуказатель возможной точки проникновения. Одна проблема. Башня была не совсем башней. Так, древний огрызок уровней полста, что-то, оставшееся с первого этапа застройки Им-Салаха сразу после Войны за воду, когда здесь был сформирован первый логистический центр помощи беженцам.

Да уж, по собственной воле Джонас в такую башню никогда бы не полез. Для начала, она была сделана из примитивного железобетона, такие обычно падали в воду первыми, без шанса погребая под собой всякого, кому не хватило ума избежать этой ловушки. Если из лёгких металлполимерных башен ещё был шанс выбраться, то тут случись что — поминай, как звали.

Да уж, Джонас задумчиво поскрёб в затылке. Старые башни обыкновенно отводились под муниципальные нужды. Там работали серые клерки, недостаточно компетентные, чтобы трудиться хотя бы младшим подавальщиком джуниор-полотёра в корпорации средней руки. Это было место, где ничего не решалось, нижний уровень общепланетной иерархии принятия решений и распределения ресурсов.

В эту башню Джонас не пошёл бы, даже если бы помирал с голоду. Но контракт его тащил именно сюда.

Ладно.

Джонас с сомнением оглянулся на соседние башни. Вроде по-прежнему тихо. И только тогда перешагнул через борт глайдера и нырнул в вязкий сырой полумрак башни, волоча за собой ранец.

Мимо его плеча тут же со стрёкотом пронеслись оба беспилотника. От них во все стороны сквозь полосы тумана чертили диагонали лазерные веера дальномеров. Тут же пошла картинка. Трёхмерная схема башни судя по всему была старая, но вполне достоверная, дроны-разведчики если что-то к ней и добавляли, то всякую мелочь вроде статуса сетей.

Да и то сказать, что тут вообще может удивить. Прогнившие насквозь коммуникации, разумеется, не функционировали, а вот сама башня оказалась в удивительно крепком состоянии.

Джонас за годы поисков всякого добра привык везде наблюдать примерно одно и то же — «бороды» водорослевых матов, многослойные коробящиеся под ногами наросты склизкой плесени, ну, и расчерчивающие всё вокруг трещины толщиной с руку, в которых с журчанием бежали крупные капли воды.

Но тут всё выглядело иначе.

Чёрная плесень вдоль стен по мере проникновения вглубь башни только сильнее сходила на нет, да и сами коридоры пусть и выглядели заброшенными, но на полу не было оставленных впопыхах предметов, не было и самого зловещего признака

панического бегства — следов ведения беспорядочного огня.

Джонас на своём веку успел насмотреться всякого — спрятавшиеся за импровизированными баррикадами мумифицированные трупы, сжимающие в иссохших пальцах приклады, они же, но уже обглоданные до костей и потому страшно белеющие в свете заплечного прожектора.

Не было тут и следов более позднего проникновения. Тонкий слой пыли, покрывавший пол, не пятнал ни единый след человека или животного, и почему-то именно это беспокоило Джонаса сильнее прочего.

Одно дело оскальзываясь на пропитанных водой плитах пробираться вперёд вслепую, рассчитывая лишь на то, что сканеры дронов не подведут, и впереди путь окажется свободен и безопасен, совсем другое — вот так спокойно шагать вперёд под тяжестью непонятно зачем прихваченного с собой ранцевого плазменного резака.

Джонас только и успевал сверяться со схемой — тут налево, тут направо, ни одна гермостворка не поднята, ни одна встречная дверь на обесточенные ригеля не задраена. С каждым шагом всё это выглядело подозрительнее и подозрительнее.

В какой-то момент Джонас не выдержал и попытался связаться через ретранслятор с оставшимися наблюдать снаружи, но железобетон уже надёжно глушил сигнал. Тоже подозрительно, не так глубоко он успел продвинуться, надо бы вернуться и установить дополнительный репитер на полпути, однако стоило Джонасу дёрнуться в обратную, как круживший поблизости регистратор тут же издал требовательный сигнал продолжать движение, недвусмысленно обещая кары небесные за неисполнение контракта.

Чёрт бы вас всех побрал.

Впрочем, ни посторонних звуков, ни иных следов подозрительной активности вокруг заметно не было, напротив, в недрах башни царила абсолютная тишина, нарушаемая разве что звуком осторожных шагов Джонаса и стрёкотом лопастей дрона.

Самым удивительным здесь было то, с какой лёгкостью сюда можно было проникнуть. Обыкновенно открытые для свободного доступа башни первыми подвергались разграблению, а в первые годы исхода в них банально прятались от не перестающего дождя люди, но тут всё осталось ровно таким, как два десятка лет назад. Даже вездесущая пыль в какой-то момент пропала, но ни одной банально запертой двери на пути Джонаса так и не встретилось. Как одно сочетается с другим — оставалось загадкой. Загадкой оставалось и то, как долго это всё будет продолжаться, поскольку путеводная нить в руках Джонаса даже не собиралась

притормаживать, уводя его всё ниже по лестничным клеткам и переходам в глубине башни.

Джонас уже сбился со счёта, как глубоко под уровнем моря он находится. Может метров тридцать, а может и все пятьдесят. Для такой старой и крошечной башни это уже было слишком. Рано или поздно он упрётся в подвал, а там…

Что именно его там ждёт, воображение Джонаса пасовало. Сколько ни оглядывайся на молчаливо сопровождающий тебя дрон, он тебе ответов не даст, даром что у него-то связь с хозяевам тоже давно пропала. Чёрт с тобой, выругался сквозь зубы Джонас, послушно поворачивая за угол.

Он знал, что рано или поздно это должно было случиться.

Перед Джонасом поперёк прохода стояла монолитная, без единого следа чего-нибудь постороннего, бетонная стена. Первой мыслью было вернуться, сколько раз с ним случалось сдуру проскочить нужный поворот, но в этот раз нить Ариадны в его голове с упорством и уверенностью, достойными лучшего применения, продолжала указывать вперёд.

Со вздохом скинув на пол натирающий плечи ранец с плазморезкой, Джонас, повинуясь инстинкту опытного гробокопателя, навалился на преграду, одновременно ощупывая её потными ладонями и прислушиваясь к ней прижатым ухом. Тишина. Абсолютная тишина.

Ни ультразвуковые, ни гигагенцовые сканнеры дрона не показывали за стеной ни малейшей скрытой в ней структуры. Стена и стена. Древний бетонный монолит. Даже упрятанные в стену обесточенные коммуникации на этом заканчивались. Это был тупик.

Но как же…

При мысли о том, что всё впустую, что сейчас придётся возвращаться, Джонаса отчего-то продирало холодной дрожью.

Хотя, если подумать, какое ему дело до успеха или неуспеха этой миссии? Заказчики теперь ему всяко должны за услуги полную сумму — дрон всё записал, с исполнителя за чужую лажу какой спрос, даже барахло тащить обратно ничего не придётся, бросить тут и всего делов.

Вот только почему-то мысль эта не казалась Джонасу ни логичной, ни даже попросту достижимой. Ноги словно прирастали к полу, а взгляд никак не мог оторваться от той самой стены. Она была голой, без единой надписи, но отчего-то с каждой секундой Джонасу начинало казаться, что так было не всегда. Что он уже стоял здесь, до исхода, до потопа, до кровавого хаоса Бомбардировки. Задолго до всего этого он уже стоял здесь, глядя на знакомый символ, похожий на латинскую букву S.

И только тут его осенило. Так далеко он зашёл, потому что перед ним загодя открывались все двери. Но эту дверь он должен был открыть сам.

Ведь не зря же его столько лет не отпускало восставшее море Тетис, не зря он столько лет потерянной тенью зачем-то бродил вокруг Ин-Салаха.

Что-то держало его тут, не давая покинуть гиблые места. Зачем-то он тут оставался.

Настало время вспомнить, зачем.

Комплекс оживал.

Реанимировались законсервированные термоядерные петли, восстанавливалось питание вторичных систем коммуникации и авторемонта, из боксов длительного хранения выбирались на свободу самоходные роботизированные манипуляторы, откачивались до высокого вакуума трубы магнитной транспортной системы.

Погружённые в полумрак производственные линии впервые за долгие годы выгружали из репозиториев схемы аддиктивной печати. Актуаторы автоматизированных сборщиков приводились в движение согласно полученным программам. Системы кондиционирования уточняли показатели температуры, влажности, газового состава и стерильности атмосферы в соответствии со свежими требованиями сборочных инструкций.

С электрическим гудением побежали вперёд транспортные ленты, с утробным грохотом опустились аппарели тяжёлых подъёмников, на верхних уровнях принялись раскрываться диафрагмы стартовых шахт.

Завыли сирены, разгоняя стаи расплодившихся вокруг цапель и заставляя морских крокодилов всем телом вжиматься в заболоченное мелководье.

То, что было некогда спрятано, теперь грохотало во все тектонические микрофоны, готовые слушать эту песню оживших земных недр.

На глубине до пятисот метров и в радиусе двух десятков километров километров вокруг центральной башни лабиринт горных выработок с каждой секундой возвращался к тому состоянию, ради которого некогда возводился.

И никто из оставшихся в округе людей даже не подозревал, что творилось у него под ногами, да что там в округе — на всей Матушке едва ли нашлось бы полтора десятка человек, способных в полной мере оценить масштаб того, что творилось на всех полушариях, на всех континентах.

Под стометровыми наслоениями селей, под толстой подушкой жирного импактного пепла, в глубинах новых морей, там, откуда уж сколько лет как бежали последние люди, но и не только.

Ниже самых глубоких ярусов старых промкомплексов и в недрах исчерпавших свой ресурс шахт. На глубоководных рифтах и шельфах бесполезных, контролируемых непонятно кем морей.

По мановению чьей-то невидимой руки вся планета единомоментно вышла из-под контроля тех, кто столетиями считал себя полноправным властителем этого уголка вселенной.

Теперь одним из таких властителей стал я.

Ха, смешно. Смешно и грустно.

Единственный человек на всём комплексе, я отвечал за деблокирование критических противоречий и принятие ключевых решений, но знал о конечных целях его существования не больше, чем гигантский спрут в глубинах океана понимает в тектонике литосферных плит. Будь ты хоть самым большим и умным животным в своей экосистеме, являясь её частью, ты остаёшься лишь винтиком, пусть важной, но всё равно легко заменимой величиной внутри целого. Для понимания целей чего-то нужна возможность покинуть его пределы, взглянуть на него со стороны, увидеть причины и следствия в том, что изнутри кажется простыми и незамысловатыми законами бытия.

Автомат исполняет свою программу. Комплексный автомат — комплексную программу.

Я был частью невероятно сложной системы и исполнял там поразительно сложную роль. Но роль оставалась ролью, режиссёр же этого грандиозного кукольного театра мне оставался так же неведом, как и в первый день творения.

Я и о себе-то самом знал удивительно мало.

При мне остались все мои воспоминания, вся моя жизнь за пределами комплекса ничуть не утратила свою отчётливость, но дни шли, и мне всё больше приходилось сомневаться в том, что она была в должной степени реальной. Гладя издалека на то, как я до сих пор жил, мне всё больше бросалась в глаза та искусственная прямота, незамысловатая стройность, что наполняли собой мою автобиографическую память.

Зачем вообще оставаться на этих руинах, бесконечно роясь в гигантском могильнике брошенного мегаполиса. С тем же успехом можно было представить себя археологом из далёкого будущего, который вместо того, чтобы начать свои раскопки с заброшенных музеев и погребённых тысячелетия назад библиотек, вместо этого увлечённо ковырялся бы в многосотметровых отложениях мусорных полигонов Матушки.

В поисках чего?

Следов давно ушедшей отсюда жизни? Да вот же она, вокруг, взгляни, все эти падающие друг на друга башни, чем не главный памятник погибшему человечеству?

Что человечество уже погибло, я прежний ничуть не сомневался. Как не сомневался и в том, что это не катастрофа Бомбардировки погубила мой вид. Что-то случилось куда раньше, задолго до того, как Церера сошла с орбиты, распавшись на ледяные обломки, поразившие в итоге Матушку и Красную, но в большинстве своём умчавшиеся далеко за пределы границ Облака Оорта.

Человечество, прежнее, готовое к борьбе человечество не спасовало бы даже перед угрозой прямого столкновения Цереры с Муной. Мы бы решили эту проблему, решили бы, даже оставшись вовсе без родного мира.

Но Бомбардировка застала нас на перепутье, по сути, мы остались жить на помойке собственного мира задолго до того, как нас оттуда погнали голод и отчаяние.

Я тоже был частью этой искусственной полужизни-полусмерти.

Осталось лишь немного подтолкнуть меня, если хотите, запрограммировать на определённую степень детерминированности поведения. Чтобы я не уехал, а остался, не нашёл себе где-нибудь более счастливый путь, но предпочёл остаться мусорщиком на руинах.

Чтобы однажды получить команду, чтобы однажды честно её исполнить.

Те, кто меня сюда привели, отчего-то не доверяли автоматам. Они предпочитали видеть на моём месте продукт биологической, а не механической программы. Но и людям они доверяли не больше. Иначе они бы соизволили сообщить мне, зачем, для чего я произвожу на свет все эти миллионы единиц техники.

Я знал об этом лишь одно — когда бы ни был составлен грандиозный план строительства этого комплекса, все материалы для его работы были доставлены сюда задолго до того, как сам комплекс был закончен и запечатан до лучших времён. И уж точно — задолго до первого импакта.

Значит, составитель этого плана с самого начала знал, что однажды наступление моря Тетис изгонит отсюда людей, и некому больше будет задаваться вопросами, а что это за грохот доносится из-под земли, и грозным предзнаменованием чего он является.

Чего-то ещё более страшного, чем Бобмардировка Матушки или Волна Красной. Чего-то ещё более грандиозного, чем

апокалиптический сюжет Предупреждения.

Что и ради чего я строил под этими водами?

Я не знал. Но меня это и не особо беспокоило.

Я вообще не был в те времена склонен к особым сантиментам.

Если же на меня вдруг и накатывала мучительная волна неуверенности в себе, в собственных силах справиться с тяжестью возложенной на меня задачи, я не начинал рефлексировать, я просто оставлял свои текущие дела и поднимался наверх.

Внутри моей башни были особые коммуникационые каналы, не указанные на официальных схемах, как будто специально предназначенные для меня. Персональный лифт на крышу, какого нет, пожалуй, даже у самых зажравшихся корпоративных шишек.

Здесь я смеюсь про себя, чтобы не выглядеть сошедшим с ума учёным из классических дорам.

Разумеется, ради меня никто бы ничего подобного строить не стал. Обычная скоросткная грузопассажирская платформа для экстренной доставки критически важных модулей по воздуху. Она вела на единственный в моей башне уровень с посадочной платформой для тилтвингов. За всё то время, что я тут провёл, ни один пока так и не приземлился. Так что покуда платформа была в моём полном распоряжении.

Если подумать, вполне заслуженное скромное удовольствие, подняться сюда и постоять минуту, оглядывая частокол чернеющих башен.

С тех пор, как я перестал обращать внимание на происходящее на поверхности, море Тетис стало другим. Тёмным, с трудом колышущимся студнем. И даже птицы тут стали другими. Вместо начисто пропавших цапель сначала прилетели чайки-бургомистры, за ними стали заглядывать поморники с их характерным оперением, впервые я с удивлением разглядел в воздухе глупыша. Надо же, раньше они так далеко на юг не заглядывали.

Раз морская птица решила здесь гнездоваться, значит, море Тетис уже окончательно объединилось с мировым океаном. Что-то продолжало твориться с Матушкой вдали от моих глаз, но какое мне дело до прочих мест.

Даже эти руины я узнавал с каждым днём всё меньше.

В вечернем сумраке тут повсюду светились огни, наполняя туманный морской воздух холодной электрической дымкой. Меж чёрной гребёнки башен мелькали стремительные тени тилтвингов, а вот привычные глайдеры, по всей видимости, стали тут бесполезны — климат не тот, но в былые времена тилтвинг нам был попросту не по карману.

Что бы ни творилось у меня внизу, тут, наверху, тоже всё вновь приходило в движение. Нужно будет присмотреться к происходящему, потому что иначе однажды оно может помешать исполнению моего плана. А этого я допустить никак не мог.

Впрочем, сегодня мне не до посторонних угроз. Я просто стою здесь, на самом краю пропасти, и смотрю вдаль, навстречу надвигающейся буре, чувствуя на лице первые уколы снежинок.

Снег в центре Сахары, кто бы мог подумать, что это вообще возможно.

Человек так долго боролся с техногенным потеплением, но походя устроил себе рукотворное похолодание.

Гигатонны импактной пыли от последствий Бомбардировки плюс всё-таки случившийся поворот Гольфстрима.

Матушка отныне всё за нас сама решила.

Я наскрёб с парапета немного скопившегося там снега. На вкус он был кислым. Ничего. Это пройдёт.

Я обернулся напоследок, глядя на приближающиеся свинцовые тучи. Пора возвращаться.

XXIV. 36. Умбра

Под этими куполами ей до сих пор чудились крики.

Протяжные, жалобные крики людей, потерявших веру в будущее. Они метались между запертыми шлюзовыми переборками, разрываемые страхом быть затоптанными и желанием кого-нибудь затоптать.

Отрывистые, яростные крики команд. Штурмовые бригады миротворцев в чёрных армированных кабинсьютах не успевали перезаряжать ребризеры, потому, наплевав на инструкции безопасности, дышали одним воздухом со своей паствой и переругивались так же, напрямую, в обход шифрованных каналов.

Оглушительные вопли некормленых птиц, которых разводили в куполах на потеху привилегированного корпоративного сословия, но бросили без присмотра с началом Блокады. И вот они носятся, одуревающие от пониженного содержания кислорода и жуткого голода, под самыми небесами и кричат-кричат-кричат.

И падают замертво.

От этих криков можно было сойти с ума. И многие сходили.

Вдоль променада километровых обзорных галерей, некогда составлявших гордость южных склонов кратера Амундсен, больше не гуляли праздные толпы. Здесь вообще не гуляли. Здесь лежали вповалку, чаще ничком, и непрерывно бормотали что-то невнятное. Какие-то только им одним известные имена, только

им одним важные места. Люди в те горькие дни быстро теряли надежду и, в конце концов, сдавались.

Будучи оторванными ото всей прочей Сол-системы с самого начала Блокады, люди оказались лишены главного, что вообще позволяло человеку бороться. Они оказались лишены даже минимальной возможности повлиять на собственную судьбу.

Богатей ли ты, забравшийся на Муну в поисках истратить хотя бы крошечную часть собственных неимоверных кредитов, серый ли винтик корпоративной машины, отправленный туда, куда решило начальство, или же ты и сам был тем начальством, не обладающим ни малейшими ресурсами помимо собственного кресла, и потому поневоле следующим туда, где это кресло принесёт тебе больше власти. Всё это стало неважно, когда началась Блокада.

Даже штурмовые бригады «Лунар текникс», ошалелые охранники здешнего хрупкого миропорядка, торчали по углам такими же беспомощными жертвами, вся их галимая бравада годилась лишь на то, чтобы не сойти с ума от ужаса уже сейчас. Они сделают это потом, ещё как сделают.

Кора оглянулась на молчаливые эволюции мекков. Этим двоим она доверяла безоговорочно, но всё равно до сих пор от них шарахалась. Не потому, что боялась призраков, а потому, что сама и была таким призраком.

Для человека, неспособного забыть даже малейшую деталь происходящего, она слишком мало знала о самой себе, но даже того, что ей было известно, было достаточно, чтобы испытывать страх от одного только осознания того факта, что она — это она.

А значит, однажды все эти крики снова вернутся к ней во плоти, уже не как досужие воспоминания, но как как новая трагедия. Не двое мекков охраняли её от излишнего интереса посторонних, это она с каких-то пор охраняла всё вокруг от самой себя. От той разрушительной силы, что в ней жила, пускай уже много лет не просыпаясь.

А уж проследить связь между истинной природой Коры и тем, что творилось вокруг, можно было даже зажмурясь. С первыми признаками начала Блокады (а тогда ещё никто не знал, до чего дойдёт рядовая авария на гало-орбите) Кора тотчас ощутила на себе пристальное внимание со стороны. Сложите два и два, получите четыре. На Муну прибывает эффектор Соратника Улисса, и тут же вокруг начинает твориться нехорошее. Будто она притягивает несчастья. Нет, будто она и есть — то самое несчастье. Все помнят руины Хрустального шпиля. Если бы всё было так просто.

Что бы ни стояло за именем Коры Вайнштейн в те далёкие

времени, когда «Сайриус» ещё только готовился к старту, а Лилию Мажинэ не поминали иначе как первым Соратником, всё это благополучно кануло в Лету на тех руинах, не оставив после себя даже обрывочных воспоминаний.

Они стояла с Улиссом и Урбаном на той площадке, глядя со стороны на понемногу растаскиваемый остов Шпиля, но не чувствовала более ничего. Ни жалости к себе, оставшейся, ни злости к ней, ушедшей. Отныне у неё была своя судьба, о том же что однажды враг вернётся под именем Лилии, ей тогда и в голову не приходило.

Ей вообще ничего тогда не приходило в голову, жизнь эффектора больше похожа на сомнамбулическое времяпровождение погружённого в криосон трассера. Дни идут, а ничего с тобой не происходит. Точнее происходит, ты слышишь что-то, видишь, что-то, что-то ощущаешь, но сутки спустя всё это растворяется в небытие, стоит лишь тебе на секунду отпустить нить рассуждений. Щёлк, и на место твоей собственной памяти встала память Улисса.

Она не злилась, понимая, что и у него не было особых альтернатив, как поступить в тот раз. И да, он предпочёл бы погибнуть тогда сам, но не превращать её тело в безвольную куклу, это она сделала за него свой выбор.

Но не всегда она была куклой. И её появление на Муне было по плану такими каникулами вдали от Улисса, когда она могла вволю пожить своей жизнью, неся волю Ромула в этот уголок Сол-системы.

Своей, ха. У ней в голове не оставалось ничего, кроме воспоминаний Улисса, она была его слепком, пусть и в чужой физической оболочке. Но если вспомнить, что оба они некогда были единым целым, что ж, в этом, в отличие от дилеммы Ильмари Олссона, хотя бы таилась какая-то своя неказистая правда. У того по крайней мере был шанс освободиться. Но что могла она? Без Улисса она стала бы овощем. Не сразу. Не на следующий день. Но однажды её неспособность сладить с пустотой хрустального мира обернулась бы к ней своей зловещей стороной. Потому Улисс и Кора не разлучались надолго, каждый раз с осторожностью нащупывая ту тонкую временну́ю и пространственную грань, за которой он остался бы, наконец, в одиночестве, она же оказалась бы очередным коматозником в тихой больничной палате для неопознанных.

Впрочем, наедине они бывали тоже нечасто, Улисс предпочитал оставлять ей шанс вести частную жизнь, если к эффектору такое слово вообще применимо, а потому как можно чаще отсылал её прочь. Каникулы есть каникулы. Увольнительная

из концлагеря его сознания, из рабства его воспоминаний о ней.

И вот, как всегда втайне ото всех, Кора Вайнштейн прибывает на Муну, а месяц спустя начинается Блокада.

Сначала в виде череды нелепых случайностей на гало-орбите, потом в форме бунтов в доках, столпотворения в пассажирских терминалах, нарушения цепочки поставок и последовавших за ними уже почти неизбежных отказов ключевых систем энергопотребления и жизнеобеспечения.

Нужно быть слепым, чтобы не узнать о её появлении на Муне, не сопоставить это событие с началом Блокады. Она бы и сама так решила, если бы не была так же, как и все, отрезана от событий в системах внешних планет, и не гадала теперь, что же вокруг творится, запершись в своей каюте и пытаясь раз за разом достучаться до Улисса или хотя бы до любого из людей Ромула, оставшихся на Муне.

Те упорно молчали.

Что-то творилось, что-то до невозможности тревожное, но она была так же далека от этих событий, как если бы до сих пор оставалась той опасливой и потому особо опасной девочкой, которая некогда случайно столкнулась в муниципалке нос к носу со своим двойником Майклом Кнехтом. Везение, что уж там. Чёртово везение.

Теперь же оно привело её на запертую со всех сторону Муну, на которой перед её глазами вскипала буря, жаль только, что в этот раз она не имела к этим событиям ровным счётом никакого отношения. Резервные каналы связи Корпорации молчали, молчал Улисс, молчал Ромул, даже традиционно активные агенты фракции Ревнителей все будто испарились. Кора если и покидала свой закуток, то тут же спешила вернуться обратно, настолько тошнотворной была атмосфера всеобщей паники, что зрела и густела под куполами с каждым днём.

Эти люди словно что-то чувствовали, как в дни чёрных ид, но и за пределами Матушки те переносились людьми сугубо субъективно и порознь, не синхронизируясь и не превращаясь в непреодолимую затхлую клаустрофобную волну, тут же, на Муне, хватало своей собственной, естественной клаустрофобии замкнутого пространства и плохо кондиционированного воздуха. С каждым днём паника нарастала даже сама собой, не говоря уже о том, чтобы вспениваться реакцией на очередные страшные новости.

Рано или поздно это должно было случиться. Какое-то последнее несчастье, от которого Муна окончательно пойдёт вразнос. Таким несчастьем стало крушение парома «Соверен», последнего из трёх оставшихся на ходу паромов, опускавшихся от

старенького «Шлюза-2» к кратеру Кабеус. Разгруженная под завязку калоша не смогла набрать ходовую мощность, зависнув в итоге в пятиста метрах от стартового стола и, несмотря на все усилия команды, до конца уводившей паром маневровыми в сторону, обрушившейся спустя полчаса всей своей неповоротливой тушей на ремонтные ангары неподалёку. Ангары, конечно, к тому времени уже очистили от персонала, но разлёт обломков прочного корпуса и конструкций в итоге был такой, что пострадали купола в радиусе двухста километрах вокруг.

Это и стало сигналом к началу паники.

Кору разбудил тот самый чаячий крик, что с тех пор звенит у неё в ушах, преследуя даже под предельной дозой седативных препаратов. Людское море бушевало по всей Муне, не разбирая рекреационные зоны, корпоративные купола, упрятанные в толщу реголита промышленные комплексы или жилые купола для обслуживающего персонала. Это быстро стало войной на поражение. Стрельба велась очередями. Ошалевшие от крови штурмовики быстро перестали разбирать своих и чужих, агрессивных и послушных, жертв и нападавших. И без того идущие вразнос системы жизнеобеспечения окончательно перестали справляться с повсеместными утечками, люди теряли сознание при падении давления, гермостворки отсекали сотни обречённых людей там, где их застала судьба.

Ей едва удавалось избегать прямого контакта с агрессивной толпой и теми из «красножетонников», кто ещё действительно пытался утихомирить беснующихся, а не просто палил из укрытий в любого, кто посмеет приблизиться. На её попытки связаться с агентами Корпорации всё так же не поступало никакого ответа. Зато когда ответ всё-таки последовал, Кора предпочла бы спрятаться от него как можно дальше, забравшись в самые холодные ледяные котлованы на полюсах.

Ей ответила Лилия.

Её собственная тень.

Когда Кора впервые осознала из путанных воспоминаний Улисса, что энергетический паразит, некогда населявший её тело, но в итоге благополучно потерянный на руинах Хрустального шпиля, до сих пор жив и здравствует под новым-старым именем, это прозвучало как грозное предзнаменование грядущих бед. Если она — прежняя она — со всеми её страхами и сомнениями сумела переродиться, значит у Соратников снова появился враг. Беспощадный, всесильный, ничем, в том числе никакими моральными принципами не ограниченный враг, который однажды найдёт способ нанести удар.

Эти страхи оказались не оправданными, размен сил в лице

Ильмари Олссона состоялся почти бескровно, обе противоборствующих стороны ушли каждый в свой угол ринга, зализывать раны, строить новые планы, пусть и пообещав больше не вмешиваться в интриги друг друга. С тех пор не прошло и полутора сотен оборотов, наполненных постоянными недомолвками, взаимными подозрениями и тотальным шпионажем всех за всеми. Неповоротливые корпорации Большой дюжины служили в этих играх марионетками, люди же, работавшие на них, каждый раз оставались не более чем разменной монетой.

И вот теперь, когда волна истерии на блокадной Муне достигает максимума, когда уже месяц нет связи, а люди вокруг гибнут без счёта, Кора в какой-то момент ощущает на себе пристальное внимание со стороны. Как будто-то кто-то незримый и до невозможности знакомый следит за ней на расстоянии, сквозь толщу реголита и металлполимерных стен.

Та, кого ни с кем не спутаешь. Та единственная, кого Кора вообще была способна бояться в этой вселенной. Её бывшая сущность, её былое «я».

Это было невозможно.

Не потому что так гласили старые зароки и былые договорённости. Никакие клятвы на крови не длятся вечно. А потому что Кора доподлинно знала — если она страшилась взглянуть в глаза этому существу, само существо боялось этого не меньше.

Поистине, должно было случиться нечто невообразимое, чтобы они вновь, по доброй воле или же насильно, встретились лицом к лицу. Однако это всё-таки произошло.

В то утро истерия в куполах поднялась поистине невообразимая. Грохот банок со слезогонкой был слышен во всех направлениях, в матюгальниках орали грозные предупреждения о закрытиях-перекрытиях с призывами не выходить из капсул, но их никто не слушал. Запертые в этой гигантской больнице для умалишённых люди с воем носились по пандусам и коридорам, периодически вступая друг с другом в стычки и снова разбегаясь по углам. И вот посреди всего этого хаоса Кора заметила знакомую укутанную в чёрный плащ демоническую фигуру с горящими от ярости глазами.

Увидишь такую — сразу поймёшь, что просто так от неё не уйти, как ни старайся.

— Это всё твоих рук дело!

Звучало как утверждение, а не как вопрос.

Они замерли друг напротив друга, такие спокойные посреди бушующего вокруг них людского моря, как два незыблемых

маяка, пылающих во мгле. Ну, или желающие казаться таковыми. Снаружи было не понять, что за бури бушуют у них на душе.

Как же они были похожи в ту минуту! Одинаково грозные, одинаково сосредоточенные. Если в обычной обстановке между ними сложно было отыскать общие черты, сейчас сторонний наблюдатель легко принял бы их за сестёр-близнецов. К счастью, такого наблюдателя не сыскалось.

Кора не без удивления оглянулась по сторонам. Их окружала гулкая звенящая пустота. Не выдержав незримого столкновения двух воль, паникующая толпа предпочла убраться восвояси, искать свой случай спастись или погибнуть в другом месте беспокойной Муны.

— Ты так уверена в своих словах, что даже посмела за этим явиться сюда лично?

Впрочем, верно и обратное. Если бы Кора догадалась за эти безумные дни проверить хрустальный мир, она бы наверняка обнаружила там Лилию. Тем более что она, против обыкновения, даже не пыталась сейчас скрываться.

А раз так, значит, дела были действительно плохи.

— Мне нет дела до того, что вы с Ромулом тут творите, но мне нужна связь с Поясом.

Кора задумалась. Вряд ли в интересах Лилии сейчас вести какую-то двойную игру.

— Если ты полагаешь, что Блокада — моих рук дело, то зря. Я тут в такой же ловушке, без поддержки и связи.

Но погодите, Лилия твердила про связь с Поясом. Так может, вот в чём причина всего, что творилось на Муне? Причина всей этой проклятой Блокады.

— Погоди, ты же здесь тоже одна осталась не просто так? Великая и ужасная Лилия, гроза Корпорации, нарушает старые договорённости, выходя со мной на контакт, только затем, чтобы… попросить у меня помощи?

Кора ясно различила, как ей в ответ скрипнули зубы.

— Я не прошу у тебя помощи, последнее, что мне бы пришло в голову, так это просить…

— Безголовую куклу, послушную марионетку Улисса, по какому-то праву занявшую твоё собственное бывшее тело?

Лилия в ответ упрямо дёрнула головой:

— Я этого не говорила.

— Хорошо, это сказала я. И мы обе знаем, что это правда. Я — та самая марионетка, пусть и не безмозглая. Но сейчас, похоже, мы обе застряли на этой чёртовой Муне. Я не знаю, что у тебя за дела на Поясе, но я хотела бы убраться отсюда не меньше твоего. Однако пока здесь творится весь этот хаос, ситуация будет

только продолжать усугубляться.

После паузы Лилия кивнула в ответ.

И тут до Коры, наконец, дошло. Они вдвоём оказались заперты здесь, наедине с собой. Если это само по себе не было причиной творящейся в куполах анархии, то наверняка могло послужить её дальнейшей эскалации.

— Потому, раз уж мы здесь собрались, значит, настала пора нам поговорить и решить то, что между нами осталось неразрешённого. Если бы здесь был Улисс…

Лилию в ответ как током дёрнуло. Ничего, потерпит.

— …нам бы даже не пришлось решать эту проблему самим. Но я — не он, да и ты, что бы там с тобой не творилось, ты тоже не Лилия Мажинэ. Мы не сможем в одиночку справиться с тем, что здесь творится. Даже для Ромула это было бы непростой задачей.

— Что ты предлагаешь?

Это было проще осознать, чем произнести слух.

— Нам нужно объединиться. Иначе, поодиночке, мы скорее всего сделаем только хуже.

Кора с интересом разглядывала тогда игру мысли на её лице. Как сомнение постепенно уступает место уверенности. Другого пути и правда нет. Так что же, Лилия, самый настойчивый противник планов Ромула, ты готова поступиться собственными страхами и объединить свой разум с разумом твоего злейшего врага. Ну, или твоей собственной пугающей тени.

И готова ли сама Кора пойти на такой риск? В особенности — сейчас, без контакта с Улиссом, без его на то дозволения?

Хотя нет, какая разница. Она и была Улиссом, его эффектором, хранилищем всех его воспоминаний до самого мгновения их последнего расставания. Так в чём же проблема?

Проблема была в ней. Кора не верила самозванной Лилии. Потому что до сих пор не забыла тот бой у основания Хрустального шпиля. Она помнила, как тогда боялась.

Теперь бояться поздно. Страх — истинный страх — возникает при осознании неизбежности, когда ты в точности знаешь, что будет. Возникает и исчезает, растворяясь по мере приближения причины страха. Они же вдвоём, они тогда и правда не знали, что их ждёт дальше. Им если и стоило бояться, то этой самой зловещей неопределённости. Её так просто отбросить прочь. Достаточно попросту смириться.

Им нужно было во что бы то ни стало остановить творящееся на Муне, прекратить хаос Блокады.

И они знали, как это сделать. Хуже уже всё равно не будет.

Кора и Лилия протянули друг к другу ладони и впервые

ощутили это прикосновение. Прошлого и будущего, двух частей некогда целого. Лилия Мажинэ в тот миг на мгновение снова воссоединилась, пусть и в виде слабого эха прежней себя.

Когда-то она погибла, исполняя волю Ромула. Сегодня она возродилась вопреки этой воле. Он явно планировал запереть их обеих на Муне, вдали от того, что творилось сейчас в Поясе. Что ж, на этот раз всё пойдёт не по его плану.

Бунты утихли в тот же день.

Люди перестали носиться с криками между гермопереборками, прекратилась стрельба, начали разбирать баррикады, понемногу возвращалось нормальное жизнеобеспечение и поставки пищи из биореакторов.

Спустя полмесяца было восстановлено паромное сообщение со станциями и гало-орбитой.

Лилия улетела первым же рейсом, её лицо было черно от нехороших предчувствий. Она уже знала о сходе Цереры с орбиты. Но ещё не понимала, чем всё это кончится.

Кора же осталась на Муне, следить за тем, чтобы люди вновь не вцепились друг другу в глотки, теперь, после того, как они с Лилией спели одну на двоих Песню Глубин, она иначе стала смотреть на человечество. Нет, оно не нуждалось в том, чтобы его вели куда-то, тащили за шиворот к великой цели. Но уберечься от ошибок ему самому бывает ой как непросто. И где та тонкая грань между апатичным рабством и абсолютной свободой, где сокрыта тайна чудесного баланса, ведущего к оптимизации всеобщего блага и достижения всеблагого счастья, в этом и состояла главная тайна, главный объект исканий для таких, как Кора.

В любом случае, покинуть Муну сейчас, в ожидании грозных событий, приближающихся из дальнего космоса, она не могла. Она справится, обязательно справится.

Так и случилось.

Когда на Матушку, несмотря на все усилия по коррекции его аномальной орбиты, рухнул первый обломок Цереры, казалось, вся Сол-система пошла вразнос. То, что творилось на Муне во время чёрных дней Блокады, только стократ более бесконтрольно, начало твориться по всей Матушке, по всей Красной, по всем внешним трассам.

Кора по-прежнему не знала, что за усилия и в каком объёме предпринимаются повсеместно Ромулом, Соратниками и Корпорацией по минимизации ущерба, но потеря контроля над Муной привела бы к такому каскадному эффекту, который свёл бы любые попытки стабилизации царящей обстановки к нулю. И Кора, не дожидаясь указаний от Улисса, который всё так же сохранял молчание, принялась за дело там, где она была в силах

предпринять хоть что-нибудь.

Катастрофа Бомбардировки ни на день не задержала восстановление мунных куполов от последствий затяжной Блокады. Предупреждение об угрозе импакта в западном секторе кратера Кабеус люди встретили в абсолютном молчании.

Шеренги согнутых в ожидании удара фигур стояли вдоль панорамных стёкол и молча глядели вдаль, не ожидая от грядущего ничего особенного — ни счастливого избавления, ни торжественных поминок. Эти люди научились от Коры главному — стойкому фатализму перед лицом неизбежного.

Делай что должно. А завтра наступит вне зависимости от твоих по его поводу пожеланий.

Кабеус тоже был восстановлен, став после удара вдвое больше. На это понадобилось два десятка оборотов и невероятные усилия всех промышленных мощностей и человеческого ресурса Муны.

К тому моменту, когда на Матушке волна беженцев захлестнула все наименее пострадавшие агломерации и неминуемо выплеснулась за их пределы сначала на низкую орбиту, а потом, несмотря на все усилия со стороны директоратов Большой дюжины, докатилась и до мунных куполов, Кора уже была готова.

«Лунар текникс» был согнут её железной волей в бараний рог. Любые попытки вырваться из-под контроля пресекались так жёстко, что старые страшилки о диктате Корпорации канули в Лету.

Три из четырёх супердиректоров «Лунар текникс» были найдены мёртвыми в собственных тайных бункерах, построенных в толще плагиоклазовых пород на глубине километра от поверхности. Вся эта секретность, как и толщина внешних стен, им не помогла. Наследники мёртвых быстро выучились на их опыте, предпочитая следовать указаниям, поступавшим словно бы из ниоткуда.

Корпорация в этот процесс тоже предпочитала не вмешиваться. Если в первые обороты Кора всё ждала с известной ноткой опасения грядущий десант людей Ромула на Муну, то по истечении известного срока решила для себя, что она и так справляется, а у Соратников есть дела и поважнее её затянувшегося уединения.

Улисс, впрочем, периодически выходил на связь, выходил и уходил, даже не заикаясь по поводу их скорого воссоединения. Больше это производило впечатление семейных рождественских сборищ, когда много оборотов как не видевшиеся вживую дальние родственники, натужно улыбаясь на камеру, делятся

друг с другом неважными деталями своих посторонних жизней. Улисса волновало только одно — как много теперь знает Лилия, и как долго Кора ещё будет способна продержаться без его, Улисса, подпитки.

Кора же предпочитала в ответ помалкивать. Да, держусь. Да, Муна под контролем. Нет, продолжай спокойно заниматься своими делами, Соратник.

На этом и расставались.

Так тянулись сначала обороты, а потом их набрались десятки. Кора привычно наблюдала, как понемногу растворяется в этих людях вослед иссякающему паразиту. Лилия молчала. Помалкивал и Улисс. Муна сперва пережила последствия Бомбардировки, потом сумела пережить Волну на Красной, с каждым событием гало-орбиту накрывало потоками беженцев и груза гуманитарной помощи на восстановление. Но однажды потоки ледяных глыб со стороны Пояса иссякли, как иссякли и какие бы то ни было новости о затяжной войне Большой дюжины со зловредной Корпорацией у внешних планет. Сол-система словно застыла в ожидании чего-то иного. Новой беды. Новой трагедии.

Кора знала, что бесконечно это ожидание длиться не может, что однажды Улисс вернётся. Так в итоге и случилось. И вот теперь она движется по направлению к пассажирскому терминалу в сопровождении двух мекков, такая же невидимая для всех, как и всегда до этого. Полупрозрачная, почти растворяющаяся в воздухе даже для самой себя.

Столько оборотов она провела на Муне, настолько прониклась этим несчастным планетоидом, что уже непонятно, кто в чём растворился.

Людское море несёт сквозь неё свои обильные воды, она же… скоро она, наконец, покинет этот мир, покинет навсегда, уж это точно неизбежно.

Частный катер в корпоративном доке выглядел пустым и безжизненным. Разумеется, она должна была лететь без сопровождения. У того, что случится дальше, не должно быть свидетелей, даже настолько доверенных.

Едва заметная перегрузка толкнула Кору в спину, вознося под чёрные небеса. Даже на Церере некогда было ничтожное, едва заметное небо. На Муне ты сразу же оказываешься в черноте космоса, наискось расчерченного навигационными параболами траекторий. «Экспансия», так это называли трассеры. Вблизи мунной гало-орбиты второе значение этого слова подходило ещё больше — не «простор», но «распространение за пределы». Тут до сих пор царило такое оживление, будто за спиной у них не было

ни Бомбардировки, ни двух климатических скачков, ни войн, ни болезней.

Человечество по-прежнему стремилось куда-то вдаль.

Но не сама Кора. Она уже видела перед собой свою сегодняшнюю цель. Чёрный пузырь пустоты, в центре которого пряталось нечто пугающее, то, к чему ни один капитан, будь то даже механический церебр, не решился бы подвести свой крафт. Туда-то ей и следует направляться.

По мере приближения орбитальная платформа — а это была она — всё отчётливее приобретала хищные черты военной техники. Слишком утилитарная, слишком угловатая, слишком мощная для привычной тесноты мунной гало-орбиты.

Видимо, несмотря на катастрофу на Церере, Ромул всё-таки вернул себе контроль над излучателем и его форками. Иначе как бы этот ребристый монолит смогли доставить на внутренние трассы. Привычный гравитационный манёвр для этой громады чреват неизбежно возникающими приливными силами. Нет, эта штука была доставлена сюда по активной траектории, при достаточно гладком ускорении.

Так вот на чём теперь позволял себе перемещаться по Сол-системе Улисс. А ещё платформа молчала. Во всех диапазонах вокруг неё распространялось жуткое, напряжённое радиомолчание. Лишь единственный лазерный луч упирался в корму её катера, угрожающе навязывая траекторию подхода. Её ждали.

Спустя час она уже висела, держась за поручень, у раззявленной пасти капсулы биологической защиты. Знакомая история. А за прозрачной гермопереборкой на неё смотрел Улисс.

— Вы всё-таки решились?

Ответный взгляд был вопросительным. Как странно. Раньше они с Улиссом друг друга понимали с полуслова. Хотя, ничего удивительного, столько времени прошло. Ничего, завтра это будет исправлено.

— Я имею в виду аннексию Матушки.

— Ах, это.

Голос Улисса был безэмоционально-холоден.

— Мы больше не заинтересованы в контроле за миром. Нам достаточно контролировать систему.

— Ромул счёл, что после Бомбардировки Матушка обречена?

— Не в этом дело. Но да, теперь от Земли ничего не зависит.

«Земля». Как странно звучит.

— А от чего зависит? От того, насколько успешно разрулится очередной рукотворный кризис вроде того, что закончился катастрофой на Церере?

Но нет, она не сумела пробить его эмоциональную броню. Даже этим.

— Церера была ошибкой. Не только нашей. Но в итоге эта ошибка была исправлена.

— Но какой ценой? И да, если бы выпустили Лилию, возможно, этой ошибки бы не случилось.

— Это она тебе сказала? — в голосе Улисса послышалась заинтересованность. — Впрочем, неважно. Там и так действовало слишком много заинтересованных сторон. Присутствие дополнительных игроков всё только ещё больше бы усложнило, и тебе это прекрасно известно.

— Тогда зачем вы здесь? Уж точно, не для того, чтобы уменьшить число заинтересованных сторон. Большая дюжина будет в ярости.

Но уже было поздно, Улисс снова ушёл в себя, срываясь с эмоционального крючка. Зачем что-то объяснять ей сейчас, если завтра они снова станут единым целым.

Хотя нет. Что-то он ещё должен был ей сказать, прежде чем уйдёт.

— Я хотел бы вас познакомить.

И освободил обзор, указывая куда-то вглубь коридора. Там у переборки висела в расслабленной полуэмбриональной позе ссутуленная женская фигура. Тонкие, непропорционально вытянутые конечности выдавали в ней трассера.

— Можешь называть её Некст.

По тому, как безэмоционально выглядело её лицо, по синхронному взмаху руки, повторившему движение Улисса, Кора уже поняла, с чем имеет дело. Улисс за эти обороты обзавёлся ещё одним эффектором.

— В таком случае, мне теперь логичнее именоваться Превиос.

— Как тебе будет угодно.

XXIV. 41. Патриарх

Хранилище спало. Погружённые в полудрёму механизмы жизнеобеспечения едва слышно журчали в такт его дыханию. Занятые, впрочем, всё той же заботой — отодвинуть его смерть на секунду, затем на минуту, затем ещё на пару часов. В этой лишённой всякого напряжения гонке не было ни азарта бегового спринта, ни эмоционального накала огневого боестолкновения, когда или-или, когда игра с нулевой суммой, когда победил или проиграл.

Мы все заранее проиграли, ещё при рождении каждый из нас начинает готовиться к собственному концу, сколько ни зажмуривайся, сколько не трать сил в попытках отсрочить неизбежное, каждый всё равно рано или поздно найдёт свою судьбу. И вопрос только в том, что такое «рано» и когда будет «поздно» в каждом конкретном случае.

В его случае давно было поздно — бояться и сожалеть, любить или ненавидеть, но как измерить то, что ещё не случилось и как сравнить с тем, что уже произошло. Не беспокоиться о не потерянном, вот высшее дао, которое ему в итоге оказалось недоступно, и каждый раз, когда ему случалось испытывать сомнения по поводу того, что завтрашний день без него будет тусклее и бессмысленнее, чем вчерашний, он сначала смеялся про себя, какая, мол, глупость, какое невероятное самомнение, да кто ты такой на фоне остальной Вселенной, кому вообще есть дело до того, жив ты или уже почил, как и миллиарды до тебя. Но потом так же быстро приходило осознание очевидного — прожитый

день лучше не прожитого, как спетая песня, пусть сколь угодно фальшивая, всяко лучше не спетой.

А потому пусть приборы жужжат, помпы продолжают нагнетать, а таймер на стене из года в года продолжает молчаливо отсчитывать последние секунды его жизни. Этот день пройдёт мимо него. А потом ещё один. И ещё один.

Что бы там кто не думал, хранилище не было тюрьмой ни его телу, ни тем более его разуму. И пусть первое давно уже сдалось, второй продолжал молчаливую борьбу со временем под тиканье атомных часов, необратимых, как и всё в этой жизни. Всё дальше от прошлых тревог, всё дальше от прочих людей, всё дальше от прожитых лет.

Вглядываясь в полотнище полярного сияния, что проливалось на него сквозь остатки ледяного панциря и заменивший его металлполимерный карапас, с каждым оборотом Матушки становящийся всё более непроницаемым, как недостижимой для него становилась обычная человеческая жизнь.

Рутина супердиректора «Янгуан Цзитуань» даже в эпоху становления корпораций была совершенно формализованной. Чёткий, нерушимый, на годы вперёд расписанный распорядок дня человека, принимающего решения о судьбах миллиардов людей и квадриллионов кредитов. Но с тех пор эта рутина окаменела, сделавшись ритуалом. Его буквально под руки водили, но если ты не определяешь даже то, сколько секунд тебе вольно сидеть на золотом унитазе и как тщательно подмываться после, то что ты вообще волен определять?

Ничего.

Он выслушивал с важным видом очередной доклад, кивал солидно да и подмахивал едва заметным безразличным движением кисти бессмысленный рескрипт. О чём он там был? О выделении всё новых ресурсов на освоение системы Сатурна? О совместном патрулировании трасс в обход злосчастного пояса Хильд? О сокращении лимитов на опреснённую воду в Центральной Африке?

Воспоминание о только что принятом решении улетучивалось из его головы так же легко, как опадает с дерева осенний лист в тихую осеннюю погоду в предгориях Линьцана, откуда некогда происходили его предки.

Предки, которых он уже и не помнил.

Время — загадочная материя. По мере своего течения оно не накапливается, не концентрируется, а напротив, словно неограниченно растягивается во все стороны, бесконечно удаляя даже то, что казалось вчера таким близким. И сам человек со временем как будто растворяется в этом море времени, оставляя

себе только самое важное, самое значимое, но постепенно уходит и оно.

Ма Шэньбин, что ему говорило это имя?

Долгий, бесконечно долгий путь из самых низов, борьба сначала за жизнь, потом за место под солнцем, потом за то, чтобы не дать другим отобрать его место под солнцем.

Всё это давно уже казалось сном, воспоминаниями о былых снах, растворилось в небытие, подёрнулось рябью интерференции на самом грани чувствительности приборов, скрылось за горизонтом событий.

Но ничего другого у него в жизни и не осталось

Жизнь двойного агента Корпорации окончательно смешала все краски в бесполезную мазню. Что из этих обрывков было правдой, а что он сам позже сочинил, в рамках очередной легенды?

Да и сама Корпорация исчезла с глаз, погребённая под гекатомбами жертв. Скоро уже полвека как от Ромула не было вестей. Да, смутные слухи доносились с внешних планет, больше похожие на пьяные страшилки тронувшихся умом трассеров. Но для него Корпорация всегда была чем-то реальным, опасностью, которая всегда с тобой, буквально держит тебя за руку и ждёт, когда ты моргнёшь.

В подобной же полумифической форме она ему была не страшна, но то, что ты видишь, хотя бы можно контролировать, а как держать под контролем хтонический ужас перед неизведанным? Со временем подспудное ожидание удара исподтишка нарастало; годы и годы, прошедшие с тех пор, как он получил свои последние инструкции от Ромула, растягивались в десятилетия, увядая в воспоминаниях и оставляя после себя лишь пустоту.

Но пустота — не пуста, спросите у чёртовых физиков. Она населена демонами, самозарождающимися во тьме, как мыши самозарождаются в соломе. И однажды эти мыши и эта солома и эти демоны и это пустота обернутся своей противоположностью. Хранилищем в глубине стремительно избавляющегося ото льда материка на другой стороне планеты.

Плотным коконом статичной материи, укрывшим его от его же демонов.

Самое нелогичное место на свете, если хочешь сбежать от собственных ускользающих воспоминаний. Ма Шэньбин укрылся там, где последний раз видел Ромула воочию. Не его, конечно, а лишь зыбкий образ, заботливо транслируемый ему в черепушку, но кто вообще мог похвастаться тем, что встречал Первого во плоти? Никого во всей Сол-системе не удивило бы, если бы того

не существовало вовсе. Изначально. Как такового.

Ромул был идеей в мире идей. Реющим в небесах грозовым облаком, готовым в любой момент повергнуть свои могутные перуны на головы отступников. И вновь раствориться в горних высях.

Но идеи на то и идеи, чтобы не умирать. Они на это попросту неспособны. А значит, и сомневаться в этом не приходилось, однажды Ромул вернётся.

Но время шло, чёрные молчаливые орбитальные платформы дамокловым мечом повисли над Матушкой, во чреве морей продолжало копошиться нечто неведомое, не позволяя даже приблизиться к своим ледяным глубинам, а Ромул всё не появлялся.

Потому однажды Ма Шэньбин собрался с силами и начал делать то, что уже давным давно оставил в прошлом. Раздавать приказы.

Церемониал формального утверждения чужих постановлений сменился недолгим периодом активности, по истечении которого ему должно было распоряжаться своим директоратом уже безо всяких ритуальных мановений. Его полумёртвое тело уже столетие как стало насквозь аугментированным кадавром, скорее полуживым приложением к системам жизнеобеспечения, чем полумёртвым властителем одной двенадцатой части мира. И вот все его кутронные причиндалы весом в полсотни метрических тонн последовали за ним на тот берег Индийского океана, как тогда, давно, в забытую пору, когда он только был вотирован в Высший совет «Янгуан Цзитуань».

Так началась его новая жизнь.

Знал бы он тогда, как она закончится.

Сутки напролёт он разглядывал сквозь толщу породы колыхание авроры, не имея сил отвернуться.

Это был прекрасный вид, прекрасный и ужасающий.

Кисея изумрудных игл, завивающаяся в воронки и бегущая волнами. Это сам космос напевал Матушке отходную песнь. С тех пор, как случился Чёрный четверг, а Она смолкла, Ромул был тем единственным, кто скрашивал своей Песней ежегодные иды, но с тех пор и он пропал, так что каждый спасался, как мог. Кто-то — декалитрами седативного, а кто-то, вот, глядя на аврору.

Она как будто-то обещала ему что-то. Какое-то будущее. Или напоминала. Какое-то прошлое.

Если тебе так много лет, это уже само по себе груз, что же поделать, если ты их даже не помнишь?

— Помнить не помнишь, а давит на грудь так, будто ты ничего не забывал.

Ма Шэньбин обернулся на голос, не чувствуя никакого удивления.

Он ждал, он давно ждал его появления.

Но всё равно оказался не готов.

— Мой случай не похож на твой.

И голос его не похож. Сухой, надтреснутый, скорее свист, прорывающийся сквозь натужное сипение, но когда ему предложили имплантировать искусственную гортань, почему-то именно это ему показалось последним шагом в бездну небытия. Он хотел продолжать говорить своим голосом, пока сможет.

— А, ты об этом?

Тень сделала широкий жест, обводя саккады контрольных огней. Хранилище даже во сне больше напоминало ёлочную гирлянду своими помигиваниями разноцветных огоньков.

— Тяжела телесная немочь, но поверь мне, старик, духовная — куда тяжелее.

— Не называй меня так! — Ма Шэньбина оскорбляло подобное к себе отношение. Уж ему ли не знать, кто тут старик. — И не тебе указывать мне на немочь. Четвёртая фаза раскрывает все секреты.

Тень в ответ лишь пожала плечами:

— Да уж, догадаться несложно. Но с другой стороны, я никогда тебе не утверждал, что ты тот самый Ма Шэньбин, да ты и не спрашивал, подозревая неладное. Хотя, погоди, — тень как будто заинтересовалась своим внезапным наитием, — тебе хватило глупости разыскать собственную могилу?

Ма Шэньбин коротко кивнул.

— Тогда понятно, отчего это тебя так тяготит. Зря, очень зря. Ты же понимаешь, что тебе теперешнему было бы уже глубоко плевать на то, кто ты на самом деле.

— Мы, консервы, считаем иначе.

— Да ни черта подобного! — тень поднялась и принялась расхаживать туда-сюда, без смущения пронзая насквозь углы аппаратов. — Ничем вы не отличаетесь от нас, естественнорождённых. Я видел сотни тысяч таких, как ты, вы стопроцентные люди во всём, только стареете иначе.

— То есть во всём, кроме Четвёртой фазы.

— Если бы ты понимал, в чём она состоит, ты бы так не говорил.

Помолчали. Да и какая, в действительности, разница. Он лежит полутрупом, тень нависает над ним. Слова этого не изменят.

— Я всё гадал, когда же ты вернёшься.

— А были сомнения, что вернусь?

— После того, что вы сотворили с этим миром?

Тень в ответ покачала головой.

— Это не мы. Мы именно что однажды решили ничего не предпринимать и возможно — только возможно! — это и привело к текущей печальной ситуации, но всё, что было сделано, было сделано вами, теми, кто остался.

— Но Бомбардировка…

— Что Бомбардировка? В вашем распоряжении были все ресурсы Матушки, но в итоге каждый из Большой дюжины понадеялся, что пронесёт, и даже когда на Землю начали валиться первые обломки Цереры, что вы сделали? Ничего. Так что не надо вспоминать о Бомбардировке. Корпорация сделала всё, что могла, чтобы минимизировать ущерб.

— Минимизировать? Это же из-за вас всё и произошло! Из-за проклятого излучателя!

— Допустим. Допустим, мы проглядели истинный масштаб угрозы со стороны Ревнителей, недооценили риски от того, что излучатель и его форки станут рычагом шантажа всей Сол-системы, но взгляни вокруг, какова была альтернатива? Разомкнуть излучатель, а лучше — свалить вместе с ним из системы куда подальше?

— Почему бы и нет? Иногда я думаю, что лучше бы ваш «Сайриус» вообще не возвращался.

— И что тогда стало? Корпорации грызутся на дне гравитационного колодца уже три сотни лет, к чему это привело? Куда вы движете Землю?

Ма Шэньбин заготовил много правильных слов, которые могли бы подтвердить его убеждённость в собственной правоте, но сейчас они ему отчего-то казались такими пустыми, что в них совсем не оставалось смысла.

А зачем произносить вслух то, во что даже сам не веришь.

— Мы хотя бы пытались.

Тень обернулась и посмотрела в ответ, долго, как бы раздумывая.

— Здесь тесно. Не хочешь прогуляться?

Интересно, как это вообще осуществимо.

Но всё-таки кивнул в ответ, не раздумывая.

И в то же мгновение закашлялся от морозного воздуха.

Они стояли на поверхности, им в лицо летели колючие искры снежинок, а над головами возносились к небесам ремонтные конструкции.

Кажется, они уже были здесь, когда-то давно, так давно, что и не упомнить.

— Здесь всё так изменилось.

Он сперва не понял вопроса, и лишь только проследив взгляд тени в сторону моря, сообразил, что имеет в виду собеседник.

Между тем местом, где они очутились, и берегом океана широким кольцом раскинулась воронка импактной кальдеры.

Да, припомнил Ма Шэньбин, именно сюда упал один из обломков, самый крупный, но самый в итоге не страшный. Погибшие исчислялись несчастными десятками тысяч — зимний, дежурный персонал Решётки. А вот восстанавливать повреждения инфраструктуры «Плато-А» приходилось до сих пор. Ма Шэньбин уже не мог восстановить в памяти, зачем она вообще нужна, эта обсерватория. Без авторефферентов он уже давно был недееспособен, но, кажется, они это уже обсуждали когда-то.

Ма Шэньбин не без удивления обернулся. Как они вообще здесь очутились? В своём собственном теле, вдали от журчания приборов хранилища, без маски респиратора и множества опутывающих его проводов он словно разом вернулся в то далёкое прошлое, когда ещё не чувствовал, не помнил себя «консервой». Ему, должно быть, всё это чудится.

— Но я всегда помнил его другим. В этом смысле оно только стало ближе к моим видениям.

Видениям? Что тень имеет в виду?

— Эта аврора в небе, — воздетый палец в задумчивости описал широкую петлю, как будто говоривший сам себе пытается о чём-то напомнить, — должна быть фиолетовой. На Красной это называется «стив» или «протонная дуга», вызывают её высокоэнергетические лучи, ионизирующие водород в верхних слоях разреженной атмосферы, лишённой прикрытия геомагнитного поля. Тебе это о чём-нибудь говорит?

— Откуда на Матушке протонная аврора?

Тень продолжала разглядывать зелёные сполохи полярного сияния у себя над головой.

— И правда, загадка. Что нужно сделать с Землёй, чтобы даже собственное магнитное поле оказалось ободранным с неё, как листва на морозном ветру? Я видел эту землю такой же — лишённой ледяного щита, ощерившейся в небеса гигантским частоколом фазированных решёток, приготовившейся дать свой последний бой.

— Ты говоришь о Предупреждении? — Ма Шэньбин постарался сделать так, чтобы в его голосе не начала сквозить предательская усмешка.

— Я говорю о том, что я видел. Но реальность оказалась другой. И мне пришлось меняться вместе с ней.

Ма Шэньбин задумался. Стоит ли удаляться в эти зыбкие эмпиреи? Ему доносили кое-что его соглядатаи, да и сам он,

точнее, его предшественник с тем же именем, некогда был двойным агентом Корпорации, прежде чем всё не изменилось раз и навсегда, а потому ещё не всё позабыл из старых басен Корпорации.

— Ты помнишь тот день, когда ослепли Хранители?

Тень обернулась, прищурившись в раздумьях.

— Я никогда не называл так близнецов. Да и хранителями чего они могли быть? Они видели вокруг лишь то, что меняется, как можно быть хранителем чего-то, для тебя недоступного.

— Так что же, они вдруг разом перестали видеть, потому что всё вокруг застыло? Я не понимаю.

Тень задумалась, подбирая слова.

— Их дар — жить на срезе квантового мультиверса, непосредственно ощущая подвижки в вероятностных полях событий. Они рождены в мире, где реально только подвижное. Грубо говоря, они видят нестабильности временного потока. Точнее, раньше видели. Но в Чёрный четверг потеряли эту способность.

— Это они тебе сказали?

— Нет, с тех пор я с ними не разговаривал, они спрятались от меня.

— Так может, они не ослепли, а напротив, увидели нечто и решили от тебя это сокрыть?

Тень в ответ коротко, каркающе хохотнула,

— А ты смешной, живёшь в своём мирке, где все друг друга норовят обмануть, что-нибудь утаив. Дело в том, что я тоже обладал раньше их даром. Не в той степени, куда меньшей, но я понимал, о чём они твердят, я говорил с ними на одном языке. Так вот, во Время смерти вселенная вокруг словно бы попала вокруг меня в какую-то непреодолимую колею, абсолютную потенциальную яму. С тех пор я всё пытаюсь из неё выбраться. И не могу.

— Так вот почему Корпорация так поступила с Церерой?

— Как же она поступила?

— Разнести в клочья карликовую планету с орбитальной скоростью в 18 мегаметров в секунду и массой в один процент массы Муны и не предвидеть последствий подобного решения?

Тень медленно повернулась обратно лицом к небесам.

— Одного предвидения мало. Хотя близнецы и ослепли, перспективы всего Плана в поле имеющихся факторов мне были вполне очевидны. Вероятность того, что Ревнители используют излучатель в качестве орудия контроля внутренних планет была слишком очевидна. Вас напугали эти камушки? Как бы вы посмотрели на то, чтобы в пределы орбит внутренних миров

явилась сама Церера целиком? Земля и Марс оказались бы под угрозой гарантированно стать необитаемыми на ближайшие пару десятков миллионов лет, как уже бывало и раньше, в эпоху поздней тяжёлой бомбардировки. Мы приняли тогда верное решение.

— Погубив в итоге миллиарды.

— Не преувеличивай. Сами камушки почти все ушли в «молоко», если не считать волну, обрушившуюся на Босваш. Я уже говорил, вас предупредили об опасности, все остальные жертвы на вашей совести. Но если бы — повторяю, если бы, — с нажимом добавила тень, — это помогло выбраться из чёртовой колеи, если бы близнецы снова прозрели, этот риск бы стоил того.

— Но он в итоге не стоил.

Тень в ответ пожала плечами.

— А ничего ещё не кончилось, чтобы судить. Я здесь по-твоему что делаю?

Ма Шэньбин промолчал, выжидая.

— Антарктида с самого начала была задумана последним форпостом человечества. Но теперь это всё бесполезно. Мои видения — бесполезны. Но куда вернее они стали бы бесполезны в том случае, если бы Корпорация всё-таки упустила в итоге контроль за излучателем. Без него у человечества не оставалось шансов, мы бы лишили его будущего. И неважно, сколько человек осталось на Земле, миллиардом больше или миллиардом меньше.

— Звучит так, будто бы ты даже и не считаешь.

— А ты шутник, генерал-партнёр. Люди гибли до нас и гибли после нас. Гибли от голода, болезней, войн, климатических катастроф. О чём тебе прекрасно известно. Население Земли снижается вот уже три сотни лет как, и вам на это плевать, а вот нашёлся хороший повод обвинить во всём Корпорацию, и вы тут как тут, да? У тебя же не дрогнула рука, когда вы отправляли людей на бойню последней войны, не жалко вам было ни ресурсов, ни человеческих жизней, лишь бы от нас избавиться?

В этих словах тоже была своя правда, и Ма Шэньбин послушно кивнул.

— Мы не могли не воспользоваться этим, возможно, последним шансом избавить от вас Матушку.

— И как, удалось?

— Видимо, нет. Вы же в итоге вернулись, причём в таких силах, какие вам до этого никогда не бывали доступны. Так вот зачем вам нужно было сохранить ваш излучатель?

— Ты про орбитальные платформы? Они вполне работоспособны и на обычных фузионных реакторах. Им не нужна мощь излучателя, чтобы поставить всех вас на колени. Но ты же

понимаешь, что мы не станем их применять как ударную силу. Это оборотнительные комплексы, только и всего.

— Снова Предупреждение? — догадался Ма Шэньбин.

— Если бы.

Тень опустила голову, прислушиваясь к каким-то собственным мыслям.

— Я же говорил, что мои видения — все они — оказались неправдой. И небо это, и земля вокруг…

— Тогда в чём смысл? Зачем ты мне показываешь весь этот галлюцинаторный бред?

Обернувшись, он ещё раз вдохнул чуть кисловатый, пропитанный электричеством морозный воздух антарктического плато.

— Или это всё — предсмертный подарок мне, я же помню, чем закончилась наша предыдущая встреча!

В ответ тень почему-то вновь рассмеялась.

— А я тебя переоценил, генерал-партнёр, по всей видимости, заседания в больших кабинетах и мягких креслах плохо сказываются на когнитивных способностях. Так ты решил, что тебя подменили после Тронного круга, в качестве последствий нашего разговора, наверняка твой выдающийся, хм, прототип попытался что-то совершить, вырваться из-под контроля и тогда-то его и пришлось заменить?

Ма Шэньбин не стал отвечать, опасаясь вновь сорваться.

— Так вот, всё случилось куда раньше, мои агенты разыскали твою, точнее его медицинскую карту. Оттуда и выяснилось, почему карьера Ма Шэньбина не двигалась. Твоему оригиналу пророчили лет десять жизни, не больше. Так что пришлось действовать решительно. Не скажу, что преждевременная смерть настоящего тебя не доставила мне определённого удовольствия, я не люблю предателей. Но действовать из чистой мстительности мне не свойственно. Я просто спасал ценный актив.

— И я в это должен поверить?

— Почему бы и нет. Оглянись, что ты видишь?

— Не знаю. Символ утерянной свободы? Мол, смотри, старик, что ты упускал всё это время.

— Ты так ничего и не понял. Ты думаешь, что всё вокруг — нереально?

Ма Шэньбин коротко кивнул.

— Как вообще оно может быть реально. Я лежу сейчас в своём хранилище и готовлюсь к смерти, потому что понимаю, чем заканчиваются подобные задушевные беседы. Люди привычно обвиняют корпорации в жестокости, но по сравнению с жестокостью Ромула мы тут как дети малые.

— Уж поверь мне, дети тоже могут быть весьма жестоки.

— Довольно, говори, что хотел сказать, и позволь мне вернуться обратно к себе.

Тень усмехнулась.

— Ты всегда был до крайности уверен в своей правоте. Что ж, я тебя разочарую. Никуда ты не вернёшься. Потрогай этот снег, разве он похож на плод воздействия даже самой продвинутой аугментации?

Ма Шэньбин пожал плечами, но всё-таки наклонился и собрал горстью крупинки льда, не без удивления почувствовав, как та в ответ заныла.

По пальцам покатились крупные капли в зеленоватых отблесках авроры. А по спине побежала волна озноба.

Ему и правда стало холодно.

— Так всё вокруг — реально. А где… — только тут его застиг шок осознания. — А где моё прежнее тело?

— Не твоё, что уж там. Оно на месте, живее всех живых.

Он молчал, не зная, что ответить.

— И что мне с ним делать?

Тень хмыкнула.

— Решайте это между собой. Ты, кажется, злился на меня по поводу судьбы вашего прототипа? Ну, что ж, на этот раз я ничего не решаю. Референтам вашим, правда, придётся как-то объяснить, чего это наш любезный генерал-партнёр снова ожил, но я думаю, вы справитесь. И не смотри на меня так, я только что подарил тебе полтора века жизни. Цени.

Ма Шэньбин чувствовал в тот миг лишь подступающую к горлу ярость.

— Это и есть твой… подарок, который ты обещал?

— Вряд ли его кто-нибудь, кроме тебя, оценит, но нет, это не он. Как я говорил, мы вовсе не вернулись, хотя и доставили сюда вместо себя эти орбитальные платформы, — тень указующе ткнула в зенит. — Мы прилетели попрощаться. Ты хотел свободу? Ты её получил. Дарю. Свободу и долгую жизнь, пусть и всё такую же ограниченную пределом Четвёртой фазы. Платформы же побудут гарантией, что с Землёй ничего не случится.

В это не было никакого смысла. Никакого! Смысла!

— Ты всё ещё веришь, что пророчество Предупреждения сбудется?

— Я больше не знаю, чему верить. Потому продолжаю пребывать слепым во тьме. Но тем не менее, я знаю одно, Земля так или иначе останется после нас, что бы ни случилось. Она останется одна, погибнет, но возродится.

— Значит, люди на Мату… на Земле обречены? Вы оставляете

нас, обрекаете на смерть?

— Ну почему же на смерть. Мы покидаем Землю, забирая с собой всех, кто остался верен Корпорации, вы же вольны оставаться и встретить наступление ледника, можете продолжить покорять безжизненные просторы внешних планет, а можете отправиться вслед за нами.

— Куда же?

— В Дальний космос. Галактика большая. Живите там, как хотите. Мы даже оставим вам функционирующие орбитальные доки в облаке Оорта, можете строить там такие же платформы и лететь, куда хотите. Или продолжайте воевать друг с другом, мне плевать. Я больше не несу ответственности за ваши жизни.

— А я, выходит, несу.

— А это уже от тебя самого зависит. Это ты мне пенял, что я жертвы не считаю. Тебе виднее, какое значение ты в эту мысль вкладываешь.

Ма Шэньбин задумался.

— А что Соратники, они тоже разделяют твоё желание оставить эту планету?

— В отличие от тебя, у них нет особого выхода. Мы с ними — рабы того будущего, той злосчастной колеи, в которую однажды угодили, когда погибла Мать. И нам с ними ещё долгие столетия расплачиваться за ту ошибку.

Ма Шэньбин покачал головой, остывая. Фанатики. Чёртовы фанатики, о чём вообще с ними можно разговаривать?

— Похоже, нам пора заканчивать.

Тень как всегда правильно прочитала выражение его лица.

— Погоди. Последний вопрос. Если вы уходите, выходит, нам тоже нужно готовиться… но к чему? Мы же не сможем никуда улететь в ближайшие по крайней мере два столетия. Но это ваше Предупреждение…

Повисла пауза. Тень раздумывала.

— Ты ждёшь от меня ответа, которого у меня нет. Угрозу вторжения никто не отменял. Но если слепота близнецов о чём-то и говорит, так это о том, что будущее, во всяком случае реализуемое будущее покуда остаётся неизменным. Что бы мы — или вы — ни делали, ничто не сдвинется с этой проклятой колеи. А потому — будет, как будет. Смирись с этим и делай своё дело. Я, во всяком случае, уже смирился.

— Но постой, неужели тебе всё равно, как погибнет Земля, в огне и быстро или же медленно застыв под ледяным панцирем?

Тут он и сам сообразил, насколько глупо сейчас выглядит.

— Мне — не всё равно, — отчеканила тень. — Я оставляю здесь орбитальные платформы и последний форпост обороны на

антарктическом материке, который будет до последнего подпитывать форк излучателя. И упаси тебя Мать от попыток найти, где он спрятан.

В голосе тени впервые за весь их разговор прорезался скрежет разрываемого металла.

— А если этого окажется недостаточно?

— Об этом будут думать те, кто выживет. Так или иначе, времени на раздумья больше не осталось.

Тень подумала и добавила.

— Прощай. Я надеюсь, что мы больше не увидимся.

XXIV. 50. Оставшийся

Гексапод с нутряным урчанием продолжал копаться в расщелине, не реагируя на команды.

Вот козлина.

Клаус в который уже раз покосился на циферблат, стараясь не злиться. Эта железка не обязана тебе подчиняться, скажи спасибо, что помогает, видать, хватало у неё соображения, что в одиночку тут не выжить, но вот стоит ей заинтересоваться чем-то в развалинах — за уши оттуда не оттащишь. Будь у неё вообще уши.

Но решать что-то надо, синева по ту сторону пролома продолжала сгущаться, ещё четверть часа — и окончательно стемнеет, а в потёмках по Мегаполису лучше не шариться, если жить охота. Опять же, нитинол при стремительно падающей забортной температуре начинает лагать, споткнётся гексапод на обледеневшей рампе и поминай, как звали. Как он тогда, без гексапода-то.

Клаус свиснул, аж уши заложило от натуги. Механоид в ответ послушно замер, прекратив беспорядочные телодвижения, но и обратно не пошёл.

Да что ж с тобой поделать!

Клаус, чувствуя, что уже весь на нервяке, снова беспокойно сбегал внаружу, поводил там носом, прислушиваясь, как пощипывает в пазухах — пожалуй, все минус двадцать — и тут же спрятался обратно, слишком уж задувает.

От так, а что это у нас?

Гулящий гексапод радостно сжимал в хелицерах кусок металлопласта, и как только сумел отломать, он же будет покрепче его мандибул. Так и челюсть сломать недолго, а где её, запасную, возьмёшь?

Стой, погоди-ка.

Клаус аккуратно, чтобы самому не пораниться, отобрал уворованное у гексапода, и только тут, сделав поярче наплечный фонарик, сообразил, что же это перед ним за такое. В руках поблёскивала крупным инеем вполне себе целая бронепластина. Ни следов повреждений магнитного замка, ни даже следов механических повреждений — если гексапод её где-то и выломал, то скорее его проблемой был лёд, он же и сделал за мелкого гадёныша основную работу, загодя отжав собственным расширением пластину от остального агрегата. По размерам и внешнему виду кусок металлопласта напоминал защитную створку радиатора. Вот только откуда здесь нечто подобное?

Клаус огляделся, задумчиво почёсываясь подмышками. Бетонная коробка не то пакгауза, не то какого-то погрузочного хранилища, она совершенно беззащитна перед мародёрами, и была вычищена до голого бетона ещё в первый год без лета. Максимум, чего здесь можно было урвать даже в теории — пару метров силового кабеля, и то, это если удастся отследить короб, скрытый под метровыми наслоениями инея, намерзающего тут годами из подвальных испарений. Как в таком заведомо пустом и проходном месте могла затесаться подобная диковина?

Только разве что добралась сюда своим ходом.

Клаус хлопнул себя по лбу и тут же одним ловким движением схватил гексапода за загривок. Тому подобное обращение не нравилось, но кто кого спрашивает. С коротким щелчком диодный прожектор на спине скотинки послушно засветился синим, расцвечивая всё вокруг в холодные тона.

Ну-ка, взять-куси!

Гексапод послушно метнулся в расщелину, вздымая своими толстыми щербатыми копытцами фонтаны лежалого хрусткого инея. Теперь, с подсветкой изнутри, раскуроченная многолетними циклами заморозки металлполимерная конструкция уже не выглядела изнутри одним бесструктурным монолитным сугробом, наметённым в расщелину со сквозняка. Там и правда что-то застряло. Что-то грузное, даже в подобном неверном свете

явственно отблескивающее металлом.

Клаус машинально набросил на глаза визор. Тот хоть и нехотя, на остатках заряда, но всё-таки прогрелся и показал тепловое пятно. Всего на пару градусов выше фона. Но да, он был прав.

Со вздохом посмотрев на циферблат, Клаус мысленно поблагодарил гексапода за настойчивость. Если бы не он, прошли бы мимо, и всё, поминай, как звали. Только время, блин, время. Можно, конечно, попробовать сюда вернуться позже, но и находка к тому времени может погибнуть и, как уже не раз бывало, она же может в итоге достаться сыскарю половчее. Или вовсе сгинуть под обрушением.

К чёрту, второго шанса не будет.

И принялся за работу.

Опытному сыскарю сообразить, под каким углом будет сподручнее вытаскивать, это как два пальца. Одно дело старая бронеплита, прижатая перекошенными направляющими, там порой нужна не только соображалка, но и сподручный инструмент, тут же — ну расщелина; стандартной, клиновидной формы, туда по доброй воле никакая тварь не сунется, хоть живая, хоть механическая — в растопыренные пальцы металлполимерных жил, сработавших на разрыв и потому больше похожих теперь на хитроумный капкан, в который если попадёшь, то назад уже никак не выберешься. Однако простейшая тригонометрия позволяла, да, позволяла и тут творить чудеса.

Клаус быстро прикинул, куда ставить распорку. Дело непростое, но привычное. В лабиринте иногда приходится и самому себя при помощи блока поднимать на верхотуру, и груз всякий вытаскивать, так что намётанный глаз сразу видит, где упор хороший и срыва не будет. Красный огонёк указки тут же метнулся по диагонали вверх, выманивая шустрого гексапода. Ага, вот тут и тут крепи.

По команде кликера два якоря прочно упёрлись в монолит, только искры метнулись по стенам. Клаус, натянув стропу, аккуратно упёрся остриями «кошек» в ближайшее металлполимерное ребро, повис всем телом, подёргал сначала слегка, а потом и врачкачку. Р-раз, р-раз. Стропа привычно зазвенела, натягиваясь.

Угу, якоря держат, трещётка обратного хода не даёт, вот и замечательно.

Теперь надо бы груз закрепить. Это и было самое трудное.

В итоге провозились они с гексаподом, почитай, полночи. Пыхтя себе под нос и роняя вниз капли солёного пота, Клаус раз за разом забрасывал стропу подальше вглубь расселины, с

дрожащей от натуги спиной дожидался, пока гексапод вернёт фиксирующий крюк понизу, натягивал — срывается — снова забрасывал и так по кругу. Уже и зелёные круги перед глазами, и стынущие пальцы едва гнутся, а всё одно продолжай по новой. Эх, был бы у него интерфейс для управления, гексапод с задачей бы и сам справился, а так поди объясни тупой машинке, что за фокус требуется проделать.

Зацепиться удалось попытки наверное с тридцатой, хотя кто тут считает. Клаус, уже не особо веря в свою удачу, аккуратно подёргал, вроде держит, после чего принялся ловко возить туда-сюда петли карабинов, распространяя и попеременно натягивая свою ловчую сеть вокруг постепенно высвобождаемой из-под снежных наносов махины. Уже и скрюченные конечности показались из-под явно сыпучего снега, хорошо, значит ледяная корка только поверх идёт.

Поставив второй блок, Клаус уселся прямо как есть, на перекопанную кучу ледяной крупы да полез в нагрудный карман за последним контейнером. Термостат, конечно, уже почти остыл, но с тем же успехом сейчас можно было и мёрзлое проглотить, лишь бы руки перестали так трястись. А так, гляди, уже и тепло по позвоночнику пошло, и глаза принялись слипаться. Стоять, куда, только этого не хватало. Так вот сыскари и загибаются в одночасье, сначала тепло, потом, глядишь, нога онемела, рука, уже и саму не подняться, а самому-то жарко, ощущение такое, будто заживо сейчас сваришься, пот со лба градом, а это последние минуты твои настали.

Клаус яростно дожевал остатки леденеющей на глазах еды и тут же побежал проверять оба блока. На вид неплохо, но попытка у него будет одна, второй не получишь. Что ж, приступим.

Лебёдка с ополовиненным зарядом взвыла, до свиста натягивая стропу. Барабан принялся методично ворочаться, пока Клаус носился туда-сюда, проверяя натяг боковых строп и следя за тем, чтобы гексапод не совался между блоков — если сорвётся, пополам разорвёт, остаться ко всем его текущим бедам ещё и без единственного помощника будет совсем обидно.

Процесс между тем пошёл — металлполимерный карапас со скрежетом ворочался в оплётке сети, его вес уже целиком опирался на стропу, так что массивная конструкция теперь напоминала своим движениями покачивающийся на подвеске цилиндр буддийского колокола, даже звук при очередном касании иззубренных стенок расщелины был похожий — бом-м. А вот и голова показалась. Клаус не поверил своему счастью — автономный среднетоннажник на топливных элементах, плюс внешнее питание. Аккумуляторы, конечно, давно сдохли, но где-

то он явно запитывался, бродяга, иначе давно бы промёрз, никакой полураспад бы не спас. Как же тебя сюда попасть угораздило? Впрочем, какая разница, не угораздило бы, так и Клаус без добычи бы остался.

А, вашу ж мамашу!

Мигом забыв про прежние восторги, Клаус метнулся к лебёдке — притормаживать.

Следующие два часа ушли у него на тщетные попытки совладать с артачившейся техникой — натянутая до предела стропа всё не желала поддаваться. Никакие усилия развернуть болтающуюся на подвесе железку ни к чему не приводили, хоть бери всё да бросай.

Клаус с тоской глядел, стоя на четвереньках, в опустевшую нишу под брюхом у столь желанной находки. Надо лезть. Гексапод там не поможет. Ну что, сыскарь, готов подохнуть? Если тебя там завалит, считай, конец.

Поскидывав с себя весь лишний обвес, который мог зацепиться в узком месте, Клаус как был на полусогнутых рванул вперёд, стараясь не смотреть вверх. Расселина оказалась совсем не такой глубокой, как выглядела на взгляд снаружи, ну, метров пять в длину, и вот уже он по пластунски, ужом протискивается вперёд, растопыренными пальцами на ощупь пытаясь отыскать что-нибудь знакомое. Точно!

Под жуткий скрежет выскочив задним ходом обратно на свободное пространство, Клаус первым делом проверил перчатки — не распорол ли — и только потом поднял голову выше.

Вот уж повезло, как покойнику. Это был не просто рабочий самоход. Это был, мать его так, боевой квадропедальный дрон. Сохранность, конечно, средней паршивости, но вот уж находка так находка, кому из других сыскарей по эту сторону ледника скажи — не поверят. Впрочем, он уже сколько лет тут никого не встречал, так что какая разница.

Интересно, а сама железяка тут откуда? Такие если и водились раньше, то по охранной зоне Мегаполиса вдоль бывшего Северного моря. Оттуда сюда поди километров сто хода, эта штука даже на полных аккумуляторах столько бы не прошла. Значит, валялась где-то в запасниках да почему-то активизировалась, при Бомбардировке или позднее, когда пошёл ледник, сейчас не угадаешь.

Другое дело, что боевой дрон это тебе не шутки. Его просто так не взломаешь. Хвостиком за гексаподом он бегать не станет. А если что — может и шмальнуть.

Обидно, столько усилий и всё зря.

Застёгивая обратно все клапана и прилаживая побросанный

как попало обвес, Клаус поймал себя на том, что дыхание его уже больше похоже на сиплый кашель.

Да твою же. Чёртовы датчики.

Не решаясь додумать эту мысль, Клаус аккуратно, на полусогнутых побрёл к тому месту, где когда-то светлел лаз выхода. Главное не отключиться, главное не отключиться, главное не от…

Первый глоток воздуха дался с трудом, аж искры из глаз. Ледяной поток с кружащимися в нём иглами снежинок бил в лицо наотмашь, как в хорошей драке. Н-на!

Только теперь, на контрасте, стало понятно, какой дрянью он всё это время дышал. С тем же успехом можно было себе пластиковый мешок на голову натянуть. Клаус аккуратно сполз по стеночке и только обеспечив себе устойчивое положение, принялся с яростью выдирать из нагрудного кармана изрядно примёрзшую к карабину плоскую коробочку датчика химсостава. Тот как ни в чём не бывало продолжал тускло светиться зелёным.

Зараза. Вот же зараза.

Снова поймав себя на том, что разговаривает с бездушной железкой, Клаус в сердцах плюнул и засучил ногами, пытаясь подняться. Получилось не с первого раза, но всё же получилось. А тут уже гляди, светлеет. Рано как. И хорошо, всё-таки уже май. Сыскарям самая пора начинать свою разведку.

Что ж, в следующий раз повезёт больше. Может, световая панель где из-под снега мелькнёт, или вот, как тут, теплом откуда-то снизу повеет, протаивая лаз в блескучем ледяном кляре.

Ладно, будем выдвигаться, а то с утра на открытой поверхности самый мороз, а без еды легко помёрзнуть даже на ходу, не то что вот так, простаивая в попытке отдышаться. Надо срочно засунуть этот проклятый дрон обратно в расселину от греха, собрать манатки и выдвигаться. И что это гексапода не слышно?

Клаус замер. Из темноты лаза отчётливо послышался дробный металлический лязг. Оттуда надвигалось что-то тяжелое.

Гребёнка по мере приближения всё вернее оправдывала своё название — частокол поваленных друг на друга наполовину разрушенных башен морским ежом под всевозможными углами упирался в голубые небеса, превращая банальный полёт в некое подобие крысиных бегов по трёхмерному лабиринту — бегов, во время которых участников забега каждую минуту ожидает со всех

сторон непредсказуемая угроза, будь то падение сверху шального обломка, а то и целого башенного монолита, натянутая поперёк траектории паутина остатков коммуникационной сети или же снайперский выстрел из гауссовой винтовки в спину.

Постепенно уплотняясь, гребёнка из хаоса заснеженных трущоб километровой высоты превращалась в нечто куда более страшное. Она не просто выглядела руинами былой войны, она в действительности и была подобными руинами. Войны природы с человеком, войны кровавой и беспощадной, войны на измор, войны насмерть.

Покосившиеся башни смотрели в одном направлении — на юг, словно гигантский чёрный лес, поваленный титаническим взрывом. Своеобразный юмор состоял в том, что взрыв и правда был, пол-столетия назад ударная волна импакта прокатилась по Мегаполису, сметая всё на своём пути. Тогда башни устояли. Но когда начал идти снег, и шёл без перерыва год, два, три, десять, вот тогда эта битва оказалась проиграна.

Отсюда ушли сначала корпорации, а потом и во всём зависевшие от них люди. Во всяком случае, те из них, кому хватило ума признать — это конец. Клаус некогда тоже был одним из них.

«Мариса, подсвети, будь добра».

Эхо-импульс сонара послушно рванул наискость гребёнки, коптер тут же сместился левее, выходя на безопасный маршрут согласно директивам навигационного блока. Тактика прохода через гребёнку всегда одинакова — не суй свой нос в чужой вопрос. Лучше облететь свежее обрушение стороной, гребёнка велика, куда бы ты ни собирался, обязательно сыщется обходной путь с хорошим просветом и прямой видимостью. Торопыги тут долго не тянули, рано или поздно напарываясь на короткую и злую месть Мегаполиса тому, кто без спросу покусился на его обледенелое нутро.

«Благодарю, лапуль».

Любопытно, что там, где люди спасовали, сам Мегаполис всё-таки выдержал. Многосотметровые снеговые завалы с годами превратились в ледяные языки, ясно различимые с этой высоты. Нет, не ударная волна импакта повалила башни, это гляциологические потоки новоявленных ледников смели сначала надземные путепроводы, потом контрфорсы пограничных стен корпоративных компаундов и арондисманов, растёрли в бетонную пыль менее прочные бетонные строения и только тогда принялись за несокрушимые металлполимерные башни последних поколений. Именно сковавший север Европы лёд стал той силой, которая обратила Мегаполис в бурелом гребёнки. Но в

итоге гребёнка устояла.

И вот, спустя десятки лет забвения, солнце здесь показалось вновь, а вместе с солнцем показалась и жизнь.

«Прохожу приграничный участок, поднимаюсь выше».

На самой границе Мегаполиса плотность застройки превратила частокол в кашу изо льда, наполовину обрушенных обломков и едва устоявших башен. Здесь битва со льдом шла до сих пор. И, судя по свежим россыпям на прошлогоднем льду, с переменным успехом.

Роторы коптера натужно взвыли, набирая обороты. Нужно проскочить это место по низкой дуге, экономя заряд в батареях, да и местных по возможности хотелось бы лишний раз не беспокоить. Окопавшиеся в этом странном и страшном месте выживальщики были порой страшнее самих руин. Стреляют они без предупреждения, а чужую жизнь ценят не выше своей. То есть вообще не ценят, особенно ближе к осени, когда еды хоть и становится в достатке, но холодает с каждым днём всё сильнее, намекая всем интересующимся, что до весны дотянут не все.

На этот раз, впрочем, никто не палил. И на том спасибо, поскольку выбора у Клауса всё равно особого не было.

«Границу прошёл, снижаюсь, конец связи».

Мариса существо простое — с ней лучше разговаривать коротко и ясно, иначе замучает потом вопросами. Почему радиомолчание без команды да лишний расход ресурса. Клаус тоже в таких вещах предпочитал чёткость, целее, как говорится будешь, а потому отчитывался по чеклисту сверху вниз, как договаривались.

А красиво тут, не устаёшь удивляться.

На север до самого горизонта вместо хаотичного бурелома поваленных друг на друга башен граница Мегаполиса очерчивала пустое, гладкое, слепящее зеркальное пространство летнего наста. В отличие от устойчивых городских ледников, тут во все стороны простирался единый плоский панцирь, скучно и однообразно нараставший каждый год ещё на десяток метров в высоту. Именно сюда и привели Клауса сейсмозонды.

Ещё два километра севернее и садимся.

Клаусу никак не удавалось выкрутить светофильтры на комфортную контрастность — слепящее сияние внизу оставляло на дне сетчатки слепые пятна, стоило туда бросить неосторожный взгляд. Полуденное солнце превращало подтаявший в его лучах ледник в гигантское зеркало, так что у привычного к замкнутому пространству тёплых обжитых пещер сыскаря разом наступал приступ агорафобии, да и немудрено — когда небо и земля вокруг тебя сомкнулись в ослепительный иссиня-голубой шар без

особых деталей.

Впрочем, лететь тут можно и по приборам. Клаус с вящим удовлетворением почувствовал, как коптер покачнулся на рессорах опор, и только тогда снова выглянул наружу. Через непроницаемо-чёрные альпинистские очки-консервы ближайший выступ тороса вместо нежно-голубого казался почти чёрным. Автоматика не подвела, выбрав гладкую надёжную площадку для приземления в… да, всего в пятидесяти метрах севернее координат, которые выдала триангуляция сигналов от разбросанных по северной границе Мегаполиса сейсмографов — всё, что осталось работоспособным с начала лета, когда они с цератопсом раскидали все наличные самописцы.

А вот и он сам — туша серебристого армопласта уже деловито выбиралась из-под брюха коптера. Клювастая морда цератопса водила туда-сюда, будто принюхиваясь, чем снова напоминала тех самых вымерших пситтакозавров, в честь которых дрон и получил своё прозвище. Ну, что, помощничек, и что же мы тут потеряли?

Клаус отошёл в сторонку и сделал широкий приглашающий жест рукой.

А главное идея была простой и незамысловатой — отслеживать обрушения, которые для сыскарей были одновременно источником и главной опасности, если придавит больную головушку, и важным источником находок — обнажения фундаментов давали доступ к сохранившимся подо льдом ресурсам. Поначалу это даже работало — новый коптер, тот самый, на котором они сюда добрались, внушительные запасы топливных элементов для микрореактора, целый контейнер солнечных батарей в заводской упаковке, но потом дело пошло хуже. Сейсмодатчики мало того, что принялись один за другим отказывать, а новые-то взять и негде, так ещё и оставшиеся в основном показывали малопонятную ерунду. Тут и там по всему континенту один за другим возникали источники внушительных сейсмических колебаний. Но источником теми были отнюдь не башни.

А вот что может так звучать, что сейсмодатчики гаснут один за другим с завидным постоянством, а география источников простирается от Северного моря до самых Альп, оставалось загадкой. Клаус при помощи умницы Марисы так и так прикидывал, но ни к чему внушающему доверие так и не пришёл. Оставалось или плюнуть на всё и вернуться к привычной жизни сыскаря, тем более что относительно тёплый сезон стремительно заканчивался и нужно было заниматься запасами на зиму, а не всякой ерундой. Но Клауса всё не отпускала тревожная мысль,

что это всё неспроста, и на самом деле куда важнее всех его приготовлений к зиме.

Цератопс между тем продолжал регулярно сообщать о новых сигналах. И постепенно их северная граница сконцентрировалась как раз за пределами частокола. Вот тут, на этих бескрайних ледяных полях вдоль бывших пригородов Мегаполиса. Ну, давай, псина ищи. Что ты тут видишь?

Но сам виновник торжества покуда ограничивался беспокойными петлями, накручиваемыми по скользкому подтаявшему льду. Цератопс как будто чуял что-то, но объяснить не мог. Стоило же Клаусу нацепить кошки и сделать пару шагов прочь от коптера, машинку в ответ словно коротнуло, она принялась носиться туда-обратно как ошпаренная.

Интересно, что там у тебя в башке твердолобой творится. В отличие от покойного гексапода, придавленного в итоге случайным ледопадом, цератопс был явно существом внутренне весьма высокоразвитым. Его ку-тронные ядра несли в своей структуре нечто вроде зачатков сознания, тем сложнее было в итоге понять ту логику, по которой он действует. Клаус, по большому счёту, до сих пор так и не смог сам себе объяснить, почему цератопс оставил его тогда в живых, для простоты переложив всё на своеобразное механическое чувство благодарности.

Клаус спас цератопса из смертельной ловушки, допустим, но зачем тот с тех пор за ним таскался? По всей видимости, какие-то внутренние эджрэнки логических вентилей переключили машину в режим следования как оптимальный для выполнения поставленной некогда задачи. Вот только какой? И кем?

Ответов у Клауса не было. Да это и неважно. Здесь и сейчас, на самом краю бесконечного ледяного поля они были не важны.

Чем вообще выделялось это место на фоне всего остального белого безмолвия? Клаус с сомнением проследил взглядом тонущий в голубой туманной дымке частокол гребёнки. Отсюда, с севера, она казалась незыблемой. Ровные стальные редуты тянулись от горизонта до горизонта. Будто не было многолетних снегопадов, обрушенных башен, повального бегства всех и вся, тотального запустения. Отсюда всё выглядело так, будто Мегаполис выиграл эту войну с природой.

Кому, как не сыскарям знать, какой ценой ему это далось.

Хр-рум-м!..

Нутряной рокот, быстро переходящий в оглушительный скрежет, больно ударил по ушам. Акустический удар был такой силы, что Клаус почувствовал его буквально собственными внутренностями, когда диафрагма и перикард принялись

беспомощно резонировать с частотой в пару герц.

Пытаясь восстановить сбившееся дыхание или хотя бы успокоить бунтующий желудок, Клаус безвольно согнулся пополам, краем зрения не успевая следить за эволюциями цератопса. Псина носилась к коптеру и обратно в каком-то уже совершенно бешеном темпе. От этого мелькания желудок Клауса окончательно вывернуло наизнанку, он едва успел сорвать маску респиратора, с удивлением наблюдая, как остатки утренней галеты смешно подпрыгивают на льду.

Землетрясение? Здесь? В двухста километрах от ближайшей горной гряды в любом направлении?

Только тут до Клауса дошло, что именно слышали сейсмодатчики. Нет, это были не звуки падения башен, и даже никакая не тектоника. Кому она вообще нужна посреди гигантского ледяного панциря. Три метра осадков в год, которым попросту некуда было деваться. За полвека тут накопился паковый лёд толщиной в полторы сотни метров. Сто пятьдесят миллионов тонн льда на один квадратный километр площади. Цифры послушно мелькали перед глазами Клауса, услужливая аугментация не обращала внимания на то, что ему сейчас не до чёртовой арифметики.

Едва утвердившись на обеих ногах, Клаус как мог быстро рванул к покачивающемуся на рессорах коптеру.

«Срочный прогрев роторов, готовность к экстренному старту!»

Если Мариса ему что-то и ответила, то он всё равно не расслышал, застигнутый новым акустическим ударом.

И без того едва сохраняющие равновесие ноги окончательно потеряли опору, уходя из-под него вместе с чёртовым льдом. Не переставая в голос проклинать всё на свете, Клаус отчаянно пытался ухватиться хоть за что-нибудь, но ощущал растопыренными пальцами в армированных перчатках только беспорядочные удары. Перед глазами же и вовсе творилось нечто несусветное — калейдоскоп всех оттенков голубого не обещал ничего хорошего. Судя по всему, Клаус куда-то падал. Вот только куда можно упасть, стоя не бесконечной плоскости пакового льда?

Одна.

Клаус, прекратив трепыхаться, машинально сгруппировался.

Две.

И какой было смысл считать? Неужели, он до сих пор надеется, что его спасут?

Три.

За три секунды свободного падения на Матушке ты

пролетаешь почти 70 метров, достигая скорости почти сто километров в час. Опять эта чёртова аугментация.

Прыжок веры завершился с хрустом вправляемых позвонков. Лёгкий экзоскелет заскрипел, но выдюжил. Мельтешение за бортом разом прекратилось, сменившись картинкой вальяжно надвигающейся на Клауса стены.

Бум!

Клаус принялся судорожно прочищать стёкла очков, точно, перед ним колебалась словно бы отколотая от чего-то целого голубоватая ледяная стена. Задрав голову, Клаус разглядел только уходящую в никуда стропу, куда там за спиной вцепились крючья якорей, лучше было пока не думать. Как говорится, спасибо, что живой.

Дальнейший подъём проходил скучно. Разом всё вокруг заволокший белый туман снежной пыли не давал видимости дальше пары десятков метров — стропа, ледяной скол понемногу скользящего вниз уступа и ничего больше. Гигантским жуком на верёвочке повиснув посреди туманного ничто, Клаус первые пару минут натужно отдувался, пока из крови не выветрился весь адреналин, потом же на целую вечность остался один на один со своими мыслями.

В панцире могла образоваться гигантская трещина, но разве она была способна порождать все эти сейсмические сигналы? Куда достовернее выглядела, скажем, горстовая дислокация ледяного щита. Многосотметровый массив паковых льдов упирается в частокол гребёнки, та некоторое время держит всю эту махину, но однажды касательное напряжение достигает предела текучести и происходит единомоментный сброс нагрузки. Клаусу, кажется, хватило ума оказаться тому прямым свидетелем.

По мере продолжения подъёма снежная пыль рассеивалась, показалось голубое небо и, наконец, вновь открылся вид на Мегаполис.

Стало понятно, что это никакая не трещина. Полуторасотметровый клиф нависал над изломанным лабиринтом новообразованных ледяных торосов.

Перебравшись через край обрыва, Клаус нос к носу столкнулся с цератопсом. Молодец, псина, сообразили вы с Марисой. Если бы не эта удачно выпущенная дроном стропа, валяться бы Клаусу сейчас у самого основания клифа мокрым местом.

Клаус аккуратно, под пристальным взглядом всё ещё подозревающего неладное цератопса, подошёл к краю обрыва и заглянул вниз. Ни на поверхности как ни в чём ни бывало

тянущегося на север панциря, ни в синих небесах не значилось ни следа коптера. Выходит, его обломки скорее всего валяются где-то внизу, если их вообще не зажевало в момент смещения треснувших поперёк себя титанических ледяных плит.

А раз он потерял коптер, значит, связи с Марисой до возвращения в границы прямой видимости не будет.

Вот дерьмо.

Клаус отошёл для верности шагов на двадцать в сторонку и устало опустился на лёд.

Цератопс настороженно подошёл сзади и ткнул его в плечо своим металлическим рогом. Да что поделаешь, псина, что-то он устал после всех этих приключений.

Клаус раскинулся на льду в позе «снежного ангела» и замер, глядя в чистые синие небеса.

Там привычно висел белый треугольник орбитальной платформы.

В такие моменты хотелось думать, что оттуда за ним наблюдают. Ну, не за ним, так за Матушкой в целом. И, если что, придут на помощь.

Не придут. Даже теперь, когда ледник самым прямым и ясным способом сообщил о своих намерениях двигаться дальше на юг.

Но там, наверху, всем плевать на промёрзший Мегаполис, как им плевать и на дальнейшую судьбу тех немногих, что решил не покидать его до самого конца. Они сами сделали свой выбор, им никто ничем не был должен.

Аугментация поспешила подсказать.

Скорость ледника может достигать десяти метров в сутки. Неспешные три километра в год, вот та скорость, с которой будет исчезать с лица Матушки гребёнка Мегаполиса. Значит, у них есть ещё в запасе как минимум полсотни лет.

Что ж, мы ещё поборемся.

Поднимаясь на ноги, Клаус махнул рукой цератопсу.

Погнали, псина, будем искать удобный спуск вниз. Будем надеяться, что усталость и голод доканают Клауса не раньше, чем им удастся восстановить связь с Марисой.

XXIV. 64. Непобедимый

Его пальцы на просвет выглядели стеклянными.

Привычный эффект после суточного дежурства на мостике. Переобученные зрительные центры продолжают транслировать в измученный изокортекс опорные звёздные поля окружающего пространства, фантомно визуализируя навигационные параметры даже теперь, когда его нейроконтуры остались без сигнальной подпитки внешних систем.

Человеческий мозг быстро привыкает к несвойственным ему функциям. В этом его главное преимущество перед искусственными структурами принятия решений. Сколько не проектируй эти квантовые системы, они все оказываются или неэффективным клубком сумрачных самокопаний, когда машина навсегда уходит в себя, обсчитывая полную бессмыслицу, да ещё и каждый раз разную, или же быстро превращаются в туповатый конвейер простейших решений, принимаемых быстро, но нуждающихся в постоянном дообучении на новых краевых условиях.

Человек, помещённый в центр управления машинным царством, потрясающе эффективно аппроприировал любые внешние контуры как свои. Расширенный фенотип всегда был свойством хомо сапиенс, но в некотором смысле, начиная с определённого порога сложности аугментационных интерфейсов сами эти машины как будто становились частью оператора,

ощущаясь как продолжение руки, как второе зрение, как второй слух.

Пока же мозг варился в тенётах чужеродных ку-тронных цепей, не только его команды влияли на физику вокруг, но и эта самая физика занимала своё законное место в нейронных полях изокортекса, постепенно вытесняя оттуда исходные образы и заменяя их своими.

Так глазное дно, на которое случайно упал блик солнечного света, надолго оставляет на себе его иссиня-золотой отпечаток. Разогнанный когнитаторами изокортекс был куда чувствительнее простейшей нейросети глазного дна, он начинал не просто принимать внешние сигналы, он быстро учился их моделировать, создавая новые цепи нервных окончаний, неспособные более ни к чему иному.

В этом и состоял главный секрет всех навигаторов. Они на минимальном наборе сигналов буквально кожей ощущали малейшее отклонение в поведении крафта, поскольку внутри них, по сути, жила его полноценная физическая модель. При таком-то импульсе маневровых отклик должен быть таким-то. И если реальность разойдётся с моделью хотя бы на миллиметр, сразу последует реакция, даже если подобный поведенческий паттерн случится впервые.

Но у этой универсальности была своя цена — с каждым подключением к навигационным интерфейсам человек отдавал моделированию физики всё больше собственных кортикальных колонок, где каждый миллион нервных клеток заменял в своей производительности ку-тронный компьютер среднего класса.

Ходили слухи, что кто-то из навигаторов внешних трасс, по ошибке систем безопасности вовремя не выключенный из сенсорных сетей корабля, к концу витка остался без половины изокортекса, навсегда замкнувшегося на себе.

Что за чудесные миры продолжали моделировать его нервные клетки? Кто знает. Сам парень, по рассказам свидетелей, даже не особо изменился, все когнитивные тесты проходит, память в порядке, но в глазах у него словно навсегда застыла острая тоска по утерянному. Сам он больше не мог вернуться в собственные миры. Да и навигатором дальше трудиться не мог — аугментация словно напарывалась при попытке подключения на некий непреодолимый блок. Мозг бедняги буквально физически отказывался воспринимать внешние сигналы. Так живущие на берегах водопада Виктория, по рассказам, не слышат его шума.

До подобного, конечно, лучше не доводить, но банальный «звездопад» был знаком каждому навигатору. С непривычки новичков часто тошнило: открываешь глаза, а всё вокруг

пронизано светом галактических маяков, приводимых во вращательное движение незыблемой механикой небесных сфер. Но вестибулярка быстро справлялась.

На борту монструозных флагшипов, несущих в своих жарких недрах всю мощь замыкания, которые могли себе позволить постоянное пребывание на активной траектории, сила инерции статично прижимает тебя к палубе — а значит, просто стой на своих двоих, и никуда ты не денешься, привыкнешь.

Ковальский резким движением убрал растопыренную пятерню себе за спину, ещё увидит кто из младкомсостава.

Вертикаль управления среди навигаторов держится на простом меритократическом правиле — на её вершине не было места слабакам. Застукают тебя в эдакой позе, коситься начнут, ошибки подмечать. А там, глядишь, уже и списали тебя как есть на берег к чертям мунячьим.

Оказаться в списке на выбывание Ковальский никому бы не пожелал, не то что самому себе.

Впрочем, довольно, до следующей вахты — трое корабельных суток, это не так уж много, учитывая, сколько всего нужно успеть сделать помимо банального физического отдыха.

«Ты обещал мне партию в сквош, напоминаю».

Старпом Варга на связи. Любопытно, как меняется отношение к человеку, стоит с ним хоть немного вне дежурства пообщаться. Сколько бортовой психолог не затирал на сеансах про командный дух и взаимовыручку, но в навигационном интерфейсе каждый трассер становится записным солипсистом, возвращаясь в далёкое детство. Для ребёнка младше трёх лет мир вокруг него как бы нереален; каждая игрушка, каждый человек — и особенно родители — воспринимаются им как часть себя и вне этого контекста не существуют. Любимая всеми игра в младенческие прятки — ровно оттуда. Закрой лицо руками, и весь мир исчез. Обруби каналы связи, и ты снова один на всю вселенную.

Большинство из его подчинённых для Ковальского вне рамок навигационных смен до сих пор оставались абстракцией. Расслышав из-за угла знакомый голос, он поневоле подёргивался. Проклятый изокортекс. Столкнись они нос к носу в лифте или на травалаторе — вероятнее всего, даже не узнают друг друга. А ведь сколько кругов за спиной на одном корабле. Голос же, даже пропущенный через гундосый вокорр, всяко не спутаешь. Вот так смотришь на человека как будто впервые, неужели это тот, с кем тебе завтра вести крафт в бой?

Но со старпомом они почти сдружились. Их вместе свёл случай. Сцепились как-то на переключении курса языками — пока крафт ненадолго повисает на инерционной, а остальная команда,

сидя по капсулам, занята бесконечными проверками по аварийному расписанию, только дежурной смене нечем заняться, вот и чешут кто во что горазд. Помнится, в тот раз Варга залепил басню о том что он-де бывал на Церере ещё до всего. Мол, лёд там кругом лежал голубой. Ему все такие — дурак-человек, ты с Европой попутал, Церера вся серая была, как Япет в области Кассини, только диаметром поменьше и без экваториального хребта. Тот — ни в какую. Пришлось ему разыскивать старые фотки из бортового репозитория, под нос совать. Особенно Ковальский тогда серчал от упёртости старпома.

Но потом как заглянул в его дело, так сразу и заткнулся. Что уж там.

«Тинк», «консерва» или, как их на официальном новоязе называли в официальных документах, «пренатальный рекрут» на подсознательном уровне не может отличить те события, которые с ним действительно происходили, от имплантированных воспоминаний, без которых он ещё долгие годы не будет способен не то что к службе по назначению, но даже банально обслуживать себя, оставаясь ребёнком во внешне взрослом теле. Так что гадать, кто там из операторов пре-имплементированной памяти налажал с фактологией не было смысла. Старпом Варга на самом деле не был ни на Церере, ни на Япете, ни где бы то ни было за пределами нескольких кораблей их флота.

Однако вне этих естественных ограничений старпом по жизни был обычным навигатором: интересным собеседником, обучаемым, исполнительным и богатым на шутки. Между дежурствами они часто общались в персональном канале, делились небогатыми на флоте личными новостями и мыли кости сослуживцам.

С тех пор, как Ковальского назначили на «Курукештру» лидом навигационной смены, он так и не сблизился ни с кем из навигаторов достаточно сильно, чтобы можно было называть его другом или хотя бы приятелем, слишком много времени отнимала флотская служба. По сути, старпом Варга был единственным, кто знал, как Ковальского зовут по имени, и уж точно ни с кем, кроме него, капитану даже не пришло бы в голову общаться в неформальной обстановке. Нечастые общие собрания высших командных постов всех двенадцати флагшипов флота не в счёт, да и неформальными они выглядели разве что на взгляд со стороны. Ну бродят между трёх конференцзалов облачённые в парадную форму адмиральские чины, остальные им просто стараются не попадаться лишний раз на глаза, тем более с бокалом в руке.

С другой стороны, сколько человеку нужно собеседников?

Ковальскому хватало одного.

Пожаловаться на усталость, обсудить бортовые слухи, самое оно. Когда однажды — просто к слову пришлось — кто-то из них, никто уже не помнил, кто, предложил при случае сыграть партию в сквош, оба тут же радостно согласились, но потом то одно, то другое, то внеочередное медобследование, то Ковальскому пришло сообщение от родни, то инженерная секция срочно собирает свободный вышкомсостав на совещание, то навигационный тренинг. В общем, старая договорённость так и оставалась почти что шуткой, их внутренним приколом — напомнить друг другу при случае, ну как, сквош? Да? Нет? Ну и ладно.

В принципе, в эту игру можно было играть бесконечно и даже отдельно забавно. Это звучало как пароль-отзыв, понятный только им двоим.

А с другой стороны, какого чёрта?

«О, точно, а давай прямо сейчас?»

В ответ повисла недоумённая пауза, видимо, у старпома сейчас в голове тоже проносился схожий монолог.

«Отлично, я только переоденусь, найдёшь меня в зале?»

«Конечно, там и встретимся».

Любопытный эффект, Ковальский ощутил в этот момент у себя внутри нечто вроде любопытства. Лёгкая эйфория охватила его, мигом оттесняя на задний план и остаточное головокружение «звездопада» и усталость после дежурства в навигационной рубке. Казалось бы, что такого. Капитан и старпом решили вместе мяч постукать.

Но, наверное, нужно провести провести сотню оборотов в одиночестве посреди черноты внешнего космоса, чтобы понять, в чём тут дилемма. Навигаторы становились солипсистами не в процессе подключения к нейроинтерфейсам. Они были такими рождены. В случае старпома — в прямом смысле этого слова. Навигатору не скучно наедине с самим собой и окружающим пространством. Он, если так подумать, есть уникальная девиация хомо сапиенс, долгоживущий одиночка, лишённый необходимости жить в группе. Других здесь не ждали. Другие в этом деле были бесполезны. Ходили слухи, что устойчивость к чёрным идам тоже коррелировала с пресловутом «геном одиночки».

И вот стоило Ковальскому только подумать о том, чтобы в кои-то веки изобразить нечто вроде попытки социализации, как его будто током дёрнуло, такой с ним случился выброс окситоцина. Надо будет об этом обязательно поговорить с корабельным психологом.

Это всё Ковальский додумывал уже по пути в жилой сектор флагшипа, где располагался его личный бокс.

Всё-таки даже зная в точности энерговооружённость и инерционную динамику «Курукештры», сложно было воспринимать её изнутри. Навигатор ты или простой инженер-ремонтник, а пока пробираешься по этим коридорам, сотнями шагов меряя каждый переход и лишь изредка и издалека салютуя встречным флотским, всё равно никак не можешь ощутить истинные размеры этого титанического крафта.

Ковальский начинал свою трассерскую карьеру на типичных для внешних орбит малотонажниках, где две смены оборотами задыхались от чужих испарений, сидя друг у друга разве что не на головах. Крошечные гробы с минимальным количеством резервного топлива таскали от Пояса и далее до самого облака Оорта оборудование и материалы, и лишь много оборотов спустя стало понятно, для чего.

Орбитальные доки для построения в том числе и будущих флагшипов класса «Курукештры», автоматизированные фабрики по сборке из астероидного металла всей необходимой корабельной автоматики, гигантские безлюдные лаборатории, в которых варилось и вовсе непонятное.

Лишь только когда с Цереры начали поступать первые замыкания, стало понятно, зачем нужна такая гора машинерии и как она вообще собирается функционировать, поскольку одного термояда на всё богатство если и хватало, то лишь только затем, чтобы затем тихим ходом болтаться на дальних орбитах.

Но даже теперь, когда флот был построен и торжественно спущен со стапелей, Ковальский по-прежнему ловил себя на мысли, что до сих пор не верит в его реальность.

Как такая махина может существовать, двигаться, жить? Флагшип по своей сухой массе превосходил большинство мунных биокуполов, более того, он был в полтора раза тяжелее легендарного «Сайриуса», а материаловедение за последние три столетия шагнуло далеко вперёд, и при сравнимой энерговоружённости флагшипы представляли собой уже полноценные боевые единицы, готовые принять на себя удар, вот только чего?

Многочисленные тактические и стратегические учения, которые и составляли большую часть распорядка дня экипажа «Курукештры» с момента его схода со стапелей, представляли собой всё новые вариации одного и того же сценария — из внешнего межзвёздного пространства по различным траекториям приближался враг. Быстрый или медлительный, многочисленный или одиночная цель, в плоскости эклиптики или с высоких

широт. Но никогда это не было нечто, похожее не космические силы Большой дюжины.

Ромула словно больше не интересовала внутренняя Сол-система, для которой подобные флагшипы были попросту слишком серьёзно вооружены. Те орбитальные платформы с Соратниками на борту, что были отправлены нести свою вахту на орбите Матушке, при всех своих гигантских размерах по огневой мощи были вполне сравнимы с той же «Курукештрой».

На фоне кораблей предыдущих поколений флагшип был колоссален. Титанически огромен. Ковальский мог часами бродить по своему крафту, спускаясь и поднимаясь, выписывая спирали, зигзаги и петли, но не заглянуть при этом даже по одному разу во все его отсеки. Ковальский не о каждом из них мог сказать толком, каково было его предназначение, а ведь он каждую смену становился капитаном этого крафта и по идее имел доступ ко всей, исчерпывающе всей информации о нём самом, его конструкции в малейших деталях.

Вот например сейчас. Ковальский остановился.

Он оказался в секторе, на схемах помеченном как Н-40. Краткий пояснительный транспарант непонятно информировал, что перед Ковальским изгибалась направо переборка, отделяющая «биохранилище носителей» от «машинного зала вторичных систем жизнеобеспечения». Ну второе ясно, а вот первое это что? Каких ещё «носителей»? Да и зачем ему это знать, если честно.

Этот крафт можно было годами осваивать, как новый континент на карте Матушки в каком-нибудь шестнадцатом веке, как терру инкогниту прошлых времён. Ковальский служил на «Курукештре» второй десяток лет, но ни разу ещё не бывал в секторе Н-40 ни по служебным, ни по личным надобностям, и даже случайно сюда забрести не приходилось.

Да, видимо, и не надо. Тратить своё невеликое личное время на изучение корабельного нутра было делом странным и ненужным. Куда интереснее было по нему просто так шататься, всё лучше, чем потеть на беговой дорожке или банально пялиться в иллюминатор, тем более что он бал ненастоящим, обычный виртреал, который себе в номер можно поставить, не покидая внутренних миров.

Впрочем, в каютах «Курукештры» виртреалы действительно показывали в реалтайме окружающий космос. Не в боевом режиме, конечно, в процессе активного маневрирования непрерывное мельтешение за бортом было фактически бесполезно в смысле своей малоинформативности даже для опытного навигитора — те предпочитали систему координат, привязанную к плоскости эклиптики. Но пока крафт лежал в

активном дрейфе, компенсируя постоянным импульсом от двигателя свою орбиту, этот вид из окна был прекрасен сам по себе.

Бортовая обсерватория флагшипа пусть и была сосредоточена на отслеживании объектов, расположенных не дальше ста килотиков от Солнца, тем не менее, давала богатую на детали и краски фоновую картинку, обогащённую спектрами вне видимого диапазона от микроволнового по жёсткий рентген включительно. Получаемый на выходе композитный обзорный транспарант только на первый взгляд напоминал привычную всем картину звёздного неба — уж бывшему трассеру не нужно было напоминать, что из себя обыкновенно представляет дальний космос для невооружённого взгляда. Белый зрачок далёкого Солнца да едва заметные точки ярчайших звёзд плюс планеты, вот и весь небогатый визуальный ряд. Тут же в распоряжении свободного от прочих занятий навигатора был целый многоцветный мир контуров Галактики и целых звёздных россыпей ближайшего скопления.

Глядя на это богатое панно, составленное из миллиардов звёзд, газовых облаков, шаровых скоплений и туманностей ближайших галактик Ковальскому становилось понятно, что они вообще тут потеряли. Если на взгляд с Матушки устремления за пределы Сол-системы выглядели утопичными и ненужными — многие оставшиеся искренне полагали, что покидая родной мир, они его тем самым предают — то подобный вид на Внешний космос наглядно демонстрировал, насколько жалкий и обыденный уголок Вселенный достался человечеству от рождения, и покинув его, люди ничего особенного не теряют, но обретают, напротив, безмерные богатства.

Впрочем, хмыкнул себе под нос Ковальский, для того, чтобы тебя посетила столь банальная мысль, не обязательно забираться так далеко от дома. Достаточно было вспомнить, что там, вне пространства Сол-системы, уже бывали люди.

«Сайриус» под командованием Ромула улетел, пропав на долгих три десятилетия, и вернулся два столетия назад, но с тех пор этот подвиг так и не повторили. Почему? Ковальскому не хватало смелости спросить. Если всё дело в Предупреждении — так тем более, разве не стоит отправить экспедицию хотя бы в качестве простой альтернативы полному и окончательному уничтожению человека как вида. Но Ромул словно ждал чего-то ещё.

Какого-то ключевого события, которое было важнее даже самой жизни на Матушке.

Что бы это могло быть? Для Ковальского, сколько он ни

пытался гадать, всё это до сих пор оставалось загадкой.

А с другой стороны — зачем командиру навигационной смены флагшипа все эти мысли о запасных планах и вселенских тайнах. Его задачей было вступить в бой и победить. Всё остальное уже будет происходить без него.

«Ну чего, я уже на месте».

Задумавшийся, уставясь носом в переборку, Ковальский дёрнул головой, возвращаясь к действительности.

«Скоро буду».

Космические черти бы тебя драли, старпом, с твоим сквошем, совсем вылетело из головы, что нужно было сходить к себе переодеться. Впрочем, это можно сделать и на месте, раздатчик спортивного инвентаря выдаёт, если надо, и форму, и обувь. Кто бы подумал, что на флоте такое вообще когда бы то ни было станет возможным.

Ладно, так куда нам?

Ковальский отправил запрос с личным номером старпома, разворачивая у себя в поле зрения трёхмерную схему этого сектора «Курукештры».

Хм. Странная история.

Маркер Варги маячил на ней прямо перед ним, вот буквально за этой переборкой.

Явно какая-то ошибка. Старпом же сказал, что на месте. А это малопонятное «биохранилище носителей» совсем не похоже на отсек физподготовки.

Надо разобраться.

Входная группа отсека Н-40 поддалась приказу Ковальского не сразу, для этого пришлось дважды подтверждать полномочия, но и после этого автоматика распахнула перед ним створки шлюза как бы в больших сомнениях, что это хорошая идея — пускать сюда кого бы то ни было. Однако странный двухкамерный шлюз удалось преодолеть, попав в итоге внутрь.

И оказавшись в почти полном мраке.

Нет, внутренние помещения «Курукештры» даже вне маневрового статуса как правило освещались лишь дежурными огнями, исключение составляли разве что центральные галереи и осевые тамбур-лифты, обшитые яркими световыми панелями. Ковальский же как навигатор и вовсе привык жить в полумраке рубки, где ничто не должно было отвлекать погружённого в транс пилота. Но кого и от чего старались не отвлекать тут?

Обернувшись, Ковальский не обнаружил и следов дежурного персонала, пожал плечами и переключил сетчатку глаза на повышенную чувствительность к дальнему инфракрасному спектру.

Любопытно.

Отсек был разбит негерметичными перегородками, служащими скорее опорой для разводки подключённой инфраструктуры, на отдельные боксы, уставленные ровными рядами одинаковых саркофагов с матовыми крышками, из-под которых, а также из скрытых под уровнем палубы радиаторов, отчётливо сочилось тепло. Что бы ни скрывалось в этих саркофагах, для собственного хранения оно требовало не криогенного холода, но заметно повышенной температуры. Триста кельвин, если не выше.

И самое главное — маркер старпома Варги упорно продолжал маячить прямо перед глазами Ковальского.

Он отчётливо указывал на один из саркофагов.

«Ну где ты там, я уже иду разминаться».

Ковальский подавил в себе первый позыв ляпнуть ему что-то вроде «тут такое дело, старпом, я на тебя прямо сейчас смотрю». Если это такой аппаратный глюк, забавно будет потом рассказать, но что-то ему подсказывало, что дело тут не в глюках.

Как там эта штука называлась, «биохранилище носителей»? Носителей чего?

Ковальский насторожено приблизился к саркофагу и осмотрел его. Ничего особенного, монолитный корпус с крышкой, на вид как будто нарочно затенённой изнутри, но судя по покрытию панорамным остеклением, явно предназначенной для простейшего визуального осмотра того, что хранилось внутри. А вот и пара сенсоров с очевидными пиктограммами подсветки и смены поляризации стекла.

Допустим, мы крайне любопытны и нам нечем заняться, кроме как лезть в дела чужого департамента, но если бы у Ковальского не было допуска, вряд ли автоматика его сюда пустила.

Решившись, наконец, он разом притопил оба сенсора.

И замер, не веря глазам.

«Тинки» или, если грубее, «консервы», вот как их называли за глаза.

Но до сих пор считалось, что искусственнорождённые были такими же людьми, пусть без родителей и с искусственной автобиографической памятью.

Но, видимо, быстро растущему личному составу флота Ромула уже и этого было мало.

В саркофаге лежал закованный в чёрные латы реанимационных агрегатов и залитый перламутровым питательным субстратом человеческий остов. Ни конечностей, ни внутренних органов. Только обглоданный до костей череп,

гортань и та часть грудной клетки, что непосредственно относилась к позвоночному столбу.

Особенно поразительны были слепые глаза, активно двигающиеся в пустых глазницах. Ковальский поспешил выключить подсветку и снова обратить поляризацию крышки саркофага.

«Капитан, ты там в порядке? Чего молчишь? Если передумал, так и скажи, я как обычно, с автоматом мячик попинаю».

Да как бы теперь ему объяснить, в чём заминка.

Ковальский осторожно вышел из отсека через тот же тамбур. Не было понятно даже, в курсе ли сам старпом своего истинного положения на корабле. Развернув план отсеков на более крупный масштаб, Ковальский тут же убедился, что дублирующая пометка Варги благополучно водружена в самый центр рекреационной секции. Может ли старпом даже не подозревать о том, что его физическое тело базируется в саркофаге посреди подобного «хранилища носителей»?

Впрочем, это в любом случае его личное дело, Ковальский туда лезть бы не хотел, даже если бы его лично попросили. Это касалось только самого старпома и наблюдающий его медперсонал.

Пулей добежав до раздевалки и судорожно там переодеваясь, Ковальский чувствовал, что ощутимо краснеет. Ему было стыдно и за своё непрошеное знание, и за то, что ему теперь придётся скрывать от Варги тот самый факт, что они вообще-то уже виделись. Это было похоже на какой-то случайный сеанс подглядывания.

И зачем только Ковальского туда пустили.

Сам старпом Варга, потный после разминки, был, разумеется, не похож ни на свою примитивную аватару на бортовых брифингах, ни тем более на самого себя во плоти, распяленного внутри саркофага. Обычный такой флотский, ничем не примечательный, прыгал по корту как мяч, постоянно шутил, почти всегда невпопад. Уже спустя пару минут очного знакомства Ковальскому начинало казаться, что он и правда знает старпома много витков, они всё это время действительно были с ним настоящими приятелями.

Но образ того проклятого саркофага не отпускал, мешая Ковальскому сосредоточиться на игре, мяч то и дело улетал в аут, так что пришлось с позором сдаваться, признавая своё поражение, и побыстрее сворачивать партию.

Уходил к себе в каюту Ковальский со всё тем же неловким чувством, надеясь лишь, что старпом ничего такого не заметил.

И только запершись в своей каюте и отчего-то тяжело дыша,

Ковальский вдруг понял, что его так смутило в случившемся. Да, «тинки» давно стали частью жизни флота, к тому же многие из естественнорождённых «ординаров» по стечению обстоятельств или даже по собственному желанию доводили аугментацию своих тел в погоне за скоростью реакции до состояния «мекка», в котором у них биологически оригинальных органов-то оставалось всего-ничего. Подумать так, сам Ковальский неоднократно получал во время службы смертельные дозы ионизирующего излучения, так что даже его относительно сохранившееся собственное тело после очередной инвазии в большинстве своём оказывалось напечатано аддитивным способом. Так что ему ли морщить нос по поводу состава и происхождения чужих тел.

Но всё-таки, если подумать, вдруг и он сам — на самом деле просто роботизированная биокукла, не более чем мобильный интерфейс для внешних контуров управления, а тело его между тем благополучно возлежит в таком же саркофаге в одном из хранилищ. Более того, а вдруг никакого Ковальского давно уже нет в живых вовсе, он благополучно погиб где-нибудь на Церере, тем более что в разгар кризиса там творилось такое адище, что не разберёшь. А на его месте трудится жалкая копия оригинала, пусть и заполучившая все его воспоминания. Или только думающая, что его заполучила.

Звучало это всё не очень. Отставить.

Куда проще было предположить, что старпом Варга был полностью осведомлён о деталях своего положения, что же касается капитана Ковальского… поисковый запрос по всем инфосферам «Курукештры» не принёс ничего нового. Вот его каюта, а вот и он сам, отдыхает после дежурной смены. Никаких саркофагов за ним не значилось.

А раз так, довольно. Флот — не место для сомнений и теорий заговора. Да, Варга тогда оговорился по поводу Цереры, это не значит, что от него самого что-то скрывают. «Тинки» в обязательно порядке перед отправкой на боевой пост проходили полноценное кондиционирование, в дальнейшем же за их состоянием в обязательном порядке продолжал следить специализированный медперсонал. Никаких проблем с «тинками» на борту боевого крафта ни разу не случалось и не предвидится впредь. Дело закрыто, к водным процедурам приступить, ать-два.

Приняв долгожданный душ и пристегнувшись к койке, Ковальский прислушался к привычному корабельному шуму, всё-таки проникающему через звукоизоляционный барьер каюты. Низкочастотное гудение энерговодов, тяжкое дыхание сервоприводов маршевой секции двигательной установки, слабое шелестение климатизаторов, вой электромоторов транспортного

хозяйства, тихий стрёкот ку-троники, бульканье хладогена в радиаторах.

Спокойная работа всех систем на равноускоренной траектории.

Ни беготни аврала, ни внеурочной учебной тревоги, ни даже какой нештатной ситуации в бортовых подсистемах.

Самое время расслабиться и отдохнуть, а не ковыряться в собственных страхах после случайного визита к саркофагу старпома.

Да и было бы о чём, на самом деле, беспокоиться. Он командует сменой навигаторов на борту одного из двенадцати самых мощных боевых крафтов, когда бы то ни было спущенных со стапелей Сол-системы. «Курукештра» была полностью укомплектована и готова к бою. Вот и всё, что необходимо было знать капитану.

С этой мыслью Ковальский провалился в сон.

Снилось ему в тот раз нечто странное. Ряды и ряды светящихся изнутри саркофагов окружали его со всех сторон, и из каждого на него смотрели его собственные лица. Смотрели насуплено, как будто все они были отчего-то им крайне недовольны. Сам же Ковальский никак не мог втолковать им, что ни в чём не виноват, и что поступал строго по уставу.

Просыпаясь, Ковальский всё никак не мог выпутаться из вязкий тенёт этого мучительного сна. Выпутаться настолько, чтобы наконец различить ухающий где-то далеко на заднем фоне неприятный скрежещущий голос квола, который всё твердил и твердил что-то по кругу.

Лишь с третьей попытки Ковальский осознал сказанное.

Боевая тревога. Внешние решётки транслируют сигнал обнаружения групповой цели, движущейся из-за границ Сол-системы. Всему экипажу занять места по аварийному расписанию. Основной смене срочно прибыть на свои посты. Мин-пятьсот-сек до смены вектора тяги. Боевая тревога.

Ковальский двумя короткими движениями отстегнулся от койки. От прежнего спокойствия на борту не осталось и следа. Рявкала сирена, басил квол, грохотали аврально герметизируемые переборки. Привычно ввинчиваясь в аварийный кабинсьют, Ковальский больше не вспоминал ни о своём мучительном сне, ни о вчерашних сомнениях. Всё это теперь было неважно.

Они этого ждали. Они к этому готовились. Дело за малым: добраться до рубки, заступить на пост и начать развёртывание боевого ордера.

А всё прочее будет потом. В другой жизни.

XXIV. 76. Спаситель

Эвакуированные мунные купола оставляли куда более гнетущее впечатление, чем он ожидал. Поживи на Красной пару десятков витков, и тебя уже не удивят её безжизненные просторы. Стиль жизни там был такой, все словно боятся и этого песка, и друг друга. За тысячу солов можно не встретить ни одной живой души, одни лишь тянущиеся в кровавых небесах цепочки тяжелых коптеров напоминают о том, что этот мир кем-то населён. Но Муна… Муна в его воспоминаниях всегда была грандиозным крытым муравейником, где все куда-то спешили. Главный перевалочный пункт Сол-системы с самого момента своего основания оставался истинным её сердцем.

Так было до Цереры. И так было до Прибытия.

Теперь же, глядя на пустые галереи внутри куполов и очищенные стартовые площадки за их пределами, он думал лишь о том, что же они упустили.

Что случилось с людьми, которые когда-то ступили на серый мунный реголит в надежде на освоение нового фронтира? Проще всего было сказать, что за четыре сотни оборотов они просто устали. Устали надеяться, устали бояться. Ещё проще было свалить всё на Бомбардировку и предшествовавший ей мунный кризис. И совсем просто было кивнуть на всеобщий ужас Прибытия.

Но всё было сложнее, куда сложнее, ему ли не знать.

Ромул готовил человечество к этому дню все четыре сотни лет. Каждый день приближал этот миг с неумолимостью метронома, но всё равно человечество оказалось не готово. Не спасли его от волны отчаяния перед лицом неизбежной угрозы ни опыт предыдущих катастроф, ни грандиозный труд, проделанный

для собственного спасения, ни тот простой факт, что дата этого события была известна задолго до того, как все, наконец, осознали его неизбежность.

1 февраля 2376 года по земному календарю, ровно как и гласило Предупреждение.

И всё-таки человечество оказалось не готово.

Готовы были флагшипы за орбитой Урана. Готовы были орбитальные платформы у внешних планет, Красной и самой Матушки. Готовы были стационары предыдущих поколений, подчинявшиеся Большой Дюжине или же непосредственно Корпорации. Была готова и сама Матушка.

Скованная льдами Европа, закрытые от посторонних глаз глубины океанических рифтов и прибрежных шельфов, очищенная ото льда, но оттого не менее безлюдная Антарктида.

Они были готовы до последнего снаряда, последней капсулы трипротона, последнего гигаватта энергии, последней боеголовки держать оборону.

Но люди в основной своей массе остались в стороне и строительства этой титанической машины планетарной обороны, и самого круга посвящённых в тайны Предупреждения. О нём знал каждый, но и — о нём не помнил никто. Люди боролись изо всех сил, но не с тем и не тогда. Сначала с болезнями, потом с перенаселением, потом с климатическим скачком, потом с кризисом рождаемости и последовавшей депопуляцией, потом с катастрофой Бомбардировки, потом с неудержимым наступлением ледника.

И всем этому они проиграли. Так что когда наступило неизбежное, бороться оказалось некому. Ромул и его люди фактически остались одиноки посреди черноты внешнего космоса, откуда они ждали своего врага.

А люди на Матушке громили корпоративные баухаусы, устраивали погромы в биокуполах Муны и Красной, угоняли все способные передвигаться корабли в Поясе и на спутниках внешних планет.

И не было поблизости никакого Ромула, кто бы спас их от самих себя. Сколько в итоге погибло — никто не считал. Очаги аутоагрессии гасли сами собой, заканчиваясь вместе с исчерпанием собственных носителей или же, как зачастую происходило здесь, на Муне, задыхаясь в буквальном смысле по мере отключения систем жизнеобеспечения. Техники уверяли, что это была диверсия, они должны были проработать без обслуживания и пополнения ресурсов ещё минимум два оборота, но нет, всё закончилось куда быстрее.

И вот он пробирается пустыми куполами, аккуратно

прибранными всё той же чудесным образом вновь заработавшей автоматикой, и размышляет. Кто или что помешало Лилии вновь, как во время предыдущего мунного кризиса, предотвратить катастрофу, избежать ненужных жертв. Точнее, от них избавились, оставив им роль тех самых жертв. Впрочем, ему ли рассуждать о жертвах.

Знакомая шлюзовая камера частного причала услужливо пропустила его в зал ожидания, где как будто ничего не изменилось, и всё-таки изменилось главное. За монокристаллическим армированным стеклом внешней стенки купола больше не возвышались воздетые профили орбитальных челноков, как не горбатились за ними и пузатые телеса рудовозов. Муна опустела не только внутри, но и на поверхности. Где сейчас эти корабли? Всё так же вслепую рвутся подальше от Матушки, понятия не имея, что творится с оставшимися позади и куда они вообще летят? Большинство из них давно не отвечали на запросы, самой очевидной причиной чего могла быть только скоропостижная гибель экипажа.

Что ж. Потом можно будет попытаться спасти оставшихся. Потом, но не сейчас.

Бросив короткий взгляд на таймер, он, не задерживаясь, проследовал к переходному шлюзу. Все собравшиеся чуть раньше назначенного вместе с мекками охраны уже втягивались по одному на борт единственного челнока на полсотни мегаметров вокруг.

Челнок был странных, агрессивных обводов, будто выпиленный чьими-то гигантскими мозолистыми руками из единого куска металлполимера, его явно готовили не группы туристов развозить, а прорываться через шквальный заградительный огонь, но сейчас сойдёт и так. Не до удобств.

В тамбур-лифте, нос к носу столкнувшись с Лилией, он поневоле посторонился, пропуская её и двоих сопровождающих вперёд. Лилия его как будто не заметила. Что ж, справедливо. Когда-то он и сам предпочёл бы вычеркнуть себя, своё прошлое, то, что он сделал, из памяти. Но те времена давно прошли. Он изменил свои взгляды на многое, в том числе и на то, что случилось на Церере. В конце концов, с тех пор появились новые герои и новые злодеи, на нём одном в полной горестей и негодяев истории Сол-системы свет клином не сошёлся, да и он сам заметно изменился. С ним новым Лилия, пожалуй, согласилась бы разговаривать ещё меньше, чем с тем, прежним, что бы он не совершил тогда на Церере.

Впрочем, с той, кем стала Лилия для него теперь, при взгляде на опустевшую Муну, он бы и сам не нашёл, о чём говорить.

Короткого сухого кивка вполне достаточно.

Пока все размещались по салону и упаковывались в тесные коконы кабинсьютов, прошло добрых полтора часа. Полтора часа напряжённого молчания. Многие из собравшихся на борту челнока друг друга узнали, и было заметно, что каждый из них бы предпочёл лететь в каком угодно обществе, но не с таким соседством. Лучше, конечно, в полном одиночестве, такая накалённая получилась атмосфера. Впрочем, им всем хватало ума и выдержки оставить все подобные мысли при себе и помалкивать. Тем более что альтернативой подобному соседству была простой — остаться на Муне. В столь любезном одиночестве. Но отчего-то всем хватало буквально одного взгляда в потолок, чтобы все подобный мысли напрочь отбросить. Каждый знал — второго рейса не будет. Крыло не шутило, когда объявило, что эта аудиенция будет первой и последней.

Вспомнив текст велеречивого, но при этом предельно беззастенчивого «приглашения», он снова ощутил в себе уже, казалось бы, усмирённую ярость. Столько ненужных смертей, а главное, столько бессмысленных жизней пошли прахом. Как это могло случиться? И ладно бы Лилия или её доппельгангер Улисс, но почему Ромул ничего подобного не сумел предвидеть?

Как дорого бы ему сейчас хотелось дать за единственную возможность заглянуть в недра хрустального мира и убедиться, что собравшиеся здесь исполнены тай же ярости, что он не один такой, но нет, он знал, что будет расплатой за подобную дерзость. Лилия его за секунду растерзает, не говоря уже об остальных. Да уж, та ещё собралась компания.

Но ничего. Он как-нибудь переживёт.

Шаттл грубо тряхнуло, будто пилот и правда собрался прямо сейчас прорываться сквозь заградительный огонь и уходить от перехватчиков, но снисходительный к человеческим слабостям виртреал продолжал как ни в чём не бывало транслировать гладкую картинку плавно уходящей вниз блестящей стеклом куполов серой реголитовой поверхности в едва уже различимых разводах на месте прежних кратеров.

Муна изменилась, они все изменились.

Но куда больше изменилось не то, что он видел внизу, а то, что он видел наверху.

Точнее, то, чего он не видел.

Разметанный брызгами чёрной шрапнели армопласт прочных корпусов.

Голубое сияние черенковского излучения в стынущем воздухе мёртвых отсеков.

Сверкающие в плазменных коронах двигателей веера

снарядов из обеднённого урана.

Режущие глаз вспышки фузионной плазмы.

Вскипающий в низком вакууме жидкий дейтерий, текущий из пробитых баков.

Серебристый иней испарившегося металла, оседающий на обледенелых остовах боевых крафтов.

И сами эти остовы, медленно кружащиеся в беззвучном танце, который будет длиться, длиться, длиться, пока не прервётся очередным каскадом импактов.

Так должны выглядеть космические баталии и их неминуемые последствия.

Ничего этого он не видел.

Предупреждение оказалось пустышкой.

Прочные корпуса двенадцати флагшипов остались нетронутыми, с ними случилось то, чего никто из Хранителей не сумел предвидеть. Крафты висели между Муной и Крылом плотным ордером, будто бы в последней попытки отгородить Матушку своими телами от непрошеной силы, но всем в Сол-системе было предельно понятно, что всякая попытка сопротивления была заведомо обречена на провал.

Не нужно быть опытным трассером, чтобы суметь разглядеть голубые венчики плазменных струй вдоль кормовой кромки ближайшего крафта, ясно различимого в виртреале по правому борту от катера. Могучая «Курукештра» или нет, кажется, это была «Цагаанбат», из последних сил пылила на обычных десятигигаваттных фузионных двигателях, стараясь по крайней мере не ломать строй.

Навигаторы Крыла, должно быть, изрядно потешались над этими смешными потугами.

Могучие замыкания разом погасли вместе с самим излучателем.

К чему были все жертвы, для чего Ревнители, Корпорация, Большая Дюжина и они с Лилией истратили столько сил за контроль над этой невероятной силой, чуть не поставив в итоге весь свой вид на грань полного уничтожения, если в итоге сама эта сила оказалась бессильной перед пришельцами извне.

Нелепая, чудовищная несправедливость. Они искренне считали себя способными бороться с захватчиками. Но реальность оказалась иной. Дарёный артефакт безвольно погас по первому щелчку дактилей. Ромул остался без излучателя. Да что там Ромул, всё человечество было поставлено перед фактом — теперь, когда неминуемая война отступила, они были обречены остаться наедине с собственной беспомощностью.

А вот Крыло ни в чём себе не отказывало.

Их стояночный ордер представлял собой хаотичный, почти бессистемный строй, в котором огоньки чужинских крафтов непрерывно перемещались, сбиваясь в группы и снова разлетаясь по тактическому пространству. Там постоянно кипела какая-то своя жизнь, никому извне непонятная и ни на что извне не обращающая внимания. Лишь единственный крафт — а то, что это был боевой корабль, не оставалось ни малейшего сомнения, стоило взглянуть на его агрессивные летящие обводы — оставался статичен, выдвинутый из ордера вперёд к Муне на полтора тика и замерший своим острым птичьим клювом в направлении ордера послушно ожидающих назначенной аудиенции флагшипов.

На брифинге для приглашённых настоятельно уточнялась необходимость тщательно избегать любых аналогий с земными птицами. Ещё чего. Крыло есть крыло, клюв есть клюв.

И сейчас это крыло и этот клюв были направлены точно на них, даже не пытаясь хотя бы и в малейшей степени скрыть ту угрозу, что они с собой несли.

По мере того, как флагшип, или как там у них именуются ранги боевых кораблей, чужинского Крыла надвигался, разрастаясь во всю фронтальную гемисферу виртреала, его военное назначение становилось всё очевиднее. Уже не только стремительными обводами и острой кромкой граней, но и постепенно проступающими деталями — радужными подпалинами прямых попаданий плазменных зарядов, осколками и трещинами импактов, суетой ремботов, оттаскивающих прочь какой-то не подлежащий полевому ремонту силовой агрегат, на место которого уже устанавливали обклеенную защитной оболочкой запчасть.

Если ему удалось правильно прикинуть расстояние, сухая масса одного только демонтируемого отсека превышала любой из флагшипов Ромула в максимальной загрузке. И даже такой мощи потребовалось, судя по всему, применить заметные усилия и пришлось получить серьёзный урон, прежде чем враг был уничтожен или по крайней мере был вынужден отступить.

Зачем им вообще с нами разговаривать?

По мере того, как тяжкая чернота чужого крафта надвигалась на их челнок, становилось заметно, что навигатору становится всё сложнее отрабатывать курсограмму. Эта птичка явно умела искажать метрику пространства. Её энерговооружённости хватало не то, чтобы создавать вокруг себя настоящий гравитирующий квадруполь, а не подобно крафтам человечества, довольствоваться костылём настроенных на равномерную тягу двигателей. Люди к настоящей искусственной гравитации даже и

в планах не приблизились. Ещё один повод для чувства собственной неполноценности.

А кто мы есть, если не ничтожества? Убили собственную планету и едва не погибли сами. Ради чего? Ради войны, в которой в итоге даже не сумели победить. Или хотя бы найти в себе мужество честно проиграть.

С этой мыслью реактор их челнока заглушили, то ли по команде диспетчера сближения, или кто там у них, то ли их навигаторов вообще не спрашивали, молча перехватив управление и так же молча направив его к стыковочному доку. Чернота вокруг сменилась цепочками огней направляющих, следующие полчаса их челнок, вальяжно перекладывая с борта на борт и с носа на корму, так и сяк вертели в недрах непривычно огромного — не меньше полукилометра в поперечнике пакгауза в недрах чужого крафта. Пожалуй, печально знаменитый «Сайриус» здесь бы поместился целиком.

Собственно стыковки и процесса шлюзования никто на борту не заметил. Даже привычного каждому трассеру перепада давления не случилось — просто в какой-то момент зажглись транспаратны, а все начали послушно выбираться из кабинсьютов и выдвигаться на выход.

Шлюз, между тем, оказался привычный, какие встретишь на любом стационаре, да и на той же Муне. Так вот чего они тянули. Монтировали внутри своей птички оборудование для приёма делегации. Что ж, только тут ему пришло в голову, что ничего интересного эта аудиенция, похоже, не принесёт. Формальное, протокольное мероприятие, собрались, произнесли ритуальные речи для прямой трансляции и под запись, затем разошлись. В свете того, что он тут увидел, будет неудивительно, если чужинцы вообще не покажутся во плоти, ограничившись, скажем, общением посредством бипедального дрона, которые с тем же успехом можно было заранее собрать и подключить к своим коммуникациям.

А что, это даже разумно с их стороны. Меньше эмоций, меньше стигмы, меньше неизбежной экзофобии. Меньше смысла о чём-то разговаривать.

Внутри импровизированного конференц-зала, к которому привёл шлюз, уже собралось между тем довольно прилично народа. Надо убираться куда-нибудь подальше в сторону, совсем немногие здесь хотели бы его видеть в живых, не то что лицом к лицу. Однако ему повезло, нашлось всё-таки приятное исключение.

— Соратник Урбан.

— Ильмари Олссон.

Оба коротко кивнули друг другу, но совсем не так, как ему при встрече кивнула Лилия. Два напряжённых взгляда, на секунду сцепившись в окружающей толпе, успели продемонстрировать друг другу достаточно эмоций, чтобы тут же спокойно расстаться. В отличие от Соратника Улисса, с Урбаном они всегда умели расходиться мирно. Из всех Соратников только Жан Армаль до сих пор сохранял известную человечность. В конце концов, только он знал, что такое физически умереть.

Впрочем, Лилия тоже знала. И Улисс знал. Но забыл. Предпочёл забыть.

Между тем прозвучал сигнал прибытия ещё одного челнока, и тихий ропот разговоров в зале тотчас разом стих. Повисла напряжённая, мучительная тишина. Только тут до него дошло, кого в зале покуда не хватало.

Не хватало Ромула и Хранителей.

И вот теперь они двигались через толпу собравшихся как раскалённый нож входит в ледяное масло. С тревожным шипением и запахом прогорклого дыма. Он зря сомневался в том, как его тут примут. Было в Сол-системе существо, которое разом поднимало со дна этого болота все старые грехи и позабытые обиды самим фактом своего появления. Таким существом был Ромул.

Что там какой-то Ильмари со своими ничтожными неудачами. Да, он чуть не угробил Матушку, пускай косвенно, по его вине погибли сотни миллионов. Но у Ромула за плечами остались миллиарды надгробий, в основном безымянных, но оттого ничуть не менее страшных. Если бы кто-то догадался собрать список величайших злодеев всех времён, Ромул все всяких сомнений вышел бы победителем, что называется, вне конкурса. И собравшиеся об этом помнили. Но самое главное — об этом помнил сам Ромул.

Потому он не стал тратить время на пустые раскланивания. Кивнув собравшимся у дальней переборки Соратникам, он сделал приглашающий жест и без того следовавшим за ним Хранителям и решительным шагом вышел вперёд.

Разумно. Если к Ромулу ни у кого вопросов не было, так сказать от греха подальше, то подобраться к Хранителям мечтали все собравшиеся. Где они пропадали последние две сотни оборотов с самого Времени смерти, среди собравшихся знали единицы. Знал, например, писарь Стэнли, но он давно сгинул, наверняка знали Улисс, Урбан и Лилия, но и они не спешили этим знанием пользоваться. И вот, трое близнецов как ни в чём не бывало предстают перед ключевыми игроками затянувшегося балагана под кодовым именем «план Ромула», прежние и как

будто другие. Жаль, никто ни на какие вопросы сегодня отвечать не станет.

Сегодня всех интересовало не прошлое, но будущее.

Которое настанет или нет.

Точнее, оно точно настанет. Но не для всех.

Впрочем, ему не дали времени как следует развить эту мысль, потому что как только Ромул подошёл к дальней от шлюза переборке, тут же раздался звук гонга и переборка тут же сделалась полупрозрачной, едва заметной преградой между собравшимися по эту сторону и отсеком для принимающей стороны. Ясно, хозяева решили не ограничиваться дроном-медиатором, а всё-таки сочли необходимым поприсутствовать лично, разумеется, не рискуя дышать одним с людьми воздухом. Биология есть биология.

По ту сторону стекла возникли три фигуры. Негусто, учитывая количество собравшихся гостей. Впрочем, пожалуй, все они, кроме Ромула, тут были скорее свидетелями. А уж защиты или обвинения, можно спорить. Принимающая сторона решила ограничиться со своей стороны всего двумя понятыми — голой нелетающей птицей, которую звали, если верить аугментации, Илиа Фейи, он был представлен как нуль-капитул-тетрарх Оммы, что бы это ни значило, и странной детской фигуркой, которая всем выглядела как земная девочка лет девяти и не была никак аннотирована для собравшихся.

А вот главного встречающего, что уж там, знали все, причём не только среди собравшихся, но и во всей Сол-системе.

Это был всё тот же завёрнутый в серебристый металлизированный балахон Симах Нуари, соорн-инфарх Сиерика. Именно он, как только погас излучатель, обращался к Ромулу и всем людям (которых он упорно именовал «артманами») с той самой речью, начинавшейся словами «мы несём вам славное знамение».

С его появлением градус напряжения в зале достиг той отметки, у которой, казалось, сам воздух вокруг начал искрить. Причём в прямом смысле, учитывая то, сколько здесь было людей, способных напрямую обращаться к хрустальному миру. Но Ромул, даже не оборачиваясь, снова сделал короткое движение рукой, и все тотчас задвинули свой гнев подальше.

— Симах Нуари.

— Прошу прощения, мы не представлены, и я не знаю, как мне следует к вам обращаться.

Как и в прошлый раз, птица говорила через вокорр, все уже знали, что их вокальные мешки недостаточно приспособлены к человеческим фонемам.

— Мы уже виделись, соорн-инфарх, — на этом месте в зале начали переглядываться, — но сейчас ко мне достаточно обращаться просто Ромул.

— Это звание или же просто имя? Впрочем, как вам будет угодно. Ромул, вы заблуждаетесь, утверждая, что мы с вами знакомы. Это вы виделись со мной. Но я, как и любой представитель моего или иного не вашего вида, вас вижу впервые. Мы присутствуем в знаменательный момент первого контакта летящих с артманами.

— И тем не менее, я вам уже был представлен. И тогда же мне было сказано, что данное мне Предупреждение истинно верно, что мне надлежит готовить свой вид к отражению страшного вторжения, которого уже никак не избежать. И тогда мне вами, соорн-инфарх, было названо место и время, где мы снова встретимся. Это должно было случиться две сотни оборотов моего мира назад. Я и несколько сотен моих ближайших соратников были там, некоторые из них сейчас оказались в этом зале, и они свидетельствуют, что обещанное рандеву не состоялось. Зато теперь, когда настал час исполнить Предупреждение, вместо врага, которого мы ждали, являетесь вы. Волей Совета Вечных и призвав в качестве свидетелей трёх Хранителей Вечности я вопрошаю сейчас Симаха Нуари, соорн-инфарха Сиерика, как это могло случиться?

Ответа не последовало. Грудь Симаха Нуари мерно вздымалась под балахоном. Огромные глаза чужинца впились в Ромула, словно пытаясь вытащить из него какую-то только им двоим известную правду. Но Ромул хладнокровно продолжал ждать ответа.

И тогда соорн-инфарх ответил:

— Мы следовали тому же Плану, начало которому было положено за много тысяч сезонов до начала нашего пути и даже моего появления на свет. Межзвёздные расстояния велики, путь же от Гнезда до Пероснежия не просто далёк, но почти непреодолим. И тем не менее, Крыло было построено и тронулось в путь согласно заветам наших Хранителей. Однако в пути Крыло получило от наших разведчиков тревожный сигнал, что в стороне от нашего маршрута обнаружен рой рейдеров врага. Согласно поступившим отчётам, это с большой вероятностью был тот самый рой, что должен был атаковать Сол-систему, атаковать артманов.

Симах Нуари выдержал паузу, ожидая какой-нибудь реакции, но, кажется, все собравшиеся по эту сторону прозрачной переборки и так догадывались о том, что он сейчас сообщил.

И тогда чужинец продолжил:

— Во имя сострадания и милосердия к нашим братьям по разуму, а также во исполнение нашего долга перед грядущими поколениями мною как главнокомандующим экспедицией был отдан приказ развернуть Крыло на перехват роя. В итоге нам удалось рассчитать траекторию перехвата, сойдясь в узловой точке прыжка мы сумели вынудить рой вступить в столкновение с силами Крыла, в результате длительного огневого контакта противник был уничтожен, в то время как мы потеряли до половины боевых единиц и двух третей личного состава.

Ромул в ответ холодно кивнул и продолжил то, что с самого начала выглядело не как переговоры проигравшей стороны с победителем, но скорее как допрос барристером обвиняемой стороны в Высоком суде. Неожиданный поворот, учитывая реальное соотношение сил на гало-орбите.

— Героический поступок, боевой подвиг вашего Крыла будет воспет в Вечности. Но позвольте мне задать ещё один вопрос. Возможно, соорн-инфарх упустил какую-то важную деталь в своём достаточно подробном рассказе, которая развеяла бы некоторые сомнения в его полноте. Поясните, прошу вас, Симах Нуари, были ли предприняты какие-либо попытки со стороны высшего командования Крыла уведомить человечество о случившемся?

На этом оба сопровождающих Симаха Нуари чужинца — и птицеподобный Илиа Фейи, и безымянная «девочка» — тут же коротко переглянулись. Но соорн-инфарх продолжал почти без паузы, как будто заранее догадавшись, куда дуют сопла.

— Как только мы получили доклад разведчиков, в сектор контакта были отправлены несколько автоматических зондов, однако они не вернулись к Крылу, и насколько мне известно, с вами, Ромул, в контакт тоже не входили. Как я уже говорил, космическая навигация даже в плотном ордере с возможностью полевого ремонта в пути до сих пор чрезвычайно ненадёжна… — тут Симах Нуари осёкся и продолжил, глядя на каменное лицо Ромула, уже менее витиевато, — перехват роя и без того был крайне непростой задачей, мы не могли отвлекать на коммуникацию с вами дополнительные силы, по итогам же сражения все наши усилия были сосредоточены на срочном ремонте и восстановлении мобильности оставшегося в строю флота. Перед нами по-прежнему стояла задача добраться до Сол-системы в те сроки, которые бы гарантировали вам выживание на случай, если уничтоженный рой на самом деле не был нашей основной целью и напротив, служил для отвлечения сил Крыла.

Ромул убедился, что собеседник закончил, после чего кивнул, как бы во всём с ним соглашаясь, а сам продолжил.

— Итак, Крыло обнаруживает сигнатуру роя, отменяет основную миссию ради его перехвата, теряет на этом половину кораблей и надолго застревает вдали от финальной цели экспедиции, погрязая в ремонтных работах, которые, как я вижу, не завершены до сих пор. При этом совершаются минимальные усилия по информированию человечества о происходящем у его границ, в надежде, что Крыло успеет восстановить ход и добраться до места вовремя. Всё верно?

Соорн-инварх лишь коротко мигнул в ответ нижними веками. Он уже понял, к чему ведёт Ромул, но почему-то предпочитал довести этот спектакль до конца.

— Как давно и как далеко отсюда состоялось сражение?

— Порядка трёх сотен оборотов вашей планеты назад и около половины угловой минуты отсюда в ваших единицах измерения.

— Здесь не все сильны в астрометрии. Уточните, соорн-инфарх, сколько бы оттуда до Сол-системы шёл обычный световой сигнал когерентного пучка?

— Приблизительно сотню оборотов.

— То есть всё-таки вы технически были способны отправить нам сообщение даже несмотря на расстояние и полевой ремонт, которое было бы гарантированно доставлено?

— Вероятнее всего, да.

— Тогда почему вы этого не сделали?

— Согласно директивам Хранителей Вечности, нам было запрещено напрямую контактировать с артманами вне зоны рандеву вплоть до ключевого момента.

— Даже несмотря на то, что развитие событий критически не соответствовало предсказаниям Хранителей?

— Даже несмотря на это. Директивы были предельно ясными. Мы не могли снова поставить под угрозу будущее нашего вида.

В зале повисла гнетущая тишина.

— Снова? Вы сказали «снова». Не поясните, когда вы это сделали впервые, соорн-инфарх?

Симах Нуари впервые за время всей аудиенции проявил нечто вроде нервозности. Его красный мясистый рострум покраснел и заметно увеличился в размерах.

— Тогда, когда вообще согласился на отправку этой экспедиции.

— Но если вы были против и, несмотря на это, всё-таки возглавили Крыло, зачем же вы тогда решили отклониться от курса и атаковать тот рой?

— Мои навигаторы спрогнозировали, что новая траектория даже с учётом возможных потерь в бою даёт больший прогноз выживаемости личного состава экипажей Крыла по сравнению с

первоначальным планом полёта в точку рандеву и обратно к Солсистеме. Это и стало решающим аргументом для смены курса. И не вернувшиеся автоматы лишь подтвердили мои опасения.

Ромул снова кивнул.

— Звучит разумно. Однако у нас тоже есть свои Хранители Вечности. И вот уже две сотни оборотов нашей планеты как они ослепли. Я тут подсчитал в уме, это случилось ровно в тот момент, когда до нас дошли бы ваши когерентные сигналы, если бы вы всё-таки решились их отправить. Соорн-инфарх, я бы посоветовал вам прямо сейчас попытаться связаться с Гнездом через прыжковое пространство или как вы его там называете, в случае успеха вам будет транслирована оттуда критически важная для миссии Крыла информация. До её поступления я предлагаю эти переговоры прервать.

Симах Нуари ничего не ответил. Некоторое время он стоял, тяжело дыша своими воздушными мешками. Ромул ждал.

Первыми двинулись с места разом оба его секунданта, и лишь потом со знакомым звуком гонга принялась терять прозрачность стеклянная перегородка между соорн-инфархом и Ромулом.

Но эти двое до самого последнего мгновения стояли напротив и сверлили друг друга глазами, как будто всё продолжая вести свой ожесточённый спор.

Со стороны людей первыми покинули собрание трое Хранителей. За всё время они так и не проронили ни единого слова.

XXIV. 82. Сольтатор

И полпяди не хватило до мудрости,
И полвдоха не хватило до радости,
И полчуда не хватило до Вечности.

(Здесь и ниже, автор стихотворения: Александр Непомнящий)

Трое из ларца с удобством расположились у самого клиффа. Один из них, высокий, отчаянно рыжий старик, всё время размахивал руками, норовя вскочить и побежать, всячески изображая общее возбуждение. Двое остальных, напротив, уютно возлежали в гамаках, подтянув пледы до подбородка, и почти не двигались. Лёгкая, но при этом исполненная нутряного довольства улыбка блуждала на лице у обоих.

Все трое для постороннего глаза выглядели бы весьма подозрительно — какая судьба занесла их в этот ветренный край и какова была цель их сегодняшнего наблюдения, не смог бы сообразить даже самый отчаянный сыскарь, даже если бы таковой и случился так далеко на юг от Махараштры.

Но на деле здесь никого давно и надёжно не было. Земля гоанская лежала пустой и только холодный зимний ветер носил по этим некогда многолюдным краям пыльные вихри, горстями бросая песок в лицо случайному встречному.

Но эти трое здесь были не случайно, и та незримая нить

мировой линии, что тянулась сюда из вечности в бесконечность, привела их сюда с той же уверенностью, с какой — впервые за столько сотен лет — они нынче взирали туда, на запад, за наливающийся красками холодного зимнего заката горизонт.

А там было, на что взглянуть. С головы до ног измазанная ржавыми подтёками титаническая железная конструкция в косых солнечных лучах выглядела мёртвым танцором, полностью выложившимся на последних па, да так и застывшим посреди океана, застывшим без сил и всякого смысла в ожидании давно случившегося конца.

Но не ради этого хтонического видения трое из ларца прибыли сюда, не ради этого солёного ветра и не ради этой красной пыли в лицо. Они ждали чего-то, ещё не случившегося. Они, четыре сотни лет служившие другим проводниками в кромешной тьме будущего, они, бóльшую часть этих лет пробывшие в не менее кромешной тьме настоящего, впервые за всё это время дожидались чего-то поистине прекрасного, настолько прекрасного, что улыбки отныне не сходили с их морщинистых лиц.

— А вы знаете, что меня больше всего терзало все эти обороты?

Рыжий снова всплеснул руками, чем тут же вызвал, пусть и на какую-то секунду, косую оскомину на лицах своих молчаливых слушателей.

— Я до самого последнего мгновения сомневался во Времени смерти.

— В каком смысле? — вяло ответствовал третий, самый неприметный из собравшихся, его лицо было подобно восковой маске, лишённое даже мельчайших личных черт.

— Я всё думал, а что, если можно было поступить иначе. Если выбор Ромула был не единственно возможным, а мы его проглядели.

— Именно — мы, и именно проглядели. Ромул бы никогда сам не решился на убийство Матери, и ты прекрасно это знаешь.

Это подал голос второй из троих, сухонький азиат с клочковатой седой бородёнкой, которой, наверное, очень гордился.

— Мы ему сказали то, что он должен был знать, и он сделал то, что должен был сделать. Тебе не хуже меня известно, что ни в одной из возможных временных линий Мать не оставалась бы в живых, вопрос был лишь в том, когда и при каких жертвах она падёт.

Рыжий отреагировал в своей манере — затряс головой и замахал руками, отчего-то заливаясь счастливым смехом.

— Да нет же, вы не понимаете!

Кажется, уже сам факт того, что мысли троих из ларца впервые за столько оборотов оказались настолько рассинхронизированы, что простейшие вещи приходилось друг другу объяснять, вызывал у него новый приступ безудержного веселья.

— Ровно наоборот, как только всё погасло, меня обуял ужас, мне стало казаться, что это мы, наш неправильный выбор загнал нас в пучину чёрной колеи, и что теперь впереди ничего, только одно бесконечное Время смерти!

— Но всё так и было, — устало напомнил третий.

— Так, но не так! — рыжий торжественно воздел указательный палец над головой, будто что-то невидимое им протыкая. — Теперь я вижу, что зря сомневался. У нас впереди была Вечность! Она — незыблемая константа этой вселенной. Какие бы беспросветные каверны не заграбастали в свои глубины эту проклятую временную линию, Она единственная останется для нас всех надеждой и путеводной звездой!

— С чего это ты так решил? — это снова поморщился третий.

— С того, что даже в этой кромешной тьме я продолжал чувствовать неизбежное будущее нашего вида. Как и вы оба. А без человечества не будет Вечности. Значит, мы вернёмся, вы вернёмся не смотря ни на что!

Двое пожали плечами. Задним числом всяк умён. Теперь, когда тьма рассеялась, всякому вольно было рассуждать о том, что могло бы случиться, и чего не могло бы.

— Что ж ты, такой всезнающий, не посоветовал тогда Ромулу, рвущемуся на борту «Эолы» к чёртовой Цереpе, попросту забить? Ты же рядом с ним на мостике стоял, старый чертила, что тебе стоило хотя бы слово сказать, и ты спас бы сотни миллионов жизней!

Но рыжему всё было ни по чём, он лишь потряс головой и продолжил:

— Ты прекрасно знаешь, какой там был цугцванг. Если бы Цереру оставили в покое, пришлось бы гасить излучатель. Ни вы, ни я, ни Ромул, ни застрявшая на Муне Лилия не знали, остаются ли у Ревнителей ещё форки. А значит сохранилась бы опасность погубить не сотни миллионов, а уже миллиарды. И главное — окончательно погубить Матушку.

— Но ты же сам сказал, что ничего просто не могло случиться. Эта треклятая чёрная колея нас в любом случае привела бы нас сюда, на этот берег, на эту встречу. Тогда зачем рисковать, что-то делая. Можно было попросту ничего не делать.

Рыжий призадумался на секунду, но потом твёрдо

продолжил, уже ничуть не смеясь.

— Это для Вечности всё равно, живы мы или нет, жив ли Ромул или нет, и сколько конкретно человек отправятся навстречу Веку Вне. Но вот сейчас я вижу, что наши решения в том конкретном узком коридоре выбора были правильными. Мы спасли всё, что смогли.

— И убили всё, до чего дотянулись.

— Да, и убили тоже. Пусть и не своими руками. Думая, что летит враг, и большинство из них обречены. И он летел, летел, и…

— …и прилетел. Чёртовы спасители.

Трое из ларца одним синхронным движением подняли головы и посмотрели вверх, в глубокую синеву зимнего неба, на которую с севера уже накатывалась чёрными клубами набрякшая снегом туча.

— И всё-таки, она жива, вы понимаете, жива!

И рыжий снова принялся скакать по иссохшей траве на самом краю клиффа, будто вовсе не опасался свалиться с двухсотметровой высоты.

— И мне можно в кои-то веки не думать о жертвах, треклятом выборе и той зловещей чёрной колее, в которую мы все угодили, и вы как хотите, но сегодня я буду праздновать!

Он танцевал и смеялся под сочувственными взглядами оставшихся в покое. Пока рыжий вертелся юлой и размахивал руками, другие двое спешили впитать последнюю каплю столь скоротечного солнечного тепла, уже буквально кожей чувствуя первые прикосновения колючих снежинок.

Сегодня они и правда могли радоваться. Сегодня человечеству ничего не угрожало.

Тому, что от него осталось. Но Век Вне уже приближался, как и те грозные знамения, что он нёс с собой Галактике. Человечество было обречено на громкую и славную историю. Хранители действительно не могли ни помешать, ни помочь ему на этом пути. Но в кои-то веки эти трое могли отставить все страхи и сомнения и просто отдаться этому невероятному чувству единения, о котором уже успели позабыть.

Мать умерла, осталась лишь Матушка. Голубая планета, медленно засыпающая под ледяным панцирем ледника. Осталась одна, ну или почти одна, посреди зловещей звенящей тишины. Однако сейчас, когда тьма предопределённости на время отступила от Хранителей, он наконец смогли почувствовать, что не всё потеряно. Что где-то вокруг них всё ещё осталось что-то живое. Помимо моря, помимо ветра, помимо заката, помимо красной земли.

Мать жива. Незримая и неизбывная. Она была жива. Трое почувствовали, осознали это одновременно. А значит — всё не зря.

Посредине вселенной, в чумной благодати,
Комочком затравленным девочка снова…
Но кому здесь далась твоя глупая ненависть,
Кого здесь спасет твоя глупая ненависть?

— Вы тут, я смотрю, что-то празднуете?

Рыжий тут же остановил свой танец безумного дервиша, двое же других тотчас обернулись навстречу голосу, синхронно склоняя головы в учтивом приветствии.

Гостья в ответ также кивнула, но куда более сухо. Она зябко куталась в пончо и по сторонам оглядывалась скорее неприязненно, нежели с интересом. Впрочем, по её сжатым в нитку губам трое из ларца отчётливо прочитали, что символизм этого места гостье остался вполне понятен.

— И хватило же вам наглости.

Рыжий улыбнулся и сделал широкий приглашающий жест.

— Это место нашей планеты ничем не хуже других!

Произнёс это он с таким нажимом на два слова в середине, что аж желваки заиграли. Всё веселье с него как ветром сдуло.

— Если вы хотели напомнить мне, с чего всё начиналось, то вы правы, это место ничем не хуже других. Но вам следовало бы знать, что ксил Эру-Ильтан обретают свою суть исключительно в момент неизбежной гибели носителя. Та девочка погибла бы, не наблюдай я за ней в тот момент.

— Мы в курсе, о могучая, да пребудешь ты во всезнании.

Рыжий раскланялся куда более церемониально, чем первые два Хранителя.

— И да удостоимся мы милости твоей безграничной.

Гостья поморщилась. Эти трое были неисправимы.

— Вы меня позвали сюда ехидничать?

— Никак нет. Мы хотим попросить у тебя помощи.

На лице гостьи отразилось сомнение. Для эффектора космического сверхразума, решившегося воочию понаблюдать за происходящим в соседней галактике, она не слишком владела своими эмоциями.

— Предположим на минуточку, что это правда.

— Ты же разговаривала с Симахом Нуари?

Гостья, помолчав, кивнула.

— Но с вами он не стал встречаться, так?

Рыжий в ответ изобразил некое промежуточное выражение лица, как бы сомневаясь, какой ответ выбрать, но ни «да», ни «нет» ему не подходили.

— Он удостоил нас минутной аудиенции по виртреалу.

— Сомневаюсь, что вас этот разговор удовлетворил.

— Его, впрочем, тоже.

— И в чём же вы хотите у меня помощи? Соорн-инфарх, при всём его показном уважении к моему статусу, не станет прислушиваться к моим словам, если они пойдут вразрез с его истинными целями, в чём бы конкретно они не состояли. Например, я не в состоянии его остановить. Не сегодня, не завтра, но они улетают, оставляя вас здесь.

Трое из ларца вновь синхронным движением подняли головы к небу, уже полностью обложному, чёрному, клубящемуся, готовому в любой момент обрушиться вниз первым серьёзным снеговым зарядом.

— О, это мы знаем. Это мы доподлинно знаем.

— Так в чём же дело?

— Мы хотим попросить тебя передать Симаху Нуари сообщение до отлёта Крыла.

— Хм, интересно. Зачем вам это и почему вы сами не передали летящим всё, что хотели, во время той самой минутной аудиенции.

Рыжий сощурился в ответ, как будто только что проглотил кислятину.

— Ты же понимаешь, о смотрящая, значение сообщения очень зависит от того, кто его сообщает. Нас они ненавидят, и нас они боятся. Потому нам и нужен посредник.

— «Вас» это кого, людей? — с сомнением процедила гостья. — В каком-то смысле и я до сих пор — человек.

— Людей тоже. Но нас — это Хранителей. Симах Нуари прибыл сюда вовсе не по доброй воле, его заставили. И я понимаю, почему он предпочитает нас троих к себе не подпускать.

— Но вы же были там, на встрече Ромула и соорн-инфарха. И ничего.

— Ты правда думаешь, что они там присутствовали во плоти? Нет, ну, мелкий ирн и этот, как его…

— Илиа Фейи, — из чистой вежливости подсказала гостья.

— Да. Вот эти двое наверняка явились лично, им обоим было любопытно. Но Симах Нуари не дурак, сталкиваться нос к носу с Ромулом. Он прекрасно знает его силу.

— Силу? Ты не понимаешь, в вашей терминологии Симах

Нуари такой же Вечный, как и все прочие. Этому существу исполнилось уже десятки тысяч ваших оборотов. Ему нечего бояться.

Рыжий в ответ отчаянно затряс головой.

— Нет, это ты не понимаешь, о всезнающая. Ромул изменился после того, как истекло время. Он стал не таким как мы, даже как ты. И тем более он больше не ровня Симаху Нуари.

— Это почему же? — с небольшой ноткой язвительности уточнила гостья.

Но рыжий был твёрд.

— Его больше ничего не сдерживает. Раньше он старался следовать Кругу. Теперь же он вырвался из него, так ему кажется.

Гостья в ответ задумалась.

— И вы думаете, что эта авантажная инфа настолько растрогает его летейшество, что он… я забыла, что о чём я должна была его попросить?

— Снова запустить излучатель, передать Ромулу ещё дюжину таких же и дополнительно обеспечить человечество технологиями возведения Барьера.

Гостью словно током дёрнуло.

Её чёрные глаза буквально сверлили собравшихся, едва не прожигая в них дыры.

— Хранители всегда думают об одном, да?

Трое синхронно кивнули.

— Мы думаем только о Вечности.

— И вас не переубедить.

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

Отступив на шаг и немного успокоившись, гостья каким-то другим — тихим и каким-то безнадёжным голосом спросила:

— Так вы всё-таки увидели что-то.

Ещё один кивок.

— Мы увидели новое будущее человечества. И ты знаешь, в чём оно состоит. Люди ослаблены, разобщены, они будут ещё больше раздавлены Веком Вне, но рано или поздно, так или иначе они начнут свою экспансию. Но до того момента их нельзя оставлять наедине с Ромулом. Их нужно пинком под зад выгнать в Галактику и запереть в границах Барьера настолько, насколько это только возможно.

Гостья задумалась, теперь надолго. Тучи мрачнели, закат гас, снежинки всё больнее бились в щёку, а она всё стояла и молчала. Наконец, когда она вновь заговорила, голос её стал холодным и официальным.

— Я поговорю с соорн-инфархом. Но ничего не обещаю.

Рыжий снова делано поклонился.

— На большее мы и не рассчитывали, о благоразумная. Но я вижу, что тебя что-то смущает.

— Меня смущает Ромул. Неужели он попадётся в столь тривиальную ловушку?

— Кто знает, кто знает. Возможно, они сам хочет, чтобы его обманули.

Гостья коротко кивнула и двинулась прочь, сквозь налетающие порывы пронзительного северного ветра. Но, отойдя на пару десятков шагов, всё-таки остановилась и крикнула остающимся:

— Я кажется поняла!

— Что же? — ответствовал вполголоса рыжий.

— Я поняла, зачем вы меня позвали именно сюда!

— И почему же?

— Здесь и правда случилась важная развилка, одна из немногих на вашей чёрной колее, я права?

— Да, всё верно. Иди с миром, о всевидящая.

И она ушла, растворившись в налетевшем снежном саване.

Рыжий же уселся в свой гамак, деловито укутываясь в плотную шерсть красно-голубого тартана. Даже плед у него был под стать его шевелюре. Вызывающий.

Снежная крупа сыпала на них всё сильнее, потихоньку принимаясь заметать всё вокруг. Красная гоанская пыль быстро скрывалась под непривычным налётом. Уже второй снегопад этой зимой. Со временем они будут здесь всё чаще.

Матушка-мама, что же мы с тобой сделали.

— А ведь он так хотел улететь, — это подал голос третий.

— Кто, Ромул?

— Нет, Симах Нуари. Он так хотел отправиться восвояси в своё Большое Гнездо и на две тысячи сезонов забыть об артманах.

— Спасители, — снова хихикнул по вновь приобретённой привычке рыжий, — если бы он видел то, что видим мы, он бы даже Сол-систему не посмел покинуть.

Трое из ларца вновь синхронно посмотрели в небеса.

— Но летящему придётся улететь и летящему придётся вернуться. А вот когда он это сделает, мы всё-таки поговорим. И тогда уж он явится лично, и лично нас выслушает.

— Ты сейчас слова Ромула повторяешь. Побуквенно.

— Почему нет, он мудрый человек.

— Всего лишь человек?

— И человек тоже. И надежда наша сегодня на то, что он об этом помнит.

— А в этом есть какие-то сомнения?

— Кто его знает, — пожал плечами рыжий, — теперь впору

начинать сомневаться даже в самых очевидных вещах. Мы так привыкли к ним, сжились, не сомневаясь что вся чернота и незыблемость нашего пути в том и состоит. Прилетит враг, мы с ним станем биться, и смертию смерть поправ, выжившие отправятся во внешний космос, навсегда оставив Матушку.

— А на деле?

— А на деле никакого врага не оказалось, друзья же наши вышли похуже врагов.

— Но чёрная колея осталась там же, где и была.

— И это самое любопытное! — рыжий достал из-под пледа указательный палец и второй за сегодня раз воздел его горе. — То есть мы движемся и не движемся одновременно, впрочем, со всей этой нескладной реальностью. И да, наша разлюбезная ксил была права.

— В чём конкретно? — двое отвечали ему скорее механически, по привычке, нежели искренне желая продолжать диалог, который им давно уже наскучил.

— Когда сказала, что здесь случился один из разломов реальности. С одним лишь допущением. Она угадала место, но не угадала время.

Троих из ларца словно наотмашь ударило.

Надвигающиеся сумерки разом погасли, а на месте набрякших грозой снежных туч небеса облачило видение совсем иного рода.

Плотные шеренги металлических жвал, ритмично двигаясь, перемалывали вставшего у них на пути километрового рыцаря.

Сверкали во вспарываемом воздухе когерентные пучки, с воем неслись боеголовки, один за другим детонировали ядерные фугасы, но рыцарь стоял.

В нём несложно было угадать то ржавое чудище, что тонуло сейчас в океане перед троими в этой, существующей для них реальности.

Именно здесь должен был пролечь один из рубежей планетарной обороны. Именно сейчас он должен был выстоять своё. И пасть, как многое до него и ещё многое после.

Но видение было и прошло. А рыцарь остался дальше ржаветь.

Сколько ещё подобных изломов реальности им троим придётся увидеть, прежде чем они окончательно дойдут до сути. Да, изломы были. Громогласные, титанические. Крошечные, едва заметные. Здесь ради мёртвого рыцаря умерла девочка Машка и не умер мальчик Франтишек. Но изменило ли это хоть что-нибудь?

— Сколько мы их насчитали?

— Кого «их»?

— Ключевых моментов.

Второй прикрыл щёлочки своих раскосых глаз.

— Тех, что доподлинно зарегистрированы, уровня инцидента на Церере? Не менее сорока. Но какая разница, сколько их было?

— Сорок важных исторических развилок, вероятность которых в итоге была драматически отлична от стопроцентной. Какова вероятность, что они всё-таки оставили чёрную колею нерушимой?

— Один к тысяче миллиардов, — нехотя подтвердил третий. — И что это значит?

— Это значит только то, что нас тащит за собой сила, не подконтрольная ни Ромулу, ни нам, ни, вон, всем этим пришлым соглядатаям. Нас стабилизирует в этой чёртовой потенциальной яме сама Вечность.

— Опять ты за своё, — поморщился, как от зубной боли, второй. — Какая разница, мы так и так остаёмся слепы и глухи надолго.

— Ну почему же. Впереди Век Вне, за ним Битва Тысячелетия, Финнеанский мятеж, Мирофаит. Рано или поздно мы сойдём с чёрной колеи, рано или поздно мы выскользнем из-за Барьера, совершим свой побег. Дайте только время. Главное, что у человечества теперь есть будущее.

— Сперва нам придётся этот самый Барьер возвести.

Трое помолчали. На этот раз первым подал голос самый неприметный.

— Ты и правда веришь, что Симах Нуари послушает нас и предоставит Ромулу всё необходимое?

— Не Ромулу. Соратникам. То есть как их там, Воинам. Причём предоставит с радостью. Он же тоже не слепой, хоть и упёртый, как все летящие. Он сейчас не в том положении, чтобы колебаться. Опять же, у него в свите, на наше счастье, есть ирн.

— А что ирн?

— Ирны видят всё иначе из-за своего собственного Барьера, который они так и не решились покинуть. И они лучше нашего понимают, что особого выбора у спасителей нет. Или сделать, как мы хотим, или оставить человечество на Матушке ещё на тысячу лет, и тогда уже получить совсем иную, уже поистине чёрную колею. Вы видели, что это может быть.

О да, они видели.

Бескрылые птицы, бьющиеся с Железной армадой. Бьющиеся в одиночестве и погибающие в одиночестве, сгорая в огне собственных звёзд. Помня о том, что так быть не должно. Помня о своём давнем выборе.

Нет, соорн-инфарх фанатик, но не дурак. Впрочем, не людям, всерьёз обожествляющим собственную планету, рассуждать о фанатиках.

— Но если летящие вернут нам излучатель, стало быть, нам тоже следует улетать. Как же мы Её оставим?

— А вот так и оставим. Ты прекрасно знаешь, что в каждой из известных нам миллиардов вариантов развития событий внутри Большого цикла Мать должна была умереть.

— Но не так.

Рыжий кивнул, мрачнея.

— Не так. Но и чёрной колеи никто из нас раньше не видел. Значит, наше открытие и эта колея как-то да связаны.

И тут же безо всякого перехода яростно, в голос захохотал.

— Ну что опять?

— Я тут подумал, вы только не злитесь, что если бы Симах Нуари каким-то чудом смог осознать, что именно сталось с Матерью, он бы не только не покинул Сол-систему, он бы, пожалуй, и человечество отсюда не выпустил. А то, поди, и прихлопнул бы тут нас всех, как мух. Крылу одного залпа из всех орудий бы хватило.

— Что же ты радуешься? — неприязненно проскрежетал бородатый.

— Я радуюсь, что этого не случится. Не потому, что подобное совсем невозможно, а потому, что этого не допустит всё та же колея.

— Ты так говоришь, будто речь идёт об одушевлённых сущностях со своей волей и сознанием.

— Почему нет? Мать — наше коллективное «я», собирательный слепок всех смертных душ, запертых на этом голубом шарике. Безумная, отравленная ноосфера, без которой мы все стали как слепые котята, даже Ромул. Он убил Её, но он же теперь тысячи лет посвятит Её возвращению. И в итоге добъётся своего. Только человечество к тому моменту о Ней позабудет. Такая вот горькая ирония.

— С тем же успехом можно одушевлять этот океан внизу.

— Почему нет? Океану молились тысячи поколений наших предков с самого появления человека как вида.

Ему не ответили. Закат окончательно растворился в чёрных тучах, снег кружил в автоматически активировавшихся прожекторах посадочной площадки, обустроенной автоматами обслуживания в сотне метров позади троих из ларца, подальше от клиффа.

Трое не спешили. Их чувство времени было единственной путеводной нитью, что вела слепых Хранителей тернистыми

путями Курукештры.

Тилтвинг прилетит и улетит, и никого вокруг не останется.

И только изъеденный ржавчиной от небрежения и скуки рыцарь останется почивать здесь во веки вечные.

Или же нет.

Или же кругом него и правда зыбко реет на холодном зимнем ветру нечто иное.

Нечто нематериальное, но оттого ещё более ценное.

Легчайшая кисея не исполненных мечтаний и позабытых надежд.

Воспоминания о некогда сорвавшемся с ветки листке.

О всех тех людях, что жили и умирали у лона Матери.

О юной девочке Машке, которая решила всех спасти.

О старом писаре Стэнли, который мечтал удержать в руках неуловимое — саму человеческую память о прошлом.

Хранители глядели в черноту, и пытались повторить его подвиг. Но не могли, не имели такого таланта.

Их действительность была ортогональна такому понятию, как память.

Память всегда движется вдоль стрелы времени.

Что-то случилось единожды и осталось вовеки.

Или же не вовеки, но на краткий мир.

Неважно.

Хранители жили в мире текучих временных струй, где всё было зыбко и не определено, где царствовали вероятности событий и даже смерть была не окончательным, терминальным состоянием, но воплощала в себе множество переходных форм.

Они никогда не горевали и о смерти Матери.

Об убийстве Матери.

Для них Она до сих пор оставалась такой же живой, такой же безумной, такой же отравленной собственными детьми.

Для них Она никогда и не умирала.

Но оттого лишь слаще была радость узнавания, когда они впервые увидели свет в разрыве чёрной колеи, впервые вдохнули Её такой сладкий и такой смрадный дух, казалось, уже полностью позабытый, ушедший в иную реальность, но нет, вот же он, снова здесь, вокруг.

Как такое могло случиться и что было тому причиною, Хранители не знали, да и не задумывались никогда о подобных вещах. Всё, что случалось в их многомерном утлом мирке, происходило как бы само собой.

Без бремени сожалений и страха неудач.

Они были Хранителями Времени, но жили вне его, а потому не были способны на истинное служение. И лишь какая-то часть

их рудиментарной физической оболочки продолжала трепетать и радоваться свету.

Такому же чёрному.

Такому же иллюзорному.

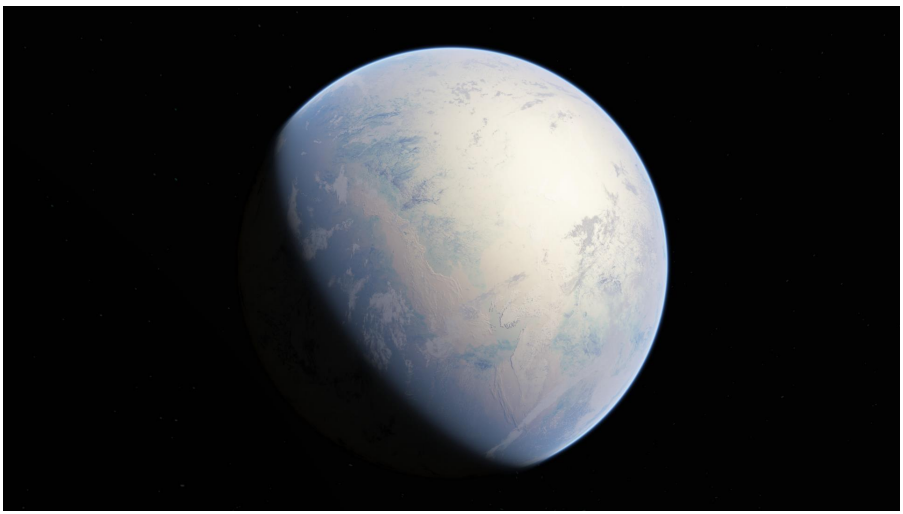
Но всё-таки путеводному свету.

Потому они никуда не спешили, замерзая на ветру, с трудом уже чувствуя на холодной коже ледяные струйки талого снега, не замечая стрёкота лопастей за спинами.

Вот теперь пора.

Под сказочным обетованным небом,
Под бестолково справедливым небом,
Под безмятежно неутешным небом
С весёлым криком умирает Вечность.

XXIV. 98. Первый



Я считаю каждый день,
Я отбрасываю тень,
Я живой, хотя и не похоже.
Я не ангел, я — ничей,
Я покинул мир людей,
Я иду к тебе

(Здесь и ниже, автор стихотворения: Роман Рябцев, «Технология»)

Ромул размеренным шагом поднимался вдоль гребня, время от времени оглядываясь на медленно погружающийся в голубую дымку каменный лабиринт Мегаполиса.

Здесь, в пятидесяти километрах от края Ледника, тот выглядел вполне привычно, если не помнить, насколько вглубь многолетних снежных наслоений уходят теперь эти каменные остовы. Башни, баухаусы и палаццо с каждым годом всё сильнее погружаются в спрессованный паковый лёд. Поди достань.

Ничего, фабрикаторы уже вышли на продуктовую мощность, выпуская к границам агломерации по миллиону своих трудолюбивых крысок в сутки.

Ромул собственными глазами видел, как те работают. Три особи с жаром дрались за килограммовый огрызок монотредной

стали, с усердием обтачивая о него свои алмазные резцы, только искры вокруг летели.

Эти механические трудяги вскроют любые залежи обломков, проберутся в любую мешанину перекрытий, пророют себе путь в глубинах вечной мерзлоты, но в итоге сотрут этот гнойник с лица Земли.

Земля. Помимо Ромула, пожалуй, на Матушке не осталось людей, кто бы так её по-прежнему называл. А скоро и имя-то такое позабудут.

И сам Ромул — в том числе.

Трансформация его, единожды начавшись, была необратимой. Иногда по утрам, придя в себя после ночных кошмаров, он с удивлением разглядывал своё новое отражение в зеркале и никак не мог поверить, что вот это юное безусое лицо — это то, что отныне придёт ему на смену.

Четыре сотни лет прошло с тех пор, как двадцатилетний Ромул ступил под эти небеса, неся человечеству своё откровение. Никому неизвестный пророк с излучателем под мышкой, свидетель будущего, которое он не просил и которое он не выбирал. Наслушавшийся посулов старших и отягощённый их непрошеными знамениями.

Его путь был долог и полон ошибок, его Корпорация была воздвигнута и повержена во прах, «Сайриус» улетел и вернулся с тягостным грузом сомнений, неизлечимо заболела и была из милости убита Мать, ставшая в итоге просто Матушкой. Погибли миллиарды, и не от рук врага, но под тяжкими ударами судьбы, той самой судьбы, которую Ромул должен был предотвратить.

И вот теперь некогда начатое заканчивалось.

Пора было уходить на покой. И ему, и всей Земле.

Ромул потянул с кисти перчатку, чтобы голой ладонью зачерпнуть голубого альпийского снега.

Крошечные крупинки льда послушно таяли у него в руках, чтобы тут же ловко утечь сквозь пальцы.

Какая нежная, кристальная чистота.

Ромул уже забыл, что Земля может быть такой.

Так работал близкий Ледник. Но в других местах будет сложнее. Сколько сотен лет умным и трудолюбивым машинам придётся возвращать планете её первозданный вид, вычищая с морей и континентов всё то, что тут построили люди? Да что там, сам Ромул и построил. Корпорация устанавливала своё доминирование в первую очередь в качестве технологического гиганта, а уже потом — в роли самозваного политического манипулятора, спрута, опутавшего щупальцами своих двойных агентов всю Сол-систему.

Эмтиджистил, монотредная сталь и прочие металлполимеры позволили человечеству не только освоить внешние планеты, но и превратить гигантские просторы родного мира в вонючий клоповник трёхмерных лабиринтов гигантских агломераций. Такова была цена той индустриальной мощи, в которой нуждался Ромул для победы над врагом.

Но врага нет, да и людей почти не осталось.

Ромул сощурился, вглядываясь в чистые морозные небеса.

Последние орбитальные платформы покидали сейчас мунную гало-орбиту, направляясь к границам Сол-системы. Теперь даже они не останутся пятнать этот девственный мир.

Жаль, что ему не суждено стать свидетелем финального его очищения.

Как снова станут прозрачными океаны.

Очистятся реки.

Умоются дождями равнины.

Даже ледники отступят.

Дайте только время.

Одна проблема. Былого великолепия биосферы Земли уже не вернёшь.

Сгинули коралловые рифы. Погибли дождевые леса. Сгнила на корню Сибирь. Вымерли киты. Улетели в страну вечного лета птицы.

Именно поэтому Ромул настоял на том, чтобы небольшая горстка людей осталась на Земле вместе с ним.

Панбиологи уже полтора столетия собирали по всей планете разрозненные обрывки угасшей биосферы.

Прочёсывали эстуарии рек, гидротермальные анклавы заповедной биоты, крошечные остатки некогда богатых экостистем по всем материкам и островам.

Ромул отдавал себе полный отчёт в том, что он тем самым неуклюже пытается отдать свой долг Матери, втайне надеясь однажды ощутить хотя бы слабый отголосок Её зова, который он так неуклюже пытался возместить людям своей Песней Глубин.

Они ценили.

Но он-то знал, что ни черта он возместить не в состоянии.

Куда ему, слабому духом, немощному созданию тягаться с Ней в Её величии.

Мать была прекрасна и величественна даже в своём предсмертном безумии.

Но Ромул попробует Её вернуть, хотя бы так, в виде покрытого лесами муляжа.

А там уж как пойдёт. Быть может, когда человечество однажды освоит межвременные переходы и замкнёт Цикл, новые

поколения панбиологов, закончив тем самым его труд, окончательно превратят Старую Терру в заповедник её собственной биологической летописи от эдиакария по кайнозой.

Быть может, хотя бы это оживит Мать.

Быть может.

Вот только человечество к ней уже не вернётся.

Хранители, наверное, гадают, почему он так легко попался в их немудрящую ловушку.

Позволил загнать людской род после тьмы и ужаса Века Вне в ловушку Барьера.

Что ж. Он тоже один из Хранителей. Именно затем его выдернули некогда из обыденной реальности конца XX века и вернули потом вот этим. Ромулом, несущим Предупреждение.

Да, Ромул уже встречал Симаха Нуари, соорн-инфарха Сиерика лицом к роструму, там, в далёком и донельзя ином будущем. Ничего из предсказанного ему не сбылось, реальность бог весть как увалилась в потенциальную яму чёрной колеи. Но там тоже были свои спасители. И там они не были злы на Ромула, а Ромул не считал соорн-инфарха своим кровным врагом.

Теперь всё будет иначе.

Что же до ловушки, альтернатива была простой. Запертое в Сол-системе ещё на долгую тысячу оборотов человечество, страх нового вторжения врага, окончательно загубленная Земля и да, тысяча оборотов под присмотром у сошедшего с ума от вящей невозможности закончить свой путь Ромула.

Такой судьбы он не желал себе, как не желал своему виду и тем более не желал этому миру.

Потому Ромул отпускал людей навстречу Веку Вне с чистой совестью и со спокойным сердцем.

Они справятся. Они выберутся из ловушки Барьера, не станут вечно прятаться, подобно ирнам, в тенётах его кажущейся безопасности. Человек всегда будет стремиться навстречу холодным огням далёких звёзд. И будет за это вознаграждён.

Пусть Ромул и этого не увидит.

Что же касается обмана, то обманут в итоге был Симах Нуари. Старая не летающая птица ещё проклянёт тот день, когда отправилась вместе со своим Крылом спасать какую-то далёкую пропащую расу, когда подчинилась воле Совета.

Нас всех подставили, старый друг. Но в отличие от тебя, у меня не было выбора.

Сам Ромул старался давать людям выбор. Выбор был у Лилии Мажинэ, Жана Армаля, Коры Вайнштейн, Джона Роуленда, сотен и сотен павших в борьбе героев. Они не всегда вставали на его, Ромула, сторону, но он всегда ценил в другом человеке

способность принять решение, выбрать сторону конфликта и смириться с той ценой, которую за это решение придётся заплатить.

И они заплатили. Сгинув окончательно или переродившись настолько, что новое существо больше не имело к оригиналу никакого отношения. Но были и те, что остались. С ними Ромул прощался вчера.

Улисс со своими двумя эффекторами был как всегда молчалив. Они уже давно всё друг другу сказали.

Прочие Соратники, помня о начале трансформации, тоже особые речи не длили, коротко и формально обещая доставить свой крафт до точки назначения. Ромул не обижался. Он им тоже уже всё сказал.

А вот расставание с верхушкой Большой Дюжины было куда более многословным и куда более утомительным. Особенно говорлив был Ма Шэньбин-третий (или четвёртый, Ромул давно сбился со счёта). В лучших традициях «Янгуан Цзитуань» это была обставленная в самом церемониальном тоне аудиенция, на которую, к удивлению принимающей стороны, явился безусый юнец в потрёпанной куртке, ничуть не похожий на то грозное чудище, каким выглядел в последние обороты своей прежней жизни Ромул.

Однако растерянность их длилась недолго, поскольку они явились с конкретными вопросами. Корпорации с самого начала приняли подарок Соратников с сомнением, до последнего сомневаясь в чистоте намерений Ромула, и эта, финальная встреча не стала исключением.

— Я правильно понимаю ваши намерения, нам будут предоставлены навигаторы и полная свобода перемещений?

Но в тот день Ромул не собирался играть ни в какие игры и не планировал ни с кем торговаться. Он говорил прямо.

— Всё верно. Ваш крафт не будет включён в общий ордер и имеет возможность выбрать своей целью один из двенадцати известных миров, находящихся в зоне обитаемости, которые вам были предоставлены. Я знаю, что согласно жребию вам досталась водная суперземля Янсин, но если вами будет принято решение о смене маршрута, это ваше право. Разыскивать вас или следить за вами никто не будет. Но вот вам мой совет, идите согласованным курсом. Галактика велика и полна опасностей. В ближайшие несколько тысяч лет вас некому будет разыскивать.

Ма Шэньбин коротко мигнул подслеповатыми щёлочками глаз и принялся в ответ велеречиво уверять в чистоте своих намерений и той благодарности, которую он от всей души испытывает. И его партнёры тоже.

«Партнёры» кивали.

Остаток времени Ромул потратил невероятные усилия лишь на то, чтобы затянутая аудиенция, наконец, закончилась. Он и правда их отпускал. Ма Шэньбин заслужил свою свободу. А люди его всё равно были бесполезны Воинам в дальнейших планах Соратников. В чём бы они ни состояли.

А вот кто им был нужен, так это подобные Ма Шэньбину плоды евгенических инкубаторов. «Консервы», как их за глаза называли первыми столкнувшиеся в острой нехватке подготовленных кадров флотские навигаторы.

Да, как и тут, на Земле, биологическое разнообразие хомо сапиенс — его главное средство выживания, между прочим — после Века Вне будет безнадёжно подпорчено. И без генетических программ по искусственному выделению геномных аллелей даже у такого, не пострадавшего от многолетней войны с врагом человечества, не просматривалось никакого вразумительного будущего.

Однако если в любой другой реальности это стало бы вынужденной мерой, то в недрах «чёрной колеи», как её называли Хранители, у программы искусственной селекции на отбывающих в дальний космос кораблях была куда более непростая задача. Создать с нуля новый вид, способный бороться с ужасами Века Вне и выстоять.

Да, вздохнул Ромул. Если согласно доктрине Предупреждения в путь должны были отправиться полуживые бездомные остатки разбитого воинства Корпорации, то сейчас туда вылетали оболваненные, сбитые с толку обыватели. Испуганные беглецы с собственной планеты. Их согласия никто не спрашивал. Всех просто поставили перед фактом. А что после десяти прыжков среди обычных, спящих в едва защищённых криокапсулах пассажиров выживет лишь каждый четырёхтысячный, об этом они узнают лишь по прибытии. Два миллиарда «паксов» после Века Вне превратятся в полмиллиона естественнорождённых колонистов. Остальные поневоле будут замещены «консервами».

Ромул не мог этим людям предложить ничего иного. Ни ресурсов, ни других возможностей у Соратников не было, оставалось сказать спасибо спасителям хотя бы и за это. Летящие сняли блокаду гало-орбиты ещё полоборота назад, но окончательно ушли на прыжок всего две недели как, словно до последнего сомневаясь в том, что дали себя уговорить. Ушли, даже ничего напоследок не сказав и наверняка оставив наблюдателей.

Ромул не удержался от усмешки, соорн-инфарх был сущим

ребёнком в политических делах. Древним мудрым злобным ребёнком. А вот кто была отнюдь не проста, так это явившая себя миру аватаресса чуждого космического разума.

Не сказав толком ничего из того, что на самом деле интересовало Ромула, она явилась на встречу вещать и наущать. Да, у неё была масса времени и бездна возможностей изучить наш человеческий род с самых неожиданных сторон. Пожалуй, она знала людей так же хорошо, как и сам Ромул.

И теперь воспользовалась этим знанием во всей полноте.

Разговор был долгим и обстоятельным. Ну, как, разговор, это был скорее финал некоего странного межзвёздного трибунала, где подсудимым выступал сам Ромул, а всезнающая ксил зачитывала ему, покаянному, список его прегрешений.

Список был длинным и утомительным, Ромул, не отпираясь, со всем соглашался.

Война за воду, сгнившая Сибирь, Время смерти, расколотая Церера и последовавшая за этим Бомбардировка, всё было правдой, это всё была его и только его вина. Но вывод из всего этого был сделан неожиданный:

— Я знаю, что расплата за ваши злодеяния ещё придёт. Но сейчас у меня нет к вам претензий. Идите и делайте, что должны.

Любопытно. Это разговор с Хранителями привёл её к подобным выводам, или же то, что она передала Симаху Нуари, подтолкнуло бездушного аватара сменить гнев на милость? Она ведь и правда могла развоплотить искру Ромула здесь и сейчас, не напрягаясь. Но не стала. Так почему?

— Я ожидал иного. История Ромула на этом так и так заканчивается, почему бы не осуществить возмездие, о котором многие так мечтают?

— Мне чужды понятия вроде «мести» или «возмездия». Во всяком случае ваши, Ромул, усилия, мне очевидны. И ваши ошибки точно были совершены не из злого умысла.

— Тогда зачем было столь подробно всё это повторять?

— Затем, чтобы однажды вы вспомнили, что тоже совершали страшные проступки, что ошибались так жестоко, что сами не готовы были себя за них простить. И были благоразумнее в своих суждениях об ошибках других. Прощайте. Точнее, до встречи в новых обстоятельствах.

Ромул остался после этого разговора весь в сомнениях. Куда вернее он ожидал подобной отповеди от существа, предпочитающего именоваться Лилией.

Его Лилией.

Каждый раз, когда он вспоминал об этом, даже его ментальную броню что-то пробивало. Создание, неспособное

забывать, мечтало забыть именно это имя.

Впрочем, с ней они тоже успели поговорить до отправления «Инвиктуса».

И это тоже был довольно неожиданный, но всё же поучительный диалог.

Состоялся он на одной из суборбитальных стартовых площадок Ин-Салаха. Дважды мёртового Ин-Салаха, добавил про себя Ромул.

Утонувший город снова опустел, так и не успев толком стать новым домом для переселенцев из Мегаполиса, сдавшегося под напором Ледника. Ещё совсем недавно тут кипела жизнь, челноки забирали из гравитационного колодца последних паксов, тяжёлые грузовики доставляли сюда и разворачивали гигантские кубы фабрикаторов, но теперь всё стихло, и только тихий плеск волн моря Тетис бился о металлполимерные опоры вновь возведённых тут башен.

— Ты доволен? — спросила в тот день она с искренним, как ему показалось, любопытством.

— Доволен чем?

— Тем, что мы оставляем этот мир в покое.

— Ах, это, — Ромул пожал плечами, — я буду доволен, когда оставят в покое меня. А Матушка, она нас всё равно не слышит. Ей безразлично, что мы по её поводу думаем.

— Глупое человечество утомило даже всесильного Ромула.

— Не придирайся к словам. Ты живёшь с этим лишь четверть тысячелетия, мне же приходится иметь дело с людьми уже больше четырёхсот лет. От этого каждый устанет.

— Дело не в годах. Мне всегда было проще. Я никогда не претендовала на право решать за других, как им поступить со своей судьбой.

— Ты называешь себя Лилией, но настоящая Лилия очень даже претендовала на подобное право. И ради этой цели пожертвовала собой, чтобы вы итоге на свет появились Кора с Майклом. Ты должна помнить.

— Я помню. Точнее, теперь я вспомнила. Но и ты вспомни, что для достижения этого знания мне пришлось умирать дважды. И не тебе мне указывать на то, что значит моё имя.

Ромул покорно согнулся в коротком поклоне. Она была права. На этот раз она была права. Но сколько можно каяться в том, что вовсе не являлось его виной. Бедой, скорее, но не виной. Он искал тогда свою Лилию, разыскивал так истово, как только мог, по всей планете. А разыскал лишь Улисса, своё главное разочарование. Даже с Корой Вайнштейн он бы в итоге нашёл общий язык, если бы не Улисс. Руины Хрустального шпиля до сих

пор стояли перед глазами Ромула. Несокрушимая память Избранного продолжала играть с ним свои шутки даже после начала трансформации.

— Ты так и не смогла мне поверить, даже после катастрофы на Церере.

Она в ответ лишь тряхнула головой.

— Я поверю тебе лишь мёртвому. Да и то, сперва мне будет необходимо убедиться, что Ромул действительно мёртв.

— Прежний Ромул будет мёртв уже через неделю. Тебе стоило пропустить свой рейс, чтобы в этом удостовериться.

Она в ответ разве что не оскалилась.

— Не заговаривай мне зубы, Вечный.

— Ладно, — кивнул ей Ромул, — не будем спорить о терминах. Но ты могла бы остаться здесь со мной даже в этом случае. В ближайшие столетия я буду слаб, я стану податлив на уговоры, неужели тебе не интересно воспользоваться такой перспективой, если уж тебя настолько не устраивают мои планы?

— Ловушка для соорн-инфарха, только наоборот?

Ромул усмехнулся.

— Отчего такая подозрительность?

— Ты сам знаешь, отчего. Если Ромул открывает рот, он делает это, вовсе не для того, чтобы тебе что-то сообщить, а чтобы тебе что-то не сообщить, — с нажимом произнесла она.

— То есть ты считаешь, что со своими людьми будешь полезнее там. Но поверь мне, первые полтысячи лет за пределами Сол-системы будут невероятно скучны. Выживание из последних сил вообще мало совместимо с твоими обычными играми в справедливость.

— Нет, — тряхнула головой она, — это не игры. И я не отступлюсь от своего намерения зафиксировать все твои грехи, чтобы однажды предъявить тебе и твоим последователям за них счёт.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Ксил Эру-Ильтан мне сказала то же. Да и соорн-инфарх наверняка что-то задумал. Вам, самопальным воздаятелям, скоро придётся с ночи занимать по мою душу очередь.

— Тяжела ноша всеобщего любимца, не так ли? — с деланным сочувствием покривлялась она.

— Я никого не прошу меня любить. Я прошу лишь принять во внимание все переменные.

— А я и принимаю. Пока. И потому не вмешиваюсь.

— На Церере было иначе.

Снова гримаса, такая человеческая, такая человечная.

— Сколько можно повторять, это был цугцванг, Ильмари

остался без связи со мной, я застряла на Муне…

— Все мы где-то застряли, — металлическим голосом проскрежетал Ромул. — Но последствий Бомбардировки уже не изменить. И я никого не сужу, я даже этого вертлявого ужа Ма Шэньбин с его корпорацией безо всяких условий отпустил в Галактику, хотя казалось бы.

Она в ответ лишь подняла бровь.

— Я, видимо, на этом месте должна понять и простить.

— Нет, но прислушаться ко мне ты можешь.

— Я уже прислушалась к тебе однажды. Когда спасла Ильмари из рабства, отняла его у твоего нелепого Улисса и вновь вернула ему права свободной личности.

— И тем самым сделала трагедию на Церере неизбежной. Но оставим это, хотя меня всегда интересовало, почему ты принимаешь так близко к сердцу его судьбу. Только ли потому, что в нём сидит та же искра, что и у нас с тобой, и потому ты способна без труда представить себя на его месте? А все прочие миллиарды жизней, что прошли мимо тебя, они не стоят сочувствия?

— Стоят, ещё как стоят. И ты со своими Соратниками даже не думай, что ко времени я не припомню вам каждую из них.

— А самой себе?

— И самой себе тоже, разумеется. Это называется справедливость. А ещё это называется воздаяние.

— Что ж. Хотя бы на этом мы с тобой остаёмся в согласии, — кивнул в ответ Ромул. — Так всё-таки. Оставайся здесь со мной. Тебе есть, что успеть обдумать в тишине и спокойствии.

Она лишь хмыкнула.

— Здесь, за всеми твоими оборонительными редутами? Я останусь слепа и глуха. Нет уж. Я предпочитаю всё видеть сама.

— Что ж, значит, ты выбрала редуты Барьера. Тогда прощай, Лили.

— Прощай, Ренат.

Всё верно. Именно так его звали, когда они впервые встретились. А ещё она была права насчёт «редутов». Развёрнутые в облаке Оорта автоматизированные сборочные комплексы вовсе не были остановлены после прибытия спасителей. Пусть Земля стараниями Ромула не излучала больше в Галактику никаких подозрительных сигналов, и тёмный лес её ужасов можно было смело позабыть, Ромулу этого было недостаточно. Что бы там не происходило снаружи и что бы ни говорил соорн-инфарх, Железная армада всё ещё рыскала где-то там. И если какой-то осколок её бездушного флота всё-таки прибьёт гравитационными волнами к этому берегу, Сол-система будет ждать его в полной

боевой готовности. Для этого же Ромул оставил себе один излучатель.

Не помешает. Да и на случай срочной необходимости вернуться к ушедшему в космос человечеству ему нужен был запасной план. Тем более что ещё нескоро земные крафты прибудут в некогда родной мир.

Ромул сумел завершить Круг, но сумел воплотить в жизнь и то, о чём давно мечтал.

Мечтал же он о тишине.

Все они, Избранные, жили в своём хрустальном мире, но если все прочие, не исключая Соратников, погружались туда лишь по вящей необходимости, то Ромул утонул в нём с головой.

Во всём его многоголосии, ярости и безжалостности.

Хрустальный мир лишь для неофитов казался хрупким, прозрачным и податливым. Приложи малейшее усилие и он хрустнет, брызнет, потечёт и расплавится, подчиняясь железной воле Избранного.

А вслед за ним вынужденно тронется с места и та физическая реальность, что всегда стоит за красочными лабиринтами хрустального мира.

Обрушатся башни, сотрутся пределы, далёкое станет близким.

Так, кажется, написал неизвестный Ромулу поэт за четыре сотни лет до этого дня.

Ну и далее по тексту, при воздействии на хрустальный мир попавшие в его сети люди начинали слышать то, чего знать не хотели, видеть то, что не существует, удобно, если тебя зовут Ромул и тебе предстоит собрать миллиарды людей в один кулак. Не считаясь с жертвами. Не думая о последствиях.

Одна проблема. Будь ты самый что ни на есть Избранный, хрустальный мир не прощает игр с собой, затягивая тебя в свои безжизненные глубины и норовя там искромсать.

Одно неверное движение в недрах хрустального мира — и ты остался навеки калекой, если не физическим, то духовным. Поединок у Хрустального шпиля не просто разрушил главный символ тайной власти Корпорации, он искалечил Улисса, а Кору фактически уничтожил.

Битва на Церере перепахала в итоге всю Сол-систему, но больше всего досталось самому Ромулу.

Когда фактически живёшь в хрустальном мире, с годами забываешь, насколько злопамятным может быть этот мир.

А ещё — насколько в нём громко и шумно.

Миллиардоголосая ойкумена наполняет его глубины таким нестерпимым хаосом из противоречивых желаний, пустых мыслей

и истерических эмоций, что Ромул постепенно разучился это всё слышать, тем более — различать в нём отдельные голоса. Кроме, может быть, трубного гласа его Соратников, которые и без того так или иначе подпевали ему, Ромулу.

Но даже свыкнувшись с неизбежным, он продолжал мечтать о тишине, всё больше времени проводя вдали сначала от безумной Матери, а потом и от мёртвой Матушки. В космосе этот нечеловеческий вопль становился почти терпимым. Пока не случилась Церера. Больше Ромул не рисковал покидать Землю надолго.

Теперь же… теперь, когда все улетели, здесь стало тихо, так тихо.

Даже после начала трансформации, когда Ромулу сутками напролёт вынужденно приходилось обходиться без погружений в хрустальный мир, он умудрялся вновь научиться различать его тончайшие ноты и тишайшие голоса.

Ромул размеренным шагом поднимался вдоль гребня, время от времени прислушиваясь.

Вот короткий треск расколотой морозом доломитовой скалы.

Вот шепчущее скольжение позёмки вдоль снежного наста.

Вот пение ветра в расщелине.

А вот далёкий удар плети — это оборвался от натуги стальной трос далеко внизу, в оставленном людьми Мегаполисе.

Слушай, слушай напоследок. Скоро ты останешься без этих голосов.

Без своего хрустального мира.

Именно для этого Ромул решил подняться повыше, вот уже пять часов без остановки пыхтя в чёртовых снегоступах.

Весь этот самопальный хайк был для трансформации не нужен. С тем же успехом Ромул мог спокойно улечься в биокапсулу и благополучно всё проспать.

Это было нужно уходящему в небытие Ромулу.

Его время ушло, его оставили друзья, его оставило человечество. Он был более не нужен на только себе, но и этой навеки уснувшей планете.

Дело было за малым. Попрощаться с самим собой и позволить себе кануть в Лету.

Это теперь, после трансформации, стало так просто, так до невозможности просто.

От его искры сейчас почти ничего не осталось.

Одно, последнее погружение.

Ещё один глоток воздуха по ту сторону хрустального мира.

И он уйдёт.

Уйдёт так же легко, как растаял этот снег в его ладони. Как

взошло на этом небе утреннее солнце. Как светит Муна. Как движется Ледник.

Едва слышно, неспешно, извечно.

Навсегда.

Прощай.

Хрустальный мир вспыхнул напоследок, прекрасный, чистый и неживой. Вспыхнул и тут же погас.

Панбиолог Рейес с удивлением посмотрел на мигающие цифры хронометра. Что-то он выбился из графика. Надо поднажать, а не то он не успеет вернуться в лагерь до заката.

Люди не видят, люди не знают
Люди не помнят меня
Люди не слышат, не понимают
Звуки ушедшего дня.

Файл создан в Книжной берлоге Медведя by ViniPuhoff

Конец